
Живописная Россія
Изданіе тов.

зала ~~18~~ 50.
шкафъ 7.
полка
№ 9.




ТОВАРИЩЕСТВО М.О. ВОЛЬФЪ
1883

ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ

ТОМЪ VI

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ




Живописная
Россія
A. MALINOWSKI

134
356-6-1

Живописная
РОССІЯ
ОТЕЧЕСТВО НАШЕ

ВЪ ЕГО

ЗЕМЕЛЬНОМЪ, ИСТОРИЧЕСКОМЪ, ПЛЕМЕННОМЪ, ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ И БЫТОВОМЪ ЗНАЧЕНІИ

ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ

П. П. СЕМЕНОВА

ВИЦЕ-ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ ШЕСТОЙ

МОСКВА И МОСКОВСКАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ ОБЛАСТЬ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МОСКВА

съ 217 рисунками

ИЗДАНІЕ

ПОСТАВЩИКОВЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дв., 18. МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 12.

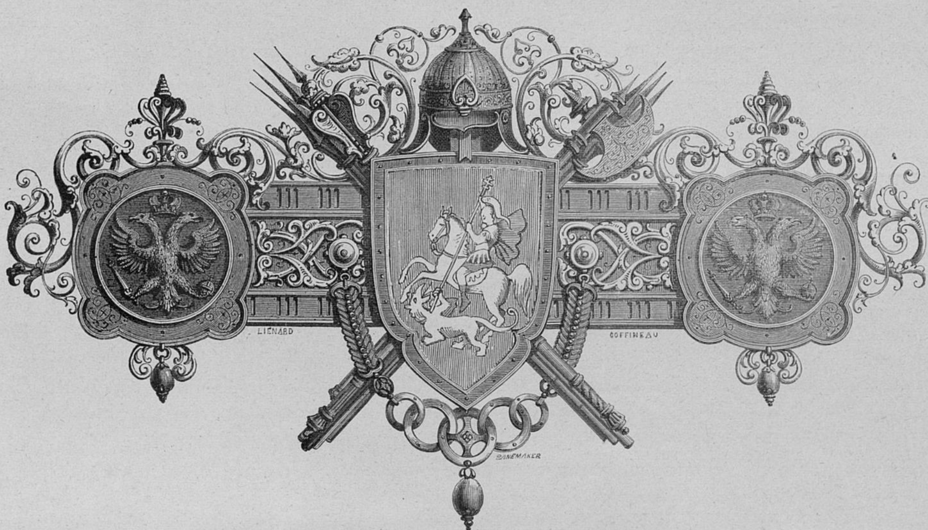
1898

Дозволено цензурою, Спб., 3-го ноября 1898 года.

Гос. Публичная Библиотека Ленинград

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ, Спб., В. О., 16 л., д. № 5—7.

МОСКВА



Гербъ Московской губерніи

ОЧЕРКЪ I.

ПЕРВОБЫТНЫЕ ОБИТАТЕЛИ МОСКОВСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ОБЛАСТИ.

Географическая фигура области.—Древнѣйшіе промышленные перекрестные пути въ ней.—Древнѣйшіе города. —Ходъ славянской колонизаціи.—Первосельцы области.—Ихъ могилы и предметы ихъ житья-бытья.—Степень ихъ развитія и богатства.—Этнографическія отличія въ предметахъ убора, собственно Московской стороны отъ Ростовской и Суздальской. — Остатки древнихъ сооруженій. — Мѣста поселеній, относимыя къ Каменному вѣку.

Москва... Какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!

А. С. ПУШКИНЪ.

Московская промышленная область, извѣстная въ древности подъ именемъ Ростовской, Суздальской, Владимірской или вообще *Залѣсской* земли, занимаетъ уголъ между теченіемъ верхней Волги и Оки и ограничивается по сѣверной сторонѣ Волгою отъ Зубцова до Нижняго. Все это пространство въ общемъ очертаніи представляетъ фигуру косого четыреугольника, ромбоида, конечно неправильнаго, у котораго острый уголъ и длина, слишкомъ на 500 верстъ, направляются отъ запада къ востоку, а ширина, слишкомъ на 300 верстъ, отъ сѣвера къ югу.

Западный уголъ этого четыреугольника занятъ верховьемъ Москвы рѣки у города Гжатска; восточный образуется впаденіемъ Оки въ Волгу у Нижняго-Новгорода; на сѣверномъ углу у впаденія въ Волгу р. Мологи помѣщается городъ Молога, гдѣ въ древности процвѣталъ большой торгъ у Холопьяго Городка и лежалъ путь къ Бѣлоозеру; на южномъ углѣ у города Спаска, на Окѣ, находилась старая Рязань, древняя столица Рязанской области, откуда проходилъ путь къ верхнему Дону. Вообще вся площадь этой Залѣсской земли въ извѣстномъ смыслѣ представляла островъ или собственно полуостровъ, материковая часть котораго орошается истоками Москвы-рѣки у города Гжатска, оттуда внизъ по Москвѣ рѣкѣ въ Оку и потомъ въ Волгу и вверхъ Волгою можно было свободно проплыть водою вокругъ всей области до самаго этого Гжатска.

Почти по самой срединѣ всей этой площади отъ запада къ востоку проходятъ долины, сначала долина верхняго теченія Москвы-рѣки съ ея притоками до города Москвы, а потомъ долина всего теченія рѣки Клязьмы. На связкѣ, или выражаясь топографически, на вязьмѣ этихъ двухъ рѣчныхъ долинъ находится городъ Москва, от уда по рѣкѣ Яузѣ Москворѣцкая долина

соединялась переволокомъ съ Клязьминскою неподалеку отъ села Большихъ Мытищъ. Другой переволокъ шелъ къ «Рогожскимъ Полямъ», на село Рогожу, нынѣшній Богородскъ на Клязьмѣ. Дальнѣйшая дорога на Клязьмѣ направлялась или до ея впаденія въ Оку и потомъ по Окѣ до Волги (дорога отъ множества рѣчныхъ изворотовъ очень затруднительная), или отъ устья Тезы (впадающей въ Клязьму отъ сѣвера), минуя глухіе лѣса и болота нижняго теченія Клязьмы и Оки, сухопутьемъ напрямикъ къ Волгѣ подъ Городецъ (выше Балахны), который по этой причинѣ пользовался большими выгодами въ древнихъ сношеніяхъ и въ XII и XIII вѣкахъ имѣлъ значеніе того же Нижняго-Новгорода.

Въ древности именно московская мѣстность служила средоточіемъ нѣсколькихъ важнѣйшихъ путей, и городъ Москва стоялъ на самомъ перекресткѣ этихъ путей.

Съ сѣверо-запада отъ Новгорода сюда направлялись двѣ дороги: Серегерскій путь, черезъ Осташковъ къ Зубцову, и Мстинскій или Вышневолоцкій путь мимо Твери *) и Ламою на Ламскій Валакъ. Очевидно, что эти дороги прямо черезъ Москву пролегали изъ Новгорода къ Рязанской области и дальше къ Дону. Съ запада, отъ верховьевъ Двины и Днѣпра, изъ Полоцкой и Смоленской области или изъ страны древнихъ кривичей, а слѣдовательно вообще отъ Балтійскаго моря черезъ Москву же, по Москвѣ-рѣкѣ и Клязьмѣ, направлялась прямая дорога къ Болгарской Волгѣ, а низомъ Москвы-рѣки опять на Рязань и къ Дону.

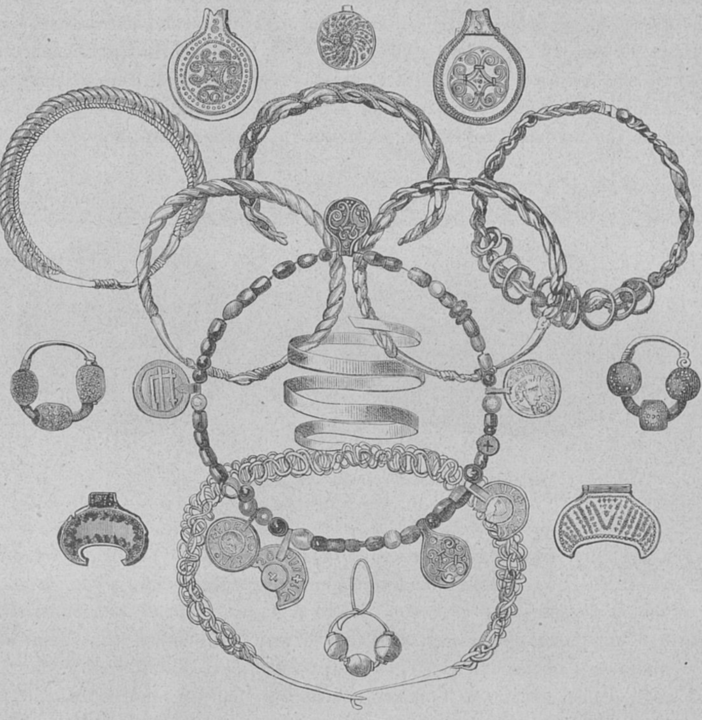
Съ юга отъ Чернигова, а слѣдовательно и отъ Кіева, сюда же шла дорога по Деснѣ, Болвѣ и Жиздрою на Оку, или по Деснѣ и Угрѣ переволокомъ въ Москву-рѣку, а отсюда черезъ переволокъ по Клязьмѣ и Нерли къ сѣверу на Суздаль, Ростовъ и даже на Бѣлоозеро, и къ востоку на Болгарскую Волгу.

Слѣды древнѣйшихъ путей въ эту Залѣсскую страну отъ упомянутыхъ сосѣднихъ областей указываютъ прежде всего нѣкоторые города, принадлежавшіе нѣкогда Новгороду, Смоленску, Рязани, расположенные, однако, среди Суздальскихъ волостей, каковы, напр.: Волокъ Ламскій со стороны Новгорода, Можайскъ со стороны Смоленска, Коломна со стороны Рязани. Эти города, по всему вѣроятію, служили въ свое время вершинами промысловыхъ путей изъ указанныхъ областей, и потому далеко врѣзывались въ окрестныя волости собственно Суздальской земли, подобно тому, какъ и Суздальская область врѣзывалась далеко къ западу городомъ Зубцовымъ, завершавшимъ ея путь къ верхней Волгѣ, къ Серегерской Новгородской дорогѣ. Вотъ причина, почему въ этой мѣстности владѣнія Новгородскія, Смоленскія и Суздальскія пересѣкались, и представляли черезполосицу, такъ что Волокъ Ламскій находился въ срединѣ волостей Суздальской земли. Такъ и самый Ростовъ, древнѣйшій городъ Залѣсской области, въ первое время несомнѣнно былъ такимъ же передовымъ крайнимъ городкомъ въ распространеніи славянскаго населенія отъ верховьевъ Волги дальше къ востоку и сѣверу. Можно полагать, что это заселеніе пришло къ Ростову черезъ Переяславль отъ Волги по рѣкѣ Нерли, вытекающей изъ озера Клещина, надъ которымъ и стоялъ древнѣйшій Переяславль, именуемый прежде Клещинымъ.

Имя озера Клещно находимъ также у балтійскихъ славянъ; у нихъ же находимъ Суздаль—село въ Силезіи, близъ Ратибора, на лѣвомъ берегу Одра, и наконецъ самая Москва упоминается у западныхъ славянъ въ грамотѣ 1012 года, то-есть раньше, чѣмъ появляется это имя въ нашихъ лѣтописяхъ. Все это даетъ не малый поводъ предполагать, что древнѣйшія залѣсскія имена принесены сюда отъ балтійскаго славянства, которое приходило сюда сначала подъ именемъ славянъ, а потомъ подъ именемъ варяговъ. Первобытнымъ обитателемъ Залѣсской и собственно Ростовской страны было финское (мордовское) племя меря, возлѣ котораго по нижней Окѣ жила мурома, а дальше къ востоку за Окою самая мордва.

*) Внизъ по Волгѣ на устье Волжской Нерли, проводившей къ Переяславлю и Ростову. Здѣсь были ворота отъ Новгородской стороны прямо къ Ростову.

Въ глубокой древности эти племена, по всему вѣроятію, жили и дальше на западъ къ Смоленску, но должно полагать, что въ IX вѣкѣ московская окраина и верхнее теченіе Оки до Рязани были уже заняты славянами. По лѣтописи, на верхней Окѣ (Орелъ, Калуга) въ это время живутъ уже вятичи, пришедшіе сюда отъ ляховъ, т.-е. вообще отъ западнаго славянства. Отъ верховьевъ Десны и Сожа сюда необходимо двигались сѣверяне и радимичи, другое племя пришедшее тоже отъ ляховъ. Отъ Смоленска, или отъ верховьевъ Днѣпра, западной Двины и Волги переходили сюда же кривичи и новгородскіе славяне. Такимъ образомъ, Залѣсская страна, и особенно ея западный, собственно московскій уголъ, еще отъ глубокой древности должны были сосредоточить въ себѣ довольно смѣшанное и разновидное населеніе

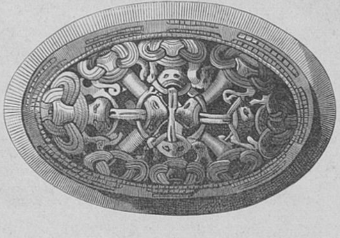


Серьги, гривны и ожерелья, добытыя изъ мерянскихъ могилъ.

отъ многихъ славянскихъ племенъ и на половину отъ западныхъ, такъ какъ вятичи-ляхи съ юга, наравнѣ съ кривичами отъ запада, были ближайшими сосѣдями этой области. Быть можетъ, еще сильнѣе шли сюда поселенія отъ собственныхъ славянъ изъ Новгорода. Лѣтописецъ говоритъ также, что въ IX вѣкѣ въ Ростовѣ у мери и въ Муромѣ у муромы, какъ и у веси на Бѣломъ-озерѣ пришельцами-колонистами были варяги, которые, въ качествѣ военныхъ людей и промышленниковъ, селились больше всего, конечно, въ городахъ. Мы склоняемся къ тому мнѣнію, что въ этомъ случаѣ варягами обозначаются собственно балтійскіе славяне, ибо и лѣтопись вовсе не называетъ ихъ норманами, давая только свидѣтельство, что такъ назывались всѣ поморцы Балтійскаго моря; и по Суздальской землѣ не существуетъ никакихъ

признаковъ, что эти варяги были дѣйствительно норманы-скандинавы. Напротивъ, въ именахъ мѣстъ и водъ открываются явные признаки, что здѣшнія первоначальныя поселенія принадлежали балтійскому славянству. Самое имя новгородскихъ славянъ, которымъ, какъ увидимъ, прозывалась и Суздальская земля, по всему вѣроятію, идетъ съ балтійскаго же славянскаго поморья. Мы думаемъ, что оттуда-же черезъ Новгородъ принесенъ въ Залѣсскую землю и тотъ промышленный складъ жизни, которымъ она всегда отличалась отъ остальныхъ сосѣднихъ земель. О томъ времени, къ которому нашъ первый лѣтописецъ относитъ свои сказанія о мери и муромѣ, о вятичахъ, радимичахъ и другихъ славянскихъ племенахъ, мы получаемъ довольно подробныя указанія и изъ оставшихся въ Суздальской землѣ кургановъ или древнихъ могилъ суздальскихъ обитателей.

Правильное разслѣдованіе этихъ кургановъ было произведено въ 1851—1854 годахъ графомъ Уваровымъ и оріенталистомъ П. С. Савельевымъ, и весьма обстоятельно описано графомъ Уваровымъ въ его изслѣдованіи о древнемъ бытѣ мерянъ. На протяженіи ста верстъ въ длину и около 50 верстъ въ ширину, между городами: Ростовомъ, Переяславлемъ, Юрьевомъ и Суздалемъ, разслѣдовано 163 мѣстности или поселенія и раскопано 7.729 кургановъ разной величины. Судя по найденнымъ монетамъ, восточнымъ и западнымъ, наибольшая часть могилъ





Пряжки или фибулы, добытыя изъ мерянскихъ могилъ.

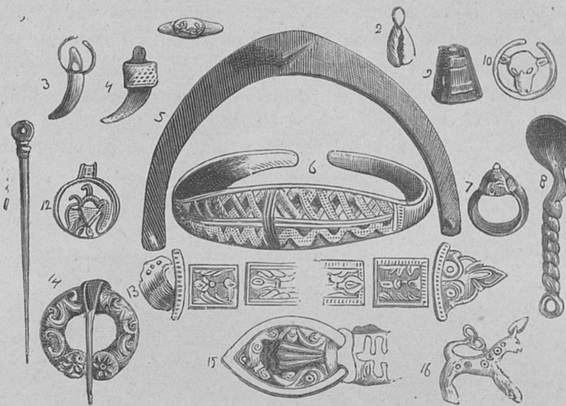
принадлежала X-му вѣку; нѣкоторыя можно относить къ началу XI-го, а иныя, конечно, и къ IX-му и даже къ VIII-му вѣкамъ, каковъ, напр., подъ Ростовомъ *Городецъ* на рѣкѣ Сарѣ, гдѣ монеты найдены больше всего только VIII-го и частію первой половины IX-го вѣковъ.

Погребеніе своихъ покойниковъ древніе меряне исполняли двумя способами или обрядами: сожженіемъ и простымъ погребеніемъ. Тотъ и другой обрядъ иногда встрѣчаются, такъ сказать, рядомъ, подъ одною насыпью. Сожженныя кости обыкновенно собирались и полагались въ глиняный горшокъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ и лѣтопись, говоря только о племенахъ славянскихъ. Очень примѣчательно, что обрядъ сожженія болѣе всего сосредоточивается около городовъ Ростова, Переяславля и Суздаля. Это даетъ поводъ и достовѣрное основаніе заключать, что Переяславль и Суздаль, упоминаемые лѣтописью позднѣе Ростова, существовали однако уже въ X, а вѣроятно и въ XI вѣкѣ, когда впервые помянутъ и Ростовъ. У озеръ Ростовскаго и Переяславскаго, самыя поселенія были гуще, многочисленнѣе, ибо курганы разбросаны большими группами, по 100, по 200, по 300 въ одномъ мѣстѣ. Сосредоточеніе сожженныхъ гробницъ вблизи городовъ еще больше удостовѣряетъ, что это пригородное населеніе было по преимуществу славянское. Славяне-колонисты, зашедшіе въ мерянскую землю, конечно, прежде всего должны были занять самыя выгоднѣйшія мѣстности, именно, по славянскому разуму, на озерахъ. Здѣсь они и оставили свой слѣдъ въ сожженныхъ гробницахъ. Во всякомъ случаѣ, лѣтописецъ помнитъ, что въ IX вѣкѣ, или же и раньше, колонистами ростов-

ской Мерянской земли были варяги, т. е. славяне, хотя бы то были и вятичи, какъ извѣстно, пришедшіе тоже отъ ляховъ или отъ западныхъ славянъ.

Какъ жили меряне и другіе древніе обитатели Суздальской страны въ X-мъ, а слѣдовательно и въ IX и въ XI вѣкахъ, объ этомъ разсказываютъ самыя могилы.

Начнемъ съ одежды. Они носили сорочки изъ холста или полотна; обыкновенную верхнюю и нижнюю одежду шили изъ шерстяной, грубой, но весьма плотной ткани, изъ сукна, которое, по всему вѣроятію, приготовляли сами, такъ какъ въ могилахъ находится значительное количество овечьихъ ножницъ для стрижки овецъ. Праздничную верхнюю одежду укра-



Разныя украшенія къ одеждѣ мерянъ.



Привѣски и украшенія, добытыя изъ мерянскихъ могилъ.

шали по воротнику широкимъ, а на грудныхъ прорѣхахъ узкимъ узорчатымъ, иногда золотымъ кружевомъ, изъ Цареградскихъ шелковыхъ и золотыхъ паволокъ; иногда золотымъ шнуркомъ. О покроѣ одежды, отъ которой остаются только истлѣвшіе лоскутки, судить весьма трудно. Видно только, что при ней употреблялись запаны, пуговицы, пряжки; что золотыя ткани на воротникахъ и на груди подкладывались *берестою*, вѣроятно, для бо̀льшей сохранности, дабы ткань не мялась и всегда была въ своемъ видѣ. Нарядная одежда богато украшалась мѣдными привѣсками въ родѣ запанъ, устроенными изъ мѣдной, сплетенной въ какой-либо узоръ проволоки, при чемъ къ нижней долѣ у каждой привѣски привѣшивались на колеч-

кахъ мѣдные же лепестки, бряцальцы, иногда въ видѣ стрѣлокъ, а также колокольчики и бубенчики, съ явною цѣлью, чтобы эти привѣски при ходьбѣ и движенiи могли звенѣть.

Особенно богато украшался поясъ. Онъ былъ кожаный, наборный, усаженный серебряными или мѣдными бляшками, съ пряжкою. Спереди къ нему прицѣпляли также помянутыя запаны въ видѣ кониковъ, съ звенящими лепестками, колокольчиками и бубенчиками. Попадались запаны кониковъ о двухъ головахъ, расположенныхъ по сторонамъ запаны. Сѣверо-восточные инородцы и теперь носятъ подобныя привѣски, точно также на груди и на поясу. На поясѣ носили ключъ, ножикъ, огниво, иголку, шило, мусатикъ (точильный брусокъ), костяные гребни и гребенки съ рѣзьбою и даже складные съ футляромъ; на поясѣ же висѣлъ мѣшечекъ съ деньгами или съ складными маленькими вѣсками. Въ женскомъ нарядѣ примѣчательны большiя, овальныя, величиною болѣе двухъ вершковъ, прорѣзныя запаны или пряжки, въ видѣ чашекъ, носимыя у праваго бедра, а иногда и у обоихъ бедеръ. Головной уборъ мужчинъ и женщинъ устраивался изъ кожи или ремня, который, быть можетъ, служилъ только связью какой-либо кики, или особой шапки, и на которомъ со стороны висковъ помѣщались проволоч-



Кольца, подвѣски и ожерелья мерянъ.

ныя кольца, серебряныя или мѣдныя, иногда малыя, иногда большiя, въ различномъ количествѣ, отъ одного до восьми и болѣе. Въ иныхъ случаяхъ ремень обтягивался листовою мѣдью или серебромъ, и вмѣсто такого ремня употреблялся легкiй обручъ, чаще серебряный, иногда бронзовый и даже желѣзный. Такой уборъ, конечно, имѣлъ значенiе древней дiадемы, вѣнца, вѣнка или того ремня теперешнихъ русскихъ ремесленниковъ, который носится ими съ цѣлью сохранить волосы, чтобы не распадались. Этотъ ремень-поясъ для головы и теперь украшается серебряными бляшками. Вообще, уборъ показываетъ, что меряне носили длинные волосы и вѣроятно длинные локоны по вискамъ, которые и украшались вверху серебряными и другими проволочными легкими колечками и кольцами. Мужчины носили также шапки изъ золотной ткани и съ золотнымъ же околомъ.

Въ числѣ мелкихъ предметовъ попадаются маленькiе бронзовые щипчики, для какой надобности, трудно объяснить, быть можетъ, для шитья или другого какого рукодѣлья.

Въ ушахъ и мужчины, и женщины носили серьги, обыкновенно серебряныя, иногда бронзовыя, густо позолоченныя, особой формы, состоявшей изъ кольца съ продѣтыми въ него метал-

лическими же бусами, одною или тремя. Эта форма приходила съ востока, ибо между западными древностями, по замѣчанію графа Уварова, она совершенно неизвѣстна.

Меряне носили и такія серьги, собственно подвѣски или *рясы*, какихъ не встрѣчается ни на западѣ, ни на востокѣ, и какія, впрочемъ, чаще всего находятъ только въ Московской окраинѣ. Это металлическій кругловидный листокъ, величиною около двухъ вершковъ, изъ котораго выдѣлывалась вверху форма ушного кольца, а въ нижней долѣ вырѣзывалось непремѣнно семь лепестковъ, въ видѣ листьевъ, такъ что вся фигура приблизительно походила на кленовый или подобный древесный листъ, черешокъ котораго обдѣлывался, какъ сказано, въ видѣ ушного кольца. Форма серегъ, какъ и другихъ подобныхъ вещей, несомнѣнно служила показаніемъ этнографической особенности того или другого племени.



Крестики, серьги и другія украшенія и утварь изъ быта мерянъ.

Шею украшали металлическими, серебряными или мѣдными гривнами въ родѣ обручей, устроенными изъ гладкой или витой проволоки, а также монистомъ или ожерельемъ изъ разноличнаго бисера и бусъ съ привѣсками, цатами, монетами и разными амулетами, каковы были, напр., зубы и когти медвѣдя, иногда сдѣланные даже изъ металла, также раковины—змѣиныя головки, янтарные куски, птичьи косточки и т. п. Въ числѣ привѣсокъ, на ожерельѣ весьма часто попадаются бронзовыя уховертки, лопаточки для чистки ушей. Вотъ въ какое время и у Залѣсскихъ мерянъ мы встрѣчаемъ заботу о чистотѣ тѣла.

На рукахъ носили въ собственномъ смыслѣ обручи, т.-е. браслеты изъ одной толстой или сплетеной тонкой проволоки или изъ пластинъ, украшенныхъ самымъ простымъ рѣзнымъ узоромъ, напоминающимъ обыкновенный полотенечный. Обручи носили и мужчины, и женщины, не только у кисти руки, но и выше локтя, а иногда и на ногѣ, у колѣна. На пальцахъ

рукъ носили кольца и перстни, съ печатями, т. е. разными изображеніями, иногда на каждомъ пальцѣ; перстни попадались и на пальцахъ ногъ. Обувь, вѣроятно, составляли лапти, но попадаются и сапоги.

Къ числу предметовъ убранства, можемъ отнести и небольшія шкатулки или сундучки, иногда окованные листовымъ серебромъ, въ которыхъ, вѣроятно, сохранились дорогіе уборы, серьги, кольца, браслеты, ожерелья и проч.

Изъ вещей домашняго хозяйскаго обихода—гончарныя издѣлія, горшки и другіе сосуды въ большинствѣ не отличаются особенно добрыми качествами работы. Только «въ нѣкоторыхъ изъ древнѣйшихъ поселеній, у озеръ Ростовскаго и Переяславскаго» найдены сосуды отличнаго достоинства, и по свойству глины, и по издѣлію.

Найденные замки и ключи, большіе и малые, очень замысловатые по формѣ, могутъ указывать, что ими запирались не только двери домовъ, амбаровъ, клѣтей, но и сундуковъ и мелкихъ ящиковъ.

Въ числѣ обиходныхъ желѣзныхъ вещей найдены сѣкиры—топоры, винты, крючья, скобы, пробои, долота, клещи, гвозди, ножи большіе и малые, съ костяными и деревянными черенками, украшенными рѣзьбою, иногда обвитые серебряною проволокою и даже обдѣланные серебрянымъ листомъ съ черневыми узорами. Ножикъ и мусатъ—точило, привѣшенные на поясѣ, составляли необходимую принадлежность каждаго покойника, даже и у дѣтей. Огонь меряне добывали посредствомъ огнива и кремня.

Изъ хозяйственныхъ орудій попадаются: сошникъ, цѣпы, кирки и серпы въ женскихъ гробницахъ. Въ одной гробницѣ одинъ серпъ былъ положенъ на груди, другой въ ногахъ покойницы.

Изъ рыболовныхъ снастей найдены гарпуны, багры, крючки, иглы для плетенія сѣтей. Отъ конскаго убора — стремена, удила, сѣдла.

Меряне вооружались *сѣкирами*, или топорами, и *топорцами*, или молотками, разной величины, также метательными стрѣлами и копьями, или рогатинами, сулицами. Большіе топоры съ широкимъ лезвеемъ имѣли длинное древко почти въ ростъ человѣка. Мечи появлялись у нихъ очень рѣдко, какъ и золото. Во всѣхъ раскопанныхъ курганахъ найдена только три меча, да и то въ ихъ числѣ была одна сабля. Такъ и золотыхъ серегъ найдено только три пары.

Видимо по многимъ признакамъ, что меряне жили очень самобытно и къ тому же нисколько не беднѣе, если не богаче тѣхъ обитателей, которые населяютъ ихъ страну въ наши дни.

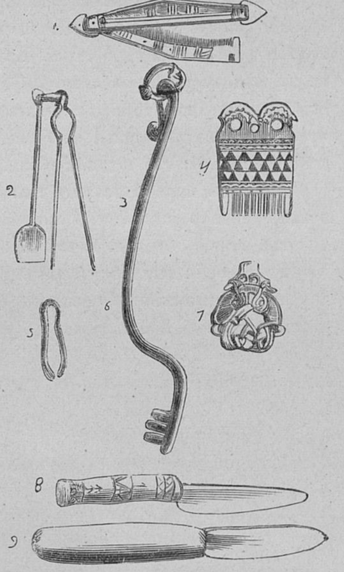
Очень вѣрно замѣчаніе графа Уварова, что многія мѣдныя вещи меряне обрабатывали сами, такъ какъ въ Городцѣ на Сарѣ открыты были даже и плавильные горшки. Предметами ихъ собственнаго издѣлія могутъ почитаться описанныя привѣски, нагрудныя и поясныя, которыя всѣ состоятъ изъ плетеной проволоки и по простому способу плетенія совсѣмъ равняются обычнымъ крестьянскимъ плетенымъ или бранымъ кружевамъ. Мы полагаемъ, что и бóльшая часть желѣзныхъ вещей обрабатывалась также дома, въ своей странѣ; если не въ области мерянъ, то въ области Новгорода или Бѣлоозера.

Очеркъ мерянскаго быта, возстановляемый самыми могилами, можетъ служить показаніемъ, что и въ другихъ углахъ Русской страны люди IX и X вѣковъ жили подобнымъ же образомъ, больше или меньше богато, смотря по торговому или промышленному значенію мѣстности, но въ постоянныхъ связяхъ и сношеніяхъ съ главнѣйшими торговыми путями страны, а слѣдовательно—и съ главными средоточіями этихъ путей, каковы были Кіевъ и Новгородъ и Великій городъ Болгарскій. Если глухія селенія внутри лѣсовъ и болотъ Ростовской области употребляли, кромѣ другихъ иноземныхъ привозныхъ вещей, даже и Цареградскія золотыя дорогія ткани, то уже одно это служитъ достаточнымъ свидѣтельствомъ о бойкости древнихъ торговыхъ связей и сношеній по всей странѣ.

Сравнительно съ мерею, еще бóльшимъ богатствомъ отличалась мурома въ древнемъ городѣ Муромѣ. Тамошнія находимыя вещи, въ общемъ характерѣ сходныя съ мерянскими, отличаются болѣе искусною работою и лучшими формами.

Надо замѣтить, что въ производствѣ металлическихъ издѣлій для древнихъ сельскихъ обывателей очень видное мѣсто занимала *проволока*, бронзовая и серебряная, изъ которой и устраивались всякія надобныя вещицы: сплетались жгутомъ или свивались веревкою шейныя гривны, браслеты, кольца; сгибались спиралью кольца и перстни и разныя украшенія головного убора; сгибались и связывались посредствомъ спайки различнаго вида цѣпочки. Все это, съ одной стороны, обнаруживаетъ дешевизну производства, а съ другой—служитъ указаніемъ, что такое производство могло легко водворяться и у самихъ туземцевъ, конечно, въ городахъ, гдѣ-либо на бойкихъ мѣстахъ. Проволока несомнѣнно привозилась уже готовая, какъ товаръ, по всѣмъ вѣроятіямъ откуда-либо съ Черноморья или съ поморья Варяжнаго. Отливныхъ вещей встрѣчается вообще очень мало, главнымъ образомъ только цаты-медальоны, въ числѣ которыхъ нерѣдко попадаются христіанскіе крестики и образки, а это заставляетъ предполагать, что подобныя вещицы приходили изъ Корсуня или изъ самаго Царьграда.

Представленный очеркъ бытовыхъ предметовъ древне-Суздальской стороны, свидѣтельствующій вообще, что ея населеніе и въ IX и X вѣкахъ жило едва ли хуже и бѣднѣе, чѣмъ во всѣ послѣдующія столѣтія со включеніемъ и нынѣшняго, служитъ несомнѣннымъ удостовѣреніемъ, что и въ то время люди жили въ такихъ же избахъ и клѣтяхъ, въ какихъ живутъ и теперь, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, ихъ хозяйскій бытъ малымъ чѣмъ отличался отъ теперешняго. Большія группы кургановъ могутъ также указывать на большія поселенія въ родѣ многолюдныхъ селъ и деревень, хотя, по способамъ первобытнаго земледѣлія, деревни въ два-три двора должны были встрѣчаться чаще. Повидимому, многолюдныя села обозначались именемъ *Весь*, такъ какъ въ урочищахъ съ этимъ именемъ (Весь, Веськово, Веска) чаще всего находятся и значительныя группы кургановъ. Весь—по славянски означаетъ многолюдное селеніе, и потому этого имени нельзя смѣшивать съ именемъ Бѣлозерскаго народа Веси, ибо оно извѣстно по всѣмъ славянскимъ землямъ.



Гребенки, ножи, щипцы и проч.

Деревянныя постройки такихъ селеній, конечно, не могли оставить послѣ себя никакихъ слѣдовъ. За то по мѣстамъ сохранились земляныя сооруженія древнихъ обитателей, именуемыя доселѣ *городищами, городцами, городками*. Это были небольшіе земляные окопы или осыпи, которые сооружались больше всего по берегамъ рѣкъ, преимущественно на мысахъ, образуемыхъ впаденіемъ въ эти рѣки рѣчекъ, ручьевъ или овраговъ; обыкновенно въ лѣсныхъ чащахъ, посреди непроходимыхъ болотъ и вообще въ мѣстахъ скрытныхъ и тайныхъ, куда трудно было пробраться. Они устраивались съ цѣлью защиты отъ враговъ и служили во время опасности надежнымъ пріютомъ для окрестныхъ селъ и деревень. Можно съ достовѣрностію полагать, что всѣ старинные большіе города происходятъ изъ этихъ первобытныхъ городцевъ.

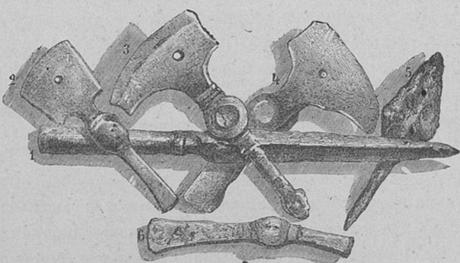
Въ значительномъ количествѣ такіе городки встрѣчаются по берегамъ Москвы-рѣки и Клязьмы, начиная отъ ихъ вершинъ. Это служитъ достовѣрнымъ показаніемъ, что отъ глубо-

кой древности обѣ рѣки составляли промышленный путь, одна въ сношеніяхъ съ Болгарскою Волгою, другая съ Рязанскими вершинами Дона.

Сравнительно новые города, Владиміръ и Москва, стоятъ, однако, на мѣстѣ такихъ городковъ, древнѣйшее заселеніе которыхъ подтверждается вещественными памятниками IX и X вѣковъ. Въ Москвѣ, въ самомъ Кремлевскомъ городкѣ, въ мѣстности Боровицкаго мыса, найдены двѣ серебряныя серьги-рясы и двѣ шейныя гривны, во всемъ подобныя такимъ же курганнымъ вещамъ IX и X вв. Въ другомъ мѣстѣ, на горѣ, при устьѣ Черторыя, гдѣ теперь храмъ Спасителя, открыты восточныя арабскія монеты 862 и 866 годовъ. Подъ самымъ городомъ Владиміромъ въ курганѣ найдены также восточныя куфическія монеты VII, IX и X вв. а равно и различныя вещи, относимыя тоже къ X вѣку. Все это показываетъ, что и другіе города Суздальской земли, о которыхъ лѣтописи случайно поминаютъ уже въ позднее время, должны относиться тоже къ очень старобытнымъ поселеніямъ этого края.

Открытые въ курганахъ памятники обрисовываютъ намъ бытъ здѣшняго населенія собственно въ IX, X и XI вѣкахъ, но есть свидѣтели, указывающіе, что страна была уже заселена и раньше этихъ вѣковъ. Изъ этихъ свидѣтелей особенно важны и достовѣрны открытыя въ послѣднее время, вблизи Мурома, многочисленныя каменныя орудія разнаго вида: копья, стрѣлы, скребки, топорки, долота и т. п.; также костяныя орудія и остатки всякаго жилого мусора, принадлежащаго вообще ко временамъ такъ называемаго Каменнаго вѣка человѣческой жизни. Нѣчто подобное было открыто также и въ Даниловскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи близъ первой станціи Вологодской желѣзной дороги, Уткино. Здѣсь въ слояхъ рѣчного песка найдено множество каменныхъ орудій и горшечныхъ черепковъ, молоты, сѣкиры, долоты, копья, стрѣлы и пр. Кромѣ того, каменныя орудія были находимы и въ курганахъ. Такія открытія вполнѣ утверждаютъ ту несомнѣнную истину, что Суздальская страна, подобно другимъ мѣстностямъ Россіи, не была пустынею даже и во времена употребленія однихъ каменныхъ орудій.

И. Е. Забѣлинъ.



Оружіе: копья и боевые топоры, добытые изъ мерянскихъ могилъ

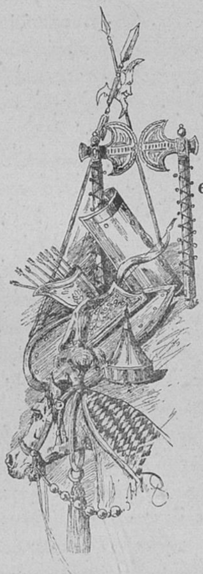
ОЧЕРКЪ II.

ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ИСТОРІЯ МОСКОВСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ОБЛАСТИ.

Первые князья Ростова.—Первый князь Суздаля Юрій Долгорукій и его дѣла на пользу Суздальской земли.—Первое свидѣтельство о Москвѣ.—Первый князь Владимірскій Андрей.—Его переселеніе въ Суздальскую область и значеніе его личности.—Посадскій характеръ населенія Суздальской области.—Его стремленія установить единовластіе.—Борьба дружины и посада.—Всеволодъ Великое Гнѣздо.—Первый Земскій Соборъ.—Процвѣтаніе художествъ въ Суздальской области.—Появленіе татаръ.—Батыево нашествіе.

...Да здравствуетъ Москва!
Вотъ небеса мои родныя!
Здѣсь наша матушка-Россія
Семисотлѣтняя жива!
Здѣсь все бывало: плѣнъ, свобода,
Орда, и Польша и Литва,
Французы, лавръ и хмель народа,
Все, все!.. Да здравствуетъ Москва!

Н. ЯЗЫКОВЪ.



Передъ призваніемъ Рюрика съ братьями, Ростовская меря вмѣстѣ съ другими племенами Новгородскаго союза платила дань приходившимъ изъ-за моря варягамъ. Потомъ она участвовала въ изгнаніи этихъ варяговъ, а слѣдовательно, и въ призваніи князей, хотя лѣтописецъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ о мерѣ не упоминаетъ.

По всему вѣроятію, призванный третій братъ, Синеусъ, сидѣвшій на Бѣлоозерѣ, владѣлъ и Ростовскою волостью, какъ можно заключить изъ послѣдующей зависимости Бѣлоозера отъ Ростова. По смерти Синеуса, Бѣлоозеро и Ростовъ отданы Рюрикомъ своимъ мужамъ—посадникамъ. Вообще, изъ лѣтописныхъ преданій видно, что Ростовская земля составляла особую самостоятельную волость наравнѣ съ другими самостоятельными землями, участвовавшими въ изгнаніи и призваніи варяговъ. Самостоятельность Ростовской области въ это время яснѣе всего обозначается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ сношеніяхъ съ греками она посылаетъ въ Царьградъ особыхъ пословъ и пользуется тамъ разными льготами, какъ особая, хотя и подручная Кіеву, но независимая земля.

Первымъ княземъ-властителемъ Ростова былъ сынъ св. Владиміра, Ярославъ Великій, княжившій тамъ малолѣтнимъ еще до крещенія Руси (род. въ 978 г.). Есть извѣстіе, что самъ Владиміръ ходилъ въ *Словяны*, въ Суздальскую землю, крестилъ всѣхъ людей, поставилъ городъ въ свое имя, Владиміръ, и въ немъ первую церковь деревянную во имя Успенія

св. Богородицы. Владиміръ же Мономахъ (1108 г.) не мало способствовалъ дальнѣйшему устройству этого городка. Посадивши въ Суздальской землѣ на княженіе младшаго своего сына Юрія (Долгорукаго), еще ребенка, Мономахъ отдалъ его на руки Юрію Шимоновичу, отдавши, стало быть, ему-же на руки и всю Ростовскую и Суздальскую область. Это случилось, вѣроятно, въ 1095 г. До того времени на княженіи въ Ростовѣ сидѣлъ старшій сынъ Мономаха, Мстиславъ, который въ тотъ годъ былъ позванъ княжить въ Новгородъ, а въ 1096 г. маленькій Юрій жилъ уже въ Ростовской странѣ. Можно полагать, что и Мстиславъ сидѣлъ въ Ростовѣ съ малолѣтства. Въ это самое время (1096 г.) по Ростовской землѣ впервые пронеслась гроза княжескаго междоусобія, занесенная, конечно, съ юга. Другой сынъ Мономаха, Изяславъ, занялъ было Черниговскую волость, Муромъ, дѣйствуя такъ несомнѣнно въ интересахъ Ростовской же земли. Съ ростовцами, суздальцами и бѣлозерцами онъ и утвердился въ городѣ противъ Олега Черниговскаго, которому принадлежалъ Муромъ, и который не только отбилъ его, но въ отмщенье напалъ и на Суздальскую землю, захватилъ самый Суздаль, а потомъ и Ростовъ. Однако, его скоро выгналъ Мстиславъ, явившійся съ новгородцами. Уходя изъ волости, Олегъ сжегъ Суздаль весь; остался только дворъ Кіево-Печерскаго монастыря съ церковью св. Димитрія, свидѣтель добрыхъ связей Суздаля съ Кіевомъ еще въ первыя времена. Гдѣ находился въ это междоусобіе новый Суздальскій князь, маленькій Юрій, неизвѣстно; но послѣ того онъ сталъ княжить именно въ Суздалѣ подъ опекою своего дядьки-кормильца Юрія Шимоновича, занявшаго мѣсто ростовскаго тысяцкаго, ставшаго первымъ человѣкомъ послѣ князя во всей странѣ. На чистомъ мѣстѣ послѣ пожара они выстроили въ Суздалѣ тоже первую каменную церковь Богородицы и также во всемъ подобную Кіевской Печерской.

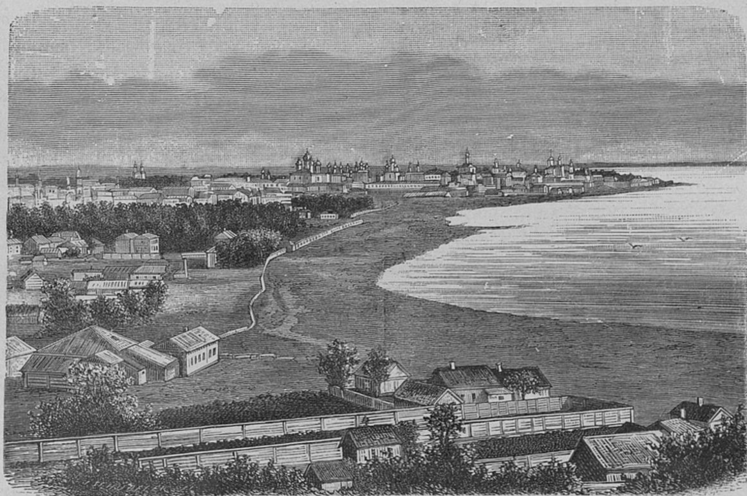
Прошло много лѣтъ, князь Юрій выросъ. Въ 1120 г. онъ съ тысяцкимъ Юріемъ повоевалъ болгаръ, а въ 1132 г. ушелъ на югъ добывать свою отчину и княжеское старѣйшинство, сначала въ русскомъ Переяславлѣ, а потомъ—въ самомъ Кіевѣ. Суздальскую землю онъ оставилъ тысяцкому Юрію, *яко отцу*, то-есть въ полное управленіе. Очевидно, что для князя Юрія этотъ тысяцкій, дѣйствительно, былъ отцомъ, а потому въ первоначальной исторіи Ростовской и Суздальской земли долженъ почитаться наравнѣ со своимъ княземъ, если еще не больше его, первымъ ея устроителемъ и оборонителемъ. Несомнѣнно, что онъ-же размножилъ здѣсь и ростовское боярство, которое впослѣдствіи играло очень видную роль, а его собственный родъ въ званіи тысяцкихъ же перешелъ потомъ въ Москву.

Воспитанникъ своей дружины, князь Юрій и въ чертахъ своего характера сохранялъ по преимуществу стремленія дружинныя. Онъ былъ человѣкъ Кіевской Руси, гдѣ дружинный бытъ господствовалъ въ полной силѣ. Поэтому и на свое Суздальское княженье онъ смотрѣлъ только какъ на хорошую загородную усадьбу, на далекое, но доброе помѣстье, гдѣ въ большомъ довольствѣ можно было отдыхать отъ трудовъ; но дѣлать дѣло, по его понятіямъ, возможно было только около Кіева. Тамъ находились существенныя задачи его жизни.

Вотъ по какимъ причинамъ князь Юрій не особенно дорожилъ своею Суздальскою отчиною. Въ 1135 г. онъ даже промѣнялъ свой Ростовъ и Суздаль на южный Переяславль, такъ что земля, принадлежа по имени великому князю Кіевскому, нѣкоторое время оставалась вовсе безъ князя. Этимъ воспользовались новгородцы, поднятые своимъ княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ, желая посадить въ ней князя изъ своей руки, Изяслава Мстиславича. Два раза они ходили туда войною, но во второй разъ, придя даже всею областью, въ битвѣ на *Ждановой Горѣ* (близъ Переяславля, на р. Кубрѣ) потерпѣли сильное пораженіе, такъ что едва добрались до дому. Можемъ предполагать, что суздальское воеводство въ это время принадлежало тому-же тысяцкому Георгію. О немъ лѣтопись упоминаетъ подъ 1130 г., когда онъ оковалъ серебромъ гробъ Ѳеодосія въ Печерскомъ монастырѣ.

Случай безславнаго похода новгородцевъ показываетъ, что Суздальская земля съ самаго начала своей исторіи представляла одно цѣлое, представляла политическое единство, которое

могло жить и защищаться само собою, даже и безъ помощи князя. На этотъ разъ она со славою отбилась отъ князя, котораго принять не желала. Недолго и князь Юрій оставался на югѣ. Не успѣвъ въ своихъ предпріятіяхъ, онъ долженъ былъ снова воротиться въ свой Суздаль. Но съ той поры онъ зорко слѣдилъ за всѣми переворотами въ Кіевской области. Кіевъ былъ его отчиною, а отчинный столъ необходимо было занять, сколько для себя, столько-же и для дѣтей, потому что, по старозавѣтному уставу княжескихъ отношеній, не сидѣвши на отчинномъ столѣ, князь лишалъ свое потомство законнаго движенія по старшинству между князьями, а слѣдовательно—и законнаго наслѣдованія отцовскими волостями. Князь Юрій неутомимо искалъ своей части въ Кіевской Руси и очень боялся, что совсѣмъ отдѣлится и оторвется отъ этой старой и славной Руси, что навсегда и съ потомствомъ потеряетъ свое старшинство въ княжескомъ родѣ, а слѣдовательно, и во всей Русской землѣ, такъ какъ Кіевъ былъ столицею всей Руси, въ немъ сосредоточивался главный иноземный торгъ отъ всѣхъ странъ; своимъ богат-



Видъ Ростова съ юго-западной стороны.

ствомъ и красотою онъ превосходилъ всѣ города, и несомнѣнно доставлялъ великому князю очень значительные доходы. Два раза онъ садился на отцовскомъ столѣ и два раза былъ изгоняемъ, но къ концу, въ третій разъ, все-таки овладѣлъ своею отчиною, княжилъ въ ней два года и померъ великимъ княземъ. Вначалѣ кіевляне видѣли въ немъ сына любимѣйшаго своего князя Владиміра Мономаха, и потому не ходили даже и воевать противъ него, говоря, что не могутъ поднять рукъ на Владимірово племя; но потомъ они его возненавидѣли за безпрестанныя усобицы и особенно за то, что онъ приводилъ съ собою половцевъ, хотя въ этомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ одинаково съ своими врагами, приводившими себѣ на помощь угровъ, ляховъ, чеховъ. Кромѣ того, сѣвши въ Кіевѣ, онъ отдалъ управленіе волостями своимъ суздальцамъ, что, конечно, возбудило ненависть и зависть въ кіевской дружинѣ. Когда онъ умеръ, то богатые его дворы въ Кіевѣ и дворъ его сына были разграблены, а управители-суздальцы побиты во всѣхъ мѣстахъ. Все это несомнѣнно было дѣломъ кіевской дружины, ибо простому народу безъ боярской воли подняться на такой грабежъ было невозможно.

Безпокойная и, повидимому, безсмысленная и безславная борьба Юрія за кіевское старшинство, оставившая по себѣ недобрую память въ той странѣ, имѣла, однако, великій смыслъ и великое значеніе для Суздальской земли. Добившись своей отчины и дѣдины, въ самомъ Кіевѣ, Юрій сдѣлалъ Кіевъ отчиною и дѣдиною и для своихъ дѣтей, а слѣдовательно, и для всей Суздальской земли. Здѣсь оправданіе всѣхъ его междоусобій. Суздальская земля никогда бы не получила того могущества и силы, съ какими она является, спустя не болѣе сорока лѣтъ по смерти Юрія, еслибъ его дѣти не получили права на Кіевское старшинство или въ сущности на старшинство во всей Руси. Когда пришло время, это старшинство само собою изъ Кіева перешло во Владиміръ, только по той причинѣ, что великіе князья остались жить въ предѣлахъ Суздальской же области. Въ противномъ случаѣ, Суздальская земля осталась бы на степени отдѣленнаго княженія, въ родѣ Полоцкаго, Галицкаго или Рязанскаго, неимѣвшихъ никакихъ правъ на старшинство во всей Русской землѣ.

Князь Юрій, такимъ образомъ, можетъ почитаться *первымъ основателемъ* политическаго могущества Суздальской области. Однако, славу своего подвига онъ необходимо долженъ раздѣлить съ своею дружиною. Повидимому, суздальская дружина отличалась рѣдкимъ единодушіемъ и при частыхъ отлучкахъ своего князя умѣла управлять страною и оборонять ее весьма осмотрительно и заботливо безъ обычныхъ въ то время ссоръ и крамолъ. Карамзинъ изображаетъ князя Юрія цивилизаторомъ Суздальской области, говоритъ, что «онъ распространилъ въ ней гражданское образованіе, открылъ пути въ лѣсахъ дремучихъ, оживилъ дикія, мертвыя пустыни знаменіями человѣческой дѣятельности, основалъ новыя селенія и города». Это не совсѣмъ вѣрно. Суздальская земля, какъ мы видѣли уже, въ IX и X вѣкѣ была значительно населена. Юрій, дѣйствительно, строилъ деревянные города и въ нихъ каменныя церкви. «Много церквей имъ построено», говоритъ лѣтописецъ.

Къ старобытнымъ же городкамъ Суздальской земли принадлежала и Москва, въ первый разъ случайно упомянутая подъ 1147 годомъ. Въ началѣ этого года князь Юрій Долгорукій воевалъ Новгородскія земли въ союзѣ съ Сѣверскимъ княземъ Святославомъ Ольговичемъ, которому указалъ воевать Смоленскую волость, подходившую своими границами почти къ самой Москвѣ, ибо Можайскъ принадлежалъ уже Смоленской волости. Послѣ того, князь Юрій, празднуя успѣшный походъ съ обѣихъ сторонъ, позвалъ Святослава къ себѣ въ гости въ Москву, сказавши ему: «Приди ко мнѣ, брате, къ Московъ (въ Москву)». Тамъ, по случаю праздника Похвалы Богородицы, князь Юрій повелѣлъ устроить гостямъ *обѣдъ силенъ*, воздалъ имъ честь великую и одарилъ многими дарами и князей, и ихъ дружину. Выборъ мѣста для сильнаго обѣда показываетъ, что Москва и въ то время представляла уже всѣ необходимыя удобства для княжескаго широкаго гостепріимства и пированія. Достойно всякой памяти, что Москва начинаетъ свою исторію гостепріимствомъ, ибо, какъ увидимъ, она гостепріимствомъ же утвердила и свое политическое владычество надъ всею Русскою землею, давши спокойное убѣжище митрополиту, св. Петру. Спустя девять лѣтъ, въ 1156 г., князь Юрій заложилъ *градъ* Москву, конечно, деревянный и несомнѣнно обширнѣе прежняго земляного городка-окопа, какой былъ расположенъ только на Боровицкомъ мысу Кремлевской горы.

У Юрія было одиннадцать сыновей, изъ которыхъ двое померли еще при его жизни, а изъ остальныхъ достойны особой памяти: второй сынъ, Андрей Боголюбскій, и самый младшій, Всеволодъ, начавшіе своими дѣлами исторію новыхъ людей, во многомъ отличныхъ отъ стараго поколѣнія.

Несомнѣнно, что Андрей родился (около 1115 г.) въ Суздальской землѣ, ибо отецъ его до 1132 г. жилъ тамъ постоянно, безвыѣздно. Тамошніе нравы и обычаи были иные, чѣмъ въ Кіевской Руси. Это была земля лѣсная, въ извѣстномъ смыслѣ глухая, совсѣмъ удаленная отъ безпокойнаго поприща—чуть не повседневной войны, которая сосредоточивалась вокругъ Кіева. Не надѣленная особымъ плодородіемъ, но богато надѣленная рѣчными путями, окружен-

ная множествомъ рѣкъ, эта земля воспитала свое населеніе промышленникомъ и рабочимъ. Уже въ XII вѣкѣ Владимірцы славились какъ искусные каменщики. Лѣтописцы именуютъ ихъ также древодѣлами и орачами, т.-е. плотниками и землепашцами. Въ разныхъ углахъ страны вываривалась соль, напр., по рѣкѣ Солоницѣ въ Нерехтѣ и Великой Соли, и за Волгою въ Галицкомъ краю. О другихъ работахъ и промыслахъ не имѣемъ точныхъ свѣдѣній, но видимъ, что во всемъ краю господствуетъ, главнымъ образомъ, бытъ *посадскій*, промышленный, торговый, что въ городахъ, наравнѣ съ дружиною, выдвигаются впередъ и купцы. Общій складъ жизни всегда имѣетъ вліяніе и на воспитаніе отдѣльныхъ лицъ. Выросшій посреди посадскаго быта, сынъ Юрія, Андрей, обнаруживалъ и въ своемъ характерѣ тѣ же посадскія стремленія, изъ которыхъ первымъ и главнѣйшимъ была посадская гражданская осѣдлость вмѣсто южнаго казацкаго военнаго кочеванья; потомъ—особая наклонность къ миролюбію, наклонность рѣшать



Кремль въ Ростовѣ.

дѣла, по возможности, безъ кровопролитія, что, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, конечно, не всегда удавалось.

Но важнѣйшее начало посадской жизни заключалось въ идеалѣ добраго хозяина-домостроителя, господина своего имѣнія и достатка, полнаго господаря во всемъ томъ, что было нажито его трудомъ и промысломъ. Идеи о такомъ господинѣ и господарѣ, какъ противоположность идеямъ родовой связи и зависимости и идеямъ общаго владѣнія, возникали и развивались, конечно, изъ понятій о собственной работѣ и трудѣ, плодами которыхъ по всѣмъ правамъ свободно и независимо долженъ распоряжаться только работающій. Если основою посадскаго быта было отдѣльное и независимое хозяйство и если въ Суздальской землѣ посадскій бытъ господствовалъ, то естественно, что и высшимъ идеаломъ власти во всей странѣ рисовался тотъ-же хозяинъ, господинъ и господарь своей отчины и дѣдины, т.-е. своего наслѣдства, своей работы, своего труда.

Какъ-бы ни было, но въ промысловомъ, рукодѣльномъ и торговомъ быту идеи личнаго господства и владѣнія должны преобладать надъ всякимъ другимъ порядкомъ отношеній. Новгородская община, состоявшая тоже изъ промышленниковъ и торговцевъ, получила въ своемъ политическомъ развитіи видъ свободной республики только по той причинѣ, что идеаломъ ея власти было не лицо, а цѣлый городъ, такой-же господинъ и господарь своей земли. Въ Суздальской землѣ могущественный свободный городъ не успѣлъ или не могъ развиться вслѣдствіе какихъ-либо своихъ причинъ, и потому политическая власть воплотилась только въ лицѣ князя, не по завоеванію, но, какъ и въ Новгородѣ, по свободному избранію.

Андрей Боголюбскій не отличался воинственнымъ, задорнымъ, сварливымъ и непостояннымъ характеромъ, чѣмъ безъ особыхъ доблестей и славы отличался его отецъ и чѣмъ со многими доблестями и славою отличались вообще южные князья. Однако, по необходимости, по отцовскому велѣнію, онъ принималъ живое участіе въ отцовскихъ междоусобіяхъ, вращавшихся около Кіева, и при этомъ въ бояхъ показалъ такую беззавѣтную удаль и отчаянную храбрость, которыя даже и въ тотъ удалой и храбрый вѣкъ возбуждали всеобщее удивленіе и похвалы отъ всѣхъ князей и бояръ. Онъ всегда былъ впереди и всегда собственнымъ примѣромъ показывалъ, какъ надо было разбивать врага. Въ ратномъ дѣлѣ, кромѣ удали и храбрости, онъ обнаруживалъ и болѣе дорогое качество—необыкновенное спокойствіе духа. Однажды, въ 1149 году, онъ стоялъ съ своимъ полкомъ, какъ всегда, впереди всей рати. Ночью, по какой-то причинѣ, что случалось нерѣдко, вся рать переполошилась, испугалась непріятеля, и въ страхѣ побѣжала съ мѣста. Въ этихъ случаяхъ первыми бѣглецами всегда бывали половцы. Они и здѣсь произвели въ полкахъ страшное замѣшательство. Стоявшій позади Андрея старшій его братъ, Ростиславъ, звалъ его много разъ отступить къ его полку. Сама дружина Андрея, безпрестанно подъѣзжая къ нему, бранилась и жаловалась на него, говоря: «что ты дѣлаешь, князь, поѣзжай прочь, или добудемъ срама». Андрей не слушалъ и стоялъ на своемъ мѣстѣ всю ночь до свѣта. На разсвѣтѣ, когда страхъ миновалъ, онъ передвинулся къ брату и на общемъ совѣтѣ всѣ рѣшили отступить, ибо мѣстность, дѣйствительно, оказалась опасною. «Богъ его хранилъ, говоритъ лѣтописецъ, молитвами его дѣда, Владиміра Мономаха». Когда затѣмъ полки пришли къ городу Луцку, изъ котораго тоже выступили пѣшіе полки, Андрей прежде всѣхъ съ своею дружиною врѣзался въ толпы противныхъ и погналъ ихъ опять въ городъ. Онъ работалъ съ такою горячностію, что скоро пробился въ самую середину враговъ, такъ что и дружина потеряла его изъ вида. Только двое меньшихъ дѣтскихъ, увидавши, что князь попалъ въ великую бѣду, догнали его, и началась сѣча. Одинъ дѣтскій тутъ же погибъ; самого князя чуть было не просунули рогатиною; его конь былъ израненъ копьями, но унесъ своего господина отъ вѣрной смерти и, прибѣжавъ къ своимъ, упалъ подъ княземъ мертвый. Жалуя его *комоньство*, Андрей съ честью велѣлъ похоронить его тутъ же надъ рѣкою Стыремъ.

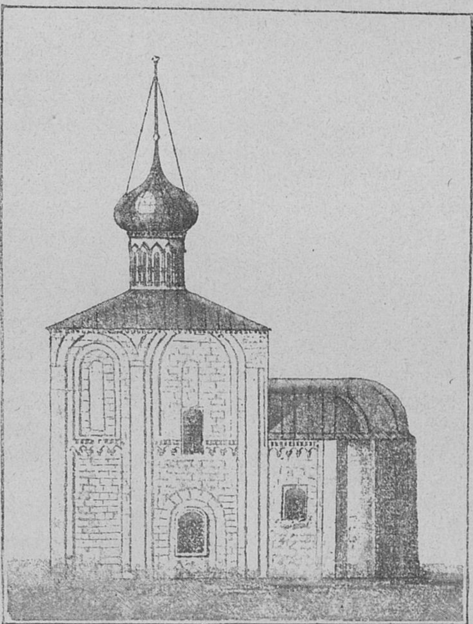
Въ 1151 году онъ въ полкахъ отца бился у самыхъ стѣнъ Кіева, предводительствуя половцами. Опять забывшись въ горячемъ бою, онъ быстро погналъ противниковъ, вовсе не замѣчая, что половцы его оставили, и онъ почти одинъ у самыхъ вражьихъ полковъ. Отъ вѣрной погибели спасъ его одинъ половчинъ, поворотивъ его коня назадъ и всячески браня свою половецкую дружину, что оставила князя одного. Возвратился Андрей, опять сохраненный Богомъ и молитвою родителей. Такъ думалъ объ этихъ случаяхъ народъ.

Но боевое поле, исполненное великихъ доблестей и всеобщей похвалы, не только отъ молодыхъ, но отъ всей старшей дружины, не обольщало Андрея. При всякомъ случаѣ, онъ совѣтовалъ отцу кончать борьбу примиреніемъ, а самъ мечталъ о тепломъ гнѣздѣ въ своей Суздальской области и пользовался первымъ случаемъ, чтобы скорѣй уйти на родину, въ свой *домъ*, въ свою Лѣсную землю.

Послѣ онъ опять приходилъ на югъ воевать за отца. Въ 1154 году Юрій, наконецъ, въ третій разъ достигъ своей цѣли и сѣлъ княжить въ Кіевѣ. Храбреца Андрея онъ посадилъ

поближе къ себѣ, въ Вышегородѣ. Опять увидавъ, что около Кіева больше дѣлать нечего, Андрей теперь рѣшился уйти домой даже противъ воли отца, рѣшился бѣжать изъ Кіевской земли. На этотъ разъ, какъ прибавляютъ лѣтописцы, его упросили переселиться въ Суздаль кучковичи, поднявшіе его лестью, которая, вѣроятно, состояла въ обѣщаніи, что вся земля Суздальская давно желаетъ посадить его у себя на великое княженіе. Оно такъ въ дѣйствительности и было. Юрій, оставляя Суздальскую область, по примѣру отца, закрѣпилъ ее за своими младшими сыновьями, въ чемъ взялъ клятву отъ всей земли. Вѣрно, не всѣмъ это было любо, тѣмъ болѣе, что малолѣтними князьями всегда руководила старшая дружина и поступала обыкновенно по своей волѣ.

«Кучковичи» значило то-же, что «москвичи», ибо Москва въ то время именовалась *Кучковымъ* отъ имени своего тысяцкаго Степана Кучки. Эти самые кучковичи, дѣти Кучки и волостели Кучкова или первоначальной Москвы, дѣйствуя вопреки желанію Юрія, призвали въ Суздаль его старшаго сына. Несомнѣнно, они такъ дѣйствовали не отъ себя только, но и отъ всей суздальской дружины, которая, повидимому, желала имѣть у себя князя по своему нраву, какъ умнаго, сильнаго и добраго защитника земли, любившаго больше всего хозяйскій покой и порядокъ. Характеръ Андрея, его цѣли и стремленія, конечно, хорошо были извѣстны всей Суздальской землѣ.



Храмъ князя Юрія Долгорукаго въ Кидекшѣ.

Прошло уже 100 лѣтъ отъ смерти Ярослава Великаго. Двѣ общественныя передовыя силы Русской земли—князь и дружина—создавшія русское могущество и славу, теперь являлись истиннымъ бѣдствіемъ для земли и приводили ее прямо къ погибели. Княжескій родъ расплодился, измельчалъ; съ нимъ раздробилась и измельчала дружина, измельчали и опошлѣли ихъ общіе интересы и выгоды. Не Русская земля въ ея широкомъ значеніи общаго отечества, а волость въ мелкопомѣстномъ смыслѣ, — вотъ что теперь возбуждало ревность этихъ силъ и вызывало ихъ на безконечныя усобицы.

Въ такомъ порядкѣ жить было невозможно. Оставалось одно — уходить подальше изъ этой, нѣкогда сильной, славной и богатой Кіевской земли.

Въ такомъ сознаніи убѣжалъ изъ Вышегорода въ свой Владиміръ и Андрей Боголюбскій.

Можно полагать, что въ дружинѣ и посреди поселянъ было не мало людей, точно также уходившихъ въ разныя стороны, туда, гдѣ видѣлось болѣе покойное житье. По тогдашнему времени это были *новые люди*, искавшіе новой страны и новыхъ порядковъ жизни, въ числѣ которыхъ для земли самымъ существеннымъ былъ порядокъ княжеской власти, единой и неизмѣнной, спокойной отъ усобицъ и независимой отъ дружинныхъ крамолъ.

Такіе новые люди уже давно скоплялись въ Суздальской землѣ, и именно во Владимірѣ

на Клязьмѣ, въ волости, принадлежавшей также новому человѣку, князю Андрею, собиравшему людей «отъ всѣхъ земель». Повидимому, они-то и призвали князя, такъ сказать, уже на готовую почву, и безъ этой почвы, какъ бы ни былъ онъ силенъ, онъ не сумѣлъ-бы прокняжить во Владимірѣ цѣлыхъ 20 лѣтъ. Побѣгъ Андрея изъ Кіевской Руси сопровождался, кромѣ того, и Божьимъ благословеніемъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, мыслила объ этомъ благочестивая среда народа, оставившая особое сказаніе о перенесеніи изъ Вышегорода во Владиміръ св. иконы Богоматери.



Св. Петръ митрополитъ.

Въ Вышегородѣ существовалъ женскій монастырь, и въ немъ находилась древняя икона Богоматери, вывезенная отцу Андрея изъ Царьграда, и написанная, какъ говорило преданіе, самимъ Евангелистомъ Лукою. Около этого времени, икона стала творить чудеса: сама по себѣ выходила изъ кіота и въ первый разъ видѣлась стоящею среди церкви на воздухѣ; потомъ, когда ее поставили на иномъ мѣстѣ, она обратилась лицомъ въ алтарь. Тогда поставили ее въ алтарѣ за престоломъ, но и тамъ она сошла съ своего мѣста. Люди въ недоумѣніи помышляли, на какомъ-же мѣстѣ св. икона благоизволитъ избрать себѣ жилище? Явное дѣло, что сама заступница христіанства какъ бы указывала князю Андрею путь изъ города.

Услышавъ разсказы о чудотвореніяхъ Вышегородской иконы, князь разгорѣлся духомъ, поспѣшилъ въ монастырь и тамъ упалъ предъ св. изображеніемъ съ усердною молитвою, прося Пречистую быть ему заступницею и помощницею въ Ростовской землѣ. Съ молебнымъ пѣніемъ онъ поднялъ своими руками чудотворный образъ и ночью, таясь отъ отца, (по льстивому совѣту Кучковичей), вышелъ изъ Вышегорода съ своею княгинею, съ боярами и со многими людьми, взявши съ собою и вышегородскаго попа и дьякона съ ихъ семьями.

Въ путешествіи до Владиміра или до Суздаля икона прославилась чудотвореніями, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ, быть можетъ, самый обычный въ то время путь изъ Кіева въ Суздаль.

Первое чудо совершилось во время переправы черезъ рѣку Вазузу (притокъ Волги у Зубцова), гдѣ князь Андрей послалъ проводника искать брода, и слуга было потонулъ въ разлившейся рѣкѣ вмѣстѣ съ конемъ, но чудесно спасся и вышелъ изъ рѣки невредимъ. Второе чудо произошло на Рогожскихъ поляхъ. Село Рогожи нынѣ городъ Богородскъ на Клязьмѣ. Эти мѣста показываютъ, что князь Андрей плылъ въ лодкахъ почти до самой вершины Днѣпра, откуда сухимъ путемъ, перебродивъ Вазузу, ѣхалъ, вѣроятно, до Можайска къ Москвѣ-рѣкѣ и затѣмъ, слѣдуя по рѣкѣ до Москвы, продолжалъ путь опять сухопутьемъ по дорогѣ Владимиркѣ,

до села Рогожи (Богородскъ), откуда уже въ лодкахъ дорога шла по Клязьмѣ во Владиміръ. Позднѣйшія сказанія повѣствуютъ, что князь направлялъ свой путь мимо Владиміра дальше въ Суздаль или Ростовъ. Но при поворотѣ къ Суздалю (изъ Клязьмы въ Нуль), лошади подъ



Чудотворная икона Владимірской Божіей Матери въ московскомъ кремлевскомъ Успенскомъ соборѣ.

иконою стали и не пошли дальше. На этомъ мѣстѣ, во время усердныхъ молитвъ князя, въ полночь ему явилась Богоматерь съ хартіею въ рукѣ и завѣщала не ѣхать дальше, но поставить ея св. икону во Владимірѣ, а на мѣстѣ явленія построить монастырь. Съ той поры, мѣсто стало прозываться *Боголюбымъ*. Вскорѣ послѣ того, князь построилъ здѣсь каменную церковь

въ честь новаго явленія Богоматери Боголюбской и монастырь во имя Рождества Богородицы, обнеся все мѣсто каменными стѣнами, такъ что новое селеніе сдѣлалось городомъ. «Этотъ городъ *Боголюбый* находился такъ далеко отъ Владиміра, замѣчаетъ южный лѣтописецъ, какъ Вышегородъ отъ Кіева».

О водяномъ пути въ этомъ преданіи не говорится, хотя сухопутная дорога изъ Владиміра въ Суздаль едва-ли когда направлялась мимо Боголюбова.

Послѣ Мономаха, Андрей былъ замѣчательнѣйшимъ изъ князей древней Руси. Какъ и всѣ добрые древніе князья, онъ былъ благочестивъ и набоженъ искренно, а не лицемѣрно, уже по той только причинѣ, что много разъ въ опасностяхъ войны былъ чудесно сохраняемъ отъ погибели. Такіе случаи не могли остаться безъ вліянія на развитіе его характера, отличавшагося самою усердною набожностью.

Убѣгая съ юга противъ воли отца, подвергаясь, слѣдовательно, опасности отъ отцовскаго гнѣва, и вмѣстѣ съ тѣмъ не зная еще хорошо, что́ ожидаетъ его въ любимой Суздальской землѣ, онъ, по чувству древняго благочестія, долженъ былъ неизмѣнно обратиться къ заступничеству и покровительству Божьяго Промысла, и, въ укрѣпленіе и благословеніе своихъ надеждъ, поднялъ съ собою чудотворную икону Богоматери. Онъ совсѣмъ переселялся изъ стараго въ новый домъ, и потому, по старому русскому обычаю, было естественно взять съ собою святыню, какъ основаніе новаго житья. Онъ избралъ икону, которая превышала своимъ иконописнымъ достоинствомъ всѣ остальныя. Онъ поднялъ ее на новое мѣсто со всѣмъ ея клиромъ. Переселеніе совершилось благополучно. Отецъ не разгнѣвался и оставилъ сына въ покоѣ. Новая причина глубокаго благочестиваго почтенія къ иконѣ, которое князь Андрей выразилъ въ томъ, что, поставивъ святыню въ новопостроенномъ храмѣ во Владимірѣ, украсилъ ее съ такимъ богатствомъ, которое почиталось дивомъ для его времени. Онъ вковалъ въ нее больше 30 гривенъ золота (около 12 фунтовъ, если не больше), кромѣ серебра, дорогихъ камней и жемчуга.

Святая икона стала для него руководительницею и заступницею во всѣхъ его предпріятіяхъ. Успѣхъ въ военныхъ походахъ (напр., на болгаръ), успѣхи въ дѣлахъ общественныхъ или домашнихъ, все это онъ приписывалъ помощи и заступленію Богоматери. Самыя неудачи и несчастные случаи объяснялись ея неблагословеніемъ. Изъ княжескаго двора эта благочестивая вѣра въ непрестанную помощницу и заступницу молящихся людей распространилась вскорѣ по всей Суздальской землѣ, чему особенно способствовали и многія чудесныя событія и случаи. Икона въ скоромъ времени стала политическимъ знаменемъ стольнаго города Владиміра и святымъ покровомъ политическихъ и общественныхъ народныхъ думъ, желаній и стремленій во всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ событіяхъ и обстоятельствахъ всей Суздальской, а потомъ и Московской земли. Великое значеніе для народа этого знамени сохранялось, какъ увидимъ, до послѣднихъ временъ старой русской исторіи.

Замѣчательно, что на другой же годъ по переселеніи Андрея во Владиміръ (1156 г.) былъ построенъ, какъ упомянуто, городъ Москва, по всему вѣроятію, стараніями Кучковичей и самого кн. Андрея, такъ какъ Юрій, которому лѣтописецъ приписываетъ эту постройку, въ то время княжилъ въ Кіевѣ и на старости лѣтъ едва-ли имѣлъ какой-либо особый поводъ строить именно небольшой Суздальскій городокъ Москву, который онъ могъ выстроить гораздо раньше. То́лько владѣльцамъ этого мѣста теперь наставала потребность укрѣпить стѣнами пограничную сторону Владиміра отъ Смоленскихъ и Новгородскихъ областей.

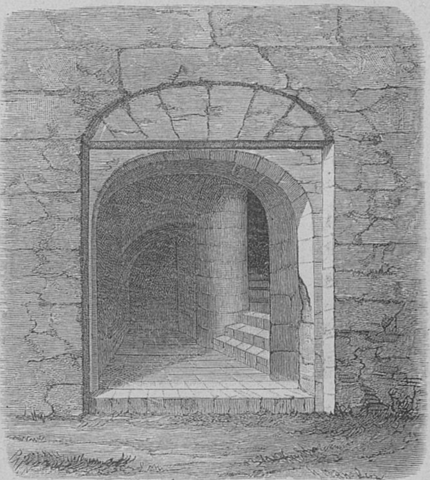
Спустя еще годъ (1157 г.), Юрій скончался въ Кіевѣ. Тогда ростовцы и суздальцы общею думою всей земли посадили у себя княземъ Андрея, забывъ свою присягу его меньшимъ братьямъ. Видимо, что для этой цѣли онъ и вызванъ изъ Вышегорода.

Вся земля, (ростовцы и суздальцы) избрала Андрея по той причинѣ, что онъ былъ любимъ всѣми за премногую его добродѣтель, которую имѣлъ прежде къ Богу и ко всѣмъ, кто

ни былъ подъ его рукою. Немного было князей въ древней Руси, которые удостоивались такихъ единодушныхъ похвалъ, какъ князь Андрей.

Хвалы Андрею были написаны не однимъ лѣтописцемъ Суздаля, но еще съ бо́льшими подробностями и лѣтописцемъ южнымъ, Кіевскимъ. Слѣдовательно, это были хвалы всенародныя, по всей Русской землѣ. Вездѣ главнѣйшимъ подвигомъ его жизни выставляется особая любовь къ сиротамъ и нищимъ. А это значило, что въ своемъ поведеніи въ отношеніи къ земству, онъ, если не предпочиталъ, то и не выдавалъ сироту-земледѣльца никакому боярину и дружиннику.

Нѣкоторыхъ славныхъ князей лѣтописцы прямо и восхваляютъ за особую любовь къ дружинѣ. Объ Андреѣ они этого не говорятъ, быть можетъ, потому, что его расположеніе къ дружинѣ было рядовое, обычное, почему и не заслуживало особенной лѣтописной похвалы. Нищелюбіе очень естественно переносило и сердце, и помыслы князя къ нуждамъ и потребамъ простого народа, для котораго онъ былъ дѣйствительный отецъ и кормитель, защитникъ малыхъ отъ насилія большихъ и сильныхъ. Не въ этомъ ли смыслѣ онъ былъ новый человѣкъ, промѣнявшій особую любовь къ дружинѣ на любовь къ простому народу. Повидимому, уходя изъ Руси, онъ оставлялъ тамъ и старые порядки княжескаго быта. Онъ, во-первыхъ, не помрачалъ своего ума пьянствомъ, а тѣмъ болѣе—на пирахъ съ дружиною. Отецъ его оттого и померъ, что повеселился, быть можетъ, безъ мѣры, на пиру у одного дружинника. Онъ, вѣроятно, зналъ также, что въ пьяныхъ чашахъ подносилась иногда и отрава. Онъ, вообще, жилъ вдали отъ дружины, совсѣмъ отъ нея отдѣлившись. Избранный всею Ростовскою и Суздальскою землею великимъ княземъ, онъ не переселился изъ Владиміра въ Ростовъ, не переселился и въ Суздаль, но остался въ своей усадьбѣ во Владимірѣ. Онъ вовсе не нуждался въ стольномъ княжескомъ городѣ. Должно быть, весь порядокъ великокняжескаго быта по Кіевскому образцу ему совсѣмъ не нравился. Онъ чаще всего пребывалъ даже и не въ городѣ Владимірѣ, а въ своемъ любимомъ селѣ Боголюбовѣ, оставаясь тамъ только съ своими близкими да съ клирошанами тамошняго монастыря; или же проживалъ у Спаса на Купалищѣ, на устьѣ рѣки Судогды, куда каждый день выѣзжалъ на охоту и на прохладу, одинъ, съ малымъ числомъ слугъ, предоставивъ боярамъ увеселяться особо, гдѣ имъ будетъ любо.

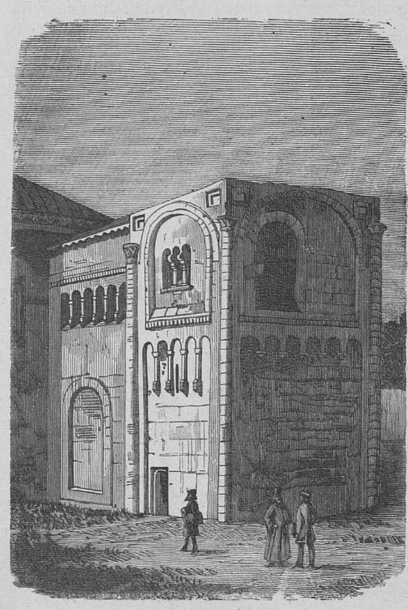


Входъ съ надворья въ сѣни палатъ князя Андрея (во Владимірѣ на Клязьмѣ).

Все это возбуждало въ боярахъ скорбь, негодованіе и злобу.

Сѣвши на великое княженіе по избранію всей Ростовской и Суздальской земли, онъ отмѣнилъ для себя и другой княжескій обычай: пересталъ самолично водить на битву полки, посылая въ походъ сыновей, братьевъ и другихъ послушныхъ ему князей. Это опять показывало, что съ дружиною-боярами не было у него крѣпкой связи. Въ самыхъ битвахъ, гдѣ онъ прославилъ себя отчаянною храбростью, подлѣ него бывали отроки-слуги, а не бояре-дружинники, слѣдовательно, онъ и въ Кіевской Руси чаще всего дѣйствовалъ отдѣльно отъ дружины, надѣясь больше всего на самого себя.

Мы уже упоминали, что ростовцы и суздальцы избрали Андрея великимъ княземъ мимо присяги его младшимъ братьямъ. Когда Андрей принялъ великое княженіе, его младшіе братья и племянники, дѣти старшаго брата, Ростислава, оставались тутъ же, вѣроятно, въ Ростовѣ и Суздалѣ, а, быть можетъ, и въ другихъ городахъ, на попеченіи дружинниковъ. Прошло лѣтъ пять, въ которые ничего не было слышно объ этихъ князьяхъ, но затѣмъ лѣтописецъ отмѣчаетъ, что злые люди, домашніе Андрея, лестью и лукавствомъ поссорили его съ братьями и со старшими дружинниками его отца, что изъ этого произошла лютая смута во всемъ земствѣ. Дѣло кончилось тѣмъ, что великій князь выпроводилъ изъ Суздальской волости и братьевъ, и племянниковъ, и переднихъ мужей отцовской дружины: однихъ изгналъ, другихъ заточилъ въ темницы.



Сѣни и переходы палатъ князя Андрея въ Боголюбовомъ монастырѣ (Владимірской губ.).

Какъ ни былъ силенъ, самодержавенъ или самовластенъ князь Андрей, но, безъ твердой опоры въ самомъ же населеніи Суздальской области, онъ не сумѣлъ бы устроить это изгнаніе. Дѣйствительно, лѣтописцы, современники событій, прямо и говорятъ, что князья и отцовскіе старшіе дружинники были изгнаны самими же ростовцами и суздальцами, какъ они же изгнали, уже при властительствѣ Андрея, Ростовскаго епископа Леона за то, что грабилъ церковь. Южный лѣтописецъ говоритъ, что, поступая указаннымъ образомъ, Андрей желалъ быть *самовластцемъ* всей Суздальской земли. «Хотя *единъ* быти властель во всей Суздальской и Ростовской землѣ», прибавляютъ другія лѣтописи.

Позднія сказанія, объясняя это выраженіе, прибавляютъ слѣдующее: «если и многую добродѣтель имѣлъ князь Андрей, за то былъ побѣждаемъ властолюбіемъ, желалъ быть *единодержателемъ* всего отеческаго наслѣдія». Имя «самовластецъ» въ древности только и означало *единодержателя* и вовсе не имѣло того значенія, какое мы ему придаемъ теперь. Князья-же и дружина на югѣ не позволили развиться единовластію.

Въ отношеніи къ народу, самовластецъ оставался тѣмъ же княземъ, призваннымъ отъ Бога,—какъ вездѣ говорятъ лѣтописи,—защищать добрыхъ и казнить злыхъ. Вѣчевой уставъ жизни всегда ограничивалъ его владычество и его поступки волею народнаго вѣча, народной мысли и думы, которыхъ долженъ былъ слушаться и самовластецъ, ибо, кромѣ дружины, не имѣлъ другихъ орудій бороться съ народомъ. И если князь Андрей жилъ вдали отъ дружины, то необходимо предполагать, что, взамѣнъ дружины, онъ близко жилъ съ народомъ, съ посадомъ, что́ подтверждается и приведенными выше похвалами его обычаямъ и характеру.

Въ отношеніи властолюбія и самовластія, князь Андрей ничѣмъ не отличался отъ другихъ рядовыхъ старшихъ князей, которые распоряжались русскими волостями по обычному праву. Его властолюбіе обнаруживается лишь въ то время, когда южные князья нарекаютъ его себѣ старѣйшиною, нарекаютъ отцомъ во всемъ Мономаховомъ родѣ, не по принужденію съ его стороны, а по естественному закону, потому что это старшинство приходитъ къ нему само собою, по очереди рожденія, и утверждается за нимъ скорѣе, чѣмъ за кѣмъ-либо другимъ, ко-

нечно, вслѣдствіе земской силы его княжества. Отцовское старѣйшинство устанавлялось родичами не даромъ и никогда не было пустымъ титулярнымъ почетомъ. Оно служило политическимъ знаменемъ родового единства; оно давало великому князю, названому отцу, извѣстныя политическія права надъ всѣмъ княжескимъ родомъ. Князь Андрей не могъ оставаться празднымъ и въ званіи отца для своихъ родичей. Какъ отецъ, онъ требовалъ отъ князей сыновняго послушанія, требовалъ, чтобы они уважали его отеческую волю, не выступали изъ его воли.

Большинство князей такъ и относилось къ названому отцу; но, конечно, являлись ослушники, высокомѣрные, гордые, а, главное, достаточно сильные, чтобы противиться, не только названому, но даже и родному отцу. Ослушниковъ-князей Андрей наказывалъ лишеніемъ волости, дѣйствуя въ этомъ случаѣ по завѣту отцовъ, по уставу древней русской жизни, по которому виновный князь лишался волости, какъ виновный бояринъ лишался головы.

По отцовской волѣ и вовсе не по властолюбію, князь Андрей распоряжался и Кіевомъ, сажая въ немъ князей даже и не отъ своего колѣна. У него вовсе не было мысли *перенять всю Русскую землю*, чего хотѣлъ и что отчасти было выполнилъ его предшественникъ, Черниговскій князь Всеволодъ Ольговичъ. Никакихъ завоевательныхъ стремленій Андрей не обнаруживалъ. Его полки разорили Кіевъ, дѣйствуя по общему соглашенію со всѣми южными князьями, возставшими почти поголовно на Кіевскаго Мстислава. Онъ посылалъ большія рати на Кіевъ и на Новгородъ не для завоеванія этихъ областей, ибо онъ почитался ихъ политическимъ отцомъ, но собственно для наказанія непослушныхъ. Походы были очень неудачны; войска воротились посрамленныя; но отношенія къ отцу не измѣнились, и Кіевъ, и Новгородъ ищутъ опять отеческой власти и отеческихъ распоряженій у того же Андрея.

Не обнаруживъ въ своихъ отношеніяхъ съ родичами-князьями, какъ и съ Новгородомъ, никакихъ особыхъ политическихъ замысловъ и исполняя въ этомъ отношеніи только старые завѣты отцовъ и дѣдовъ, Андрей естественно не оставилъ послѣ себя ничего ни новаго, ни особеннаго въ политическомъ устройствѣ древней Руси. Какой порядокъ былъ до него и при немъ, такой порядокъ продолжался и послѣ него. Это утверждаютъ и тѣ авторы, которые разрисовали его, на иностранный образецъ, какимъ то феодаломъ.

Новое, небывалое въ этомъ порядкѣ произошло въ перемѣщеніи княжескаго старѣйшинства изъ Кіева во Владиміръ, и по той причинѣ, что это старѣйшинство перешло на Андрея, а онъ не поѣхалъ въ Кіевъ и остался въ Суздальской землѣ; однако, вовсе не изъ политическихъ видовъ и не изъ желанія унизить или уничтожить Кіевъ, а по простой необходимости жить покойно и безопасно, такъ какъ Кіевъ давно уже сталъ гнѣздомъ междоусобія и крамолы.

Съ того времени, новый и маленькій Владиміръ сталъ быстро возрастать, а старый Кіевъ, матерь русскихъ городовъ, сталъ быстро упадать, но не отъ случайныхъ ратей Андрея, а отъ постоянныхъ внутреннихъ причинъ, которыя и самого Андрея еще прежде заставили бѣжать отъ Кіева безъ оглядки.

Спустя лѣтъ 30 по смерти Андрея, матерь Русскихъ городовъ, подвергаясь и прежде грабежамъ, была окончательно разграблена, какъ не бывало отъ крещенья Руси, собственными же дѣтьми, южными князьями и всею половецкою силою, ими же приведенною (Генв. 2—1204 г.), при чемъ случилось обстоятельство, быть можетъ, и въ прежнее время очень способствовавшее паденію Кіева: гости-иноземцы были поголовно ограблены. За спасеніе своей жизни они должны были отдать князьямъ половину своего достоянія. Это значило, что князья окончательно разоряли въ Кіевѣ весь торгъ.

Въ Кіевѣ, повидимому, совсѣмъ уже исчезалъ посадскій людъ. Теперь не было уже тѣхъ сильныхъ посадскихъ людей, которые лѣтъ полтораста назадъ грозили князьямъ, что отъ ихъ усобицъ они, граждане, уйдутъ въ Царьградъ. Теперь Кіевъ въ составѣ древнихъ Русскихъ городовъ становится рядовымъ городомъ, который особенно никого не привлекаетъ, даже и изъ южныхъ князей.

Проживъ спокойно и могущественно 20 лѣтъ, князь Андрей былъ тайно убитъ въ своей спальнѣ своими же приближенными боярами, Кучковичами, тѣми людьми, которые, вѣроятно, для своихъ же цѣлей лестью его вызвали изъ Вышегорода.

Тверской лѣтописецъ обстоятельнѣе другихъ описываетъ причины этого событія. Между прочимъ, онъ говоритъ, что Андрей былъ убитъ по наущенію своей княгини-жены, которая была родомъ болгарка и держала злую мысль противъ князя особенно за то, что онъ много воевалъ болгарскую землю и много зла причинилъ болгарамъ. Она втайнѣ жаловалась на это одному изъ бояръ, то-есть находилась уже въ заговорѣ съ боярами.

Но главнымъ поводомъ къ убійству князя послужило то, что передъ тѣмъ временемъ Андрей казнилъ одного изъ Кучковичей, несомнѣнно за вину, за которую бояринъ долженъ былъ отвѣтить головою, ибо въ то время и князь за вину отвѣчалъ своею волостью. «Нынче того казнилъ, а завтра насъ казнитъ, подумаемъ объ этомъ князѣ»,—сказалъ Кучковичъ, и заговорщики, числомъ 20 человѣкъ, рѣшили покончить съ княземъ въ ту же ночь, что и исполнили после долгой борьбы съ нимъ, ибо Андрей обладалъ не малою силою. Князь зналъ напередъ объ этомъ вражьемъ заговорѣ, но оставилъ дѣло безъ вниманія, отдаваясь волѣ Господа.

Убивши князя, заговорщики стали грабить и вывозить его казну. Одѣлись въ его оружіе и собрали цѣлый полкъ своей дружины, боясь, что придетъ къ отмщенью дружина владимірская.

Потомъ этотъ полкъ налегъ на грабежъ, — страшно было видѣть, говоритъ лѣтописецъ. Принялись за грабежъ княжедворцы и горожане Боголюбова. Всѣхъ милостниковъ князя побили, избили его посадниковъ, тіуновъ, дѣтскихъ, мечниковъ, и ограбили ихъ дома. Истреблено и разграблено такимъ образомъ все начальство.

Было ли это народное возмущеніе или боярское, объ этомъ лѣтописи не говорятъ съ надлежащею опредѣленностію. Но ходъ послѣдующихъ событій раскрываетъ, что это было одно изъ темныхъ дѣйствій борьбы между новыми посадскими и старыми боярскими людьми; убійство князя совершено тайно, заговоромъ, въ Боголюбовѣ, но не во Владимірѣ, даже съ опасеніемъ, что владимірская дружина будетъ мстить. Убійство, слѣдовательно, совершено партіею недовольныхъ бояръ, озлобленныхъ и мстившихъ за казнь одного изъ нихъ. Великій князь возбудилъ къ себѣ злобу и ненависть въ собственномъ же дворѣ между своими милостниками, конечно, за то, что не поступалъ въ своихъ распоряженіяхъ такъ, какъ имъ было любо.

«Гдѣ законъ, тамъ и обидъ много. Всякій, держась добродѣтели, не можетъ быть безъ многихъ враговъ»,—замѣчаетъ лѣтописецъ, разсказывая свою повѣсть объ убійствѣ Андрея.

Тѣло несчастнаго князя было брошено съ позоромъ на съѣденіе псамъ, при чемъ было сказано, что если кто до него дотронется, желая похоронить съ честью, тотъ самъ будетъ убитъ. Городокъ Боголюбовъ былъ безсиленъ противъ этой злобы, и самъ поспѣшилъ принять въ ней участіе всеобщимъ грабежомъ.

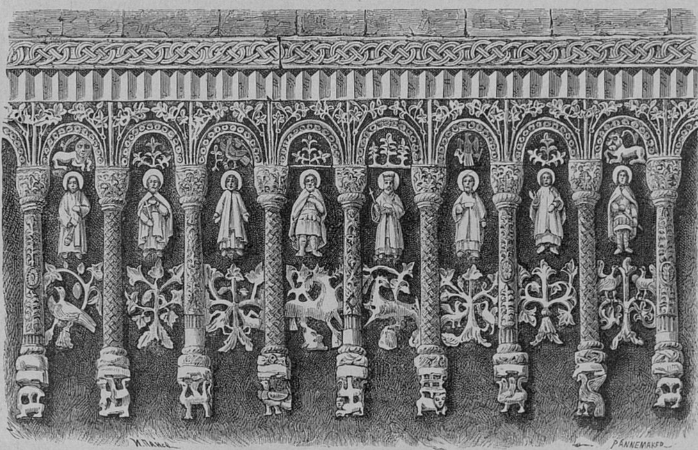
Но весь владимірскій народъ, напротивъ, поспѣшилъ съ честью взять тѣло своего князя; встрѣтилъ его у серебряныхъ воротъ города съ крестнымъ ходомъ, съ иконою Богородицы. Какъ только показалась хоругвь изъ Боголюбова, люди не могли выдержать, заплакали и отъ слезъ не могли и прозрѣть. Они встрѣтили и проводили въ могилу *добраго* князя великимъ плачемъ и воплемъ, который далеко былъ слышенъ, говоритъ лѣтописецъ, записавшій при этомъ даже надгробныя причитанья, какими народъ въ слезахъ провожалъ князя въ вѣчное жилище.

Здѣсь, на его похоронахъ, о немъ разсуждали, какъ о невинномъ страстотерпцѣ, получившемъ за свою добродѣтель побѣдный вѣнецъ, омывшемъ кровью свои грѣхи, и причисляли его къ первымъ князьямъ-мученикамъ, Борису и Глѣбу. Народъ понялъ, что онъ пострадалъ «за други своя», былъ погубленъ, какъ и Распятый, отъ своихъ же людей, желая имъ же всякаго добра. Такъ разсуждали о смерти Андрея лѣтописатели.

По ходу слѣдовавшихъ за тѣмъ событій, можно отчасти видѣть, кому особенно выгодна была смерть Андрея. Ростовцы, суздальцы, переяславцы, *бояре и вся дружина* отъ мала до велика съѣхались во Владиміръ не за тѣмъ, чтобы преслѣдовать и наказать убійцъ, а за тѣмъ только, чтобы сказать народу, что «такъ ужь случилось! Великаго князя Богъ отнялъ! Кого изберемъ на его мѣсто?» Вся дружина порѣшила призвать на княженье не братьевъ Андрея, которымъ присягала еще при его отцѣ, Юріи, а его племянниковъ, князей молодыхъ, при которыхъ можно было свободнѣе творить свою боярскую волю. Одни владимірцы воспротивились этому выбору, и стали крѣпко за правду.

У Андрея хотя и оставался сынъ, но онъ былъ еще малолѣтенъ, и потому объ немъ не думали даже и ростовцы.

Началось обычное междоусобіе князей, а, въ сущности, началась борьба старѣйшихъ людей, ростовскихъ и суздальскихъ бояръ, съ новыми, маленькими людьми, владимірскими каменщиками, древодѣлами, орочами, какъ величали ихъ ростовскіе бояре; началась, въ сущности, борьба



Рѣзной поясъ на южной сторонѣ Дмитровскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ.

между боярствомъ и промышленнымъ посадомъ, какимъ былъ новый городъ, Владиміръ, привлекшій на свою сторону, и изъ старыхъ—нововыстроенный, и потому несомнѣнно посадскій же Переяславль.

Племянники были люди еще очень молодые, не старше 15 лѣтъ, и ничѣмъ не знатные. Дяди, братья Андрея, Михалко и Всеволодъ, хотя тоже были молоды (младшему, Всеволоду, было 20 лѣтъ), но пользовались уже славою храбрыхъ бойцовъ съ половцами и между прочимъ славою князей послушныхъ, исполнявшихъ приказанія старшихъ охотно и безъ лести и крамолы.

Призываемые племянники, двое, и дяди двое пошли вмѣстѣ на счастье, сказавши: «Пойдемъ всѣ четверо; либо лихо, либо добро намъ будетъ всѣмъ». Старшинство они дали дядѣ Михалкѣ. Изъ Чернигова, гдѣ они всѣ находились въ это время, впередъ прибыли старшій дядя и младшій племянникъ въ *Москву*. Здѣсь началось ихъ раздѣленіе. Ростовцы позвали къ себѣ племянника, а дядѣ сказали: «Подожди въ Москвѣ», что значило: «воротись назадъ». Но

Михалко направился во Владиміръ, тамъ засѣлъ, и въ наставшую усобицу 7 недѣль держался въ осадѣ, но, наконецъ, принужденъ былъ уступить и ушелъ въ Русь.

Побѣдили ростовцы-бояре и посадили на великое княженіе князей-племянниковъ; а племянники, то-есть собственно бояре, роздали по городамъ посадничество *русскимъ дѣтскимъ*, т.-е. хожанамъ. Это показываетъ, что и ростовское боярство, по своему происхожденію, было русское, т.-е. южное, не природное суздальское, почему и посадниковъ оно предпочитало русскихъ же, своихъ земляковъ. Молодые князья слушались бояръ, а бояре учатъ на многое иманье, замѣчаетъ лѣтописецъ. Не только села, но и храмъ Владимірской Богородицы былъ ограбленъ: взято золото и серебро, отняты ея города и дани.

Владимірцы возмутились. «Мы по своей волѣ приняли къ себѣ князей, говорили они, и на всемъ уговорѣ крестъ цѣловали; а князи, какъ въ чужую волость зашли, грабятъ, не только волость, но и церкви. Промышляйте, братья, какъ поступить!» Соблюдая почетъ старшинству, владимірцы заявили свою обиду ростовцамъ и суздальцамъ. Тѣ на словахъ были за нихъ; но дѣломъ были далеко; бояре крѣпко держались тѣхъ князей, дабы вездѣ творить свою волю.

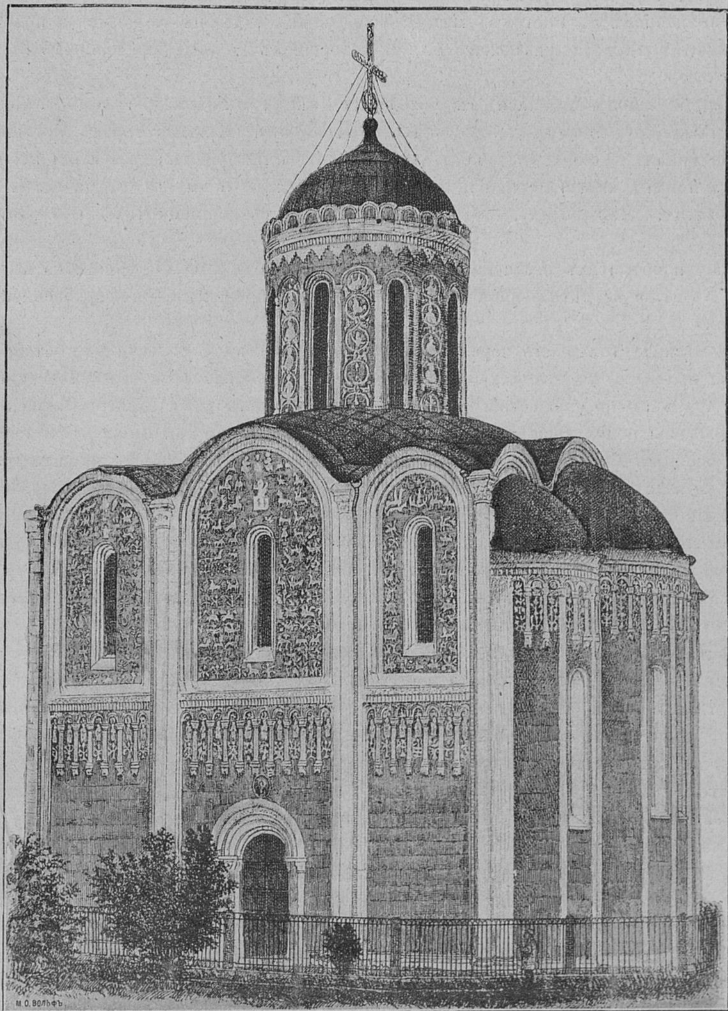
Хорошо зная боярскіе замыслы, владимірцы укрѣпились съ переяславцами и послали въ Черниговъ звать къ себѣ на княженье князей-дядей, Михалка и Всеволода Юрьевичей. Званые, на пути, опять остановились въ Москвѣ, гдѣ ихъ встрѣтила уже владимірская дружина. Михалка двинулся во Владиміръ, а изъ Владиміра ему навстрѣчу шелъ уже Ярополкъ съ намѣреніемъ не пустить новаго князя во Владиміръ. Произошло чудо: полки между Владиміромъ и Москвою разошлись въ лѣсахъ, и Михалко, къ тому же еще больной, благополучно дошелъ почти до самаго Владиміра. Однако, здѣсь, за 5 верстъ отъ города, онъ былъ внезапно встрѣченъ ростовскимъ Мстиславомъ. Полки сошлись на битву, но Мстиславъ скоро бросилъ знамя и побѣжалъ.

Теперь побѣдили владимірцы. Племянники должны были уйти изъ Суздальской земли. Теперь побѣдили старѣйшихъ ростовскихъ бояръ новые люди, холопы, каменщики. Вслѣдъ за побѣдою владимірцевъ и посадъ самаго города Суздаля поспѣшилъ прислать къ Михалкѣ съ такою рѣчью: «Мы противъ тебя, княже, не ходили. Ходили противъ тебя бояре. На насъ лихого сердца не держи, пріѣзжай къ намъ на радость». Михалка поѣхалъ и утвердился съ Суздалемъ; а потомъ также утвердился и съ Ростовомъ. Брата Всеволода онъ посадилъ княжить въ Переяславлѣ. Въ этихъ междоусобіяхъ живое участіе принималъ рязанскій князь Глѣбъ, которому князья-племянники, Ростиславичи, приходились шурьями, и который, повидимому, завелъ всю смуту. Онъ то и обобралъ Владимірскую церковь; унесъ къ себѣ даже и икону Богородицы. Михалко пошелъ было на него ратью, но тотъ предупредилъ, приславъ пословъ въ Москву, гдѣ уже былъ Михалко, раскаялся въ своей винѣ и все воротилъ до золотника; и что до книгъ, все воротилъ.

Прошло не болѣе года, какъ Михалко скончался, (1177 г.), а ростовскіе бояре уже звали къ себѣ его племянника, Мстислава Ростиславича, пославши за нимъ въ Новгородъ еще при жизни дяди. Владимірцы, помня крестное цѣлованье къ князю Юрію, вышли передъ Золотыя Ворота и торжественно присягнули Всеволоду, посадивъ его на столѣ отца и дѣда. Они тутъ же цѣловали крестъ и его дѣтямъ, чѣмъ и заявили всей Ростовской землѣ, что таковъ ихъ обычай, что они желаютъ укрѣпить на великое княженье *одного* Всеволода.

Такимъ образомъ, еще въ половинѣ XII вѣка Суздальская земля обнаружила стремленіе установить въ своихъ предѣлахъ то начало княжескаго наслѣдства, которое впослѣдствіи водворено было московскими князьями. Не государственные далекіе замыслы руководили этими людьми, а простая повседневная потребность жить спокойно, подальше отъ междоусобій, и имѣть у себя единаго знаемаго постояннаго хозяина. Однако, не прошло и девяти дней по смерти Михалка, какъ по землѣ стала ходить рать. Мстиславъ, племянникъ, шелъ уже къ Владиміру на дядю, Всеволода, желая отнять у него великое княженіе. Ростовцы и бояре, гридьба и по-

сынки и вся дружина борзо поспѣшали къ своей цѣли. Всеволодъ выступилъ съ владимірцами и съ своею дружиною да съ боярами, которые остались при немъ, какъ говоритъ лѣтопись; слѣдовательно, многіе ушли къ ростовцамъ.



Дмитровскій соборъ во Владимірѣ на Клязьмѣ.

Но Всеволодъ, не желая кровопролитія, послалъ къ племяннику съ такою рѣчью: «Братъ! тебя привела старѣйшая дружина (ростовцы), иди къ Ростову; оттуда возьмемъ миръ. Тебя ростовцы привели и бояре, а меня было съ братомъ Богъ привелъ и владимірцы. Останемся

въ своихъ мѣстахъ, а Суздаль да будетъ намъ общій: кого восхотятъ, тотъ и будетъ имъ князь». Противъ этой рѣчи ростовцы сказали своему князю: «Если и ты миръ ему дашь, такъ мы ему мира не дадимъ». Полки сошлись. Богъ помогъ Всеволоду. Бояре опять были разбиты каменщиками-владимірцами. Мстиславъ убѣжалъ въ Новгородъ, но теперь и Новгородъ его не принялъ за то, что онъ ударилъ пятою въ Великій городъ, промѣнявъ княженіе въ немъ на поиски за княженіемъ въ Ростовѣ. Изъ Новгорода онъ удалился въ Рязань и подмолвилъ на войну противъ Всеволода рязанскаго Глѣба, который въ ту же осень пришелъ къ Москвѣ и пожегъ весь городъ.

На зиму Всеволодъ поднялся въ походъ на Рязань, а Глѣбъ другою дорогою пробрался къ самому Владиміру, приведя съ собою и половцевъ. Онъ захватилъ городъ врасплохъ, ограбилъ и поплѣнилъ жителей; ограбилъ даже и церковь Богородицы, разбивши въ ней двери; и по округу пожегъ многія церкви и села, а женъ и дѣтей и имѣнье отдалъ поганымъ. «Разгнѣвилъ Бога и св. Богородицу. Судъ безъ милости не сотворшему милости», замѣчаетъ лѣтописецъ.

Услыхавши объ этихъ рязанскихъ подвигахъ, Всеволодъ спѣшно воротился къ Владиміру и на рѣкѣ Колахши встрѣтилъ рязанцевъ и половцевъ, обремененныхъ награбленною добычею и плѣнниками.

Цѣлый мѣсяцъ стоялъ онъ черезъ рѣку противъ враговъ и не начиналъ битвы. Это было его обычное правило. Въ такихъ случаяхъ, не желая кровопролитья, онъ всегда старался обезсилить врага въ продовольствіи и потомъ уже начиналъ дѣло. Такъ случилось и теперь. Когда всеволодовы полки зашевелились и стали переходить на выгодныя мѣста, враги побѣжали, и первый же Мстиславъ, его соперникъ. Оставалось только преслѣдовать, догонять и разбивать бѣгущихъ. Владимірцы однихъ посѣкали, другихъ вязали въ плѣнъ. Захваченъ былъ самъ рязанскій князь Глѣбъ съ сыномъ, захваченъ Мстиславъ и вся ихъ дружина: всѣ ихъ думцы и вельможи были переловлены, а поганые половцы избиты. Всеволодъ возвратился во Владиміръ съ великимъ торжествомъ. Была неизреченная радость въ городѣ.

Но послѣ радости на третій же день насталъ въ городѣ великій мятежъ; возстали *бояре* и *купцы* и отъ большихъ до меньшихъ всѣ люди пришли на княжій дворъ съ оружіемъ и стали говорить: «Господине княже! Мы за тебя головы свои складываемъ и кровь проливаемъ; тебя бережемъ и добра тебѣ хотимъ, а ты своихъ враговъ и нашихъ держишь просто. Вотъ они, враги твои и наши, суздальцы и ростовцы. Они живутъ вездѣ: и въ городѣ и за городомъ, повсюду ихъ здѣсь много. Если возстанутъ и сотворятъ крамолу за своихъ князей, что будетъ? Кончай съ князьями, либо казни ихъ, либо слѣпи, али отдай намъ».

Побѣдитель стало быть не думалъ о мести своимъ врагамъ и мирволилъ имъ, сколько было возможно. И теперь, чтобы унять народный мятежъ, онъ посадилъ князей въ порубъ (темницу). Туда же посадилъ онъ и Ярополка, доставленнаго по его требованію рязанцами.

Спустя немного времени, володимірцы опять возстали: всѣ вельможи, бояре и купцы и всѣ люди. Многое множество пришло ихъ на княжій дворъ опять съ оружіемъ въ рукахъ. Они кликнули великимъ кличемъ: «Чего ихъ держать! хочемъ слѣпить ихъ». Князь очень противился такому рѣшенію, очень печалился, но остановить раздраженной толпы не могъ. Люди разметали порубъ, схватили Мстислава и Ярополка и ослѣпили. А рязанскій Глѣбъ еще прежде померъ въ заключеніи. Слѣпцы съ гніющими очами поведены были въ Русь и, дойдя до Смоленска, на Смядьнѣ, въ церкви Бориса и Глѣба, въ праздникъ убіенія Глѣба (сентября 5) чудесно прозрѣли. Послѣ того, ихъ пріютилъ къ себѣ Новгородъ.

Эта исторія дядей съ племянниками лучше всего показываетъ, что за народъ были владимірцы. Она же вполнѣ можетъ объяснять и поведеніе самовластца Андрея: по какимъ причинамъ онъ долженъ былъ изгнать и братьевъ, и этихъ самыхъ племянниковъ, и отцовскихъ старѣйшихъ бояръ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ очень замѣтнымъ является стремленіе владимір-

скихъ людей уничтожать въ самомъ корнѣ причины и поводы княжескихъ крамолъ и усобицъ, упразднять въ зародышѣ всякое соперничество между князьями. Разъ избравши себѣ князя, по своей мысли вполнѣ достойнаго, они уже сами обороняли его отъ всякихъ соперниковъ, на которыхъ смотрѣли какъ на лютыхъ своихъ враговъ, и съ злобою и ненавистью выпроваживали ихъ изъ своей земли. Такимъ образомъ, властолюбіе или, собственно, единовластіе Андрея, какъ и его брата Всеволода, происходило не отъ личныхъ стремленій этихъ князей, а служило только отвѣтомъ на требованіе самой земли, искавшей себѣ единовластія отъ первыхъ временъ.

Переяславскій лѣтописецъ называетъ Всеволода *миродержцемъ*, т.-е. держателемъ земскаго мира и тишины. При всѣхъ обстоятельствахъ онъ чаще всего склонялся на миръ, «благосердый и не хотяй кровопролитія», какъ часто отзываются о немъ лѣтописи.

Мы уже замѣтили, что въ ратномъ дѣлѣ онъ держался правила по возможности не вступать въ рѣшительную битву, но истощать и обезоруживать противника отнятіемъ у него средствъ продовольствія. Во многихъ случаяхъ пылкая дружина очень роптала на такое послабленіе рѣшать дѣло безъ битвы.

Однажды онъ осадилъ Торжокъ. Граждане не хотѣли покориться, а онъ не хотѣлъ брать города приступомъ. Озлобленная дружина въ одинъ голосъ кликнула: «Мы не цѣловать ихъ пріѣхали. Они Богу лгутъ и тебѣ!», ударила коней и взяла городъ противъ воли князя.

Вообще, по своему характеру, онъ былъ очень миролюбивъ, но не вѣровалъ въ пословицу, что худой миръ лучше доброй брани. Онъ былъ заступникъ твердый и непоколебимый во всѣхъ мѣстахъ, не для одной Суздальской земли, но и всѣмъ сторонамъ Русской земли. Онъ главнымъ образомъ былъ заступникъ земства, и потому вѣровалъ въ другое русское присловье, что «славная брань лучше худого мира», и что «люди, живя со лживымъ миромъ, великую пакость землямъ творятъ». По этой мысли, онъ не оканчивалъ никакой ссоры безъ надлежащаго возмездія виновнымъ, никогда не прощалъ земской обиды, казнилъ злыхъ, а добромысленныхъ миловалъ, что завѣщалъ и Новгородцамъ. «Кто вамъ добръ, того любите, а злыхъ казните!»—сказалъ онъ имъ, отдавая Великому городу его старую волю и уставы старыхъ князей (1209 г.).

Это былъ старый, искони вѣчный уставъ всей Русской земли, уставъ вѣчевой жизни, который во многихъ случаяхъ приводилъ народъ къ вѣчевому самоуправству и самовластію даже съ самими князьями, а потому этотъ уставъ требовалъ суда праведнаго и нелицемѣрнаго. Лѣтописецъ отмѣчаетъ въ князѣ Всеволодѣ и эту великую земскую добродѣтель. Онъ говоритъ, что князь «судилъ судомъ истиннымъ, не опасаясь лица сильныхъ своихъ бояръ, обижающихъ меньшихъ, творящихъ насиліе, порабощающихъ сиротъ (крестьянъ)».

Эти то добрыя политическія качества истиннаго отца и господина, но еще не господаря земли, съ теченіемъ лѣтъ такъ усилили могущество Суздальскаго княжества, что воля Всеволода, какъ и его покровительство, распространялись на всѣ украйны Русской земли отъ Новгорода и до Карпатскаго Галича и Волыни. «Славнаго его имени трепетали всѣ страны», говоритъ лѣтописецъ, «и особенно половцы и болгары на Волгѣ, и по всей землѣ прошелъ слухъ о немъ». Ясное дѣло, что его слава утвердилась главнымъ образомъ на добромъ общемъ мнѣніи о его княжескихъ достоинствахъ. Его современникъ, пѣвецъ Игорева похода на половцевъ, взывая къ князю, говоритъ между прочимъ, что онъ могъ Волгу веслами раскропить, а Донъ шеломами (шлемами) вылить. Такъ рисовалась могучая сила Суздальскаго князя.

Однако, какимъ же поведеніемъ Всеволодъ достигъ такого могущества и славы? Въ теченіе 35 лѣтъ онъ повелѣвалъ, какъ отецъ и господинъ, но не какъ самовластный честолюбивый государь; онъ повелѣвалъ согласно старымъ уставамъ и обычаямъ, всегда отыскивая для своихъ дѣйствій точку опоры въ обще-земскомъ мнѣніи или въ здравомъ разсудкѣ самого народа. У него въ самомъ Владимірѣ имѣли большой голосъ не только бояре, но и купцы, и

всѣ люди. Его власть была больше всего отеческая, великокняжеская, и меньше всего господарская, царская, самовластная.

Наиболѣе достопамятнымъ событіемъ его княженія должно почитать созваніе *перваго земскаго собора* (1211 г.) отъ всей Суздальской области, отъ городовъ и волостей. На этомъ соборѣ рѣшался важный вопросъ, какому городу быть старшимъ въ Суздальской землѣ; древнему-ли великому Ростову, или новому мизинному Владиміру; старому-ли великому боярству, или новымъ маленькимъ людямъ, въ числѣ которыхъ, кромѣ новаго боярства, не послѣднее мѣсто занимали купцы и посадскіе.

Старшій сынъ Всеволода, Константинъ, еще въ 1207 году былъ посаженъ отцомъ на княженіе въ Ростовѣ. Послѣ себя отецъ отдавалъ ему, какъ старшему, великокняжескій столъ во Владимірѣ, а Ростовъ назначилъ второму сыну, Юрію. Константинъ не соглашался и требовалъ, чтобы Владиміръ былъ отданъ ему къ Ростову, какъ пригородъ старшаго города. Онъ явился ослушникомъ отцовской воли и, по двукратному вызову отца, не поѣхалъ даже къ нему во Владиміръ. Ясное дѣло, что онъ такъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ старобоярской партіи Ростова, которая, и спустя 40 лѣтъ, все еще не забывала своей старины и, получивъ себѣ точку опоры въ отдѣльномъ князѣ и къ тому же старшемъ сынѣ великаго князя, попрежнему намѣревалась занять господствующее положеніе во всей Суздальской странѣ.

Чтобы побороть Ростовское высокоуміе, Всеволодъ созвалъ во Владиміръ всѣхъ бояръ съ городовъ и съ волостей, епископа Іоанна, игуменовъ и поповъ, купцовъ, дворянъ и всѣхъ людей, и отдалъ старѣйшинство послѣ себя и великокняжескій столъ во Владимірѣ второму сыну, Юрію, утвердивши всѣхъ людей крестнымъ цѣлованьемъ. Константинъ, или, въ сущности, Ростовъ, узнавъ о такомъ рѣшеніи, «воздвигъ свои брови со гнѣвомъ на свою братью, особенно-же на Юрія».

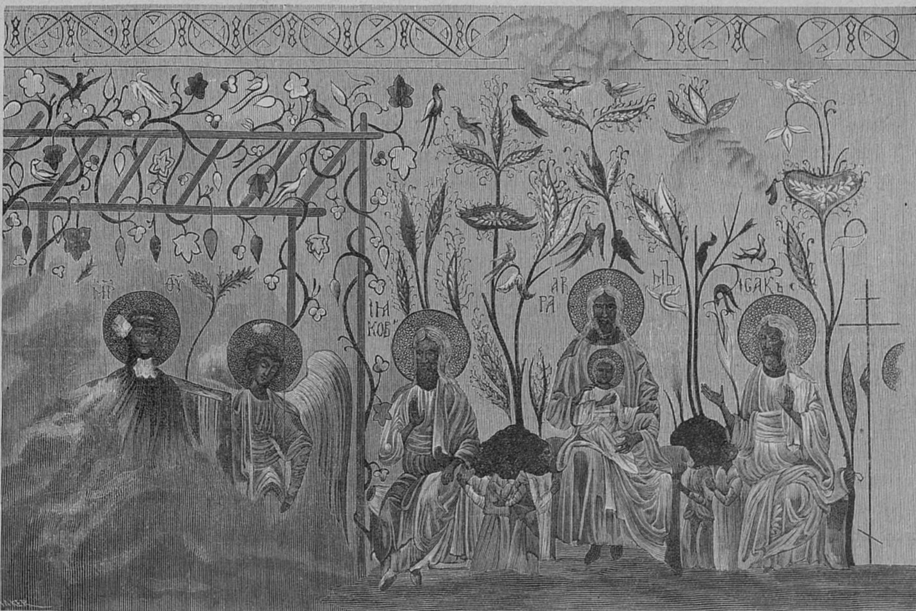
Несомнѣнно, что самая мысль о созваніи Земскаго собора принадлежала тоже всей землѣ, но не одному князю, который въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ обстоятельствахъ своего княженія, шелъ за теченіемъ народныхъ стремленій и народной воли. Кромѣ того, здѣсь опять съ особою силою обнаруживалось всенародное посадское желаніе установить въ землѣ единовластіе по примѣру прежнихъ князей, начиная съ Юрія и оканчивая тѣмъ-же Всеволодомъ; опять Суздальская земля заявляла, что таковы ея политическіе помыслы о княжеской власти и таковы ея завѣтныя преданія.

Основываясь на такомъ ходѣ Суздальскихъ событій, на явномъ участіи въ нихъ всего Суздальскаго народа, мы не можемъ относить къ личностямъ Андрея и Всеволода той чести, какую обыкновенно имъ приписываютъ, выставляя ихъ предтечами Московскаго Самодержавія, со всѣмъ добромъ и со всѣмъ проклятіемъ ихъ злохитрой будто-бы политики. Имъ, людямъ XII-го вѣка, приписываютъ обыкновенно сознаніе и стремленія XVI-го вѣка, чего въ дѣйствительности не было и быть не могло. Они были все еще князья своего вѣка. Ихъ сила и могущество, ихъ политика въ отношеніи къ другимъ княжествамъ въ полной мѣрѣ зависѣли отъ характера народности, которая выбрала (именно «*выбрала!*») ихъ своими вождями. Живя и дѣйствуя по разуму посадскаго населенія, они въ своемъ поведеніи были только лучшими людьми своей земли, почему и работали больше всего только для выгодъ земства, но не для выгодъ одной дружины.

Значеніе самовластія князей особенно ярко выразилось на примѣрѣ Рязани, которая, за постоянныя обиды съ ея стороны, поплатилась очень дорого. Ея князья и дружина, заводчики смутъ и крамолъ, были совсѣмъ покорены Всеволодомъ; но завоеванія земли не послѣдовало; земская самобытность и независимость Рязанскаго княжества оставались не прикосновенными. Явное дѣло, что отецъ наказывалъ непокорнаго сына, лишалъ его средствъ и возможности крамольничать — вотъ въ чемъ заключалась основа древней политики великихъ князей, которой строго держались и первые суздальскіе великія князья, вовсе не помышляя о государ-

скомъ самодержавіи. Вообще, все то *новое,* чѣмъ отличается Суздальская исторія отъ Кіевской, не было создано личностями Андрея и Всеволода, но издавна хранилось въ самомъ характерѣ суздальскаго народа и составляло въ сущности его посадскій нравъ, весьма отличный отъ боярскаго, какимъ славился нравъ южной Руси. Посадскіе, какъ мы видѣли, очень хлопотали о единомъ неподвижномъ князѣ; бояре-же, напротивъ, всегда желали многихъ князей, къ которымъ бы можно было переходить, и съ которыми, ходя по всей Руси, можно было бы добывать волости.

Однако, старый обычай и старое начало княжеской жизни и въ посадской землѣ направили ея исторію на свой путь. Земскій соборъ объ утвержденіи единаго наслѣдника княженію оказался преждевременною и тщетною попыткою установить посадскій порядокъ наслѣдованія.



Древнія фрески Дмитровскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ.

Вотъ почему, по смерти Всеволода, въ Суздальской землѣ ничего новаго не водворилось, и началась только снова и на новомъ мѣстѣ старая Кіевская исторія, т.-е. борьба за общее родовое владѣнье, за великокняжескій столъ во Владимірѣ.

У Всеволода, кромѣ умершихъ, оставалось шесть сыновей, которыхъ слѣдовало надѣлить кормленіемъ, хлѣбомъ, надѣлить городами. И вотъ здѣсь-то и скрывалось старозавѣтное русское зло — междоусобная крамола, которая почти у самаго гроба Всеволода подняла рать. Съ той поры, хотя и съ перерывами, а потомъ — и съ ослабленіемъ, не прекращалась до XV-го вѣка, т.-е. господствовала почти три столѣтія.

Всеволодъ прозывался *Великимъ гнѣздомъ,* потому что отъ его дѣтей и внуковъ расплодилось все племя сѣверныхъ князей. Послѣ его смерти, Суздальская земля на первое время раздѣлилась на четыре княженія. По назначенію отца, въ Ростовѣ остался Константинъ. Ли-

шенный старшинства, онъ совсѣмъ выдѣлялся со своею волостью изъ общаго состава великокняжескихъ земель, обособлялся, какъ Полоцкъ отъ Кіева при св. Владимірѣ. Къ Ростовской области принадлежали города: Угличъ, Молога, Ярославль, Бѣлоозеро, Устюгъ.

Юрій занялъ великокняжескій столъ во Владимірѣ, къ которому принадлежали: Москворѣцкая и Клязьминская долины, или весь рѣчной путь отъ запада къ устью Оки съ городами: Москвою, Суздалемъ, Радиловымъ Городцомъ (на лѣвомъ берегу Волги, выше Балахны) и старымъ городкомъ внизу Оки, близъ теперешняго Нижняго. Кромѣ того, великокняжеской же волости принадлежала дорога къ сѣвернымъ землямъ долиною рѣки Тезы (мимо Шуи) и отъ Костромской Волги по р. Костромѣ съ городомъ Костромою. Въ древнемъ Суздальскомъ соляномъ краю, по Нерехотской рѣкѣ Солоницѣ, Владимірской волости принадлежалъ городокъ Великая Соль, на рѣкѣ Солоницѣ, Нерехотскаго уѣзда, и Кострома.

Третій братъ, Ярославъ, какъ наслѣдникъ Юрія, былъ посаженъ въ Переяславлѣ, въ городѣ, старшемъ послѣ Владиміра, къ волости котораго принадлежали: верхневолжскій край и города: Митровъ, Тверь, Коснятинъ, на устьѣ Нерли, и съ другой стороны—Нерехоть (на р. Солоницѣ).

Четвертый братъ, Владиміръ, посаженъ въ Юрьевѣ Польскомъ (полевомъ или земледѣльческомъ). Младшіе, Святославъ и Иванъ, отданы были на руки Юрію.

Не успѣли похоронить покойника (обиженный Константинъ не поспѣлъ къ похоронамъ), какъ тотчасъ-же начались междоусобія. Константинъ, вопреки завѣщанію отца и земскому соборному постановленію — почитать Юрія за старшаго, сталъ доискиваться великаго княженія во Владимірѣ. «Подобаетъ-ли тому быть, что на отчемъ столѣ сидѣть будетъ меньшій, а не я, большій» — сказалъ онъ своими боярами и сталъ собирать войско.

Юрій едва ли не на гробѣ отца укрѣпился съ Ярославомъ вмѣстѣ бороться противъ Константина. Значитъ, противъ Ростова была вся Суздальская область, ибо сами по себѣ князья значили не много и всегда находились въ зависимости отъ городовъ. Отношенія князей къ городамъ лучше всего раскрываются на поведеніи переяславскаго князя Ярослава.

Возвратившись съ похоронъ въ свой Переяславль, гдѣ и родился, онъ созвалъ гражданъ къ св. Спасу и сталъ имъ говорить: «Братья-переяславцы! Отецъ мой пошелъ къ Богу, а васъ отдалъ мнѣ, а меня отдалъ вамъ на руки. Скажите-же мнѣ, братья, хочете ли вы жить со мною, какъ жили съ моимъ отцомъ? Хочете-ли свои головы за меня сложить?» — «Весьма хотимъ. Такъ и будетъ. Ты — нашъ господинъ, ты — Всеволодъ», — отвѣчали единодушно граждане и тутъ же, въ утвержденіе своихъ словъ, цѣловали крестъ къ нему.

Такимъ образомъ, основною чертою отношеній князя къ стольному городу его волости является какъ бы родственная связь между нимъ и гражданами, при чемъ городъ получаетъ обликъ кормильца-опекуна, держащаго князя на своихъ рукахъ. Эти слова самого князя, такъ образно возстановляющія собственное его сознаніе о родныхъ связяхъ съ городомъ, вполнѣ объясняются всѣми тѣми случаями, гдѣ дружина или и весь народъ исправляютъ даже нравственность своего князя, не говоря о разныхъ видахъ городского самоволія передъ его лицомъ. Въ то время политика и право повсюду на Руси руководились чувствомъ и понятіями родства.

Сознаніе объ отношеніяхъ къ городу, какъ кормильцу и опекуну, у самихъ князей развивалось и укрѣплялось тѣмъ обстоятельствомъ, что князья начинали княжить, по большой части, очень молодыми и нерѣдко малолѣтними, какъ началъ, напримѣръ, княжить въ Суздалѣ и Юрій Долгорукій. Его внукъ, Ярославъ, когда говорилъ свою рѣчь переяславцамъ, имѣлъ только 22 года. Но еще десяти лѣтъ онъ былъ посаженъ на княженье въ Переяславль русскій, а потомъ, при отцѣ, 16-ти лѣтъ сѣлъ княжить въ этомъ Переяславлѣ суздальскомъ.

Все это можетъ также служить доказательствомъ, что дѣла и дѣйствія князей, ихъ стремленія, добрыя или худыя качества ихъ политическаго поведенія всегда во многомъ зависѣли прежде всего, конечно, отъ дружины, а затѣмъ и отъ всего города-посада, отъ всѣхъ людей

ихъ княжества. Такія отношенія городовъ къ князьямъ лучше всего раскрываютъ первыя междоусобія дѣтей Всеволода.

Старый Кіевскій обычай, что старшій въ колѣнѣ заступаетъ мѣсто отца, подалъ какъ-бы законное основаніе Ростову отыскивать старшинство, несмотря на завѣщаніе Всеволода и рѣшеніе Земскаго собора. Какъ только Константинъ ростовскій сталъ собирать войско съ замысломъ идти во Владиміръ, братья, Юрій и Ярославъ, предупредили его, и съ войскомъ-же явились у Ростова. Видя свою слабость, Константинъ пошелъ на миръ. Между тѣмъ, одинъ изъ братьевъ, Владиміръ, недовольный надѣломъ въ Юрьевѣ, побѣжалъ въ Ростовъ, откуда Константинъ послалъ его въ Москву; въ ней онъ и засѣлъ княжить и укрѣпился. Это показывало, что Москва, какъ старое мѣсто, была значительнѣе новаго Юрьева и по всему вѣроятію желала имѣть своего отдѣльнаго князя, иначе горожане не пустили бы къ себѣ Владиміра.

Отнявъ у Юрія Москву, Константинъ отнялъ у него еще Соль Великую, пожегъ Кострому, а у Ярослава захватилъ Нерехоть. Соль Великая (теперь село) и Нерехта (на рѣкѣ Солоницѣ) принадлежали къ Костромскимъ, очень доходнымъ волостямъ, такъ какъ занимались вываркою соли.

Послѣ этихъ Ростовскихъ захватовъ, братья опять пошли къ Ростову. А московскій Владиміръ, узнавъ объ ихъ походѣ, напалъ съ Москвичами на Дмитровъ, городъ Ярослава.

Дмитровцы не захотѣли отдаться Владиміру; сами сожгли свое предградье и затворились въ осаду. Бились крѣпко и искали случая застрѣлить даже самого князя, такъ что онъ принужденъ былъ бѣжать отъ города и сѣлъ опять въ Москвѣ. Братья у Ростова опять уладились миромъ, и Юрій, съ помощью даже отъ Константина, направился къ Москвѣ и осадилъ свой же городъ. «Выѣзжай ко мнѣ, покорись, я тебя не съѣмъ, вѣдь ты мнѣ братъ», говорилъ Юрій Владиміру. Владиміръ сдался и получилъ въ надѣлъ русскій Переяславль. Ему всего было 20 лѣтъ. Очевидно, что онъ имѣлъ большую поддержку въ своей дружинѣ. Москва, такимъ образомъ, попрежнему осталась родовымъ городомъ безъ княженія.

Но искра междоусобной крамолы не угасала. Ростовъ не покидалъ своей мысли сдѣлаться старѣйшемъ городомъ въ Суздальской землѣ, и черезъ 4 года достигъ цѣли, при помощи знаменитаго Мстислава торопецкаго и новгородцевъ, и вслѣдствіе ссоры съ Новгородомъ Ярослава переяславскаго.

Передъ этимъ временемъ, торопецкій князь княжилъ въ Новгородѣ, былъ очень любимъ вольными людьми, но оставилъ Великій городъ, желая княжить въ южномъ Галичѣ. Много гадали новгородцы, кого выбрать, и рѣшили позвать Ярослава переяславскаго. Изъ всѣхъ сыновей Всеволода этотъ Ярославъ былъ самый дерзкій въ своихъ предпріятіяхъ, горячій и упрямый въ преслѣдованіи своихъ цѣлей и стремленій. Своимъ характеромъ онъ во многомъ напоминалъ своего прапрадѣда, древняго Ярослава, и такъ-же дерзко сталъ поступать и съ новгородцами. На первыхъ же порахъ онъ схватилъ нѣкоторыхъ знатныхъ гражданъ и заточилъ въ свой городъ Тверь.

Затѣмъ пошли городскія смуты и крамолы, и онъ удалился въ Новый Торгъ, откуда, остановивъ вывозъ хлѣба и всю торговлю, такъ стѣснилъ новгородцевъ, что они помирали голодною смертію и не знали, какъ быть. На защиту Новгорода явился, наконецъ, Мстиславъ, и борьба съ Ярославомъ изъ Новгорода перешла въ борьбу за Владимірскій столъ между Константиномъ и Юріемъ.

Славная Липецкая битва близъ города Юрьева рѣшила дѣло. И Ярославъ и Юрій едва сами уцѣлѣли и, побросавъ брони и одежды, безъ оглядки ускакали — одинъ въ Переяславль, другой во Владиміръ. (Шлемъ кн. Ярослава (Ѳедора) Всеволодовича найденъ былъ въ 1808 г., вмѣстѣ съ кольчугою, на мѣстѣ Липецкой битвы. Онъ обложенъ серебряными золочеными бляхами, изъ которыхъ на передней изображенъ архангелъ Михаилъ и надпись: «Великій архистратиже (Господень) Михаиле, помози рабу своему Ѳеодору». На верхнихъ изображены Спа-

Гос. Публичная Библиотека

ситель и свв. Θеодоръ, Василій и Георгій). Юрій, какъ союзникъ Ярослава, потерялъ княжескій столъ. Съ уничиженіемъ его выпроводили изъ города и посадили княжить въ Городцѣ на Волгѣ. Константинъ, получивъ великое княженіе, сѣлъ, однако, въ томъ же *мизинномъ* Владимірѣ, но не въ Ростовѣ. Стало быть, перенести средоточіе Суздальской жизни попрежнему въ Ростовъ было уже невозможно. Помирившись съ братомъ, Константинъ потомъ перевелъ Юрія изъ Городца въ Суздаль съ обѣщаніемъ, что послѣ своей смерти отдастъ ему и Владимірскій столъ. Суздаль и Городецъ здѣсь впервые обозначились особымъ княжествомъ, къ которому впослѣдствіи присоединился еще Нижній-Новгородъ.

Когда, по смерти Константина, великое княженіе перешло опять къ Юрію, и когда Ростовъ уже окончательно потерялъ свое старшинство передъ мизиннымъ Владиміромъ, то случилось весьма любопытное обстоятельство. Ростовскіе богатыри, по призыву Александра Поповича, собрались въ его городкѣ подъ Гремячимъ Колодеземъ, на рѣкѣ Гдѣ, и сотворили такой совѣтъ: «Если начнемъ служить князьямъ по разнымъ княженіямъ, разсуждали они, то всѣ будемъ перебиты, потому что у князей на Руси великое неустроеніе и частыя междоусобныя битвы», и положили рядъ-уговоръ, что идти имъ служить *единому* великому князю въ матери всѣмъ Русскимъ городамъ, въ Кіевѣ. Они ушли къ Мстиславу Романовичу, и потомъ съ нимъ ходили противъ татаръ, и въ битвѣ на Калкѣ Александръ Поповичъ и всѣ 70 богатырей были побиты. Надо припомнить, что десятилѣтнее княженіе Мстислава Романовича отличалось рѣдкою въ Кіевской Руси земскою тишиною.

Этотъ разсказъ заимствованъ въ лѣтопись по всему вѣроятію изъ пѣсни-былины, и потому необходимо исполненъ поэтической и исторической правды, которая раскрываетъ, что старые богатыри стараго Ростова, любя служить *единому* князю, тяготились злобою княжескихъ междоусобныхъ крамолъ, и, какъ только эти крамолы стали ходить и въ Ростовской землѣ, они, боясь мести отъ Юрія, удалились на службу въ старѣйшій городъ древней Руси; стали всѣ служить единому князю, т. е. въ сущности единому городу.

Народное созерцаніе такимъ образомъ лелѣяло мысль не только о единствѣ Русской земли, но и о единомъ князѣ, и стало быть отрицало существовавшій порядокъ размельченія княженій, разновластія князей и вовсе не вѣдало выгодъ тогдашней удѣльности, которую неправильно именуютъ даже федераціею, забывая, что эта федерація происходила и коренилась только въ размноженіи личностей княжескаго рода, въ размноженіи собственно мелкихъ помѣщиковъ.

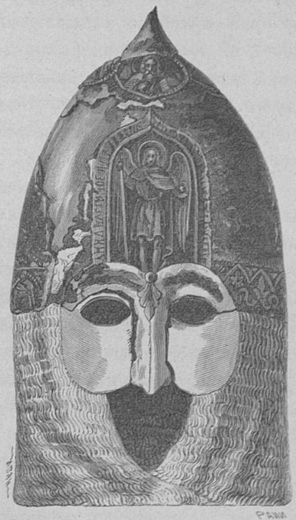
Ростовскіе богатыри жили преданіями первыхъ временъ, а первыя въ истинномъ смыслѣ богатырскія времена знаютъ только *единаго* князя, котораго поэтическая личность выразилась во Владимірѣ Красномъ Солнышкѣ, неотдѣлимомъ отъ единаго города, древняго Кіева.

Богатырскія, то-есть лучшія дружинныя силы, помышляли о единомъ князѣ. Посадскія силы, по существу своей жизни, необходимо тоже помышляли о единствѣ порядка и власти, ибо въ этомъ была первая потребность для рабочаго и промышленнаго люда, всегда желавшаго крѣпкой защиты и обороны, которая была возможна лишь въ спокойномъ владѣніи одного хозяина земли, но не многихъ. Здѣсь уже собственный хозяйскій разумъ по однородности цѣлей увлекалъ помышленія къ идеалу единаго княжества и единаго князя, не въ своемъ только городѣ, но во всѣхъ углахъ промысла и работы.

Черезполосица княженій могла ли способствовать процвѣтанію промысла и торга, если князья и ихъ бояре жили главнымъ образомъ поборами, именно отъ торга и всякаго промысла. Ихъ безпрестанные споры о волостяхъ и начинались, несомнѣнно, по случаю обидъ изъ-за тѣхъ же поборовъ.

Каждый князь могъ свободно затворять ворота своего княженія для вывоза и ввоза самыхъ необходимыхъ предметовъ народнаго потребленія, какъ, напримѣръ, не одинъ разъ дѣлалъ Ярославъ Всеволодовичъ, не пропуская въ Новгородъ хлѣба, а во Псковъ соли. Случа-

лось, что иные князья не пропускали чужихъ пословъ черезъ свою землю. Это были крупныя дѣянія княжескаго самовластія, о которыхъ упомянулъ и лѣтописецъ; но мелкія стѣсненія, мелкая борьба городовъ между собою, вѣроятно, были повседневны, особенно во время междоусобныхъ войнъ. Суздальская земля все XII столѣтіе прожила въ единомъ княженіи, при единомъ князѣ. Юрій Долгорукій княжилъ одинъ, отъ малолѣтства, болѣе 50 лѣтъ; за нимъ слѣдовалъ Андрей Боголюбскій, княжившій одинъ 20 лѣтъ; происшедшее послѣ него междоусобіе продолжалось не болѣе 2 лѣтъ, и за тѣмъ на великое княженіе сѣлъ Всеволодъ, прокняжившій 35 лѣтъ. Вотъ явная причина, почему Суздальская земля къ концу XII-го столѣтія почитается землею сильною, могущественною, съ которой опасно было и воевать. Въ рѣчахъ ея бояръ передъ Липецкою битвою высказывалось это сознаніе, что никогда не бывало, чтобы кто, войдя ратью въ Суздальскую землю, возвратился изъ нея цѣлъ. И самъ удалый Мстиславъ передъ Липецкою битвою долженъ былъ сказать дружинѣ такую рѣчь: «Братья! Мы вошли въ землю *сильную*, а, позря въ Бога, станемъ крѣпко, не озираясь назадъ; побѣгши не уйти, а забудемъ, братья, свои домы, женъ и дѣтей! А кому не умирать!»


Шеломъ князя Ярослава Всеволодовича.

Но сила Суздальской земли заключалась не въ боевой способности, не въ особенной храбрости ея дружины, въ чемъ ее весьма часто превосходили и новгородцы, и смоляне, и особенно русскіе, т.-е. кіевскіе полки. Ея сила заключалась въ единодушіи народа, который на Липецкомъ побоищѣ раздѣлился на двое: Ростовская сторона была противъ Суздальской; отцы были противъ дѣтей, дѣти противъ отцовъ, братъ противъ брата, рабы противъ господъ, господа противъ рабовъ. «О, страшное и дивное чудо!» — восклицаетъ при этомъ суздальскій лѣтописецъ, въ первый разъ видѣвшій такое междоусобіе въ своей землѣ.

Послѣ Липецкой битвы, этой междоусобной грозы, принесенной изъ-чужа, единство и миръ Суздальскаго княженія не нарушались цѣлыхъ 20 лѣтъ до появленія татаръ, несмотря на то, что, по смерти Константина, и Ростовская волость раздѣлилась между его сыновьями на три княженія: Ростовское, Ярославское и Угличское. Всѣ дѣти Всеволода, не исключая и Ярослава, дѣйствовали по посадски, очень миролюбиво. Особенно миролюбіемъ отличался великій князь Юрій Всеволодовичъ. Однажды Ярославъ, слушая клеветы нѣкоторыхъ, затѣвалъ было противъ него крамолу, возстановилъ на него и ростовскихъ Константиновичей; но Юрій поспѣшилъ окончить дѣло на княжескомъ вѣчѣ: созвалъ братьевъ и племянниковъ на совѣтъ, и привелъ ихъ въ такую любовь, что всѣ поклонились ему, цѣловали ему крестъ на всей любви, что будутъ его почитать, какъ отца родного.

Все это показываетъ, что дружина и боярство Суздальской и Ростовской земли еще не были искусны въ хитрыхъ замыслахъ и сплетеніяхъ крамолъ между своими князьями. Они точно также предпочитали миролюбіе и тишину войнѣ и походамъ; не говоримъ обо всемъ народѣ, для котораго миръ былъ дороже всего. И нѣтъ сомнѣнія, что отъ народнаго характера зависѣло миролюбіе самихъ князей, какъ и ихъ дружинниковъ-бояръ. Повидимому, Суздальская земля хорошо понимала всѣ невыгоды княжескихъ ссоръ и крамолъ, да и нельзя было этого не понимать, ибо сосѣди-чужеродцы всегда пользовались русскою смутою и тотчасъ поднимали рать.

Благодаря продолжительному единодержавію князей, Суздальская земля пользовалась спокойствіемъ въ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ другія княжества, и потому необходимо богатѣла и несомнѣнно привлекала населеніе со всѣхъ мѣстъ, гдѣ жить было не такъ безопасно.

Земская тишина способствовала развитію торга и всякаго промысла, а движеніе торговли наполняло великокняжескую казну различными сборами, пошлинами, не говоря о доходахъ княжескаго суда и различныхъ доходныхъ статьяхъ собственнаго княжескаго хозяйства.

Княжеское богатство больше всего отдавалось на постройку и украшеніе Божіихъ храмовъ. Еще Юрій Долгорукій, строя многіе города, много строилъ и церквей, по преимуществу каменныхъ, чѣмъ быть можетъ положилъ первое основаніе для развитія въ странѣ каменнаго дѣла, какъ обще-народнаго ремесла, за которое владимірцы стали прозываться каменщиками.

Но прежде, чѣмъ быть имъ каменщиками, владимірцы или вообще суздальскіе земцы были очень искусными плотниками, древодѣлами, чему доказательствомъ служитъ ростовская соборная церковь, дубовая, построенная еще въ 992 году и стоявшая до 1159 года, всего 168 лѣтъ, о которой лѣтописи отзываются какъ о дивной и великой, какой не бывало, да и потомъ таковой не бывать, прибавляютъ они. Этотъ отзывъ, записанный современниками послѣ ея пожара, даетъ основаніе заключать, что ростовскіе плотники X-го вѣка были великіе мастера своего дѣла не только съ технической стороны (церковь великая), но и съ художественной (церковь дивная), ибо слово *дивный* въ то время значило то-же, что у насъ прекрасный, художественный.

Такимъ образомъ, Ростовская земля, какъ и Новгородская, уже въ X вѣкѣ славилась своимъ плотничьимъ мастерствомъ. Каменное дѣло въ Ростовской землѣ стало особенно развиваться съ половины XII-го вѣка, когда на это положилъ особое усердіе князь Юрій Долгорукій. Лѣтописи говорятъ вообще, что онъ выстроилъ многія церкви, вѣроятно, деревянныя, но изъ каменныхъ именуютъ въ Суздалѣ церкви Рождества Богородицы (1148 г.) и Спаса (1152 г.); ц. Спаса въ Переяславлѣ, св. Георгія во Владимірѣ, и св. Георгія въ Юрьевѣ, и Бориса и Глѣба на Нерли, въ Кидекши. Постройку всѣхъ упомянутыхъ церквей лѣтопись относитъ къ 1152 году.

Однако, первое начало каменнаго церковнаго зодчества въ Ростовской землѣ относится еще ко времени Владиміра Мономаха, который выстроилъ въ Ростовѣ церковь Богородицы всѣмъ подобіемъ церкви Кіево-Печерской, размѣтивъ ея окладъ извѣстнымъ варяжскимъ златымъ поясомъ.

Подражая отцу, и сынъ его, Юрій, въ своемъ стольномъ городѣ Суздалѣ, еще при жизни отца выстроилъ такую же церковь, во всемъ подобную Кіево-Печерской. Такъ какъ Печерская церковь строилась при участіи варяга Шимона и по размѣрамъ его славнаго пояса, то по всему вѣроятію и церкви въ Ростовѣ и Суздалѣ были построены при особенномъ участіи если не самого отца, то его сына, суздальскаго тысяцкаго Георгія, который, живя въ Суздалѣ, постоянно имѣлъ попеченіе о церкви Печерской Кіевской и давалъ ей богатые вклады.

Спустя нѣкоторое время, выстроенныя въ Ростовской землѣ эти новыя каменныя церкви развалились, что, конечно, произошло отъ неискусства зодчихъ, быть можетъ первыхъ туземныхъ мастеровъ каменнаго дѣла. Несомнѣнно, что послѣдующія постройки князя Юрія, которыя лѣтопись относитъ къ 1152 году, производились уже мастерами болѣе искусными, и, какъ полагаютъ, иноземными, романскими. При Боголюбскомъ и его братѣ Всеволодѣ, суздальское зодчество стало уже процвѣтать въ полной силѣ.

Съ особеннымъ богатствомъ и великолѣпіемъ построенъ былъ Андреемъ Боголюбскимъ соборъ во Владимірѣ, во имя Успенія Божій Матери. Для этой постройки великій князь собралъ мастеровъ изъ всѣхъ земель, т. е. русскихъ, какъ вообще должно понимать эти слова лѣтописи. Но, вѣроятно, при этомъ были и греки, и нѣмцы, иначе—итальянцы, ибо Аристотель Фіоравенти, осматривавшій соборъ въ 1475 году засвидѣтельствовалъ, что строеніе было дѣломъ «нѣкіихъ ихнихъ мастеровъ».

Послушаемъ, что разсказываетъ лѣтописецъ южный о постройкахъ Андрея.

«Великій князь, говоритъ онъ, сильно устроилъ городъ Володиміръ,—украсилъ его вратами. Одни были Золотыя, другія Серебряныя, третьи Мѣдныя. Церковь соборную каменную всѣми различными *виды* украсилъ отъ золота и серебра; верхи ея позолотилъ, отчего она стала называться «золотоверхою»; трои церковныя двери также устроилъ золотомъ; *удивилъ* ее всякими узорочьями, дорогимъ каменьемъ и жемчугомъ многоцѣннымъ; освѣтилъ ее многими паникадилами золотыми и серебряными; амвонъ устроилъ отъ злата и серебра. Служебные сосуды, рипиды и прочія священныя и церковныя вещи—все было отъ злата съ дорогимъ каменьемъ и жемчугомъ великимъ. Снаружи храма всю кровлю златомъ устроилъ, своды позолотилъ, поясъ золотомъ устроилъ, каменьемъ усвѣтилъ, и столпы (лопатки) позолотилъ. На сводахъ поставилъ золотыя птицы, кубки (вазы), вѣтрила (флюгера)».

По позднѣйшимъ свидѣтельствамъ, самый помостъ Владимірской церкви былъ мѣдный, чудный, по выраженію лѣтописи, которая называетъ его дномъ. Надо сказать, что если Кіевъ старался быть подобіемъ Цареграда, то Владиміръ суздальскій представлялъ нѣкоторое подобіе Кіева, даже по своему мѣстоположенію на горахъ передъ широкою зарѣчною долиною. Мѣстное сходство заставляло князей переносить сюда и кіевскія имена урочищъ, поэтому во Владимірѣ существуетъ рѣка Лыбедь, существовали ворота, кромѣ Золотыхъ, Орянинскія, названныя такъ, вѣроятно, отъ церкви; существовалъ даже Печерній городъ, указывающій, что и здѣсь, въ горахъ, были пещеры. Точно также и городокъ Боголюбовъ по мѣстности и разстоянію отъ Владиміра уподоблялся кіевскому Вышгороду, какъ и было отмѣчено южнымъ лѣтописцемъ.

Въ этомъ любимомъ городѣ Боголюбовѣ Андрей построилъ каменную же церковь въ честь Рождества Богородицы, посреди города и *удивилъ* ее паче всѣхъ церквей, украсилъ ее иконами многоцѣнными, златомъ, каменьемъ дорогимъ, жемчугомъ великимъ, безцѣннымъ, устроилъ различными цатами, и аспидными (мраморными) цатами украсилъ. О свѣтлости храма нечего было и говорить: вся церковь была золотая, всѣ приходящіе дивились, всѣ видѣвшіе ее не могли пересказать ея красоты. Всѣ церковныя вещи, сосуды, рипиды, кадила и пр.—все блистало золотомъ и финиптомъ (эмалью). Внутри, отъ верха до помоста, и по стѣнамъ, и по столпамъ было ковано золотомъ, и двери и ободверье, и сѣнь отъ верха и до деисуса—все златомъ украшено, всею добродѣтелью церковною была исполнена, измечтана всею хитростію. «Приходилъ ли гость изъ Царьграда или отъ иныхъ странъ, изъ русской земли, или латинянинъ (европеецъ), и всякій христіанинъ или поганые (язычники)—тогда князь Андрей приказывалъ: введите его въ церковь и на полати, пусть и поганый видитъ истинное христіанство да крестится, что и бывало: болгары и жиды и вся погань, видѣвши славу Божію и украшеніе церковное,—крестились».

Въ 1185 году погорѣлъ мало не весь городъ Владиміръ. Погорѣлъ княжій дворъ *великій* и церковь Богородицы со всѣмъ описаннымъ украшеніемъ и со всѣмъ ея богатствомъ — все огонь взялъ безъ остатка. Въ то время въ городѣ сгорѣло 32 церкви, что можетъ свидѣтельствовать о тогдашней обширности города и объ усердіи самихъ гражданъ въ постройкѣ церквей, вѣроятно, по большей части, деревянныхъ. Послѣ пожара соборная церковь была не только обновлена попрежнему, но получила новый видъ. Храмъ съ трехъ сторонъ былъ увеличенъ пристройками боковыхъ галлерей, при чемъ на новыхъ углахъ были поставлены еще четыре главы, такъ что церковь стала пятиглавою.

Какъ Андрей наслѣдовалъ отцу его усердіе въ постройкѣ церквей, которыя при большомъ богатствѣ и украшалъ великолѣпнѣе, такъ и Андрею достойнымъ наслѣдникомъ въ этомъ дѣлѣ былъ его братъ Всеволодъ. Возобновивъ соборъ, онъ возлѣ своего дворца выстроилъ новый храмъ во имя св. Дмитрія, богато украсивъ его наружныя стѣны каменною рѣзьбою. Также была украшена и другая, монастырская церковь, построенная Всеволодомъ во Владимірѣ же въ честь Рождества Богородицы, въ 1191 году. Впослѣдствіи даже въ небольшомъ княжествѣ

юрьевскомъ, въ городѣ Юрьевѣ, была выстроена церковь Георгія, подобнымъ же образомъ богато украшенная рѣзьбою (1230—1234 г.).

Надо еще замѣтить, что каменная рѣзьба непремѣнно расписывалась карамами, потому что древность отъ античныхъ временъ вообще не любила сухихъ и голыхъ формъ и всегда одѣвала ихъ въ цвѣтной нарядъ, какъ это можно замѣтить и изъ самыхъ описаній всѣхъ *дивныхъ* украшеній въ храмахъ города Владиміра.

Само собою разумѣется, что старые города Ростовъ и Суздаль, хотя и не могли спорить съ княжескимъ богатствомъ новаго города Владиміра, но въ постройкахъ и въ украшеніи своихъ соборныхъ церквей вполнѣ ему соревновали. Здѣсь вмѣсто золота и серебра храмы украшались стѣнописью. Вмѣсто золоченыхъ кровель суздальскій соборъ былъ покрытъ оловомъ (1193 г.), при чемъ лѣтописецъ отмѣтилъ, какъ особое чудо, что стали было искать мастеровъ-нѣмцевъ, а были найдены мастера тутошніе, свои, которые и лили олово, и крыли, и известью бѣлили обновляемый храмъ. Олово и приходило съ Балтійскаго моря, а потому и мастера этого производства являлись вначалѣ оттуда-же.

Какъ рѣдкое украшеніе суздальскихъ храмовъ, весьма примѣчательны церковные помосты изъ краснаго разноличнаго мрамора, собственно изъ шлифованныхъ валуновъ (кругляки, голыши) кремневой яшмы, которые въ изобиліи собирались въ каменныхъ ломкахъ по рѣкѣ Клязьмѣ и ея притокомъ, какъ равно и по муромской Окѣ. Такимъ мраморомъ устроенъ былъ въ 1233 году помостъ Суздальскаго собора. Впослѣдствіи такой же помостъ былъ устроенъ и въ Ростовскомъ соборѣ, оттуда или же изъ Суздаля онъ былъ перенесенъ въ Москву, въ Благовѣщенскій соборъ, гдѣ находится и теперь. Если эти помосты устраивались изъ туземнаго камня, то здѣсь раскрывается новый, весьма замѣчательный отдѣлъ суздальскаго промысла и работы.

Всѣ эти свидѣтельства о постройкѣ храмовъ, объ ихъ украшеніи, всѣ восторженныя описанія церковной красоты въ лѣтописяхъ, а равно и сохранившіеся памятники даютъ не малое основаніе къ заключенію, что въ Суздальской области, въ концѣ XII и въ началѣ XIII вв., церковное художество во всѣхъ его видахъ восходило на ту степень, которая сулила очень богатую будущность.

Но въ то время какъ благоразумный и миролюбивый князь володимірскій Юрій при всѣхъ спорныхъ случаяхъ старательно возстановлялъ въ своемъ княженіи миръ и тишину, и когда, пользуясь этой тишиною, Суздальская земля строила чудные храмы, украшая ихъ рѣзьбою, настилая въ нихъ помосты изъ чудной мѣди и яшмы, въ это время съ востока уже показывалась татарская гроза.

Впервые татары появились въ южныхъ степяхъ, гоняя половцевъ. Это было въ 1224 году. Русскіе южные князья заступились за половцевъ и поднялись на невѣдомаго новаго врага всѣми полками. Услышавъ объ этомъ, татары очень политично и разсудительно толковали князьямъ, что половцы—общій врагъ и имъ, татарамъ, и русскимъ, что поэтому надо стать противъ нихъ заодно и истребить все половецкое племя. Князья не послушали разумнаго совѣта и даже избили татарскихъ пословъ, что было нечестно и безбожно. Гордость, величаніе, высокоуміе, котора (вражда) погубили и самихъ князей, говоритъ правдивый лѣтописецъ.

На рѣкѣ Калкѣ случилась татарская побѣда надъ русскими князьями, какой не бывало отъ начала русской земли. Тутъ погибли и всѣ русскіе богатыри, а изъ ратныхъ едва-ли десятый возвратился домой. Говорили, что однихъ кіевлянъ погибло 10,000. Спаслись немногіе. Спасся отъ бѣды самый храбрый изъ князей, Мстиславъ торопецкій, который первый прибѣжалъ къ Днѣпру и, боясь погони, пожегъ за собою всѣ ладьи.

Захвативши князей, татары сдѣлали изъ нихъ себѣ помостъ, поклали ихъ подъ доски и сѣли наверху обѣдать.

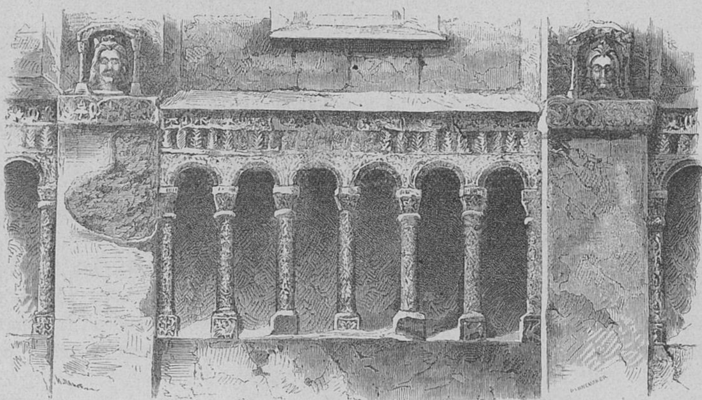
Это было какъ бы предзнаменованіемъ того порабощенія, какое должны были испытать русскіе князья впослѣдствіи.

Откуда пришли и куда дѣвались потомъ грозные побѣдители, никому не было извѣстно. Такъ молва о нихъ на югѣ вскорѣ умолкла совсѣмъ.

Спустя нѣсколько лѣтъ, былъ слухъ (1229 г.), что половцы изъ низу прибѣжали отъ татаръ къ болгарамъ на Волгу, а потомъ пронесся слухъ уже по Суздальской землѣ, что татары въ 1232 году показались на Волгѣ и зимовали, не дойдя до великаго болгарскаго города, а потомъ, въ 1236 году разнеслась вѣсть, что безбожные поплѣнили всю землю Болгарскую, и градъ Великій взяли, и всѣхъ или посѣкли, или увели въ плѣнъ.

Изъ лѣтописей не видно, чтобы эти вѣсти хотя сколько-нибудь озабочивали русскихъ князей. Прошло еще два года. Въ концѣ 1237 года по первому зимнему пути стало слышно, что татары приближаются лѣсомъ къ Рязанской землѣ, что они стоятъ уже станомъ подъ Чернымъ лѣсомъ, гдѣ-то у воронежскаго Дона.

Тогда къ рязанскимъ князьямъ явились и ихъ послы, какая то жена-чародѣйка и съ нею два мужа, и первымъ словомъ начали просить десятины во всемъ: десятаго князя, десятаго въ людяхъ, десятаго въ коняхъ, десятаго въ бѣлыхъ, десятаго въ бурыхъ, десятаго въ ры-



Рѣзной поясъ на стѣнахъ Суздальскаго собора.

жихъ, десятаго въ пѣгихъ. Князья встрѣтили пословъ еще на границахъ рязанскихъ земель, въ Воронежѣ. Князья отвѣтили посламъ, какъ всегда и вездѣ отвѣчалъ русскій князь: «Коли насъ не будетъ, то все ваше будетъ». Послы прошли дальше къ великому володимірскому князю, которому также предлагали миръ, но вѣроятно на тѣхъ же условіяхъ десятины отъ всего. Великій князь не согласился, одарилъ пословъ и отпустилъ ихъ въ ихъ станы на Воронежъ. Прислали къ великому князю пословъ и рязанскіе князья, прося помощи, или бы и самъ выходилъ съ войскомъ. Но нельзя было противиться гнѣву Божію, замѣчаетъ лѣтописецъ. Навелъ Господь на всѣхъ *недоумѣніе* и грозу, и страхъ, и трепетъ. Великій князь не послушалъ: ни помощи не прислалъ, ни самъ не пришелъ. Задумалъ самъ особо защищать свою землю.

Здѣсь самъ собою высказывался этотъ злой духъ древней Руси, духъ обособленности, разновластія, разномыслія, не говоря о его постоянныхъ спутникахъ: о крамолѣ, зависти и враждѣ, которыхъ въ настоящемъ случаѣ не было, но которыя въ первой битвѣ съ татарами ни за что погубили все дѣло. Татары за одинъ пріемъ повоевали всю Рязанскую землю, побили князей,

пожгли города и села, поплѣнили населеніе и направились къ Коломнѣ. Здѣсь ихъ встрѣтила передовая суздальская рать, которая послѣ крѣпкой и великой сѣчи тутъ же была вся побита. Татары прошли къ Москвѣ, взяли и пожгли городъ, людей избили отъ старца до младенца; убили воеводу Филиппа Няньку, а сына Юрьева, княжича Владиміра, захватили съ собою и пошли на Володиміръ.

Великій князь оставилъ городъ на защиту двумъ сыновьямъ, а самъ ушелъ на Волгу собирать полки. Татары окружили городъ со всѣхъ сторонъ, подвели къ Золотымъ воротамъ княжича Володиміра, унылаго лицомъ и изнемогшаго; спрашивали его братьевъ, узнаютъ ли они, чей это княжичъ? Отвѣтомъ были всеобщія слезы и поголовное рѣшеніе: «Лучше умремъ всѣ передъ Золотыми воротами за св. Богородицу и за правую вѣру!»

Устраивая осаду Владиміра, татары между тѣмъ прошли дальше и взяли Суздаль. Это значило, сожгли городъ, ограбили церкви, посѣкли и поплѣнили жителей. Такъ былъ взятъ и пожженъ и Владиміръ. Великая княгиня съ дочерьми, со всѣми родными, со всѣми боярынями и все боярство и лучшіе люди думали спастись въ соборѣ и затворились въ немъ. Но татары выломали двери, разграбили церковь, ободрали и чудную икону Богоматери; навалили бревенъ внутри и около и зажгли чудный храмъ. Всѣ спасавшіеся или сгорѣли, или задохлись въ дыму.

Отъ разореннаго Владиміра татары разсыпались по всей Суздальской землѣ, направляясь къ Волгѣ, на полки великаго князя. Главнымъ предводителемъ ихъ былъ Бурундай богатырь.

Въ теченіе одного мѣсяца февраля они поплѣнили почти всѣ суздальскіе города, числомъ 14, кромѣ слободъ и погостовъ; взяли Ростовъ, Ярославль, Переяславль, Юрьевъ, Дмитровъ, Волокъ, Тверь, Торжокъ, а по Волгѣ,—Городецъ и до Галича мерьскаго.

Великаго князя они встрѣтили вверху Волги, у Мологи, на рѣкѣ Сити. Послѣ отчаянной битвы, русскіе полки дрогнули и побѣжали. Тутъ былъ убитъ и великій князь. Едва отыскали его тѣло, лежавшее безъ головы и уже послѣ нашли его голову.

Повидимому, татары хотѣли истребить все племя русскихъ князей. Они гонялись за ними по всѣмъ мѣстамъ. Но для христіанскаго языка, чтобы не оскудѣла вѣра христіанская, говоритъ лѣтописецъ, Господь сохранилъ нѣкоторыхъ. Спаслись отъ погибели три брата Юрьевы: Ярославъ съ шестью сынами, Святославъ съ сыномъ, Иванъ и четыре князя ростовскихъ, всего 14 князей.

Опустошивъ Торжокъ, татары направились было Селигерскимъ путемъ къ Новгороду, но не дошли 100 верстъ и воротились, посѣвая людей, яко траву. Оттуда они проложили себѣ путь прямо на югъ, черезъ землю древнихъ вятичей, и были надолго остановлены отчаяннымъ сопротивленіемъ незначительнаго городка Козельска, показавшаго хотя и запоздалый, но доблестный примѣръ, какъ вообще надо было умирать, спасая себя и отечество. Козляне не были застигнуты *недоумѣніемъ*, напротивъ, имѣли умъ крѣпкодушный, не потерялись. Въ то время былъ у нихъ князь-младенецъ, именемъ Василій. «Молодъ нашъ князь, но положимъ за него свои головы. Здѣсь славу себѣ добудемъ, и тамъ на небеси отъ Бога вѣнцы мучениковъ пріимемъ»,—рѣшили горожане, и семь недѣль бились съ Батыевыми полчищами, сами погибали и татаръ побили 4000 тысячи. Городъ, конечно, былъ взятъ. Ни одного человѣка, даже ни одного младенца не осталось въ живыхъ; все было побито; маленькій князь Василій, говорятъ, утонулъ въ крови. Три сына татарскихъ темниковъ, главныхъ воеводъ, тутъ же погибли, и татары не могли отыскать труповъ во множествѣ мертвыхъ. Татары прозвали Козельскъ *злымъ* городомъ. Отсюда Батый удалился въ землю Половецкую, въ южныя степи.

Ярославъ Всеволодовичъ, сѣвшій было княжить передъ тѣмъ временемъ въ Кіевѣ, не удержалъ тамъ княженія и, перейдя попрежнему въ Новгородъ, поспѣшилъ теперь во Владиміръ, какъ старѣйшій изъ оставшихся князей.

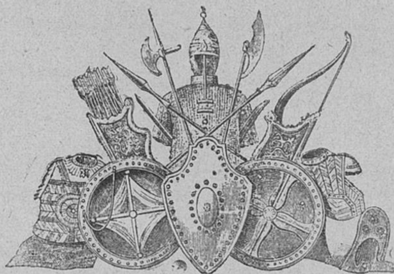
Населеніе встрѣтило его съ великою радостью, какъ добраго вѣстника, что ужасающая гроза,

страхъ, трепетъ миновали, и возстановляется тишина и обычный порядокъ. По выраженію лѣтописца, онъ обновилъ Суздальскую землю, собралъ и похоронилъ кости погибшихъ, очистилъ церкви отъ трупья мертвыхъ, собралъ оставшихся, разбѣжавшихся людей, утѣшилъ бѣглецовъ всякою помощью; началъ ряды рядить, давая всѣмъ судъ и правду. Брату Святославу онъ отдалъ Суздаль, а другого, Ивана, посадилъ въ Стародубѣ Клязьминскомъ. Ростовская область осталась за ростовскими князьями. Была радость великая христіанамъ, прибавляетъ лѣтопись, ибо великій князь крѣпкою рукою избавилъ ихъ отъ безбожныхъ татаръ. Эти слова вполнѣ будутъ понятны, если припомнимъ другое выраженіе лѣтописи, что въ то время повсюду насталъ великій переполохъ, люди и сами не знали, кто гдѣ и куда бѣжитъ отъ страха.

Въ такихъ обстоятельствахъ твердая и крѣпкая рука народнаго кормчаго, какимъ явился великій князь, цѣнилась выше всего. Но упомянутыя лѣтописныя отмѣтки важны еще и въ томъ отношеніи, что онѣ рисуютъ характеръ населенія Суздальской земли, которая всегда дорожила крѣпкою рукою праведной власти, всегда желала крѣпкаго порядка въ своей странѣ и всегда радовалась, какъ только наставалъ такой порядокъ.

Черезъ годъ татары снова явились уже только довоевывать еще не занятыя ими земли. Они напали на Мордовскую землю, опустошили и пожгли Муромъ, нижнюю Оку и нижнюю Клязьму (Гороховецъ).

И. Забѣлинъ.



ОЧЕРКЪ III.

СУЗДАЛЬСКАЯ РУСЬ ВЪ ТАТАРСКОЙ НЕВОЛѢ.

Батыево нашествіе.—Новое начало Русской исторіи.—Значеніе сѣвернаго посада.—Главныя его средоточія въ Суздальской области.—Тверской, Нижегородскій и Московскій промышленно-посадскіе углы.—Ихъ стремленія къ владычеству надъ всею областью.—Отношеніе къ нимъ Верхняго Новгорода.—Александръ Невскій какъ основатель послѣдующей Московской политики.—Переяславль-Залѣсскій.—Главный узелъ княжескихъ междоусобій.—Могущество Твери.—Силы Москвы.—Великая трагедія Русской исторіи.—Гибель князей.—Гибель Твери.

Отъя Господь у насъ силу, а недоумѣніе, и грозу, и страхъ, и трепетъ вложи въ насъ за грѣхи наша.

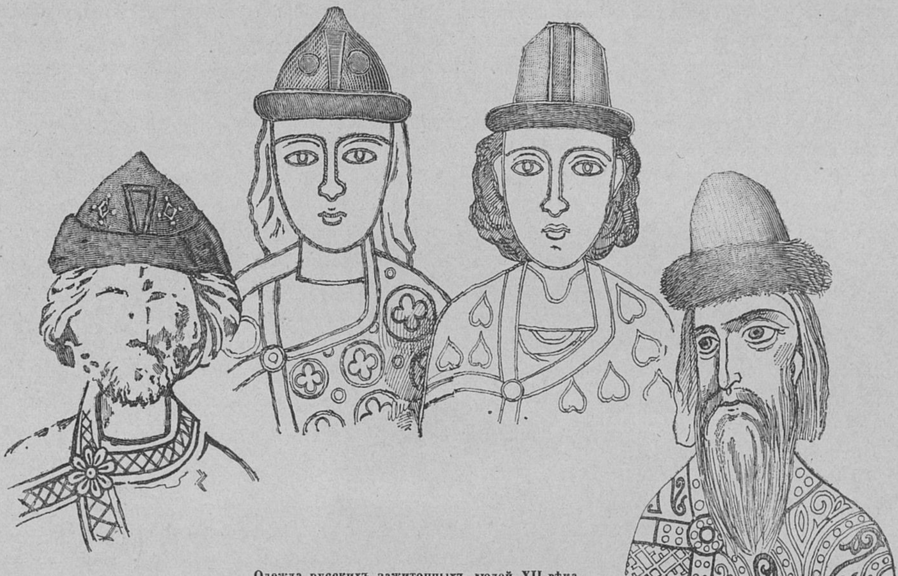
Новгородскій лѣтописецъ о Батыевомъ нашествіи.

Батыево нашествіе, направленное прежде всего на Суздальскій край, заслуживаетъ въ этомъ отношеніи особаго вниманія. Въ первый разъ татары встрѣтились съ русскими на югѣ. Изъ Кіева поднялась Русь на несчастную битву при Калкѣ, поэтому слѣдовало ожидать, что и теперь татары направятъ свое отмщенье прежде всего на Кіевъ; но они начали съ сѣвера, съ Суздальской земли, которая въ это время была главною силою всей Руси и несомнѣнно была богаче, чѣмъ другія княжества, такъ какъ въ ней теперь больше, чѣмъ гдѣ-либо сосредоточивался промыслъ и торгъ всей Руси. Татары выбрали и особое время для своего нападенія. Они подошли къ рубежамъ съ осени, лѣсною дорогою, зазимовали гдѣ-то въ мѣстахъ около теперешняго Воронежа и двинулись на Рязанскую землю по первому зимнему пути. Все это показываетъ, что они очень хорошо знали всѣ обстоятельства, благопріятныя для успѣха задуманнаго нападенія. Зима повсюду ставила ровную и прямую дорогу; лѣтомъ они могли-бы пропасть въ лѣсахъ и болотахъ, и во всякомъ случаѣ не могли-бы дѣйствовать съ такою быстротою, какъ это случилось. Въ два мѣсяца (январѣ и февралѣ) они прошли во всѣхъ направленіяхъ по всей Суздальской землѣ.

Нельзя не замѣтить, что весь походъ былъ сложенъ по обдуманному заранѣе плану и при помощи знатоковъ Суздальской Руси, бывалыхъ людей, которые безъ сомнѣнія служили также и проводниками во всѣ ея углы. Эти знатоки, были ли они купцы отъ болгаръ, или съ нижней Волги, были ли они русскіе люди, или какіе иноземцы, по всему видно, хорошо знали не только русскіе пути, но и состояніе дѣлъ и на сѣверѣ и на югѣ. Они знали, что, разгромивши прежде сѣверъ, главную силу, легче будетъ потомъ разгромить и Кіевскій югъ. На

другой же годъ татары повоевали Переяславское и Черниговское княжества, т. е. всѣ земли по лѣвому берегу Днѣпра, а къ концу третьяго, 1240 года, явились, наконецъ, и подъ стѣнами Кіева. Послѣ долгой осады и отчаянной обороны матерь Русскихъ городовъ была плѣнена и разорена и выжжена, какъ Суздальскій Владиміръ. Затѣмъ татары прошли въ Галицкую Русь почти до Карпатъ и до Дуная, повсюду безъ пощады посѣкая людей и опустошая страну во всѣ концы.

Нанесенный татарами ударъ былъ особенно силенъ по той причинѣ, что упалъ внезапно и при томъ на Русь, ослабленную во всемъ своемъ составѣ княжескимъ разновластіемъ, или такъ-называемою федераціею, у которой, кромѣ имени Руси и православной вѣры, въ политическихъ отношеніяхъ ничего не было единаго. Каждый думалъ только о себѣ, и если жалѣлъ Русскую землю, истощаемую междоусобіями, то жалѣлъ больше всего только со стороны



Одежда русскихъ зажиточныхъ людей XII вѣка.

Рисунокъ взятъ изъ рукописи XII вѣка).

разоренія своего княженія и своего собственнаго хозяйства. Въ теченіе 200 лѣтъ по смерти Ярослава, могущественная нѣкогда Русь быстро шла назадъ, и передъ лицомъ татаръ явилась раздробленною и слабою, какою была при хозарахъ въ началѣ IX вѣка. Отъ старости и дряхлости пережитаго ею политическаго начала, т.-е. княжескаго разновластія, она въ борьбѣ съ татарами оказалась младенцемъ.

И въ Суздальской, и въ Кіевской земляхъ, въ виду татаръ, князья поступили одинаково по-младенчески, неразумно. Суздальскій князь не двинулъ своихъ полковъ на защиту Рязанской земли, не сосредоточилъ ихъ даже на своихъ границахъ и дѣйствовалъ, совсѣмъ не понимая, съ какимъ врагомъ имѣетъ дѣло. Славный Новгородъ не помогъ своему пригороду Торжку. Кіевскій князь Михаилъ Всеволодовичъ присланныхъ къ нему Батыемъ пословъ, конечно, съ лестью, избилъ, а самъ побѣжалъ къ венграмъ. На его мѣсто сѣлъ было княжить

Ростиславъ Мстиславовичъ, но Даніилъ Романовичъ тотчасъ же его согналъ и оставилъ городъ для обороны отъ татаръ тысяцкому Дмитрію. Самые храбрые князья не исполняли своихъ обязанностей стоять впереди своей рати. «Нельзя было противиться Божьему гнѣву», — говоритъ лѣтописецъ, объясняя всѣ эти случаи. — «За грѣхи людей Господь смирилъ Русскую землю, отнялъ у нея умъ. Навелъ Богъ на всѣхъ недоумѣніе, и грозу, и страхъ, и трепетъ. Исчезла премудрость могущихъ строить ратныя дѣла, и сердца крѣпкихъ въ слабость женскую преложишася! Ни одинъ изъ князей не пошелъ на помощь другому. Каждый о себѣ заботился — всѣ были въ недоумѣніи и въ неустроеніи».

Эта лѣтописная отмѣтка лучше всего и объясняетъ, въ какомъ младенчествѣ явилась Русь передъ татарскою грозою. Послѣ этой грозы и самая исторія Руси начинается сызнова, какъ будто послѣ Великаго Ярослава прошло не 200 лѣтъ, а всего одинъ день.

На сѣверѣ она и начинается княземъ Ярославомъ-же, который, вдобавокъ, по своему характеру, какъ видѣли, во многомъ очень напоминалъ Великаго Ярослава. Но теперь требовались уже иные характеры. Татарское порабощеніе должно было измѣнить и людей, и характеръ самой исторіи, какъ она первоначально слагалась въ Суздальской Руси.

Порабощеніе прежде и сильнѣе всего отразилось на самихъ же князьяхъ. Въ прежнее время княжеская независимость и гордыня оскорблялись всякимъ поступкомъ и даже словомъ, въ которыхъ выражались какія-либо господственныя отношенія между князьями. Теперь князья поневолѣ сдѣлались холопами татарскаго хана и должны были холопствовать даже передъ его боярами. Теперь, передъ лицомъ хана, сами князья стали простыми смердами, и сравнялись въ рядъ со всѣми рабами Русской земли.

Спустя года четыре послѣ опустошенія Суздальской земли, когда и южная Русь была также разорена изъ конца въ конецъ, когда слѣдовательно совсѣмъ исчезла Русская сила, къ великому князю Ярославу во Владиміръ явился посолъ отъ царя Батыя и позвалъ князя въ Орду, конечно, для устройства татарскаго владычества надъ Русью. Ярославъ отправился съ боярами и съ сыномъ Константиномъ.

Батый принялъ его съ достойною почестью и утвердилъ старѣйшиною надъ всѣми князьями въ Русской землѣ, утвердилъ слѣдовательно старѣйшинство въ Русскихъ княжествахъ за Суздальскою землею, т. е. установилъ порядокъ политическихъ отношеній, какой существовалъ уже отъ временъ Андрея Боголюбскаго.

По возвращеніи Ярослава, должны были отправиться въ Орду и другіе князья-вотчинники Суздальской земли, князья ростовскіе и братья Ярослава, тоже для утвержденія во владѣніи своими вотчинами. Батый разсудилъ имъ каждому сидѣть въ своей отчинѣ. Съ той поры хожденіе князей въ Орду со своими боярами, поклоненіе ордынскому царю, приношеніе ему и всему его двору многихъ даровъ стало необходимостью для каждаго князя, желавшаго сидѣть въ своей отчинѣ твердо или промыслить что-либо и побольше для увеличенія своей силы и своего княжества. Съ той поры начинается новая эпоха княжескихъ крамолъ и междоусобій.

Не болѣе, какъ черезъ годъ, и Ярославъ и всѣ князья-вотчинники снова были позваны въ Орду къ Батыю, для установленія даней. Помѣстные князья были скоро отпущены, но великій князь Ярославъ долженъ былъ отправиться къ новоизбранному хану, чтобы присутствовать при его воцареніи. Тамъ онъ былъ оклеветанъ передъ ханомъ какимъ-то Θедоромъ Яруновичемъ, много пострадалъ, многое истомленіе принялъ, положилъ душу свою за Русскую землю и за друзей своихъ и, возвращаясь домой, померъ на пути, посреди иноплеменниковъ, «нужною смертью», былъ отравленъ зеліемъ, — прибавляютъ южныя лѣтописи. Θедоръ Яруновичъ, вѣроятно, былъ сынъ знатнаго воеводы Яруна, водившаго полки Мстислава торопецкаго въ битвѣ съ Ярославомъ же на Липицахъ и потомъ въ первой несчастной битвѣ съ татарами на Калкѣ. Въ чемъ заключались клеветы его сына на великаго князя Ярослава, и

по какой причинѣ онъ является дѣятелемъ между татарами и суздальскимъ великимъ княземъ, неизвѣстно. Одно несомнѣнно, что его дѣло—первый случай боярской крамолы противъ князей, несомнѣнно со стороны какого-либо князя. Можно полагать, что эта напасть шла изъ Кіевской Руси, гдѣ вспоминались какія-либо старыя обиды отъ Ярослава. Можно полагать также, что основою обвиненій была татарская дань.

Дальнѣйшая исторія Суздальской или Владимірской Руси, особенно въ первое столѣтіе, въ точности повторяетъ Кіевскую исторію, конечно, по причинѣ долговѣчности старыхъ обычаевъ, понятій и старыхъ преданій, тѣмъ болѣе, что къ сѣвернымъ князьямъ съ юга переселяется много дружинниковъ. Стольный городъ Владиміръ для сѣверныхъ князей получаетъ значеніе Кіева, то-есть становится общимъ родовымъ владѣніемъ, за которое и продолжаются безконечные и ожесточенные споры и раздоры. Онъ вѣдь и въ своемъ устройствѣ сохраняетъ крѣпкую память о Кіевѣ; нѣкоторыя его мѣстности носятъ имена Кіевскія. Въ немъ есть такія же Золотыя ворота съ прибавленіемъ Серебряныхъ и Мѣдныхъ. Въ немъ есть рѣчка Лыбедь. Подъ Владиміромъ Андрей Боголюбскій построилъ городъ Боголюбый толь далече, какъ Вышегородъ отъ Кіева, такъ и Боголюбъ отъ Владиміра, говоритъ лѣтописецъ, намекая на сходство городскихъ мѣстъ. Правою рукою стольнаго города Владиміра, какъ и на югѣ правою рукою Кіева, является городъ Переяславль и тоже на рѣкѣ Трубежѣ. И въ княжескихъ счетахъ Переяславль Владимірскій, или Залѣсскій, занималъ то же самое мѣсто, какъ и Переяславль Русскій, Кіевскій, доставаясь всегда въ надѣлъ старшему сыну великаго князя или, въ ряду братьевъ, старшему по великомъ князѣ брату.



Золотыя ворота во Владмірѣ-на-Клязьмѣ.

Кіевская исторія, послѣ двухсотъ лѣтъ княжеской крамольной борьбы, окончилась неоднократнымъ княжескимъ грабежомъ Кіева и совершеннымъ разложеніемъ южной Руси, какъ самобытной и самостоятельной земли. Она очистила мѣсто для дѣйствія чужимъ людямъ, для Литвы и Польши. Суздальская исторія точно также послѣ двухсотъ лѣтъ отчаянной крамольной борьбы своихъ князей вышла на иной путь. Черезъ Москву она вышла къ силѣ и могуществу единодержавнаго государства, соединившаго потомъ и всѣ разрозненныя Русскія земли въ одну руку, создавшаго Русское государство, Русскую народность.

Причины такого исхода сѣверной исторіи и ея коренное различіе отъ южной заключались не столько въ личныхъ характерахъ сѣверныхъ князей или во внѣшнихъ обстоятель-

ствахъ, каково, напримѣръ, было татарское порабощеніе, сколько въ самомъ характерѣ сѣвернаго народа, именно, въ выработанной имъ самой существенной его силѣ — въ *посадѣ*, котораго русскій югъ по многимъ историческимъ, географическимъ и этнографическимъ причинамъ никакъ выработать не могъ.

Посадъ, или городское промышленное, разночинное, смѣшанное населеніе, составляло на сѣверѣ основную силу въ народномъ развитіи. Къ князьямъ и боярамъ, которые, какъ главныя общественныя силы, были руководителями южной исторіи, посадъ присоединилъ новую стихію, которая именуется *народомъ* и составляетъ первую основу не княжескаго или боярскаго, а въ собственномъ смыслѣ народнаго развитія исторіи.

Татары вообще покровительствовали торговлѣ, потому что хорошо знали, сколько приноситъ выгодъ каждый рынокъ уже однѣми пошлинами и разными поборами за право торговать. Донской италіанскій торгъ, конечно, доставлялъ имъ великія прибыли; но не менѣе италіанскаго былъ выгоденъ для нихъ и русскій торгъ, проходившій теперь по ихъ землѣ, и которому они покровительствовали несомнѣнно наравнѣ съ италіанскимъ. Одна торговля живымъ товаромъ, плѣнными изъ Руси и изъ иныхъ земель, доставляла имъ очень значительныя выгоды; но главный ихъ доходъ былъ, какъ упомянуто, отъ торговыхъ пошлинъ, почему и русскій гость всегда проходилъ по ихъ землѣ безопасно и свободно.



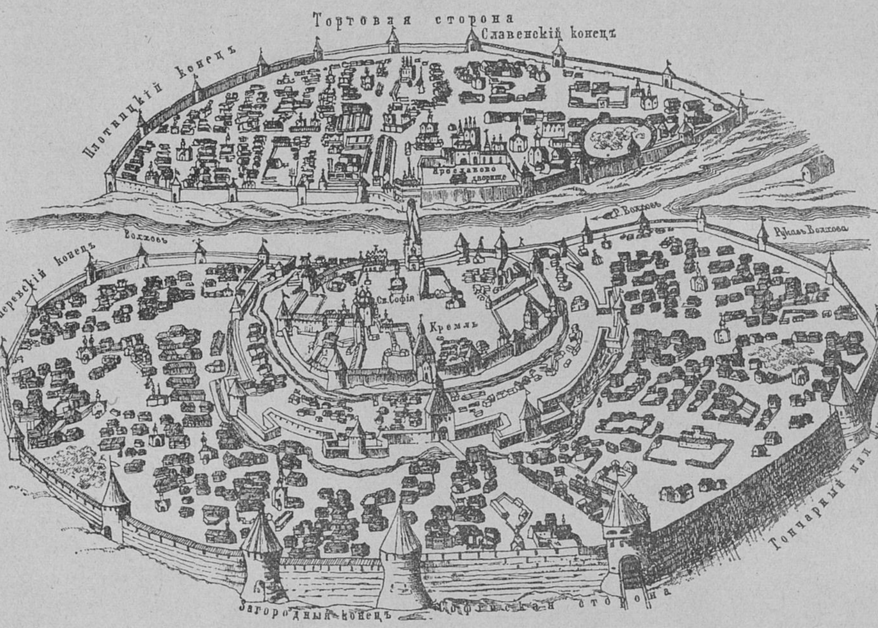
Боголюбовъ монастырь съ южной стороны (Влад. губ.).

На Руси, однако, самымъ главнымъ торговцемъ былъ Ильменскій Новгородъ. Нѣсколько столѣтій его торговля съ Черноморьемъ направлялась черезъ Кіевъ и Таврическій Корсунь. Теперь, съ перенесеніемъ и Цареградской и Корсунской торговли въ устья Дона, новгородская торговля должна была перемѣнить свое направленіе и проторить дорогу къ верховью этого самаго Дона. Теперь отъ Твери нужно было идти на Рязань, откуда и проходилъ путь на верхній Донъ. Здѣсь, между Тверью и Рязанью, на самой серединѣ, существовала Москва, занимавшая западный уголъ Суздальской земли и, какъ мы видѣли, служившая перекресткомъ въ сношеніяхъ Кіевскаго юга и Смоленскаго и Полоцкаго запада съ Ростовскою областью и съ болгарами на Волгѣ. И изъ Новгорода къ Рязани путь на Москву былъ извѣстенъ отъ глубокой древности, на что можетъ указывать Новгородскій городъ *Волокъ* Ламскій, пролагавшій дорогу отъ Тверской Волги въ Москву-рѣку и далѣе къ Рязанской Окѣ. Но въ прежнее время это былъ путь побочный и не имѣлъ особаго значенія, ибо прямая и главнѣйшая дорога «изъ варягъ въ греки» проходила черезъ Кіевъ, по Днѣпру. Значеніе Московскаго пути становится замѣтнымъ только съ конца XIII вѣка, когда, какъ упомянуто, Цареградская и Корсунская торговля, а съ ними и Кіевская, заглохли, и Черноморскій торгъ принялъ иное направленіе, сосредоточился на новомъ мѣстѣ, въ устьяхъ Дона и у Киммерійскаго Воспора, въ Кафѣ и въ Сурожѣ.

Значеніе, возвышеніе и сила Москвы, такимъ образомъ, вполнѣ зависѣли отъ развитія

италіанскаго, сурожскаго (Азовскаго) торга, къ которому всѣ сѣверозападныя русскія дороги отъ Балтійскаго моря шли черезъ Москву. Ясное дѣло, что московскій уголъ Суздальской страны оказывался уже по своему мѣстоположенію сильнѣйшимъ, и, конечно, въ борьбѣ за владычество, рано-ли поздно-ли долженъ былъ принять живѣйшее участіе.

Если народная сила Суздальской земли основывалась главнымъ образомъ на промышленномъ и торговомъ характерѣ ея населенія, то можно было ожидать, что побѣда въ упомянутой борьбѣ за владычество достанется только тому, кто будетъ принимать въ разсчетъ всѣ выгоды и цѣли народнаго промысла и торга, вообще тому, кто будетъ оберегать порядокъ и тишину во всей странѣ, кто въ своихъ стремленіяхъ къ владычеству надъ всею землею будетъ преслѣдовать больше всего общеземскія цѣли, не выставляя впередъ лишь однѣ личныя, мѣстныя



Древнѣйшій видъ Новгорода, находящійся въ Знаменскомъ соборѣ въ Новгородѣ.

и временныя цѣли. Примѣчательно, что борьбу за это владычество на первыхъ же порахъ, хотя и косвенно, начинаетъ та же Москва, которая затѣмъ черезъ сто лѣтъ является уже побѣдительницею.

По смерти Ярослава Всеволодовича, по старому Кіевскому порядку и уставу, и здѣсь, въ Суздальской землѣ, на великое княженіе сѣлъ его младшій (шестой) братъ, Святославъ Всеволодовичъ. Онъ въ точности исполнилъ завѣщаніе брата и по его назначенію распредѣлилъ города и волости между племянниками. Старшій изъ племянниковъ — Александръ (Невскій) занялъ старшій столъ — Переяславль; второй — Андрей занялъ Суздаль, къ волости котораго принадлежали Городецъ на Волгѣ и Новгородъ Нижній; третій — Константинъ посаженъ въ Галичѣ и Дмитровкѣ; четвертый — Михаилъ въ Москвѣ; пятый — Ярославъ въ Твери, шестой, самый младшій — Василій въ Костромѣ. Такъ по старшинству князей распредѣлены

были въ это время волости Суздальско-Владимірской Руси. Ростовская волость уже не входила въ этотъ раздѣлъ, такъ какъ была совсѣмъ выдѣлена отъ великаго княженія еще прежде. Тамъ князья раздѣлились на 4 княжества: Ростовъ, Бѣлоозеро, Угличъ, Ярославль. Однако, какъ въ Кіевѣ, такъ и здѣсь, въ Сѣверной Руси, племянники не могли спокойно выносить старшинства дяди. Къ тому же теперь и самое завѣщаніе отца значило не много, ибо все рѣшала воля татарскаго хана. Второй племянникъ, Андрей суздальскій, понялъ это прежде и лучше другихъ и тотчасъ же отправился въ Орду добывать великое княженіе на свое имя. Одни лѣтописцы прямо и говорятъ, что онъ прогналъ изъ Владиміра дядю Святослава; но другіе разсказываютъ, что въ то время, какъ Андрей былъ въ Ордѣ, на дядю Святослава напалъ одинъ изъ младшихъ племянниковъ, Михаилъ московскій, прозваніемъ Хоробритъ. Онъ прогналъ дядю съ великаго княженія и самъ сѣлъ въ Володимірѣ. Спустя годъ (1248 г.), Михаилъ погибъ въ битвѣ съ Литвою на рѣкѣ Поротвѣ, т.-е. на границахъ своей московской вотчины. Самъ ли по себѣ такъ дѣйствовалъ этотъ Московскій Хоробритъ, или работалъ въ пользу одного изъ старшихъ братьевъ, опредѣлительно сказать нельзя. Во всякомъ случаѣ, права дяди на великое княженіе были спорны и сомнительны, ибо онъ былъ младшій изъ дядей, шестой по порядку рожденія, слѣдовательно равный и даже меньшій старшимъ племянникамъ. Когда второй изъ этихъ племянниковъ, Андрей суздальскій, прибылъ въ Орду, то Батый позвалъ къ себѣ и старшаго брата Александра, конечно, съ цѣлью раздѣлить между братьями великокняжеское наслѣдство, какъ требовали справедливость, русскій уставъ и законъ, ибо и татары строго наблюдали въ наслѣдствѣ порядокъ старшинства. Оба брата ѣздили въ далекую Сибирь къ самому хану. Однако, повидимому, Александръ опоздалъ, а Андрей успѣлъ достигнуть своей цѣли. Ханъ назначилъ его великимъ княземъ владимірскимъ; а Александру, какъ старшему, отдалъ старшее княженіе, Новгородъ, Кіевъ со всею Русскою (южною) землею, то-есть въ сущности одинъ титулъ старѣйшаго великаго князя, ибо Новгородъ вовсе не принадлежалъ князьямъ, а Кіевское княженіе давно уже утратило значеніе своего старѣйшинства и къ тому жу, находясь въ рукахъ у южныхъ князей, совсѣмъ отдѣлялось отъ сѣверной Руси. Такимъ коварнымъ раздѣломъ великокняжескаго наслѣдства, старѣйшій братъ изъ Ярославичей, Невскій богатырь, совсѣмъ отдѣлялся и какъ бы изгонялся изъ своей же родины. Даже и его отчинный городъ Переяславль переходилъ въ руки къ младшему брату, тверскому князю Ярославу, который теперь становился старшимъ послѣ Андрея и долженъ былъ занять старшую волость послѣ стольнаго Володиміра.

Все такъ устраивалось только по случаю постояннаго отсутствія Александра именно изъ своего отчиннаго города. Онъ княжилъ въ Новгородѣ и держалъ на своихъ плечахъ охрану русской земли отъ шведовъ и нѣмцевъ, прославивъ себя въ битвахъ на Невѣ со шведами и на Чудскомъ озерѣ съ нѣмцами. Очень хитро обдѣленный своею отчиною, Невскій богатырь дождался своего времени и черезъ два года снова отправился въ Орду, теперь уже съ жалобою на брата Андрея въ томъ, что, обольстивъ хана, братъ неправдою получилъ Владимірское великое княженіе, отнявши у него, Александра, даже и отчинные города (Переяславль), что, сверхъ того, Андрей и дани платитъ хану не сполна. Ханъ разгнѣвался и послалъ на Андрея особую рать съ повелѣніемъ захватить его и доставить въ Орду. Раннею весною татарская рать утайкою прошла мимо Владиміра прямо къ Переяславлю, гдѣ находился Андрей и семья тверского князя, вѣроятно, уже княжившаго въ Переяславлѣ. Великій князь вышелъ было съ полкомъ навстрѣчу татарамъ, но былъ разбитъ и едва спасся, убѣжавъ съ семьею въ Новгородъ. Новгородцы не приняли его; онъ ушелъ въ Швецію, гдѣ, какъ врагъ Невскаго и Новгорода, былъ принятъ съ честью. Между тѣмъ татары взяли и разграбили Переяславль, схватили княгиню Ярослава тверского съ дѣтьми, ее убили, а дѣтей увели въ плѣнъ; убили воеводу Жидислава, поплѣнили множество людей и ушли обратно въ Орду.

Это былъ первый опытъ привлеченія татарской рати въ борьбу и въ счеты между

князьями. Александръ возвратился изъ Орды съ пожалованіемъ старѣйшинства во всей своей братьи, и поспѣшилъ возстановить разоренный Переяславль, свою отчину, обновилъ церкви, собралъ разбѣжавшійся народъ. Была радость великая въ городѣ Владимірѣ и во всей Суздальской землѣ, говоритъ лѣтописецъ о вступленіи Александра на великое княженіе, замѣчая при этомъ о князѣ Андреѣ, что онъ со своими боярами побѣжалъ въ невѣдомую землю, вздумалъ лучше бѣгать, нежели царямъ служить. Очевидно, что земля не была на сторонѣ Андрея, и его побѣгъ, какъ послѣдствіе его политики съ татарами, приписывали его же неразумію.

Между тѣмъ и другой противникъ Александра дѣлалъ свое дѣло. Сѣвши на великое княженіе во Владимірѣ, Невскій необходимо долженъ былъ оставить Новгородъ и посадилъ тамъ старшаго своего сына Василія. Меньшой братъ Александра, тверской Ярославъ Ярославичъ задумалъ воспользоваться этимъ случаемъ и *выбѣжалъ* съ боярами изъ своей отчины Твери сначала во Псковъ, по другимъ извѣстіямъ въ Ладогу, съ тѣмъ, чтобы перебраться потомъ въ Новгородъ, гдѣ на его сторонѣ были всѣ *вячшіе*, большіе, лучшіе, верхніе люди, недовольные Александромъ. Черезъ годъ или больше, дѣйствительно, новгородцы посадили у себя Ярослава, а Василья невскаго выгнали. Отецъ пошелъ ратью на Новгородъ; Ярославъ, конечно, убѣ-



«Ледовое побоище» (1242 г.).—Битва Александра Невскаго со шведами.—Картина А. К. Горбунова.

жалъ. Потерпѣвъ неудачу, бѣглецы-князья возвратились въ свои отчины, Ярославъ въ Тверь, Андрей въ Суздаль. Еслибъ Александръ сколько-нибудь помышлялъ о самодержавіи или о захватѣ чужихъ волостей, то сбѣжавшіе съ своихъ вотчинъ князья очень легко могли бы лишиться своихъ владѣній, особенно при пособіи татаръ. Но онъ объ этомъ не думалъ, держась твердо старыхъ политическихъ обычаевъ, а потому въ управленіи Суздальской землею дѣлилъ свою власть съ другими старшими князьями соотвѣтственно старшинству волостей. Во все время его княженія за одно съ нимъ дѣйствовалъ и его братъ, Андрей суздальскій, а также ростовскій князь Борисъ Васильковичъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ, они вмѣстѣ ѣздили въ Орду и вмѣстѣ за одно устраивали раскладку на всю землю татарской дани. Дѣло состояло въ поголовномъ исчисленіи всей земли.

Въ 1257 году зимою пріѣхали татарскіе численники и сочли всю землю Русскую, поставивъ для надзора своихъ десятниковъ, сотниковъ, тысячниковъ и темниковъ (десятитысячниковъ) и выключивъ изъ счета только духовенство и вообще служителей церкви. Всѣ пошли въ число съ покорностію; воспротивился этому перечисленію одинъ великій вольный Новгородъ. Не испытавъ бѣдствій Батыева нашествія, онъ мыслилъ свободно и хотѣлъ храбро отстоять

свою неприкосновенность и независимость, вовсе забывая и не догадываясь, что татары прежде, чѣмъ дойти до вольныхъ новгородцевъ, должны опустошить изъ конца въ конецъ всю низовую, т.-е. Суздальскую землю. Сопротивленіе новгородцевъ грозило бѣдствіемъ всѣмъ князьямъ и особенно великому, на которомъ лежала полная отвѣтственность за исполненіе начатой переписи. Однако, послѣ долгой смуты, которая повидимому происходила также и отъ несправедливой раскладки новой дани съ обидою для меньшихъ людей, новгородцы образумились и отдались неминуемому татарскому счисленію. Вождемъ сопротивниковъ оказался и сынъ великаго князя, Василій. Александръ, жалѣя землю, не пожалѣлъ сына, и навсегда лишилъ его княженія, а его дружину, кто его на зло навелъ, всѣхъ показнилъ, кому носъ отрѣзалъ, кому руку отсѣкъ, кого ослѣпилъ. Нимало не вмѣшиваясь въ распорядки и рѣшенія вольнаго города, онъ наказалъ лишь тѣхъ, кто въ качествѣ представителей княжеской власти въ этихъ опасныхъ обстоятельствахъ руководилъ народомъ, легкомысленно и безразсудно на великое зло всей землѣ.

Еще съ самаго начала русскаго порабощенія татарскія дани были отданы на откупъ, «бесерменамъ» (мусульманамъ и еврейскимъ купцамъ). Эти бесермены находились во всѣхъ городахъ и исполняли свое дѣло съ великими насиліями. Всякую пагубу творили людямъ, налагая за невыплаченную дань проценты, а затѣмъ неоплатнаго должника брали въ рабство и отводили на продажу въ свои земли. Отъ бесерменскаго откупа было лютое томленіе по всей землѣ, замѣчаетъ лѣтописецъ.

Года три спустя послѣ всеобщаго перечисленія народа, великій князь Александръ, какъ свидѣтельствуютъ нѣкоторыя лѣтописи, «совѣтъ сотвори по всей Русской землѣ, повелѣ бесерменъ изгнати изъ городовъ». Устюжскій лѣтописецъ упоминаетъ при этомъ, что великій князь разсылалъ по городамъ грамоты, «и приде на Устюгъ грамота отъ великаго князя Александра Ярославича, что татаръ бити... Было вѣчье на бесермены по всѣмъ русскимъ городамъ и побили татаръ вездѣ», не стерпѣвши отъ нихъ насилія, потому что стали они жить не выходя, (постоянно) и очень размножились (1262 г.). Вѣроятно, съ того времени сборъ даней остался непосредственно въ рукахъ и въ завѣдываніи князей, для чего быть можетъ они и дѣйствовали сообща, съ рѣдкимъ единодушіемъ.

За этотъ всенародный подвигъ слѣдовало ожидать большой грозы. Но она миновала. Были отправлены и полки, но они не приходили въ Русь, а вмѣсто того ханъ прислалъ пословъ съ требованіемъ, чтобы русскіе шли помогать ему на войнѣ, кажется, противъ персовъ. Тогда великій князь отправился въ Орду и умолилъ хана избавить христіанъ отъ такой напасти. Долго работалъ Александръ въ Ордѣ, долго ханъ не отпускалъ его отъ себя. Тамъ онъ и разболѣлся, больной поѣхалъ домой и, доѣхавши до Городца, скончался. «Дай, Господи Милостивый, видѣти ему лице твое въ будущій вѣкъ: потрудился онъ за Новгородъ и за всю Русскую землю!» восклицаетъ новгородскій лѣтописецъ, записавши время Александровой кончины. «Отца человѣкъ можетъ забыть, а добраго господина, еслибъ можно, то и въ гробъ съ нимъ бы влѣзъ. Поработалъ Господу крѣпко»! восклицаетъ псковской лѣтописецъ, изображая свое горе по случаю кончины этого великаго труженика за Русскую землю. Митрополитъ всея Руси, Кириллъ, пребывавшій тогда во Владимірѣ, сказалъ людямъ: «Чадо моя милая! Поймите и выразумѣйте, что уже зашло солнце Суздальской земли!» — «Уже погибаемъ!» восклицали всѣ люди, и богатые и убогіе. — Дѣйствительно, по народнымъ же представленіямъ, отразившимся во всѣхъ лѣтописяхъ, Невскій, въ это темное татарское время, былъ такою свѣтлою личностью, о которой всегда говорилось съ благоговѣніемъ. Это былъ князь достохвальный, во всѣхъ странахъ прославленный, прехрабрый, прекроткій, пречудный, прекрасный какъ вторый Іосифъ.»

По смерти Александра, вступилъ на великое княженіе, по старому кіевскому обычаю, его братъ Ярославъ тверской. Старшій передъ нимъ, Андрей суздальскій, кажется, по винѣ своего бѣгства потерялъ право быть великимъ княземъ и къ тому же вскорѣ померъ.

Основною опорою для суздальскихъ князей въ это время былъ Новгородъ. Мы видѣли, что у Ярослава была своя сильная партія въ Новгородѣ, которая тотчасъ и распорядилась по своей волѣ; сына Невскаго, Дмитрія, новгородцы изгнали, за тѣмъ, что онъ былъ малъ, и посадили у себя Ярослава, въ надеждѣ устроиться съ нимъ, какъ желалось. Но вскорѣ обнаружилось, что если въ иныхъ случаяхъ тяжелъ былъ Александръ, то братъ его, тверской Ярославъ, явился уже прямымъ насильникомъ и самовластцемъ. Своимъ самоуправствомъ онъ такъ не полюбился свободнымъ людямъ, что, разъ изгнавши, они не хотѣли его уже принять ни на какихъ условіяхъ. Они написали длинный списокъ его преступленій—самоуправствъ. «Каюсь во всемъ, простите мои вины, впередъ таковъ не буду, всѣ князья вамъ за меня поручатся»,—твердилъ и умолялъ изгнанный князь.—«Иди прочь, не хотимъ тебя, или идетъ весь Новгородъ, и прогонимъ тебя»!—твердили новгородцы. Но Ярославъ во что бы ни стало очень желалъ княжить въ Новгородѣ, ибо для великихъ князей Новгородъ всегда оставался денежною силою, безъ которой вообще существовать было трудно. Примиреніе послѣдовало только тогда, когда порукою за князя, что таковъ не будетъ, явился самъ митрополитъ, грозившій вольнымъ людямъ, что если не послушаютъ, не примутъ князя, то онъ положитъ на нихъ тягость духовную, церковное отлученіе. Таковъ были и первый князь и первыя земскія отношенія Твери и именно къ Новгороду, отъ котораго Тверь вполнѣ зависѣла во многомъ.



Князь Ярославъ Владиміровичъ новгородскій, строитель Спасо-Нерезицкой церкви (1199 г.), въ которой находится его изображеніе.

Области различались политическими обычаями, въ одной господствовалъ вольный городъ, въ другой—князь или вотчинность князей; но и тамъ и здѣсь интересы горожанъ были одинаковы; требовалось только послужить этимъ интересамъ, какъ повелѣвалъ хозяйскій, государственный разумъ, который съ значительною силою выразился въ дѣяніяхъ Александра Невскаго и совсѣмъ не появлялся въ дѣлахъ перваго тверского князя. На первый же разъ отъ Тверского угла народъ не видѣлъ и не слышалъ себѣ никакого общеземскаго добра.

По смерти тверского князя, великое княженіе перешло къ самому младшему изъ братьевъ Ярославичей, Василью Мизинному, княжившему въ Костромѣ (1272 г.). Опять, стало быть, великокняжеское наслѣдованіе не нарушаетъ своего древняго устава.

Въ это же время въ Москвѣ сѣлъ княжить десятилѣтній, самый младшій сынъ Александра Невскаго, Даніилъ. До тѣхъ поръ Москва зависѣла отъ тверского Ярослава, который, по праву великаго князя, держалъ въ ней своихъ тіуновъ, и былъ опекуномъ, вскормилъ малолѣтняго Даніила Александровича. Василій костромской княжилъ не долго, всего 5 лѣтъ.

Послѣ него, по праву старшинства, на великое княженіе сѣлъ старшій сынъ Невскаго, Дмитрій переяславскій. По слѣдамъ отца, онъ много работалъ для Новгорода, защищая его отъ шведовъ и нѣмцевъ, но, разумѣется, но могъ долго жить въ мирѣ съ вольными людьми. Вскорѣ начались обычныя ссоры и крамолы. Повидимому, смута шла все отъ той же партіи, которая постоянно крамолила и противъ его отца, Александра, а теперь, не поладивъ съ сыномъ, во многомъ напоминавшимъ отца, желала выставить ему соперника, и потому тянула на сторону Дмитріева брата, Андрея городецкаго, руководимаго костромскимъ бояриномъ Семеномъ Толигнѣвичемъ. Можно полагать, что въ Новгородѣ существовали большія связи съ поволжскими нижними городами, гдѣ княжилъ Андрей. Просыпалась опять борьба между восточнымъ и западнымъ узлами Суздальской земли, гдѣ узломъ этой борьбы всегда оставался отчинный городъ великаго князя, Переяславль. Видно, въ промысловыхъ и торговыхъ отношеніяхъ это на самомъ дѣлѣ былъ очень важный узелъ, служившій большою приманкою для князей и бояръ.

Воздвигъ дьяволъ вражду и крамолу между братьями, говоритъ лѣтопись. Зимою 1281 г. Андрей испросилъ себѣ у хана ярлыкъ на великое княженіе и для своего утвержденія привелъ съ собою татарскую рать. Съ нимъ же пришли бояринъ Семенъ и иные многіе крамольники. Андрей собралъ князей: ярославскаго, ростовскаго, стародубскаго и иныхъ и пошелъ на Переяславль. А татары разсыпались по всей землѣ и опустошили *безвинные* города, всѣ волости около Мурома, Володиміра, Суздаля, Юрьева и Переяславля; около Ростова, Твери и до Торжка все пусто сотворили, пограбили и повели съ собою многочисленный полонъ — мужей, женъ и дѣтей. Все это зло, говоритъ лѣтописецъ, сотворилъ князь Андрей съ бояриномъ своимъ Семеномъ, добиваясь великаго княженія, *а не по старѣйшинству.*

Андрей съ торжествомъ вошелъ во Владиміръ. Угостилъ татарскихъ воеводъ пиромъ, одарилъ дарами и отпустилъ съ благодарностью въ Орду. Слѣдомъ за ними и поведены были плѣнные.

Дмитрій съ семьей, съ боярами и съ дворомъ, т.-е. съ цѣлымъ полкомъ, побѣжалъ было мимо Новгорода къ морю, въ новопостроенный имъ у Финскаго залива городокъ Капорье. Тамъ онъ хотѣлъ основать себѣ постоянное жилище и устроить на берегу Варяжскаго моря новое Русское княжество. Новгородцы перепугались такого сосѣда пуще шведовъ, и вытѣснили его оттуда. Онъ долженъ былъ воротиться въ свой Переяславль, сталъ крѣпить городъ и собирать войско. Отовсюду начали къ нему собираться многіе люди. Оборотъ дѣлъ становился опаснымъ, и Андрей поспѣшилъ убраться въ Орду за новою помощью. Крамола, однако, такъ распространилась, что на Дмитрія, кромѣ новгородцевъ, возстали даже тверичи и москвичи, настигли его у Дмитрова, но кончили миромъ. Затѣмъ явился изъ Орды и Андрей съ *другою* татарскою ратью и съ тѣмъ же бояриномъ Семеномъ. Въ другой разъ татары разнесли по Суздальской землѣ страшное опустошеніе и грабежъ. Теперь Дмитрій съ дружиною, съ княгинею и дѣтьми и со всѣмъ дворомъ побѣжалъ въ Орду, со слезами и при помощи даровъ объяснилъ хану свою обиду, и былъ попрежнему утвержденъ на великое княженіе. Андрей *смирился*, уступилъ брату великое княженіе и сѣлъ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Таковы были для исторіи поистинѣ безсмысленныя и ребяческія дѣла князей и бояръ, гонявшихся только за своими личными цѣлями и нисколько не помышлявшихъ о цѣляхъ общихъ, всенародныхъ. Что во всѣхъ княжескихъ крамолахъ первыми зачинщиками по бóльшей части бывали ихъ же бояре, на это указываетъ и новый случай (1288 г.), когда тверской князь Михаилъ Ярославичъ, будучи еще 15 лѣтъ, даже и въ качествѣ двоюроднаго не захотѣлъ *поклониться* своему старшему брату и великому князю Дмитрію, и поднялся на него ратью. Собрались и всѣ Александровичи: Дмитрій, Андрей, Данила и одинъ изъ ростовскихъ князей и пошли на ослушника. Тверская волость около Кашина была разорена, и Михаила запросилъ мира. Новый тверской князь былъ еще не разуменъ, но уже шелъ по слѣдамъ отца, руководимый, конечно, отцовскою дружиною.

Въ то время какъ происходили эти княжескіе ратные счеты и споры, отъ которыхъ больше всего доставалось только одному селянину, народъ, въ иныхъ случаяхъ не дожидаясь князей, помогалъ себѣ собственными силами. Въ 1285 году Литва напала было на пограничную волость тверского епископа, Олешню. Тотчасъ собрались сами собою тверичи, москвичи, волочане, новоторжцы, дмитровцы, зубіане, ржевичи — люди разныхъ княжествъ, но больше князей чувствовавшіе свое единство, и дали такой отпоръ непрошенымъ гостямъ, что захватили въ плѣнъ даже и князя литовскаго. Въ 1289 г. въ Ростовѣ очень умножились татары, горожане сотворили вѣче и вѣчемъ ихъ изгнали, разграбивъ все ихъ имѣніе. Народъ быть можетъ уже зналъ, что въ самой Ордѣ началось нестроеніе, великая брань и убійство; начались такія же крамолы между тамошними царями, какъ и на Руси между князьями. Казалось бы, Русь могла этимъ воспользоваться и установить свои отношенія къ татарамъ съ бóльшею выгодою для земли. Но русская княжеская крамола, напротивъ, въ междоусобіяхъ Орды искала для себя новыхъ силъ и новыхъ средствъ разорять собственную же землю.

Въ 1293 году Андрей городецкій поднялъ почти всѣхъ ростовскихъ князей идти жаловаться въ Орду на Дмитрія, конечно, по поводу какихъ-либо волостныхъ неправдъ и притѣс-



Юрьевскій монастырь близъ Новгорода.

неній, какія всегда могли случаться и съ той, и съ другой стороны. Царь склонился на жалобу и отпустилъ съ князьями брата своего Дюденя со множествомъ рати для наказанія великаго князя. Это была *третья рать*, приведенная Андреемъ.

Дмитрій былъ тогда въ Переяславлѣ. Услыхавъ, что идетъ татарская рать, переяславцы разбѣжались. Побѣжалъ и самъ князь къ Волоку и оттуда ко Пскову. Заволновалась вся земля Суздальская. Татары исполняли свое дѣло усердно, разграбили Владиміръ, Суздаль, Юрьевъ, Переяславль, Дмитровъ, Москву, Коломну, Можайскъ, Волокъ, Угличъ, всего взяли 14 городовъ, всю землю опустошили, но не дошли до Твери, быть можетъ потому, что тверской князь Михаилъ Ярославичъ былъ тоже въ Ордѣ и вѣроятно тоже жаловался на Дмитрія.

Затѣмъ татары хотѣли было идти къ Новгороду и Пскову отыскивать великаго князя, но новгородцы поспѣшили прислать къ Дюденю пословъ съ безчисленнымъ множествомъ даровъ и тѣмъ остановили дальнѣйшій походъ. Опустошивъ собственно только Владимірскую волость, татары воротились въ поле.

Князья, предводители всей этой рати, усѣлись на княженіе; Андрей—въ Новгородѣ, Ѳедоръ ярославскій—въ Переяславлѣ. Несчастный великій князь Дмитрій, бѣгая и укрываясь отъ враговъ, разболѣлся на Волокѣ Ламскомъ и померъ.

Въ это время князь Ѳедоръ ярославскій, вѣроятно, выживаемый переяславцами, пожегъ весь городъ и перебрался въ свой Ярославль (1294 г.). Переяславль, такимъ образомъ, достался законному наслѣднику, сыну Дмитрія, Ивану.

Черезъ два года, однако, снова поднялась крамола между князьями. Повидимому, яблокомъ раздора былъ тотъ-же Переяславль, почему князь Иванъ Дмитріевичъ долженъ былъ пойти даже въ Орду. Онъ приказалъ тогда блюсти свою вотчину тверскому князю Михаилу и московскому Даніилу. Князья собрались во Владимірѣ. Въ спорѣ они раздѣлились на двѣ стороны; съ одной — Андрей городецкій, Ѳедоръ ярославскій, Константинъ ростовскій; съ другой — князья Москвы и Твери да горожане-переяславцы. Разобрать ихъ споры былъ присланъ особый посолъ изъ Орды, Невруй. Каждый высказывалъ свою обиду, чуть не дошло до ножей. Примирить князей могъ только владыка владимірскій Симеонъ; но онъ унялъ только кровопролитіе; вражда осталась попрежнему. Великій князь Андрей поднялъ было ратный походъ, но во время былъ встрѣченъ своими противниками и, послѣ переговоровъ, уступилъ.

Несмотря на постоянныя крамолы и смуты и татарскія опустошенія, въ Суздальской землѣ столько было жизненныхъ силъ, что она, послѣ Новгорода, все-таки представляла во всей Руси лучшій уголъ для житья, почему и митрополитъ кіевскій и всея Руси, не стерпѣвъ татарскаго насилія въ Кіевѣ, переселился, наконецъ, во Владиміръ суздальскій въ 1299 году. Въ то время, прибавляетъ лѣтописецъ, весь Кіевъ разошелся по сторонамъ. Но долгое время и во Владимірѣ еще нельзя было жить покойно.

Въ 1301 году, черезъ пять лѣтъ послѣ описаннаго съѣзда князей во Владимірѣ, снова князья съѣхались въ Дмитровѣ, все споря о княженіяхъ, о волостяхъ. Была молва великая, однако, подъ конецъ какъ-то подѣлились волостями и смирились. Не покончили миромъ только Тверь и Переяславль. Здѣсь и выяснилось, что тверской князь защищалъ Переяславль отъ притязаній князя городецкаго только потому, что думалъ самъ присоединить его къ Твери.

На другое лѣто (1302 г.) переяславскій князь Иванъ Дмитріевичъ скончался и завѣщалъ свое княжество своему дядѣ, Даніилу московскому, котораго любилъ больше всѣхъ. Очевидно, что съ этимъ завѣщаніемъ къ Москвѣ переходили и непоконченные счеты съ Тверью, т.-е. поступала въ наслѣдство давнишняя вражда и борьба за право владѣть Переяславлемъ. Несмотря на завѣщаніе, великій князь Андрей, по древнему праву общаго владѣнія, какъ старшій въ родѣ, поспѣшилъ завладѣть Переяславлемъ и тотчасъ посадилъ въ немъ своихъ намѣстниковъ. Но Даніилъ московскій, съ своей стороны, тоже поспѣшилъ самъ сѣсть на переяславское княженіе и изгналъ намѣстниковъ Андрея, который отправился въ Орду, конечно, жаловаться на меньшого брата.

Пока онъ былъ въ Ордѣ, померъ и Даніилъ Александровичъ московскій (5 марта 1303 г.), княжившій въ Москвѣ 33 года и оставившій пять сыновей: Юрія, Александра, Бориса, Ивана, Аѳанасія.

Переяславцы ухватились за старшаго его сына Юрія и не отпустили его изъ Переяславля даже и на погребеніе отца. Ясно, что земля колебалась, и переяславцы ожидали большой борьбы и опасности, или со стороны Твери, или отъ великаго князя Андрея. Ясно также, что и князь Юрій, по своему характеру, былъ надобный человѣкъ въ такихъ обстоятельствахъ. Быть можетъ, предупреждая опасность даже и со стороны Смоленска, Юрій также весною ходилъ съ братьями къ Можайску, захватилъ городъ, плѣнилъ князя Святослава Ивановича смоленскаго и привелъ его въ Москву. Осенью пришелъ изъ Орды и великій князь Андрей съ послами и съ пожалованіемъ хана. Князья съѣхались въ Переяславлѣ, читали грамоты, царевы ярлыки, по которымъ Юрій, или Москва, получали Переяславль, вѣроятно, и по утвержденію хана, ибо въ лѣтописи сказано, что «Юрій прія любовь и взя Переяславль».

На слѣдующее лѣто померъ въ своемъ Городцѣ и Андрей. Его бояре, въ томъ числѣ Акинѳъ, поспѣшили уѣхать въ Тверь (1304), которая, такимъ образомъ, усилилась не рядовою, но великокняжескою дружиною, уже лѣтъ 20 ходившею съ полками, добывая своему князю и новыя волости, и самое великое княженіе. Что могъ думать народъ о переходѣ городецкихъ бояръ въ Тверь? Чего онъ могъ ожидать, испытавши отъ городецкаго князя и его бояръ

троекратное татарское опустошеніе всѣхъ городовъ великокняжеской Владимірской области? Есть извѣстіе, что Андрей при смерти отдалъ будто бы великокняжескій столъ тверскому Михаилу; поэтому Андреева дружина пришла въ Тверь, конечно, съ тѣми же мыслями и желаніями, чтобы занять господствующее положеніе и при новомъ великомъ князѣ, а главное — добыть себѣ Переяславль, чего не удавалось исполнить при жизни Андрея. Готовилась борьба, ходъ и конецъ которой вполнѣ зависѣлъ отъ характера и силы московскихъ князей, потомковъ Невскаго, отъ ихъ способности постоять за себя и сохранить себѣ законно имъ завѣщанное Переяславское наслѣдство.

Родовое старѣйшинство Михаила Ярославича тверского было настолько спорно, что открывало прямую дорогу къ нему и внукамъ Невскаго, дѣтямъ Даніила московскаго и именно старшему изъ нихъ, Юрію. Въ народномъ мнѣніи всей Суздальской земли, дѣти и внуки Невскаго необходимо предпочитались всѣмъ другимъ князьямъ, уже только потому, что они были наслѣдниками этого святого и славнаго имени. Поэтому внукъ Невскаго, Юрій Даниловичъ московскій, имѣлъ полное право искать великаго княженія.

«Спорились» за великое княженіе Михаилъ тверской и Юрій московскій и «въ спорѣ, и въ брани великой» пошли въ Орду. «И была замятня во всей Суздальской землѣ, во всѣхъ городѣхъ», — говоритъ новгородскій лѣтописецъ. Одни стояли за Москву и за Юрія, другіе — за Тверь и Михаила.

Отправляясь въ Орду вслѣдъ за Михаиломъ, Юрій послалъ одного изъ братьевъ, Бориса, на Кострому, быть можетъ, по призыву же костромичей, не желавшихъ оставаться безъ князя, дабы не попасть въ руки сильной Твери и перешедшихъ въ нее городецкихъ бояръ. Кострома вообще тянула къ Владиміру и къ Москвѣ, вѣроятно, больше всего вслѣдствіе торговыхъ и промысловыхъ отношеній. Но тверичи-бояре не дремали, они тотчасъ-же захватили московскаго Бориса и отправили въ Тверь. Они стерегли на этомъ пути и Юрія, но онъ миновалъ засаду и прошелъ иною дорогою.

Во Владимірѣ митрополитъ Максимъ съ многою мольбою воспрещалъ ему идти въ Орду, говоря такъ: — «и я, и матерь Михаила, ручаемся тебѣ: чего только похочешь изъ отчины вашей, то дастъ тебѣ Михаилъ». Юрій отвѣтилъ, что идетъ въ Орду не за тѣмъ, не ищетъ великаго княженія. И этому можно было вѣрить, потому что, въ виду обстоятельствъ, его главною заботою было не великое княженіе, а сохраненіе въ своихъ рукахъ того надѣла, какой принадлежалъ ему по праву. Съ переходомъ владычества къ Твери, подъ его ногами колебалась самая основа московскаго существованія, именно Переяславское княжество, остававшееся въ спорѣ, и которое, по волѣ хана, могло перейти въ другія руки. Какъ дѣйствовали тверскіе бояре, объ этомъ даетъ уже свидѣтельство захватъ на Костромѣ Юрьева брата, Бориса. Тверь, при содѣйствіи городецкихъ бояръ, являлась теперь такимъ насильникомъ, какого еще не бывало въ Суздальской землѣ.

Оставшійся въ Москвѣ братъ Юрія, Иванъ Даніиловичъ, поспѣшилъ въ Переяславль, ибо получена была тайная вѣсть изъ Твери, что тверскіе бояре хотятъ взять Переяславль изгономъ, напасть внезапно. Дѣйствительно, вскорѣ такъ и случилось. Тверской, бывшій прежде городецкій и даже московскій бояринъ Акинѳъ, по наученію котораго тотчасъ-же была отнята у Москвы переяславская волость Вьюлка, внезапно появился у Переяславля съ полками, но не засталъ врасплохъ Ивана. Вышли переяславцы, подоспѣла московская рать съ бояриномъ Родіономъ Несторовичемъ, и началась битва жестокая. Богъ помогъ Ивану Даніиловичу. Самъ Акинѳъ былъ убитъ. Много побито тверичей. Дѣти Акинѳа едва спаслись, убѣжавши въ Тверь. «И бысть въ Твери печаль и скорбь велія, а въ Переяславлѣ веселіе и радость велія», — замѣчаетъ лѣтописецъ. Очевидно, московскій Юрій былъ очень кстати предусмотрителенъ, поспѣшно отправившись въ Орду.

Въ то же время на Костромѣ поднялось вѣче на бояръ, вѣроятно, на тверскихъ или го-

родецкихъ, завладѣвшихъ городомъ, послѣ того, какъ схваченъ былъ братъ Юрія, Борисъ. Двое изъ бояръ были убиты. На другой годъ въ Нижнемъ-Новгородѣ черные люди побили бояръ Андреевыхъ же. Такимъ образомъ, Тверь съ городецкими боярами грозила тѣснотою и захватами не одному Юрію, но и многимъ другимъ волостямъ, почему и справедливо, что Юрій, идя въ Орду, больше всего долженъ былъ думать не о великомъ княженіи, а только о томъ, чтобы сохранить свое собственное.

Житіе-же Михаила говоритъ, что Юрій, дѣйствительно, не искалъ великаго княженія, но, придя въ Орду, уже тамъ былъ наученъ татарами. — «Если ты дашь *выходъ* больше Михайлова, твое будетъ великое княженіе», — говорили ему въ Ордѣ. Онъ пошелъ на аукціонъ и надбавилъ. Но Михаилъ далъ еще больше. Тогда Юрій сказалъ ему: «Отецъ и братъ! ты даешь больше: я уступаю, ибо не хочу грабить Русскую землю!» Ханъ утвердилъ великимъ княземъ Михаила.

По возвращеніи изъ Орды, первымъ дѣломъ Михаила было идти къ Москвѣ на Юрія и его братью. До битвы, однако, дѣло не дошло, и походъ кончился миромъ (1305 г.) Спустя три года, Михаилъ въ другой разъ ходилъ къ Москвѣ со всею силою. Былъ бой, много зла сотворилось, но городъ не былъ взятъ. Михаилъ возвратился ни съ чѣмъ.

Въ 1313 году въ Ордѣ воцарился новый царь Узбекъ. Отъ новаго царя слѣдовало брать и новый ярлыкъ на великое княженіе, за чѣмъ и поспѣшилъ въ Орду великій князь Михаилъ. Этимъ случаемъ воспользовались новгородцы. Уже давно имъ очень не по сердцу были намѣстники тверского князя; много терпѣли они отъ ихъ обидъ и насилій. Собралось вѣче, порѣшили ихъ изгнать и послали къ Юрію въ Москву просить помощи и звать его къ себѣ на княженіе. Московскій князь, конечно, не отказался «и рады были новгородцы своему хотѣнію». Но вскорѣ изъ Орды царь Узбекъ прислалъ за Юріемъ, съ приказомъ, чтобы шелъ къ нему въ Орду немедленно. Оставивъ въ Новгородѣ брата Аѳанасія, Юрій поспѣшилъ въ Орду съ новгородцами, черезъ Ростовъ. А изъ Орды пришелъ Михаилъ и привелъ татарскую рать. Новгородцы хорошо знали, зачѣмъ были приведены татары, и потому поспѣшно собрались съ княземъ Аѳанасіемъ въ Торжокъ, чтобы честно встрѣтить враговъ на рубежѣ своей земли. Но они плохо знали, съ кѣмъ именно поднимаютъ борьбу. Тверской князь былъ очень силенъ и одною своею дружиною; теперь-же онъ пришелъ съ татарами и съ низовыми полками (суздальскими). Въ отчаянной битвѣ новгородцы потерпѣли такое крушеніе, какое едва ли когда испытывали. Они спаслись, давши за себя выкупъ въ 50,000 гривенъ серебра. Самый Торжокъ-Кремль былъ срытъ до основанія. Люди ограблены до наготы или захвачены въ плѣнъ, болѣе 1,000 добрыхъ мужей, бояръ и купцовъ пали въ битвѣ. Великій князь, назначивши небывалый выкупъ, заключилъ миръ съ вольными людьми и крестъ цѣловалъ, а потомъ, призвавши къ себѣ князя Аѳанасія и бояръ новгородскихъ, захватилъ ихъ и отослалъ въ Тверь, какъ заложниковъ, для утвержденія мира. Такъ жестоко наказалъ Михаилъ своихъ противниковъ. Тѣмъ не менѣе, на другое же лѣто (1316) выгнали Михайловыхъ намѣстниковъ. Михаилъ снова поднялъ всю низовскую землю и устремился уже прямо къ Новгороду. Новгородцы собрались всею землею, укрѣпили городъ, плакали, молились, исповѣдовались, и обѣщали быть заедино и постоять накрѣпко. На этотъ разъ Михайловы полки, хотя и близко подошли, но потерпѣли неудачу: заблудились въ лѣсахъ, болотахъ и озерахъ, стали помирать съ голода, и едва выбрались по домамъ.

Московскій Юрій все это время (года два) жилъ въ Ордѣ и, конечно, не даромъ. Онъ тамъ женился, взялъ у царя Узбека его сестру Кончаку, которая крестилась и наречена Агаѳьею. Этою женитьбою и многимъ серебромъ, вѣроятно, больше всего новгородскимъ, онъ успѣлъ выправить себѣ ярлыкъ на великое княженіе. Съ молодою женою и татарскою ратью подъ предводительствомъ Кавгадыя онъ прошелъ къ Твери. За 40 верстъ отъ города, при селѣ Бортеневѣ, произошло побоище. Юрій былъ разбитъ. Тверичи на бою захватили въ плѣнъ кня-

гиню Кончаку, брата Юріева, Бориса, многихъ князей, бояръ и знатныхъ татаръ. Юрій съ малою дружиною побѣжалъ въ Новгородъ; Кавгадый тоже побѣжалъ къ своимъ обозамъ; но Михаилъ скоро заключилъ съ нимъ миръ: призвалъ его съ дружиною въ Тверь, гдѣ принялъ татарина съ большою почестью, одарилъ богато и думалъ, что привлекъ его на свою сторону. Въ то же время въ Твери въ плѣну померла княгиня Юрьева Кончака-Агаѳья, вѣроятно, отъ отравы.

Пока все это творилось въ Твери, Юрій съ новгородцами и псковичами уже приближался къ тверской Волгѣ. Михаилъ встрѣтилъ его. Покончили на томъ, что идти имъ обоимъ въ Орду, но прежде Михаилъ послалъ къ Юрію посольство о любви съ бояриномъ Олексою Марковичемъ, котораго, однако, Юрій убилъ въ негодованіи. По совѣту Кавгадыя, московскій князь собралъ въ Орду всѣхъ недовольныхъ Михаиломъ, — взялъ съ собою всѣхъ князей низовскихъ, то-есть иначе, чуть не всю Низовскую землю съ верхнимъ Новгородомъ. Въ извѣстномъ смыслѣ тяжба становилась всенародною. Существенное обвиненіе Михаила заключалось въ томъ, что онъ будто-бы собиралъ многія дани съ городовъ и въ Орду не отдавалъ. Указывали и то, что онъ намѣревался будто-бы съ собранною казною бѣжать «въ Нѣмцы», что отпустилъ казну въ Римъ къ папѣ....

Прибывши въ Орду, онъ полтора мѣсяца, по обычаю и въ виду суда, разносилъ дары: сначала — татарскимъ князьямъ, потомъ — царицамъ, наконецъ, самому царю. Тогда и повелѣлъ царь: «Сотворите судъ князю Михаилу съ княземъ Юріемъ московскимъ. Котораго будетъ правда, того хочу жаловать, а виноватаго повелю казнить».

Судъ, руководимый Кавгадыемъ, окончился казнью Михаила, совершенною, повидимому, русскими же руками, какимито Иванцемъ да Романцемъ. Бояръ и слугъ Михаила похватали и оковали тоже свои русскіе истцы — князья и бояре. Спаслись немногіе, убѣжавши къ царицѣ.



Князь Михаилъ въ ставкѣ Батыя.

Картина В. С. Смирнова.

Послѣ казни, по свидѣтельству «житія» Михаила, всѣ истцы, князья и бояре, собравшись въ одной вежѣ (палаткѣ) веселились, пили вино и повѣствовали другъ другу, кто какую вину выставлялъ на мученика. Такъ были велики ненависть и озлобленіе противъ него!..

Каковъ бы ни былъ Михаилъ при жизни, но получивъ мученическій вѣнецъ, онъ въ народномъ мнѣніи оправдался отъ всѣхъ своихъ княжескихъ грѣховъ. Для народа, за свое мученичество, онъ сталъ святымъ. Но тверская трагедія только еще начиналась.

Года черезъ два, по какому то поводу, Юрій со всею силою пошелъ было къ Кашину. Михайловичи вышли тоже съ полками, но поспѣшили послать къ нему въ Переяславль тверского владыку, который и покончилъ съ великимъ княземъ миромъ, на 2000 рубляхъ, и съ

тѣмъ, чтобы Дмитрій Михайловичъ не искалъ великаго княженія. Принявъ отъ Михайловичей деньги, Юрій пошелъ съ ними въ Новгородъ, потому что туда ему лежала дорога. Тверской лѣтописецъ называетъ это «серебро» *выходнымъ*, т. е. взятымъ для татаръ, и прибавляетъ, что вмѣсто того, чтобы идти съ серебромъ въ Орду, князь Юрій пошелъ въ Новгородъ, съ цѣлію, будто-бы, утаить царевъ «выходъ». Съ этой клеветою Дмитрій Михайловичъ поспѣшилъ въ Орду. Юрія-же очень звали новгородцы, которымъ было великое утѣсненіе отъ нѣмцевъ, и надо было очень спѣшить имъ на помощь. Въ его отсутствіе все измѣнилось. Тверской Дмитрій получилъ въ Ордѣ великое княженіе, по какому случаю изъ Орды пришелъ грозный посолъ Ахмылъ отыскивать Юрія. Михайловичи на всѣхъ путяхъ стерегли Юрія, желая его схватить и своими руками доставить въ Орду.

Пробираясь изъ Новгорода домой, чтобы идти въ Орду, Юрій просилъ вольныхъ людей проводить его; но на Волгѣ, не доходя Ярославля, былъ настигнутъ Александромъ Михайловичемъ и едва спасся, убѣжавъ опять къ Новгороду. Тверичи захватили его бояръ и всю казну.

Юрій-же все-таки долженъ былъ идти въ Орду.

Воспользовавшись случаемъ, онъ пошелъ изъ Заволочья въ Орду на Пермь Великую, по Камѣ рѣкѣ. Этотъ обходъ теперь былъ безопаснѣе, чѣмъ путь черезъ Суздальскую землю. Юрій зналъ, что со стороны Твери пощады не будетъ. Дмитрій также зналъ, что въ Ордѣ Юрій можетъ отнять у него великое княженіе, а потому и самъ поспѣшилъ въ Орду. Враги встрѣтились. Дмитрій, дождавшись кануна дня казни его отца, которая совершена 22 ноября, убилъ Юрія въ самый праздникъ Введенія во храмъ Богородицы, 21 ноября 1324 года, безъ царева слова, надѣясь на царево жалованье, потому что Узбекъ очень чтилъ тверского князя. Но царь подвергъ его опалѣ, доколѣ обдумаетъ, что съ нимъ сдѣлать. Тѣло же Юрія похоронено въ Москвѣ, оплаканное братомъ Иваномъ и народомъ.

Тѣмъ временемъ въ Тверь возратился изъ Орды Александръ Михайловичъ, и съ нимъ татары, его *должники*, собирать долги, вѣроятно, за полученный ярлыкъ на великое княженіе. И было много тяготы отъ нихъ Тверской землѣ. Изъ Москвы необходимо долженъ былъ идти въ Орду и пошелъ братъ убитаго князя, Иванъ Даніиловичъ.

На другой годъ, въ сентябрѣ, была рѣшена участь и тверского Дмитрія. Царь повелѣлъ его убить за Юрія московскаго. Тѣмъ не менѣе великое княженіе было отдано не московскому, а тверскому же Александру Михайловичу, вѣроятно, съ тою именно цѣлью, какая вскорѣ была обнаружена пріѣздомъ въ Тверь свирѣпаго посла, царевича Щелкана Дюденевича, племянника царя Узбека. До тѣхъ поръ татарское владычество надъ Русью происходило издалека. Теперь, повидимому, татары задумывали иное. Царевичи и князья стали будто бы говорить царю, что для полнаго завладѣнія Русскою страною необходимо совсѣмъ истребить и тверского и всѣхъ русскихъ князей.

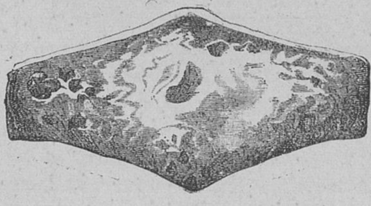
Именно Щелканъ и вызвался на это дѣло. «Если повелишь мнѣ,—говорилъ онъ царю, — я пойду въ Русв, и разорю христіанство, князей ихъ изобью, а княгинь и дѣтей къ тебѣ приведу». И повелѣлъ ему царь такъ исполнить.

Разсказываютъ вообще, что Щелканъ хотѣлъ, избивши тверскихъ князей, самъ сѣсть на великое княженіе въ Твери и своихъ князей татарскихъ посажать по инымъ русскимъ городамъ, а христіанъ привести въ татарскую вѣру.

Пріѣхавъ въ Тверь, Щелканъ, дѣйствительно, съ царскою радостью выгналъ великаго князя изъ его двора (отцовскаго, Михайлова) и поселился въ немъ самъ. Начались обиды, грабежи, поруганія, насилія. Тверичи возмутились, стали жаловаться князю; но князь не могъ помочь, и велѣлъ терпѣть. Однако, тверичи искали только удобнаго случая и особенно скопились къ празднику Успенія. Говорятъ, что и Щелканъ ожидалъ только всенароднаго скопленія, чтобы разомъ истребить православное христіанство. Въ Успеньевъ день горожане гдѣ то поссорились съ татарами: зазвонили колокола, поднялось озлобленное вѣче и кровопролитное побоище.

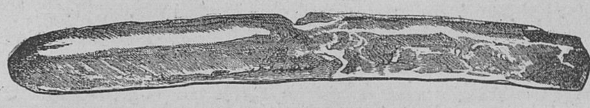
Говорятъ, что самъ Александръ, узнавъ о замыслѣ Щелкана, предупредилъ царевича, что собралъ тверичей и началъ битву. Бились весь день, къ вечеру Александръ одолѣлъ. Щелканъ побѣжалъ на сѣни во дворецъ. Горожане зажгли дворецъ, и Щелканъ сгорѣлъ и со всѣми татарами. *Гостей*-купцовъ Ордынскихъ, старыхъ и вновь пришедшихъ, которые вовсе и не участвовали въ битвѣ, всѣхъ побили, посѣкли, иныхъ потопили, иныхъ пожгли, взваливши на дровяные костры. Это была бѣда напрасная и неразумная. Тверичи доконали всѣхъ татаръ, не оставивъ даже и вѣстника, чтобы разсказать въ Ордѣ о случившемся.

Услыхавши о тверскомъ погромѣ, Ордынскій царь разсвирѣпѣлъ на тверскихъ князей какъ левъ, всѣхъ хотѣлъ истребить, и всю Русскую землю поплѣнить. Въ гнѣвѣ онъ потребовалъ московскаго князя, Ивана Даніиловича, ибо только московскій князь теперь оставался виднымъ лицомъ и старшиною во всемъ княжескомъ родѣ Суздальской земли. Еслибъ и не желалъ идти въ Орду князь Иванъ Даніиловичъ, боясь царева гнѣва,—онъ неминуемо долженъ былъ идти для спасенія отъ татарской грозы собственной Московской волости; онъ долженъ былъ заступиться и за всю землю, направивъ грозу по возможности исключительно на виноватаго—Тверскую область. Конечно, несчастіе Твери было выгодно для Москвы, какъ и для всякаго другого княжества, еслибъ таковое было способно взять тогдашній ходъ событій въ свои руки. Несчастье Твери открывало для Москвы такую просторную дорогу къ первенству, что требовалось только умѣнье пользоваться обстоятельствами и именно требовалось умѣнье стать между Ордою и Русскою землею въ такія отношенія, чтобы надолго успокоить обѣ стороны.



Гривна кіевская.

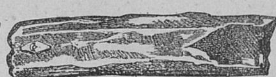
Наказать тверского князя за неимовѣрное самоволіе надъ татарами пришла особая большая рать, пять темниковъ великихъ, пять воеводъ съ 50000 войска и множество Ордынскихъ князей. «Съ ними же Иванъ московскій грядяше, и вождь имъ на грады тверскіе бываше», отмѣчаетъ тверской лѣтописецъ. Здѣсь же, кромѣ московскаго, были еще суздальскіе князья, какъ старѣйшіе властители Русской земли. Кто берегъ свою отчину да и всю Русскую землю, тотъ долженъ былъ идти теперь съ татарами, хотя-бы противъ родного отца. Полки пошли прямо къ Твери, опустошили всѣ тверскіе города, пожгли волости и села, взяли и Торжокъ и хотѣли было идти къ Новгороду, но впередъ послали пословъ; новгородцы дали *окупъ* 2000 руб. и множество даровъ. Было разоренье и плѣненье и кровопролитіе великое. Сохранилъ Богъ только Новгородъ да Москву и всю отчину Ивана Даніиловича, т.-е. всю собственно Суздальскую область.



Гривна новгородская.



Рубль псковской.



Рубль новоторжскій.

Тверской Александръ съ семьею убѣжалъ было въ Новгородъ, но не былъ принятъ, и потому ушелъ во Псковъ. Его братья, Константинъ и Василій, ушли въ Ладогу. Вотъ причины, почему поплатились и новгородцы.

Когда гроза прошла, и татары возвратились въ Орду, слѣдомъ за ними пошли въ Орду и русскіе князья, утвержать за собою свои отчины по новымъ отношеніямъ. Пошелъ Иванъ Даніиловичъ, Константинъ тверской, и новгородцы послали отъ себя особаго посла Ѳедора Колесницу. Это показывало, что и Новгородъ теперь самъ собою является самостоятельною и независимою политическою силою наравнѣ со старшими князьями Низовой земли.

Царь Ордынскій принялъ всѣхъ съ честью. Великое княженіе отдалъ Ивану московскому, «и иныя княженія даде ему къ Москвѣ». Константину далъ Тверское княженіе. Пожаловалъ и новгородскаго посла, какъ можно предполагать, особою льготною грамотою для торговъ, ибо впослѣдствіи у новгородцевъ поминалась таковая грамота. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, царь повелѣлъ всѣмъ заодно искать тверского Александра.

Исполняя царское повелѣніе, всѣ князья отправили пословъ къ Александру во Псковъ съ наказомъ, чтобы шелъ къ царю въ Орду. Онъ не послушалъ и не пошелъ, благо жилъ на самомъ краю Русской земли, далеко отъ татарской грозы. Когда узналъ объ этомъ царь Узбекъ (1329 г.), то прислалъ съ послами ко всѣмъ князьямъ новый приказъ, чтобы всѣ заодно отыскали и прислали въ Орду тверского Александра. Дѣло становилось опаснымъ и общимъ. За него должна была отвѣчать вся земля. Такъ сами татары способствовали пробужденію въ народѣ сознанія общихъ цѣлей и интересовъ. Лѣтописцы говорятъ, что тогда на Псковъ поднялась вся Русская земля, даже вся Новгородская область отъ угловъ Бѣлоозера, Заволочья и Корелы. Всѣ князья и во главѣ ихъ митрополитъ собрались въ Новгородѣ, и отправили во Псковъ знатныхъ пословъ, въ томъ числѣ новгородскаго владыку.—«Иди въ Орду,—говорили послы Александру,—не погуби христіанъ отъ поганыхъ. Лучше тебѣ одному за всѣхъ пострадать и тѣмъ сохранить землю отъ бѣды». Александръ уже соглашался идти, но псковичи остановили и порѣшили, что готовы всѣ помереть за него. Посадивъ его у себя на княженье, они цѣловали ему крестъ, что не выдадутъ никому. Но главное, они хорошо памятовали завѣщаніе Александра Невскаго — принимать съ честью и беречь всѣхъ князей-изгнанниковъ, приходящихъ въ печали. Помня свою присягу и святыя слова святого князя, псковичи хотѣли быть правыми.

Иванъ Даніиловичъ, старѣйшій вождь всего ополченія, двинулъ изъ Новгорода ратныхъ, но, не желая разгнѣвить псковичей, шелъ нехотя и очень медленно. Отъ Новгорода до города Опоки (разстояніе въ 110 верстъ) онъ шелъ цѣлыхъ три недѣли. Явное дѣло, что войны не предполагалось. Дабы смирить псковичей безъ кровопролитія, оставалось одно средство—церковная гроза отлученія и проклятія, съ какою цѣлью присутствовалъ въ походѣ и митрополитъ. Александръ уступилъ, рѣшился избавить честныхъ и добрыхъ гражданъ отъ этой напасти. Онъ побѣжалъ къ нѣмцамъ, а потомъ въ Литву. Такой исходъ дѣла оказался достаточнымъ для донесенія царю, что тверской князь ушелъ къ нѣмцамъ. Черезъ полтора года онъ опять сталъ княжить во Псковѣ, но былъ посаженъ изъ литовской руки, т.-е. независимо и отъ Новгорода, и отъ московскаго великаго князя, которые оставили его въ покоѣ. Псковичамъ онъ былъ очень по сердцу въ ихъ борьбѣ съ Новгородомъ. Свое новое княженіе у нихъ онъ началъ тѣмъ, что заодно со всѣми литовскими князьями сталъ просить митрополита, чтобы Пскову поставленъ былъ особый отъ Новгорода епископъ (1331 г.). Но митрополитъ отвергъ эту просьбу. Новгородцы судили объ этомъ поступкѣ, какъ о беззаконномъ высокоуміи со стороны Пскова, которому руководителемъ былъ, конечно, тверской князь. Высокоуміе, то-есть честолюбіе и властолюбіе, было между прочимъ характерною чертою всѣхъ тверскихъ князей, слѣдовавшихъ въ этомъ за своимъ дѣдомъ и отцомъ. Въ 1335 г. московскій Иванъ Даніиловичъ по какому то случаю поднялся было на Псковъ съ новгородцами и со всею Низовскою землю, но была ему *рѣчь по любви* со всѣмъ земствомъ, и Новгородскимъ, и низовскимъ, и онъ отложилъ походъ, оставивъ Псковъ безъ мира. Должно полагать, что дѣло шло по поводу намѣреній тверского бѣглеца, Александра.

Сидя спокойно во Псковѣ, Александръ все-таки хорошо понималъ, что, убѣжавъ изъ своей отчины, онъ тѣмъ самымъ лишаетъ и своихъ дѣтей всѣхъ правъ на владѣнье отцовскимъ наслѣдствомъ. «Если помру во Псковѣ, — говорилъ онъ, — что тогда станется съ моими дѣтьми? Они будутъ лишены своего княженья. Лучше умереть въ Ордѣ, чѣмъ жить бѣглецомъ». Съ этими мыслями и посовѣтовавшись съ псковичами, онъ отправилъ въ Орду хлопотать старшаго сына, конечно, не съ пустыми руками. Ханъ потребовалъ его самого. Въ 1377 году, прокняживъ 10 лѣтъ во Псковѣ на свободѣ, князь Александръ пошелъ въ татарскую неволю. — «Господинъ царь вольный!—сказалъ онъ Узбеку,—много я виновенъ передъ тобою, но пришелъ къ тебѣ: ищу твоей милости... Смерть или жизнь приму отъ тебя, какъ тебѣ Богъ извѣститъ, я на все готовъ. Вотъ голова моя — передъ тобою!» — Смиренная мудрость князя побѣдила царскій гнѣвъ. — «Избавился отъ смерти князь Александръ», молвилъ царь, принявъ его съ великими почестями, и пожаловалъ Тверскимъ великимъ княженьемъ. Но послѣ 10 лѣтъ, въ самой Твери произошла уже перемѣна въ отношеніяхъ къ бывшему князю. Лѣтописцы ничего не говорятъ о его братѣ Константинѣ, который до того времени спокойно тамъ княжилъ, но о боярахъ они отмѣтили, что какъ только пріѣхалъ Александръ и перезвалъ изо Пскова свою княгиню и дѣтей, многіе бояре тогда же поспѣшили уѣхать отъ него въ Москву. Затѣмъ они говорятъ, что съ московскимъ великимъ княземъ Александръ не утвердился въ договорѣ и, не взявъ мира, послалъ зачѣмъ-то въ Орду своего старшаго сына, Ѳедора.

Предупреждая опасность, Иванъ Даніиловичъ тоже пошелъ въ Орду съ двумя сыновьями, Симеономъ и Иваномъ. Онъ возратился съ великимъ пожалованіемъ, но по его думѣ царь потребовалъ къ себѣ въ Орду на лицо всѣхъ русскихъ князей. Стало быть, снова происходила въ Ордѣ княжеская *пря*, которую слѣдовало устроить мирно. Иванъ Даніиловичъ послалъ туда всѣхъ трехъ своихъ сыновей: Симеона, Ивана, Андрея. Весь соборъ князей долженъ былъ рѣшить, кто заводчикъ новой крамолы, и кто желаетъ добра Русской землѣ. Десять лѣтъ Тверское княжество пребывало въ тишинѣ. Ни князь, ни бояре не обнаруживали недовольства своимъ жребіемъ, пользуясь независимостью самостоятельной отчины и, вѣроятно, подчиняясь Москвѣ на основаніи договора только въ общеземскихъ отношеніяхъ. Ясное дѣло, что Александръ шелъ дальше и, получивъ въ Ордѣ (у царицы) точку опоры, искалъ не независимости отъ Москвы, а владычества надъ Москвою и надъ всею землею. Много было клеветъ на него по этому поводу. Разгнѣванный ими Узбекъ повелѣлъ коварно вызвать его, тихо, кротко, съ обѣщаніемъ, что зоветъ къ великому «жалованію». Александръ колебался, но рѣшился идти. «Если пойду, приму смерть, — разсуждалъ онъ:—если не пойду, то придетъ рать и, много христіанъ будетъ плѣнено и убито, и всему тому буду я виновенъ. Лучше одному за всѣхъ погибнуть!» Рѣшеніе великодушное и благородное, но къ несчастью очень запоздавшее. То же рѣшеніе могло быть исполнено съ большею славою послѣ истребленія Щелкана. Тогда имя Александра, какъ и имя Твери, стало бы святымъ для русскаго народа, и быть можетъ самый ходъ событій пошелъ бы инымъ путемъ, загородивши дорогу самой Москвѣ. Смиренная мудрость и смѣлая, невынужденная рѣшимость, употребленныя во время, быть можетъ, спасли бы отъ смерти и самого князя. Вѣдь простилъ же его Узбекъ именно за смиренную мудрость. Но Александръ предпочелъ бѣгство. И теперь онъ шелъ обольщенный Узбекомъ, въ надеждѣ, что гроза можетъ также миновать.

Когда, послѣ печальныхъ проводовъ изъ Твери, онъ прибылъ въ Орду и разнесъ дары царю, царицѣ, князьямъ и прочимъ, кому слѣдовало, то его друзья изъ татаръ сказали ему: «оклеветанъ ты къ царю накрѣпко, хочетъ убить тебя!» — Другіе увѣряли: «царь даетъ тебѣ великое княженіе». Александръ устраивалъ свои дѣла черезъ царицу, и потому къ ней послалъ пытать прямыхъ и достовѣрныхъ вѣстей, а потомъ и самъ сѣлъ на коня и объѣхалъ друзей, собирая вѣсти, чѣмъ можетъ окончиться его дѣло. Онъ убѣдился, что гибель неминуема и наканунѣ казни получилъ ту же вѣсть и отъ царицы. Но былъ убитъ 28 октября 1339 года

и съ сыномъ Өедоромъ. Русская земля встрѣтила новыхъ мучениковъ своей трагической исторіи съ тѣмъ же религіознымъ чувствомъ общаго къ нимъ почтенія. Во Владимірѣ ихъ останки встрѣтилъ митрополитъ съ соборомъ; въ Переяславлѣ встрѣтили братья и епископы тверской и ростовскій; въ Твери встрѣтили всѣ граждане и плакали горько многое время.

Московскіе княжичи были отпущены изъ Орды съ пожалованіемъ, со многою честью и возвратились въ Москву съ великою радостью и веселіемъ. Того же лѣта (1339 г.), говоритъ лѣтописецъ, великій князь Иванъ Даніиловичъ взялъ изъ Твери колоколъ отъ церкви Св. Спаса, на Москву. Что это значило и съ какою цѣлью взятъ колоколъ, сказать трудно: быть можетъ, это означало, что великокняжеское старшинство Твери упразднено навсегда.

И. Забѣлинъ.



Шлемъ Александра Невскаго

(находится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ).

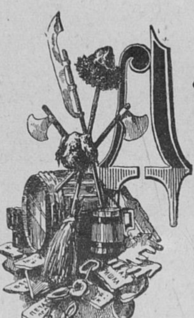
ОЧЕРКЪ IV.

ПЕРВЕНСТВО МОСКВЫ.

Іоаннъ Даніиловичъ Калита—московскій устроитель земской тишины.—Различіе въ основахъ тверской и московской политики.—Св. Петръ митрополитъ и московская заповѣдь—жить заедино.—Москва становится гордою въ смыслѣ государевыхъ стремленій.—Значеніе городской черни или посада въ успѣхахъ московской политики. — Первая встрѣча Москвы съ Литвою и характеръ литовской политики. — Добрыя послѣдствія земской тишины: подъемъ художествъ. — Купцы-сурожане. — Смуты и междоусобія въ Ордѣ. — Политическія опасности для Москвы: малолѣтство ея князя.—Потеря великаго княженія.—Политика Новгорода.—Новгородскіе разбои на Волгѣ. — Ордынскій темникъ Мамай и распаденіе Орды.—Самостоятельность Москвы.—Политическая твердыня Москвы—ея боярство.—Св. Алексѣй митрополитъ.—Новая борьба съ Тверью распространяется въ борьбу съ Литвою и съ Ордою.—Общеземскій походъ на тверского князя какъ разорителя земской тишины.—Борьба съ Мамаевою Ордою.—Всенародное московское ополченіе.—Куликовская побѣда какъ торжество Москвы надъ княжескою и великою рознью.—Борьба съ Рязанью.—Новыя дѣла княжеской розни: Нашествіе Тохтамыша. Гибель, разореніе и опустошеніе Москвы.—Города.—Торжество Москвы.—Княжества надъ верхнимъ Новгородомъ.—Заволжскіе разбои.

Того же лѣта сяде Іоаннъ Даниловичъ на великомъ княженіи всеа Руси, и бысть тишина велика на 40 лѣтъ; и престаша поганыи воевати Русскую землю и закалати христіанъ; и отдохнуша и уночинуша христіане отъ великіа истомы и многіа тягости, и отъ насилія татарскаго; и бысть оттолѣ тишина велика по всей земли.

Тверской лѣтописецъ.



Довольно кратко обозначенныя въ лѣтописяхъ обстоятельства описанныхъ тверскихъ и московскихъ отношеній даютъ легкую возможность обвинять московскаго Іоанна Даніиловича въ хитрой, ловкой, то-есть коварной, плутовской политикѣ, погубившей князя Александра. Однако, разсмотрѣвши эти обстоятельства съ должнымъ вниманіемъ, мы увидимъ, что Александръ погибъ вовсе не отъ хитрости враговъ, но отъ собственной самоувѣренности и самонадѣянности въ томъ, что онъ легко ихъ осилитъ. Повидимому, онъ намѣревался перенять у Москвы и самое великое княженіе. Этого Москва уступить не могла, особенно послѣ десятилѣтней земской тишины, которую народъ прямо приписывалъ тому обстоятельству, что на великомъ княженіи утвердился московскій князь. Защищая себя отъ властолюбивыхъ замысловъ тверского князя, Іоаннъ Даніиловичъ и не могъ особенно хитрить, имѣя на своей сторонѣ и тверскихъ бояръ и все земство великаго княженія. Роль ловкаго хитреца приписывается Москвѣ по той причинѣ, что она держала себя вообще слишкомъ осторожно и вовсе не отличалась той храброю самоувѣренностью и самонадѣянностью, которою особенно славились тверскіе князья. Въ этомъ состояло

самое существенное различіе въ характерахъ обоихъ соперниковъ, и различіе это стало обнаруживаться съ первыхъ же шаговъ начатой ими борьбы, и именно вслѣдствіе различныхъ положеній, при которыхъ каждая сторона вышла на битву. Тверь, какъ мы упомянули, усиленная городецкимъ боярствомъ, сразу явилась первостепенною силою между всѣми княжествами, съ самаго начала явилась могуществомъ, съ которымъ тягаться было очень трудно, какъ это испытывалъ даже и Новгородъ. Это обстоятельство разъ навсегда опредѣлило извѣстный ходъ ея политики.

Надѣясь больше всего на свою личную силу, Тверь естественно стала пренебрегать отношеніями земства и ставила ни во-что его порядки и стремленія; она вообще обращалась съ земствомъ необычно, слишкомъ сурово, дерзко, жестоко, не столько по княжески, сколько по боярски, то-есть безъ всякой заботы о томъ, что будетъ дальше. Личный и свой мѣстный интересъ Тверь ставила впереди всего. Москва вначалѣ, какъ видѣли, даже и не боролась, но только защищалась, стараясь сохранить за собою Переяславское княжество. Она была еще ничтожествомъ. Вовсе не надѣясь на свою военную силу, каковой не было, какъ равно и не имѣя достаточнаго богатства, Москва по необходимости должна была отыскивать себѣ точку опоры въ земствѣ, должна была жить съ земствомъ въ крѣпкомъ союзѣ, не только не пренебрегая имъ, но всячески стараясь угождать ему, отстаивать его порядки и выгоды. Къ тому же въ этомъ заключался и святой завѣтъ славнаго дѣда московскихъ князей Александра Невскаго. Это обстоятельство точно также и въ Москвѣ разъ навсегда опредѣлило извѣстный ходъ ея политики. Москва всего ожидала отъ земской тяги, и никакого дѣла не начинала сама собою безъ совѣта съ земствомъ. Тверь напротивъ всего ожидала только отъ личной своей воли и доблести. Это качество быть можетъ очень бы годилось для южной исторіи, но на сѣверѣ оно приводило только къ ошибкамъ и въ сущности составляло несчастіе для Твери.

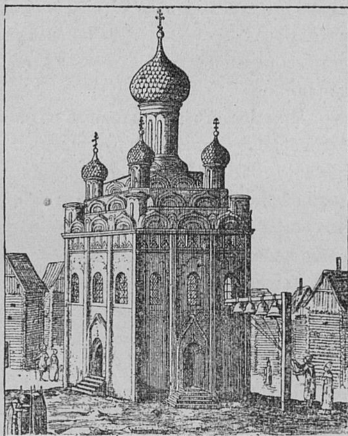
Еще неудачнѣе были отношенія Твери въ церковной власти, къ митрополиту, возникшія изъ того же источника.

Въ 1300 году, митрополитъ кіевскій и всея Руси, не терпя татарскаго насилія, переселился на житье въ Суздальскій Владиміръ. Но и здѣсь владыки не нашли желаннаго спокойствія, ибо Владиміръ, подобно Кіеву, сдѣлался, общимъ владѣньемъ и точно также сталъ часто переходить изъ рукъ въ руки, вслѣдствіе чего и сами князья покинули его и, получая въ немъ великокняжескій столъ, оставались жить въ своихъ наслѣдственныхъ отчинахъ, въ мѣстахъ болѣе крѣпкихъ и неподвижныхъ. Естественно было ожидать, что и митрополиты современемъ перенесутъ свой столъ именно въ такой городъ, гдѣ великое княженіе окажется наиболѣе крѣпкимъ и неподвижнымъ въ отношеніи своего политическаго и общественнаго устройства, и гдѣ церковная власть будетъ встрѣчена съ достойнымъ уваженіемъ и почетомъ. Въ этомъ случаѣ Тверь поступила весьма легкомысленно, руководясь по преимуществу своимъ литовскимъ честолюбіемъ и властолюбіемъ. Ея епископъ Андрей, изъ литовскихъ князей, однажды послалъ къ цареградскому патріарху доносъ на митрополита Петра, обвиняя его въ церковныхъ непорядкахъ. Патріархъ, не совсѣмъ повѣривъ доносу, прислалъ своего клирика для разбора дѣла. Святитель Петръ отдалъ все дѣло и самого себя на общій судъ, собравши въ Переяславлѣ соборъ отъ духовныхъ лицъ, а равно отъ князей и бояръ. Великій князь Михаилъ тверской въ то время былъ въ Ордѣ, но на соборѣ присутствовали его дѣти и бояре и самъ епископъ Андрей.

На соборѣ произошло большое волненіе, молва (шумъ) и мятежъ; всѣ возмутились напрасными клеветами на своего святителя; стали допытываться, кто ихъ составилъ,—и тутъ же обнаружилось, что то былъ епископъ Андрей. Въ началѣ 1316 года онъ оставилъ епископію и удалился въ монастырь, вѣроятно, вскорѣ послѣ собора, который можно относить къ концу 1315 года. Быть можетъ этотъ самый тверской доносъ на митрополита былъ уже плодомъ начавшейся борьбы между Тверью и Москвою, и слѣдовательно онъ долженъ показывать, что

уже въ это время св. Петръ благоволилъ больше къ Москвѣ, чѣмъ къ Твери или къ другимъ городамъ, а это благоволеніе, съ своей стороны, можетъ свидѣтельствовать, что Москва въ самомъ началѣ своей политической исторіи была уже готовымъ угломъ для спокойнаго пребыванія церковной власти.

Обходя мѣста и города Суздальской области, говоритъ житіе св. Петра, узнавая и испытывая людей, онъ особенно полюбилъ московскаго Іоанна Даніиловича, очень милостиваго до нищихъ, усерднаго къ божьимъ церквамъ и ихъ служителямъ, прилежнаго къ книжному поученію. И другія сказанія именуютъ его боголюбивымъ, странно-любивымъ и зело тихо-любивымъ. Самое прозвище Іоанна Даніиловича *Калитою*, идущее несомнѣнно отъ народа, обозначало собственно типъ неистощимаго даятеля милостыни, какъ онъ и рисовался въ народныхъ преданіяхъ до позднихъ временъ. Потому онъ прозванъ Калитою. Былъ очень милостивъ и всегда носилъ при поясѣ калиту (мѣшокъ), полную сребреницъ, ходя съ которою, раздавалъ нищимъ, сколько вынется. Преданія объ Іоаннѣ Даніиловичѣ ходили въ народѣ спустя болѣе полутораста лѣтъ послѣ его смерти. Спустя же триста лѣтъ (въ XVII столѣтіи) въ казнѣ царей, въ числѣ предметовъ большого государева наряда, находилась и *старинная калита великаго князя Даніила*. Добрая народная память объ этихъ первыхъ московскихъ князьяхъ, Даніилѣ и Іоаннѣ, выразилась тѣмъ, что они были причислены къ лику мѣстночтимыхъ святыхъ.



Московскій Успенскій соборъ въ XVII вѣкѣ.
(Съ гравюры конца XVII вѣка).

Іоаннъ Даніиловичъ наслѣдовалъ кроткіе нравы своего отца, прокняжившаго въ Москвѣ тихо и мирно 33 года, съ отроческихъ лѣтъ.

Въ Москвѣ сохранилось преданіе, что первое поселеніе митрополита въ городѣ находилось на Боровицкой горѣ, противъ теперешнихъ Боровицкихъ воротъ, возлѣ первой же московской церкви, во имя Рождества Іоанна Предтечи, въ то время деревянной, выстроенной на бору и срубленной изъ того же лѣса.

Въ то время князь однимъ своимъ лицомъ не много значилъ для устройства своей волости. Первымъ и главнѣйшимъ дѣятелемъ въ этомъ отношеніи всегда бывалъ тысяцкій. Въ Москвѣ же въ это время тысяцкимъ былъ Протасій, потомокъ варяга Шимона и его сына Георгія, извѣстнаго ростовскаго и суздальскаго тысяцкаго при Юріи Долгорукомъ. Онъ перешелъ въ Москву еще при отцѣ Іоанна Даніиловича изъ Владиміра, а по другимъ извѣстіямъ—изъ Ростова. Митрополитъ очень его любилъ, и ему привелъ Богъ даже похоронить святителя, отдавшаго ему и свою казну на постройку первоначальнаго Успенскаго собора. Можемъ предполагать, что съ Протасіемъ перешли въ Москву лучшія преданія первыхъ строителей Суздальской земли, его предка Георгія и другого Георгія, великаго князя, строителя городовъ и церквей, то-есть перешли основныя хозяйственныя идеи въ управленіи волостью и въ устройствѣ ея людей. Московская волость съ перваго же времени славилась тѣмъ, что давала большія льготы и хорошую оборону новымъ ея поселенцамъ, поэтому сюда шли не только земледѣльцы и всякіе рабочіе, но и бояре-дружинники.

Если въ московскомъ боярскомъ гнѣздѣ въ первое время было достаточно ума, опытности и разсчетливости въ поведеніи съ своимъ населеніемъ, какъ равно и съ сосѣдними княжествами, то, съ переселеніемъ въ Москву митрополита съ его дворомъ, эти добрыя политическія качества необходимо получили еще болѣе силы и устойчивости, ибо митрополичья каѳедра

и для всей Руси была хранилищемъ ума, книжной образованности, дальновидности, опытности и осторожности во всѣхъ дѣлахъ и поступкахъ.

Митрополитъ св. Петръ скончался въ Москвѣ въ 1326 году, въ отсутствіе Іоанна Даніиловича, на рукахъ тысяцкаго Протасія, которому завѣщалъ дальнѣйшую постройку заложеннаго имъ перваго Успенскаго собора, отдавши на это и всю свою казну.

Святитель на смертномъ одрѣ заочно благословилъ Іоанна Даніиловича съ его потомствомъ, воздавая ему благодареніе за то, «сколько онъ *успокоилъ* его въ московскомъ житіи и пребываніи».—«Да воздастъ ему Богъ со сторицею,—говорилъ святитель,—да не оскудѣетъ потомство его, обладая симъ мѣстомъ, Москвою, и память его да распространится!» — Уже одни благодарныя слова святителя могутъ служить достойною характеристикою первоначальной московской исторіи. Но и общенародное доброе дѣло этой исторіи яснѣе всего раскрывается въ отзывахъ всѣхъ лѣтописцевъ безъ исключенія о томъ обстоятельствѣ, что какъ только настало княженіе Іоанна Даніиловича, то настала тишина великая христіанамъ по всей Русской землѣ на многія лѣта. Это говорили и други и недруги Москвы. Тверской лѣтописецъ говоритъ объ этомъ даже пространнѣе, чѣмъ другіе: «сяде Іоаннъ Даніиловичъ на великомъ княженіи всеа Русіи, и бысть тишина велика на 40 лѣтъ, и престаша поганые воевати Русскую землю и заклати христіанъ, и отдохнуша и упочинуша христіане отъ великія истомы и многія тягости и отъ насилія татарскаго, и бысть оттолѣ тишина велика по всей земли».

При Іоаннѣ Даніиловичѣ водворено было первое общенародное и государственное благо—безопасность, такое благо, котораго древняя Русь не испытывала дотолѣ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Даже и о времени борьбы Юрія московскаго и Михаила тверского, происходившей наканунѣ княженія Іоанна Даніиловича, современники записали словами Игорева пѣвца, что «при сихъ князехъ сѣяли и росли усобицы, погибала жизнь въ княжескихъ смутахъ и вѣки человѣкамъ сократились».

Выработать единство власти, единство политической жизни посреди всяческаго разновластія, не задѣвая и не оскорбляя ничьихъ интересовъ, дѣло невозможное и въ нашъ гуманный вѣкъ. А великая историческая заслуга Іоанна Даніиловича въ томъ особенно и заключалась, что онъ положилъ первое основаніе для достиженія русскаго политическаго единства. Конечно, онъ дѣйствовалъ только въ границахъ московскаго сознанія объ этой великой цѣли; но московское сознаніе стало потомъ общимъ сознаніемъ всей Руси, ибо начало, поставленное имъ въ основу политической жизни, было старое русское начало, завѣщанное еще Ярославомъ Великимъ, и которое заключалось въ простомъ требованіи отъ всѣхъ князей жить въ крѣпкомъ согласіи, жить заодно, какъ одинъ человѣкъ. И Мономахъ ставилъ первымъ условіемъ для княжескихъ отношеній жить *однимъ сердцемъ*, и съ этою цѣлью стремился установить княжеское вѣче, или княжескую общую думу, съѣздъ, совѣтъ. Послѣдующіе князья также во всѣхъ подобныхъ обстоятельствахъ договаривались между собою жить за одинъ; но всѣ эти побужденія оставались мечтою, однимъ желаніемъ, которое исполнить не было возможности. Московскій Даніиловичъ всѣми силами старался эту мечту водворить во всѣхъ междукняжескихъ дѣлахъ и отношеніяхъ, и завѣщалъ работать въ томъ-же направленіи и своимъ дѣтямъ. Къ счастію для послѣдующей исторіи, въ Москвѣ существовало общество, вполнѣ единомысленное съ основателемъ политическаго могущества Москвы и дѣйствовавшее съ нимъ заодно. Во главѣ этого общества стоялъ митрополитъ, а сильнымъ его дѣятелемъ было передовое боярство, то боярство, которому собственно и принадлежитъ вся честь въ исполненіи добраго политическаго завѣта. Сознаніе объ этомъ завѣтѣ яснѣе всего выразилось въ духовной грамотѣ Симеона Гордаго, старшаго сына Іоанна Даніиловича, который, на случай смерти, передавалъ великое наслѣдство своимъ братьямъ. «А по благословенію нашего отца,—говоритъ Симеонъ,—что намъ приказалъ жити за одинъ, такъ и я вамъ приказываю, своей братьѣ,

жити за одинъ. А лихихъ-бы людей вы не слушали, кто станетъ васъ сваживать; слушали-бы вы отца нашего, владыки Олексѣя (митрополита), также и старыхъ бояръ, кто хотѣлъ отцу нашему добра, и намъ. А пишу вамъ это слово для того, чтобы не перестала память родителей нашихъ и наша, и *свѣча-бы не угасла*».

По смерти Калиты, его дѣти, трое Іоанновичей, а съ ними и всѣ русскіе князья, по обычному порядку, отправились въ Орду утверждать за собою свои вотчины.

Трое изъ помѣстныхъ князей: ярославскій Василій Даніиловичъ, тверской Константинъ Михайловичъ и суздальскій Константинъ Васильевичъ, прямо пошли искать великаго княже-



Большой московскій Успенскій соборъ въ настоящее время.
(Фотографія съ натуры).

нія. Ханъ Узбекъ въ то время жилъ гдѣ-то за Желѣзными Воротами, за Дербентомъ. Соперники Москвы не достигли цѣли. Великое княженіе было отдано московскому Симеону. Съ особою почестью и ласкою ханъ принялъ только московскихъ Іоанновичей, уже очень знакомыхъ всей Ордѣ. Памятуя хорошее поведеніе ихъ отца, ханъ и дѣтямъ далъ наставленіе жить въ тишинѣ и въ послушаніи его ханской волѣ, и за то обѣщалъ, что никакихъ навѣтовъ на нихъ не приметъ, что великое княженіе не только никому, кромѣ нихъ, не отдастъ, но и укрѣпитъ за ихъ дѣтьми. Въ самомъ ярлыкѣ на великое княженіе онъ поставилъ клятву и для своихъ дѣтей, чтобы не измѣнять его слова и не отнимать у Іоанновичей великаго княженія.

Вотъ по какимъ причинамъ эти отношенія Іоанновичей къ Ордѣ лѣтописцы могли коротко обозначить словами, «что великому князю Симеону Іоанновичу всѣ князи даны подъ руку». По тѣмъ-же причинамъ, Симеонъ, по примѣру отца, именовалъ себя великимъ княземъ *всея Руси*, а въ княжескихъ отношеніяхъ онъ получилъ прозваніе *Гордаго*. Таково было наслѣдство, оставленное Калитою своимъ дѣтямъ и городу Москвѣ.

Возвратившись изъ Орды и, конечно, истощивъ тамъ свою казну, Симеонъ не замедлилъ послать въ богатый Торжокъ за сборомъ дани. Такъ какъ съ Новгородомъ миръ еще не былъ установленъ, то московскіе бояре-сборщики начали свое дѣло обидами и насиліемъ, тѣсня собственно богатыхъ бояръ. Обиженные поспѣшили послать въ Новгородъ съ жалобою, прося помощи. Новгородское боярство также незамедлило явиться въ Торжокъ, схватило намѣстниковъ князя и прибывшихъ сборщиковъ съ ихъ женами и дѣтьми, и, заковавши, посадило ихъ въ тюрьмы. А изъ Новгорода къ князю былъ посланъ посолъ съ такою рѣчью: «Ты еще, Господинъ, и на столѣ въ Новгородѣ не сѣлъ, а уже бояре твои насиліе творятъ».



Печать Симеона Гордаго.

Зная, что великій князь не оставитъ этого дѣла безъ наказанія, новоторжцы укрѣпились въ Торжкѣ, и послали въ Новгородъ просить еще ратной помоги.

Тогда противъ этихъ замысловъ въ Новгородѣ возстала *чернь*, и не пустила рати, не позволила начинать войну. Вслѣдъ за тѣмъ и въ Торжкѣ *чернь* поднялась на бояръ съ крикомъ: «зачѣмъ призвали новгородцевъ? Зачѣмъ московскихъ бояръ поковали и посажали въ тюрьмы? Вѣдь не вамъ, а намъ за это погибать!» Чернь надѣла брони, вооружилась, бросилась на дворы воеводъ, освободила заключенныхъ, съ честью выпроводила ихъ изъ города, выпроводила также и новгородцевъ, и съ особымъ ожесточеніемъ напала на своихъ бояръ: одного тутъ-же убили на вѣчѣ, дома ихъ разграбили, хоромы развезли, села опустошили. «Бояре-же новоторжескіе,—говоритъ лѣтописецъ,—прибѣгли въ Новгородъ только съ душою, кто успѣлъ».

Вотъ кто были крѣпкими союзниками Москвы во всѣхъ ея спорахъ и ссорахъ съ Новгородомъ и со всѣми другими княжествами.

Повсюду чернь хорошо уже знала, что Москва не прощаетъ своихъ обидъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ бережетъ землю отъ кровопролитія и разоренья. Повсюду чернь уже достаточно испытала, чѣмъ оканчиваются всѣ междоусобія князей, и потому теперь уже сама всячески старалась прекращать эти междоусобія въ самомъ началѣ, и раздѣлывалась съ виновниками крамолъ по-свойски. Черному городскому и сельскому люду болѣе чѣмъ кому-либо нужны были миръ и тишина, ибо отъ безпрестанныхъ войнъ не только увеличивались дани, но и терялась возможность добывать средства для ихъ уплаты.

Поступокъ новоторжскихъ бояръ былъ дѣломъ очень важнымъ для всей остальной Руси. Это было самоуправство. Дань собиралась главнымъ образомъ для тѣхъ же татаръ. Ея недоборъ всегда грозилъ новымъ татарскимъ нашествіемъ, отъ котораго должны были пострадать не одни виновные, но и вся земля.

Когда въ Москвѣ узнали о сопротивленіи новоторжцевъ и о позорѣ, какому подверглись великокняжескіе намѣстники и сборщики дани, великій князь позвалъ къ себѣ въ Москву помыслить о земскомъ дѣлѣ всѣхъ князей, и тутъ-же утвердился съ ними крестнымъ цѣлованіемъ *быть всѣмъ за едино:* прежде всего смирить и покорить новгородцевъ, а затѣмъ и между собою жить въ совѣтѣ и единствѣ. Кому въ князьяхъ будетъ обида въ отчинѣ или въ иномъ въ чемъ, то войны не начинать, но судиться передъ князьями, а кто начнетъ войну и позоветъ татаръ или у татаръ суда поищетъ, на того всѣмъ князьямъ идти за едино.

Была собрана рать, и всѣ князья отправились, во главѣ съ самимъ митрополитомъ, къ

Торжку. Присутствіе митрополита показывало, какъ и въ походѣ на псковичей противъ тверского Александра, что войны собственно не полагается, что въ сущности это походъ судей на виноватаго, который долженъ возстановить нарушенную справедливость. Новгородцы тоже поднялись на защиту всею землею, но впередъ послали пословъ къ великому князю и съ челобитьемъ къ митрополиту своего владыку Василія. Дѣло окончено миромъ, который по новгородскому свидѣтельству былъ заключенъ на всей волѣ новгородской по старымъ грамотамъ извѣчнымъ, при чемъ новгородцы исполнили и волю великаго князя, отдали ему *черный боръ*, или сборъ особой дани отъ черныхъ людей во всей своей волости (на два года), да съ Торжка Симеонъ взялъ 1000 руб. въ видѣ пени.

Съ Тверью московскій князь жилъ теперь въ совѣтѣ и любви. За то въ самой Твери начались усобицы между дядьми и племянниками, какъ бывало въ старой Руси. Подобныя смуты, впрочемъ, проявлялись и во всѣхъ другихъ княжествахъ. Вслѣдствіе этого, народъ уходилъ съ своимъ добромъ, опять приходилъ, кочевалъ, отыскивая покойнаго мѣста, и, конечно, устремлялся больше всего въ ту область, гдѣ всѣми мѣрами наблюдалась тишина, гдѣ безопасность жизни была прочнѣе. И въ то время только въ Москвѣ теплилась неугасимая свѣча братскаго единства, и въ семьѣ князей, и въ думѣ бояръ.



Св. Алексій, митрополитъ московскій.

Въ Москвѣ, восточная Русь, свивая себѣ твердое и прочное гнѣздо политическаго единства, мало-по-малу стала усиливаться, какъ самобытная русская народность. Западная и южная Русь все больше и больше теряла свое русское сознаніе и свою самобытность, и мало-по-малу, вслѣдствіе завоеваній, покорялась или Польшѣ или Литвѣ. Не встрѣчалось тамъ русскихъ людей крѣпкаго государственнаго ума и характера, а главное—вовсе не было замѣтно дѣйствій посадскаго народа, то-есть той черни, которая нерѣдко рѣшала дѣла на Суздальскомъ сѣверѣ. Не успѣла приготовить юго-западная Русь этихъ двухъ великихъ дѣятелей при созданіи государственной и земской твердыни. Естественно поэтому, что, какъ только явились по сосѣдству съ нею такіе здоровые и свѣжіе люди, каковы были литовскіе князья, особенно-же Ольгердъ,—расслабленное политически тѣло тамошней Руси необходимо должно было сдѣлаться добычею этихъ хищныхъ, сильныхъ людей. Литовскіе князья явились простыми завоевателями и повели это дѣло какъ язычники, прямо по волчьи. Никакихъ счетовъ по родовому или отчиному наслѣдству, какими всегда руководились русскіе завоеватели, у литовцевъ не было. Они надѣялись только на свою силу, а больше всего—на свою хитрость и умѣнье нападать неожиданно, внезапно, какъ есть по разбойнически. Правда, и они тоже собрали Русскую землю «въ одну руку», но это собираніе существенно отличалось отъ московскаго. Это послѣднее создавалось какъ бы само собою, росло органически; Литва же дѣйствовала механически, простымъ насиліемъ и захватомъ чего ни попало подъ руку.

Соединивъ такимъ образомъ въ своихъ рукахъ весь юго-западный край Руси, Литва шагъ за шагомъ стала подвигаться и дальше, на востокъ. Ольгердъ господствовалъ уже въ Смоленскомъ княжествѣ, и въ первый же годъ (1341) Симеонова княженія подступилъ было и къ московскому Можайску, поджегъ его посадъ и волости, но города взять не успѣлъ. Это былъ тайный, неожиданный набѣгъ, чѣмъ особенно и отличался Ольгердъ. Очевидно, начинать съ Москвою настоящую войну литвинъ опасался, ибо зналъ, что Москва была сильна. Спустя лѣтъ восемь, онъ придумалъ новое средство осилить московскаго князя, и послалъ своихъ братьевъ въ Орду просить у царя помощи противъ Москвы. Узнавъ объ этомъ, Симеонъ тоже отправилъ въ Орду своихъ пословъ, которые, жалуясь на Ольгерда, говорили царю такія рѣчи: «Князь литовскій Ольгердъ твои улусы (Русскую землю) всѣ высѣкъ и въ полонъ вывелъ, а теперь и насъ, твоихъ данниковъ, хочетъ полонить, и твой улусъ, Русскую землю, хочетъ до конца опустошить, а все съ тою мыслью, чтобы, разбогатѣвъ, подняться и на тебя».



Св. Өеогностъ, митрополитъ московскій.

Все это была правда, и ханъ кончилъ тѣмъ, что выдалъ головами московскому князю братьевъ Ольгерда и всю ихъ дружину, которыхъ посолъ его Татуй всѣхъ доставилъ въ Москву.

Литовскій князь присмирѣлъ, и на другой годъ прислалъ въ Москву пословъ съ челобитьемъ и многими дарами, прося мира и помилованія его братьямъ. Симеонъ пошелъ на миръ и любовь, великодушно отпустивъ ему плѣнниковъ. Завязалась такая дружба, что и самъ Ольгердъ, и его братъ Любартъ поженились, одинъ на тверской, другой на ростовской княжнахъ. Тверская княжна Ульяна, дочь Александра Михайловича, была свояченицей Симеону. Но родственный союзъ Ольгерда съ Тверью не сулилъ добра Москвѣ.

Въ это время (1352 г.) по всей Русской землѣ распространилась моровая язва, называвшаяся *черною смертью*. Въ Москвѣ отъ язвы умерли: великій князь, его дѣти, братъ его Андрей, митрополитъ Өеогностъ и множество народа.

Преждевременная смерть Симеона, хотя и подняла новыя крамолы, но не произвела ни въ Москвѣ, ни во всей Суздальской области никакого особеннаго замѣшательства: такъ уже крѣпка была устроенная Москвою связь земскихъ и княжескихъ отношеній. Въ постоянныхъ заботахъ объ этой связи, и предусматривая враждебныя обстоятельства, Москва не упустила важнѣйшаго дѣла, и вполнѣ обезпечила себя относительно избранія митрополита. Еще при жизни Өеогноста Гречина, имъ же былъ избранъ намѣстникомъ митрополичьяго стола русскій человѣкъ, старецъ Алексѣй, изъ Черниговскихъ бояръ. Его отецъ, Өеодоръ Бяконтъ, изъ Чернигова перебрался въ Москву служить Іоанну Даніиловичу Калитѣ, былъ въ Москвѣ бояриномъ и Москва за нимъ была, то-есть онъ на время заступалъ въ Москвѣ великаго князя. Отъ него пошелъ извѣстный боярскій родъ Плещеевыхъ. Алексѣй былъ старшій его сынъ. Митрополитъ Өеогностъ очень любилъ инока Алексѣя и держалъ его у себя во дворѣ,

поставивъ себѣ намѣстникомъ. Не задолго передъ своею кончиною, онъ посвятилъ его въ епископы во Владимірѣ и благословилъ на свое мѣсто, на митрополію Кіевскую и всея Руси. Несмотря на предварительное посольство объ Алексѣѣ, цареградскій патріархъ успѣлъ, однако, поставить на Русь и еще другого митрополита, неизвѣстнаго Москвѣ Романа, отъ чего, конечно, должны были произойти церковныя замѣшательства.

Гордому московскому князю Симеону наслѣдовалъ его братъ Іоаннъ, «кроткій, тихій и милостивый»,—какъ именуютъ его лѣтописи. Новгородцы, однако, не желали великаго князя изъ Москвы, и отправили въ Орду особаго посла, прося хана, чтобы отдалъ великое княженіе не московскому Іоанну, но суздальскому князю Константину. Конечно, въ Ордѣ никакой просьбы безъ денегъ и даровъ не принимали. Но вольные люди поплатились напрасно. Ханъ рѣшилъ дѣло въ пользу Москвы, въ присутствіи всѣхъ русскихъ князей, приходившихъ тогда въ Орду за ярлыками вмѣстѣ съ московскимъ княземъ. Москва не преслѣдовала соперниковъ и не мстила имъ за ихъ притязанія.



Золотой перстень царицы Тайдулы, подаренный ею митрополиту Алексѣю, какъ печать.

Со стороны Орды въ княженіе Іоанна Іоанновича случилось «нашествіе» особаго рода. Явился грозный посолъ требовать *запросъ царевъ* отъ всѣхъ князей, то-есть чрезвычайный сборъ даней, не въ очередь и не по уставу, а что назначитъ посолъ, смотря по богатству княжества. «Была великая истома русскимъ князьямъ»,—говоритъ лѣтописецъ.

Въ Одрѣ въ это время шли кровавыя междоусобія, начавшіяся еще при Симеонѣ. Цари мѣнялись чуть не каждый день. Чтобы завладѣть царствомъ, братъ избивалъ братьевъ, дяди племянниковъ, сыновья отцовъ. Русскія лѣтописи сохранили добрую память о царѣ Чанибекѣ Узбековичѣ, который былъ милостивъ къ христіанамъ и многую льготу сотворилъ Русской землѣ. Къ его женѣ, царицѣ Тайдулѣ, по ея вызову, ѣздилъ митрополитъ Алексѣй и исцѣлилъ ее отъ болѣзни, такъ что и самыя льготы могли быть вымолены владыкою Алексѣемъ и вообще пріобрѣтены стараніями Москвы, воспользовавшейся обстоятельствами и наклонностями царя, не на зло, а на добро для всей Русской земли. Но добрый царь Чанибекъ былъ убитъ своимъ сыномъ Бердибекомъ, избившимъ и всѣхъ своихъ 12 братьевъ. Онъ именно и прислалъ посла собирать русскую чрезвычайную дань. Можно полагать, что новый царь не былъ удовлетворенъ собраннымъ запросомъ и хотѣлъ воевать Русскую землю. Тогда изъ Москвы (1357 г.) владыка Алексѣй вторично отправился въ Орду молить царя за христіанство. Потерпѣвъ тамъ многую тѣсноту, владыка успѣлъ, однако, утолить царскій гнѣвъ, и былъ отпущенъ съ честью, принесши миръ всей Русской землѣ.



Печать митрополита Алексѣя.

Около того же времени (1356 г.) въ Москвѣ случилось загадочное событіе: неизвѣстно кѣмъ и какъ былъ убитъ московскій тысяцкій Алексѣй Петровичъ. Говорили, что убійство совершено по тайному заговору всѣхъ бояръ, «*общею ихъ думою*: въ тайнѣ совѣтъ сотвориша и ковъ коваша на него». По поводу этого убійства, въ городѣ поднялся великій мятежъ, такъ что большіе московскіе бояре поспѣшили, и съ женами, и съ дѣтьми, отъѣхать въ Рязань.

Тридцать лѣтъ (1328—1360) тишины и спокойствія не только въ самой Москвѣ, не во всей Суздальской области не замедлили обнаружить добрыя послѣдствія относительно народнаго благосостоянія, первымъ выразителемъ котораго всегда является извѣстный подъемъ въ развитіи художествъ.

Татарское порабощеніе началось повсемѣстнымъ разореніемъ и опустошеніемъ страны. Вслѣдъ за тѣмъ наставшія княжескія усобицы и смуты, и ими же вызываемыя новыя нашествія

татаръ, въ теченіе цѣлаго столѣтія продолжали Батыево дѣло. Воздвигнутые въ дотатарское время старые храмы одни и оставались красотою городовъ. Оскудѣла земля и самими художниками. Есть указанія въ Узбековомъ ярлыкѣ Петру митрополиту, что татарскіе цари пользовались своею волею забирать къ себѣ, когда понадобятся, всякихъ русскихъ ремесленниковъ и художниковъ. Отъ подневольнаго призыва въ Орду всякихъ художниковъ освобождались только люди, служившіе церкви, церковные люди, что, конечно, спасало многихъ отъ татарской неволи и способствовало сосредоточенію разныхъ мастеровъ при епископскихъ каѳедрахъ, подъ видомъ служителей церкви. Само собою разумѣется, что поселеніе въ Москвѣ митрополита впередъ указывало, что у митрополичьяго же престола, то-есть въ той же Москвѣ, должно обновиться и русское художество. Въ этой Москвѣ, еще не богатой, оно начинается постройками небольшихъ каменныхъ храмовъ. Первую каменную церковь, Успенскій соборъ, какъ мы знаемъ уже, заложилъ Св. Петръ митрополитъ въ 1326 году.



Св. Петръ, митрополитъ московскій (основатель Большого Успенскаго собора).

На другой годъ, 1327, уже по кончинѣ святителя, храмъ былъ освященъ. Въ 1329 г. въ одно лѣто построенъ храмъ Іоанна Лѣствичника, подъ колоколы, впослѣдствіи колокольня Иванъ Великій; въ 1330 г. монастырскій храмъ Спаса на Бору; въ 1333 г. въ одно лѣто храмъ Архангела Михаила (соборъ Архангельскій). Все это были постройки небольшія и въ извѣстномъ смыслѣ необходимыя, обозначавшія только, что Москва стала понемногу богатѣть и пріобрѣтать значеніе стольнаго города князей великихъ. Однако, прошло еще десять лѣтъ, когда настала возможность украсить эти храмы и стѣнописаніемъ.

Митрополитъ Ѳеогностъ былъ грекъ, и потому, для украшенія стѣнописью Успенскаго собора, онъ призвалъ греческихъ мастеровъ, которые и расписали его въ одно лѣто 1344 г. Въ тотъ же годъ стали расписывать и Архангельскій соборъ русскіе иконники, мастера великаго князя, окончившіе работу только въ 1346 г. Въ 1345—1346 г. русскіе же, но ученики грековъ, расписали церковь Спаса на Бору и церковь Іоанна Лѣствичника. Ясное дѣло, что греческіе иконописцы, выучивъ своими работами русскихъ мастеровъ, создали въ Москвѣ хорошую иконописную и стѣнописную школу, которая черезъ 50 лѣтъ произвела знаменитаго художника Андрея Рублева.

Надо замѣтить, что около этого времени въ Москвѣ уже славился колокольный мастеръ, родомъ римлянинъ, по имени Борисъ, который въ 1342 г. слилъ колоколъ *великій* къ Св. Софіи въ Новгородѣ. Затѣмъ въ 1346 году мастеръ Борисъ слилъ для самой Москвы три колокола большихъ и два меньшихъ. Такимъ образомъ, въ Москвѣ въ это время возникло весьма необходимое для Руси искусство — колокольное литье.

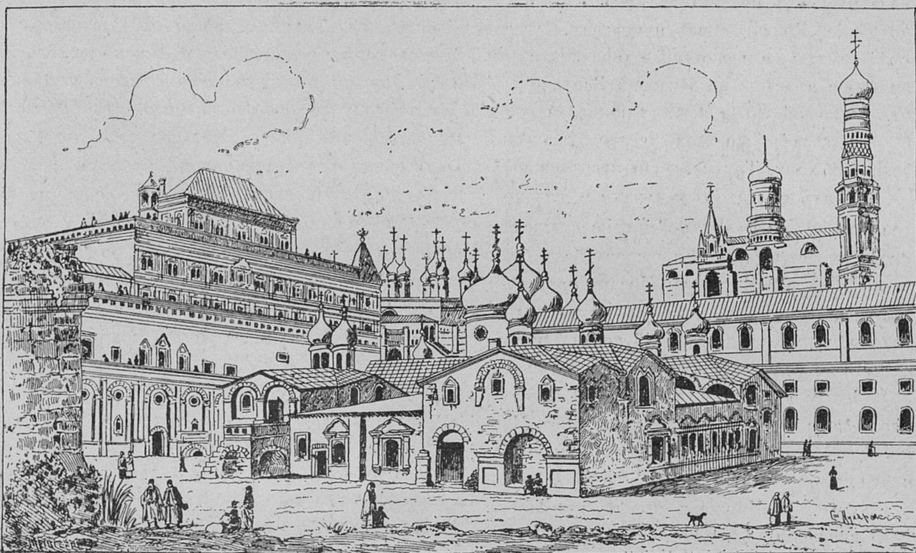
Въ 1356 году въ Московской сторонѣ въ первый разъ упоминаются гости-сурожане, и то по случаю прихода изъ Орды въ Москву какого-то знатнаго татарина Ирынчая, съ кото-

рымъ пришли сурожане. Поселеніе въ Москвѣ сурожанъ свидѣтельствуетъ, что важнѣйшій торгъ въ то время находился уже въ рукахъ Москвы, потому что она была самымъ покойнымъ и наиболѣе безопаснымъ мѣстомъ.

По смерти великаго князя Іоанна Іоанновича, его наслѣдниками въ Москвѣ остались малолѣтніе сыновья и племянникъ; старшему сыну, Димитрію, въ то время было 8 лѣтъ. Малолѣтство князей сулило Москвѣ большія напасти, ибо все враждебное ей могло подняться на ноги.

Въ то время въ Ордѣ снова началась царская смута. Убиты были одинъ за другимъ два царя и одолѣлъ всѣхъ третій, Наурусъ. Всѣ русскіе князья отправились къ нему бить челомъ, чтобы раздѣлилъ имъ ихъ княженія.

Лѣтописецъ говоритъ, что царь *смирилъ* ихъ, значитъ, они пришли въ смутѣ и въ неудовольствіи другъ на друга. Онъ положилъ раздѣлъ ихъ княженіямъ и повелѣлъ знать каждому



Спасъ на Бору (съ гравюры XVIII столѣтія).

свое, не переступать въ чужое, и отпустилъ ихъ съ миромъ и честью. Подобныя распоряженія хановъ все больше и больше укрѣпляли въ княжескихъ умахъ понятія нерушимой собственности относительно ихъ вотчинъ и принадлежащихъ имъ волостей, все больше и больше истребляли притязанія родовыхъ счетовъ въ родовомъ распредѣленіи имущества.

Изъ Москвы, вмѣсто князя, ходилъ въ Орду посолъ, бояринъ Василій Михайловичъ, просить своему малолѣтнему князю ярлыкъ на великое княженіе. Но ханъ отказалъ въ ярлыкѣ и потребовалъ на лицо самого князя, а, спустя немного времени, ярлыкъ отдалъ суздальскому князю, Дмитрію Константиновичу, *не по отчинѣ и не по дѣдинѣ*, замѣчаетъ лѣтописецъ, но, вѣроятно, по ходатайству новгородцевъ.

Между тѣмъ въ Ордѣ не прекращалось кровопролитіе; головы царей падали одна за другою. Теперь, спустя лишь годъ, воцарился Хицырь. Князья вновь отправились было чество-

вать новаго царя, но едва спаслись бѣгствомъ отъ наставшаго междоусобнаго кровопролитія. Суздальскій князь едва отбился отъ напавшей на него татарской рати; нѣкоторые князья были ограблены до нага. Девятилѣтній московскій Дмитрій тоже ходилъ въ Орду, но успѣлъ возвратиться во время еще до начала татарской рѣзни. Очевидно, московскіе бояре заботливо и съ умѣньемъ вели свои сношенія съ Ордою. Царь Хидырь былъ вскорѣ убитъ. Всѣмъ царствомъ замутилъ тогда темникъ Мамай, и Орда раздѣлилась на двое: одна половина осталась въ Сараѣ (ханъ Амуратъ) на той сторонѣ Волги, другая (ханъ Абдулъ)—перешла на нагорную сторону.

Орда стала разлагаться. Она теряла свою силу, но для Руси она все еще оставалась великою угрозою, отъ которой теперь спастись было еще затруднительнѣе. Надо было жить въ ладу не съ одною, а съ двумя Ордами, которыя изъ соперничества между собою могли надѣлать много зла русской землѣ. Но крамольникамъ самыя неурядицы въ Ордѣ были на руку; ея смуты снова подняли смуты и въ Русской землѣ. Нѣкоторые князья, зависимые отъ Москвы, поспѣшили въ Орду и выхлопотали себѣ ярлыки. Выждавъ нѣкоторое время, Москва отправила и своихъ пословъ въ Орду сарайскую, къ царю Амурату просить ярлыкъ на великое княженіе. Ярлыкъ былъ принесенъ, суздальскій князь былъ выпровоженъ изъ Владиміра въ свой Суздаль, и московскій одиннадцатилѣтній Дмитрій торжественно былъ посаженъ на великое княженіе въ стольномъ городѣ Владимірѣ (1362 г.). Весною на другой годъ явились послы и отъ мамаевой Орды и тоже принесли ярлыкъ московскому князю. Это значило, что и мамаева Орда хотѣла также владычествовать надъ Русью и собирать дани и запросы, какъ подобало великому хану. Трудно, да и невозможно было отказываться отъ непрошенной чести.

Узналъ объ этомъ Амуратъ и сильно разгнѣвался на Москву. Тотчасъ же онъ отдалъ великое княженіе опять Дмитрію суздальскому. И Москва опять поднялась ратью на суздальскаго князя, а тотъ попрежнему безъ битвы убѣжалъ въ Суздаль, прокняживъ во Владимірѣ всего 12 дней. Но теперь Москва прошла и на Суздаль, опустошила его волости, *взяла* и *свою волю* надъ дядею московскихъ князей, суздальскимъ Дмитріемъ, который лишился даже и Суздаля и перешелъ въ Нижній къ старшему брату Андрею. Тутъ же за одинъ походъ Москва *взяла свою волю* и надъ ростовскимъ княземъ.

Между тѣмъ на Русской землѣ снова распространился моръ, черная смерть, пришедшая опять съ низовьевъ Волги, сначала въ Нижній-Новгородъ (1364 г.). Не успѣвали хоронить, въ одну могилу клали по 7 по 10 и по 20 человѣкъ. Опустѣла вся земля. Умирали князья, княгини, бояре, гости. На Бѣломъ озерѣ не осталось ни одного человѣка. Но живые думали о живомъ. Въ Нижнемъ померъ старѣйшій изъ суздальскихъ князей, Андрей. Искатель великаго княженія, Дмитрій, поспѣшилъ было занять столъ старшаго брата, но встрѣтилъ соперника въ младшемъ изъ братьевъ, Борисѣ, который уже держалъ въ рукахъ ярлыкъ изъ Орды и не пустилъ охотника до чужихъ волостей, тѣмъ болѣе, что Дмитрій все еще помышлялъ, какъ бы сѣсть и на великое княженіе. Именно въ это время ему были принесены новые ярлыки на великокняжескій столъ, но теперь онъ думалъ только о Нижнемъ и отказался отъ великаго княженія, зная, что съ Москвою бороться трудно. Онъ, напротивъ, у Москвы же сталъ просить помощи противъ меньшого брата. Москва же, добиваясь тишины, предложила братьямъ помириться, и подѣлить волости полюбовно, а потомъ, всегда слѣдуя старымъ уставамъ и общему мнѣнію народа, заступилась за старшаго, за прежняго своего сопротивника. Князь Борисъ не уступалъ. Тогда митрополитъ Алексѣй сталъ звать его на третейскій судъ въ Москву и послалъ для этого преподобнаго Сергія Радонежскаго. Борисъ не слушалъ и церковной власти и сопротивлялся до тѣхъ поръ, когда, по митрополичьему слову, преподобный Сергій затворилъ въ городѣ всѣ церкви. Между тѣмъ и Дмитрій суздальскій приближался уже къ городу съ полками. Борисъ покорился и отступилъ отъ нижегородскаго княженія. Ему отданъ былъ Городецъ.

Во время описанныхъ суздальскихъ неурядицъ, *дворянчики* Верхняго Новгорода, какъ на-



Архангельскій соборъ.
(Фотографія съ натуры).

зываетъ ихъ лѣтопись,—или новгородская молодежь, занимались разбоемъ и грабежомъ внизъ по Волгѣ, повидимому, не безъ политическихъ цѣлей.

Великому князю московскому едва исполнилось 15 лѣтъ отъ роду. Явное дѣло, что, отъ имени князя, работали старѣйшіе бояре, во главѣ которыхъ всегда стоялъ митрополитъ Алексѣй. Можно вообще сказать, что онъ былъ славнымъ руководителемъ боярской думы и опекуномъ самихъ князей.

Въ 1366 г., по общему совѣту князей и боярской старѣйшей думы, было рѣшено оградить Москву каменными стѣнами. Зимою стали возить камень, а весною 1367 г. заложили постройку. Вмѣстѣ съ извѣстіемъ объ этой постройкѣ стѣнъ лѣтописецъ отмѣчаетъ, что шестнадцатилѣтній московскій князь всѣхъ русскихъ князей сталъ приводить подъ свою волю, а которые не повиновались его волѣ, на тѣхъ началъ *посягать*, и такимъ образомъ посягнулъ и на тверского князя Михаила Александровича. Причина посягательства заключалась, однако, въ неудовольствіяхъ и обидахъ между самими тверскими князьями, опять между дядею и племянникомъ (между Тверью и Кашинымъ), разсудить которыхъ не было возможности.

Послѣ сорокалѣтней тишины снова начались ожесточенныя войны, разоренія, междоусобія, нашествія литвы и татаръ, то-есть снова началась, хотя и въ другихъ обстоятельствахъ, борьба съ Тверью или, вѣрнѣе сказать, борьба съ русскою княжескою рознью, крамолою и смутою. Тверской князь тотчасъ озаботился укрѣпить свою столицу, и срубилъ новыя деревянныя стѣны, обмазавши ихъ глиною для безопасности отъ огня; московскій князь на тверской же сторонѣ отъ Москвы срубилъ новый кремль въ Переяславлѣ. Оба соперника готовились постоять за себя крѣпко.

Въ августѣ 1370 г. московскій князь послалъ въ Тверь пословъ сказать князю Михаилу, что миръ съ нимъ кончился и начинается теперь рать. Въ ту-же ночь, говоритъ лѣтописецъ, ударилъ страшный громъ, такъ что вся земля встрепетала. Князь Михаилъ побѣжалъ въ Литву, а Дмитрій со множествомъ войска напалъ на Тверь, страшно повоевалъ, пожегъ и поплѣнилъ ея волости, села и нѣкоторые города, и весь скотъ отогналъ въ свою землю, возвратился со многимъ богатствомъ и корыстью, смирилъ тверичей до конца.

Между тѣмъ, Михаилъ изъ Литвы пробрался въ мамаеву Орду и выхлопоталъ себѣ ярлыкъ на великое княженіе. Дабы перехватить соперника, Москва по всѣмъ путямъ поставила свои сторожевые отряды; но тверской князь изъ Москвы же былъ увѣдомленъ о засадахъ и удалился опять въ Литву за помощью къ Ольгерду.

По первому зимнему пути Ольгердъ явился у Волока. Города не взялъ, но кругомъ все повоевалъ и пожегъ; а на Николинъ день, декабря 6, пришелъ подъ самую Москву, стоялъ 8 дней, но также безъ успѣха. Въ это время московская рать была въ большомъ сборѣ и стояла въ Перемышлѣ. На защиту Москвы привелъ и рязанскую рать князь Пронскій. Ольгердъ побоялся и запросилъ мира. Москва предложила миръ только до Петрова дня. Ольгердъ просилъ вѣчнаго мира и въ доказательство вѣчной любви предложилъ свою дочь за князя Владиміра Андреевича, двоюроднаго брата Дмитрія. Москва согласилась, и миръ былъ утвержденъ. Однако, Ольгердъ возвращался съ великимъ опасеніемъ, озираясь туда и сюда, боясь погони. Тверской князь, оставленный Литвою, тоже примирился и ушелъ въ Тверь. Зима успокоила враговъ. Но весною 1371 г. Михаилъ снова отправился въ мамаеву Орду и опять возвратился оттуда съ ярлыкомъ на великое княженіе, въ сопровожденіи ордынскаго посла. Москва на этотъ разъ укрѣпилась тѣмъ, что по всѣмъ городамъ привела къ крестному цѣлованью бояръ и черныхъ людей — не даваться князю Михаилу и на княженіе не пускать его. Вслѣдствіе этого Михаилъ изъ Твери во Владиміръ долженъ былъ идти подлѣ Волги на Кашинъ. На Мологѣ онъ узналъ, что владимірцы не хотятъ принять его. Оттуда же ордынскій посолъ отправилъ татаръ и Михаилова боярина въ Москву, гордо призывая великаго князя Дмитрія идти къ царскому ярлыку во Владиміръ. Дмитрій отвѣтилъ: «Къ ярлыку не поѣду и въ землю

на княженіе тверского князя не пущу, а тебѣ, послу, путь чистъ». При этомъ Москва послала звать посла къ себѣ въ гости съ великою любовью. Татаринъ сначала не хотѣлъ было идти, но, любя честь и дары, направился въ Москву, гдѣ, конечно, былъ принятъ на славу. Онъ такъ былъ доволенъ, что, возвращаясь въ Орду, всю дорогу хвалилъ и возносилъ добрый нравъ и смиреніе московскаго князя.

И Михаилъ тоже не унывалъ и отправилъ въ Орду своего сына Ивана, конечно, съ великими жалобами на Москву. Теперь по необходимости долженъ былъ идти въ Орду и самъ великій князь Дмитрій. Съ нимъ пошелъ князь Андрей ростовскій, бояре и слуги. А въ Москву въ то время пришли послы Ольгерда съ миромъ и любовью обручать за князя Владиміра Андреевича дочь Ольгердову, Елену. Въ Ордѣ московскій князь, раздавая много серебра, такъ убѣдилъ и самого Мамая, и царя, и царицъ, и князей, что былъ пожалованъ попрежнему великимъ княженіемъ, съ великою почестью. Кромѣ того, въ Ордѣ же былъ выкупленъ бывшій тамъ въ долгу, за 10 тысячъ рублей, сынъ Михаила, Иванъ и доставленъ въ Москву какъ купленный товаръ.



Вооруженіе монгольскаго воина XIV[в] вѣка.

(Средневѣковое отдѣленіе Эрмитажа).

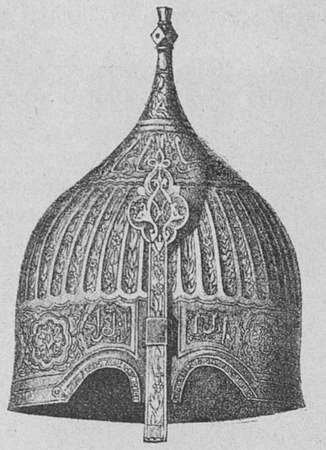
Пока все это происходило въ Ордѣ, тверской князь пользовался временемъ и захватилъ Кострому, Мологу, Угличъ, Бѣжецкій Верхъ, посадивъ тамъ своихъ намѣстниковъ.

Москва не могла остановить тверского завоевателя, потому что въ ту-же зиму должна была воевать съ Олегомъ рязанскихъ, защищая отъ него князя Пронскаго. Она выгнала Олега изъ Рязани, но, конечно, не надолго. Съ наступленіемъ весны 1373 г., тверской князь тайно подвелъ на московскія волости литовскую рать, захватилъ Дмитровъ, а потомъ Переяславль; съ городовъ взялъ выкупъ, а посады, села, волости пожегъ и поплѣнилъ. Тѣмъ же путемъ взялъ Кашинъ, а потомъ и новгородскій Торжокъ, гдѣ посадилъ своихъ намѣстниковъ. Видимо, онъ шелъ по слѣдамъ отцовъ и, съ помощью Литвы, воевалъ на всѣ стороны, намѣреваясь мечемъ и грозою подчинить себѣ великое княженіе и сдѣлаться Господиномъ Русской земли.

Торжку на помощь пришли новгородцы, согнали княжескихъ намѣстниковъ, а гостей и всѣхъ людей тверскихъ избили, товаръ пограбили. Въ ожиданіи соотвѣтствующей грозы отъ Твери, городъ былъ укрѣпленъ, и собрана большая рать. Не замедлилъ тверской князь съ своею ратью. Сначала онъ миролюбиво просилъ выдать зачинщиковъ убійства и грабежа и ввести опять его намѣстниковъ. Новгородцы съ негодованіемъ отвергли его предложенія. Началось отчаянное побоище. Михаилъ побѣдилъ и ознаменовалъ свою побѣду такимъ ожесточеніемъ, что бѣдному Торжку такого зла и отъ поганыхъ татаръ не бывало. Городъ съ жителями былъ сожженъ и разграбленъ весь безъ остатка.

Покончивъ съ Торжкомъ, тверской князь призвалъ Ольгерда на Москву. Но Москва успѣла встрѣтить враговъ на своемъ рубежѣ и отбила первый натискъ; потомъ войска стали другъ

противъ друга надъ какимъ-то непереходимымъ оврагомъ; стояли долго и принуждены были принять миръ. Черезъ годъ князья примирились окончательно. Московскій выдалъ тверскому выкупленнаго въ Ордѣ его сына, а тверской — вывелъ своихъ намѣстниковъ изъ завоеванныхъ имъ волостей. Настала тишина, всѣ возрадовались, но не надолго.



Шлемъ монгольскаго воина XIV вѣка.
(Средневѣковое отдѣленіе Эрмитажа).

На слѣдующій же годъ (1374) кашинскій князь Василій прибѣжалъ въ Москву, потому что было тѣсно отъ Михаила. Но вскорѣ явились татары изъ мамаевой Орды и разорили Кашинъ; все повоевали, пожгли, пограбили, многихъ изсѣкли, иныхъ въ полонъ увели. Явное дѣло, что ни кто иной призвалъ татарскую рать, какъ тотъ же князь Михаилъ. Дружба Твери съ мамаевой Ордою пересилила дружбу съ Москвою. Московское серебро было забыто. Къ этому присоединился еще несчастный случай. Въ Нижнемъ Новгородѣ народъ возсталъ на мамаевыхъ пословъ и избилъ ихъ всѣхъ до одного, со слугами и съ цѣлымъ полкомъ татаръ. Погибло болѣе 1000 человѣкъ.

Вражда съ татарами разгоралась, и домашніе враги пользовались каждымъ случаемъ. Около этого времени, въ Москвѣ умеръ послѣдній тысяцкій. У него остался сынъ, вѣроятно, имѣвшій всѣ права быть на мѣстѣ отца, но великій князь вознамѣрился теперь упразднить и самый санъ тысяцкаго, конечно, съ общаго совѣта боярской думы и по благословенію митрополита. Оскорбленный сынъ послѣдняго тысяцкаго, Иванъ, въ согласіи съ гостемъ-сурожаниномъ, богатымъ купцомъ Некоматомъ, отъѣхалъ въ Тверь, а изъ Твери въ Орду, хлопотать объ ярлыкѣ на великое княженіе тверскому князю. Ярлыкъ скоро былъ вынесенъ изъ Орды (1375), и Михаилъ, немедленно, въ этотъ же день, послалъ въ Москву сказать, что слагаетъ съ себя крестное цѣлованіе, а въ Торжокъ и Угличъ послалъ своихъ намѣстниковъ. Тогда московскій князь разослалъ повсюду грамоты и поднялся на Тверь всею силою, въ союзѣ со всѣми князьями. Вся Русская земля возстала на тверского князя, пришли князья: суздальскій, городецкій, ростовскій, смоленскій, ярославскій, бѣлозерскій, кашинскій, моложскій, стародубскій, брянскій, новосильевскій, оболенскій, торусскій, и проч. Всѣ единогласно вознегодовали на тверского князя, разсуждая такъ: «Сколько разъ приводилъ онъ литовскую рать и зло творилъ христіанамъ, а теперь сложился съ Мамаемъ и со всю мамаевою Ордою; а Мамай на всѣхъ насъ дышитъ яростью». Не одни князья, но и всѣ порубежные, пограничные сосѣди тверской волости изъ народа, со всѣхъ сторонъ, каждый самъ собою, всѣ пошли разорять и плѣновать Тверскую землю, за безпокойства, которыя она наводила всѣмъ.

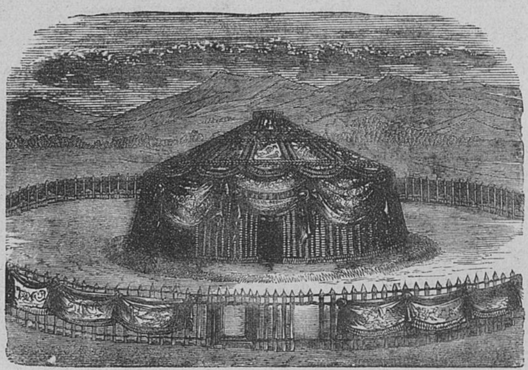


Тамерланъ.
(Миніатюра конца XIV вѣка).

Пришли на помощь и новгородцы, желая честь воздать московскому великому князю и больше всего отомстить свою торжовскую обиду. Войско собралось около Твери

и осадило городъ. Михаилъ не сдавался, ожидая помощи отъ Мамая и отъ Литвы. О Мамаѣ ничего не было слышно, но Литва пришла и, увидавъ, что дѣло не подходящее, ушла восвояси. Тверской князь, видя, что вся Русская земля возстала на него, что помощи нѣтъ ни откуда, запросилъ мира и отдался московскому князю на всей его волѣ, а въ чемъ состояла эта воля, то было написано въ договорной грамотѣ, которая сохранилась и служитъ яснымъ свидѣтелемъ, что насилія и самовластіе Москвы не шли дальше защиты обиженныхъ и возстановленія нарушенной тверскимъ княземъ правды.

Несмотря на установленный миръ, пособники Михаила все-таки помогли ему: Ольгердъ напалъ на Смоленскъ и повоевалъ всю землю Смоленскую, говоря: «зачѣмъ ходили на тверского князя»! Мамай повоевалъ нижегородскую и Сѣверскую стороны, говоря то-же самое: «зачѣмъ ходили на Тверь!» Такъ трудно было всѣмъ волостнымъ князьямъ стоять за Москву или собственно за единство интересовъ земли. Тѣмъ не менѣе этотъ семейный идеалъ, отнюдь не господарскій, скрѣпилъ теперь около Москвы всѣ раздѣльныя отчины и впервые образовалъ самостоятельную земскую силу, которая теперь и явилась силою не одной Москвы, а вообще силою Московской области или, правильнѣе, общею силою Суздальской Руси. Какъ только была понята и почувствована эта сила, тотчасъ стали измѣняться и отношенія Руси къ самимъ татарамъ. Не одинъ сильный московскій князь, еще юноша, но и другіе князья стали обходиться съ Ордою смѣлѣе и не упускали случая, если представлялась возможность, встрѣтить татаръ должнымъ отпоромъ и побоищемъ. Такъ по необходимости дѣйствовали князья нижегородскіе и рязанскіе, ибо ихъ вотчины находились на окраинахъ Русской земли и первыя подвергались опустошеніямъ и грабежамъ. Нижегородскимъ князьямъ въ важныхъ случаяхъ помогала Москва. Рязанцы жили съ Москвою не въ большихъ ладахъ и чаще ссорились, а потому съ этой стороны каждый защищалъ самъ себя. Нельзя не замѣтить, что рязанскіе князья жили вообще спустя рукава и не сумѣли или не могли устроить себѣ правильную защиту отъ татарскихъ набѣговъ. Но Москва всегда была на сторонѣ и, находясь на берегу Оки, всегда успѣвали встрѣтить татаръ подальше отъ своихъ границъ.



Юрта татарскаго хана.

Такъ случилось въ 1378 году, когда Мамай, научаемый врагами Москвы, выслалъ большую рать на московскаго князя. Дмитрій съ своими полками встрѣтилъ эту рать еще въ Рязанской землѣ на рѣкѣ Вожѣ (между Зарайскомъ и Рязанью) и одолѣлъ ее со славою, самъ предводительствуя большимъ полкомъ. На этомъ бою попался въ плѣнъ посланный изъ Орды отъ московскаго бѣглеца, тысяцкаго сына, Ивана Васильевича Вельяминова, съ мѣшкомъ лютыхъ зелій. Для чего были несены эти зелья, неизвѣстно, но пребываніе въ Ордѣ этого боярина представлялось дѣйствительнымъ зельемъ для Русской земли. Онъ служилъ тамъ какъ бы агентомъ для всѣхъ враговъ Москвы и несомнѣнно разжигалъ татарское озлобленіе противъ московскаго князя. Однако, спустя годъ, онъ былъ пойманъ и всенародно казненъ въ Москвѣ на Кучковомъ полѣ (Срѣтенка).

Вожинская битва, откуда татары побѣжали съ позоромъ, безъ оглядки, привела Мамая

въ страшную ярость. Онъ остановилъ бѣгущую рать и внезапно напалъ на Рязанскую область, опустошилъ ее изъ конца въ конецъ. А Олегъ рязанскій, говоритъ лѣтопись, ничего не вѣдалъ, не успѣлъ собраться, не приготовился и убѣжалъ за Оку, оставивъ свои города безъ всякой защиты.

Мамай не могъ забыть своего пораженія на Вожѣ и готовился отмстить Москвѣ, какъ не бывало со временъ Батыя. Собравши множество войска, даже по найму отъ бесерменъ, фрязъ, черкасовъ, буртасовъ и ясовъ, лѣтомъ 1380 года сталъ со своимъ кочевьемъ на устьѣ рѣки Воронежа, то-есть въ предѣлахъ Рязанской области. Рязанскій Олегъ, не надѣясь на свою силу и спасая себя, конечно, долженъ былъ искать благоволенія у Мамая или же стать заодно съ великимъ московскимъ княземъ и приготовиться къ оборонѣ, вмѣстѣ со всею Русью; но онъ избралъ первое, и, войдя въ союзъ съ Мамаемъ, призвалъ къ этому союзу и Ольгердова наслѣдника, литовскаго Ягайла. Для Москвы такой союзъ въ дѣйствительности былъ страшенъ. Съ такою тройною силою ей еще не приходилось бороться, и союзники были увѣрены, что московскій князь убѣжитъ съ княженія, а они раздѣлятъ всю Залѣсскую землю на двое: одна сторона пойдетъ къ Вильнѣ, другая — къ Рязани. Но Москва во время узнала объ этихъ замыслахъ, не устрашилась и стала собирать войско. Великій князь съ великою любовью и со многимъ смиреніемъ призывалъ русскихъ князей на общее дѣло. Однако, главнымъ образомъ, собирались только мелкіе князья. Изъ крупныхъ самолично никто не пришелъ. Самая же крѣпкая помощь пришла съ сѣверными далекими князьями бѣлозерскими, устюжскими, ярославскими.



Преподобный Сергій благословляетъ Дмитрія Донского на битву съ Мамаемъ.

Картина А. Н. Новоскольцева.

Наконецъ, явились въ Москвѣ и мамаевы послы, требуя *выхода,* какой давала Русь при древнихъ царяхъ, Узбекѣ и Чанибекѣ. Значитъ, «*выходъ*» былъ значительно уменьшенъ стараніями той же Москвы. Великій князь согласился уплатить выходъ, какой существовалъ теперь, по уговору съ самимъ Мамаемъ. Послы уѣхали съ этимъ словомъ; но митрополитъ присовѣтовалъ послать дары: золото и серебро, съ цѣлью поближе развѣдать, какъ и что замышляютъ враги. Стало извѣстно, что Мамай не спѣшитъ нападеніемъ, откладывая походъ до осени, потому что къ тому времени обѣщалъ придти литовскій князь.

Это обстоятельство дало возможность и Москвѣ собрать всѣ свои силы. Въ исходѣ августа

и самъ князь двинулся въ походъ, назначивъ сборъ всей рати на Коломнѣ. Пришли туда всѣ земскія силы московской Руси, не одни полковыя, военныя, но и тѣ, которыя безъ смертоноснаго оружія созидали могущество и преобладаніе Москвы съ первыхъ временъ. Отъ божьяго храма пришло благословеніе и увѣреніе въ побѣдѣ. Изъ Сергіева монастыря пришли два мужественные воина, Пересвѣтъ и Ослябя, умѣвшіе и полки рядить. Изъ Москвы пришли гости, мужи-сурожане, 10 человѣкъ, избранные княземъ съ особою цѣлью, чтобы были свидѣтелями страшнаго событія и могли бы разсказать о немъ въ дальнихъ земляхъ, ибо странствуютъ гостьбою изъ страны въ страну и знаемы и въ Ордахъ, и во Фрязахъ. Лѣтописецъ даже поименовалъ ихъ всѣхъ, стало быть, это были люди знатные и почитаемые въ Москвѣ. Собралась несмѣтная рать, быть можетъ тысячъ до 400.

Полки сошлись на устьѣ рѣчки Непрядвы, впадающей въ верхній Донъ, на Куликовомъ



Куликовская битва.
Съ картины Космакова).

полѣ. Послѣ крѣпкаго и упорнаго боя, русскіе одолѣли. Мамай побѣжалъ и былъ къ тому же настигнутъ и побитъ царемъ Тохтамышемъ. Но побѣда досталась дорогою цѣною. Послѣ того оскудѣла вся Русская земля воеводами и слугами и ратными людьми.

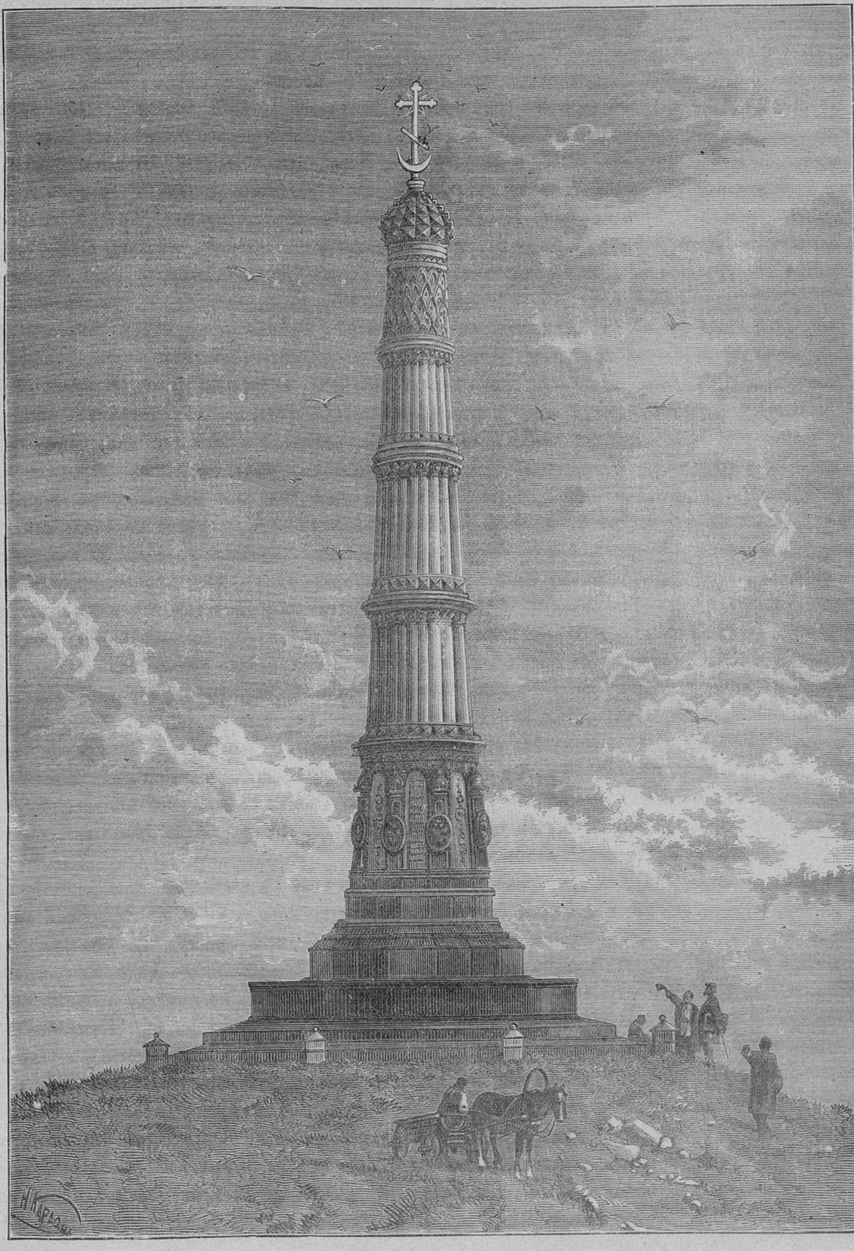
Куликовская побѣда равнялась пораженію, какъ справедливо замѣчаютъ историки. Но она была полною и славною побѣдою Москвы собственно не надъ татарами, которыхъ побѣдить еще не представлялось возможности. На Куликовомъ полѣ Москва одержала полную побѣду надъ домашнимъ врагомъ, который былъ посильнѣе татаръ, который больше всего и способствовалъ этому долговременному порабощенію земли татарскою Ордою. Москва побѣдила здѣсь княжеское разновластіе, земскую разрозненность, княжескую и земскую вражду и борьбу изъ за личныхъ волостныхъ интересовъ при полномъ забвеніи интересовъ общеземскихъ. На Куликовомъ полѣ народъ узналъ, что Москва есть истинное средоточіе и сердце Русской земли,

истинный защитникъ, оберегатель и устроитель земской тишины и политической независимости. Въ этомъ поведенiи Москвы и скрывалась истинная причина ея политическаго повышенiя надъ всѣми остальными княжествами, изъ которыхъ сильнѣйшiя, Тверь и Рязань, въ глазахъ же народа выступали: одна — мятежникомъ противъ общей тишины, другая — измѣнникомъ русскому дѣлу. На этомъ Мамаевомъ побоищѣ явились героями не сильные, высокомѣрные и честолюбивые князья, а слабые владѣтели мелкихъ отчинъ, не помышлявшiе о владычествѣ надъ землею, но помышлявшiе только о службѣ родной землѣ. И вотъ почему послѣ этой достославной битвы московское личное дѣло борьбы съ Мамаемъ явилось дѣломъ общерусскимъ. Всѣ завистники и враги Москвы были посрамлены, какъ враги всей Руси. Житiе Дмитрiя Донского прямо говоритъ, что послѣ побѣды «раскольники и мятежники его княженiя всѣ погибли, и иныя страны подклонились подъ его руки».

Царь Тохтамышъ, разбивши Мамая, поспѣшилъ послать пословъ къ русскимъ князьямъ съ извѣстiемъ, что онъ сѣлъ въ Ордѣ на царство, а своего соперника и ихъ врага, Мамая, сокрушилъ. Князья тоже поспѣшили отправить къ нему своихъ пословъ съ дарами и поминками; объ этомъ лѣтописецъ замѣчаетъ, что «послѣ переговоровъ они учинили между собою великую любовь», вѣроятно, союзный уговоръ, какъ вести себя съ новымъ царемъ. У Татищева находимъ нѣкоторыя подробности: князья поклялись, чтобы другъ надъ другомъ ничего не искать; татарамъ другъ на друга не клеветать, и на Русь ихъ не наводить; а если на кого будетъ бѣда отъ татаръ, всѣмъ стать заедино. Починъ этого союза несомнѣнно исходилъ отъ Москвы.

Царь отпустилъ княжескихъ пословъ съ пожалованiемъ и со многою честью. Спустя годъ (1382 г.), онъ послалъ новаго посла въ Москву и ко всѣмъ русскимъ князьямъ, звать ихъ въ Орду. Посолъ со станицею татаръ въ 700 человѣкъ дошелъ до Нижняго-Новгорода, поворотилъ назадъ, чего-то испугавшись, и не дерзнулъ идти въ Москву. Въ Ордѣ отъ того произошла большая смута и ярость. Этого обстоятельства нельзя иначе объяснить, какъ тѣмъ, что татары на пути, именно въ Нижнемъ, узнали что-либо о союзѣ противъ нихъ всѣхъ князей. Быть можетъ, здѣсь участвовали своими совѣтами и нижегородскiе князья. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что съ того времени Тохтамышъ жилъ въ большой дружбѣ съ суздальсконижегородскимъ княземъ Дмитрiемъ Константиновичемъ. Сообразивъ обстоятельства, Тохтамышъ вслѣдъ за тѣмъ послалъ своихъ слугъ въ городъ Болгары (Казань) и повелѣлъ всѣхъ русскихъ гостей ограбить, а суда ихъ съ товарами препроводить къ себѣ въ Орду. Это онъ сдѣлалъ съ тою цѣлью, чтобы черезъ гостей не пришла на Русь вѣсть о его замыслахъ. Онъ собрался напасть именно на Москву только внезапно, чтобы никто о томъ не вѣдалъ. Но нижегородскiй князь уже узналъ объ этомъ и поспѣшилъ послалъ къ хану своихъ сыновей. Князья едва догнали царя уже въ рязанскихъ предѣлахъ, гдѣ князь Олегъ, спасая себя, также явился пособникомъ царя, указалъ ему броды и окольные пути на Москву, мимо рязанскихъ волостей; разсказалъ, какъ безъ труда можно взять Москву и захватить самого великаго князя.

Наконецъ, услышалъ и великiй князь, что приближается новая гроза. Эта вѣсть была принесена къ нему отъ нѣкоторыхъ доброхотовъ, поборниковъ Русской земли, жившихъ для того нарочно въ ордынскихъ предѣлахъ. Дмитрiй сталъ было собирать войско, попрежнему общею думою со всѣми князьями. Но на совѣтѣ съ князьями великiй князь «уразумѣлъ,—говоритъ лѣтописецъ,—во всѣхъ князехъ и въ боярахъ своихъ и во всей рати *разньство* и *распрю*». Князья не хотѣли помогать Москвѣ, потому что въ самомъ дѣлѣ былъ великiй недостатокъ въ войскѣ: оскудѣла Русская земля послѣ Мамаева побоища. Но главная причина заключалась въ томъ, что многiе и при томъ наиболѣе сильные питали вражду къ Москвѣ и повидимому радовались, что можетъ придти ей конецъ. Чувствуя свое безсилiе, московскiй князь былъ въ страхѣ и трепетѣ и не зналъ, что начать. Онъ распустилъ собранныя дружины, а самъ уда-



Памятникъ на Куликовомъ полѣ.

Оригинальный рисунокъ Н. Каразина.

нился въ Кострому, а братъ его Владиміръ къ Волоку-Ламскому. Тохтамышъ между тѣмъ шелъ быстро, взялъ уже городъ Серпуховъ и приближался къ Москвѣ.

Въ Москвѣ, оставленной княземъ безъ защиты, поднялся великій мятежъ. Одни хотѣли бѣжать; храбрые, по преимуществу черный посадъ, хотѣли затвориться въ осаду, и потому не выпускали никого изъ города, даже и митрополита и великую княгиню. Начался разбой и грабежъ. Бѣжавшихъ убивали, грабили ихъ имѣнія. Не страшились теперь и великихъ бояръ, но на всѣхъ огрызались съ яростію. Послѣ долгой мольбы едва выпустили только митрополита и великую княгиню съ ихъ дворомъ, но ихъ пограбили. Настало буйство неимовѣрное. Къ счастію, вскорѣ появился нѣкій литовскій князь Остей, внукъ Ольгерда. Онъ укрѣпилъ людей и городъ и сѣлъ въ осаду съ оставшимися боярами, съ духовенствомъ, съ сурожанами, суконниками и прочими купцами, и со всѣми посадскими. Буйная толпа черни работала отважно и усердно; но Остей не сумѣлъ устранить и самаго важнаго обстоятельства. Толпа разбила княжескіе и боярскіе погреба и упивалась господскими медами до пьяна. Пьянымъ было море по колѣно, и потому, когда подъ городомъ появились татары, всѣ встрѣтили ихъ не только храбро, но и съ пьянымъ высокомѣріемъ, стали ругаться и поносить татарскую силу, кричали: «Не устрашимся поганыхъ татаръ, городъ крѣпокъ, стѣны каменныя, ворота желѣзныя!» Однако, и въ пьяномъ видѣ народъ исполнялъ свое дѣло въ надлежащемъ порядкѣ, обливая подступавшихъ татаръ кипяткомъ, побивая ихъ каменьями, стрѣляя въ нихъ изъ самострѣловъ, а иные,—говоритъ лѣтописецъ,—и самыя пушки пущали въ дѣло. Одинъ суконникъ, именемъ Адамъ со Спасскихъ воротъ, изъ самострѣла убилъ даже одного ордынскаго славнаго князя и привелъ въ великую печаль самого Тохтамыша со всѣми его князьями. Три дня стоялъ царь подъ городомъ и взять его не могъ. Онъ взялъ его лестью: завелъ переговоры, говорилъ, что пришелъ не воевать съ горожанами, а наказать только великаго князя; что если сдадутся, то всѣмъ будетъ пощада и миръ и любовь. Въ этомъ увѣряли и клялись и нижегородскіе два князя, сыновья Дмитрія суздальскаго. Горожане повѣрили, отворили ворота и были посѣчены, всѣ поголовно, или уведены въ плѣнъ. Весь городъ былъ разграбленъ до чиста, иное сожжено, въ томъ числѣ — множество книгъ, отовсюду снесенныхъ для сохраненія въ осаду. Въ церквахъ до самыхъ сводовъ навалены были книги. Все накопленное богатство исчезло въ одинъ часъ. Нельзя было и счесть всѣхъ потерь; мало сказать: «тысячу тысячъ»,—замѣчаетъ новгородскій лѣтописецъ.

Разоривши Москву, Тохтамышъ распустилъ рать по всей Московской великокняжеской области. Видимо, что онъ приходилъ наказать только московскаго князя. Тверской князь отправилъ къ нему посла со многими дарами и получилъ царскій ярлыкъ на безопасность. Однако, царь все-таки опасался московскихъ князей, и узнавъ, что Владиміръ Андреевичъ стоитъ у Волока, а Дмитрій въ Костромѣ, и вѣроятно скопляются полки, поспѣшилъ собрать свою разсыпавшуюся рать и поворотилъ въ поле, обремененный награбленнымъ безчисленнымъ богатствомъ и великимъ множествомъ плѣнныхъ. При этомъ и рязанскій Олегъ все-таки не уцѣлѣлъ. По навѣту суздальскихъ князей, Тохтамышъ повоевалъ и Рязанскую землю.

Въ этомъ событіи нельзя узнать прежнюю дальновидную и предусмотрительную Москву. Ея политическій умъ совсѣмъ исчезъ именно отъ наставшей розни и трусости, больше всего въ ея боярской средѣ. Оставался вѣрнымъ себѣ только народъ, у котораго не оказывалось, къ сожалѣнію, достойнаго руководителя. Послѣ этой страшной погибели похоронено было 24,000 труповъ. Такъ княжеская крамола и рознь мстила Москвѣ за ея стремленіе скрѣпить и объединить всю землю.

Двусмысленное, хотя и не прямо враждебное московскому князю поведеніе нижегородскихъ и тверского князей и прямая вражда со стороны рязанскаго князя сдѣлали свое дѣло. Идя въ Кострому, Дмитрій обошелъ мимо даже и Ростовъ, значитъ, опасался и служебныхъ князей. Митрополитъ Кипріянъ, спасаясь отъ татаръ, перебрался въ Тверь, гдѣ и основалъ

свое пребываніе, что тоже было двусмысленно. И вообще поведеніе митрополита въ это опасное время, быть можетъ, было главнѣйшею причиною не только княжеской, но и боярской розни.

Но москвичи скоро опомнились. Несчастіе надъ Москвою случилось 26 августа, а въ сентябрѣ великій князь ходилъ уже на рязанскаго Олега мстить ему за то, что провелъ на Москву Тохтамыша. Рязанская земля была повоевана, пожжена и поплѣнена. Хуже ей было, чѣмъ и отъ татарской рати. Не были забыты и счеты съ нижегородскими князьями. Но въ ту же осень (1382 г.), тверской князь съ сыномъ и съ дарами отправился въ Орду къ Тохтамышу; и пошелъ «не прямицами, но околицею и не путями, опасаясь и таясь московскаго князя», пошелъ искать себѣ великое княженіе. Вотъ и наиболѣе справедливое объясненіе московскаго бѣдствія. Есть извѣстіе, что тверскому князю искать великаго княженія посовѣтовалъ митрополитъ Кипріанъ, жившій, какъ мы сказали, въ Твери. Московскій князь съ трудомъ вызвалъ его оттуда опять въ Москву на время, такъ какъ онъ вскорѣ отправился въ Кіевъ. Лѣтописи разсказываютъ, что великій князь гнѣвался на него именно за то, что не остался сидѣть въ Москвѣ въ осадѣ.



Св. Кипріанъ, митрополитъ московскій.

Прошла зима. Въ Ордѣ было опасно, и потому весною 1383 года московскій князь поспѣшилъ отправить туда своего старшаго 13-лѣтняго сына Василія, вмѣсто себя, тягаться о великомъ княженіи съ тверскимъ княземъ, Михаиломъ; тягаться поѣхали, конечно, бояре.

Какой-то князь или царевичъ ордынскій долго смущалъ обоихъ истцовъ, обѣщая каждому великое княженіе и говоря, что склонитъ къ тому хана непремѣнно. Это была обычная уловка ордынскихъ царей выманивать у русскихъ князей сколько возможно больше даровъ и выходовъ по поводу ихъ ссоръ и соперничества. На этотъ разъ Москва не могла пересилить Твери богатствомъ даровъ, ибо послѣ Мамаева побоища и послѣ Тохтамышева разоренья сильно обѣднѣла. Она пересилила и оправдалась только грамотою хана Чанибека, которую Тохтамышъ принялъ съ великимъ почтеніемъ и по ней попрежнему утвердилъ на великомъ княженіи московскаго князя, разумѣется, съ твердымъ обѣщаніемъ собрать съ земли и царевъ запросъ. Онъ утвердилъ и тверского князя, но только на его отчинѣ, давши ему такое объясненіе: «Я улусы свои самъ знаю. Каждый русскій князь на моемъ улусѣ, а на своей отчинѣ; коли живетъ по старинѣ, да служитъ мнѣ правдою, и я его жалую. А что случилась неправда предо мною моего улусника, князя Дмитрія московскаго, то я его поустрашилъ, и теперь онъ мнѣ служитъ правдою, и я его жалую по старинѣ въ его отчинѣ. А ты поди въ свою отчину, въ Тверь, и служи мнѣ правдою, и я тебя жалую».

Москвѣ очень дорого стоили эти короткія разсужденія. Когда тверской князь возвратился въ свою отчину безъ успѣха, то во Владимірѣ пришелъ изъ Орды лютый посолъ, именемъ Адамъ, за сборомъ дани, или царева запроса. Тяжкая и великая дань была по всему княже-

ству московскому: собирали съ деревни, съ двухъ-трехъ дворовъ, по полтинѣ, и золотомъ, то-есть всякими драгоцѣнными вещами, давали въ Орду. И новгородцы, по просьбѣ великаго князя, дали *черный боръ*.

Въ 1385 году суровѣйшій князь Олегъ рязанскій напалъ внезапно на Коломну, пограбилъ ее и захватилъ за себя. Была послана противъ него рать, была крѣпкая битва, на которой погибло много московскихъ бояръ и лучшихъ мужей, безъ успѣха. Тогда римскій князь послалъ къ Олегу преподобнаго Сергія Радонежскаго и старѣйшихъ бояръ выпросить вѣчный миръ и любовь. Только одинъ св. старецъ и успѣлъ укротить и утишить суроваго князя. Заключенъ былъ вѣчный миръ и любовь изъ рода въ родъ.

Какъ только миновала опасность со стороны Рязани, Москва подняла старые счеты съ Великимъ Новгородомъ про Кострому и про *волжанъ*.

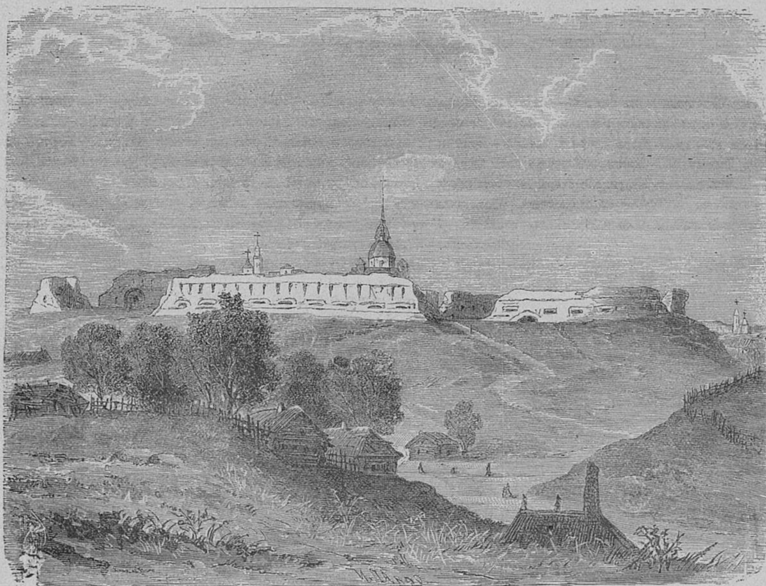
Мы уже видѣли, въ какой степени были дерзки разбои новгородскихъ ушкуйниковъ. Несмотря на то, что Москва успѣла ихъ смирить въ 1367 году, они при всякомъ удобномъ случаѣ поднимались снова. Такъ, во время походовъ и трудной борьбы съ Тверью, въ 1371 году, новгородскіе разбойники взяли Кострому, а потомъ и Ярославль. Затѣмъ, въ 1374 году, ушкуйники на 90 судахъ пограбили Вятку; потомъ, спустившись внизъ по Камѣ, взяли городъ Болгары, хотѣли сжечь, но оставили, взявши 300 руб. выкупа. Отсюда, раздѣлившись на два отряда, 50 ушкуевъ пошли внизъ Волги къ Сараю, а 40 — вверхъ, и, дойдя до Бухова, пограбили Мордовскія земли, все Засурье и Марквашъ. Затѣмъ, переѣхавъ Волгу, пошли на коняхъ къ Вяткѣ, грабя по Ветлугѣ.

Въ 1375 году, во время похода на Тверь и разоренія тверскихъ волостей, новгородскіе разбойники въ 70 ушкуяхъ, 2,000 человѣкъ, спустились рѣкою Костромою въ Волгу, и, послѣ жестокой битвы, опять взяли Кострому, разграбили до чиста, людей увели въ плѣнъ. Отсюда спустились къ Нижнему, взяли городъ и сожгли; дальше повернули въ Каму для грабежа, воротились въ Болгары (Казань), продали полонъ, и пошли по Волгѣ къ Сараю, разбивая и грабя гостей-купцовъ, своихъ же христіанъ. Они спустились въ самую Астрахань и отлично поторговали плѣнными. Астраханскій князь принялъ ихъ очень дружелюбно и, обольстивъ своимъ расположеньемъ, напоилъ пьяными, а затѣмъ — избилъ всѣхъ до единаго. Изъ ихъ череповъ въ Астрахани была сооружена цѣлая мечеть.

Великій князь въ 1386 году собралъ большую рать отъ двадцати девяти городовъ, составлявшихъ ту промышленную и торговую связь, въ которой основнымъ узломъ была Москва. Каждый шелъ не за Москву, но за свое личное дѣло, ибо препоны и затрудненія въ торговомъ движеніи по Волгѣ касались каждаго города. Услыхавъ объ этомъ, новгородцы запросили мира. Великій князь не слушалъ и подвигался дальше къ самому Новгороду. Вольные люди уже готовились сѣсть въ осаду и безъ жалости пожгли свои предмѣстья, гдѣ при этомъ сгорѣло 24 монастыря. Многое пожгла и пограбила и подступавшая рать. Впрочемъ, великій князь не готовился на большое кровопролитіе, и потому, не дойдя 30 верстъ до города, остановился. Новое посольство отъ новгородцевъ успѣло склонить его на миръ, который былъ заключенъ по старинѣ, но съ выдачею 8,000 рублей, да кромѣ того былъ отданъ великому князю и *черный боръ*. Изъ 8,000 руб. новгородцы 3,000 отдали своихъ, а 5,000 доправили на заволочанахъ (двинянахъ), потому что и тѣ ходили на Волгу. Поплатившись дороже, чѣмъ слѣдовало, Двинская земля оставалась недовольною и самимъ Новгородомъ.

Такъ Москва обуздывала земское своеволіе. Извѣстна политическая истина, что главная цѣль всякаго правительства есть безопасность жизни и имущества. Москва, руководимая промышленнымъ земствомъ своей области, преслѣдовала эту цѣль впереди всѣхъ другихъ, повсюду, во всѣхъ случаяхъ, и за то, конечно, много выигрывала въ общемъ мнѣніи народа. Москва явилась совокупностью многихъ историческихъ и народныхъ силъ, въ числѣ которыхъ личная воля ея князей занимаетъ самое послѣднее мѣсто. Къ тому же ея князья по

бо́льшей части не отличаются никакими особыми личными талантами; всѣ они люди здоровые, а половина изъ нихъ въ политическомъ смыслѣ положительно люди слабые. Герой Донской битвы съ Мамаемъ на смертномъ одрѣ самъ сознается, что онъ, какъ родился, такъ и жилъ до смерти на рукахъ своихъ бояръ, въ ихъ волѣ и въ зависимости отъ нихъ; что бояре были у него не боярами, а князьями въ его землѣ. И дѣйствительно, при Донскомъ бояре, можно сказать, на своихъ плечахъ вынесли Москву изъ всѣхъ опасностей, какія скопились надъ нею и по случаю малолѣтства князя, и по случаю вновь поднявшейся борьбы съ Тверью, Литвою и съ татарами. Вмѣсто погибели, Москва восторжествовала надъ своими врагами,



Крѣпость въ Серпуховѣ.
Рисунокъ И. Панова.

конечно по той причинѣ, что смуты и безпорядки всегда еще больше развиваютъ и укрѣпляютъ власть, и именно такую власть, на которую народу можно надѣяться, какъ на каменную стѣну. Но все-таки властительство Москвы никогда не выступало изъ стараго великокняжескаго обычая, и при томъ всегда было ограничено договорными записями не только съ независимыми, но и съ служебными князьями. Договоръ, уставъ составлялъ тогда живую основу княжескихъ политическихъ отношеній. Договоръ съ Тверью, послѣ полной надъ нею побѣды, лучше всего опредѣляетъ характеръ и объемъ того самовластія, въ которомъ такъ обвиняютъ Москву иные историки.

И. Забѣлинъ.

ОЧЕРКЪ V.

МОСКВА — ГОСУДАРСТВО, МОСКВА — ЦАРСТВО.

Участь Нижняго-Новгорода и его князей.—Созданная Москвою народная твердь.—Новыя для нея испытанія.—Разрушеніе московской княжеской и боярской заповѣди жить заедино.—Молодое поколѣніе бояръ.—Боярскія крамолы.—Княжескія усобицы.—Шемякина смута.—Быстрое развитіе въ народѣ потребностей и идеаловъ крѣпкаго государства и крѣпкой государственной власти.—Первый представитель этихъ идеаловъ, Іоаннъ III.—Воспитаніе московскаго государя европейскими государственными идеями.—Первый царь въ Москвѣ, Василій Іоанновичъ.—Окончательное разрушеніе старыхъ вѣчевыхъ и дружинныхъ русскихъ завѣтовъ.—Прирожденный царь Іоаннъ Грозный.—Политическое значеніе его борьбы съ боярствомъ.—Послѣдствія этой борьбы: прекращеніе династіи.—Смутное время.—Избраніе новой династіи.—Новыя историческія задачи для ея дѣятельности.—Потребность преобразованій.—Старозавѣтные идеалы и ихъ сближеніе съ латинствомъ.—Общеевропейскій идеалъ.

Наше государство великихъ князей таково: вѣчю колоколу... не быти, посадпику не быти, а государство все намъ держати... волостемъ быти, селомъ быти, какъ у насъ въ Низовской землѣ... а суду быти по старинѣ, какъ въ землѣ судъ стоитъ.

Отвѣтъ Іоанна III вольному Новгороду.

А мы не покаяхомся, но на большій грѣхъ превратихомся, на злые поклепы и лихія дѣла, и у вѣчьи кричаніе, а не вѣдущи глава, что языкъ глаголетъ, не умѣюще своего дому строити, а градомъ содержати хощемъ. Сего ради самоволія и непокоренія другъ другу быть сія вся злая на ны.

Псковской лѣтописецъ о гибели псковской свободы.

По смерти Донского сѣлъ на княженіе его сынъ Василій, очень молодой человѣкъ, 18-ти-лѣтній юноша. Но онъ сѣлъ уже безъ спора. Москва, разумѣется, не могла забыть нижегородской услуги во время Тохтамышева нашествія, когда, при пособіи нижегородскихъ князей, и самый городъ былъ взятъ и опустошенъ, какъ никогда прежде. Между тѣмъ Москва постоянно помогала нижегородскимъ князьямъ въ ихъ упорной борьбѣ съ болгарскими татарами. Нижегородско-суздальское княжество, находясь на границахъ болгарскихъ, мордовскихъ, татарскихъ, само по себѣ не могло обороняться отъ этихъ сосѣдей, не могло существовать безъ помощи и обороны со стороны Москвы, такъ какъ и нижегородско-болгарскій торгъ вполнѣ зависѣлъ тоже отъ Москвы. Вотъ почему и отъ волжанъ-разбойниковъ Нижній защищала тоже Москва. Очевидно, нижегородскіе князья обязаны были крѣпко держаться за Москву; но они старались ее же побороть, соединясь съ татарами.

Василій Дмитріевичъ, какъ только наступило ему 20 лѣтъ, отправился въ Орду и былъ принятъ тамъ съ необычайною честью. Ни одинъ изъ прежнихъ великихъ князей ни отъ

одного царя не получалъ такого почета. Онъ — старый знакомый Орды. Онъ отрокомъ жилъ тамъ три года, въ заложникахъ, по случаю спора о великомъ княженіи съ Тверью, и потомъ тайно ушелъ оттуда сначала на Донъ, затѣмъ въ Валахію, оттуда къ нѣмцамъ и въ Литву, наконецъ, добрался и до Москвы, благодаря тому, что далъ слово литовскому Витовту жениться на дочери его Софьѣ. Такой проворный князь былъ на радость татарамъ уже потому, что опять пришелъ къ нимъ. Дары и деньги, безъ которыхъ невозможно было являться въ Орду, въ этомъ случаѣ превышали даже ожиданія самихъ татаръ. Но Москва раздобрилась съ особою цѣлью. Она выпросила у того же Тохтамыша, за которымъ бѣгали нижегородскіе князья, въ полное себѣ владѣніе Нижній, Городецъ, Муромъ, Мещеру и Тарусу. Послѣднія двѣ земли уже давно тянули къ Москвѣ, и тарускій князь, служа Москвѣ, погибъ на Куликовомъ полѣ. Несомнѣнно, что давно тянули къ Москвѣ и нижегородцы съ городчанами. Когда Василій, возвратившись изъ Орды, послалъ въ Нижній татарскаго посла и своихъ бояръ объявить волю хана, то нижегородскіе бояре и народъ, собранный по звону колоколовъ, обѣими руками выдали Москвѣ своего князя. Говорятъ, что князь Борисъ, его княгиня и всѣ оставшіеся съ нимъ его доброхоты были скованы и посажены по темницамъ.

Общіе цѣли и интересы, о которыхъ столько хлопотала Москва, привлекли къ ней доброхотовъ по всѣмъ мѣстамъ, а въ самой ея области издали особую *народную твердь* одномыслія и готовности жертвовать на общее дѣло послѣднія средства и послѣднія силы, платить въ случаѣ нужды по полтинѣ съ деревни и отдавать всѣ золотыя вещи или идти всею громадою на Куликово поле. Ни Мамаево побоище людей, ни истребленіе въ прахъ и пепелъ самой Москвы Тохтамышемъ, не произвели ни малѣйшей перемѣны въ устойчивости этой «народной тверди». Напротивъ, къ ней теперь еще сильнѣе потянули всѣ народныя украйны, раздѣленныя на части только по случаю разновластнаго княжескаго кормленья. Прежде всѣхъ другихъ, конечно, долженъ былъ примкнуть къ этой тверди Нижній-Новгородъ, служившій вообще передовымъ выселкомъ отъ Суздаля, то-есть отъ самой середины великокняжеской или собственно древней промышленной области. Но къ Москвѣ вскорѣ потянула и свободная, хотя и далекая, Новгородская, Двинская область. Новгородскій лѣтописецъ говоритъ, что дѣло началъ самъ великій князь Василій Дмитріевичъ, приславши къ двинянамъ приглашеніе отдѣлиться отъ Новгорода и отдаться ему. Свободная земля по первому слову отдалась Москвѣ, потому что это слово выражало только тайную мысль двинскаго народа. Какъ же за это и наказанъ былъ двинскій народъ Новгородомъ! За преступленіе и за вину двинянъ новгородцы взяли съ нихъ 2,000 рублей и 3,000 коней и опустошили бѣлозерскія и устюжскія великокняжескія волости, да и съ низовыхъ гостей взяли окупу 300 р. Сами же новгородцы тотчасъ запросили мира.

Такъ укрѣплялась народная или собственно національная твердь около Москвы. Выдержавъ со славою испытаніе своей крѣпости въ усобицахъ съ Тверью, Литвою и въ борьбѣ съ Мамаемъ, эта твердь должна была подвергнуться новому испытанію, болѣе опасному, чѣмъ татарскія нашествія и борьба съ сосѣдними князьями. Она должна была перенести, какъ опасную болѣзнь, усобицу домашнюю, усобицу въ собственной семьѣ московскихъ князей. Отъ такихъ усобицъ всегда погибали всѣ русскія независимыя и зависимыя княжества, отъ нихъ погибъ и самъ Великій Новгородъ. Но Москва спаслась и отъ этого бѣдствія, благодаря именно народной тверди, которая вскорѣ перемолола княжескія отношенія въ такую муку, какая была потребна не для того или другого князя, а для всей земли.

Добрый завѣтъ Іоанна Даніиловича Калиты жить заедино, слушать старыхъ бояръ и отца владыку-митрополита, строго выполнялся Москвою почти цѣлое столѣтіе. Правда, случались кары и крамолы, но онѣ такъ были незначительны и такъ скоро прекращались, что единство и крѣпкая связь московской жизни нисколько ими не колебались. Но старые бояре помирали, добрыя преданія понемногу забывались, и при Василіи Дмитріевичѣ выдвинулись впередъ

молодые бояре, и при томъ любимцы, которыхъ онъ сталъ слушать больше, чѣмъ старыхъ, то-есть въ сущности выдвинулась впередъ личная воля великаго князя, что́ нарушало старые московскіе завѣты и вносило въ боярское единство колебанія и смуту. Можно предполагать, что много новины не къ лучшему внесла въ домашнія отношенія Москвы и супруга великаго князя, литовка Софья Витовтовна. Въ боярскихъ сплетняхъ и смутахъ, повидимому, она принимала большое участіе. Кромѣ того, и само боярство должно было раздѣлиться на нѣсколько партій по числу лицъ княжескаго дома, такъ какъ у великаго князя Василья было въ живыхъ четыре брата. Начались крамолы, неудовольствія, обиды, особенно для старыхъ бояръ.

Этотъ боярскій расколъ, впервые пробудившійся въ Москвѣ при Василіи Дмитріевичѣ, довольно ясно обозначается и въ лѣтописныхъ замѣткахъ, и особенно въ извѣстномъ письмѣ татарскаго вождя Едигея къ великому князю, написанномъ послѣ его нашествія на Москву въ 1408 г.

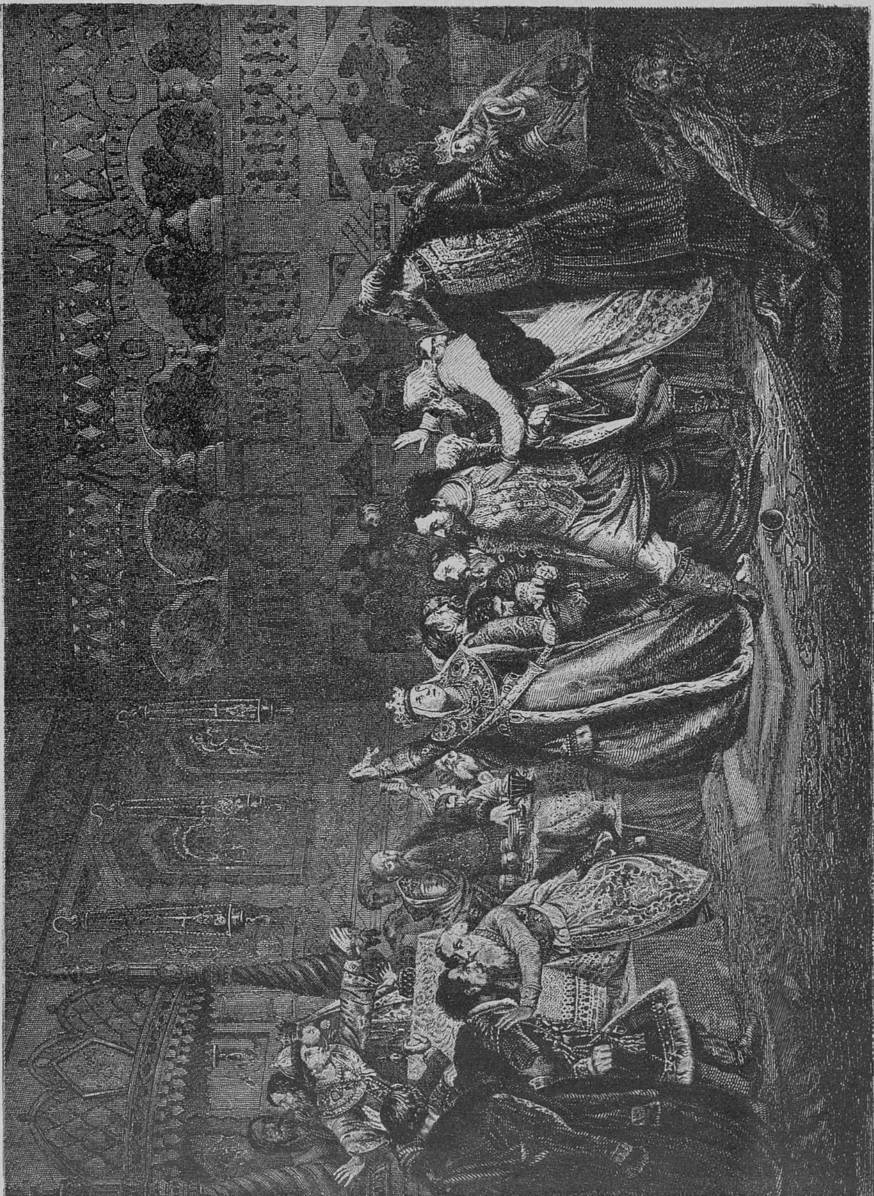
Татаринъ, какъ будто вставшій изъ гроба самъ Іоаннъ Даніиловичъ Калита, поучаетъ его молодого правнука старому московскому уму-разуму. Онъ пишетъ, что приходилъ на Москву и разорилъ великокняжескую область за то, что неисправно живетъ великій князь, неисправно держитъ свой улусъ. «Пріѣзжаютъ къ вамъ ордынскіе послы и торговцы, и вы ихъ на смѣхъ поднимаете, а торговцевъ притѣсняете и обижаете, того прежде не бывало. И ты бы спросилъ старыхъ, какъ дѣлалось прежде,—говоритъ онъ великому князю.—Теперь ты старыхъ не спрашиваешь, и какое добро прежде было, того теперь не дѣлаешь. Добрые нравы и добрыя дѣла и добрая дума въ Ордѣ была отъ Ѳеодора отъ Кошки (боярина). Добрый былъ человѣкъ; которыя добрыя дѣла ордынскія, то онъ тебѣ поминалъ, а теперь все то миновало. Нынче у тебя его сынъ, Іоаннъ, казначей, и любимецъ, и старѣйшина, и ты нынче изъ его слова и думы не выступаешь, *старцевъ земскихъ* не слушаешь, которые знаютъ, какъ быть добру. И вотъ за то разоренъ твой улусъ... Отнынѣ такъ бы ты не дѣлалъ. Собралъ бы ты своихъ бояръ старѣйшихъ и многихъ старцевъ земскихъ да и думалъ бы съ ними добрую думу, не на погибель твоимъ крестьянамъ».

Татаринъ при этомъ поименовалъ даже нѣкоторыхъ старыхъ бояръ, которыхъ слѣдовало слушаться. Иные изъ нихъ и оказались вскорѣ большими крамольниками, каковъ былъ, напр., Петръ Константиновичъ. Можно даже полагать, что Едигеево посланіе сочинялось въ самой Москвѣ, да и разбойничій набѣгъ его, подобно набѣгу Тохтамыша, былъ сочиненъ тоже при помощи русскихъ же враговъ великаго князя.

Вообще Едигеевы совѣты, которые во всякомъ случаѣ онъ писалъ съ русскихъ же словъ, обнаруживаютъ, что во внутреннихъ дѣлахъ Москвы произошли значительныя перемѣны къ худшему. Сущность-же ухудшенія состояла главнымъ образомъ въ томъ, что прервался обычай совѣщанія со старѣйшими людьми, существовавшій со временъ Всеволода III и пользовавшійся замѣтнымъ вліяніемъ среди населенія.

Василій Дмитріевичъ княжилъ 36 лѣтъ, оставилъ послѣ себя одного сына Василія, малолѣтняго, которому было всего 10 лѣтъ. И дѣдъ этого малютки, Дмитрій Донской, вступилъ на княженіе въ тѣхъ же лѣтахъ, но тогда вокругъ него существовалъ крѣпкій союзъ боярства, еще горѣла свѣча общаго единства. Теперь, какъ мы говорили, въ боярствѣ произошелъ расколъ. Старые отдѣлились въ своихъ интересахъ отъ молодыхъ, и кромѣ того иные перешли на сторону Васильева дяди, Юрія галицкаго.

Что-же касается до правъ Василія Васильевича на великое княженіе, то они оказывались сомнительными, потому что въ завѣщаніи Донского не совсѣмъ ясно отдѣлено наслѣдованіе великимъ княженіемъ отъ наслѣдства старшимъ удѣломъ собственно Московской отчины. Его отецъ еще при жизни хотѣлъ было подписать подъ своимъ маленькимъ сыномъ своего брата изъ старшихъ, Константина, то-есть привесть его къ присягѣ на покорность малолѣтнему. Но тотъ возсталъ противъ такого самоволія, сказавши великому князю,



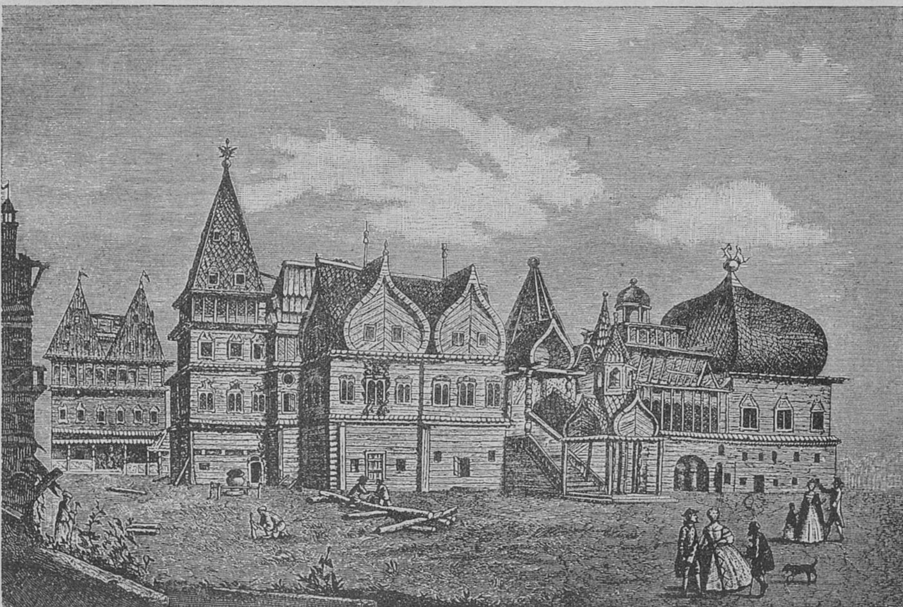
Софья Витовтовна снимаетъ поясъ съ Василія Косого.—Картина П. П. Чистякова.

что «такого дѣла изначала не бывало; зачѣмъ же онъ хочетъ на немъ первомъ поставить такое насиліе?» Очевидно, что болѣе несговорчивый дядя, Юрій, ни въ какомъ случаѣ не могъ согласиться быть младшимъ братомъ своего малолѣтняго племянника. Тотчасъ по смерти

великаго князя Василія, онъ удалился въ свой Галичъ. Начались было ратные походы, но дядя, не находя силъ въ земствѣ, запросилъ перемирія на годъ, а въ Москвѣ, между тѣмъ, по общему совѣту, рѣшили послать къ дядѣ посольствомъ самого митрополита Фотія, дабы установился миръ. Митрополитъ съ радостію принялъ на себя это посольство и съ большою поспѣшностью прибылъ въ Галичъ. Переговоры окончились только тѣмъ, что Юрій, отказавшись искать великаго княженія ратными походами, согласился перенести дѣло въ Орду, на судъ и рѣшеніе хана. Однако, въ теченіе пяти лѣтъ, то-есть по случаю смерти митрополита, онъ не поднималъ этого дѣла. Смерть святителя развязала руки всѣмъ враждамъ и крамоламъ, скопившимся въ то время въ московской княжеской семьѣ. Дядя и племянникъ поспѣшили въ Орду тягаться о великомъ княженіи. Тамъ краснорѣчивымъ и ловкимъ защитникомъ своихъ интересовъ явился московскій бояринъ Иванъ Дмитріевичъ Всеволожскій. Онъ убѣдилъ хана, что правда на сторонѣ племянника, которому и отданъ былъ ярлыкъ на великое княженіе; а молодого племянника, своего великаго князя, онъ убѣдилъ жениться на своей дочери. Тѣмъ бы дѣло и кончилось къ общему благополучію, ибо воевать съ Москвою вообще было трудно и особенно, когда ея боярство жило въ крѣпкомъ союзѣ. Но по возвращеніи въ Москву, великій князь, по настоянію своей матери, литовки Софьи Витовтовны, измѣнилъ своему слову и женился на другой. Тогда невыразимо оскорбленный старый бояринъ отъѣхалъ въ Галичъ, къ князю Юрію. Вслѣдъ за тѣмъ, великая княгиня Софья публично, на свадебномъ пиру, опозорила дѣтей галицкаго князя, снявши съ одного изъ нихъ, Василія Косого, золотой поясъ, о которомъ старый бояринъ, Петръ Константиновичъ, разсказалъ ей, что онъ былъ уворованъ еще у дѣдушки великаго князя, Дмитрія Донского. Вѣроятно, это была боярская сплетня, но она справедливо возбудила такое озлобленіе галицкихъ князей противъ Софьи и ея сына, что отсюда и начались самыя свирѣпыя усобицы, какихъ Москва никогда не видывала, да рѣдко видали и другія княжества. Боярская твердыня разрушилась подъ великимъ княземъ Василіемъ, и онъ остался почти одинокимъ. Дядя Юрій легко занялъ Москву, но не надолго, потому что, какъ только онъ сѣлъ въ Москвѣ, то москвичи всѣ перешли къ племяннику въ Коломну, которая отдана была ему въ удѣлъ. Затѣмъ отступили отъ дяди и его собственные сыновья, Василій Косой и Дмитрій Шемяка, именно за то, что выпустилъ великаго князя Василія на удѣлъ въ Коломну, при чемъ за эту вину былъ убитъ ими любимецъ отца, бояринъ Морозовъ. Великій князь пришелъ въ Москву, но опять былъ изгнанъ дядею, который вскорѣ въ Москвѣ и померъ. Тогда на великое княженіе безъ всякихъ правъ сѣлъ его старшій сынъ, Василій Косой, чего не захотѣли братья, и призвали въ Москву опять бѣглеца Василія. Теперь началась жестокая усобица съ двоюродными братьями. Василій Косой скоро нашелъ себѣ достаточную точку опоры въ сѣверныхъ краяхъ, на Двинѣ, въ Вяткѣ и Костромѣ. Двиняне отдались ему и отложились отъ Новгорода, что вообще обнаруживало слабую ихъ связь съ Новгородомъ. Собравши войско, Косой однажды подкрался было къ самой Москвѣ и хотѣлъ обманомъ и врасплохъ схватить князя, но былъ схваченъ самъ и ослѣпленъ. Это былъ древній политическій способъ унимать неугомонныхъ властолюбцевъ. Усобица и крамола перешла въ руки къ его брату Дмитрію Шемякѣ и на нѣсколько лѣтъ было утихла, но скоро выдвинула на сцену странствующаго ордынскаго царя Улу-Махмета. Несомнѣнно, по уговору съ Шемякою, этотъ царь напалъ внезапно на Суздальскую волость. Великій князь вышелъ на защиту, но съ небольшою ратью, и, въ битвѣ съ татарами, израненный, попалъ въ плѣнъ. Крамольники и съ Шемякою во главѣ тайно уже торжествовали. Но скоро татары взяли окупъ съ великаго князя (25 тысячъ) и выпустили его. Въ Москвѣ встрѣтили плѣнника съ необычайною радостью. Но Шемяка не унывалъ. Онъ распустилъ слухъ, что московскій князь выпущенъ только на условіи, чтобы царю сѣсть на царство въ Москвѣ и на всѣхъ городахъ, а Василію будетъ отдана Тверь. Смыслъ этой выдумки былъ ясенъ. Шемяка увѣрялъ ею всѣхъ самостоятельныхъ князей, что они лишатся своихъ отчинъ, и потому всѣ должны подняться на общаго злодѣя. Выдумка

достигла цѣли особенно по той причинѣ, что въ самой Москвѣ кипѣла великая крамола противъ несчастнаго Василія; къ Шемякиной думѣ присоединились и многіе отъ москвичей, бояре, гости и даже чернецы Троицкаго Сергіева монастыря, отставные бояре же, разсказывавшіе преданія о московскихъ насиліяхъ тогдашнему описателю Сергіева житія, иноку Евѳимію. У всѣхъ крамольниковъ была одна цѣль — изгнать великаго князя.

Ничего не вѣдая, Василій Васильевичъ отправился однажды на богомолье въ Сергіевъ монастырь. Въ ту же ночь Шемяка захватилъ Москву. Все дѣлалось измѣною бояръ. Самъ Василій также безъ всякихъ затрудненій былъ схваченъ у Троицы, привезенъ въ Москву и ослѣпленъ. Малыя его дѣти, именно шестилѣтній, знаменитый впослѣдствіи Іоаннъ Васильевичъ съ братомъ, какъ то спаслись и были увезены доброхотами въ Муромъ. Шемяка побоялся посылать за ними рать, потому что всѣ люди негодовали на его княженіе и мыслили даже его



Коломенскій дворецъ.

убить. Оставленный старымъ боярствомъ, Василій, самъ того не зная, нашелъ многочисленныхъ друзей въ молодыхъ дѣтяхъ боярскихъ, которыя хотя и разбѣжались отъ Шемяки кто куда, а больше всего въ Литовскую, собственно въ Смоленскую сторону, но только затѣмъ, чтобы соединиться въ тѣсный союзъ и выручить изъ бѣды своего князя.

Вся народная твердь, какъ упомянуто, была на ихъ сторонѣ и всячески имъ помогала. Шемяка, въ виду народнаго движенія, ничего не могъ сдѣлать лучше, какъ послать великаго князя и съ семьей на удѣлъ въ Вологду, разумѣется, какъ бы въ заточеніе, взявши съ него присягу не искать великаго княженія. Но тамъ-то, на сѣверѣ, великій князь и нашелъ себѣ еще бо̀льшую поддержку. Игуменъ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря со всѣми старцами прямо благословилъ его идти на Москву на великое княженіе, сказавши, что грѣхъ нарушенной присяги беретъ и со старцами на свои головы и будетъ о томъ Бога молить.

По мѣрѣ того, какъ великій князь подвигался къ Москвѣ, Шемяка все больше терялъ своихъ доброхотовъ—всѣ потянули къ великому князю. Одинъ случай вполнѣ характеризуетъ тогдашнее народное движеніе. Шли боярскія дѣти съ полками изъ Литовской стороны, и въ Смоленскихъ мѣстахъ, у города Ельни встрѣтили татаръ съ двумя царевичами. Началась перестрѣлка. Но татары кликнули: «Что вы за люди, куда идете?»—«Мы москвичи,—отвѣчали русскіе,—идемъ искать своего государя, великаго князя Василія. А вы что за народъ?»—«А мы шли изъ Черкасъ,—отвѣтили татары,—слышали, что великій князь Василій обиженъ братьями, идемъ его искать за давнее его добро и за его хлѣбъ, что много добра намъ дѣлалъ». Такъ собирались полки помогать Москвѣ за старое ея добро. Шемякина крамола теряла почву и вскорѣ совсѣмъ была разрушена общенароднымъ движеніемъ на сторону Василія Темнаго, то есть на сторону законнаго порядка. «Отъ сего времени,—говоритъ одинъ хронографъ,—въ Великой Руси про всякаго судью, грабителя и насильника, говорили въ укоризнахъ, что это судья-Шемяка, что его судъ—Шемякинъ судъ». Такую память оставилъ по себѣ неугомонный искатель великокняжеской власти.



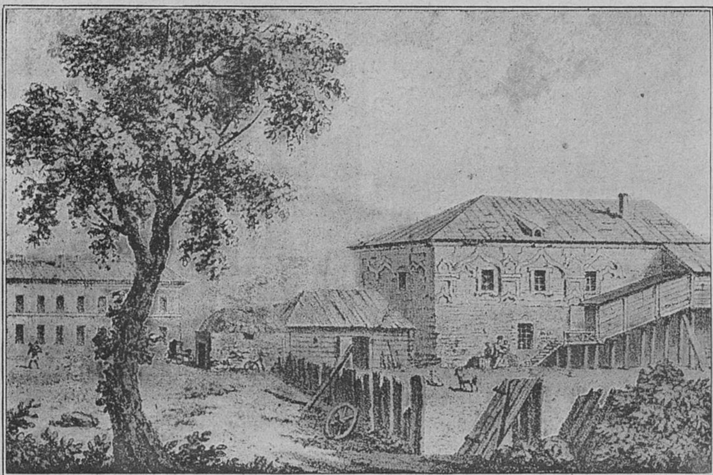
Новгородъ Великій въ XVII вѣкѣ. (Гравюра того времени).

Московская Шемякина смута во многихъ обстоятельствахъ сходна съ великою смутою междуцарствія. Она возникла и поднялась изъ тѣхъ же источниковъ и точно также послужила только къ бо́льшему развитію народной тверди и къ бо́льшему развитію не только единодержавія, но и самодержавія. Необузданное самоуправство властолюбцевъ и корыстолюбцевъ, которое съ особою силою всегда поднималось во время княжескихъ усобицъ и крамолъ, лучше другихъ способовъ научало народъ дорожить единствомъ власти, уже много разъ испытаннымъ въ своихъ качествахъ на пользу земской тишины и порядка.

Московская Шемякина смута послужила не только испытаніемъ для сложившейся уже крѣпко вокругъ Москвы народной тверди, но была главною причиною, почему народное сознаніе вдругъ быстро потянуло къ созданію московскаго единодержавія и самодержавія.

Василій Темный, человѣкъ смирный и добрый, который всѣ случавшіяся бѣдствія больше всего приписывалъ своимъ грѣхамъ, всегда уступчивый и вообще слабохарактерный, вовсе не способный устраивать свое княженіе по самовластному и самодержавному образцу, — по окончаніи смуты, когда все пришло въ порядокъ и успокоилось, сталъ попрежнему не только великимъ княземъ или старѣйшиною въ князьяхъ, но, помимо своей воли, получилъ значеніе государя, то-есть властелина земли, земледержца, какъ тогда выражались. Шемякина смута, упавшая на землю великими крамолами, разореніями и убійствами, какъ причина великаго земскаго безпорядка, перенесла народные умы къ желанію установить порядокъ строгою и грозною властью, вслѣдствіе чего личность великаго князя, униженная, оскорбленная и даже ослѣпленная во время смуты, тотчасъ послѣ того возстановляетъ свой государственный обликъ, но еще въ бо̀льшей силѣ и величіи.

И на далекомъ западѣ понимали, и у себя дома люди сознавали, что въ Русской землѣ, въ самомъ ея народѣ существуетъ уже государственная сила, ожидающая только достойной



Домъ Мареы посадницы.

личности, которая была-бы способна взять въ свои руки исполненіе политическихъ желаній и помысловъ о единой государевой власти, давно уже назрѣвшихъ по всѣмъ угламъ Русской земли.

Такою желанною личностью выступилъ старшій сынъ Василія Темнаго, Іоаннъ. Онъ родился въ то время, когда (1440 г.) Шемякина смута немного утихла, какъ бы для того, чтобы собраться съ новыми силами и снова разгорѣться всеобщимъ пожаромъ. Поэтому маленькій Іоаннъ Васильевичъ долженъ былъ испытать много бѣдствій и насилій, много страха и ужаса, хотя всегда находился въ большомъ береженьи у преданныхъ его отцу боярскихъ дѣтей. Онъ воспитался въ политическихъ превратностяхъ, въ земскомъ безпорядкѣ и, конечно, вынесъ недоброе чувство противъ всѣхъ тогдашнихъ тревогъ и крамолъ. Лѣтъ десяти, вѣроятно, по случаю слѣпоты своего отца, онъ уже раздѣлялъ съ отцомъ власть великаго княженія и писался «великимъ княземъ».

Съ этого времени, какъ мы говорили, въ народныхъ умахъ настаетъ реакція, или стрем-

леніе истребить насиліе, мятежъ, смуту и крамолу въ самыхъ корняхъ. Власть великаго князя получаетъ новыя силы, и ея самодержавіе повсюду оправдывается, какъ единое спасеніе отъ земскихъ неурядицъ. Послушаніе и повиновеніе со стороны земства сознаются какъ неизбѣжныя требованія возстановляемаго порядка. Молодой Іоаннъ Васильевичъ продолжаетъ свое воспитаніе именно въ развитіи этихъ новыхъ отношеній земства.

Самый непослушный сынъ великокняжеской власти былъ, конечно, Новгородъ Великій, въ это время давшій у себя убѣжище неугомонному московскому злодѣю Дмитрію Шемякѣ.

Москва не забыла этого обстоятельства, и хотя бѣглецъ вскорѣ померъ, говорятъ, отъ отравы, но слѣпой великій князь Василій Васильевичъ, быть можетъ и по другимъ многимъ причинамъ, поднялся на ослушниковъ ратнымъ походомъ и заставилъ ихъ уплатить за вину 10 тысячъ и присягнуть, что будутъ у него въ *послушаніи,* а лиходѣевъ-измѣнниковъ дер-



Видъ Твери 300 лѣтъ тому назадъ. (Гравюра XVII вѣка).

жать у себя не будутъ. Тѣмъ же порядкомъ была приведена въ послушаніе и Вятка, такъ какъ она постоянно стояла на сторонѣ московскихъ враговъ, всегда воюя съ великокняжескимъ городомъ Устюгомъ.

Послѣ этихъ двухъ походовъ, Василій Темный съ двумя младшими сыновьями пріѣхалъ въ Новгородъ міромъ для управы своихъ княжескихъ дѣлъ. Вольные люди позвонили вѣче, собрались у св. Софіи, и задумали было за свои обиды убить великаго князя и съ дѣтьми. Едва образумилъ ихъ владыка Іона. Тогда-же хотѣли убить и Ѳедора Баинка, главнаго дѣятеля и руководителя въ установленіи новыхъ отношеній въ княжеской власти. Отчаянная мысль новгородцевъ обнаруживала, что и у вольныхъ людей уже не находилось здоровыхъ силъ для борьбы съ Москвою; что существенная въ этомъ случаѣ ихъ сила, всенародное земство, была уже ненадежна. Лѣтъ за 15 назадъ эта земская сила записала въ лѣтопись свой плачъ о полномъ разстройствѣ новгородскаго общественнаго здоровья. «А въ то время,—говоритъ лѣтописецъ, описывая голодъ 1446 г.,—не было въ Новгородѣ правды и праваго суда, возстали ябедники и начали сутяжничать и грабить по селамъ и по волостямъ и по городу, и были мы въ поруганіе нашимъ сосѣдямъ, окрестъ насъ живущимъ; и были по волости избѣжа великая и

поборы частые, кричъ и рыданіе, и вопль и клятва, всѣми людьми, на старѣйшинъ нашихъ, и на городъ нашъ, потому что не было среди насъ милости и праваго суда». Здѣсь то и готовилась благопріятная почва для усиленія Москвы и на счетъ вольныхъ людей.

Въ самой Москвѣ новое возбужденіе домашней смуты и домашняго непослушанія наказывалось еще строже, какъ и случилось съ удѣльнымъ московскимъ княземъ Василіемъ Ярославичемъ, который по поводу какой-то крамолы, вѣроятно, немаловажной, былъ схваченъ и заточенъ въ Угличъ, несмотря на то, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей противъ Шемякиной смуты. Когда его двора боярскія дѣти сговорились было освободить его изъ Углича, то были также всѣ пойманы и страшно казнены.

Таковы были событія послѣднихъ лѣтъ княженія Василія Темнаго. Онъ скончался въ 1462 г. Іоанну Васильевичу въ это время было всего 22 года. Можно полагать, что и слѣпой отецъ, и молодой сынъ могли такъ дѣйствовать только при помощи уже крѣпко сложив-



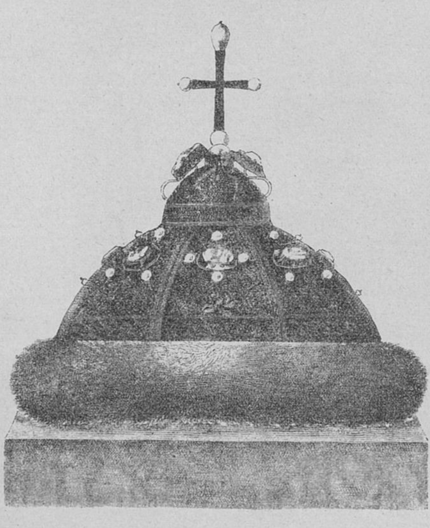
Торжокъ въ XVII вѣкѣ. (Гравюра того времени).

шейся боярской думы, которая теперь очистилась отъ измѣнниковъ и крамольниковъ и возстановила прежнее московское единеніе. При этомъ новому единенію московскаго боярскаго общества въ особенности много способствовалъ митрополитъ Іона.

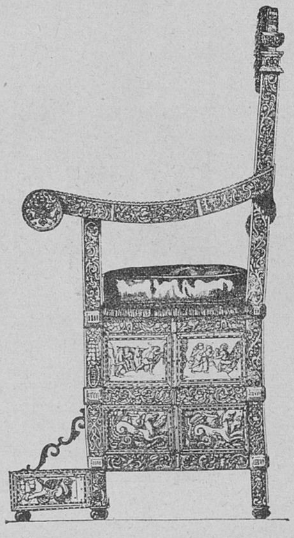
Шемякина смута, поднявшаяся тотчасъ по смерти митрополита Фотія, продолжалась 20 лѣтъ, то утихая, то снова разгораясь, главнымъ образомъ едва-ли не за отсутствіемъ митрополичьей власти, такъ какъ въ это время митрополичій престолъ оставался празднымъ до избранія святителя Іоны, 1449 г. Слово митрополита, его стояніе за святую правду, всегда въ смутныхъ случаяхъ пріобрѣтало рѣшающее значеніе, и потому слово святителя Іоны, его заботы о земскомъ «благоустроеніи» и тишинѣ, быстро успокоили вражду и необходимо возвысили и власть московскаго великаго князя до степени *великаго государя и самодержца*, какъ митрополитъ сталъ его именовать въ своихъ посланіяхъ и грамотахъ. Въ этомъ онъ слѣдовалъ уже народному прозванію московскаго великаго княженія «великимъ господарствомъ, великимъ государствомъ», какъ это видно изъ обличительнаго посланія епископовъ къ Дмитрію Шемякѣ.

Именно въ княженіе Василія Темнаго, то-есть при такомъ князѣ, который меньше всего былъ способенъ къ самовластію и самодержавію, посреди смутъ, вопреки намѣреніямъ самого князя, въ народныхъ умахъ самъ собою сложился идеалъ великаго государства, а стало быть и идеалъ великаго государя. Народъ въ этомъ случаѣ ничего новаго не выдумалъ. Съ древнихъ временъ слово господарь и государь обозначало частнаго владѣльца-собственника, домодержца, вольнаго хозяина своей собственности. Теперь это значеніе распространилось на хозяина земли, на земледержца. Великимъ господаремъ именуется и тверской князь и даже изъ московскихъ—удѣльный, верейскій; господаремъ именуется и митрополитъ.

Понятія о государственномъ правѣ на землю у московскихъ собирателей развиваются съ растительною постепенностью и служатъ вѣрнѣйшимъ изображеніемъ того, въ какомъ смыслѣ должно понимать извѣстныя привычныя выраженія объ усиленіи московскихъ князей на счетъ другихъ, не разбирая средствъ. Напротивъ, эти средства очень разбирались, и усиленіе всегда



Шапка Мономаха.
(Оружейная палата въ Москвѣ).

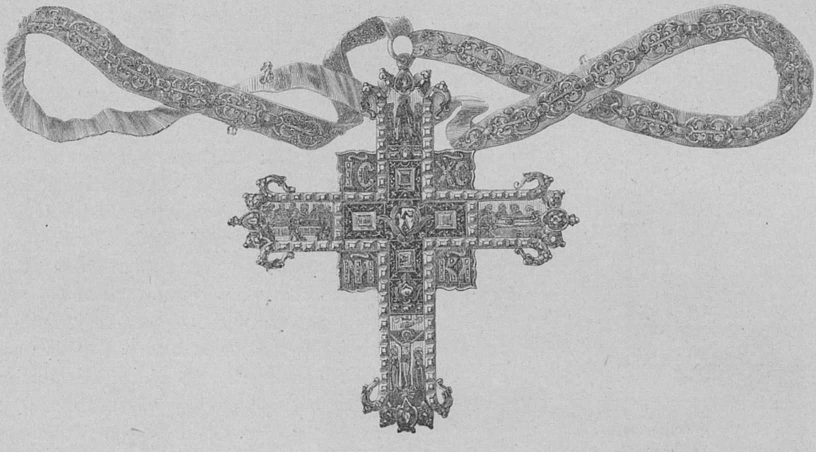


Тронъ Іоанна III изъ слоновой кости.
(Оружейная палата).

имѣло твердые поводы и причины, которые оправдывались связью тогдашнихъ княжескихъ отношеній и общеземскими цѣлями. Собрать земли было очень легко только послѣ того, какъ были собраны умы народа въ одно полное убѣжденіе, что въ землѣ, какъ и въ каждомъ дворѣ, должно быть одно единое хозяйство и одинъ хозяинъ—господарь. Какъ только развилась и окрѣпла идея земскаго государя, такъ началось и прямое собираніе земель, и потому настоящимъ собирателемъ Русской земли, въ смыслѣ земельнаго соединенія, и настоящимъ государемъ всея Руси былъ все-таки Іоаннъ III Васильевичъ. Правда, что онъ съ большимъ умѣньемъ воспользовался силою, накопленною его предшественниками. Но эта сила заключалась не въ земельныхъ пріобрѣтеніяхъ: она таилась въ древне-суздальскомъ общенародномъ убѣжденіи, что для спокойствія земли необходима единая крѣпкая власть, точно такая-же, какою обладалъ, напр., древній суздальскій князь Всеволодъ III. Вотъ почему и Іоаннъ III Васильевичъ, спустя 300 лѣтъ послѣ Всеволода, во всѣхъ своихъ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ, во

всемъ своемъ поведенiи возстановилъ этотъ излюбленный землею древнiй типъ великокняжеской суздальской власти и, соотвѣтственно требованiямъ времени, соотвѣтственно бѣдственнымъ опытамъ разновластiя, возвысилъ этотъ типъ на степень государя, самодержца всея Руси.

Исполненный старозавѣтныхъ преданiй, этотъ самодержецъ, называемый уже не Гордымъ, а Грознымъ, ведетъ себя все еще великимъ княземъ. Попрежнему онъ наказываетъ Новгородъ за намѣренiе измѣнить русскому православному отечеству и отдаться латинству въ руки польскаго короля, и попрежнему заключаетъ договоръ, хотя и стѣснительный для вольныхъ людей, но на равныхъ правахъ. Въ своихъ идеяхъ о полномъ, настоящемъ государствѣ, онъ все-таки укрѣпляется, спустя нѣкоторое время, и укрѣпляется не отъ татаръ, какъ поверхностно думаютъ иные, а отъ западной Европы, полагая въ этомъ отношенiи первый камень на устройство постоянныхъ европейскихъ связей и постоянныхъ культурныхъ влiянiй на государеву Москву просвѣщеннаго европейскаго Запада. Его женитьба на греческой царевнѣ



Царскiй наперстный крестъ (Оружейная палата).

изъ Италiи, Софiи, въ этомъ случаѣ имѣетъ такое-же значенiе, какое имѣло знакомство Петра съ Нѣмецкою слободою.

Съ царевною Софiею прiѣхали въ Москву многiе римляне (итальянцы) и греки. Нѣкоторые изъ нихъ остались совсѣмъ въ Москвѣ; многiе итальянскiе художники постоянно жили въ Москвѣ. Этотъ наплывъ итальянцевъ и грековъ изъ Италiи необходимо долженъ былъ произвести свое влiянiе на московскiе умы, искавшiе въ это время средствъ и способовъ, какъ лучше устроиться въ новосозданномъ государствѣ. Прямыя свидѣтельства объ этомъ влiянiи мы слышимъ отъ русскихъ-же недовольныхъ людей, въ извѣстномъ смыслѣ отъ староверовъ, которые очень осуждали Софiю за принесенныя ею нововведенiя.

Несомнѣнно, что съ Софiею прибыли въ Москву люди избранные, и несомнѣнно, что они-то и принесли совсѣмъ иныя, европейскiя и при томъ итальянскiя идеи объ обязанностяхъ и правахъ государя, владыки земли. Въ это самое время, просвѣщеннѣйшая страна Европы, Италiя, сама истощаемая безпутствомъ политическихъ властей, усердно и настойчиво мыслила о разумныхъ способахъ и средствахъ для созданiя прочнаго государства. Ей, по собственнымъ опытамъ, хорошо были знакомы весьма разнородныя формы государственнаго порядка.

Нигдѣ въ Европѣ теорія государственной мудрости не была такъ распространена, какъ въ тогдашней Италіи, и, конечно, нигдѣ не было столько знатоковъ и учителей хитростямъ политики, какъ между итальянцами. Объ этомъ можно судить по извѣстнымъ сочиненіямъ Маккіавели (1469—1527), которыя несомнѣнно возсоздавали между прочимъ и полный сводъ тогдашнихъ политическихъ идей и ученій, ходившихъ между образованными итальянцами съ давняго времени.



Шапка іерихонская.

Многое могъ услышать московскій государь отъ прибывшихъ съ царевною итальянцевъ и грековъ на пользу наибольшаго развитія своей государевой власти, своихъ правъ надъ землею и обязанностей предъ землею; многое могъ услышать и прямо изъ устъ этихъ людей, напримѣръ, отъ бояръ Софіи, грековъ Дмитрія и Юрія Траханіотовъ, а еще болѣе отъ ихъ посредника, отъ своей супруги, которая и сама не была особою рядовою. О водвореніи новыхъ государственныхъ идей въ Москвѣ не говорятъ современныя свидѣтельства, конечно, потому, что ихъ вліяніе тогда еще не было замѣтно. Новыя идеи приносятъ плодъ только въ новомъ поколѣніи людей. И вотъ, когда выросло это поколѣніе, тотчасъ и обнаружились плоды новыхъ идей. Сынъ Іоанна Васильевича, Василій, былъ уже иной человѣкъ. Старые люди его уже не понимали и объясняли перемѣну въ великокняжескомъ характерѣ и поведеніи именно вліяніемъ его матери, Софіи.

Въ чемъ-же были перемѣнены старые обычаи, и что означало пришедшее *нестроеніе* земли? Это нестроеніе, или неустройство, заключалось въ «несовѣтіи и высокоуміи» самого великаго князя. Держаться старыхъ обычаевъ значило людей жаловать, жить съ людьми одной мыслью и старыхъ почитать, то-есть совѣтоваться со старыми боярами и изъ ихъ думы и приговора не выходить. «А нынѣ государь нашъ какъ дѣлаетъ? Запершись, самъ-третей у постели всякія дѣла дѣлаетъ! Нынѣшній государь нашъ упрямъ, жестокъ и немилостивъ, и людей мало жалуетъ, и встрѣчныхъ словъ противъ себя не любитъ: кто ему встрѣчно говоритъ, и онъ на того опаляется. Не такъ жилъ отецъ его, великій князь Іоаннъ Васильевичъ. Тотъ былъ добръ и до людей ласковъ; противъ себя встрѣчу любилъ и тѣхъ жаловалъ, которые противъ него говаривали». Теперь Берсень не узнавалъ и митрополита. Когда Максимъ Грекъ спросилъ его однажды, былъ-ли онъ у митрополита, онъ отвѣчалъ: «не знаю, есть-ли у насъ митрополитъ!» «Какъ нѣтъ митрополита? Митрополитъ у насъ Даніилъ», — отвѣтилъ Максимъ... «Не знаю, митрополитъ это или простой чернецъ!



Печать митрополита Даніила.

Учительнаго слова отъ него нѣтъ никакого»,—замѣтилъ Берсень. А митрополичье учительное слово, по его мнѣнію, заключалось въ томъ, чтобы имѣть голосъ въ государевой думѣ и печаловаться, заступаться за людей, руководить государя совѣтами правды и милости. Повидимому, митрополитъ Даніилъ этого не исполнялъ и ни о комъ не печаловался. «Прежніе святители сидѣли на своихъ мѣстахъ (въ думѣ) и печаловались государю о всѣхъ людяхъ», — окончилъ Берсень. Стало быть, и еще былъ разрушенъ старый московскій завѣтъ: слушаться владыки-митрополита.

Вотъ какія перемѣны произошли отъ прихода въ Москву Софьиныхъ грековъ и итальянцевъ.

Первый царь, Василій Іоанновичъ, окончилъ начатое дѣло своего отца, то-есть окончилъ



Іоаннъ III разрываетъ ханскую грамоту.

соединеніе въ одно государство русскихъ разновластныхъ земель. Онъ упразднилъ псковскую свободу, взялъ Смоленскъ, упразднилъ самобытность Рязани. Идеалъ царя выросталъ самъ собою, потому что къ нему со всѣхъ сторонъ шло на помощь само общество, само всенародное множество, оставляя позади себя всѣхъ отсталыхъ приверженцевъ стараго политическаго обычая, или поневолѣ покоряясь московской силѣ, разроставшейся отъ народнаго-же единомыслія. Черезъ одно поколѣніе, царскій идеалъ, воспитанный Софіею съ ея греками и итальянцами, сталъ уже, такъ сказать, веществомъ самого государства. И сынъ Василія, Іоаннъ Грозный, какъ сынъ новаго поколѣнія, уже торжественно провозглашалъ, что онъ и «родился на царствѣ». Завоеваніе имъ татарскихъ царствъ въ убѣжденіи народа уже вполнѣ и самымъ дѣломъ увѣнчивало новое политическое зданіе царскимъ вѣнцомъ. Были побѣждены русскіе

князья, русскіе вольные города, и, наконецъ, татарскія, нѣкогда страшныя царства; было истреблено родовое право князей, вѣчевое право народа, и даже самовластное право Орды; теперь оставалось истребить дружинное право бояръ, именно, право боярскаго отъѣзда, которое Іоаннъ Грозный, глубоко сознавая государственное единство земли, прямо наименовалъ измѣною, то-есть отрицаніемъ этого единства, и сталъ выводить эту измѣну съ такимъ безумнымъ ожесточеніемъ, которое совсѣмъ истомило даже его собственныя силы. Можно даже сказать, что династія легла костями; но при этомъ надо помнить, что Грозный боролся не съ однимъ дружиннымъ правомъ вольнаго боярскаго отъѣзда. Бояры-же, по своимъ преданіямъ, конечно, еще жили понятіями ветхозавѣтной дружины, и потому не хотѣли, да и не могли уступать, а тѣмъ болѣе подчиняться произволу новосозданнаго государя. Возбудилась ожесточенная, отчаянная битва государственнаго самовластія съ самовластіемъ олигарховъ, но побѣда все-таки осталась на сторонѣ династіи. Идеалъ царя сдѣлался народнымъ идеаломъ. Само боярство, въ своихъ стремленіяхъ завладѣть царствомъ, не помышляетъ о другомъ идеалѣ, а потому и новые люди, оставшіеся въ смутѣ по случаю погибели передовыхъ бойцовъ, старательно его ищутъ, собираются подъ знамена того-же идеала, который потомъ всенародно и утверждаютъ избраніемъ излюбленнаго царя.



Царь Василій III Іоанновичъ.
(Изъ Герберштейна).

Такъ называемое Смутное время самозванцевъ, наставшее спустя 150 лѣтъ послѣ смуты Шемякиной, въ сущности было продолженіемъ ея или возобновленіемъ, при новыхъ обстоятельствахъ, и по случаю новыхъ поводовъ. Это была послѣдняя отчаянная и уже всенародная битва съ отживавшими стремленіями удѣльнаго и дружиннаго олигархическаго самоволія и своеволія, это было послѣднее испытаніе прочности и крѣпости созданнаго государства.

Идея государственнаго единства, перешагнувши чрезъ множество повинныхъ и неповинныхъ жертвъ, восторжествовала. Но въ этой безпощадной борьбѣ за государственную идею, за единодержавіе и самодержавіе государя, династія къ концу истощила свои силы, и совсѣмъ угасла. Это былъ неотразимый трагическій исходъ дѣла посреди тѣхъ стихій жизни, въ которыхъ велась эта борьба. Вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ первый актъ драмы, которую мы обыкновенно называемъ «Смутнымъ временемъ». Главная роль здѣсь принадлежитъ Грозному. Какъ губитель, онъ является непосредственнымъ произведеніемъ и воспитанникомъ смуты. Онъ въ сущности и былъ послѣднимъ государемъ изъ династіи Рюрика. Второе дѣйствіе драмы, гдѣ главную роль игралъ Годуновъ, началось въ ночь того-же дня, какъ умеръ главный ге-

рой перваго дѣйствія, Грозный. Тогда боярскому властолюбію открылась широкая, хотя и опасная дорога къ постановкѣ новой династіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ открылось широкое поприще показать всей землѣ, чѣмъ жили и на чемъ собственно стояли древне-дружинныя стремленія въ нашей исторіи.

Достигая въ лицѣ нѣкоторыхъ бояръ царскаго престола, эти стремленія, посреди собственной-же зависти и ненависти соперниковъ и въ сокрушеніе имъ, стали дѣлать всяческіе подлоги и неслыханныя по коварству преступленія. Вся правящая и владѣющая среда въ го-



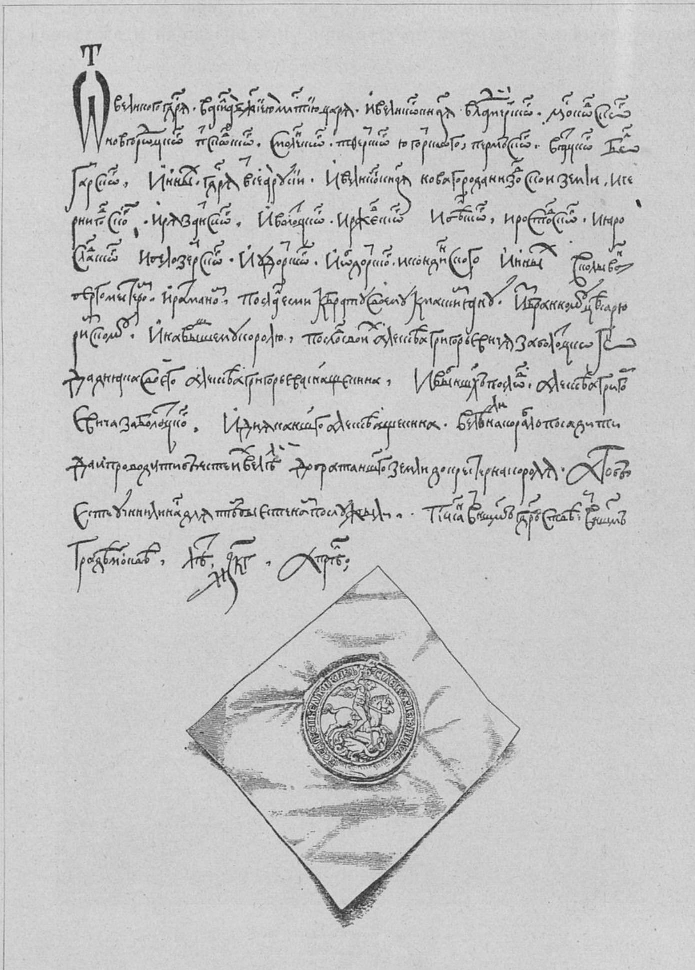
Царь Іоаннъ Грозный.
(Изъ Титулярника XVII вѣка).

сударствѣ утратила такимъ образомъ въ глазахъ народа и малѣйшее нравственное значеніе. Они всѣ изолгались, перессорились, потянули въ разныя стороны, завели себѣ особыхъ царей, кто иноземныхъ, кто доморощенныхъ, преслѣдуя, отъ перваго и до послѣдняго человѣка, лишь однѣ цѣли—захватъ власти, захватъ владѣнія.

Извѣстно, что русскій материкъ—общество состоялъ въ то время изъ трехъ пластовъ, кои отдѣлялись другъ отъ друга существомъ и характеромъ своихъ интересовъ и задачъ жизни. Съ государевой, а стало быть и съ государственной точки зрѣнія, эти пласты именовали

сами себя *богомольцами* (духовенство), *холопами* (всѣ служилые люди) и *сиротами* (все земство, народъ).

Когда, какъ мы сказали, государь, хозяинъ дома, померъ, не оставивъ прямого наслѣдника, то Годуновъ и Шуйскій желали отнять наслѣдство, поставляли поддѣльнаго наслѣдника—самозванца и для помоги своему дѣлу приводили въ домъ иноземные полки, собирали всякихъ безыменныхъ, гулящихъ людей... Иные, наконецъ, кто съ желаніемъ успокоить государство, а кто съ желаніемъ тоже половить въ мутной водѣ рыбу, призвали на владѣніе сосѣда (польскаго королевича, или, собственно, поляковъ). Сосѣдъ, давнишній завистникъ покойника, былъ очень радъ такому случаю, и сталъ владѣть и хозяйничать въ дому по-свойски...

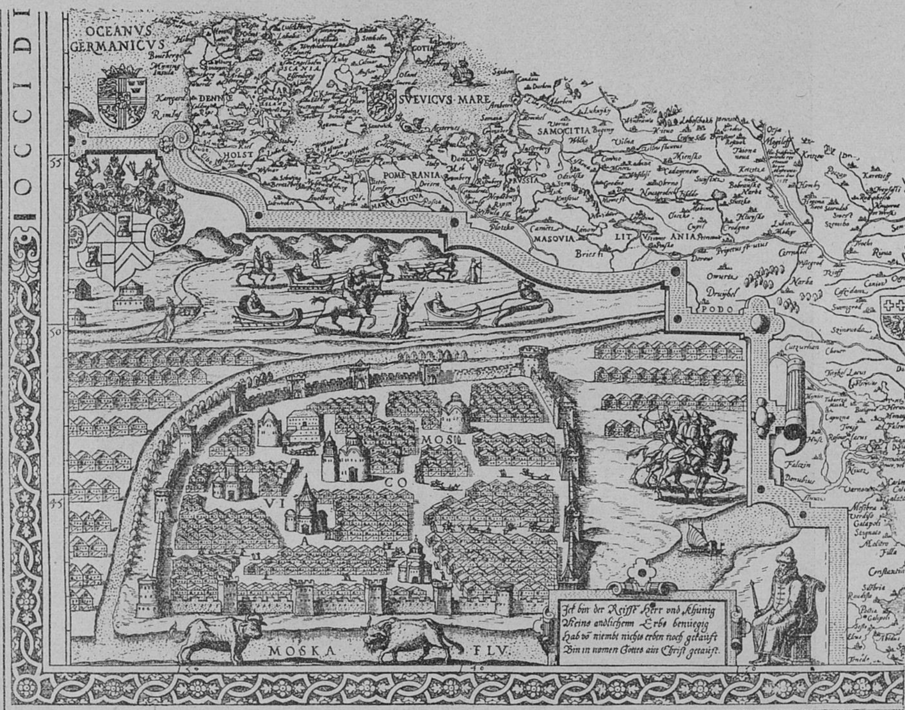


Письмо царя Іоанна Грознаго городу Ревелю. (Въ Ревельскомъ город. архивѣ).

Однако, всѣ эти разновидныя на взглядъ стремленія и дѣйствія тянули къ одному, или обнаруживали одно: бояринъ подыскивался на царство, хотѣлъ быть царемъ; рядовой дворянинъ подыскивался на боярство, хотѣлъ боярскаго сана и боярскихъ вотчинъ; низшая степень—холопъ (не царскій, а боярскій) искалъ казачества,—для него это былъ такой-же боярскій санъ и чинъ. Всѣ искали и хватали себѣ побольше личнаго благополучія и вовсе забывали о томъ, что̀ надо было всей землѣ.

Богомольцы въ страхѣ и ужасѣ молили Бога о помощи, призывали всѣхъ къ покаянію, проповѣдывали о грѣхахъ, увѣряли, что за грѣхи Богъ всѣхъ и наказываетъ.

Богомольцы особенно ужасались разоренію православной вѣры отъ сосѣдскаго латынства



Часть плана Москвы временъ Іоанна Грознаго. (Нѣмецкая гравюра XVII вѣка).

и, наконецъ, первые, въ лицѣ патріарха Гермогена, провозвѣстили всему народу, что настало время стать крѣпко и помирать за православіе, а латынскую силу совсѣмъ изгнать изъ государства. Это было дѣло досточудное и храброе, ибо всѣ уже отчаялись. Ни заступниковъ, ни помощниковъ, дѣломъ или словомъ, не было. Всѣ боялись Литвы и русскихъ злодѣевъ. Весь народъ того только и ждалъ, чтобъ укрѣпиться на чемъ-нибудь, и обрадовался слову патріарха, какъ Божьей вѣсти о спасеніи. Народъ понималъ, что за все то, что̀ ему надѣлали поляки и воры, дѣйствительно, настало время всѣмъ стать и помереть. Изъ города въ городъ побѣжали гонцы съ призывными грамотами, и вскорѣ многіе люди собрались подъ Москву очищать землю отъ враговъ.

Но это первое движенiе, ляпуновское, находилось исключительно въ рукахъ того же служилаго разряда людей, который самъ же и завелъ смуту, который заботился только о томъ,



Гробницы Iоанна Грознаго и его сыновей въ Архангельскомъ соборѣ.

какъ бы захватить что въ свои руки, какъ бы самому завладѣть чѣмъ-либо. Господствовали здѣсь понятiя, что очищать землю отъ злодѣевъ—значитъ собирать съ нея дани и пошлины и всякiе поборы, владѣть всякими вотчинами, а тамъ, что Богъ дастъ. Собрались сюда (глав-

ными воеводами, по крайней мѣрѣ) все люди той же смуты, отъ которой иные изъ нихъ (Тру-



Знамя Грознаго.

бецкой и Заруцкій) получили даже боярскіе саны. Да и самый лучшій, передовой человѣкъ изъ этого движенія, Ляпуновъ, извѣстнымъ приговоромъ всего ополченія о правильной раздачѣ вотчинъ всенародно обличившій своекорыстныя цѣли своихъ товарищей и за то погибшій, — тѣмъ именно сначала и прославился, что былъ руководителемъ смуты противъ Василія Шуйскаго, въ пользу другого Шуйскаго— Михаила Скопина, а потомъ — въ пользу Василія Голицына, значитъ, въ пользу тоже своихъ любимыхъ людей и любимыхъ цѣлей. Конечно, его цѣли были истинно патріотическія, — онъ желалъ въ цари человѣка достойнаго; но въ этомъ желаніи было слишкомъ много своего, ляпуновскаго, что̀ и должно было оскорблять чувство общее, всенародное. Ляпуновъ, вдобавокъ, подлилъ масла въ огонь: онъ призвалъ подъ Москву въ помощь своему ополченію боярскихъ холопей, которыхъ и безъ того уже много бродило по землѣ, украдкой, самозванно называясь казаками. Всенароднымъ обѣщаніемъ Ляпунова, чтобъ «шли они безо всякаго сумнѣнія и боязни, всѣмъ имъ *воля* и жалованье бу-



Покровскій соборъ или церковь Василія Блаженнаго.
(Сооруж. въ XVII вѣкѣ Іоанномъ Грознымъ въ память покоренія Казани).

детъ, какъ и инымъ казакамъ, и грамоты имъ на то отъ всей земли дадутъ», холопы, прежніе бѣглые и теперь побѣжавшіе, получили законное освобожденіе, и потянули къ Москвѣ большими толпами. Кромѣ холоповъ, здѣсь были всякіе воры, ярыжные, и все это безыменное, гулящее, сразу пріобрѣло свободное имя казаковъ и наполнило таборы Заруцкаго и Трубецкого. Ясно, какого рода была помощь со стороны такихъ полковъ. Ляпуновъ самъ же первый и поплатился за свою ошибку.

Ополченіе разстроилось отъ ненадежной, на половину измѣнной и развращенной холопствомъ среды. Лучшіе, настоящіе люди разбѣжались по домамъ.

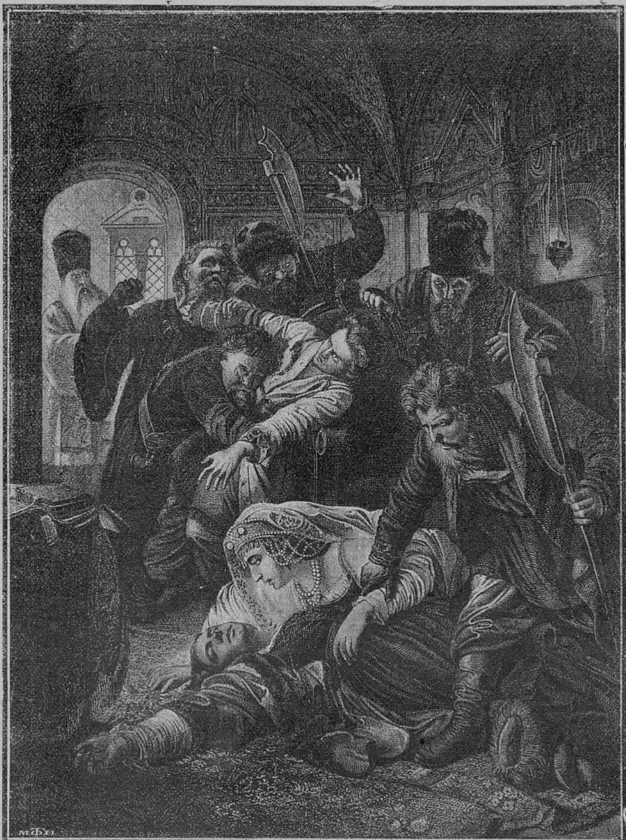


Видъ Казани 300 лѣтъ тому назадъ. (Гравюра XVII вѣка).

Народъ и это все видѣлъ; но онъ въ этомъ движеніи не занималъ никакого самостоятельнаго мѣста. Онъ видѣлъ, напротивъ, что самостоятельное мѣсто здѣсь было захвачено, отдано его же разорителямъ. Дѣло было не ладное, а помочь бѣдѣ не доставало смысла. Но пришла, наконецъ, очередь совершить свой подвигъ и народу, ибо настоящихъ защитниковъ и избавителей нигдѣ уже не было. Богомольцы сдѣлали свое дѣло, подняли, возбудили народные умы изображеніемъ страданій и беззащитнаго положенія церкви, поставили этимъ умамъ ясную, опредѣленную задачу — спасти православіе. Служилые люди тоже сдѣлали свое дѣло—собрались спасать отечество, но не съ той стороны зашли; своею неспособностью поставить общее дѣло земли выше своего личнаго дѣла, разорили свой трудъ и оставили подъ

Москвою зелье (таборы помянутыхъ холопскихъ казаковъ), которое разъѣдало силы земли пуще поляковъ.

Оставалась очередь за народомъ. Онъ въ то время, въ лицѣ своего старосты Козьмы, и кликнулъ свой знаменитый кличъ, что если помогать отечеству, такъ не пожалѣть ни жизни, ничего, а не то что думать о захватѣ или искать боярскихъ чиновъ, боярскихъ вотчинъ и всякихъ личныхъ выгодъ; отдать все свое: женъ, дѣтей, дворы, имѣнія; продавать, заклады-



Убійство семьи Годуновыхъ.—Картина К. Е. Маковскаго.

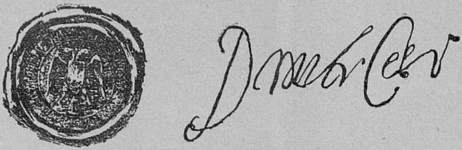
вать, да бить челомъ, чтобы кто вступился за истинную православную вѣру и взялъ бы на себя воеводство. Этотъ кличъ знаменитъ и поистинѣ великъ, потому что онъ выразилъ нравственный, гражданскій поворотъ общества съ кривыхъ дорогъ на прямой путь. Онъ никѣмъ другимъ не могъ быть и сказанъ, какъ именно достаточнымъ посадскимъ человѣкомъ, который, конечно, не отъ бѣдной голытьбы, а отъ достаточныхъ же и требовалъ упомянутыхъ жертвъ. Онъ прямо ударялъ по кошелямъ богачей. Если выбрать хорошаго воеводу было дѣломъ очень важнымъ, то еще важнѣе было дѣло собрать денегъ, безъ которыхъ нельзя было

собрать и вести войско. Вотъ почему посадскій умъ прямо и остановился на этомъ пунктѣ, а главное—далъ ему въ высшей степени правильную организацію.

Сироты посадскіе, взявшись за дѣло, повели его по своему, своимъ умомъ-разумомъ, какъ бывало у нихъ искони-вѣковъ въ обычаѣ. Все у нихъ дѣлалось по выбору, да по мірскому совѣту, да и по всемірному приговору. Людей они выбирали своихъ, даже и въ воеводы. У нихъ самъ никто не овладѣвалъ властью, будь то бояринъ, или думный. Не по боярству они и людей выбирали, а по истиннымъ заслугамъ, лишь были бы такія заслуги всему міру извѣстны.



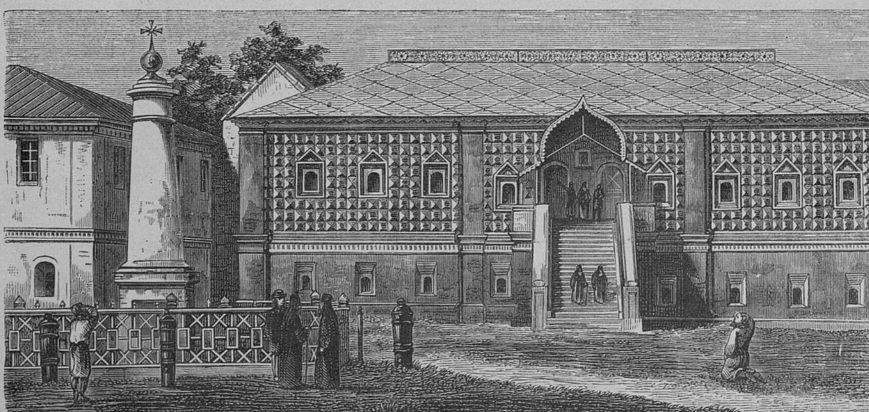
Троицкій соборъ и колокольня Богоявленскаго собора въ Ипатьевскомъ монастырѣ.



Печать и подпись Лжедимитрія II.

Мининъ былъ руководителемъ и вчинателемъ этого движенія. Но онъ былъ, какъ мы упомянули, только выразителемъ общей думы и воли того же народа, который назывался *чернью* и который еще прежде, при царѣ Шуйскомъ и въ тѣхъ же нижегородскихъ мѣстахъ, уже поднимался противъ смуты и унималъ ее, какъ могъ.

Въ 1608 году Богъ вложилъ мысль добрую во всю чернь и начали собираться по городамъ и по волостямъ; въ Юрьевцѣ—сытникъ Ѳедоръ Красной, на Решмѣ—крестьянинъ Гришка



Дворецъ Михаила Ѳеодоровича.

Лапша, на Болохнѣ—Ивашка Кувшинниковъ, въ Гороховцѣ (по другимъ, въ Городцѣ)—Ѳедька Наговицынъ, на Холуѣ—Илейка Денгинъ; совокупились всѣ единомышленно, пошли къ городу Луху и прогнали собравшихся тамъ литовскихъ людей. Тогда-же, вслѣдъ за этими понизовыми городами, поднялись и поморскіе города, Вологда, Устюгъ и прочіе многіе города; собрались тоже черные люди и своими силами стали воевать съ Литвою и русскими ворами. И самый Нижній въ то время вытерпѣлъ тѣсную осаду отъ поднявшейся мордвы и черемисовъ и отъ тушинскаго воеводы, князя Семена Вяземскаго. Но горожане отбились сами собою, захватили и воеводу и повѣсили его самовольно, безъ государева вѣдома.



Ипатьевскій монастырь (въ Костромѣ).

Такъ народъ самъ собою дѣйствовалъ еще за три года до полнаго нижегородскаго ополченія. И очевидно было, что это ополченіе могло собраться въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ города сильны были своею черныо—посадомъ.

Приволжскому посаду собственно и принадлежитъ вся честь укрощенія смуты, и не столько ратнымъ походомъ, сколько нравственнымъ вліяніемъ.

Когда собралось нижегородское ополченіе, то оно прошло въ Москву вверхъ по Волгѣ тѣми же городами, въ которыхъ за нѣсколько лѣтъ уже появлялись свои Кузьмы Минины. Городецъ, Болохна, Юрьевецъ, Рѣшма, Кострома, Ярославль — снова присоединили и свои полки для истребленія смуты теперь уже подъ стѣнами Москвы.



Патріархъ Филаретъ.

Все поднималось именемъ осиротѣвшей, разоренной, сожженной и опозоренной польскимъ владычествомъ Москвы. Все поднималось спасать погибшую Москву, потому что повсюду слышалось ея послѣднее, скорбное, печальное слово: «Помяните одно! Только коренемъ основаніе крѣпко, то и древо неподвижно. Только кореня не будетъ, къ чему прилѣпиться!» И кто-же яснѣе слышалъ и понималъ и сильнѣе чувствовалъ, что корень русскаго бытія находится только въ Москвѣ, какъ не тотъ же черный посадскій народъ, который въ теченіе вѣковъ великими жертвами самъ же и вырастилъ себѣ этотъ корень.

Посадскіе люди, послѣдніе, остаточные мелкіе люди Московскаго государства, спасли отечество, Русскую землю и отъ враговъ и отъ позора, въ который она была повержена своекорыстными дѣлами и подвигами. Посадскіе люди и самое избраніе царя поставили на иномъ основаніи. По своему старому, древнему обычаю, они потребовали, чтобъ это избраніе совершилось не одною Москвою или самоволіемъ бояръ, какъ былъ избранъ Шуйскій и польскій королевичъ Владиславъ, не однимъ собравшимся въ Москву ополченіемъ, а всѣми городами, всѣмъ міромъ. Такъ и былъ избранъ Михаилъ Романовъ.

Новая династія получила государство разоренное, обѣднѣвшее до крайности, но твердое единодушіемъ, крѣпкое религіознымъ сознаніемъ, что люди уже много наказаны за свои политическіе грѣхи, за свои крамолы и смуты противъ Московскаго государства, которое теперь необходимо общими силами устраивать и установлять попрежнему, какъ было при прежнихъ государяхъ. Никто ни о какихъ политическихъ вольностяхъ и льготахъ и не думалъ. Возстановляя разрушенный порядокъ государственной жизни, естественно и даже необходимо было употребить на это и новые матеріалы. Поэтому историческая задача новой династіи заключалась уже не въ развитіи государственной самодержавной идеи, которая теперь укрѣплена и утверждена была даже и самимъ народомъ, но именно въ постройкѣ государства изъ новыхъ и прочныхъ матеріаловъ, которые необходимо было брать оттуда, гдѣ государственная жизнь уже процвѣтала долгіе вѣка. Цари Романовы должны были мало-по-малу пересоздать русскую жизнь по европейскому образцу, потому что этого требовали всѣ обстоятельства русской жизни и самый завѣтъ царей Рюриковичей, не мало помышлявшихъ о Европѣ, только не о той, ко-



Печать патріарха Филарета.

торая прозывалась латинствомъ, а лишь о той, которая доставляла мастеровъ и всякаго рода знающихъ и умныхъ людей. Первымъ дѣломъ Романовыхъ было отворить широко ворота именно для европейцевъ этого рода, которые съ первыхъ же дней Михаилова царствованія и стали прибывать въ Москву съ своимъ умѣньемъ и работою. Явились шотландскіе и ирланд-



Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, (Гравюра XVII вѣка).

скіе военные люди, составлявшіе цѣлыя роты. Явились англичане, очень помогавшіе даже въ устройствѣ политическихъ отношеній къ сосѣдямъ.

Явились всякихъ художествъ мастера, инженеры, городовые, подкопные мастера, зелейные (пороховые), мастера серебряные, золотые, горододѣльцы, архитекторы, садовники, живописцы и т. д.

Всему европейскому, въ собственномъ смыслѣ культурному, оказывался самый радушный привѣтъ и государево жалованье. Царь Михаилъ уже пробовалъ одѣвать своихъ дѣтей въ нѣ-

мецкое платье. Нѣмецъ Сабилистъ развелъ ему въ селѣ Покровскомъ обширные сады. Англичанинъ Головей устроилъ на Спасской башнѣ часы. И еслибъ мы свели въ одно всѣ извѣстія о разныхъ нѣмецкихъ или европейскихъ новостяхъ, показавшихся въ это время въ старой Москвѣ, еще не совсѣмъ обстроенной послѣ своего разрушенія, то и царь Михаилъ показался бы истиннымъ дѣдомъ преобразователя Петра. Отецъ же Петра, царь Алексѣй, уже совсѣмъ былъ склоненъ ко всякому полезному преобразованію и во многихъ дѣлахъ предварилъ своего



Портреты Михаила Θеодоровича и Алексѣя Михаиловича.



Митра перваго патріарха Іова.



Печать инокини Марθы.



Полтина Алексѣя Михаиловича.



Тронъ Алексѣя Михаиловича.

славнаго сына. Вообще отъ самаго начала XVII столѣтія потребность въ преобразованіяхъ, въ переустройкѣ русскаго государственнаго и общественнаго быта была почувствована всѣми мыслящими людьми, конечно, въ различныхъ направленіяхъ. Въ разумѣніи самого государя теперь заключалось все будущее, счастливое и несчастливое, Русской земли. Царь Алексѣй глубоко уважалъ и чтилъ старыя преданія, а потому въ его намѣреніяхъ преобразованіе могло пойти только путемъ медленнаго, постепеннаго водворенія нѣкоторыхъ европейскихъ поряд-

ковъ, по преимуществу со стороны хозяйственныхъ потребностей государства, то-есть вообще тѣмъ путемъ, какъ отъ начала шла вся московская исторія, безостановочно впередъ, но не подвергая государства всеобщей критикѣ, ломкѣ и переустройкѣ. Изстари для Московскаго го-



Царь Алексѣй Михаиловичъ въ молодости.

сударства высшимъ идеаломъ государственнаго быта почитался идеалъ византійскій, древне-цареградскій. Объ немъ многіе вѣка постоянно толковала наша книжная образованность. Онъ хорошо былъ извѣстенъ даже каждому простолюдину. Этотъ идеалъ и долженъ былъ стать

во главѣ всѣхъ преобразованій и нововведеній. По этому идеалу царь Алексѣй устраивалъ обстановку своего дворца и воспитывалъ своихъ дѣтей, для чего собралъ во дворцѣ не только книжныхъ, но и ученыхъ людей, вполнѣ преданныхъ тому же идеалу, то-есть воспитанныхъ и образованныхъ по преимуществу на церковной книжности.

Молодой царь Θеодоръ Алексѣевичъ былъ воспитанъ и руководимъ учеными людьми, помышлявшими о реформахъ именно въ византійскомъ направленіи. Послѣ него остался



Царь Θеодоръ Алексѣевичъ.

проектъ преобразованія Государевой Думы и всего боярскаго служилаго сословія, должности и саны котораго, по этому проекту, распредѣлялись на 34 степени и по значенію приравнивались или объяснялись должностями древне-цареградскими. Преждевременная смерть царя сокрыла отъ насъ ту перспективу, въ которой готовились подобныя реформы. Но она не могла остановить назрѣвшей уже потребности въ преобразованіяхъ, которыя, можно сказать, носились въ самомъ воздухѣ. Теперь царское дѣло, при пособіи тѣхъ же византійскихъ идеа-

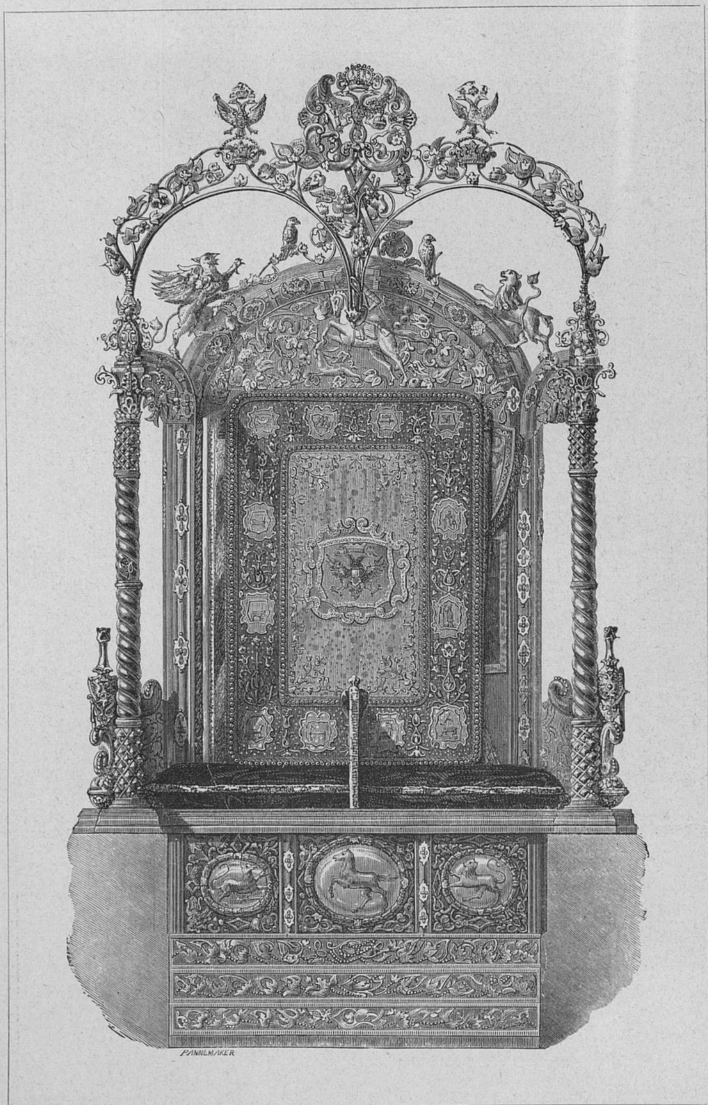
ловъ, попало въ руки московской Пульхеріи, царевны Софьи Алексѣевны, весь подвигъ которой самъ по себѣ былъ невиданною на Руси новинкою и вообще показывалъ, что настанетъ конецъ старымъ порядкамъ русской жизни.



Царевна Софья Алексѣевна. (Съ рѣдкой гравюры Блотеливга).

Но въ это время выросталъ уже иной преобразователь, Петръ, которому суждено было однимъ разомъ перевести русскую исторію и русскую жизнь изъ старой колеи на новый путь

и робкія попытки предшественниковъ обратить въ пріятную неотложную задачу непрестаннаго, всесторонняго преобразованія старой Руси по идеаламъ западной Европы. Петръ, можно ска-



Тронъ Іоанна и Петра Алексѣевичей.

зать, разсѣкъ Гордіевъ узелъ, въ которомъ такъ крѣпко былъ связанъ и запутанъ всякими нитями старобытный русскій человѣкъ. Онъ разсѣкъ пополамъ русскую исторію. По крайней

мѣрѣ такъ до сихъ поръ это кажется, при чемъ старая Русь совсѣмъ какъ бы исчезла предъ величіемъ его подвига, отдѣлилась отъ новой Руси. И, несмотря на то, и самъ Петръ, и цѣли, и характеръ его преобразованій народились все въ той же Москвѣ, изъ того же руководящаго начала всей ея исторіи: жить въ государственномъ единствѣ, работать безъ устали и съ полнымъ самоотверженіемъ для созданія Русскаго государства, для его величія, для наилучшаго его устройства. И самъ Петръ и его преобразованія были кровнымъ дѣтищемъ этихъ великихъ и въ точномъ смыслѣ исключительно московскихъ стремленій. По правамъ прямого наслѣдника царскому престолу, онъ необходимо долженъ былъ вступить въ борьбу съ властолюбивою сестрою и тѣмъ болѣе, что съ ея стороны услужливые люди принимали свои мѣры, дабы не только устранить соперника отъ царства, но и совсѣмъ отъ него избавиться.

И. Забѣлинъ.



Медаль Іоанна и Петра Алексѣевичей.

ОЧЕРКЪ VI.

МОСКВА—ГОРОДЪ.

Характеръ мѣсторасположенія Москвы. — Первоначальная исторія города. — Обзоръ его строительства въ послѣдующее время до конца XVII ст. — Важнѣйшіе памятники. — Строительный типъ Москвы. — Храмъ Василія Блаженнаго. — Сказанія иностранцевъ о старой Москвѣ. — Городское устройство. — Торговля и торговые нравы москвичей. — Китай-городъ. — Бытовые порядки старинныхъ москвичей.— Ихъ одежда. — Существенныя черты древней общественности. — Ея основное средоточіе. — Почестный пиръ. — Обзоръ старинного кушанья.



Москва матушка—золотыя маковки.
Москва царство, а деревня рай.
Кто въ Москвѣ не бывалъ, красоты не видалъ.

Народныя присловья.

акъ привольно раскинулась Москва со своими окрестными селеніями и дачами и въ такой прекрасной мѣстности, что по справедливости почитается однимъ изъ живописнѣйшихъ городовъ Европы. Свѣжій глазъ путешественика и особенно художника находитъ эту красоту не только въ общихъ панорамахъ столицы, съ любой стороны, но и въ каждомъ уличномъ закоулкѣ, лишь бы этотъ закоулокъ открыто смотрѣлъ на Кремль или на одну изъ тѣхъ же панорамъ. Красота мѣстоположенія становится еще больше привлекательною отъ своеобразія и многочисленности старинныхъ, особенно церковныхъ, построекъ Москвы, которыя придаютъ ей такой оригинальный, просторный, ни съ чѣмъ несравнимый типъ стараго русскаго города, что всѣ другіе старые города Великой Руси относительно своей красоты и пространства очень справедливо именовали себя только уголками Москвы. «Нашъ городокъ — Москвы уголокъ!» говорилось и въ Ярославлѣ, и въ Твери, и всюду, гдѣ приходило на мысль опредѣлить типическія черты красивой мѣстности и красиваго построенія старинного города. Народъ же свое удивленіе передъ старою матушкою-Москвою выразилъ особымъ и очень сильнымъ присловьемъ: «Кто въ Москвѣ не бывалъ—красоты не видалъ!» Поговорка эта, выразившаяся впослѣдствіи и литературно, стихомъ: «Что матушки-Москвы и краше, и милѣй!» сложилась, конечно, въ то еще время, когда Москва на самомъ дѣлѣ была единственнымъ на Руси городомъ, достойнымъ удивленія. Это было задолго до построенія приморскаго красавца—Петербурга, и въ ту эпоху, когда старѣйшій и первый на Руси днѣпровскій красавецъ, Кіевъ, совсѣмъ было удалился отъ русскихъ созерцаній въ чужую землю.

Живя на востокѣ, имѣя постоянное дѣло съ востокомъ, Москва физически не могла вырастить себя совсѣмъ по западному образцу, съ которымъ вдобавокъ не сошлась характеромъ по вѣрѣ и по нѣкоторымъ политическимъ началамъ. Но за то она неутомимо шла не собственно къ западнымъ, а вообще къ европейскимъ цѣлямъ развитія и успѣла присвоить своему родному востоку именно европейскія силы народнаго совершенствованія. При внимательномъ и ближайшемъ разсмотрѣніи, восточный обликъ Москвы окажется вовсе не восточнымъ, а въ полной мѣрѣ русскимъ, въ полной мѣрѣ самобытнымъ созданіемъ русской народности. Высшую красоту старинный русскій народъ созерцалъ въ Божіемъ храмѣ, а въ Москвѣ было столько церквей, что трудно было ихъ перечесть: «сорокъ сороковъ!» Кромѣ красоты мѣстоположенія, пестрая, кудрявая, своеобразная архитектура этихъ церквей, золотыя маковки, золотыя главы, стройныя колокольни, царскія и боярскія высокія хоромы, терема и вышки съ самыми разнообразными и замысловатыми кровлями, которыя возвышались шатрами, бочками, скирдами, епанчами и т. п.; затѣмъ круговыя каменныя и деревянныя стѣны съ башнями и воротами, красотѣ и отдѣлкѣ которыхъ удивлялись даже иноземцы. Западные иноземцы, послы и посланники, подъѣзжавшіе къ Москвѣ въ XVI и XVII ст. большею частію отъ Смоленска, по Можайской дорогѣ, приходили въ неописанный восторгъ, когда съ Поклонной горы открывалась имъ въ самомъ дѣлѣ восхитительная панорама и самого города и окружающихъ красивыхъ мѣстъ, расположенныхъ между Воробьевыми горами, направо, а Тремя горами налѣво, съ обширнымъ лугомъ или цѣлымъ полемъ Ходынки, съ безконечными лѣсами по сторонамъ, уходящими и теперь далеко за горизонтъ. Они говорили, что видъ на Москву издали, то-есть именно съ этого пункта, по обширности и великолѣпію города, есть одно изъ прекраснѣйшихъ зрѣлищъ, какія удавалось имъ когда либо видѣть. Благочестивые изъ нѣмцевъ прямо сравнивали Москву съ Іерусалимомъ, разумѣя въ этомъ имени все прекрасное и великолѣпное, чѣмъ только городъ можетъ отличаться по своей красотѣ.

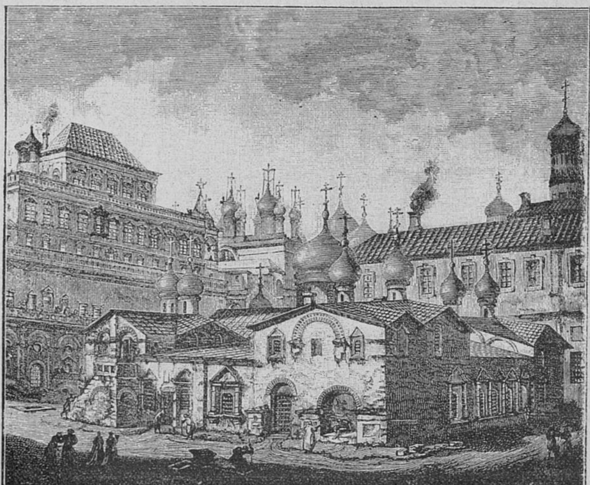


Потѣшный дворецъ.
(Съ фотографіи).

Красота и живопись видовъ въ окрестностяхъ Москвы является повсюду, какъ скоро теченіе рѣки образуетъ свой прихотливый, извилистый поворотъ или по старинному обозначенію *перевертъ*, эту характерную топографическую черту рѣчныхъ потоковъ всей Московской области. На вышинѣ одного изъ такихъ перевертовъ основанъ Кремль, то-есть самое древнѣйшее поселеніе Москвы; съ вышины другого смотрятъ на Москву Воробьевы горы; на вышинѣ третьяго красуются Три Горы, Дорогомилово и т. д.

Москву народъ прозываетъ *горбатою*; въ его понятіяхъ это можетъ обозначать — старая,

древняя, но горбомъ онъ именуетъ также трудовую работящую силу или въ точномъ смыслѣ трудовую рабочую спину. «Мужикъ не живетъ богатъ, а живетъ горбатъ», то-есть согбенъ отъ вѣчной работы, говоритъ пословица. Мы полагаемъ, что то-же самое народъ разумѣетъ и о Москвѣ, называя ее горбатою, ибо, какъ торговый многолюдный городъ, она вѣчно въ работѣ. Толкуютъ, впрочемъ, что такое прозванie она получила отъ своей холмистой мѣстности. Сравнительно съ Петербургомъ она дѣйствительно представляетъ мѣстность гористую, но эти горы, какъ уже сказано, суть собственно береговыя высоты ея рѣкъ и рѣчекъ, а въ сущности, въ общемъ очертанiи, Москва большею частiю занимаетъ ровную мѣстность. Эта мѣстность бѣжитъ къ Москвѣ-рѣкѣ съ сѣвера отъ Дмитровской и отъ Троицкой (Ярославской) дороги. Оттуда же, съ сѣвера, отъ боровой лѣсистой стороны, къ югу. Въ Москву-рѣку текутъ: Неглинная по срединѣ; къ востоку отъ нея—Яуза, а къ западу—рѣчка Прѣсня. Приближаясь къ городу, эта ровная мѣстность начинаетъ распредѣляться потоками упомянутыхъ трехъ рѣкъ на нѣсколько возвышенiй, то-есть возвышенiй лишь относительно русла этихъ потоковъ, относительно тѣхъ небольшихъ долинъ, которыя ими промыты.



Терема въ Москвѣ.

(Съ старинной гравюры Казакова).

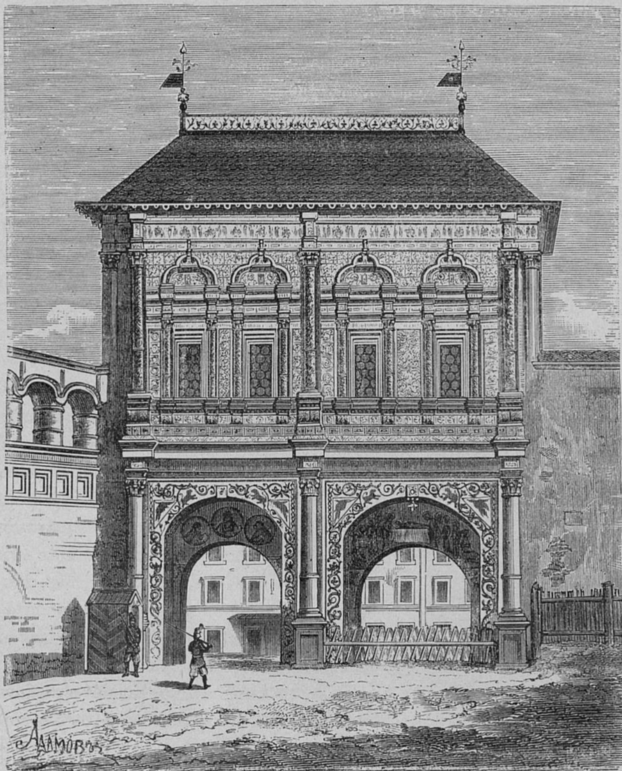
Самая характертная черта древней Москвы, какъ города, заключалась въ великомъ множествѣ *полей и всполiй*, луговъ, находившихся внутри города и отдѣлявшихъ другъ отъ друга его слободы, отдѣлявшихъ, вообще, постройки отъ его стѣнъ и оставившихъ по себѣ память въ урочищныхъ обозначенiяхъ многихъ церквей. Поля и всполья, разумѣется, способствовали образованiю *грязей* въ однихъ мѣстахъ или *песковъ*—въ другихъ. Затѣмъ, къ полевымъ пространствамъ должно отнести *болота, мхи, ольхи* *), или ольховцы, вообще мѣста *мокрыя* (Николай Мокрый). Въ древнее время существовали подлѣ города (и въ самомъ Кремлѣ) *боры*, а впослѣдствiи, съ распространенiемъ населенiя, явилось великое множество *садовъ*. Все это придавало Москвѣ типъ чисто деревенскiй. По улицамъ, почти у каждаго дома, можно было встрѣтить часовню; по улицамъ же, для охраны отъ пожаровъ, черезъ каждые 10 дворовъ устраивался колодезь.

Мѣстомъ древнѣйшаго поселенiя Москвы былъ Боровицкiй мысъ, высокая круча при впаденiи рѣчки Неглинной въ Москву-рѣку, теперь совсѣмъ утратившая свой первобытный видъ, потому что вся эта гора снесена для болѣе удобнаго въѣзда изъ Боровицкихъ воротъ. Если мы отойдемъ отъ этихъ воротъ шаговъ полтораста прямо по направленiю къ углу Но-

*) *Ольхи* значитъ собственно мокрыя, болотистыя мѣста, и въ этомъ смыслѣ, а не въ значенiи лѣса, служатъ обозначенiемъ нѣкоторыхъ мѣстностей Москвы.

ваго дворца и остановимся, то мы будемъ находиться въ самой серединѣ древнѣйшаго городища Москвы. Здѣсь стояла первая московская церковь Рождества Іоанна Предтечи въ бору и срубленная. Здѣсь же у церкви находилось и первоначальное поселеніе св. митрополита Петра, а слѣдовательно и древнѣйшій дворъ Московскихъ князей. Но здѣшнее поселеніе древнѣе Русскаго христіанства, ибо тутъ же, какъ упомянуто, были найдены вещи языческаго погребенія, серебряные графины и рясы-серьги.

Первый городъ Москва былъ срубленъ въ 1156 г. на другой же годъ послѣ поселенія въ Суздальской землѣ Андрея Боголюбскаго; но мы уже знаемъ, что за 10 лѣтъ прежде, въ 1147 г.,



Остатки Крутицкаго митрополичьяго терема.

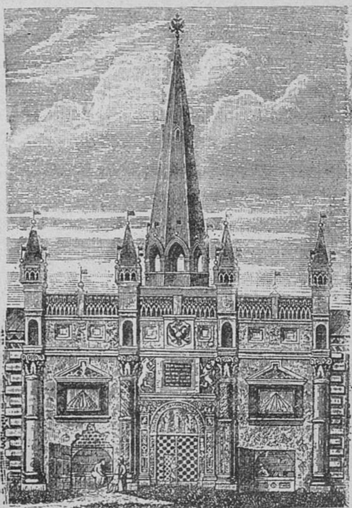
въ Москвѣ происходилъ любезный и веселый пиръ, данный Юріемъ Долгорукимъ черниговскому князю Святославу Ольговичу, и можемъ полагать, что и въ то время Москва или Кучково была тоже городкомъ, обнесеннымъ землянымъ валомъ и отыненнымъ деревянными стѣнами, безъ чего сколько-нибудь значительное поселеніе никогда не устраивалось. Діаметръ всей площадки этого первобытнаго городища Москвы быть можетъ равнялся 50 или 70 саженямъ, не болѣе, потому что таковъ былъ объемъ всей стрѣлки Боровицкаго мыса.

О началѣ города Москвы сохранились и народныя сказанія, одни съ явными признаками народнаго былиннаго эпоса, другія въ образѣ книжныхъ измышленій.

Героями первыхъ сказаній являются, въ одномъ—князь Юрій-Долгорукій, сынъ его Андрей Боголюбскій, бояринъ Кучко, Степанъ Ивановичъ; въ другомъ—князь Данила Александровичъ, его сынъ Иванъ Даниловичъ и тысяцкій Степанъ Ивановичъ Кучко. Въ обоихъ случаяхъ происходитъ романъ, любовныя связи и убійства.

Московскій эпосъ, конечно, не могъ забыть своихъ первыхъ героевъ, но онъ смѣшалъ времена, событія и лица и помнилъ только одно, что была тутъ гибель людей: былъ убитъ бояринъ изъ-за жены, былъ убитъ князь, тоже по заговору жены, почему женская личность подъ именемъ Улиты является то дочерью, то женою боярина, то женою самого князя. Несомнѣнно, что эти сказанія произошли изъ московскихъ же пѣсенъ-былинъ, справедливо начинавшихъ свою лѣтопись отъ временъ князя Юрія и князя Андрея.

Изъ нихъ вообще выясняется, что первый поселокъ Москвы, принадлежавшій боярамъ Кучковичамъ, поступилъ потомъ во владѣніе Владимірскихъ князей и съ постройкою города сталъ пригородомъ и такъ сказать выселкомъ великокняжскаго города Владиміра, при чемъ онъ могъ служить и сторожевою крѣпостью противъ враговъ отъ Смоленской земли.



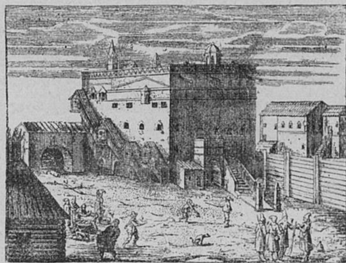
Печатный дворъ въ XVII вѣкѣ.

Въ первое время, какъ мы знаемъ уже, Москва называлась Куцковымъ, Кучковымъ, также Московомъ, Московою, Моськвою, Московью. Само собою разумѣется, что Москва-городъ обозначала уже цѣлую особую волость или совокупность селъ, тянувшихъ къ городу своими данями и судомъ. О сельскомъ населеніи вокругъ города положительно упоминается уже въ 1177 года, когда напавшій на Москву Глѣбъ рязанскій пожегъ весь городъ и *села*. Городъ былъ опять выстроенъ, и въ Батыево нашествіе 1236 года снова сожженъ, при чемъ сгорѣли и церкви, и *монастыри* всѣ, и села. Это первое упоминаніе о монастыряхъ, въ неопредѣленномъ числѣ, можетъ свидѣтельствовать, что основаніе нѣкоторыхъ московскихъ монастырей должно относиться еще къ XII-му вѣку, то-есть вообще ко временамъ Всеволода III, когда московская мѣстность вслѣдствіе поворота торговаго пути къ устью Дона, какъ торговый перекрестокъ, стала больше населяться и богатѣть.

Съ поселеніемъ въ Москвѣ митрополита св. Петра, которое можно отнести къ 1315 году, начинается быстрое политическое возвышеніе Москвы и не менѣе быстрое ея возрастаніе относительно городского устройства. Въ это время городъ былъ уже значительно обширнѣе прежняго, хотя и далеко не выходилъ еще изъ предѣловъ нынѣшняго кремля. Впервые онъ именуется кремлемъ въ 1331 году, когда онъ весь сгорѣлъ. Особое имя городской крѣпости даетъ свидѣтельство, что въ началѣ XIV вѣка Москва значительно населилась и, кромѣ кремля, заключала въ себѣ уже *посадъ*, какъ именовался тогда будущій Китай-городъ, а также и *Зарѣчье*, посадское поселеніе на томъ берегу Москвы-рѣки. Распространеніе кремля къ этому времени обозначалось въ томъ, что дворъ св. Петра митрополита находился уже на новомъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи и устроился патріаршій дворъ. Передъ этимъ дворомъ святитель въ 1326 году заложилъ первый каменный храмъ въ Москвѣ, соборъ Успенія Богородицы. Точно также и княжескій дворъ былъ уже расположенъ въ мѣстности, гдѣ теперь находится Теремный дворецъ и Владимірская и Георгіевская залы Большого дворца. Возлѣ этого двора существовала (1319 г.) церковь и мона-

стырь Спаса на Бору, которая, судя по урочищу, должна принадлежать тоже къ древнѣйшимъ московскимъ церквамъ, ибо въ началѣ XIV вѣка едва-ли уже оставался этотъ боръ въ своемъ первобытномъ видѣ. Объ Успенскомъ соборѣ упомянуто, что онъ сооружался на площади. Значитъ, передъ дворомъ митрополита и передъ княжимъ дворомъ тогда уже существовала площадь, которая несомнѣнно занимала средину тогдашняго города.

На этой площади Іоаннъ Даниловичъ Калита въ 1329 году строитъ каменную же церковь Іоанна Лѣствичника, вѣроятно, въ честь рожденія своего сына Іоанна, которая послужила колокольней для Успенскаго собора и впослѣдствіи именовалась: «что подъ колоколами». Это первое основаніе Ивана Великаго. Затѣмъ, въ 1333 году, на той же площади, съ набережной ея стороны, возлѣ своего двора онъ строитъ каменную церковь Михаила Архангела, вѣроятно, на мѣстѣ прежде бывшей деревянной. Это былъ соборъ княжескій. Воевода небесныхъ силъ прославлялся здѣсь какъ поборникъ великихъ князей, которые подъ его же кровомъ здѣсь находили себѣ убѣжище и на вѣчный покой. Оба храма были не велики и построены каждый въ одно лѣто. Еще раньше, въ 1330 г., Іоаннъ Даниловичъ близъ своего двора построилъ каменную церковь въ монастырѣ Спаса Преображенія. Съ того времени въ этомъ храмѣ погребались великія княгини, первая—Елена, супруга Калиты, умершая въ черницахъ.



Посольскій домъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ.
(Гравюра того времени).

Наконецъ, зимою 1339—1340 годовъ, Іоаннъ Даниловичъ обнесъ городъ Москву-Кремль или Кремникъ — дубовыми стѣнами, истлѣвшіе остатки которыхъ попадались еще въ землѣ при построеніи новыхъ зданій у сѣверо-западной стѣны кремля. Впрочемъ, постройка новыхъ стѣнъ была необходима по случаю новаго пожара въ 1337 году, когда Москва вся погорѣла. Однѣхъ церквей сгорѣло 18. Великіе пожары отъ злыхъ людей или отъ несчастныхъ случаевъ повторялись въ первой Москвѣ почти каждые пять лѣтъ. Быстро уничтожалъ огонь жилища и имущество горожанъ, но такъ же быстро они и вновь устраивались. Въ 1337 году сгорѣло 18 церквей, а въ 1343 году ихъ было уже вновь погорѣвшихъ 28. На другой же годъ послѣ этого пожара, уже при сынѣ Калиты, великомъ князѣ Симеонѣ, началось не только возобновленіе каменныхъ храмовъ, но и украшеніе ихъ стѣнописью.

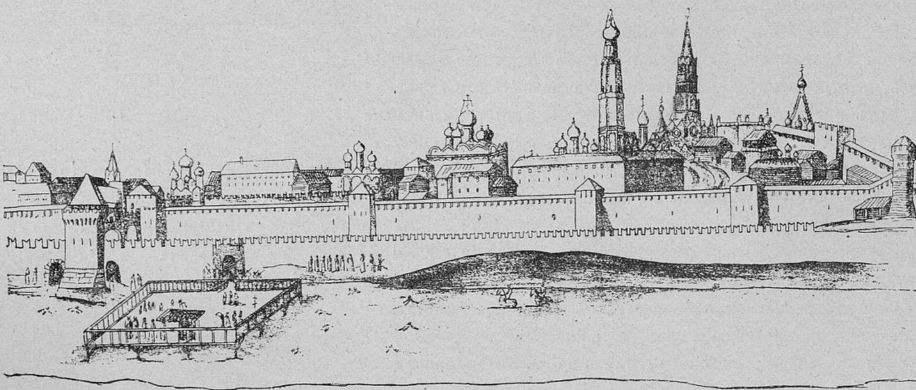


Московскія улицы въ XVII вѣкѣ.
(Гравюра того времени).

Въ первые же 20 лѣтъ (1326—1346 гг.) своего независимаго положенія и благодаря наставшей по ея же стараніямъ земской тишинѣ, Москва не только украсилась каменными храмами съ ихъ новою стѣнописью и колоколами, но и развела свою русскую школу—дружину иконописцевъ, какъ равно и колокольныхъ мастеровъ.

Въ 1354 году новый пожаръ истребилъ весь Кремль, названный теперь Кремникомъ, причемъ сгорѣло 13 церквей. Черезъ 10 лѣтъ (1365 г.) Москва опять горитъ, какъ не случалось и прежде. Въ два часа времени сгорѣлъ безъ остатка весь городъ: Кремль, весь посадъ и Зарѣчье. Была засуха и къ тому настала великая буря; за 10 дворовъ летѣли головни и цѣлыя бревна съ огнемъ; гасить было невозможно; въ одномъ мѣстѣ гасили, а въ десяти загоралось. Никто не успѣлъ вытаскать своего имѣнья: все уничтожилъ огонь. А въ то время въ Нижнемъ свирѣпствовала моровая язва и на слѣдующій же годъ распространилась и до Москвы.

Оставшійся безъ крова и имущества народъ сталъ повально помирать. Но оставшіеся не робѣли и думали о живомъ. Осенью того же года (1366) молодые московскіе князья, а главное— бояре, руководимые св. Алексѣемъ митрополитомъ, замыслили поставить Москву, городъ каменный, и стали сооружать его съ большимъ поспѣшеніемъ. Обстоятельства были очень опасныя. Испытавъ погибель отъ пожара и отъ мора, Москва ожидала теперь погибели и отъ людей. Но и каменныя стѣны не помогали, когда не было за ними единодушнаго народа. Такъ случилось во время извѣстнаго уже нашествія Тохтамыша. Князья, бояре покинули Москву; чернь защищалась крѣпко, но не сумѣла устоять передъ обманомъ и сдалась. Городъ былъ разграбленъ и выжженъ. Остались обгорѣлыя развалины и трупы 24,000 человѣкъ горожанъ. Москвичи сохранили было книги и, какъ важнѣйшее свое богатство, собрали ихъ со всего города и изъ селъ и завалили ими соборныя церкви до самыхъ сводовъ: все сгорѣло безъ остатка. Москва исчезла, развѣялась съ дымомъ пожара; оставшіеся люди разбѣжались. Завистники, соперники и враги, конечно, торжествовали и радовались этой гибели. Но они не знали, что жизнь Москвы была жизнью всего суздальскаго стараго народа, а потому истребленіе ея жилища и богатства, самое истребленіе ея обитателей не производили ни малѣйшаго колебанія



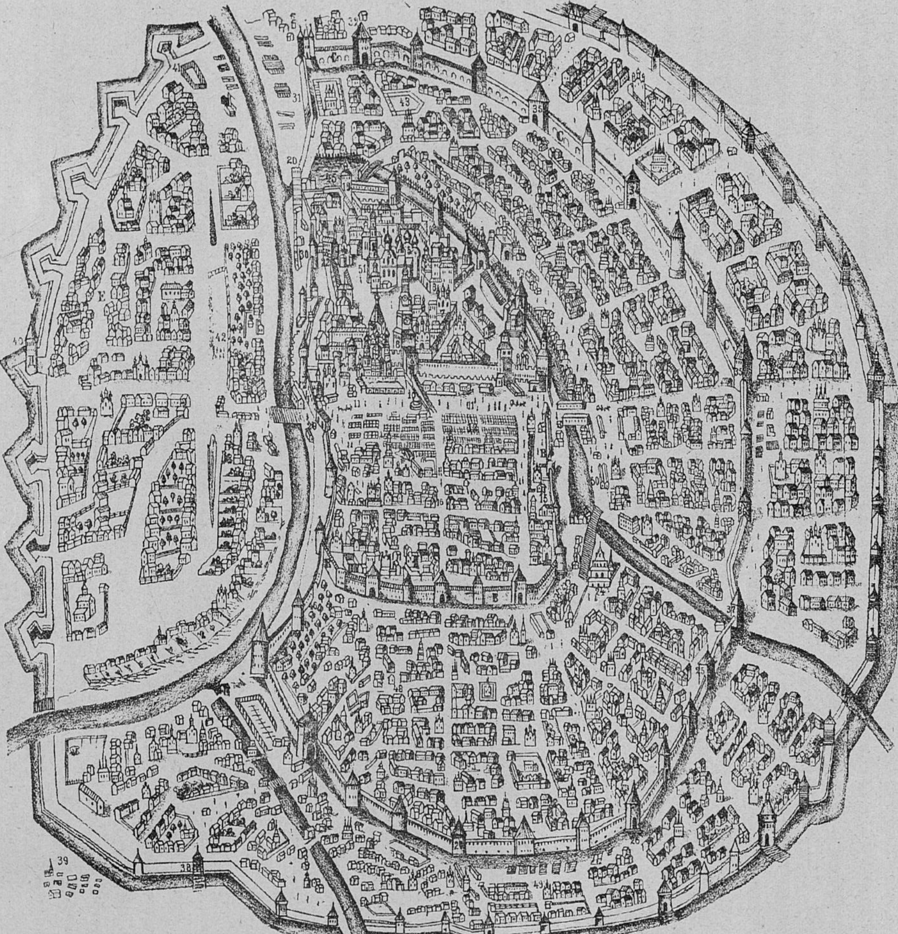
Видъ Кремля при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ.

въ ея дальнѣйшемъ развитіи. Напротивъ, ея великія бѣдствія какъ будто раскрывали въ ней новыя силы, и она политически снова молодѣла, снова крѣпла, и даже внѣшнимъ своимъ видомъ становилась красивѣе, обширнѣе и богаче. Трудно и невозможно было выбить съ этого мѣста народный зародышъ политическаго единства, невозможно было выжечь свитое самимъ народомъ гнѣздо его торговыхъ и промышленныхъ силъ и связей, которыя влеклись сюда не по прихоти или насиліемъ князей, но влеклись извѣстными и неизвѣстными еще намъ условіями тогдашняго земскаго быта. Достаточно было пяти-шести лѣтъ, чтобы Московскій посадъ, истребленный огнемъ, снова выстроился.

Время обновленія Москвы послѣ Тохтамышева разоренія и опустошенія отмѣчено къ тому же особымъ подъемомъ и процвѣтаніемъ русскаго художества, чему несомнѣнно способствовалъ митрополитъ Фотій изъ грековъ.

Первый московскій царь Василій Іоанновичъ замышлялъ также укрѣпить стѣнами и Большой посадъ (Китай-городъ), но при жизни не успѣлъ этого исполнить, и потому тотчасъ же послѣ его смерти, весною 1534 года, все пространство этого посада, или московскаго *торга*, было сначала обнесено землянымъ городомъ, то-есть земляными стѣнами, которыя, по замѣчанію

А Кремль.
В Китай город.
С Царь город.
Д Скородум.
Е Хамовники Слобода.
1 Царскія палаты.
2 Иван Великій.
3 Рождество въ горахъ.
4 Церковь Св. Архангела Михаила.
5 Соборн. церковь Успенія Пресвятыя Богородицы.
6 Патріаршій дворъ.
7 Чудовъ монастырь.
8 Фроловскія ворота.
9 Троица на рву.
10 Царево мѣсто.
11 Красная площадь.
12 Купецкіе ряды.
13 Гостиный дворъ.
14 Земскій дворъ.
15 Печатный дворъ.
16 Посольскій дворъ.
17 Государевъ сытный дворъ.
18 Конюшенный дворъ.
19 Боровицкія ворота.
20 Водоподъемная башня.
21 Набережный теремъ, въ коемъ живутъ иконописцы.
22 Денежный дворъ.



23 Государевъ садъ.
24 Пушечный дворъ.
25 Срѣтенскія ворота.
26 Фроловскія другія ворота.
27 Покровскія ворота.
28 Яузскія ворота.
29 Москворѣцкія ворота.
30 Тайницкія ворота.
31 Троицкія ворота.
32 Чертольскія ворота.
33 Арбатскія ворота.
34 Никитскія ворота.
35 Тверскія ворота.
36 Дмитровскія ворота.
37 Труба неглинная.
38 Таганскія ворота.
39 Кладбище нѣмецкое.
40 Калужскія ворота.
41 Крымскій дворъ.
42 Царицынъ лугъ.
43 Конюшенный другой дворъ.
44 Алексѣевскій монастырь.
45 Лебединый прудъ.
46 Царевъ садъ на Васильевскомъ лугу.
47 Рыбный дворъ.
48 Соляной дворъ.
49 Лѣсной дворъ.
50 Сытный дворъ.
51 Великій новый колоколъ.

Планъ Москвы при Алексѣѣ Михаиловичѣ.

лѣтописца, были устроены вельми мудро: сплетали тонкій лѣсъ между столбами и бревнами, внутри такихъ плетеныхъ стѣнъ сыпали землю и плотно утверждали ее. На этихъ земляныхъ стѣнахъ были построены еще деревянныя стѣны по обыкновенному въ то время способу. Новый городъ былъ наименованъ *Китаемъ*, что могло значить оплетеный, плетеночный, потому что въ областномъ языкѣ слово *китъ*, *кита* значитъ веревка, сплетенная изъ травы или хворосту, которою перевязываютъ одонья и соломенныя кровли. Однако, на другой же годъ по чертѣ этихъ сплетеныхъ земляныхъ стѣнъ былъ заложенъ бѣлокаменный городъ. Когда былъ выстроенъ каменный городъ, имя Китай все-таки было оставлено, и городъ сталъ прозываться *Новымъ городомъ*, въ отличіе отъ стараго Кремля, который назывался уже Старымъ Большимъ Кремлемъ-городомъ. Однако, народъ, повидимому, излюбилъ прежнее имя и сохранилъ его до нашихъ дней. По кирпичнымъ стѣнамъ, Китай прозывался также и *Красною* стѣною.

Итальянцы-фрязове, начиная съ Аристотеля, уже цѣлые 60 лѣтъ строили и устраивали каменную Москву. Казалось бы, что своими нововведеніями они должны были совсѣмъ измѣнить обликъ нашего древняго зодчества и водворить въ немъ совсѣмъ иныя, вполнѣ европейскія формы. Они прибыли къ намъ изъ такихъ мѣстъ, гдѣ XV вѣкъ созидалъ могущественное величіе возрождавшагося искусства не для одной Италіи. Всѣ они, эти фрязове: Аристотель Фіоравенти, Петръ Антоній, Петрокъ Малый, Маркъ, Алевизъ, Бонъ и др. несомнѣнно были не только учениками своихъ великихъ мастеровъ, но и носителями тѣхъ новыхъ идей искусства, которыми ознаменована эпоха его возрожденія или въ сущности освобожденія изъ средневѣковаго мрака и застоя. Любопытно поэтому, чѣмъ на самомъ дѣлѣ ознаменовалось это достопамятное нашествіе итальянскихъ художниковъ на деревенскую и деревянную Москву. Бо̀льшая часть ихъ построекъ уцѣлѣла до сихъ поръ или сохранилась въ рисункахъ. Оказывается что-же: 1) Успенскій соборъ построенъ въ 1478 году Аристотелемъ по образцу Владимірскаго. 2) По тому же образцу построенъ соборъ Архангельскій 1508 года Алевизомъ Новымъ. 3) По образцу и складу новгородскихъ церквей построена была тѣмъ же Алевизомъ церковь Іоанна Предтечи у Боровицкихъ воротъ. 4) Бонъ фрязинъ соорудилъ колокольницу, стоящую рядомъ съ Иваномъ Великимъ, по образцу древнихъ колоколенъ Новгорода и Пскова, и, всего вѣроятнѣе, по старому московскому образцу, въ видѣ стѣны, только въ бо̀льшемъ объемѣ и значительно бо̀льшей вышины. 5) Въ 1514 году Алевизъ фрязинъ поставилъ между прочимъ церковь Рождества Богородицы на государевыхъ сѣняхъ, объ одной главѣ, вообще подобно образцу древнихъ одноглавыхъ храмовъ. 6) По тому же образцу онъ выстроилъ церковь Благовѣщенія на старомъ Ваганьковѣ.



Благовѣщенскій соборъ.

Памятникомъ итальянской архитектуры своего времени остается одно гражданское зданіе— Грановитая Палата. Нѣкоторыя оставшіяся детали малой Золотой или Царицыной палаты то-же

указываютъ на ея итальянскую обдѣлку. Другихъ палатъ, построенныхъ Алевизомъ фрязиномъ, не сохранилось. Но сохранились достовѣрныя свѣдѣнія объ общемъ складѣ этого итальянскаго дворца. Онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ палатъ, то-есть въ собственномъ смыслѣ походилъ на старые русскіе храмы, составляя совокупность, группу отдѣльныхъ помѣщеній, соединенныхъ между собою переходами и сѣнями. Одного цѣлаго зданія, въ сооруженіи котораго виднѣе всего выразилось бы итальянское искусство, этотъ дворецъ не представлялъ. Такимъ образомъ, и каменный дворецъ, на мѣсто деревяннаго, былъ выстроенъ по завѣтному образцу. Его идея въ планѣ дана была старою русскою жизнью, его мѣстоположеніемъ и окружающими строеніями, но никакъ не итальянскимъ художникомъ.

Худо ли, хорошо ли, но тогдашняя уже московская Русь крѣпко и во всемъ держалась своего ума и своего обычая, и вовсе не была способна отворять широкія двери такимъ нововведеніямъ, которыя могли бы измѣнить коренныя черты ея старинныхъ вкусовъ и нравовъ. Поэтому и все дѣло призванныхъ итальянцевъ ограничилось одною техническою стороною: не итальянскимъ замысломъ въ созданіи новыхъ, небывалыхъ на Руси формъ, а только исполненіемъ въ этомъ случаѣ стараго русскаго замысла. Заслуга итальянцевъ въ исторіи нашего зодчества несомнѣнна и очень значительна. Въ ихъ школѣ, кромѣ болѣе искуснаго приготовленія кирпича и извести, русскій мастеръ выучился кирпичной кладкѣ и покинулъ навсегда способъ еще византійской кладки—ставить стѣну на половину изъ кирпича и камня, на половину изъ всякаго бута. Само собою разумѣется, что новый способъ кладки далъ ему возможность усвоить себѣ многіе итальянскіе пріемы, именно въ обдѣлкѣ разноличныхъ *обломовъ*, или тѣхъ выдающихся и впадающихъ частей, которыя именуются вообще профилевкою и которыя въ русскомъ зодчествѣ послужили замененіемъ всякой пластики и вполнѣ способствовали развитію той характерной черты русскаго зодчества, которую можно обозначить именемъ *узорочности*. Здѣсь итальянскіе пріемы скоро сдѣлались родными русскими и въ общемъ обликѣ всякой обдѣлки не оставили даже и слѣда своего собственно-итальянскаго характера.



Св. Фотій, митрополитъ Московскій.

Овладѣвши кирпичемъ, какъ деревяннымъ брусомъ, русскій мастеръ въ мелочной уборкѣ зданія тянулъ больше къ своимъ излюбленнымъ старозавѣтнымъ деревяннымъ формамъ, къ сочетанію простыхъ геометрическихъ фигуръ или же ко всякаго рода баляснику. И здѣсь, въ кирпичной кладкѣ, у него остались тѣ-же старозавѣтные мотивы, какіе господствовали и въ деревянномъ зодчествѣ.

Словомъ, призваніе итальянскихъ зодчихъ ознаменовывается не водвореніемъ зодчества иноземнаго, какъ бы слѣдовало ожидать, судя по исторіи XVIII и XIX вѣковъ, а, напротивъ, особенно сильнымъ развитіемъ зодчества въ собственномъ смыслѣ русскаго, по русскому замыслу, съ русскою выработкою даже и заимствованныхъ формъ.

Особенный расцвѣтъ русскаго художества послѣдовалъ именно послѣ 60-лѣтнихъ работъ итальянцевъ, въ первой половинѣ XVI столѣтія. Онъ объясняется больше всего исторіею этого времени. Созданіе независимаго и прочнаго государства, незамедлившаго не только сбросить съ себя гнетущія цѣпи татарскаго владычества, но и покорившаго своей власти страшныя

нѣкогда татарскія царства, тотчасъ подняло и народныя силы. Тотчасъ по всѣмъ направленіямъ жизни почувствовалась самостоятельность, самобытность, а съ нею и пробужденіе народнаго творчества. Нагляднѣе всего это должно было отразиться во всякомъ художествѣ. Мы не говоримъ о малой степени его развитіи—это все равно: и въ маломъ, и въ великомъ самостоятельныя народныя силы всегда бываютъ одинаково способны выразить почувствованную



Успенскій соборъ въ Москвѣ.

свободу именно художественнымъ творчествомъ. Такъ бываетъ вездѣ и всегда. Дѣйствіе всякаго освобожденія отъ иноземной и отъ внутренней тѣсноты въ томъ и заключается, что народъ начинаетъ жить своимъ умомъ, своимъ пониманіемъ и своимъ сознаніемъ текущихъ задачъ исторіи и жизни.

Въ этомъ отношеніи очень замѣчательно и то обстоятельство, что XVI вѣкъ увѣковѣчилъ свой главный подвигъ, свою побѣду надъ темнымъ татарскимъ царствомъ, такъ долго угне-

тавшимъ народныя силы, памятникомъ, въ которомъ выразились исключительно своенародныя и самобытныя русскія черты.



Покровскій соборъ или церковь Василія Блаженнаго въ новѣйшее время.

Мы говоримъ о соборномъ храмѣ Покрова св. Богородицы (Василій Блаженный), который служитъ какъ бы типическою чертою самой Москвы, особенною чертою самобытности и своеобра-

зія, какими Москва, какъ старый русскій городъ, вообще отличается отъ городовъ западной Европы. Въ своемъ родѣ это такое же, если еще не бо́льшее, московское старинное и притомъ народное диво, какъ Иванъ Великій, царь-колоколъ, царь-пушка. Западные путешественники и ученые изслѣдователи исторіи зодчества, очень чуткіе относительно всякой самобытности и оригинальности, давно уже оцѣнили по достоинству этотъ замѣчательный памятникъ русскаго художества. Храмъ дѣйствительно производитъ впечатлѣніе особаго дива и тѣмъ въ большей степени, что вовсе не согласуется съ установленными понятіями объ архитектурныхъ формахъ, какими обыкновенно воспитывается и развивается эстетически-образованный глазъ: все въ немъ чудно, странно и на первый взглядъ не совсѣмъ понятно.

Нѣмецкій, напримѣръ, путешественникъ Блозіусъ разсказываетъ, что храмъ Василія Бла-



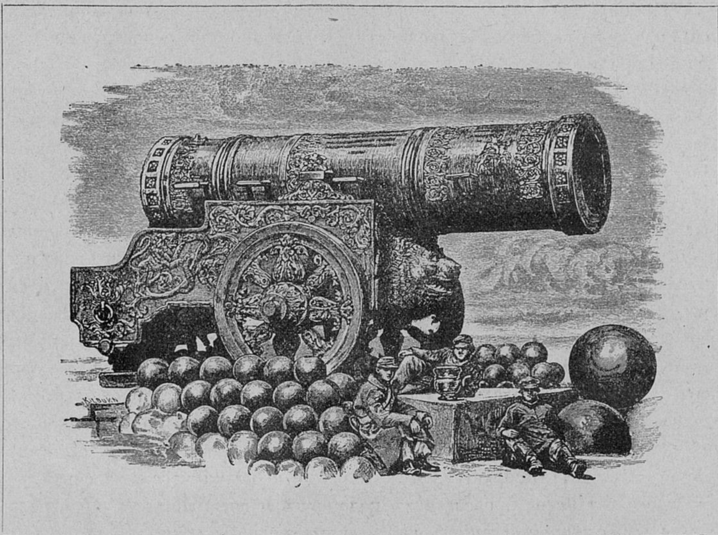
Царь-колоколъ.

женнаго, самый диковинный изъ всѣхъ (въ Россіи), для русскаго зодчества имѣетъ почти такое же значеніе, какъ Кёльнскій соборъ для древне-германскаго.

«Всѣ путешественники,—замѣчаетъ онъ,—прямо или не прямо, но въ одинъ голосъ заявляютъ, что церковь производитъ впечатлѣніе изумительное, поражающее европейскую мысль. Когда я самъ въ первый разъ неожиданно увидалъ это чудище, то никакъ не могъ опомниться и понять, что это такое: колоссальное растеніе, группа крутыхъ скалъ или зданіе?... Разсмотрѣвши, что дѣйствительно это церковь, и тутъ ничего не понимаешь, не видишь, сколько сторонъ у зданія, гдѣ его лицо—фасадъ, сколько всѣхъ башенъ стоитъ въ этой группѣ? Входишь, наконецъ, въ храмъ (онъ вошелъ въ боковой придѣлъ, гдѣ обыкновенно совершается богослуженіе), тѣсный, мрачный, въ высшей степени неправильный, и окончательно теряешься въ соображеніяхъ, какимъ образомъ ничтожное внутреннее пространство церкви вяжется съ

ея наружнымъ объемомъ, на видъ колоссальнымъ и обширнымъ. Чудище становится еще загадочнѣе!».

Присмотрѣвшись къ страннымъ, своеобразнымъ формамъ постройки и замѣтивъ во второмъ ярусѣ нѣкоторую симметрію въ расположеніи ея частей, путешественникъ все еще думалъ, что это настоящій лабиринтъ умышленнаго безпорядка. «Только взобравшись на верхъ,— говоритъ онъ,—начинаешь мало-по-малу понимать, что всѣ части храма расположены симметрично, что четыре большія башни стоятъ вокругъ средняго, главнаго зданія правильно, соотвѣтственно странамъ свѣта: на востокъ и западъ, на сѣверъ и югъ; что въ ихъ промежуткахъ расположены меньшія башни; что четыре пирамидальныя башенки на западной сторонѣ точно также размѣщены симметрично и покрываютъ крылечные входы». Вообще чертежъ второго яруса, по словамъ автора, уже достаточно обнаруживаетъ, что всѣ первоначальныя представленія о недостаткѣ симметріи и порядка въ расположеніи частей оказываются преждевременными и напрасными. Послѣ подробнаго осмотра всей постройки, авторъ убѣдился, наконецъ, что это не одинъ храмъ, не одна церковь, а собраніе церквей, цѣлая группа, въ которой и все цѣлое, и каждая часть въ отдѣльности, устроены одинаково.



Царь-пушка.

«*Вмѣсто запутаннаго, нестройнаго лабиринта*, — оканчиваетъ путешественникъ, — *это ультра-національное архитектурное произведеніе являетъ полный смысла образцовый порядокъ и правильность*».

Признавъ въ устройствѣ храма строгую цѣлесообразность и порядокъ, авторъ удивляется только странности замысла всей постройки, и удивляется потому, почему и мы, теперешніе русскіе, удивляемся своеобразію этого памятника: мы вообще мало знаемъ свою старину и древность.

Храмъ Василія Блаженнаго можетъ почитаться типомъ древне-русскихъ крестчатыхъ и круглыхъ соборныхъ деревянныхъ церквей, форма которыхъ, именно форма храмовой группы,

въ древности была любимымъ образцомъ и была выработана замысломъ самого народа, его религіозными потребностями и своеобычными понятіями о красотѣ Божьяго храма, безъ всякаго посредника какихъ-либо иноземныхъ руководительствъ и вліяній. Въ 1532 году, лѣтъ за 20 ранѣе постройки Василія Блаженнаго, въ подмосковномъ селѣ Коломенскомъ былъ выстроенъ храмъ Вознесенія такой же шатровой формы. Около того же времени, вблизи Коломенскаго былъ построенъ другой храмъ во имя Усѣкновенія Главы Іоанна Предтечи и, вѣроятно, въ честь тезоименитства и въ память рожденія Іоанна Грознаго. Этотъ храмъ представляетъ уже группу, весьма сходную съ группою Василія Блаженнаго.

Что-же касается восьми столпообразныхъ придѣловъ, размѣщенныхъ въ группѣ послѣдняго, вокругъ главнаго шатроваго храма, то ихъ столпообразная форма точно также давно уже воздѣлывалась русскимъ зодчествомъ. Столпообразная форма построекъ издревле была извѣстна въ строеніяхъ собственно городскихъ, сооружаемыхъ для защиты города. Это была *вежа* — башня, еще въ древности поставляемая посреди города, дабы съ ея высоты можно было наблюдать за непріятелемъ. Московскій Иванъ Великій, построенный въ 1600 году, былъ послѣднимъ памятникомъ тѣхъ же отчасти потребностей и той же однородной идеи для всей Русской земли, идущей отъ глубокой древности. Онъ точно также построился не безъ цѣлей наблюденія за полчищами татаръ. И въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, старая Москва представляетъ полный типъ еще болѣе нея стараго, древняго чисто-русскаго города. Слово «великій» относительно церковныхъ построекъ значило очень высокій. Въ древней Новгородской области множество было деревянныхъ храмовъ съ тѣмъ же обозначеніемъ *великій*: Дмитрій Великій, Никола Великій, Георгій Великій, Михаилъ Великій, Спасъ Великій, Илья Великій, да и въ самомъ Новгородѣ существовалъ тоже Иванъ Великій. Такова всенародная связь съ Москвою древнихъ бытовыхъ преданій и формъ по всей Русской землѣ, отъ моря и до моря.

Значитъ, оригинальность и своеобразіе храмовой группы Василія Блаженнаго представляетъ въ сущности совокупность типовъ, извѣстныхъ древней Руси еще отъ временъ ея крещенія.

«Какъ изобразить это зданіе, самое непостижимое и чудное, какое только можетъ произвести воображеніе человѣка»! — восклицаетъ другой путешественникъ, французскій виконтъ Дарленкуръ, обозрѣвавшій храмъ почти въ одинъ годъ съ Блозіусомъ. «Въ самой пестротѣ этого азіатскаго памятника, — продолжаетъ онъ, — проявляется безпримѣрное богатство изобрѣтенія и свобода идей. Надъ его луковичными куполами, похожими то на слѣпленіе сталактитовъ, то на мозаику изъ самоцвѣтныхъ камней, возвышается пирамидальный шпиль, оканчивающійся золотымъ шаромъ: тамъ группируется безъ порядка и плана масса маленькихъ портиковъ индѣйскихъ, кіосковъ китайскихъ, греческихъ колоннокъ и византійскихъ пристроекъ. Все это вмѣстѣ можно бы почесть произведеніемъ варварскимъ, если бы искусство не было тамъ расточено щедрою рукою».

Русскіе лѣтописцы, современники постройки храма, упоминаютъ, что «поставленъ былъ храмъ каменный *преудивленъ* различными образцы и многими *переводы*; на одномъ основаніи девять престоловъ». Слово «переводъ» въ древнемъ нашемъ художествѣ означало снимокъ, копію съ какого-либо образца (оригинала), такъ какъ и самая эта копія, переводъ, тоже именовалась нерѣдко *образцомъ*, въ смыслѣ оригинала для послѣдующихъ копій. Все это даетъ основаніе заключать, что при постройкѣ храма художники руководились уже извѣстными образцами, что съ такихъ образовъ они дѣлали переводы-копіи, по которымъ и производили свое сооруженіе, что слѣдовательно храмъ Василія Блаженнаго въ сущности есть группа копій съ нѣсколькихъ храмовъ, уже существовавшихъ въ то время. Онъ казался преудивленнымъ именно только въ своей группѣ, состоявшей изъ девяти особыхъ храмовъ, воздвигнутыхъ на одномъ основаніи. Это самое и было дивомъ, то-есть предметомъ, еще небывалымъ въ тогдашнемъ каменномъ зодчествѣ. Немало изумлялись этому диву и иностранные путешественники стараго времени, напр. XVII столѣтія.

Храмъ строился нѣсколько лѣтъ и былъ сооруженъ «на возвѣщеніе чудесъ Божіихъ о Казанскомъ взятіи и Астраханскомъ» въ память славнаго покоренія татарскихъ приволжскихъ царствъ.

Послѣ взятія Казани, на этомъ-же мѣстѣ сначала (въ 1553 году) былъ постановленъ деревянный храмъ во имя св. Троицы Затѣмъ въ 1554 г. осенью былъ выстроенъ въ прибавку



Церковь Грузинской Божіей Матери въ Москвѣ.

къ первому тоже деревянный храмъ въ честь Покрова Богородицы съ придѣлами, освященный 1 октября. Поводомъ къ постройкѣ новаго храма, по всему вѣроятію, послужило взятіе Астрахани. Но благодарный побѣдитель татарскихъ царствъ, приписывая свои побѣды Божьему Промыслу, заступленію св. Богородицы и молитвамъ святыхъ угодниковъ, исполнился мыслію увѣковѣчить великое для Руси событіе памятникомъ, вполнѣ его достойнымъ. Лѣтомъ 1555 г.

царь повелѣлъ заложить церковь каменную, Покровъ, о *девяти* верхахъ. Черезъ четыре года, 1559 г., октября 1, восемь верховъ, то-есть придѣльные храмы, были уже сооружены и въ этотъ день торжественно освящены; «а большая церковь, средняя, Покровъ,—замѣчаетъ лѣтописецъ,—тогда еще не была совершена», слѣдовательно, окончательная постройка храма должна относиться уже къ слѣдующему 1560 году.

Святыя имена, въ честь которыхъ основанъ главный храмъ и его придѣлы, увѣковѣчиваютъ важнѣйшія дѣла и событія *Казанскаго и Астраханскаго взятія.* На самый Покровъ, 1 октября 1552 г., царь окончательно рѣшаетъ осаду Казани; на 2 октября, день Кипріяна и Устиніи, въ честь которыхъ основанъ и придѣлъ, произошелъ взрывъ городскихъ стѣнъ,



Новодѣвичій монастырь въ Москвѣ.

въ ту минуту, когда у царя за обѣднею дьяконъ, читая евангеліе, возгласилъ: «и будетъ едино стадо и единъ пастырь». За взрывомъ стѣнъ послѣдовало и взятіе города. Другія имена придѣловъ точно также сохраняютъ память славныхъ дней этого славнаго покоренія татарскихъ царствъ.

Первыя въ Москвѣ жилыя кирпичныя палаты заложилъ себѣ въ 1471 г. купецъ, прозваніемъ Тараканъ, жившій въ Кремлѣ подлѣ городской стѣны у Фроловскихъ или Спасскихъ воротъ. За нимъ послѣдовалъ митрополитъ Геронтій, построившій на своемъ дворѣ въ 1473 г. палату и ворота кирпичныя. Затѣмъ стали строить каменныя хоромы и бояре; нѣкоторыя изъ палатъ, не говоря ужь о великокняжескихъ, вѣроятно, были выстроены итальянскими мастерами, судя по оставшейся Грановитой палатѣ въ итальянскомъ стилѣ.

Спасаясь отъ огня за каменными стѣнами и въ каменныхъ палатахъ, великій князь обратилъ, наконецъ, вниманіе и на полицейское устройство города, и въ 1504 году впервые устроилъ по улицамъ рѣшетки, которыя составляли собственно уличныя рѣшетчатыя ворота, затворявшія входъ и выходъ въ ночное время. У каждой рѣшетки находился сторожъ, оберегавшій улицу и отъ пожара, и отъ злыхъ людей. Эту новую заботу великаго князя о земской безопасности населеніе встрѣтило съ большимъ одобреніемъ. Когда въ 1530 г. такія же рѣшетки заведены были и въ Великомъ Новгородѣ, то лѣтописецъ отмѣтилъ это событіе слѣдующимъ замѣчаніемъ: «прежде было въ городѣ отъ злыхъ людей много грабежу и татьбы и убійства и всякихъ злыхъ дѣлъ, а какъ начали стеречь у рѣшетокъ, то началась Божія милость, тишина великая по всему граду отъ лихихъ людей, хищниковъ и убійцъ, и многіе злые люди отъ той городской крѣпости изъ города разбѣжались и пропали безъ вѣсти, а другіе обратились на покаяніе и навыкли рукодѣлію».

Спустя 50 лѣтъ послѣ постройки каменнаго Китай-города и почти черезъ сто лѣтъ послѣ перестройки каменнаго Кремля былъ, наконецъ, заложенъ въ 1586 г. каменный городъ и вокругъ всего тогдашняго большого посада, который до того времени былъ укрѣпленъ только земляною *осыпью*, валомъ около 6 саж. шириною, насыпаннымъ, по всему вѣроятію, въ одно время съ постройкою Китай-городскихъ стѣнъ. Въ отличіе отъ двухъ каменныхъ городовъ, этотъ посадъ назывался тогда *Землянымъ городомъ*. Около земляной осыпи по ея чертѣ и были выстроены новыя стѣны изъ бѣлаго камня, толщиною въ 2 сажени. Постройка производилась русскимъ мастеромъ Кономомъ Ѳедоровымъ и продолжалась семь лѣтъ. Новый городъ былъ названъ *Царевымъ*, вѣроятно, по той причинѣ, что сооружался только на царскія деньги, между тѣмъ какъ Китай былъ выстроенъ на деньги, собранныя съ жителей всей Москвы и особенно съ торговыхъ людей. Въ народѣ онъ сталъ прозываться *Бѣлымъ* городомъ за его бѣлокаменныя стѣны.

Наконецъ, въ 1591 г., по случаю прихода къ самой Москвѣ крымскаго царя, вокругъ всѣхъ дальнихъ слободъ и посадовъ заложены были деревянныя стѣны съ воротами и башнями, сначала окрестъ замоскворѣцкихъ слободъ, а по уходѣ царя и вокругъ всей Москвы. Эта деревянная постройка была окончена въ одинъ годъ. По замѣчанію современниковъ-иностранцевъ, она отличалась очень красивою обдѣлкою, особенно въ башняхъ и воротахъ. Стѣны, толщиною въ три сажени, были только облицованы деревомъ, но внутри наполнены каменьемъ, глиною, пескомъ и землею. Обнесенное такими стѣнами пространство вокругъ всей Москвы прозывалось въ то время *Деревяннымъ* городомъ и *Скородомомъ* или *Скородумомъ*. Стѣны этого Скородума были заключительною, послѣднею чертою въ городскомъ устройствѣ древней Москвы. Въ Смутное время, въ дни Московской разрухи, при самозванцахъ, въ 1611 г., этотъ красивый деревянный городъ Скородумъ сгорѣлъ безъ остатка. По чертѣ оставшагося вала уже въ 1633 г. тоже на случай прихода крымскихъ татаръ выкопали ровъ и поставили острогъ (тынъ), а въ 1637—1640 г. возлѣ рва насыпали земляной валъ и обдѣлали его попрежнему деревянною облицовкою изъ бревенъ. Однако, вся мѣстность теперь стала прозываться уже Землянымъ валомъ и Землянымъ городомъ. Впрочемъ, на планахъ XVII столѣтія попрежнему показываются деревянныя стѣны съ башнями и воротами, которыя, по всему вѣроятію, построены въ тѣ-же годы, о чемъ упоминаютъ и современныя свидѣтельства, обозначая въ одно и то-же время сооруженіе вала, рва, острога и *деревяннаго* города.

Послѣ Смутной разрухи Москва, въ теченіе всего XVII столѣтія, только возобновляла и возстановляла свое прежнее устройство и свою прежнюю красоту. Такимъ образомъ, какъ городъ, она окончательно сложилась уже къ концу XVI столѣтія, когда вполнѣ сложилось и окрѣпло и само царское самодержавіе.

Въ концѣ XV и въ началѣ XVI столѣтія, въ то время, когда еще каменными стѣнами обнесенъ былъ только одинъ Кремль, въ Москву пріѣзжали нѣкоторые иностранцы, которые

описывали свои путешествія и оставили нѣсколько свѣдѣній и о самой Москвѣ. Первыя свѣдѣнія, относящіяся къ концу XV вѣка, весьма кратки. О Кремлѣ-замкѣ они говорятъ, что онъ расположенъ на холмѣ и со всѣхъ сторонъ окруженъ рощами; стало быть, и вся Москва была расположена, такъ сказать, въ лѣсу, что вполнѣ вѣрно. Всѣ строенія въ городѣ были деревянныя, не исключая и крѣпости, говоритъ Контарини, бывшій въ Москвѣ въ 1473 г., когда еще Кремль стоялъ въ старыхъ, столѣтнихъ каменныхъ стѣнахъ, быть можетъ отъ ветхости по мѣстамъ обдѣланныхъ деревянными. Посреди города, говорятъ путешественники, протекаетъ рѣка, черезъ которую для сообщенія построено нѣсколько мостовъ. По этому указанію можемъ судить, что замоскворѣцкая часть города и въ то время была очень значительна. Всѣ иностранцы удивлялись необыкновенному изобилію и дешевизнѣ въ Москвѣ жизненныхъ припасовъ, особенно такъ называемой живности, то-есть мяса и птицъ. Говядину продавали не на вѣсъ, а по глазомѣру, и кусокъ въ 3 фунта стоилъ не болѣе деньги или полукопѣйки серебра. А золотникъ серебра равнялся съ небольшимъ тремъ копѣйкамъ. Хлѣбъ въ зернѣ былъ также неимовѣрно дешевъ. Бочку зерна, которая именовалась *оковомъ* и заключала четыре четверти, покупали за гривну и дорого, если за 5 алтынъ, то-есть 15 коп. Отношеніе московскихъ цѣнъ къ цѣнамъ другихъ мѣстностей можно видѣть изъ того обстоятельства, что во время страшнаго голода по всей Московской области въ 1423 г. въ Москвѣ продавали бочку-оковъ хлѣба за 1 р. Въ Костромѣ 2 р. въ Нижнемъ 6 р. Итальянцы особенно дивились нашей зимѣ. Стужа здѣсь такъ сильна, говорили они, что самыя даже рѣки замерзаютъ, что жителямъ приходится топить въ своихъ домахъ цѣлые девять мѣсяцевъ въ году. Но они замѣтили, что въ это именно время и поднимается особое движеніе русской жизни. Лѣтнія рѣки и рѣчки безъ мостовъ; болота и лѣсныя грязи зимою повсюду становились твердымъ и надежнымъ мостомъ, который отовсюду-же поднималъ людей и вызывалъ предпріимчивость торговую и промышленную. Тогда со всѣхъ сторонъ въ Москву тянулись безконечные обозы съ запасами изъ деревень для вотчинниковъ-бояръ и другихъ господъ и съ запасами крестьянскими на продажу. Московскій торгъ въ то время перебирался на Москву-рѣку, которая въ тѣ времена и замерзала раньше, чѣмъ теперь, обыкновенно въ концѣ октября. На крѣпкомъ льду купцы ставили свои лавки съ разными товарами, и такимъ образомъ устраивался большой рынокъ или ярмарка, такъ что въ городѣ торговля почти совсѣмъ прекращалась. Купцы объясняли, что торгъ на льду Москвы-рѣки былъ тѣмъ хорошъ, что мѣсто было защищено отъ особой стужи и отъ вѣтровъ высокими берегами и городскимъ строеніемъ, а къ тому-же съ навезеннымъ зимнимъ товаромъ негдѣ было лучше и расположиться, какъ на этой обширной продольной площади, по самой срединѣ города.

На этотъ рынокъ ежедневно въ продолженіе всей зимы привозили хлѣбъ, мясо, свиней, дрова, сѣно, всякіе огородныя и садовыя овощи и всякіе надобные припасы. Мясо и разнородная живность больше всего привозились къ Николину дню. Въ Москву во время зимы съѣзжалось также множество купцовъ изъ Германіи и Польши для покупки различныхъ мѣховъ, такъ называемой *мягкой рухляди*, соболей, бобровъ, горнастаевъ, бѣлокъ, волковъ и пр. Торговля мягкою рухлядью тоже была торговля по преимуществу зимняя, и потому въ это время въ Москву-же отовсюду, особенно съ сѣвера, тянулись длинные обозы и съ этимъ дорогимъ товаромъ. Итальянцы обратили вниманіе и на тогдашнія зимнія повозки, крытыя сани. Съ виду такая повозка походила на домъ, запрягалась въ одну лошадь и могла помѣстить лишь одного человѣка съ необходимымъ количествомъ дорожнаго запаса. Ѣзда была необычайно скорая.

Кромѣ того, на Москвѣ-рѣкѣ въ зимнее время бывали конскія ристанія и другія увеселенія (непремѣнно кулачные бои); но нерѣдко участвующіе въ сихъ игрищахъ, замѣчаетъ Контарини, ломаютъ себѣ шеи.

По отзывамъ иноземцевъ, москвитяне, какъ мужчины, такъ и женщины, вообще были

красивы собою, но были весьма грубы и невѣжественны. Главнѣйшимъ ихъ порокомъ было пьянство, которымъ они даже похвалялись и презирали трезвыхъ. Винограднаго вина у нихъ не было, то-есть не было его въ народномъ употребленіи. Вмѣсто вина они пили медъ и пиво. Медъ въ особенности нравился иноземцамъ, не хуже дорогого вина. Съ торговыми людьми всякія дѣла можно было дѣлать только до полудня, когда они проводили свое время на рынкѣ; потомъ они отправлялись въ харчевни или домой ѣсть и пить. Послѣ обѣда, по обычаю, спали, и остальное время употребляли уже на домашнія дѣла. Спать послѣ обѣда повелѣвалъ еще Владиміръ Мономахъ, говоря, что въ это время и вся природа отдыхаетъ. Это былъ всеобщій древній русскій обычай. Движеніе въ городахъ въ это время прекращалось, и они становились мертвыми. Такъ, «людемъ въ полдень спящимъ», въ 1410 г. былъ внезапно плѣненъ татарами городъ Владиміръ на Клязмѣ.

Спустя 50 лѣтъ, къ этимъ свѣдѣніямъ иностранцы прибавляютъ новыя и болѣе подробныя.

Прежде всего они замѣчаютъ, что Москва находится, если не въ Азіи, то на самомъ краю Европы, очень близко отъ Азіи. Городъ деревянный и очень обширный, а издали представляется еще пространнѣе отъ множества садовъ и огородовъ, которые находятся почти при каждомъ домѣ и служатъ для удовольствія хозяевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ доставляютъ потребное количество плодовъ и овощей. Хоромы бояръ и знатныхъ людей были обширны и высоки. Дома рядовичей не были столь огромны, но и не слишкомъ малы и внутри довольно просторны; каждый раздѣлялся на три комнаты: гостиную, спальную и кухню. Было множество и простыхъ деревенскихъ избъ, даже курныхъ. Каждый дворъ отъ сосѣдей былъ огороженъ заборомъ. Вообще, всѣ постройки сооружались изъ бревенъ чрезвычайно крѣпко, дешево и скоро. Число домовъ, по перечисленію 1520 г., иностранцамъ казалось невѣроятнымъ: ихъ считалось 41.500.

Городъ былъ раскинутъ свободно и не имѣлъ еще опредѣленной городской черты, то-есть не былъ укрѣпленъ стѣнами, рвомъ и башнями. Стоявшіе въ окрестности монастыри издали сливались въ одну общую массу съ городскими постройками, такъ что обширность Москвы и въ то время представлялась въ тѣхъ-же чертахъ, какъ она существуетъ теперь.

Кремль, весьма красивый за́мокъ, въ это время былъ уже обнесенъ кирпичными стѣнами съ башнями и бойницами и защищенъ со стороны городского торга обширнымъ рвомъ; съ другой стороны—Москвою-рѣкою, а съ третей—Неглинною, которая у мѣстности теперешней Иверской площади была запружена въ цѣлое озеро, наполнявшее водою и упомянутый ровъ. На ней по теченію стояло множество мельницъ. Китай-городъ въ это время былъ окопанъ широкимъ рвомъ, наполненнымъ также водою, частію изъ Москвы-рѣки, частію изъ Неглинной. Третья рѣка, Яуза, защищала посадъ съ восточной стороны и также была запружена многими мельницами. Сообщеніе по городу особенно осенью и весною очень затруднялось по случаю непроходимой грязи, почему улицы и площади были покрыты деревянными мостовыми. Улицы на ночь запирались рѣшетками изъ бревенъ. Пропускали только знаемыхъ и почтенныхъ, которыхъ даже провожали до дому, а неизвѣстныхъ забирали подъ караулъ. Вообще, улицъ было много, но онѣ прерывались большими промежутками, открытыми полями. Въ каждомъ почти кварталѣ или слободѣ существовала своя церковь.

Въ окрестныхъ поляхъ, принадлежавшихъ городу, водилось необычайное множество дикихъ козъ и зайцевъ; охота на нихъ была строго воспрещена, потому что составляла особую потѣху самого государя и приближенныхъ бояръ.

Москвичи, главнымъ образомъ торговцы, по отзыву нѣмецкаго посла Герберштейна, почитались хитрѣе и лживѣе всѣхъ остальныхъ русскихъ. Въ особенности на нихъ нельзя было полагаться въ исполненіи договоровъ и условій. Они сами знали за собою этотъ грѣхъ и, когда случались сдѣлки съ иностранцами, то для возбужденія къ себѣ бо̀льшаго довѣрія, называли себя не москвичами, а иногородными, пріѣзжими купцами. Умѣнье обыграть дурачка — вотъ

въ чемъ заключалось торговое искусство тогдашней Москвы, и вотъ гдѣ коренились всѣ обманы и хитрости, о которыхъ говорятъ иностранцы. Изъ числа обмановъ первое мѣсто и занималъ *запросъ*, или, такъ сказать, испытанiе покупателя въ его опытности или знакомствѣ съ предметомъ купли, а введенiе въ торговый обычай запроса, по всему вѣроятiю, зависѣло отъ свойствъ главнѣйшаго въ то время московскаго товара, именно дорогихъ мѣховъ, достоинство которыхъ было такъ различно, что надлежащая цѣна имъ могла установиться только по доброй, такъ сказать, охотничей волѣ покупателя и продавца. Произволъ и своенравiе въ этомъ случаѣ господствовали въ полной силѣ. Такъ напримѣръ, собольи мѣха, продававшiеся обыкновенно сороками, цѣнились отъ 40 до 400 р. за сорокъ штукъ и выше. Такое распредѣленiе достоинства мѣха давало полную возможность и вовсе не обманное основанiе ставить запросъ въ этой торговлѣ на первомъ мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что и самъ продавецъ въ иныхъ случаяхъ никакъ не могъ угадать настоящей цѣны такому своенравному товару, который и добывался не рукодѣльемъ, а только Божiею милостiю и счастьемъ охотника. Эта до чрезвычайности неуловимая цѣна мѣховому товару, доставлявшая широкую возможность вести торговую игру въ дурачки, приносила Москвѣ очень много выгодъ.

Случалось иногда, что иностранный купецъ, привезши въ Москву товаръ и продавши его съ выгодою, могъ обратно купить тотъ-же самый свой товаръ по такой пониженной цѣнѣ, что охотно увозилъ его домой и продавалъ еще съ бо̀льшею выгодою. Подобныя обстоятельства происходили не столько отъ излишка въ привозѣ, сколько именно отъ успѣшныхъ оборотовъ въ торговлѣ мѣхомъ, который своею колеблющеюся цѣною производилъ необычайное колебанiе и въ цѣнахъ на иностранные товары. Иностранные привозные товары бо̀льшею частiю состояли изъ серебра въ слиткахъ, суконъ, шелку, шелковыхъ и золотныхъ матерiй, жемчугу, драгоцѣнныхъ камней, волоченаго золота, канители и т. п. Изъ Москвы вывозили въ Германiю мѣха и воскъ; въ Литву и Турцiю—кожи, мѣха и рыбные продукты; въ Татарiю—кожи, сѣдла, узды, одежды, суконныя и полотняныя, ножи, топоры, иглы, кошельки, зеркала и т. п., а тайно—и оружiе.

Привозимый товаръ подвергался осмотру и оцѣнкѣ для взятiя пошлинъ, но, кромѣ того, если вещи были очень дорогiя, рѣдкiя или потребныя для великаго князя, продавать ихъ воспрещалось до того времени, пока не будутъ показаны во дворцѣ. По этому случаю происходила иногда долгая проволочка, очень стѣснявшая купцовъ. Дѣлалось это съ тою цѣлью, чтобы самые лучшiе товары всегда находились только въ государевой казнѣ, потому что изъ казны товаръ шелъ въ награды и подарки своимъ людямъ за службу, а также и въ посольскiе дары. Великiй князь имѣлъ обычай дарить только то, чего нельзя было достать на рынкѣ ни за какiя деньги.

Не всякiй купецъ изъ иностранныхъ могъ прiѣхать въ Москву свободно, прямо отъ своего лица. Такимъ правомъ пользовались только поляки и литовцы. Шведамъ и нѣмцамъ позволялось торговать только въ Новгородѣ; туркамъ и татарамъ—только на ярмаркѣ Холопьяго городка, на устьѣ Малаги, гдѣ собирались и всѣ прочiе иноземцы. Но иностранные купцы всѣхъ земель, принятые подъ покровительство какого-либо посольства, могли съ тѣмъ посольствомъ свободно и безпошлинно ѣхать въ Москву и торговать отъ своего лица. Это былъ старый обычай, которымъ всѣ и пользовались. Не зная хорошо страны, каждый иностранецъ, прiѣзжая въ Москву, прежде всего попадалъ въ руки хитрыхъ пройдохъ со стороны гостинаго двора или великокняжескаго дворянства, дьячества и подъячества. Поэтому всѣ неодобрительные отзывы заѣзжихъ гостей о московскихъ и вообще русскихъ нравахъ нельзя принимать огульно въ полной истинѣ.

Многiе изъ иностранныхъ покупателей распространяли увѣренiе, что всѣ русскiе плуты, всѣ коварны и лживы и не надежны ни въ какой сдѣлкѣ. Прiѣзжавшiй въ Москву отъ римскаго императора посолъ Варкочь такъ говоритъ объ этомъ: «Нѣкоторые писатели изобра-

жаютъ москвитянъ непостоянными и грубыми до варварства, а потому и совѣтуютъ не вступать съ ними ни въ какія дѣла, но я долженъ замѣтить, что они имѣютъ тонкій, смѣтливый умъ и отличаются особенной приверженностью къ христіанской церкви, что доказывается уже тѣмъ, что клятвопреступничество нигдѣ не наказываютъ такъ строго, какъ у нихъ. По моему мнѣнію, они могутъ быть для насъ весьма полезными союзниками, хотя, съ другой стороны, могутъ и причинить намъ большой вредъ, если того захотятъ».

Въ этомъ отзывѣ и находимъ объясненіе всякаго недоброжелательства со стороны иноземцевъ и того обстоятельства, что, какъ они ни бранили Москву, все-таки тянулись къ ней за своими же выгодами. Вообще-же изъ всѣхъ иностранныхъ отзывовъ о московской торговлѣ



Московская улица въ концѣ XVIII вѣка.
(Съ гравюры Дюрфельда).

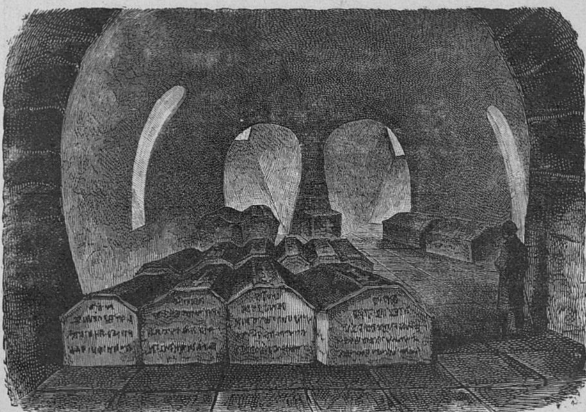
видно, что весь ея обманъ и всѣ ея плутовскія хитрости основывались на *запросѣ*, и что по запросу купцы продавали иной разъ очень дешевый товаръ за очень дорогую цѣну, но все-таки по добровольному соглашенію съ покупателемъ. Въ этомъ случаѣ для совѣсти въ торговлѣ не было мѣста, и потому древніе москвичи, если кто и ихъ обманывалъ тѣмъ-же способомъ, такого человѣка восхваляли, уважали и почитали настоящимъ мастеромъ своего дѣла. Продать, по добровольному соглашенію, за рубль то, что себѣ стоило копѣйку — въ этомъ и заключалась высшая торговая мудрость и высшее торговое искусство или тотъ московскій обманъ, о которомъ столько говорятъ иностранцы. Но они-же прибавляли: «Странно, однакожъ, что между русскими, которые вообще обманъ не считаютъ дѣломъ совѣсти, но, напротивъ, скорѣе называютъ его дѣломъ разумнымъ и достойнымъ похвалы, есть много такихъ людей,

которые почитаютъ грѣхомъ, если они не возвратятъ покупателю, передавшему имъ по ошибкѣ при расчетѣ, лишнія деньги. Возвратить такія деньги они почитаютъ себя обязанными, потому что передача случилась по невѣдѣнію и противъ воли покупателя, но передача въ цѣнѣ по доброй волѣ почиталась обыкновеннымъ барышомъ и не возвращалась».

Нѣтъ дыма безъ огня, и московская торговая вороватость несомнѣнно выросла и была воспитана на почвѣ сношеній и встрѣчъ съ вороватыми иноземцами. Каждый себя оберегалъ.

Многіе иностранцы почитали, и весьма справедливо, серединою или центромъ Москвы Китай-городъ, говоря, что *подлѣ* него находится крѣпость или царскій дворецъ, отдѣленный отъ него стѣнами и глубокимъ рвомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, относительно распространенія московскаго населенія въ древнее время, Китай-городъ, какъ посадскій торгъ, былъ основною силою городского развитія Москвы. Населеніе тѣснилось больше съ его стороны, чѣмъ со стороны Кремля, ибо не столько Кремль своею защитою, сколько Китай своею торговою промышленностію привлекалъ людей на постоянное жительство вокругъ его стѣнъ. Первое начало, зерно Китай-городского населенія, должно отыскивать на самомъ берегу Москвы-рѣки, гдѣ была устроена первая пристань для приплывавшихъ къ Москвѣ лодокъ, струговъ и проч. По всему вѣроятію, такая пристань находилась близъ теперешняго Москворѣцкаго моста или вообще между подоломъ Кремля и устьемъ Яузы, по всему низменному берегу. Отсюда въ гору, подлѣ Кремля, простирался первоначальный торгъ, или базарная площадь, которая потомъ была застроена *рядами* лавокъ. На взгорьѣ, поближе къ пристани, находился гостиный дворъ, первое основаніе котораго должно относить еще ко временамъ Калиты. Неизвѣстно, въ какое время онъ былъ обнесенъ (каменными) стѣнами, но въ началѣ XVI столѣтія онѣ уже существовали. Мы уже говорили, какъ обстраивался Китай-городъ. Теперь послушаемъ, что разсказываетъ о немъ очевидецъ, бывшій въ Москвѣ въ началѣ XVII столѣтія, еще до ея разоренія въ Смутное время.



Гробница іерарховъ въ Москвѣ.

«Трудно вообразить, какое множество тамъ лавокъ, коихъ считается до 40.000; какой вездѣ порядокъ, ибо для каждаго рода товаровъ, для каждаго ремесленника, самаго ничтожнаго, есть особый рядъ лавокъ; даже цырюльники брѣютъ въ своемъ ряду»... Петрей къ этому прибавляетъ, что Китайскій торгъ или рынокъ представлялъ четыреугольную площадь съ выстроенными изъ кирпича лавками, которыя были расположены улицами, рядами, по 20 съ каждой стороны четыреугольника.

«На каждой улицѣ встрѣчаются особенные и разные товары, такъ что на одной изъ нихъ совсѣмъ не тѣ, какіе на другихъ. На одной можно покупать разныя пряности, благовонія; на другой—разное сукно и полотно всякихъ цвѣтовъ и красокъ, какіе только можно назвать; на третьей—разнаго рода бархатъ, камку, атласъ и шелкъ; на четвертой—серебряныя и золотыя

вещи; на пятой - жемчугъ, драгоцѣнныя вещи и разныя украшенія, золотыя и серебряныя; также точно и дальше, такъ что на всякой улицѣ особенный товаръ».

Спустя лѣтъ 60 послѣ московской разрухи, другой иностранецъ, Рейтенфельсъ, описываетъ московскій торгъ слѣдующимъ образомъ:

«Красная площадь передъ Кремлемъ и другія мѣста, поблизости къ ней, цѣлый день кипатъ народомъ. Въ торговыхъ рядахъ каждый товаръ продается въ особой лавкѣ... Для каждаго рода товаровъ назначено особое мѣсто, въ томъ числѣ для продажи стараго платья и для низенькихъ лавочекъ брадобрѣевъ. Все это устроено такъ умно, что покупщику, изъ множества однородныхъ вещей, вмѣстѣ расположенныхъ, весьма легко выбирать самую лучшую.»

Рейтенфельсъ упоминаетъ при этомъ о трехъ гостиныхъ дворахъ, построенныхъ для иностранныхъ купцовъ. Первый, самый старый, гдѣ продавались товары для ежедневнаго употребленія, второй, новый, построенный при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ (1664 г.), въ которомъ хранились нѣмецкіе товары и собиралась вѣсовая пошлина. Это было лучшее строеніе во всей Москвѣ. Внутри его находился дворъ въ 180 шаговъ въ квадратѣ, обстроенный лавками со сводами, въ два яруса; посреди двора висѣли большіе городскіе вѣсы. На этомъ дворѣ собирались иностранцы, какъ на биржу; ихъ можно было находить здѣсь каждый день. Зимою весь дворъ такъ наполнялся санями, разными товарами и народомъ, что проходить нельзя, а надобно безпрестанно лазить. Здѣсь были горами наваленные астраханскіе осетры и стерляди, множество икры и разные черкасскіе и другіе товары. Въ третьемъ, или Персидскомъ (старомъ) гостиномъ дворѣ, построенномъ въ 1641 г., армяне, персіяне и татары занимали около 200 лавокъ съ разными товарами, которые они умѣли раскладывать искусно и пріятно для глазъ. Лавки были построены также въ два яруса. Отсюда широкая улица, гдѣ продавались всякія овощи и особенно много яблоковъ, даже и зимою въ подземельныхъ комнатахъ (погребахъ), выходила на рыбный рынокъ къ живому или пловучему мосту на судахъ черезъ Москву-рѣку, на другомъ берегу которой начиналось Козье болото—мѣсто наказанія преступниковъ. Въ противоположной сторонѣ, близъ Никольской, находился рядъ иконный, гдѣ продавались писаные образа святыхъ. Однако, покупку иконъ русскіе не называли куплею, а говорили, что они вымѣниваютъ ихъ на деньги и при этомъ большого запроса не бывало.

«На рынкѣ стоятъ всегда до 200 извозчиковъ, то-есть хлопцевъ съ одинакими санями, запряженными въ одну лошадь. Кто захочетъ быть въ отдаленной части города, тому лучше нанять извозчика, чѣмъ идти пѣшкомъ: за грошъ онъ скачетъ какъ бѣшеный, поминутно крича во все горло: гись, гись, гись (берегись),—и народъ разступается въ обѣ стороны. Въ извѣстныхъ мѣстахъ извозчикъ останавливается и не везетъ далѣе, пока не получитъ другого гроша. Этимъ способомъ онъ снискиваетъ себѣ пропитаніе и не мало платитъ своему государю. Все ихъ имѣніе—лошадь и повозка. Въ ѣздѣ они такъ упрямы, что, встрѣчаясь одинъ съ другимъ, скорѣе готовы сломать свои колеса, чѣмъ уступить одинъ другому дорогу, если только въ это дѣло не вмѣшаются сѣдоки».

Въ Китай-городѣ было шестеро воротъ и болѣе 10 башенъ, на которыхъ, какъ и по стѣнамъ и при воротахъ на землѣ, находилось множество осадныхъ и другихъ огнестрѣльныхъ орудій. Противъ воротъ, на Москворѣцкомъ мосту, стояло между прочимъ одно удивительное орудіе, которое заряжалось сотнею пуль, величиною въ гусиное яйцо, и столько-же давало выстрѣловъ. Это было нѣчто въ родѣ громадной митральезы. Другое орудіе стояло среди торговой площади въ направленіи къ тѣмъ же воротамъ. Это была мортира, царь-пушка, о которой очевидецъ-москвичъ замѣчаетъ, что она была вылита, кажется, только для показа: «сѣвъ въ нее, я на цѣлую пядень недоставалъ головою до верхней стороны канала. А другіе влѣзали въ это орудіе человѣка по три, и тамъ играли въ карты, подъ запаломъ, служившимъ имъ вмѣсто окна». Оба орудія были помѣщены на особыхъ возвышеніяхъ, построенныхъ изъ кирпича.



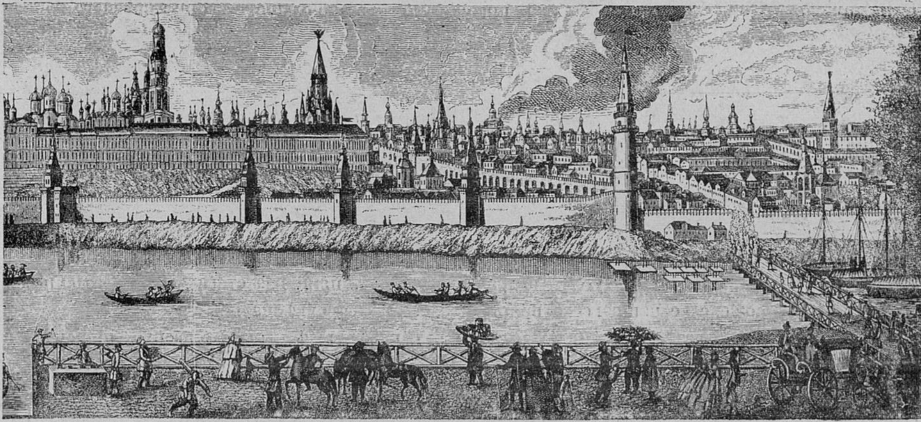
Видъ Кремля въ XVIII вѣкѣ.

Прямо противъ Спасскихъ воротъ Кремля и противъ улицы Ильинки красовался описанный чудный храмъ Покрова Богородицы (Василій Блаженный) и находилось и доселѣ находится Лобное мѣсто, или та старинная московская *степень* (возвышеніе, рундукъ) съ которой великіе князья, государи и цари говорили къ народу, что было надобно, и гдѣ объявлялись ихъ повелѣнія и указы, касавшіеся общенародныхъ дѣлъ. Лобное мѣсто служило, такъ сказать, политическою и нравственною связью посадскаго торга съ государевымъ Кремлемъ. Лобное мѣсто отъ остальной площади было отгорожено мостовою улицею и тыномъ или надолбами.

Подлѣ стѣны Кремля проходилъ глубокій и широкій ровъ шириною 15 саж., выложенный бѣлымъ камнемъ. Изъ Спасскихъ и Никольскихъ воротъ черезъ ровъ лежали каменные большіе мосты, подобные теперешнему Троицкому черезъ Неглинную, гдѣ нынѣ Александровскій садъ.

По берегу рва, со стороны торговой площади, между Спасскимъ и Никольскимъ мостами, стояли небольшія церквицы, числомъ 15 престоловъ, сооруженныя на память о казненныхъ здѣсь людяхъ изъ бояръ и другихъ чиновъ при Іоаннѣ Грозномъ. Ихъ престолы впослѣдствіи, въ концѣ XVII столѣтія, были перенесены въ Покровскій соборъ.

Вся чистая площадь отъ улицы у Лобнаго мѣста къ Воскресенскимъ или Иверскимъ воротамъ въ старину прозывалась Пожаромъ. Здѣсь передъ всѣмъ торгомъ и совершались иногда лютыя казни. По поводу этихъ казней московскія преданія разсказываютъ слѣдующій случай: «Царь уразумѣлъ, что смерть царевичу Іоанну (котораго онъ самъ зашибъ) учинилась отъ злыхъ измѣнниковъ, и повелѣлъ *на пожарь,* среди Москвы, уготовить 300 плахъ, а въ нихъ 300 топоровъ, и 300 палачей стояли у плахъ. Московскіе князья и бояре и гости, всякаго чину люди, видя такую приближающуюся бѣду, исполнилась страха и ужаса... Съ утра, въ 3 часѣ дни, царь выѣхалъ на площадь въ черномъ платьѣ и на черномъ конѣ, съ сотниками и стрѣльцами, и повелѣлъ палачамъ забирать по человѣку изъ бояръ, изъ окольничихъ, изъ стольниковъ, изъ гостей и изъ гостиной сотни, по росписи, именитыхъ людей... Взяли прежде изъ гостиной сотни семь человѣкъ и казнили ихъ... Взяли осьмого, именемъ Харитона Бѣлеуленева, и не могли на плаху склонити; былъ великъ ростомъ и очень силенъ. И вскричалъ онъ къ царю съ грубостью: «почто, царь великій, неповинную нашу кровь проливаешь?» Многіе псари стали помогать палачамъ и едва могли приклонить его на плаху; отсѣкли ему голову, но отрубленная голова изспрянула изъ рукъ на землю и тамъ, сѣмо и овамо спрядывая,



(съ гравюры Махаева 1764 г.).

глаголала несвѣдомая... трупъ же его скочилъ на ноги свои и началъ трястися на всѣ стороны, обливая кровью вокругъ стоящихъ... Многіе палачи сбивали съ ногъ тѣло и никакъ не могли его уронить... а падающая съ него кровь, гдѣ упала, тамъ еще больше свѣтлѣлась и играла, красно вельми, какъ живая, и не отмывалась... Все видѣвшій царь пришелъ въ смущеніе и страхъ и отъиде въ свои палаты. Палачи тоже остались недвижимы. Въ 6 часъ дня отъ царя пришелъ вѣстникъ и объявилъ всѣмъ помилованіе. Площадь опустѣла, убраны были плахи и топоры; но трупъ Бѣлеуленева трясся весь день и во 2-ой часъ ночи упалъ самъ на землю. На утро, по царскому повелѣнію, тѣла казненныхъ погребли ихъ сродники».

Обликъ народной толпы на улицахъ относительно одежды въ древней Москвѣ отличался отъ нынѣшняго. Покрой одежды былъ одинаковъ и у богатыхъ и у бѣдныхъ — все отличіе заключалось въ достоинствѣ тканей. Богатые носили дорогое сукно и шелкъ, простой народъ—сермягу, армячину и другія сукна деревенскаго издѣлія.

По замѣчанію иностранцевъ, русская одежда была сходна съ греческою, но не съ татарскою, какъ обыкновенно думаютъ многіе русскіе европейцы.

Волосы на головѣ стригли гладко, подъ гребенку, и даже брили, оставляя неприкосновенною бороду. У бояръ бритыя головы почиталось даже щегольствомъ. Только священники носили волосы длинные, распущенные по плечамъ, да люди, подвергавшіеся церковной опалѣ, отращивали себѣ длинные волосы и никогда ихъ не расчесывали. Богатые, по случаю голой стрижки волосъ, носили небольшую шапочку, тафью, которая покрывала, впрочемъ, только одно темя, немного поболѣе маковки, и обыкновенно была богато вышита шелкомъ и золотомъ и украшена жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Въ такой шапочкѣ изображался еще Александръ Македонскій, а короткая стрижка волосъ была въ обычаѣ у Балтійскихъ славянъ, какъ изображался, напр., поморскій князь Святополкъ (1120 г.), съ бородою, но со стриженою головою. Стало быть, голая голова и тафья идутъ столько-же отъ татаръ, сколько и отъ древняго Востока вообще.

На тафью надѣвали шапку съ мѣховою опушкою и съ тульею наподобіе персидской или вавилонской шапки, какъ говоритъ Флетчеръ, указывая и здѣсь на древнѣйшія формы русскаго наряда. Обыкновенная форма шапочной тульи или вершка была конусообразная. Вершокъ спивался изъ цвѣтного бархата или другой шелковой и золотной матеріи и украшался спереди и назади, на прорѣхахъ, золотными петлями и запонами, жемчужными или изъ доро-

гихъ камней. Въ простомъ быту вершки шили изъ сукна и больше всего изъ краснаго. Бояре носили высокія, въ три четверти аршина, горлатныя шапки изъ мѣха горлового чернобурой лисицы. Въ такихъ шапкахъ съ мѣховою опушкою ходили и лѣтомъ. Впрочемъ, въ лѣтнее время вмѣсто шапокъ носили въ XV и XVI стол. бѣлые поярковые колпаки и круглыя шляпы. Колпаки шились также и изъ шелковыхъ тканей и украшались золотымъ шитьемъ, золотыми кистями и запонами изъ дорогихъ камней.

Шея всегда оставалась голою и вообще въ русскомъ нарядѣ никакого бѣлья, ни лентъ не было видно. Полотняная или шелковая сорочка, длиною до колѣнъ, всегда расшитая по вороту и рукавамъ разноцвѣтными шелками и золотомъ, украшалась, кромѣ того, стоячимъ воротникомъ изъ бархата въ $1^1/_2$ или въ 2 вершка вышины, который назывался ожерельемъ и очень богато украшался жемчугомъ и драгоцѣнными камнями и застегивался богатыми запонками. Такое ожерелье чаще всего пристегивалось къ сорочкѣ на петелькахъ.

Порты кроились изъ тафты и другихъ легкихъ шелковыхъ матерій, вверху широкіе, и стягивались снуромъ, который назывался гайтаномъ или гашникомъ.

Сверхъ сорочки надѣвали *зипунъ*, короткій и узкій кафтанъ (туника) длиною по колѣна, изъ легкой шелковой или шерстяной и бумажной ткани, съ длинными и узкими рукавами, которые на рукѣ собирались складками. Пристяжное богатое стоячее ожерелье, вышиною около 3-хъ вершковъ, надѣвалось и къ зипуну. Оно выпускалось наружу изъ подъ верхней одежды и твердо стояло подъ затылкомъ. Это былъ *козырь*.

Сверхъ зипуна надѣвали *кафтанъ* или *ферези* изъ парчевой ткани, иногда на ватѣ, длиною до ладыжекъ или до половины голени, до икръ, который застегивался напереди пуговицами съ нашивками-петлицами и подпоясывался персидскимъ кушакомъ или же поясомъ золотымъ, съ металлическими бляшками и дорогими каменьями. Къ кушаку привѣшивали ножъ въ ножнахъ и ложку въ футлярѣ, который назывался *лжичнемъ*.

Верхнее выходное платье называлось *ферезеею* или *ферезью* (что должно отличать отъ *ферезей*). Это былъ распашной длинный до пятъ кафтанъ изъ шелковой или золотной ткани съ кружевомъ по борту и по подолу, зимою на мѣху, съ длинными рукавами, у которыхъ подъ мышками оставлялись прорѣхи для продѣванія рукъ.

Подобная же одежда лѣтняя изъ камлота или другой такой же ткани съ стоячимъ высокимъ воротникомъ, украшеннымъ золотымъ шитьемъ, жемчугомъ и каменьями, называлась *охабнемъ*. Онъ застегивался большими шаровидными пуговицами съ петлицами.

Родъ охабня безъ подкладки, въ одинъ рядъ, изъ сукна или камлота и съ обыкновеннымъ воротникомъ назывался *однорядкою* и употреблялся при выходѣ во время непогоды и дождя, для сохраненія болѣе дорогого платья.

Рукава средняго и верхняго платья шились очень узкія, длиною до подола и длиннѣе. Многіе для большей статности закладывали ихъ узломъ за плечи, а когда надѣвали на руку, то они собирались во множество складокъ, такъ что едва было возможно высунуть изъ нихъ руку.

Сапоги шились изъ сафьяна, цвѣтомъ зеленые, голубые, желтые, красные и черные, длиною до самыхъ колѣнъ, съ длинными острыми носками, на высокихъ каблукахъ, съ желѣзными подковками. На ногахъ они сидѣли плотно и красиво. На передкахъ и ладыжкахъ и мѣстами по голенищу они украшались золотымъ шитьемъ и жемчугомъ съ каменьями. Носковъ не носили, но употребляли полотняныя онучки. Вообще богатые и достаточные люди любили носить сапоги цвѣтного сафьяна, а черные или простые, смазные дегтемъ, употреблялись по преимуществу въ простомъ быту. Нижнее платье—порты, у богатыхъ шелковые и золотные, заправлялись въ сапоги.

Въ среднемъ быту, у дворянства и посадскихъ, употреблялись ткани, менѣе богатыя, но обыкновенно суконныя, бумажныя и шелковыя, а въ праздникъ и золотныя. Ткани употребля-

лись всѣхъ цвѣтовъ, кромѣ чернаго, въ которомъ ходили только монахи и монахини, и пестраго, который носили татары, персы и другіе восточные народы.



Спасскія ворота.

Наиболѣе казистою частью русскаго наряда былъ *воротникъ, козырь,* какъ онъ именовался, если дѣлался очень высокимъ, и закрывалъ самый затылокъ. Отсюда идетъ поговорка ходить козыремъ, то-есть франтомъ, щеголемъ, важно, величаво. Затѣмъ казисто украшалась грудь

нашивками—петлицами и пуговицами. Украшались также запястья на рукавахъ (обшлага), прорѣхи подъ мышками и боковыя прорѣхи на подолѣ.

Въ мѣховыхъ одеждахъ шуба отличалась большимъ широкимъ воротникомъ, ниспадавшимъ до половины спины.

Изъ боярскаго сословія, мужчины, кромѣ дряхлыхъ стариковъ, никогда не выходили изъ дома пѣшкомъ, а равно не выѣзжали и въ экипажахъ, но всегда верхомъ на конѣ.

Женское платье покроемъ и общимъ характеромъ мало отличалось отъ мужского. Головной уборъ замужнихъ состоялъ изъ тафтянаго повойника или повязки, облегавшей голову плотно, подъ которою волосы тщательно подбирались и скрывались, ибо замужнимъ было за стыдъ обнажать свои волоса. По повойнику повязывалось очень искусными складками тонкое полотняное покрывало, называемое *убрусомъ*. Затѣмъ, при выходѣ, надѣвали развалистую широкую шапку изъ парчевой или атласной ткани, шитую золотомъ, унизанную жемчугомъ и камнями, съ опушкою изъ боброваго мѣха. Женскія шапки отличались отъ мужскихъ покроемъ окола, который спереди кроился съ небольшимъ мыскомъ (на лбу), а назади опускался на затылокъ съ цѣлью закрыть волосы и шею. Тулья и вершокъ также отличались отъ мужскихъ болѣе приземистою формою, которая бывала или круглая, сферическая, или столбунцовая (цилиндромъ). Зимою носили *треухи* и *каптуры*. Треухъ—золотная или шелковая шапка на мѣху съ тремя ушами для защиты ушей и затылка. Каптуръ — шапка мѣховая соболья, вполнѣ защищавшая голову отъ всѣхъ напастей погоды. Его потомокъ, вышедшій почти изъ употребленія, есть извѣстный капоръ.

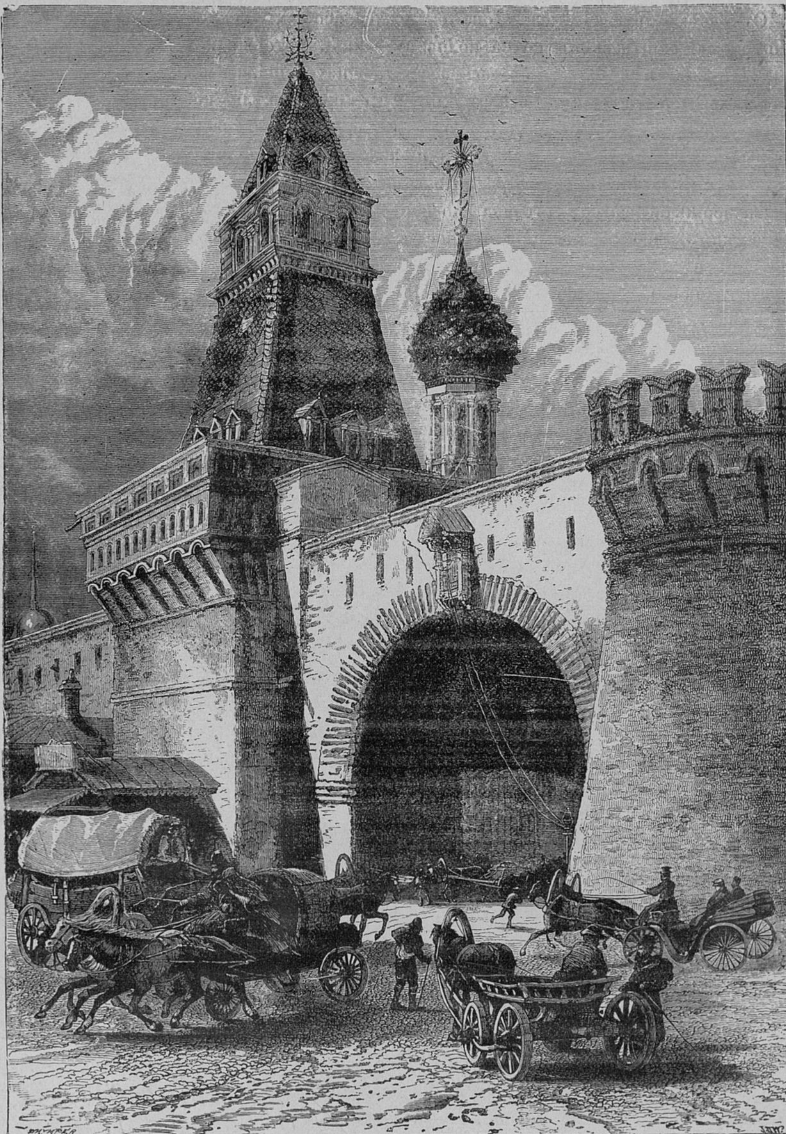
Лѣтомъ носили бѣлыя валеныя круглыя шляпы мужского образца съ широкими полями, перевязанныя по тульѣ снуромъ или цвѣтными лентами, съ золотымъ шитьемъ, съ жемчугомъ и каменьями и кистями, которыя съ одного боку ниспадали къ плечамъ. Эти шляпы съ наружной стороны покрывались левкосомъ, масляною бѣлою краскою, и потому ихъ чаще всего надѣвали для дождя.

Впрочемъ, лѣтомъ чаще всего по убрусу надѣвали бѣлое тонкое полотняное или кисейное покрывало, унизанное жемчугомъ, которое подвязывали у подбородка, оставляя на виду длинныя висящія кисти, золотыя или жемчужныя.

Въ ушахъ носили длинныя серьги; на шеѣ стоячее ожерелье въ родѣ воротника, шириною въ четыре пальца, шитое золотомъ, низанное жемчугомъ и каменьями, а на груди крестъ или *монисто*, то-есть ожерелье изъ бусъ и запонъ.

Одежду женщинъ составляли: сорочка *бѣлая* (бѣлье), на которую надѣвали сорочку *красную*, нарядную (платье), то-есть сорочку, шитую изъ бумажной или шелковой легкой ткани, также изъ кисеи, но по бóльшей части изъ тафты алаго, бѣлаго, желтаго цвѣта и проч. или полосатую—бѣлую, зеленую, желтую и т. п. Эти сорочки по швамъ, а также на рукавахъ отъ запястья, на груди и на плечахъ узорочно вышивались цвѣтными шелками, золотомъ, серебромъ или прокладывались золотымъ или серебрянымъ снуркомъ или поясомъ (тесьмою), вынизывались жемчугомъ и дробницами, то-есть разновидными золотыми или серебряными бляшками и т. п. Нарядныя сорочки отличались неимовѣрно длинными рукавами, отъ 4 до 6 аршинъ длины и болѣе, которые искусно собирались на рукѣ во множество мелкихъ складокъ, такъ что въ зимнее время эти складки защищали руки даже отъ холода. Вмѣсто нарядной сорочки употреблялась *шубка* такого-же покроя, но шитая по большей части изъ тонкаго сукна. Это была одежда комнатная, домашняя.

При выходѣ со двора надѣвали *тѣлогрѣю*—верхнее распашное платье съ длинными до полу рукавами и съ проймами подъ мышками, въ которыя продѣвали руки, покрытыя отъ кистей до плечъ складками нарядной сорочки. Рукава тѣлогрѣи оставались висящими или складывались за спиною въ перекладку другъ на друга. По вороту, по поламъ и по подолу эта одежда окаймлялась кружевомъ золотнымъ или шелковымъ, шириною вершка въ два и болѣе.



Никольскія ворота въ Москвѣ и рынокъ.

Напереди полы застегивались отъ ворота до подола множествомъ пуговицъ, отъ 15 до 30. Тѣлогрѣи зимнія подбивались мѣхомъ. Въ XVI столѣтіи онѣ назывались женскими ферезями.

Другая верхняя одежда, надѣваемая на сорочку—платье, называлась *лѣтникомъ*, который не былъ распашнымъ, кроился такъ же, какъ сорочка, безъ разрѣза на полы, и надѣвался съ

головы. Отъ всѣхъ другихъ одеждъ онъ отличался особымъ покроемъ рукавовъ, длинныхъ и очень широкихъ, сшитыхъ только на половину длины, которые и назывались не рукавами, а *накапками*. Нижняя ихъ доля оставалась несшитою и украшалась *вошвами*, особыми платами, косынями изъ парчевой ткани, такъ что на рукѣ они висѣли какъ перегнутое полотенце. Вошвы изъ атласа или бархата всегда богато украшались шелковымъ и золотымъ шитьемъ, унизывались жемчугомъ, дорогими каменьями, золотыми дробными бляшками. Вмѣсто подольнаго кружева къ лѣтнику пришивался подольникъ или кайма изъ ткани другого цвѣта, шириною въ два вершка. Взамѣнъ лѣтника, носили *опашень* или *охабень*, распашное платье, сходное съ мужскимъ того же названія, полное, съ широкими полными и длинными до подола рукавами и съ отложнымъ воротникомъ или ожерельемъ. Полы застегивались на петлицахъ большими пуговицами, величиною съ грецкій орѣхъ и чуть не съ куриное яйцо. По поламъ и подолу одежда украшалась золотнымъ кружевомъ. Зимній опашень на мѣху назывался шубою. Къ числу зимнихъ одеждъ принадлежалъ также *кортенъ*, родъ лѣтника на мѣху, и *распашница*—мѣховой лѣтникъ распашной, съ разрѣзомъ на полы.

При лѣтникахъ и шубахъ носили мѣховыя бобровыя ожерелья, то-есть круглыя широкія въ полъ-аршина воротники въ родѣ пелеринъ, покрывавшіе грудь, плечи и спину. Посадскіе по праздникамъ носили епанечки, короткія шубейки, тоже съ длинными висячими рукавами.

При выходахъ въ церковь или въ гости, женщины и дѣвицы носили въ рукахъ *ширинку*, носовой платокъ, у богатыхъ роскошно украшенный золотнымъ и шелковымъ вышиваньемъ съ жемчужнымъ низаньемъ и окаймленный золотными кистями.

Запястья рукъ покрывались богато вышитыми золотомъ и низаньми жемчугомъ и каменьями запястьями нарядной сорочки-платья. Но носили также и особое запястье, родъ браслетъ, однако, не металлическое, а нашивное на шелковую ткань изъ жемчуга и каменьевъ, шириною пальца въ два.

И въ мужскомъ и въ женскомъ нарядѣ, не только у богатыхъ, но и въ простомъ быту, всегда можно было видѣть жемчугъ, который въ Россіи употреблялся болѣе, чѣмъ во всей Европѣ. Въ женской, какъ и въ мужской одеждѣ, наиболѣе казистою частью наряда было кружево, которымъ широко окаймлялись полы и подолъ одежды.

Наиболѣе употребительною обувью у женщинъ были сапожки-чеботы изъ цвѣтного сафьяна: желтаго, краснаго, голубого, бѣлаго, на очень высокихъ каблукахъ, около 3 вершковъ вышиною, съ подковками и съ подбоемъ мелкими гвоздями. Отъ высокихъ каблуковъ они не могли и ходить много, потому что должны были ступать на цыпочкахъ, едва касаясь земли передкомъ башмака. Голенища и передки у богатыхъ украшались золотымъ и серебрянымъ шитьемъ и жемчугомъ. Носили также башмаки и чулки шерстяные, очень косматые, безъ подвязокъ. Башмаки у богатыхъ украшались тоже золотымъ шитьемъ и жемчугомъ.

Общій характеръ женской одежды заключался въ томъ, что она была просторна и очень мало или и совсѣмъ не обнаруживала никакихъ частей тѣла, что на европейскій взглядъ казалось нелѣпымъ и безобразнымъ. Иностранцы говорили, что вся одежда женщинъ была развязана и разстегнута, отчего толщина тѣла казалась безобразною. Любимый цвѣтъ тканей у замужнихъ былъ алый и желтый для шелковыхъ и красный для суконныхъ; у дѣвицъ по преимуществу лазоревый и бирюзовый. Повсюду на казистыхъ мѣстахъ, на плечахъ и у запястьевъ рукавовъ, на груди, по поламъ и подолу одежда украшалась нашивнымъ кружевомъ или шелковымъ и золотнымъ шитьемъ и жемчужнымъ низаньемъ. У небогатыхъ употреблялось одно шелковое шитье.

Одежда дѣвицъ не отличалась отъ женской. Отличался только головной уборъ. Онѣ ходили съ открытыми волосами, которые въ прическѣ раздѣлялись пополамъ и заплетались въ одну или двѣ длинныя косы. Конецъ косы украшался накосникомъ—золотою подвѣскою или кистью и также алою лентою. Ленты больше всего употреблялись при двухъ косахъ, накосникъ—при

одной. Головной дѣвичій уборъ состоялъ или изъ вѣнка, сплетеннаго изъ золотыхъ, жемчужныхъ и коралловыхъ прядей, или же изъ вѣнца, особой повязки, не закрывавшей темени, унизанной сверкающими звѣздочками и жемчугомъ. Щегольствомъ также считалось носить на пальцахъ много перстней.

Лицо свое и женщины, и дѣвицы, и боярыни, и особенно посадскія такъ сильно и неискусно покрывали бѣлилами и румянами, что съ перваго взгляда казалось, будто онѣ вымазаны мукою и потомъ кисточкою раскрашены красною краскою. Брови и рѣсницы сурмили черною, иногда коричневою краскою.

Простой и небогатый народъ одѣвался, конечно, попросту. Мужчины ходили въ однорядкѣ изъ бѣлаго или синяго толстаго сукна, которую въ зимнее время надѣвали поверхъ овчиннаго кафтана. На головѣ мѣховая шапка, на ногахъ сапоги, а у мужиковъ—лапти. Лѣтомъ ходили въ однѣхъ рубашкахъ и портахъ.



Часовня Иверской Божіей Матери.

Праздничный нарядъ женщинъ состоялъ изъ красной или синей суконной тѣлогрѣи, которая надѣвалась поверхъ мѣхового кафтана; а лѣтомъ изъ сорочки или сарафана.

На головѣ носили шапки изъ какой-либо ткани, иныя—изъ бархата или парчи, но больше всего носили повязку. Безъ серегъ и безъ креста на шеѣ нельзя было увидать ни одной русской женщины, ни замужней, ни дѣвицы.

Домашній и общественный бытъ древнихъ москвичей очень наглядно рисуется въ извѣстномъ «Домостроѣ», который появился именно въ то время, въ половинѣ XVI столѣтія, когда московскій и вообще древнерусскій бытъ сложился окончательно въ крѣпкой самобытности.

Домострой признаетъ самостоятельнымъ, полноправнымъ членомъ общества лишь одну личность: родителя, главы дома, съ значеніемъ государя или господаря-хозяина-домодержца. Домострой прямо и называетъ его государемъ дома, также *настоящимъ, большимъ*, и къ нему только обращаетъ и всѣ свои поученія, назиданія и совѣты. Всѣ другія лица дома были собственно домочадцами, и служили какъ бы необходимой обстановкой, необходимымъ придаткомъ *настоящей* личности родителя-хозяина. Тѣмъ самостоятельнѣе и независимѣе передъ всѣми являлась личность владыки дома, что церковное поученіе налагало на него одного великую отвѣтственность передъ Богомъ за все доброе и за все дурное въ его домѣ относительно нравственныхъ и даже простыхъ хозяйственныхъ порядковъ. Исходя изъ естественныхъ уставовъ перворoccupied родительской опеки надъ младшими, этотъ идеалъ зналъ одно неколебимое жизненное начало, что воля старшаго есть непреложный законъ для младшихъ. На томъ стояло и все нравственное поученіе древности. Какую же личную волю воспитывалъ и приготовлялъ для дѣятель-

ности въ обществѣ нашъ древній Домострой? Съ одной стороны, въ лицѣ старшаго, онъ воспитывалъ, утверждалъ и освящалъ самый безграничный произволъ, стало быть, полную необузданность воли. Съ другой стороны, въ лицѣ каждаго младшаго, онъ воспитывалъ, утверждалъ и освящалъ безпрекословную покорность и послушаніе, безграничное приниженіе личности, полное дѣтство и раболѣпство воли. Между этими крайностями оставалось пустое мѣсто, пропасть, которая и составляла самое существенное зло въ развитіи древнерусскаго общества. Не существовало истинныхъ понятій о нравственной свободѣ лица, о достоинствѣ человѣческомъ, которое неизмѣнно примирило-бы упомянутыя крайности. Идея свободы понималась въ то время такъ же матеріально, какъ идея воли, и свобода значила собственно освобожденіе отъ чужой воли, а слѣдовательно — пріобрѣтеніе *своей воли*, то-есть произвола распоряжаться во всѣхъ обстоятельствахъ полнымъ хозяиномъ. По этимъ понятіямъ устраивался весь складъ отношеній между старшими и младшими, между властными и безвластными, зависимыми и независимыми, между сильными и безсильными, въ физическомъ, нравственномъ, служебномъ, общественномъ и политическомъ отношеніяхъ.

По указанію перваго московскаго царя Василія Іоанновича, у Русскаго государства существовало (да и доселѣ существуетъ) три коренныхъ врага: басурманство (мусульманство, кочевой востокъ), латинство (завидущій западъ) и *сильные люди* своей земли. Именемъ сильныхъ людей и обозначалась эта домашняя напасть необузданной своей воли, неотмѣнно дѣйствовавшей во всѣхъ порядкахъ государства. Всѣ, отъ царя и до простолюдина, хорошо чувствовали это зло, но не понимали, что корни его скрываются въ томъ же старомъ русскомъ «Домостроѣ».

Наиболѣе характернымъ выразителемъ древней русской общественности былъ веселый пиръ-обѣдъ, почестный столъ, почестный пиръ. Поэтому и народныя пѣсни-былины и старины, воспѣвавшія подвиги богатырей, весьма часто починаютъ свои сказанія описаніемъ веселаго пира. На пиръ сходились и пріѣзжали люди всякихъ сословій: князья, бояре, гости-купцы, люди посадскіе, поповичи, крестьяне, и чѣмъ почетнѣе и полнѣе былъ пиръ, тѣмъ разнороднѣе былъ составъ его гостей. На пиру въ особенности и обнаруживалась тѣсная связь между сословіями въ старой русской общественности. По пѣснямъ, на пиру починались или довершались богатырскіе подвиги. На пиру хвастали силой, богатствомъ, службой—и всякимъ добромъ, чѣмъ можно было похвастаться передъ людьми, то-есть выказать свое особое достоинство. Именно пировые богатырскіе подвиги и составляли въ этомъ случаѣ богатырское хвастовство. Народная поэзія изображала здѣсь наиболѣе существенныя черты стараго общежитія и очень вѣрно рисовала характеръ древней общественности или собственно общительности.

Въ древнемъ обществѣ, а слѣдовательно и на пиру, основою людскихъ отношеній были *честь* и *мѣсто*, то-есть извѣстный почетъ гостю, который неотмѣнно опредѣлялся мѣстомъ, такъ какъ и мѣсто въ свою очередь опредѣляло извѣстное достоинство человѣка, извѣстную цѣну его личности. Достоинство, цѣнность человѣческой личности здѣсь всегда опредѣлялось ея отчествомъ, породою, то-есть происхожденіемъ отъ извѣстныхъ родителей, отъ извѣстнаго рода или мѣста. «По имени можно мѣсто дать, по отечеству можно пожаловати», говорила богатырская пѣсня, разумѣя въ этомъ случаѣ не одно личное имя гостя, а непремѣнно его родовое имя, каковымъ, напр., у Ильи богатыря было — «Муромецъ», у Алеши богатыря — «Поповичъ» и т. д. Для достоинства личности важно было ея отчество, а потому отецкій сынъ, въ смыслѣ хорошаго, добраго отчества, предпочитался передъ всѣми, не имѣвшими достойной породы. Когда гость входилъ въ комнату, то-есть входилъ въ составъ собравшагося общества, то первая забота хозяина и первая мысль самого гостя заключались въ томъ, чтобы указать гостю, а самому гостю занять—подобающее мѣсто. Но какъ же распредѣлялись эти мѣста, гдѣ было наиболѣе достойное, гдѣ менѣе достойное? Откуда шелъ счетъ людскихъ достоинствъ?

Мы уже говорили, что прототипомъ нашихъ древнихъ жилищъ была клѣть, изба; что хоромы боярскія и царскія, какъ бы велики они ни были, представляли въ сущности совокупность клѣтей, поставленныхъ рядомъ или одна на другую и соединенныхъ сѣнями и переходами. Устройство избы извѣстно; оно почти неизмѣнно сохраняется и въ наши дни. Въ избѣ существуетъ противоположный входу передній уголъ, въ которомъ ставятся иконы; у стѣнъ по всей избѣ идутъ лавки, въ переднемъ углу у лавокъ стоитъ всегда столъ, за которымъ совершаетъ трапезу живущая въ избѣ семья. Первое, *большое* мѣсто, гдѣ всегда садится старшій, большой въ семьѣ,—на лавкѣ, въ переднемъ углу, подъ иконами. Это самая высшая степень мѣстъ и отсюда идетъ счетъ мѣстъ, счетъ родового старшинства и меньшинства. И если мѣсто служило существеннымъ выраженіемъ родопочитанія, то и изба, въ своемъ неизмѣнномъ устройствѣ, съ своими лавками и переднимъ угломъ, составляла главную и самую необходимую основу для распредѣленія мѣстъ. Такъ тѣсно связаны были понятія предковъ съ внѣшними условіями ихъ быта. Если для взаимныхъ отношеній нужна была отчинная честь, для чести— мѣсто, то для мѣста совершенно была необходима лавка и именно въ избѣ, то-есть въ комнатѣ съ извѣстнымъ, однажды навсегда опредѣленнымъ устройствомъ и въ отношеніи плана и, главное, въ отношеніи меблировки. Одна лавка могла ясно опредѣлить степени мѣстъ, а потому и столъ приставлялся къ лавкѣ и при томъ въ передній уголъ, гдѣ находилась вершина мѣстъ. Тамъ ставили *большой* и прямой столъ; дальше по стѣнѣ въ заворотъ по углу ставился, если требовалось, уже меньшій столъ, прозываемый по своей фигурѣ *кривымъ*. Если царь обѣдалъ, напримѣръ, въ полѣ, въ шатрахъ, что̀ случалось нерѣдко во время выѣздовъ за городъ, то и шатеръ, по размѣщенію столовъ, принималъ тотъ же видъ избы, и здѣсь, какъ и въ палатахъ, ставился тотъ же *большой столъ* и тотъ же *кривой столъ*, явившіеся, какъ неизбѣжное слѣдствіе избного распорядка мѣстъ.



Красныя ворота въ Москвѣ.

Когда собирались гости, чужіе, то мѣсто въ переднемъ углу подлѣ домохозяина предоставлялось самому почетнѣйшему, большому или старшему по отношеніямъ и понятіямъ родопочитанія. Предложеніе сѣсть въ переднемъ углу принималось за высокую честь и почесть, какую только можно было оказать гостю, и потому это предложеніе почти всегда сопровождалось церемонными отказами съ одной стороны и усердными просьбами съ другой. Безъ церемоній, свободно и, можно сказать, по праву, это мѣсто въ простомъ быту занималъ только

священникъ, какъ лицо, болѣе другихъ почитаемое по сану, которому требовалось оказывать «велію любовь и повиновеніе и покореніе». А такъ какъ священническій санъ для лицъ, его носившихъ, представлялъ, по родовымъ понятіямъ, и ихъ *отечество*, то и дѣти священниковъ, поповичи, пользовались въ общежитіи правами отцовъ. Въ одной изъ эпическихъ пѣсенъ, князь Владиміръ, узнавъ отъ пріѣхавшаго на пиръ богатыря Алеши Поповича, что онъ—сынъ стараго попа соборнаго, предложилъ ему первое мѣсто. *По отечеству садися въ большое мѣсто, въ передній уголокъ*, говоритъ ему князь, въ другое мѣсто богатырское, въ дубову скамью, противъ меня; въ третье мѣсто,—куда самъ захошь. Алеша садился, какъ и всѣ почти пріѣзжавшіе на пиръ богатыри, на послѣднее мѣсто, на полатный брусъ, то-есть брусъ подъ полатями, въ концѣ лавокъ и избы.

Даже такъ называемое общинное начало жило въ тѣхъ же формахъ отчиннаго старшинства. Въ древнее время между городами считалось старшинство, слѣдовательно, не только отдѣльныя лица, но и цѣлыя общины во взаимныхъ отношеніяхъ вращались все-таки около общаго для всей жизни центра, около старшинства тоже какъ бы родового, потому что новые города или пригороды вели свое начало отъ старыхъ городовъ, были дѣтьми — колоніями. На вѣчахъ право *рѣшительнаго* голоса принадлежало старѣйшимъ.

Такимъ образомъ, и древній пиръ не носитъ въ себѣ ни малѣйшихъ признаковъ общиннаго начала, какъ бы слѣдовало, однакожъ, ожидать при извѣстномъ участіи этого начала въ жизни. Какъ въ семьѣ или родѣ, по послѣдовательному распредѣленію крови отъ старшаго, въ строгомъ смыслѣ, не можетъ быть двухъ лицъ, равныхъ между собою, такъ и на пиру нѣтъ равныхъ членовъ; здѣсь относительно всѣ или старшіе или младшіе, а еслибъ и явились такіе равные, вслѣдствіе ли запутаннаго сплетенія родственныхъ нитей или понятій объ отческой чести, то равенство ихъ тотчасъ же было нарушаемо сидѣньемъ на мѣстахъ. Мѣста на лавкѣ были неравны: начиная отъ бо́льшаго, они постепенно понижались. Одного мѣста двое занять не могли, слѣдовательно, кто-нибудь долженъ былъ сѣсть ниже. Хотя старина и чувствовала нелѣпость такихъ отношеній, замѣчая, что «бываетъ-де въ пирахъ и въ бесѣдахъ, что глупые люди, хотя и впереди сидятъ, но и тутъ ихъ обносятъ, а разумнаго и въ углу видятъ и находятъ», и благодушно утѣшая такимъ образомъ затерянную среди этихъ мѣстъ человѣческую личность,—тѣмъ не менѣе это *ниже*, этотъ счетъ отческаго старшинства принимался все-таки за главнѣйшее основаніе взаимныхъ отношеній.

Яркими красками рисуются эти отчинные счеты въ разрядныхъ запискахъ и особенно въ сочиненіи Котошихина. «Какъ у царя бываетъ столъ на властей (духовныхъ) и на бояръ, и бояре учнутъ садиться за столъ, по чину своему бояринъ подъ бояриномъ, окольничій подъ окольничимъ и подъ боярами, думный человѣкъ подъ думнымъ человѣкомъ и подъ окольничими и подъ боярами, а иные изъ нихъ, вѣдая, съ кѣмъ по породѣ своей *ровность*, подъ тѣми же людьми садитися за столомъ не учнутъ, поѣдутъ по домамъ, или у царя того дни отпрашиваются куды къ кому въ гости; и такихъ царь отпущаетъ. А будетъ царь увѣдаетъ, что они у него учнутъ проситься въ гости на обманство, не хотя подъ которымъ человѣкомъ сидѣть, или, не прошався у царя, поѣдетъ къ себѣ домовь: и такимъ велитъ быть, и за столомъ сидѣть, подъ кѣмъ доведется. И они садитись не учнутъ, а учнутъ бити челомъ, что ему ниже того боярина, или окольничаго, или думнаго человѣка сидѣти не мочно, потому что онъ *родомъ съ нимъ ровенъ*, или и честняя, и на службѣ и за столомъ прежъ того родъ ихъ съ тѣмъ родомъ, подъ которымъ велятъ сидѣть, не бывалъ: и такого царь велитъ посадити сильно; и онъ *посадити себя не даетъ*, и того боярина *безчеститъ и лаетъ*. А какъ его посадятъ сильно, и онъ подъ нимъ не сидитъ, а выбивается изъ-за стола вонъ: и его не пущаютъ и разговариваютъ, чтобъ онъ царя не приводилъ на гнѣвъ и былъ послушенъ; и онъ кричитъ: *хотя бы царь ему велитъ голову отсѣчь, а ему подъ нимъ не сидѣть*, и опустится подъ столъ; и царь укажетъ его вывести вонъ и послать въ тюрьму или до указу къ себѣ на очи пущати не ве-

литъ. А послѣ того, за то ослушаніе, отнимается у нихъ честь, боярство или окольничество и думное дворянство, и потомъ тѣ люди старые своея службы дослуживаются вновь. А кому за такія вины бываютъ наказанія, сажаютъ въ тюрьму, и отсылаютъ головою, и бьютъ батоги и кнутомъ; и то записываютъ въ книги, имянно, впредь для вѣдомости и спору».

Такъ было въ офиціальномъ быту, за столомъ царскимъ, гдѣ мѣсто имѣло въ нѣкоторомъ смыслѣ служебное значеніе; но та же сила отчинныхъ счетовъ была и въ частномъ быту, гдѣ мѣсто представляло только выраженіе почета, обхожденія. Родовая честь, отчинное старшинство, зорко и щекотливо преслѣдовала всякое, даже малѣйшее нарушеніе созданнаго ею порядка отношеній, и *мѣсто не по отчинѣ* служило величайшимъ оскорбленіемъ, позоромъ и безчестьемъ. Домострой называетъ *безумнымъ* того домохозяина, государя дома, который, нанося гостямъ оскорбленіе невѣжественными, грубыми поступками, между прочимъ, и мѣстомъ, обезчеститъ: «тотъ столъ, или пиръ, бѣсомъ на утѣху, а Богу на гнѣвъ, а людямъ на позоръ и на гнѣвъ и на вражду, а безчестнымъ (обезчесченнымъ) на срамъ и на оскорбленіе». Имѣемъ свидѣтельство, что и въ низменномъ, крѣпостномъ быту нерѣдко происходили тѣ же самые мѣстническіе счеты, изъ за которыхъ такъ стойко и упрямо шумѣли люди во дворцѣ.

Древній пиръ въ домашнемъ быту начинался особымъ, очень примѣчательнымъ обрядомъ, въ которомъ выражалось особое чествованіе и, можно сказать, гостепріимное поклоненіе хозяйкѣ-домодержицѣ. Въ началѣ честнаго пира хозяинъ дома призывалъ свою супругу здороваться съ гостями. Она приходила въ столовую комнату и становилась въ большомъ мѣстѣ, то-есть въ переднемъ углу; а гости стояли у дверей. Хозяйка кланялась гостямъ *малымъ обычаемъ*, то-есть до пояса, а гости ей кланялись *большимъ обычаемъ*, то-есть въ землю. Затѣмъ господинъ дома кланялся гостямъ большимъ же обычаемъ, въ землю, съ просьбою, чтобъ гости изволили его жену цѣловать. Гости просили хозяина, чтобъ напередъ онъ цѣловалъ свою жену. Тотъ уступалъ просьбѣ и цѣловалъ первый свою хозяйку; за нимъ всѣ гости, одинъ за однимъ, кланялись хозяйкѣ въ землю, подходили и цѣловали ее, а отошедъ, опять кланялись ей въ землю. Хозяйка отвѣчала каждому поясным поклономъ, то-есть кланялась малымъ обычаемъ. Послѣ того, хозяйка подносила гостямъ по чаркѣ вина двойного или тройного съ зельи. Это была водка или *государево горючее винцо*. Кто не пилъ горючаго, тому подносили кубокъ винограднаго, романеи, ренскаго или другого легкаго питья. Хозяинъ кланялся каждому (сколько тѣхъ гостей ни будетъ, всякому по поклону), до земли, прося вино выкушать. Но гости просили, чтобъ пили хозяева. Тогда хозяинъ приказывалъ пить напередъ женѣ, потомъ пилъ самъ, и затѣмъ обносилъ съ хозяйкой гостей, изъ которыхъ каждый кланялся хозяйкѣ до земли, пилъ вино и, отдавши чарку, снова кланялся до земли. Послѣ угощенія, поклонившись гостямъ, хозяйка уходила на свою половину, въ свою женскую бесѣду, къ своимъ гостямъ, къ женамъ гостей. Въ самый обѣдъ, когда подавали круглые пироги, къ гостямъ выходили уже жены сыновей хозяина или замужнія его дочери или жены родственниковъ. И въ этомъ случаѣ обрядъ угощенія виномъ происходилъ точно также. По просьбѣ и при поклонахъ мужей, гости выходили изъ за стола къ дверямъ, кланялись женамъ, цѣловали ихъ, пили вино, опять поклонялись и садились по мѣстамъ; а жены удалялись на женскую половину. Иностранныя свидѣтельства присовокупляютъ къ этому, что жены являлись угощать виномъ гостей только въ такомъ случаѣ, когда хозяинъ желалъ гостямъ оказать особенный почетъ, и когда дорогіе гости настоятельно просили о томъ хозяина. Цѣловались не въ уста, а въ обѣ щеки. Жены къ этому выходу богато наряжались и часто перемѣняли верхнее платье во время самой церемоніи. Онѣ приходили уже по окончаніи стола и при томъ въ сопровожденіи двухъ или трехъ сѣнныхъ дѣвицъ, то-есть вѣроятно также замужнихъ женщинъ или вдовъ, изъ служащихъ въ домѣ боярскихъ боярынь. Подавая гостю водку или вино, онѣ напередъ сами всегда пригубливали чарку.

Государево горючее винцо, или водку, заѣзжіе иноземцы называли *отличною*. Она бывала:

коричная, анисовая, гвоздичная, кардамонная, цитварная, кишнецовая и т. п. Горючее вино бывало простое, двойное и тройное, боярское, дворянское и съ махомъ, которое составлялось изъ двухъ долей простого и одной тройного. За водкою слѣдовали разнородныя блюда закусокъ. Въ постные, рыбные дни первымъ такимъ блюдомъ была капуста соленая или кислая съ сельдями, также грибы, особенно любимые грузди и рыжики. Здѣсь же ставились рядомъ всякія икры: бѣлыя, то-есть свѣжепосоленыя, красныя, малопросольныя, и черныя, совсѣмъ просоленыя, — осетровыя, бѣлужьи, севрюжьи, стерляжьи, щучьи и линевыя; черныя были: паюсная и луконная, зернистая и армянская. Икру подавали съ перцемъ и изрубленнымъ лукомъ, подбавляя иной разъ, кому нравилось, уксуса и прованскаго масла. Это вовсе не дурное кушанье, говорили иностранцы, особенно если, вмѣсто уксуса, надавить лимоннаго соку. Искони наша икра у грековъ и итальянцевъ почиталась нѣжнѣйшимъ кушаньемъ.

Возлѣ икры стояли блюда съ балыками, извѣстными тогда подъ именемъ *спинокъ* и *прутовъ* осетрьихъ, стерляжьихъ, бѣлужьихъ, семожьихъ и проч. Отъ балыковъ переходили къ вяленой и всякой провѣсной рыбѣ, которая вообще называлась сухою: лососина, бѣлорыбица, осетрина, бѣлужина и проч., при чемъ подавалось и ботвинье борщовое. Въ томъ же порядкѣ слѣдовала паровая рыба: сельди, щуки, стерляди, лещи, сиги и проч. Отъ парового недалеко жареное, и потому въ этомъ же отдѣлѣ кушаній подавали спинки и теши, свѣжія и просольныя, жареныя.

Такимъ образомъ, изобильныя холодныя, сухія и, наконецъ, жареныя закуски постепенно приходили къ ухѣ, или къ *ушному*, то-есть къ горячему. Ухи были: красныя и черныя, рядовыя и съ различными присдобами, напримѣръ, съ шафраномъ,—щучья, стерляжья, карасевая, окуневая, плотичья, лещевая, язевая, пескаревая, судачья, изъ одной рыбы или сборная и пр. Въ ряду съ ухами подавались и *кальи*: изъ лососа съ лимонами, изъ бѣлорыбицы со сливами, изъ стерляди съ огурцами и т. п., и кашицы, обыкновенно изъ гречневыхъ или овсяныхъ крупъ, съ рыбьими молоками, потрохами, снятками и пр.

На каждую уху подавали слѣдуемое къ ней *тѣльное*, то-есть тѣсто изъ рыбной мякоти съ приправою, испеченное въ видѣ различныхъ фигуръ, какъ-то: короваевъ, кружковъ, въ видѣ всякихъ рыбъ, а также и въ видѣ скоромныхъ соблазновъ, напримѣръ, въ видѣ поросенка, гуся, утки и т. п. Кромѣ того, къ этимъ супамъ подавали пироги и пирожки, по преимуществу подовые, приготовляемые обыкновенно на орѣховомъ или на конопляномъ маслѣ, съ различною начинкою изъ рубленой рыбы, съ горошкомъ, съ макомъ, съ маковымъ творогомъ, съ вязигою и пшеномъ, съ сигами, съ линями, сельдями, также пироги-луковники и пр.

Послѣ *ушного* слѣдовало *росольное* или просольное, всякая свѣжая и соленая рыба въ разсолѣ рыбьемъ, огуречномъ, сливномъ, лимонномъ, свекольномъ и всегда подъ *зваромъ*, какъ назывались тогдашніе соусы, съ хрѣномъ, чеснокомъ, горчицею. Къ этимъ блюдамъ подавались пироги и короваи пряженые. Въ этомъ-же отдѣлѣ ставились щи, раки, а лѣтомъ грибы печеные и вареные.

О рыбныхъ блюдахъ замѣтимъ, что икра и пруты-балыки приходили въ Москву изъ Астрахани и съ устья Дона. Въ особой славѣ была рыба сѣверная, семга двинская, терская, печорская, сухіе судаки бѣлозерскіе, осетрина шехонская, пласти глубоцкія, тверскія, соловецкія, сущь (снятки) муромскіе, суздальскіе.

Въ концѣ стола подавали хлѣбенное. Постное хлѣбенное заключалось въ различныхъ печеньяхъ разнаго вида, каковы были: пышки, пирожки-караси съ коринкою, съ малиною, съ изюмомъ, левашники, ягодники, и пр., пряничные рыжики, грузди и т. п.

Хлѣбенное особенно было разнородно и разнообразно въ дни Масленицы, почему оно и извѣстно было подъ именемъ *масленицкихъ ѣствъ*. Тогда подавались: оладьи большія одноблюдныя, среднія—по пяти на блюдо, и малыя—мелкія, всѣ на сахарѣ; также: хворосты пря-

женые—мелкіе пирожки и сочни, орѣшки пряженые, елки, шишки орѣховыя, шишки тѣстяныя, шишки миндальныя, рыжики, грузди.

Въ числѣ масленицкихъ пирожныхъ и пряниковъ первое мѣсто занимали, однако, пряничныя *рощи* бѣлыя и раскрашенныя съ позолотою. Это были большіе, въ цѣлое блюдо пряники, устроенные въ видѣ рощи съ деревьями, птичками, бесѣдками и пр. Въ Москвѣ ихъ потомки и теперь подаются на Масленицѣ и на Святой въ баняхъ и трактирахъ для сбора праздничныхъ денегъ.

Кромѣ того, на Масленицѣ подавали сыръ губчатый, который нравился и иностранцамъ; кисель бѣлый со сливками, кисель овсяный, молоко тверское (кислое), варенцы.

Рыбныхъ блюдъ не подавали только на первой и на Страстной недѣли въ Великій постъ. Тогда кушали хрѣнъ, рѣдьку, гренки, капусту крошеную, рыжики, грузди, толокно мѣшаное, левашники (лепешки съ сухими и вареными ягодами), дыни и арбузы, вареные въ патокѣ. Пили квасъ медвяной, квасъ житный.

Въ остальные дни Великаго поста къ обозначеннымъ блюдамъ прибавлялась икра осетрья, севрюжья, стерляжья, капуста грѣтая съ масломъ, грибы горячіе, лапша гороховая и соковая (маковая); пироги соковые сладкіе, пироги кислые съ молоками подовые; пирожки подовые съ рыжиками, съ маковымъ творогомъ; короваи: съ грибами, снятками, яблочный, съ пшеномъ да съ изюмомъ, сладкій съ винными ягодами; кашица сладкая съ винными ягодами, кисель сладкій красный (клюквенный), кисель сладкій бѣлый; потомъ уха лещевая, щучья, карасевая, язевая, осетрина и севрюжина вяленая, вареная подъ зваромъ, стерляди живопросольныя, пупки осетрьи, щученина вяленая—все подъ зваромъ. Къ концу подавалась гречневая протертая каша съ маковымъ молокомъ.

По субботамъ и воскресеньямъ въ Великій постъ къ числу упомянутыхъ блюдъ прибавлялись нѣкоторыя икры, ксени (рыбьи потроха) и кашицы: лососья, судочья, стерляжья, осетрья, бѣлужья; а въ хлѣбенномъ различное *пряжье*, пироги и пирожки пряженые съ пшеномъ, вязигою, рыбою, горошкомъ, левашники, луковники, блины съ маковымъ творогомъ, икры, вареныя въ уксусѣ и въ маковомъ молокѣ, икряники, кисели сладкіе. И на Страстной недѣлѣ появлялась прибыльная ѣства: дрочена въ маковомъ молокѣ, блины икряные, сыръ гороховой съ масломъ, кашица судочья съ пшеномъ, калья сняточная.

Такимъ образомъ, и Великій постъ не былъ особенно тяжелъ и сухоѣденъ, по крайней мѣрѣ для всѣхъ достаточныхъ людей.

Кромѣ того, въ четвертокъ на первой недѣлѣ и въ четвертокъ на Страстной въ изобиліи подавались «сладкія овощи», вареныя въ патокѣ полосы дынныя и арбузныя, яблоки, дули, вишни, рѣдька въ патокѣ и вареныя патоки съ инбиремъ, съ гвоздикою, съ перцемъ и простыя, подаваемыя въ особыхъ горшечкахъ; затѣмъ пастилы яблочныя и всякихъ ягодъ, взвары медовые и квасные съ изюмомъ и пшеномъ, также сладкіе кисели съ перцемъ, съ шафраномъ и пр.

Само собою разумѣется, что подвижные люди къ Богу держали постъ строже другихъ и не ѣли, напримѣръ, свѣжей рыбы, которая почиталась вообще слаще просольной; только въ Благовѣщеніе и въ Вербное воскресенье они разрѣшали такія блюда, а въ другіе праздничные дни питались сухими снятками и рыбою просольною. То-же исполнялось и въ Успенскій постъ, кромѣ дня Преображенія. Для строгихъ постниковъ подавали: горохъ тертый безъ масла или съ масломъ орѣховымъ, лапшу гороховую, грибы подъ хрѣномъ, грибы съ капустою, грибы тушеные, грибы съ лимономъ и съ миндальнымъ молокомъ, грибы въ тѣстѣ съ патокою, съ изюмомъ, да съ медомъ цыженымъ и т. п.

Начальнымъ мясоѣдомъ почитался Великоденскій, со дня Пасхи; за нимъ слѣдовали Петровъ, Госпожинъ и Рождественскій. Кушанья общія для всѣхъ мясныхъ дней состояли изъ слѣдующихъ блюдъ. По обычаю, обѣдъ начинался точно также съ холоднаго: первымъ блю-

домъ былъ ветчинный окорокъ со студенью; тетеревъ со студенью подъ шафрачомъ или подъ сливами, языкъ провѣсной, полотки гусиные, буженина, квашенина говяжья, солонина, говядина подъ огурцами. Затѣмъ слѣдовали жаркіе: говядина, баранина, гусь, индѣйка, тетеревъ, рябчики, утки, куропатки, зайцы и пр. Но отдѣлъ жаркихъ въ богатыхъ столахъ всегда начинался жаренымъ лебедемъ, который раскладывался на шесть блюдъ, да потрохъ лебяжій на шесть-же блюдъ. Тѣмъ-же порядкомъ подавались журавли и цапли. Бо́льшая часть жаркихъ приготовлялись на вертелѣ и подавались подъ различными взварами, каковы были: шафранный, гвоздичный, уксусный, бѣлый медвяный, луковый и др. За жаркими слѣдовало росольное: баранина, куры, цыплята, зайцы и пр.

Затѣмъ подавали горячія щи или шти богатыя, ухи (супы) куриныя, лапши съ зайцемъ кашицы (супы съ крупами), кальи, по бо́льшей части съ курицей или съ уткой; также супъ: потрохъ гусиный, уха—губа лосиная, уха—уши лосиныя. Къ горячимъ ставились пироги и пирожки, подовые и пряженые, съ бараниной, говядиной, курятиной, яйцами.

За симъ слѣдовали рубцы, сычуги, желудки, сальники, потрохъ бараній и т. п., а изъ хлѣбнаго: блины сырные, короваи блинчатые, битые, яитцкіе, оладьи сахарныя, кисель, каша со сливками, сыры губчатые и пр.

Каждый мясоѣдъ, смотря по времени года и соотвѣтственно старымъ обычаямъ, отмѣчался какими-либо особыми кушаньями, какихъ въ другіе мясоѣды не подавали. Такъ, съ Рождества Христова первымъ блюдомъ являлась голова свиная свѣжая подъ чеснокомъ, окорокъ свѣжій студеной и ососъ или поросенокъ росольной подъ чеснокомъ. Съ Успеньева дня зайцы жареные.

Съ Никитина дня (15 сентября) студень ножная говяжья подъ хрѣномъ, гусь дворовый кормный, съ Покрова—буженина, лебеди, журавли, цапли, утки, колбасы и свинина.

Въ Великоденскій мясоѣдъ подавали грибы-сморчки; въ лѣтніе посты и мясоѣды разные другіе грибы.

Что касается распредѣленія блюдъ, какъ они слѣдовали одно за другимъ, то въ этомъ случаѣ не примѣчается особенно строгаго порядка. Мы обозначили только самый общій планъ, въ какомъ по преимуществу распредѣлились всѣ кушанья. Повидимому это распредѣленіе во многомъ зависѣло отъ того, въ какомъ порядкѣ подавались вина и меды, какіе за какими слѣдовали. Мясо копченое и соленое подавалось и къ концу стола, по всему вѣроятію съ цѣлью заѣсть вкусно какое-либо питье.

Питейный поставецъ заключалъ въ себѣ простыя питья: квасы оржаной, овсяный, ячный, щавной, яблочный, кислыя шти, а также брусничную воду, малиновый морсъ и разные другіе ягодные морсы и медовые квасы; затѣмъ пьяное питье: брагу, пиво, особенно мартовское, ячное, овсяное, ржаное, меды различнаго приготовленія, красные, изъ разныхъ ягодъ, по преимуществу вишневый и малиновый, а также смородинный, можжевеловый, черемховый и пр. и бѣлые паточные со всякими пряностями, съ гвоздикою, мушкатомъ, кардамономъ и пр. Отъ особаго какого-либо способа приготовленія всѣ эти питья пріобрѣтали особыя прозванія: были меды приказный, боярскій, княжій, старый, вешній—весенній, цыженый, обарный, приварный, черствый, ковшечный, и т. п.; было пиво съ малиною, поддѣльное, хмельное, легкое и пр.; былъ квасъ боярскій, медовый, приказный, брага приказная.

Всѣ русскія старинныя питья, и простыя, и пьяныя, отличались превосходными качествами и очень нравились всѣмъ иноземцамъ, особенно меды, которые равнялись своимъ достоинствомъ самому лучшему иностранному ароматическому вину.

Изъ иностранныхъ винъ наиболѣе употребительными были: романея (бургонское), ренское и бастръ, канарское, потомъ мушкатель, алканъ (аликантъ), мармазея (мальвазія), французское бѣлое, кинарея (канарское), церковное. Вина пили кубками и братинами, каждый гость особо, а въ иныхъ случаяхъ чаша переходила въ круговую.

Богатые столы оканчивались сластями. Въ скоромный день въ изобиліи подавались сахары (конфекты), леденцы узорочные, зеренчатые, спицы леденцовыя красныя и бѣлыя и пр. Подавались какія-то диковинки цвѣтныя (раскрашенныя) и сухіе плоды, ягоды винныя, изюмъ, черносливъ, финики, коринка, грецкіе орѣхи, миндальныя ядра и русскія полосы арбузныя и дынныя.

Въ постный день вмѣсто сахаровъ въ изобиліи подавали пряники, масленицкія ѣствы: хворосты, мисенное (мелкое разновидное печенье), орѣхи, грузди, деревца, елки, шишки чешуйныя, рыжики, орлы, львы, раки, грифы, репьи, кони, индрыки (единороги), разныя птицы и животныя. Потомки этихъ пряниковъ и доселѣ существуютъ и больше всего приготовляются въ Твери.

Сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній о старинномъ русскомъ столѣ. По теченію года онъ дѣлился на двѣ самостоятельныя половины, на дни рыбные и мясные; рыбныя кушанья вообще были вдвое многочисленнѣе и пожалуй вкуснѣе, чѣмъ мясныя, а потому рыбный столъ, такъ сказать, господствовалъ надъ мяснымъ. Приблизительно, мясныхъ кушаній готовилось до 50, а рыбныхъ болѣе 100. Изъ 365 годовыхъ дней, рыбныхъ числилось 194, мясныхъ 171; дней скоромнаго масла и молока въ хлѣбномъ и пирожномъ печеніи числилось 183, дней постнаго масла—172; безрыбныхъ постныхъ дней насчитывалось только 10; дней виннаго питія считали 351 и дней не-винныхъ только 14.

Столъ изобиловалъ кушаньями, возбуждавшими жажду для добраго питья, солеными, росольными, копчеными, вѣтреными—провѣсными, паровыми и жареными съ различными, очень пряными приправами, между которыми чеснокъ и лукъ больше всего не нравился нѣмцамъ. Они говорятъ, что противный запахъ, остававшійся послѣ употребленія этихъ приправъ, распространялъ зловоніе не только въ частныхъ домахъ, но и въ царскихъ палатахъ. Восточные люди, ѣдавшіе такія кушанья, напротивъ, очень ихъ восхваляли. Припомнимъ, что и древній византійскій столъ также славился чеснокомъ и лукомъ и также не нравился латинскимъ европейцамъ.

Древнее русское поварское искусство не было особенно изысканно и хитро въ отношеніи состава и смѣнъ различныхъ приправъ. Готовили попросту, такъ сказать по крестьянски, и всѣ необходимыя приправы ставили на столъ. Каждый по своему вкусу прибавлялъ что требовалось. Поэтому иныя кушанья были малосолены и невкусны. Но повара хорошо знали пословицу, что недосолъ на столѣ, а пересолъ на спинѣ, и отвѣчали больше за искусство варить, чѣмъ за искусство приправлять.

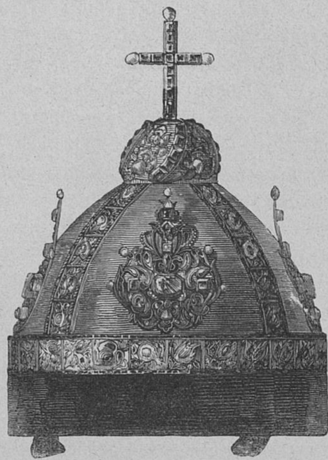
О нашемъ древнемъ столѣ иностранцы отзывались различно. Всѣмъ нравился бѣлый хлѣбъ, который они называли очень вкуснымъ. Всѣмъ особенно нравилась икра, особенно свѣжая и малопросольная. Нравилась также соленая рыба. О бѣлужинѣ они говорили, что ея мясо бѣлѣе телятины и вкуснѣе мозгу, и очень хвалили бѣлужью икру за ея крупныя зерна, величина которыхъ равнялась перцу. Холодныя кушанья по ихъ отзыву вообще приготовлялись отлично. Инымъ очень нравилась уха. Одни всѣми блюдами оставались очень довольны, другимъ все русское приготовленіе казалось невкуснымъ, отчасти отъ излишества масла, отчасти отъ меда, который употреблялся почти вездѣ вмѣсто сахара. О пирогахъ-пастетахъ прямо говорятъ, что они изготовлялись невкусно. Хвалили подовые пироги съ рыбой и говядиной. Хлѣбенныя пирожныя очень нравились, потому что иныя изъ нихъ приготовлялись на подобіе французскихъ. За русскимъ столомъ вовсе не подавалось никакой зелени, а ѣсть телятину почиталось великимъ грѣхомъ. Разсказывали, что царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный повелѣлъ сжечь однихъ рабочихъ, строившихъ въ Вологдѣ городскія стѣны, за то, что во время голода они съѣли теленка.

Должно замѣтить также, что ни росписи блюдъ, ни ихъ приготовленіе ни въ чемъ не измѣнялись въ теченіе цѣлыхъ двухъ столѣтій; въ XVI и XVII и наканунѣ Петровой ре-

формы, въ 1700 году, перечисляются и готовятся тѣ-же самыя кушанья, какія ставились на государевы столы при Іоаннѣ Васильевичѣ III-мъ.

О столовыхъ обрядахъ и обычаяхъ будемъ говорить въ слѣдующемъ очеркѣ.

И. Забѣлинъ.



Шапка сибирская.

ОЧЕРКЪ VII.

МОСКОВСКІЙ ГОСУДАРЬ ВЪ СВОЕМЪ БЫТУ ОБЩЕСТВЕННОМЪ И ДОМАШНЕМЪ.

Государевъ типъ вотчинника. — Вотчинное значеніе Москвы. — Государевъ дворецъ. — Составъ и устройство древне-русскаго жилища. — Составъ, устройство и убранство царскаго дворца. — Пріѣздъ во дворецъ. — Обрядъ царской жизни, ежедневной, комнатной и выходной. — Дворцовые обычаи. — Царскій гостепріимный столъ.

Государевъ дворъ
Середь Москвы,
Середь ярмонки;
Что вокругъ его двора
Все желѣзный тынъ;
Что на всякой на тычинкѣ
Все по маковочкѣ,
Все по тапочкѣ...
Изъ народной колядской пѣсни Клинскаго уѣзда.

Какъ видѣли изъ предыдущихъ очерковъ, Московское государство народилось и развилось съ растительною постепенностью изъ княжеской вотчины. Естественно поэтому, что весь его политическій и общественный составъ и весь строй его жизни по необходимости носили въ себѣ явный характеръ вотчинности. На это надо обратить особое вниманіе, если желаемъ правильно понимать свойства и характеръ всей Русской имперіи, которую мы до сихъ поръ все объясняемъ образцами и началами западнаго европейскаго развитія.

Титулъ Великаго государя, какъ обозначеніе особаго рода вотчиннической власти, былъ выработанъ, такъ сказать, изъ русскихъ источниковъ собственными домашними средствами. И, однако, пріобрѣтенная чуть не богоподобная высота царскаго сана нисколько не измѣнила русской сущности стараго вотчиннаго начала.

Служба бояръ и вообще сановниковъ существенна была тѣмъ же, чѣмъ служба дворовыхъ людей. Они были обязаны служить до послѣдней физической возможности, обязаны были каждый день съ утра рано являться во дворецъ, челомъ ударить государю, а запоздалый ихъ пріѣздъ, безъ причины, всегда влекъ за собой гнѣвъ и немилость государя. Безъ спроса у государя они не смѣли выѣхать изъ Москвы даже въ ближайшія свои пригородныя села и дачи, хотя бы на одинъ только день, для гулянья или для какого дѣла. «Да не токмо для гулянья своего отпрашиваются, присовокупляетъ Котошихинъ, но когда прилучится имъ котораго дни другъ у друга быти въ гостяхъ, и они отпрашиваются по такому-жъ обычаю».

Нѣкоторые свадебные чины XVI столѣтія указываютъ, что безъ спроса у государя бояре

едва ли могли жениться, женить своихъ сыновей и выдавать замужъ дочерей. По крайней мѣрѣ, они такъ же строго соблюдали обычай являться къ государю на другой день свадьбы со всѣмъ свадебнымъ поѣздомъ. Узрѣвъ государя, сидѣвшаго въ шапкѣ, всѣ кланялись въ землю. Государь спрашивалъ про жениховo и про невѣстино здоровье, при чемъ женихъ опять кланялся въ землю. Царь благословлялъ молодыхъ иконами, надѣлялъ ихъ дарами и угощалъ весь поѣздъ романеею, отличнымъ краснымъ виномъ и медомъ.

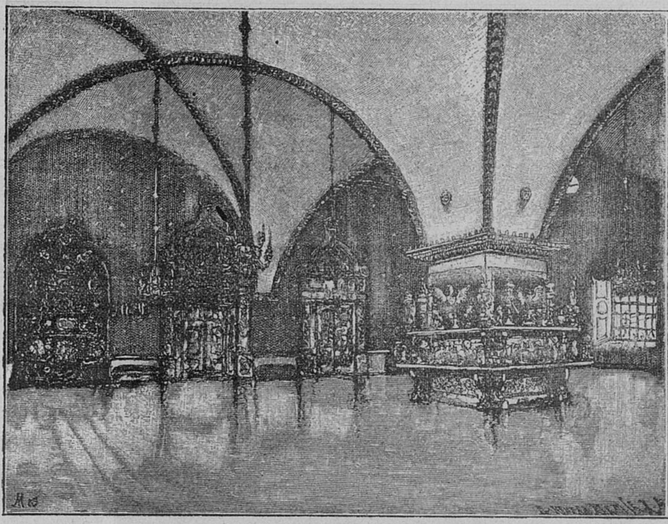
Въ свои именины каждый бояринъ ѣхалъ къ государю челомъ ударить и подносилъ ему именинный свой калачъ. Съ такими же калачами онъ обходилъ все царское семейство. То же самое дѣлали жены и дочери бояръ на царицыной половинѣ. Бояре и всѣ сановники вмѣняли себѣ въ особую честь и почесть получать каждый день съ царскаго стола, отъ обѣда и отъ ужина, *поденную подачу* и ставили себѣ въ большое безчестье, когда эта подача, по ошибкѣ или по другой какой причинѣ, до нихъ не доходила, размышляя, что ни царскаго гнѣва надъ собою, ни вины за собою не вѣдаютъ, а въ подачѣ передъ своею братьею обезчещены. Строгость наказанiй (батоги, тюрьма) за подобныя неисправности въ разсылкѣ подачъ указываетъ, какъ важно было значенiе ихъ для боярской чести и спеси. Все это черты обыкновеннаго, повседневнаго вотчиннаго быта, которыя, по глухимъ мѣстамъ, сохраняются даже и теперь, и которыя идутъ изъ глубокой древности, изъ первобытныхъ, патрiархальныхъ отношенiй государя-домовладыки къ своимъ домочадцамъ.

Вотчиннический, господарскiй типъ московскихъ князей обозначился даже въ самомъ устройствѣ ихъ стольнаго города Москвы. Жизненнымъ центромъ Москвы былъ государевъ вотчинниковъ дворъ, обстроенный деревнями, слободами и посадами, столько же на удовлетворенiе его собственныхъ нуждъ и потребностей, сколько вслѣдствiе сосредоточенiя подлѣ этого двора всякой власти и, стало быть, сосредоточенiя потребностей и нуждъ народа. Самый планъ Москвы, расположенiе ея улицъ и переулковъ, изъ которыхъ первыя, какъ радiусы, къ центру—Кремлю, другiе постоянно огибаютъ этотъ центръ, можетъ наглядно свидѣтельствовать, куда тянула жизнь и что управляло даже общимъ расположенiемъ городскихъ построекъ.

Старинныя русскiя хоромы, выросшiя органически изъ крестьянскихъ клѣтей, естественно сохраняли во всемъ своемъ составѣ и типъ и обликъ красиваго безпорядка, какимъ вообще отличается деревенское строенiе, ибо старинныя хоромы вполнѣ отвѣчали всему существу старинной нашей жизни, по преимуществу сельской-деревенской, вовсе не знавшей того города, которымъ въ свое время такъ славилась Западная Европа. Наши древнiе города, какъ и сама Москва, по устройству своей жизни, больше всего походили на села, а въ строительномъ порядкѣ представляли простую совокупность отдѣльныхъ селъ, деревень, слободъ, стоявшихъ другъ подлѣ друга на одной городской мѣстности. Хотя городская жизнь и имѣла свое особое начало и свои особые порядки, но относительно формъ быта она придерживалась типовъ села и деревни. Богатый или вообще достаточный дворъ, боярскiй, купецкiй или посадскiй, помѣстившись въ чертѣ города, ни на одну черту не измѣнялъ своего деревенскаго характера. И въ городѣ онъ совмѣщалъ въ себѣ порядки, какiе были необходимы только въ деревнѣ. Онъ ставилъ свои хоромы посередь двора, такъ сказать, посреди своей земли, огороженной заборами, а частью служебными постройками. Самые дворы, по свидѣтельству иностранцевъ, бывали такъ обширны, что на ихъ площади можно было помѣстить три или четыре тысячи человѣкъ. Затѣмъ въ своемъ хозяйствѣ каждый достаточный дворъ такъ особился, что заводилъ все свое, начиная съ Божьяго храма или часовни и оканчивая баней или мыльной. И въ городѣ каждое значительное хозяйство жило, какъ будто гдѣ въ лѣсу, одиноко и независимо отъ другихъ, и именно отъ города, то-есть отъ тѣхъ средствъ жизни, какiя обыкновенно доставляютъ приливъ многолюдства. Не даромъ большiе дворы заставлялись множествомъ клѣтей и подклѣтовъ различныхъ наименованiй: въ нихъ сохранялся всякiй запасъ—и столовый, и кормовой и ремесленный, какой только надобился въ хозяйствѣ. Въ разныхъ избахъ, горницахъ и подклѣ-

тяхъ жили цѣлыми семьями многочисленные *дворяне* этого двора, исполнявшіе всякія службы и всякое ремесло и художество для хозяина. Ближайшія службы ставились ближе къ хоромамъ, далекія тѣснились по окраинамъ двора, и все вмѣстѣ, такъ сказать, глядѣло на хозяйскій *верхъ*, какъ назывались господскія хоромы по отношенію ко всѣмъ служебнымъ помѣщеніямъ, находившимся въ хоромномъ подклѣтѣ, и ко всѣмъ дворовымъ постройкамъ, ни въ какомъ случаѣ не достигавшимъ высоты этого *верха*. Надо замѣтить, что тщеславіе богачей заставляло ихъ строиться очень высоко, и потому вышина господскаго *верха* всегда служила выраженіемъ и господскаго богатства.

Само собою разумѣется, что, думая о пользѣ и выстраивая хоромы такъ, чтобы онѣ вполнѣ отвѣчали всѣмъ потребностямъ житья и хозяйства, предки вмѣстѣ съ тѣмъ думали и о красотѣ и не мало старались о томъ, чтобы хоромы глядѣли красовито. Заботились объ этомъ не только богатые, но и бѣдные деревенскіе жители, которые также, сколько хватало умѣнья и вкуса, украшали свои избы и клѣти, и снаружи и внутри. По понятіямъ древности, первая красота зданія заключалась въ его покрытіи, въ его кровлѣ. Можно сказать, что въ этихъ понятіяхъ носилась мысль, представлявшая зданіе какъ бы живымъ существомъ; поэтому и кровля зданія, въ извѣстномъ отношеніи, пріобрѣтала значеніе головного убора, такъ какъ и окна пріобрѣтали значеніе очей. Подъ вліяніемъ такихъ сближеній, и кровля и окна сосредоточивали особую заботливость объ ихъ украшеніи именно въ такомъ характерѣ, какой проводилъ это уподобленіе съ бо́льшею выразительностью. Древнее окно, съ своимъ убранствомъ, съ своимъ высокимъ и затѣйливымъ фронтономъ (очельемъ) и наличниками, дѣйствительно глядѣло свѣтлымъ окомъ во всемъ строеніи. Что касается кровель, то ихъ красота заключалась въ самомъ строительномъ ихъ складѣ, чего и слѣдовало ожидать при устройствѣ вѣнца въ уборѣ зданія.



Грановитая Палата.

Кромѣ простыхъ двускатныхъ кровель съ кнесомъ или княземъ, конькомъ на вершинѣ, различныя строенія, смотря по особенностямъ ихъ оклада, покрывались разнообразными кровлями, которыя соотвѣтственно фигурѣ именовались колпакомъ, палаткою, скирдою, епанчею, шатромъ, кубомъ, бочкою. По большей части, покрытіе производилось гонтомъ въ чешую, въ томъ же родѣ, какъ послѣ крыли черепицею.

Въ XVI вѣкѣ кровли и куполы на царскомъ дворцѣ были покрыты золотомъ. Ихъ покрывали также бѣлымъ желѣзомъ съ золочеными репьями, деревяннымъ гонтомъ, который красили зеленью. Наличники и причелины у дверей и оконъ, лопатки, пилястры на стѣнахъ, подзоры-карнизы, пояса и всѣ выдающіяся архитектурныя части пестрѣли цвѣточною трав-

ною узорочною рѣзьбою и по камню и по дереву, и горѣли красками, а въ иныхъ мѣстахъ и золотомъ.

Въ XVI и XVII столѣтіи и въ царскомъ дворцѣ въ окнахъ стеколъ почти не употребляли. По большей части оконныя рамы устраивались изъ слюды, которая въ то время и на Западѣ была извѣстна подъ именемъ *русскаго стекла*. Слюда давала возможность рѣшетку рамы выдѣлывать различными фигурами въ видѣ репьевъ, круговъ, кубовъ, косяковъ и т. д., которые между собою скрѣплялись оловянными золочеными бляшками, цвѣтками, репейками, орликами и т. п. Кромѣ того, съ внутренней стороны слюда иногда расписывалась красками съ изображеніемъ бытовыхъ сценъ, людей, звѣрей, птицъ. Вообще окна сіяли какъ звѣзды на небѣ, и слюда блистала какъ серебро.

Великокняжескія хоромы, какъ древнѣйшія, такъ и строенныя во времена царей, сообразно назначенію ихъ въ домашнемъ быту государя, можно разсматривать какъ три особыя отдѣленія. Во-первыхъ, хоромы *постельныя*, собственно жилыя, или, какъ называли ихъ въ XVII вѣкѣ, *покоевыя*. Онѣ были необширны: три, много четыре комнаты, въ одной связи, служили весьма достаточнымъ помѣщеніемъ для государя; одна изъ этихъ комнатъ, обыкновенно самая дальняя, служила постельною, опочивальною, ложницею. Подлѣ нея устраивалась *крестовая* или моленная; другая имѣла значеніе теперешняго кабинета и называлась собственно *комнатою*. Наконецъ, первая по входѣ именовалась переднею, но не въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляется это слово теперь. Эта передняя была собственно пріемною; нынѣшней же передней въ древности соотвѣтствовали *сѣни*, которыя въ государевыхъ хоромахъ почти всегда были теплыя. Эти сѣни передъ переднею назывались обыкновенно *передними сѣнями*. Чуланы и каморки, устраиваемые въ комнатахъ, особенно же въ сѣняхъ, составляли, вмѣстѣ съ подклѣтями, обыкновенныя принадлежности постельныхъ хоромъ. *Сѣнникъ* и *мыльня*, принадлежавшіе также къ постельнымъ хоромамъ, соединялись съ ними сѣнями или переходами; мыльня же часто помѣщалась въ подклѣтѣ. Верхній этажъ такихъ хоромъ составляли свѣтлые чердаки или терема съ частыми окнами, съ гульбищами кругомъ всего зданія, украшенные башенками, прорѣзными гребнями и маковицами.



Въ старомъ кремлевскомъ дворцѣ.

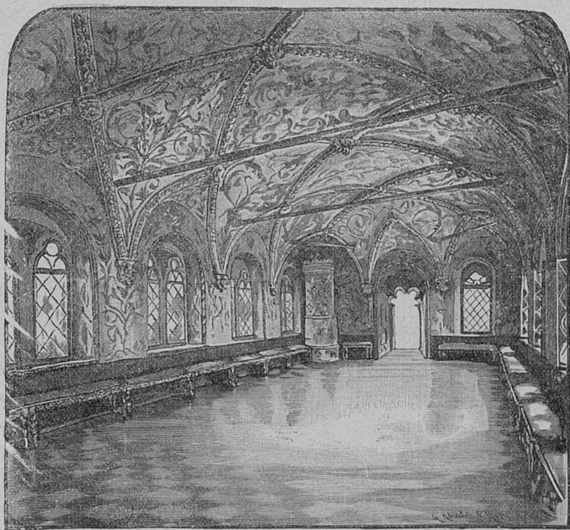
Княгинина половина, хоромы государевыхъ дѣтей и родственниковъ — ставились отдѣльно отъ жилыхъ хоромъ государя, и, съ небольшими измѣненіями, во всемъ походили на послѣднія.

Ко второму отдѣленію государева дворца относятся хоромы *непокоевыя*, назначенныя собственно для торжественныхъ собраній. Въ нихъ государь, слѣдуя тогдашнимъ обычаямъ, являлся только въ важныхъ, торжественныхъ случаяхъ среди бояръ и духовныхъ властей. Въ нихъ происходили духовные и земскіе сборы, давались праздничные и свадебные государевы

столы—словомъ, это были, въ деревянныхъ хоромахъ, парадные залы, которымъ соотвѣтствовали разныя палаты выстроеннаго впослѣдствіи каменнаго дворца. Сообразно такому назначенію, хоромы этого отдѣленія были обширнѣе прочихъ и стояли впереди хоромъ постельныхъ, которыя помѣщались обыкновенно въ глубинѣ двора.

Что же касается до названій, то эти хоромы не носили особыхъ именъ, за исключеніемъ развѣ *гридни*, а были извѣстны подъ общими именами *столовой избы*, *горницы*, *повалуши*.

Къ третьему отдѣленію принадлежали всѣ хозяйственныя дворовыя постройки, службы, располагаемыя почти всегда особыми *дворами* или *дворцами*, которымъ и давались названія, смотря по ихъ значенію въ дворовомъ обиходѣ государя. Извѣстны дворцы: конюшенный, житный, кормовой или поваренный, хлѣбный, сытный и проч. Что же касается до великокняжеской казны, заключавшейся обыкновенно въ серебряныхъ и золотыхъ сосудахъ, драгоцѣнныхъ мѣхахъ, дорогихъ тканяхъ и тому подобныхъ предметахъ, то великій князь, слѣдуя весьма древнему обычаю, сохранялъ эту казну бо́льшею частью въ спояхъ и подвалахъ или подклѣтяхъ каменныхъ церквей. Такъ, изъ лѣтописей узнаемъ, что казна великаго князя Іоанна Васильевича хранилась прежде въ церкви св. Лазаря, что теперь подъ теремомъ, а его супруги, великой княгини Софіи Ѳоминичны—подъ церковью Іоанна Предтечи на бору, у Боровицкихъ воротъ.



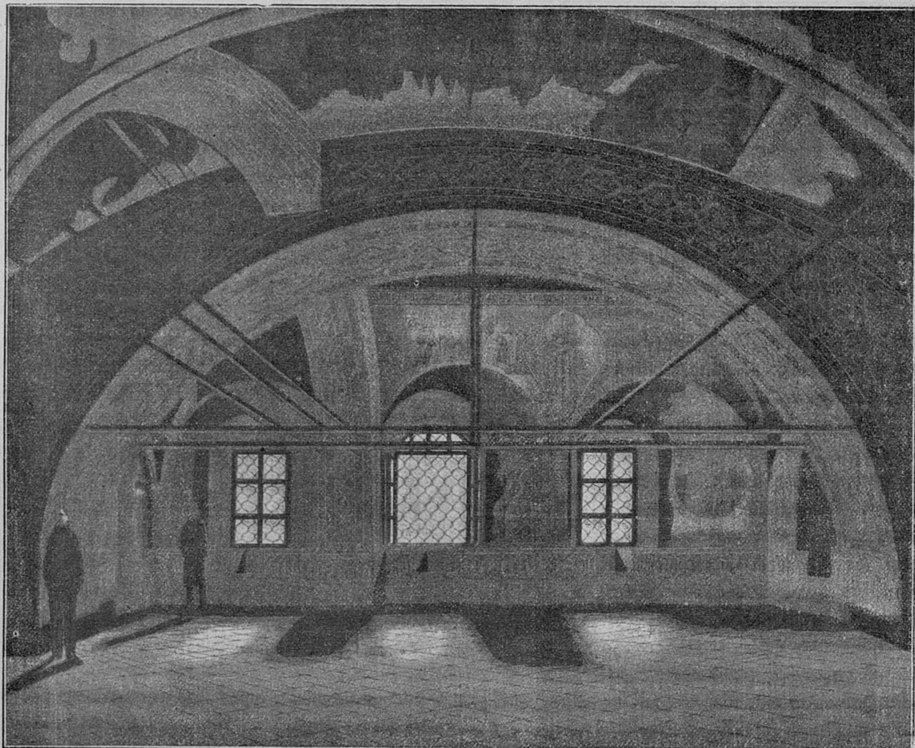
Коридоръ въ кремлевскомъ дворцѣ.

Крыльца и при каменныхъ палатахъ сохранили свое древнее значеніе хоромнаго крыла, и ставились съ совершеннымъ подобіемъ крыльцамъ деревяннымъ, каково, напр., было крыльцо и при Грановитой Палатѣ, названное Краснымъ.

Но что особенно напоминало древній характеръ хоромныхъ строеній—это *переходы*, или открытыя сѣни, которыя и въ каменномъ дворцѣ, по отдѣльности разныхъ палатъ и зданій, составляли такую же необходимость, какъ и въ хоромахъ деревянныхъ.

Въ лицѣ дворца, которое обращено было на площадь между соборами, стояли три палаты: *Грановитая*, выходившая на самую площадь, *Меньшая Золотая*, или Царицына, находящаяся до нынѣ въ углу этой древней площади, подъ Верхоспасскимъ соборомъ, между Грановитою и церковью Ризположенія, и *Средняя Золотая*, мѣсто которой теперь занято Георгіевской залой новаго дворца. Передъ Среднею палатою было *Красное Крыльцо*, простиравшееся отъ Благовѣщенскаго собора до сѣней Грановитой Палаты. Съ площади, которая называлась также *Красною*, на это крыльцо вели три лѣстницы; одна была собственно паперть Благовѣщенскаго собора, расположенная подъ двумя его придѣлами, почему и называлась *благовѣщенскою;* другая—*средняя*, не покрытая; и третья, у стѣны Грановитой Палаты, покрытая мѣдною золоченою кровлей въ видѣ трехъ шатровъ съ орлами наверху, устроенныхъ надъ тремя ея отдыхами или рундуками (площадками). На каменныхъ ея перилахъ лежали золоченые и раскрашенные львы—звѣри. Эта лѣстница еще со временъ царя Ѳеодора Іоанновича была извѣстна

подъ именемъ *золотой*, вѣроятно потому, что была расписана золотомъ и имѣла золоченую кровлю; въ XVII столѣтіи ее называли также *большою* и *красною*. Теперь она одна не совсѣмъ правильно называется Краснымъ Крыльцомъ. Между соборами Благовѣщенскимъ и Архангельскимъ стоялъ Казенный Дворъ, сохранявшій государеву *казну*—серебро и золото въ разныхъ вещахъ, дорогія золотыя, серебряныя, шелковыя и другія ткани и огромный запасъ *мягкой рухляди*, то-есть дорогихъ мѣховъ. Вообще на Казенномъ Дворѣ сохранялась всякая домовая казна, которая употреблялась на обиходъ государевъ, а также въ раздачу годового жалованья и въ награду за службу.



Золотая меньшая или Царицына Палата въ Московскомъ Кремлевскомъ дворцѣ.

Противъ Срѣтенскаго собора находился Запасный Дворъ, огромное зданіе, расположенное подъ горою Кремля къ Москвѣ-рѣкѣ, гдѣ находится также и обширный Житный дворъ. Надъ сводами Запаснаго двора были расположены набережные каменные красные сады, одинъ Верхній къ Боровицкимъ воротамъ, другой Нижній къ Тайницкимъ воротамъ.

Оба сада съ набережной стороны были обнесены каменными оградами въ видѣ обширныхъ оконъ, украшенныхъ разными красивыми рѣшетками. Изъ оконъ открывался чудный видъ на Замоскворѣчье. Въ садахъ, помимо обыкновенныхъ фруктовъ и ягодъ, воспитывались также виноградъ, грецкій орѣхъ и разводились арбузы.

Въ обоихъ садахъ по угламъ стояли *чердаки* или *терема*, родъ бесѣдокъ и павильоновъ,

замысловато украшенныхъ рѣзьбою и расписанныхъ цвѣтными красками, какъ устраивались вообще всѣ деревянныя украшенія этихъ садовъ. Ограда и стѣны садовъ и бесѣдокъ были украшены также перспективнымъ письмомъ, картинами. Въ Нижнемъ саду, кромѣ того, находился прудъ, въ который вода была проведена изъ Москвы-рѣки посредствомъ водозводной наугольной башни Кремля, что у Боровицкихъ воротъ. Дно пруда было выложено и опаяно свинцомъ. Этотъ дворцовый висячій прудъ особенно примѣчателенъ тѣмъ, что онъ служилъ маленькому Петру первоначальнымъ поприщемъ для потѣшнаго мореходства. Десятилѣтнимъ ребенкомъ, будущій строитель русскаго флота плавалъ здѣсь въ небольшихъ лодкахъ и кошагахъ.

Первое устройство этихъ садовъ можно относить ко временамъ Іоанна Грознаго, когда въ 1560 г. онъ построилъ здѣсь надъ кремлевской кручею на *взрубѣ* особыя хоромы для своихъ маленькихъ сыновей и при нихъ соборъ Срѣтенія. Извѣстно также, что первый самозванецъ здѣсь же на взрубѣ построилъ себѣ деревянный дворецъ, изъ котораго послѣ принужденъ былъ выброситься изъ окна подъ гору, на Житный Дворъ.



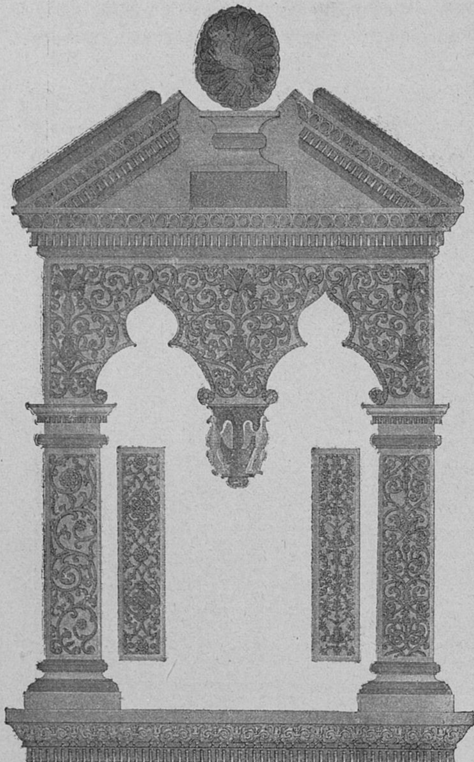
Рѣшетка теремнаго дворца, отъ Верхоспасской церкви.
(Древности Росс. Государства).

Постельныя покоевыя хоромы государя, царицы и ихъ дѣтей были размѣщены отчасти въ зданіи теперяшняго Теремнаго дворца, нижніе этажи котораго построены итальянцами еще при Іоаннѣ III. Но такъ какъ старинные русскіе люди не очень любили жить въ каменныхъ стѣнахъ и подъ каменными сводами, то бо́льшая часть постельныхъ хоромъ деревянной постройки соединялась съ упомянутымъ дворцомъ только переходами и сѣнями, и была расположена въ разныхъ мѣстахъ съ сѣверной его стороны.

У средины теремнаго зданія, тотчасъ отъ собора Спаса на Бору, лѣстница вела на *Постельное крыльцо* съ обширною *площадью*, которая именовалась *боярскою площадкою* потому, что здѣсь обыкновенно собирались и постоянно толпились стольники, стряпчіе, жильцы, дворяне московскіе и городовые, полковники и вообще служилое дворянство, или всѣ тѣ, которымъ дозволенъ былъ сюда входъ. Стольники, здѣсь собиравшіеся, въ отличіе отъ *комнатныхъ* (которые, какъ приближенные къ царю, могли входить въ комнату) назывались *площадными*.

Съ постельнаго крыльца лѣстница вела вверхъ, къ жилымъ, постельнымъ комнатамъ государя, которыя находились въ третьемъ ярусѣ Теремнаго дворца и теперь возобновлены въ древнемъ вкусѣ. Прямо противъ входа съ Постельнаго крыльца, стояла съ 1677 года большая картина, писанная на полотнѣ живописцемъ Салтановымъ, изображавшая *видѣніе царемъ Константиномъ явившагося ему креста*. Подлѣ этого изображенія находилась лѣстница и *каменное переднее Золотое крыльцо*, подъ красивою шатровою кровлею, устроенною надъ верхнею его

площадкой. Крыльцо это вело въ *переднія проходныя сѣни* (нынѣ столовая или трапезная комната), черезъ которыя входили въ *переднюю палату* (соборную или гостиную), называвшуюся иногда переднею избою, и отсюда—въ *комнату* или кабинетъ государя (нынѣ престольную). При царѣ Михаилѣ этотъ послѣдній покой назывался *золотою;* но со временъ царя Алексѣя Михайловича онъ упоминается бо́льшею частію подъ именемъ *комнаты*. За комнатою слѣдовала крестовая или моленная, называвшаяся иногда просто *третьею*, и потомъ *опочивальня* или *почивальная*, извѣстная также подъ именемъ *четвертой*. Верхній этажъ этого зданія назывался каменнымъ чердакомъ или теремомъ, около котораго площадка называлась *Верхнимъ каменнымъ дворомъ*. Эти хоромы служатъ любопытнымъ и единственнымъ памятникомъ древняго царскаго быта; самое расположеніе ихъ вполнѣ знакомитъ съ устройствомъ древнѣйшихъ деревянныхъ хоромъ, въ которыхъ обыкновенно живали цари. Въ этихъ теремахъ воспитывался и жилъ царь Алексѣй Михайловичъ; въ нихъ проводили лѣто и его сыновья: Ѳедоръ и Іоаннъ Алексѣевичи; потомъ, до перваго своего путешествія за границу, въ нихъ останавливался иногда Петръ Великій; послѣднимъ обитателемъ Теремнаго дворца былъ царевичъ Алексѣй Петровичъ.

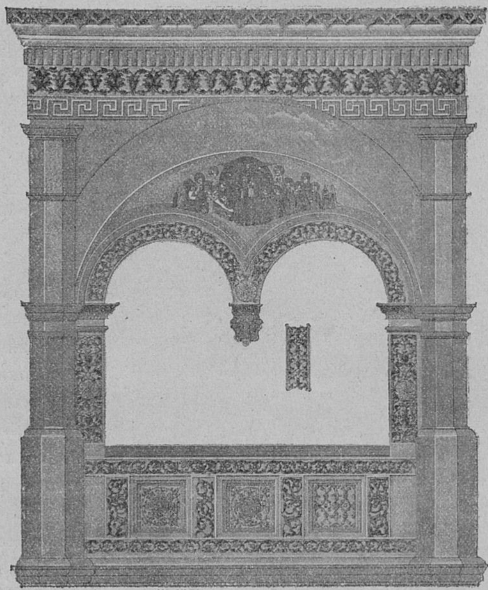

Окно теремнаго дворца со стороны Оружейной Палаты.
(Древности Росс. Государства).

Кромѣ описанныхъ побережныхъ садовъ во дворцѣ, въ XVII столѣтіи, находилось нѣсколько отдѣльныхъ *верховыхъ*, то-есть хоромныхъ, такъ сказать, комнатныхъ садовъ, которые всѣ назывались *красными*, въ смыслѣ изящныхъ, красивыхъ, какъ въ отношеніи цвѣтовъ и растеній, которыми они были насажены, такъ особенно по внѣшней ихъ уборкѣ, по обыкновенію весьма пестрой и узорочной. Въ старину садъ составлялъ необходимую принадлежность каждаго сколько нибудь зажиточнаго или достаточнаго хозяйскаго двора, наравнѣ съ другими хозяйственными и домашними статьями. Немудрено, что и въ царскомъ быту мы находимъ *верховой* комнатный садъ при каждомъ особомъ отдѣленіи дворца или, точнѣе сказать, у каждаго отдѣльнаго хозяйства въ царской семьѣ. Такъ, особые сады находились при комнатахъ государя, старшихъ царевичей и большихъ, то-есть старшихъ и меньшихъ царевенъ. Всѣ *верховые* сады были расположены на каменныхъ сводахъ, надъ палатами и погребами, почему ихъ можно назвать висячими. Они всегда устраивались по настилкѣ изъ свинцовыхъ спаянныхъ досокъ.

Всѣ вообще верховые сады были разбиты на нѣсколько цвѣтниковъ и грядъ, между которыми шли дорожки для прогулокъ, обложенныя не дерномъ, а досками, такъ что цвѣтники и гряды находились собственно въ ящикахъ. Кромѣ того, дорожки между кустами отдѣлялись столбиками, въ которые утверждены были *грядки*, то-есть жерди, раскрашенныя, вмѣстѣ съ

столбиками, разными красками. Черная земля во всѣ сады привозилась изъ замоскворѣцкихъ берсеневскихъ садовъ и даже съ *мостовъ*, то-есть деревянныхъ бревенчатыхъ мостовыхъ тогдашнихъ московскихъ улицъ, которыя вообще изобиловали грязью и доставляли отличный черноземъ. Въ лѣтнее время, во всѣхъ верховыхъ садахъ висѣли клѣтки съ канарейками, рокетками, соловьями и даже попугаями. Но любимая нашими предками и преимущественно садовая птица была пелепелка (перепелка). Въ 1667 году при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ комнатномъ саду висѣло нѣсколько клѣтокъ съ пелепелками; сѣтки у этихъ клѣтокъ были шелковыя. Такія же пелепелочныя клѣтки висѣли и въ набережныхъ садахъ.

Само собою разумѣется, что обстановка каждой палаты (залы) и комнаты въ отношеніи ея наряда и убранства всегда соотвѣтствовала ея жилому назначенію, которое опредѣлялось даже самымъ ея названіемъ: крестовая—моленная, постельная—спальня, столовая, потѣшная, мыленка.



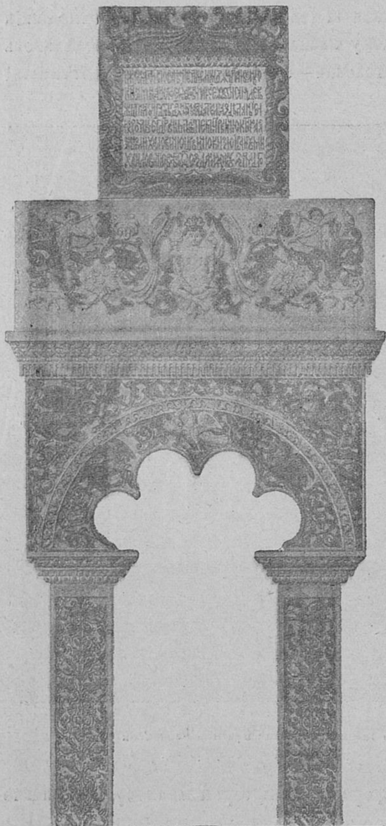
Окно теремнаго дворца противъ церкви Спаса.
(Древности Росс. Государства).

Въ общемъ характерѣ внутренняго убранства царскаго дворца нельзя не замѣтить, что оно отличалось не столько особою роскошью или богатствомъ, сколько явною потребностью и намѣреніемъ поставить на первомъ мѣстѣ, впереди всего, изображеніе, картину поучительнаго, назидательнаго содержанія, умную притчу, умную аллегорію, не исключая въ иныхъ случаяхъ и какой-либо замысловатой веселости въ этомъ содержаніи. Это былъ главный и любимѣйшій предметъ дворцоваго убранства, для котораго обычный въ то время золотой блескъ служилъ только рамою. Вотъ почему и иноземные гравюры, эстампы, эти фряжскіе и нѣмецкіе листы, пріобрѣтали такой ходъ въ дворцовомъ обиходѣ, а потомъ сдѣлались любимою картинкою и въ простонародномъ быту. Издревле русскій человѣкъ любилъ всему учиться и научаться посредствомъ изображенія и картины, чтобы всякая мысль и понятіе являлись наглядно въ законченномъ образѣ, чтобы и недосягаемая туманная отвлеченность получала свою осязательную форму, съ которой всякому уму легче освоиться.

Царскій дворецъ, по своей стѣнописи въ пріемныхъ палатахъ, уподоблялся Божьему храму. Это одно уже внушало къ царскому жилищу особое почтеніе и благоговѣніе. Но существовало много и другихъ причинъ, по которымъ жилище самодержца мало-по-малу пріобрѣло въ глазахъ народа особое освѣщеніе и недосягаемое величіе, и по уставамъ закона охранялось, какъ святыня.

По обычаямъ стараго времени, нельзя было подъѣзжать близко не только къ царскому крыльцу, но и вообще ко дворцу. Одни только высшіе сановники, бояре, окольничіе, думные и ближніе люди пользовались правомъ сходить съ лошадей въ разстояніи нѣсколькихъ саженей отъ дворца. По словамъ Котошихина, пріѣзжая во дворецъ на лошадяхъ, верхами или въ каретахъ и въ саняхъ, они слѣзали съ лошадей и выходили изъ экипажей, «недоѣзжая

двора и не близко крыльца». Къ самому крыльцу, а тѣмъ болѣе на царскій дворъ, они не смѣли ѣздить. Чины младшихъ разрядовъ сходили съ лошадей *далеко царскаго дворца*, обыкновенно на площади, между Ивановскою колокольнею и Чудовымъ монастыремъ, и оттуда уже шли во дворецъ пѣшкомъ, несмотря ни на какую погоду. Изъ низшихъ чиновниковъ не всѣ пользовались правомъ въѣзжать на лошадяхъ даже въ Кремль. Но и тѣмъ, которые въѣзжали въ Кремль, назначено было останавливаться почти у самыхъ воротъ и отсюда ходить пѣшкомъ. Всѣ другіе, приказные и вообще служилые и не служилые младшихъ чиновъ люди входили въ Кремль пѣшкомъ. Такимъ образомъ, самый подъѣздъ ко дворцу соразмѣрялся съ *честью* и *чиномъ* каждаго пріѣзжавшаго лица. При томъ простой и малочиновный русскій человѣкъ, еще издали, завидя царское жилище, благоговѣйно снималъ свою шапку, «воздаючи честь» мѣстопребыванію государя. Безъ шапки онъ и подходилъ ко дворцу и проходилъ мимо него.



Двери теремнаго дворца.
(Древности Росс. Государства).

Иноземные послы и вообще знатные иностранцы, какъ государевы гости, выходили изъ экипажей, подобно боярамъ, въ разстояніи нѣсколькихъ саженей отъ крыльца, по словамъ Барберини, шаговъ за тридцать или за сорокъ, и очень рѣдко — у обширнаго помоста или рундука, устроеннаго передъ лѣстницею.

Само собою разумѣется, что это былъ особый этикетъ, принадлежавшій къ древнимъ обычаямъ и сохранившійся не только во дворцѣ, но и въ народѣ, особенно въ высшихъ его разрядахъ. Точно также невѣжливо было младшему чиновнику или простолюдину въѣхать во дворъ боярина, а тѣмъ болѣе прямо подъѣхать къ его крыльцу. По словамъ Котошихина, бояринъ, въѣхавшій такимъ образомъ на царскій дворъ, заключался въ тюрьму и лишался даже чести, то-есть боярскаго сана. Боярскій холопъ, проведшій черезъ царскій дворъ лошадь боярина, хотя бы по незнанію, наказывался кнутомъ.

Иностранцы объясняли этотъ древній и почти всенародный обычай гордою недоступностью, съ которою бояре и вообще высшіе вели себя въ отношеніи къ народу. По своимъ понятіямъ, иностранцы дѣйствительно могли принимать это за излишнюю гордость и высокомѣріе. Но едва ли такъ это было на самомъ дѣлѣ. Скорѣе всего это былъ почетъ, особенная почесть, воздаваемая хозяину дома. При томъ не должно забывать, что и гостю воздавались подобныя же почести, именно *встрѣчи*, о которыхъ въ древнихъ памятникахъ прямо говорится, что онѣ дѣлались «по́чести ради, воздаючи честь». И если не всякій гость могъ подъѣхать прямо къ крыльцу боярина, то иного гостя бояринъ самъ выходилъ встрѣчать и не только на крыльцо, но даже на середину двора, а иной разъ и за ворота.

Правомъ свободнаго входа во дворецъ пользовались одни только служилые и дворовые, то-есть придворные чины; но и для тѣхъ, смотря по назначенію каждаго, существовали из-

вѣстныя границы. Не во всякое отдѣленіе дворца могли свободно входить всѣ пріѣзжавшіе на государевъ дворъ. Бояре, окольничіе, думные и ближніе люди пользовались въ этомъ отношеніи большими преимуществами: они могли прямо входить даже въ *Верхъ*, то-есть въ покоевыя хоромы государя. Здѣсь, по обыкновенію, они собирались всякій день въ *передней*, и ожидали царскаго выхода изъ внутреннихъ комнатъ. Ближніе бояре, «уждавъ время», входили даже въ *комнату*, или кабинетъ государя. Для прочихъ же чиновниковъ, государевъ Верхъ былъ совершенно недоступенъ. Стольники, стряпчіе, дворяне, стрѣлецкіе полковники и головы, дьяки и иные служилые чины собирались обыкновенно на *Постельномъ* крыльцѣ, которое было единственнымъ мѣстомъ во дворцѣ, куда они могли приходить во всякое время съ полною свободою. Отсюда «въ зимнее время или въ которое время кто похочетъ» имъ дозволялось входить въ нѣкоторыя палаты, прилегавшія къ Постельному крыльцу; но и въ этомъ случаѣ для каждаго *чина* назначена была особая палата.



Одежда Царская. Изображеніе Царя Ѳеодора Алексѣевича.
(въ Архангельскомъ Соборѣ)

Внутреннія отдѣленія дворца, то-есть Постельныя хоромы царицы и государевыхъ дѣтей были совершенно недоступны для всѣхъ и дворовыхъ и служилыхъ чиновъ, за исключеніемъ только боярынь и другихъ знатныхъ женщинъ, пользовавшихся правомъ пріѣзда къ царицѣ. Въ эти отдѣленія не осмѣливались входить безъ особаго приглашенія даже и ближніе бояре. Для священниковъ и вообще церковниковъ, которые служили въ верховыхъ церквахъ, открывался входъ въ эти церкви въ извѣстное только время и при томъ по извѣстнымъ мѣстамъ и переходамъ. Это распространялось даже и на крестовыхъ поповъ, которые совершали службы въ самыхъ покояхъ государыни. Они должны были входить во дворецъ тогда только, «какъ ихъ спросятъ». Въ самые покои царициной половины не смѣли входить даже и тѣ изъ придворныхъ чиновъ и служителей, которые должны были являться туда, напримѣръ, съ докладомъ о кушаньѣ или съ самымъ кушаньемъ. Далѣе сѣней они не осмѣливались входить и здѣсь передавали доклады верховымъ боярынямъ и другимъ придворнымъ женщинамъ; точно также поступали и съ кушаньемъ. И вообще, если даже государь посылалъ кого-либо къ царицѣ и къ дѣтямъ спросить о здоровьѣ или «для какого иного дѣла», то и въ такомъ случаѣ,

посланные, по словамъ Котошихина, «обсылались черезъ боярынь, а сами не ходили безъ обсылки». То-же самое наблюдалось и со стороны царицы.

Люди, не принадлежавшіе къ дворовому и служилому сословію, приходя ко дворцу по какому либо дѣлу, оставались обыкновенно на нижнихъ площадкахъ, у лѣстницъ. Всѣ челобитчики, приходившіе съ просьбами на государево имя, стояли на площади предъ Краснымъ крыльцомъ и дожидались выхода думныхъ дьяковъ, которые принимали здѣсь челобитныя и вносили въ Думу къ боярамъ. Лжедмитрій, какъ извѣстно, въ каждую среду и субботу самъ принималъ челобитныя отъ жалобщиковъ, на Красномъ крыльцѣ, какъ несомнѣнно поступали и въ древнее время великіе князья, а затѣмъ всѣ первые цари.

Нельзя также было явиться во дворецъ съ какимъ бы то ни было оружіемъ, даже съ тѣмъ, которое, по обычаю того времени, всегда носили при себѣ и которое составляло такимъ образомъ необходимую принадлежность древняго костюма, напримѣръ, поясные ножи, имѣвшіе значеніе кинжала. Въ этомъ случаѣ уже не было исключеній ни для кого: ни для бояръ, ни даже для государевыхъ родственниковъ. Иностранные послы и ихъ свита, входя въ пріемную залу, также должны были снимать съ себя оружіе, несмотря на то, что это почти всегда дѣлалось противъ ихъ желанія. По западнымъ понятіямъ, снять шпагу считалось безчестіемъ, и послы, какъ благородные кавалеры, вступались за свою честь и вели нерѣдко очень долгіе, но безполезные споры съ боярами.

Охраненіе чести государева двора преслѣдовало также и всякое *непригожее*, непристойное слово, произносимое въ царскомъ дворцѣ.

Постоянная стража днемъ и ночью строго охраняла царскій дворецъ и предупреждала всякій неприличный поступокъ вблизи царскаго величества. Стража эта состояла, внутри дворца, изъ стольниковъ и жильцовъ и изъ низшихъ придворныхъ служителей, дежурившихъ днемъ и ночью у дверей лѣстницъ и по крыльцамъ и сѣнямъ.

Кромѣ того, по всѣмъ дворцовымъ воротамъ и въ другихъ дворцовыхъ мѣстахъ «у казны», находились постоянные стрѣлецкіе караулы. По свидѣтельству Котошихина, на этихъ караулахъ стрѣльцовъ на сторожѣ бывало по 50 человѣкъ, подъ начальствомъ головы или полковника, и 10 капитановъ. Главный ихъ караулъ въ числѣ 200, а иногда 300 человѣкъ, находился у Краснаго крыльца подъ Грановитою палатою, въ подклѣтяхъ; другая часть, въ 200 человѣкъ, позади дворца, у Красныхъ Колымажныхъ воротъ. На стрѣлецкомъ караулѣ Краснаго крыльца, велись каждый день особыя записки о состояніи погоды и о дворцовомъ караулѣ; а при этомъ отмѣчались и всѣ царскіе выходы и загородные походы, также посольскіе пріемы и разные другіе случаи.

Дабы взойти въ Постельныя государевы хоромы и въ государеву комнату и кабинетъ, необходимо было пройти черезъ Постельное крыльцо; оно служило всегда сборнымъ мѣстомъ для младшаго дворянства и приказныхъ людей, имѣвшихъ надобность быть зачѣмъ либо во дворцѣ. Здѣсь съ утра до вечера толпились стольники, стряпчіе, жильцы, дворяне московскіе и городовые, дьяки, подъячіе разныхъ приказовъ, иные по службѣ, дожидаясь начальныхъ людей или рѣшенія дѣлъ, другіе, просто изъ одного любопытства, потому что на Постельномъ крыльцѣ можно было узнать всѣ важныя по тогдашнему времени новости. Постельное крыльцо было придворною *площадью*, публичнымъ мѣстомъ царедворцевъ, то-есть собственно дворянъ, а также и начальныхъ людей военныхъ и гражданскихъ.

На придворной площади, конечно, легче всего было узнать и характеръ того общества, которое на ней собиралось каждый день. Здѣсь мы и узнаемъ, что это общество, начиная отъ рядового дворянина и восходя до великаго боярина, все поголовно, въ своихъ нравахъ и въ своемъ поведеніи ничѣмъ не отличалось отъ простыхъ мужичковъ, и до сихъ поръ не разбирающихъ при случаѣ, что̀ позволительно и что не позволительно для добраго обхожденія съ людьми. И у великихъ бояръ это обхожденіе подчасъ являлось по-мужицки дерзко и грубо,

за что по Уложенію грубіяны всѣ безъ исключенія подвергались соотвѣтственному наказанію. Часто случались не только на Постельномъ крыльцѣ у младшихъ, но и въ передней, пріемной государя, между старшими грубыя, невѣжественныя побранки, такъ что царскому постельничему представлялось много хлопотъ, чтобы унять, разобрать и сказать правдивый судъ надъ озорниками, кто правъ, кто виноватъ.

Обрядъ или порядокъ царской жизни проходилъ въ слѣдующемъ. Раннее утро заставало государя въ Крестовой, въ которой молебный иконостасъ, весь уставленный иконами, богатоукрашенными золотомъ, жемчугомъ и дорогими каменьями, освѣщался множествомъ лампадъ и восковыхъ свѣчей, теплившихся почти передъ каждымъ образомъ. Государь вставалъ обыкновенно часа въ четыре утра. Постельничій, при пособіи спальниковъ и стряпчихъ, подавалъ государю платье и *убиралъ* его. Умывшись, государь тотчасъ-же выходилъ въ Крестовую, гдѣ его ожидали духовникъ или *крестовый попъ* и *крестовые дьяки*. Духовникъ благословлялъ государя крестомъ, возлагая на чело и ланиты, при чемъ государь прикладывался ко кресту и потомъ начиналъ утреннюю молитву. Въ то-же время одинъ изъ крестовыхъ дьяковъ поставлялъ передъ иконостасомъ на налоѣ образъ святого, память котораго праздновалась въ тотъ день. По совершеніи молитвы, которая продолжалась около четверти часа, государь прикладывался къ иконѣ, а духовникъ окроплялъ его святою водою. Весьма любопытно, что святая вода, которую употребляли въ этомъ случаѣ, привозилась иногда изъ весьма отдаленныхъ мѣстъ, изъ монастырей и церквей, прославленныхъ чудотворными иконами. Вода эта называлась «праздничною», потому что освящалась въ храмовые праздники, совершаемые въ память тѣхъ святыхъ, во имя которыхъ сооружены были храмы. Почти каждый монастырь и даже многіе приходскіе храмы, по отправленіи этого празднества, доставляли *праздничную святыню*, икону праздника, просфору и св. воду въ *вощанкѣ*, восковомъ сосудѣ, въ царскій дворецъ, гдѣ посланные подносили ее лично самому государю.



Царскій становой кафтанъ.
(Оружейная палата).

Послѣ моленія, крестовый дьякъ читалъ духовное *слово*, поученіе, изъ особаго сборника словъ, распредѣленныхъ для чтенія въ каждый день на весь годъ. Сборники эти извѣстны были подъ именемъ Златоустовъ, Златоструевъ, Измарагдовъ, Торжественниковъ. Они составлялись изъ поученій отцовъ церкви и преимущественно Іоанна Златоуста.

Окончивъ утреннюю крестовую молитву, государь, если почивалъ особо, посылалъ ближняго человѣка къ царицѣ въ хоромы спросить ее *о здоровьѣ*, какъ почивала, потомъ самъ выходилъ здороваться съ нею въ ея переднюю или столовую. Послѣ того, они вмѣстѣ слушали

въ одной изъ верховыхъ церквей заутреню, а иногда и раннюю обѣдню. Между тѣмъ съ утра-же рано собирались во дворецъ всѣ бояре, окольничіе, думные и ближніе люди «челомъ ударить государю» и присутствовать въ царской Думѣ. Увидѣвъ пресвѣтлыя царскія очи, въ церкви-ли, во время службы, или въ комнатахъ, смотря по тому, въ какое время являлись на пріѣздѣ, они всегда кланялись государю въ землю, даже по нѣскольку разъ. «А какъ они на пріѣздѣ кланяются, замѣчаетъ Котошихинъ, и государь въ то время стоитъ или сидитъ въ шапкѣ и противъ ихъ боярскаго поклоненія шапки съ себя не снимаетъ никогда. А котораго дни они, бояре, въ пріѣздѣ своемъ запоздаютъ или что малое учинятъ не по его мысли, и онъ на нихъ гнѣвается словами или велитъ изъ палаты выслать вонъ, или посылаетъ въ тюрьму, и они за свои вины потому-жъ кланяются въ землю, доколѣ проститъ». За особенную милость, являемую государемъ, бояре кланялись ему въ землю до 30 разъ сряду.



Одежда царицъ.
(Съ портретовъ царицъ Евдокіи Лукьяновны и Наталіи Кирилловны).

Поздоровавшись съ боярами, поговоривъ о дѣлахъ, государь, въ сопровожденіи всего собравшагося синклита, шествовалъ, по теперешнему счету, часу въ девятомъ, къ поздней обѣднѣ въ одну изъ придворныхъ церквей. Если же тотъ день былъ праздничный, то выходъ дѣлался въ соборъ или къ празднику, то-есть въ храмъ или монастырь, сооруженный въ память празднуемаго святого. Въ этихъ случаяхъ выходы были гораздо великолѣпнѣе, торжественнѣе. Обѣдня продолжалась часа два. Въ удобное время и здѣсь государь принималъ отъ думныхъ людей доклады, разговаривалъ о дѣлахъ съ боярами, отдавалъ приказанія. Бояре такъ же разсуждали между собою, какъ будто бы они находились въ Думѣ. При всемъ томъ едва ли кто былъ такъ приверженъ къ богомолью и къ исполненію всѣхъ церковныхъ обрядовъ, какъ цари. Англичанинъ Коллинсъ разсказываетъ о царѣ Алексѣѣ, что онъ въ постъ стоялъ въ церкви часовъ по пяти или шести сряду, клалъ иногда по тысячѣ земныхъ поклоновъ, а въ большіе праздники—по полуторы тысячи.

Послѣ обѣдни, въ комнатѣ, въ обыкновенные дни, государь слушалъ доклады, челобитныя и вообще занимался текущими дѣлами. «А когда лучится государю сидѣти въ покояхъ своихъ,—говоритъ Котошихинъ,—и слушаетъ дѣла и слова разговорные говоритъ, и бояре стоятъ передъ нимъ всѣ, а коли пристанутъ стоя, и они выходятъ отдыхать, сидѣть на дворъ»... въ переднюю или въ сѣни, а иногда и на площадку передъ царскими хоромами. Когда (особенно по пятницамъ) государь открывалъ обыкновенное *сидѣнье съ бояры*, или засѣданіе Думы, то бояре садились по лавкамъ, отъ царя подаль, бояре подъ боярами, окольничіе подъ окольничими, думные дворяне также, кто кого *породою* ниже, а не по службѣ, то-есть не по стар-

шинству пожалованія въ чинъ, такъ что иной, и сегодня пожалованный, напримѣръ, изъ спальниковъ или стольниковъ въ бояре, садился, по породѣ, выше всѣхъ тѣхъ бояръ, которые были ниже его породою. Думные дьяки обыкновенно стояли, а инымъ временемъ, особенно если *сидѣнье* съ бояры продолжалось долго, государь и имъ повелѣвалъ садиться.

Засѣданіе въ комнатѣ оканчивалось около полудня. Бояре, ударивъ челомъ государю, разъѣзжались, а государь шелъ къ *столовому кушанью*, или обѣду, къ которому иногда приглашалъ и нѣкоторыхъ изъ бояръ, самыхъ уважаемыхъ и близкихъ; но большею частью государь кушалъ одинъ. Обыкновенный его столъ не былъ такъ изысканъ и роскошенъ, какъ столы праздничные, посольскіе и другіе.

Въ домашней жизни цари представляли образецъ умѣренности и простоты. Но, несмотря на особенную умѣренность, за обыкновеннымъ столомъ государя, въ *мясные* и *рыбные* дни, подавалось около семидесяти блюдъ; но почти всѣ эти блюда расходились на *подачи* боярамъ, окольничимъ и другимъ лицамъ, которымъ государь разсылалъ эти подачи, какъ знакъ своего благоволенія и почести. Для близкихъ лицъ онъ иногда самъ выбиралъ извѣстное любимое блюдо.

Послѣ обѣда, государь ложился спать и обыкновенно почивалъ до вечеренъ, часа три. Въ это время снова собирались во дворецъ бояре и прочіе чины, въ сопровожденіи которыхъ царь выходилъ въ верховую церковь къ вечернѣ. Послѣ моленья, иногда также слушались дѣла и собиралась Дума. Но обыкновенно все время послѣ вечерни до *вечерняго кушанья*, или ужина, государь проводилъ уже въ семействѣ или съ самыми близкими людьми. Время это было отдыхомъ, и потому оно посвящалась домашнимъ развлеченіямъ и увеселеніямъ, свойственнымъ вѣку и вкусамъ тогдашняго общежитія.



Древняя царская обувь.

(Оружейная палата).

Кромѣ чтенія, цари любили живую бесѣду, любили разсказы бывалыхъ людей о далекихъ земляхъ, объ иноземныхъ обычаяхъ и особенно о старинѣ. Упомянутый Коллинсъ разсказываетъ, что царь Алексѣй Михайловичъ держалъ во дворцѣ стариковъ, имѣвшихъ по сту лѣтъ отъ роду, и очень любилъ слушать ихъ разсказы о старинѣ. Это были такъ называемые *верховые* (придворные) *богомольцы*, весьма уважаемые за ихъ благочестивую жизнь и древность лѣтъ. Они жили подлѣ царскихъ хоромъ, въ особомъ отдѣленіи дворца, на полномъ содержаніи и попеченіи государя. Въ длинные зимніе вечера государь призывалъ ихъ къ себѣ въ комнату, гдѣ, въ присутствіи царскаго семейства, они повѣствовали о событіяхъ и дѣлахъ, проходившихъ на ихъ памяти, о дальнихъ странствіяхъ и походахъ. Они пѣвали государю *Лазаря* и всѣ тѣ духовные стихи, которые можно еще слышать и теперь отъ странствующихъ слѣпцовъ.. Были еще при царскомъ дворѣ *слѣпцы-домрачеи*, которые распѣвали сказки и былины съ акомпаниментомъ *домры*, струннаго инструмента въ родѣ гитары. Они-же играли и русскія пѣсни. Встрѣчаются извѣстія и о *бахаряхъ*, которые разсказывали пѣсни и сказки, весьма любимыя нашими предками. Бахарь былъ почти необходимымъ лицомъ въ каждомъ зажиточномъ домѣ. Всѣ эти лица составляли для тогдашняго общества источникъ удовольствій, какой находимъ теперь въ литературѣ.

Въ числѣ обыкновенныхъ и самыхъ любимыхъ развлеченій государя, была игра въ шахматы и однородныя съ нею игры: *тавлеи*, *саки* и *бирки*. Сколько обыкновенна и въ какой силѣ была эта игра, мы можемъ судить по тому, что при дворцѣ, въ Оружейной палатѣ, состояли на службѣ особые мастера, токари, которые занимались единственно только приготовленіемъ и починкою шахматовъ, отъ чего и назывались *шахматниками*.

Во дворцѣ была особая Потѣшная палата, въ которой разнаго рода *потѣшники* забавляли царское семейство пѣснями, музыкою, пляскою, танцованіемъ по канату и другими эквилибристическими «дѣйствіями». Въ числѣ этихъ потѣшниковъ были *веселые* (скоморохи), гусельники, скрыпотчики, домрачеи, органисты, цымбальники и т. п. Извѣстно также, что въ дворовомъ штатѣ царя состояли *дураки-шуты*, а у царицы *дурки-шутихи*, карлы и карлицы. Они пѣли пѣсни, кувыркались и предавались разнаго рода веселостямъ, которыя служили не малымъ потѣшеніемъ государеву семейству. Зимою, особенно по праздникамъ, цари любили смотрѣть медвѣжье поле, т.-е. бой охотника съ дикимъ медвѣдемъ. Раннею весною, лѣтомъ и во всю осень, они часто выѣзжали въ окрестности Москвы на соколиную охоту. Эта потѣха начиналась нерѣдко съ самаго утра, и потому измѣняла обыкновенно порядокъ дня. Вообще, лѣто государь проводилъ большею частью въ загородныхъ дворцахъ, развлекаясь охотою и хозяйствомъ. Зимою онъ хаживалъ иногда самъ на медвѣдя, на лося, охотился за зайцами.

Оканчивая день, послѣ вечерняго кушанья, государь снова шелъ въ Крестовую и точно такъ же, какъ и утромъ, молился около четверти часа. Когда государь почивалъ одинъ, именно въ тѣ дни, которые для того установлены были церковью, то въ томъ-же покоѣ ложился и *постельничій*, который всегда убиралъ и охранялъ царскую постелю, а иногда *стряпчій съ ключомъ*, и одинъ и два спальника, самыхъ приближенныхъ. Такъ проходила повседневная жизнь государя. Церковный или домашній праздникъ или пріемъ знатныхъ пословъ и другихъ знатныхъ гостей нѣсколько измѣняли порядокъ дня, облекая подобный пріемъ или парадный выходъ въ особое торжество.

Московскіе цари совершали богомольные выходы въ каждый церковный праздникъ, присутствовали при всѣхъ обрядахъ и торжествахъ, отправляемыхъ церковью въ теченіе года. Эти выходы придавали церковнымъ празднествамъ еще болѣе блеска и торжественности. Здѣсь государь являлся народу въ несказанномъ великолѣпіи. Къ обѣднѣ государь выходилъ обыкновенно пѣшкомъ, если было близко и позволяла погода, или въ каретѣ, а зимою въ саняхъ, всегда въ сопровожденіи бояръ и прочихъ служилыхъ и дворовыхъ чиновъ.

Великолѣпіе и богатство выходной одежды государя соотвѣтствовали значенію торжества, по случаю котораго дѣлался выходъ, а также и по состоянію погоды въ тотъ день. Все блистало золотомъ, серебромъ и дорогими каменьями. Самые башмаки, которые надѣвалъ государь въ это время, были также богато вынизаны жемчугомъ и украшены каменьями. Тяжесть наряда безъ сомнѣнія была очень значительна, и потому въ подобныхъ церемоніяхъ государя всегда поддерживали подъ руки стольники, а иногда и бояре изъ ближнихъ людей. Свита, окружавшая государя, была также одѣта болѣе или менѣе богато, смотря по значенію празднества и соотвѣтственно одеждѣ государя. Во время шествія, свита раздѣлялась рядами: люди меньшихъ чиновъ шли впереди, по старшинству, по два или по три человѣка въ рядъ, а бояре, окольничіе, думные и ближніе люди слѣдовали за государемъ. На всѣхъ выходахъ въ числѣ царской свиты находился постельничій, за которымъ стряпчіе несли царскую *стряпню*, именно: *полотенце* или носовой платокъ, *стулъ съ зголовьемъ* или подушкою, *подножье*, родъ ковра, *солношникъ* или зонтъ. Когда государь выходилъ на богомолье въ приходскую церковь, то впередъ несли особое *мѣсто*, которое обыкновенно ставилось въ церквахъ для царскаго пришествія.

Ни одинъ праздничный царскій выходъ не отправлялся съ такимъ торжествомъ и великолѣпіемъ, какъ выходъ въ день Богоявленія, для совершенія крестнаго хода на освященіе воды.

Государь являлся въ это время народу въ полномъ блескѣ своего сана, со всѣмъ великолѣпіемъ и пышностью, во многомъ напоминавшими обычаи Востока. Стеченіе народа въ этотъ день было необыкновенное; со всего государства съѣзжались въ Москву видѣть торжественный обрядъ освященія воды, совершавшійся патріархомъ на Москвѣ-рѣкѣ. Это торжество называлось *водокрестіемъ*, *водокрещами*.

Очень замѣчателенъ былъ также выходъ въ недѣлю цвѣтоносія, или въ Вербное воскресеніе, когда совершался обрядъ шествія на осляти, въ воспоминаніе входа Христа Спасителя въ Іерусалимъ, при чемъ государь во всемъ царскомъ нарядѣ за конецъ повода самъ велъ осла, на которомъ возсѣдалъ патріархъ. Въ шествіи участвовало иногда болѣе 300 священниковъ и 200 дьяконовъ, и везли на особой колесницѣ вербу, дерево, украшенное искусственною зеленью, цвѣтами, плодами. Множество дѣтей-отроковъ (бывало по 800 и по 1000 ч.) разстилали передъ шествіемъ сукна и одежды.



Старинныя перчатыя рукавицы.
(Оружейная палата).

Въ навечеріе Свѣтлаго праздника Пасхи во дворецъ собирались всѣ высшіе дворовые и служилые чины и, по особому назначенію и благоволенію, нѣкоторые изъ младшихъ, дабы зрѣть государя, видѣть его пресвѣтлыя очи и затѣмъ сопровождать его въ соборъ къ церковной службѣ. Въ соборѣ, при обрядѣ христосованья, стоя на своемъ царскомъ мѣстѣ, онъ жаловалъ служилое сословіе къ рукѣ и раздавалъ каждому яйца, обычныя куриныя и деревянныя точеныя, расписанныя красками по золоту.

Наканунѣ или въ самые дни великихъ праздниковъ, на Рождество, на Свѣтлый день, въ *прощеные дни* Масленицы и Страстной недѣли, особенно въ Великую пятницу, государь скрытно, въ сопровожденіи только небольшого отряда стрѣльцовъ и довѣренныхъ служителей, выходилъ въ городскія тюрьмы и богадѣльни, гдѣ и раздавалъ изъ собственныхъ рукъ милостыню всѣмъ заключеннымъ преступникамъ, плѣннымъ иноземцамъ, а въ богадѣльняхъ — дряхлымъ, увѣчнымъ, малолѣтнимъ сиротамъ и всякимъ бѣднякамъ, каждому не меньше полтины, что по тогдашнимъ цѣнностямъ составляло порядочную долю. Многимъ государь жаловалъ по рублю, инымъ по два, по три, по пяти рублей. Лишь одни нищіе провѣдывали объ этомъ выходѣ и собирались во множествѣ по улицамъ, гдѣ проходилъ государь. Имъ, каждому, онъ также подавалъ лепту изъ собственныхъ рукъ. Кромѣ того, нищіе въ это время собирались особо у

Лобнаго мѣста, на Красной площади и у Земскаго двора (близъ Иверскихъ воротъ), гдѣ отъ имени государя ихъ одѣляли милостынею довѣренныя лица изъ стрѣлецкихъ полковниковъ и дворовыхъ подъячихъ. Кромѣ денежной раздачи, въ тѣ-же дни, въ тюрьмахъ и богадѣльняхъ происходило изобильное кормленіе заключенныхъ и бѣдняковъ, а вольные уличные нищіе приглашались на обѣдъ во дворецъ въ Золотую и въ Столовую палаты. Въ масленичное заговѣнье иногда государь и самъ обѣдалъ за этимъ столомъ «на нищію братію». Въ Благовѣщенье, при разрѣшеніи рыбы, вина и елея, кормленіе нищей братіи иногда происходило въ собственныхъ комнатахъ государя. Послѣ такихъ столовъ онъ снова одѣлялъ нищихъ деньгами: по полтинѣ, по рублю и по два на человѣка.

Само собою разумѣется, что при всѣхъ церковныхъ празднествахъ или въ дни особыхъ церковныхъ моленій и постовъ неизмѣнно соблюдались и всѣ старозавѣтные русскіе обычаи и обряды мірского устава.

На Рождествѣ патріархъ и особо соборное и придворное духовенство и пѣвчіе приходили во дворецъ славить Христа. На женской половинѣ, кромѣ обычнаго славленья отъ духовныхъ лицъ и отъ монастырокъ-старицъ, въ этотъ день собирались дворовыя и всѣ знатныя боярыни и подносили царицѣ и царевнамъ *перепечи*, сдобные хлѣбы, каждая по 30 хлѣбовъ.



Одежда боярская XVII ст.
(Портреты князей Репниныхъ).

Съ половины Масленицы наступали *прощеные дни*, въ которые государь посѣщалъ городскіе и загородные монастыри и прощался съ монастырскою братіею и съ сестрами, одѣляя ихъ милостынею. Въ Воскресенье передъ великимъ постомъ, поутру, передъ литургіею, патріархъ со всѣми духовными властями приходилъ *прощатися* къ государю. Государь принималъ его обыкновенно въ Столовой избѣ. Отпустивъ патріарха, царь совершалъ обрядъ прощенія съ чинами дворовыми и служилыми и жаловалъ ихъ къ рукѣ. Вечеромъ въ тотъ-же день, царь, въ сопровожденіи свѣтскихъ чиновъ, шествовалъ въ Успенскій соборъ, гдѣ патріархъ совершалъ обрядъ прощенія *по чину*; послѣ ектеніи и молитвословій, государь подходилъ къ патріарху, и, прощеніе говоря, прикладывался ко кресту. Власти духовныя и свѣтскія также, прощеніе говоря, всѣ цѣловали крестъ у патріарха и потомъ ходили къ государю къ рукѣ.

Изъ собора государь шествовалъ прощаться къ патріарху въ сопровожденіи бояръ и пр. чиновъ. У патріарха въ Крестовой палатѣ, которая для государева прихода наряжалась сукнами и коврами, собирались въ это время и всѣ духовныя власти. При этомъ угощались разными фряжскими винами и русскими медами, что называлось *прощальными чашами*. Отъ патріарха государь шествовалъ въ Чудовъ и Вознесенскій монастыри, въ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы, гдѣ прощался у св. мощей и у гробовъ *родителей*.

Точно также обрядъ прощенія совершался въ этотъ день и на половинѣ царицы, которая въ своей Золотой палатѣ прощалась съ самыми близкими родственными лицами изъ мужчинъ и со всѣмъ своимъ женскимъ придворнымъ штатомъ. Въ пятницу, иногда въ субботу и вос-

кресенье на Масленицѣ, государь, въ сопровожденіи бояръ и патріарха, со властьми ходили прощаться и къ царицѣ.

На первой недѣлѣ Великаго поста, послѣ обѣдни, во дворецъ пріѣзжали стряпчіе изъ извѣстныхъ тридцати пяти монастырей и подносили государю и каждому члену царскаго семейства отъ каждаго монастыря *по хлѣбу, по блюду капусты и по кружкѣ квасу*. Повелѣвъ принять эту обычную дань, государь жаловалъ монастырскихъ стряпчихъ *погребомъ*, т. е. приказывалъ поить ихъ виномъ, пивомъ и медами изъ своего погреба. Такимъ-же образомъ и изъ тѣхъ-же монастырей подносили хлѣбъ, капусту и квасъ патріарху, боярамъ, окольничимъ, думнымъ и всѣмъ придворнымъ людямъ и особенно своимъ вкладчикамъ. Заготовляя эту дань, монастыри начинали печь хлѣбы еще за недѣлю, съ понедѣльника первой недѣли поста. Здѣсь слѣдуетъ припомнить также, что монастыри всегда славились искуснымъ печеньемъ хлѣба и отличнымъ приготовленіемъ квасовъ и капусты.

На Святой, обыкновенно въ среду, государь принималъ въ Золотой палатѣ, въ присутствіи всего царскаго *чина*, патріарха и духовныхъ властей, приходившихъ съ *приносомъ* или съ *дары*. Патріархъ благословлялъ государя образомъ и золотымъ крестомъ, нерѣдко со св. мощами, дарилъ ему нѣсколько кубковъ, по портищу различныхъ бархатовъ, камки и другихъ матерій, потомъ *три сорока* соболей и *сто золотыхъ*. Царицѣ, царевичамъ и царевнамъ были такіе-же дары, только въ меньшемъ количествѣ и меньшей цѣнности. Митрополиты другихъ городовъ подносили или, за небытіемъ въ Москвѣ, присылали съ своими стряпчими государю и каждому члену его семейства *великоденскій мѣхъ* или великоденское яйцо, то-есть благословляли каждаго образомъ въ серебряномъ окладѣ и являли *мѣхъ меду* и извѣстное, всегда опредѣленное, количество *золотыхъ*.



Одежда боярышенъ и боярина при Петрѣ I.

(Изъ путешествія фанъ-Брюина).

Въ одно время съ духовенствомъ, къ государю являлись съ дарами гости московскіе и другихъ городовъ, а также торговые люди. Они подносили одни только золотые. Дары подносимы были царю только людьми не служилыми; бояре, окольничіе, дворяне и пр., принадлежа собственно къ служилой, военной части народа, ничего не подносили государю.

Обычай приносить дары на Свѣтлой недѣлѣ не ограничивался однимъ дворомъ, но былъ распространенъ во всемъ тогдашнемъ обществѣ. И такъ какъ для этихъ даровъ употреблялись чаще всего золотые, то-есть иноземные червонцы, не имѣвшіе еще тогда у насъ значенія денегъ, то эти золотые поднимались въ цѣнѣ отъ 3 до 4 процентовъ, потому что каждый, имѣющій какое дѣло при дворѣ или въ приказахъ, подносилъ начальнымъ людямъ червонцы въ коробочкѣ или въ бумажкѣ съ обыкновеннымъ поздравленіемъ: «Христосъ Воскресе!»

Въ теченіе всей Свѣтлой недѣли государь послѣ обѣдни принималъ поздравленія отъ всѣхъ служилыхъ, дворовыхъ и всякихъ чиновъ людей, жаловалъ каждаго къ рукѣ и одѣлялъ всѣхъ крашеными яйцами. Нерѣдко назначалось особое время для каждаго званія. Придворные художники всѣхъ наименованій являлись къ государю каждый съ какою-либо своею работою, нарочно изготовленною для подношенія государю.

Послѣ царскаго выхода въ большіе праздники всегда неизмѣнно слѣдовалъ *чиновный* праздничный столъ—обѣдъ, къ которому былъ приглашаемъ патріархъ съ духовными властями и бояре по чиновнымъ разряднымъ спискамъ. Такіе столы для бояръ имѣли почти служебное значеніе, и потому за ними-то по преимуществу и возникали великіе мѣстническіе счеты.

Дабы ознакомиться съ общими обрядами и обычаями царскаго столованья, мы сдѣлаемъ обзоръ Посольскаго стола, такъ какъ этотъ столъ назначался главнымъ образомъ для пріема не однихъ подданныхъ, но гостей въ собственномъ смыслѣ, гостей чужеземныхъ.

Обряды и разныя обыкновенія, которыя при московскомъ дворѣ сопровождали пріемъ гостя, шли отъ глубокой старины. Давая столъ великому послу или высокой особѣ царскаго достоинства и духовнаго сана, государь предварительно дѣлалъ гостю церемоніальный пріемъ Гость прежде стола долженъ былъ *видѣть пресвѣтлыя очи государя.* Въ назначенный день за гостемъ посылали царскій экипажъ, великолѣпно убранный, карету или сани, смотря по времени года. Объявить царское приглашеніе ѣздилъ окольничій съ посольскимъ приставомъ. Поѣздъ окольничаго и царскаго экипажа за гостемъ былъ такъ же церемоніаленъ, какъ и всякій шагъ въ подобныхъ случаяхъ.



Рисунокъ матеріи станового кафтана.
(Оружейная палата).

Навстрѣчу высокому гостю выѣзжали *выборныя сотни,* или роты изъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, жильцовъ, дьяковъ и другихъ чиновниковъ, а также сотни низшихъ придворныхъ служителей и солдатскіе полки, хорошо вооруженные и одѣтые въ цвѣтное платье. Каждая сотня и каждый полкъ отличались особымъ цвѣтомъ кафтановъ. Самый поѣздъ гостя сопровождали чиновники, посланные звать его къ столу. Приставъ ѣхалъ иногда въ одномъ экипажѣ съ гостемъ, другіе ѣхали по сторонамъ и позади, за экипажемъ. Поѣздъ открывалъ стрѣлецкій полковникъ.

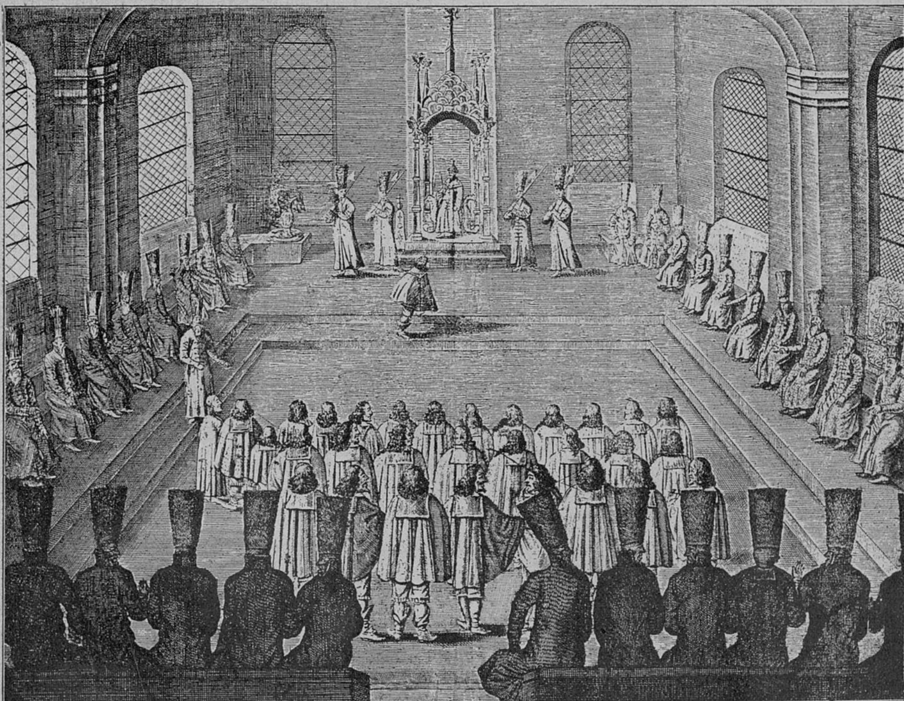
Въ сѣняхъ передъ пріемною палатою сидѣли по лавкамъ дьяки изъ приказовъ и гости въ *золотахъ,* то-есть въ золотныхъ кафтанахъ и въ горлатныхъ высокихъ шапкахъ. Пріемная палата была наполнена боярами, окольничими, думными и ближними людьми, стольниками, стряпчими и московскими дворянами, которые также сидѣли по лавкамъ кругомъ всей палаты въ богатѣйшихъ золототканныхъ одеждахъ и въ горлатныхъ шапкахъ. Такъ какъ всѣ эти чины собраны были для церемоніи, для увеличенія придворнаго блеска и торжественности, то въ сущности это былъ тотъ же военный строй, церемоніальный строй чиновниковъ и сановниковъ. Они сидѣли неподвижно и хранили самое глубокое молчаніе, такъ что палата казалась пустою и былъ слышенъ малѣйшій шорохъ и шопотъ. Проходившихъ къ государю гостей никто не привѣтствовалъ даже и наклоненіемъ головы.

Проѣхавъ церемоніально среди войска, гость останавливался, наконецъ, у дворцоваго крыльца. Здѣсь ему дѣлались почетныя встрѣчи. Обыкновенно ихъ было три: первая, вторая, третья—меньшая, средняя и бо́льшая, именно: первая при выходѣ изъ экипажа у лѣстницы, вторая на крыльцѣ у сѣней, третья въ сѣняхъ у дверей пріемной палаты. Но въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда государь желалъ оказать гостю бо́льшій противъ обыкновеннаго почетъ,

давалась еще четвертая встрѣча, которая называлась также большою; третья же вмѣстѣ со второю въ такомъ случаѣ были уже средними. Четвертая встрѣча, въ Грановитой палатѣ у дверей, дана въ 1668 году патріарху антіохійскому Макарію.

Для первой, меньшей встрѣчи выходили два стольника и дьякъ, для второй, средней, окольничій, иногда бояринъ, стольникъ и дьякъ, для большей—бояринъ, стольникъ и думный дьякъ. Особенно дорогихъ гостей во всѣхъ встрѣчахъ встрѣчали бояре, одинъ другого знатнѣе, соотвѣтственно порядку встрѣчъ.

При каждой встрѣчѣ дьяки говорили привѣтственныя рѣчи, объясняя, что Великій государь (титулъ), воздаючи честь гостю, повелѣлъ его встрѣтить такому-то и такому своему боя-



Пріемъ иностранныхъ посланниковъ царемъ Московскимъ.

(Изъ Олеарія).

рину или окольничему, при чемъ провозглашали имена *встрѣчниковъ*. Встрѣчники иногда *витались* съ гостемъ, то-есть здоровались, подавая другъ другу руки, и потомъ вели его далѣе, до слѣдующей встрѣчи; вторые встрѣчники также здоровались и заступали мѣсто первыхъ, наконецъ, третьи встрѣчники вводили гостя въ палату.

Великолѣпіе, торжественность, среди которыхъ являлся государь въ подобныхъ аудіенціяхъ, изумляли всякаго, кто вступалъ въ Пріемную палату. Нарядъ Пріемной палаты также раздѣлялся на *большой, средній* и *меньшой*, смотря по достоинству и богатству предметовъ, которые были употребляемы на уборку залы. Еще до пріѣзда гостя, государь приходилъ въ палату, облекался въ *большой царскій нарядъ* и садился на своемъ царскомъ мѣстѣ, то-есть на тронѣ, въ вѣнцѣ,

въ *царскомъ платнѣ* (древняя порфира) и діадемѣ или бармахъ, со скипетромъ въ рукахъ. Блистающій, многоцѣнный *нарядъ* государя изумлялъ гостя еще болѣе, чѣмъ все доселѣ имъ видѣнное.

«Съ нами то же случилось (пишетъ очевидецъ царской аудіенціи въ XVII столѣтіи), что бываетъ съ людьми, вышедшими изъ тьмы и ослѣпленными внезапнымъ сіяніемъ солнца; едва могли глаза наши сносить блескъ великолѣпія, когда мы вошли въ палату. Казалось, что яркость сіянія отъ дорогихъ камней спорила съ лучами солнечными, такъ что мы совершенно потерялись въ этомъ смѣшеніи блеска и величія. Самъ царь, подобно горящему солнцу, изливалъ отъ себя лучи свѣта».

Кобенцель, описывая свой пріѣздъ къ царю Іоанну Васильевичу, замѣчаетъ, что вѣнецъ, который былъ въ то время на царѣ, по своей цѣнности превосходилъ и діадему его святѣй-



Царское шествіе въ XVII столѣтіи.
(Изъ Олеарія).

шества папы и короны королей испанскаго и французскаго и великаго герцога тосканскаго и даже корону самого цесаря и короля венгерскаго и богемскаго, которыя онъ видѣлъ.

«Мантія великаго князя,—продолжаетъ Кобенцель,—была совершенно покрыта алмазами, рубинами, смарагдами и другими драгоцѣнными камнями и жемчугомъ величиною въ орѣхъ, такъ что должно было удивляться, какъ онъ могъ сдержать на себѣ столько тяжести». По сторонамъ трона стояли, по двое съ каждой, рынды — красивые молодые люди изъ стольниковъ, въ богатыхъ бѣлыхъ одеждахъ, съ золотыми цѣпями на груди, перевязанными крестъ-на-крестъ, держа на плечахъ топоры, или сѣкиры, остреями кверху. При Алексѣѣ Михайловичѣ, кромѣ рындъ, по сторонамъ трона стояли иногда двое головъ стрѣлецкихъ съ мечами и по шести человѣкъ со стороны сотниковъ стрѣлецкихъ съ алебардами.

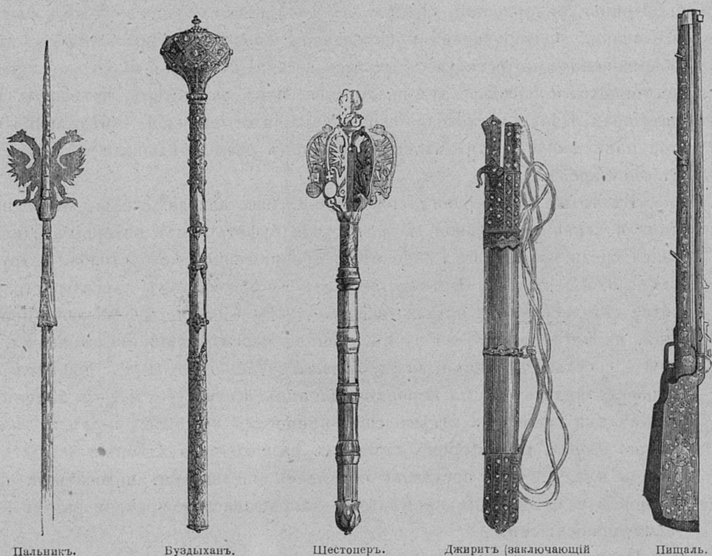
Не доходя нѣсколькихъ шаговъ до царскаго мѣста, гость останавливался и кланялся, билъ челомъ, при чемъ бояринъ или окольничій, смотря по значенію лица, *объявлялъ* его государю, торжественно произнося его имя. Послѣ объявки, думный дьякъ говорилъ гостю привѣтственную рѣчь. Затѣмъ государь *жаловалъ гостя къ рукѣ:* подавалъ ему руку для цѣлованія. Эта

милость также объявлялась рѣчью, при чемъ царскую руку поддерживалъ первостепенный изъ бояръ. Послѣ того слѣдовало новое благоволеніе царя: онъ спрашивалъ гостя о здоровьѣ самъ лично или чрезъ думнаго дьяка, смотря по достоинству лица.

Совершивъ этотъ торжественный пріемъ, государь или самъ приглашалъ гостя къ столу, или повелѣвалъ пригласить думному дьяку. Назвавъ гостя по имени, государь говорилъ: *«будь у насъ у стола»*, или *«поѣшь нынѣ со мною хлѣба-соли»*, или *«вы сегодня со мною отобѣдайте!»*

Такимъ приглашеніемъ къ столу оканчивалась аудіенція, и гость выходилъ въ другую палату, въ Золотую, Столовую или Отвѣтную, въ которой и дожидался стола, разговаривая съ своими почетными приставами или съ боярами, назначенными государемъ собственно для занятія гостя. Государь также шествовалъ въ свои хоромы и перемѣнялъ платье.

Между тѣмъ, въ палатѣ, дворцовые служители, стряпчіе и ключники накрывали столы и



Пальникъ. Буздыханъ. Шестоперъ. Джиритъ (заключающій въ себѣ саблю и копье). Пищаль.

Древнее оружіе.

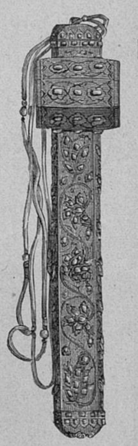
готовили поставцы. Все это дѣлалось съ большою поспѣшностью, такъ что столъ бывалъ готовъ иногда черезъ полчаса или, много, черезъ часъ.

Въ Грановитой палатѣ, гдѣ бо́льшею частью давались почетные столы, въ переднемъ углу, стояло царское мѣсто или тронъ, на которомъ и садился государь за обѣдомъ. Передъ царскимъ мѣстомъ, на его рундукѣ или помостѣ, ставился столъ для государя, кованый золотомъ и серебромъ и накрытый аксамитомъ, золотнымъ бархатомъ. Къ столу ставили приступъ, о двухъ ступеняхъ, обитый цвѣтнымъ персидскимъ ковромъ. Приступъ устраивался для кравчаго, который входилъ на него, *подавая пить и ставя ѣсть* на царскій столъ. Съ правой стороны отъ государева мѣста шли *большая* лавка, называвшаяся такъ отъ *большого* мѣста, которое было на ней первымъ отъ угла подъ иконами. Вдоль этой лавки всегда накрывался и *большой столъ*, такъ часто упоминаемый въ разрядныхъ запискахъ и въ счетахъ мѣстническихъ. Съ лѣвой стороны трона лавка заворачивала въ уголъ: здѣсь ставился обыкновенно *кривой*

столъ. Въ меньшей Золотой и въ Столовой столы ставились наоборотъ, справа кривой, а а слѣва большой. Это зависѣло отъ устройства залы и отъ удобства размѣщенія.

Кромѣ непремѣнныхъ двухъ столовъ, большого и кривого, въ разныхъ мѣстахъ палаты ставились и другіе столы, смотря по числу гостей, для пословъ *посольскіе*, для духовныхъ властей *властелинскіе* и пр. Вообще же, по свидѣтельству иностранцевъ, въ размѣщеніи столовъ не наблюдалось никакого особеннаго порядка и симметріи; они ставились или соотвѣтственно старшинству мѣстъ, или по удобству, но на такихъ, однакоже, мѣстахъ, чтобъ можно было видѣть столъ государевъ. Самые столы, говоритъ Барберини, были весьма разнообразны: одинъ былъ высокій, тотъ низкій, тотъ узкій, тотъ широкій.

Для почетнѣйшаго гостя, напримѣръ, въ Грановитой палатѣ въ 1658 году для грузинскаго царя Теймураза, а въ 1660 году для грузинскаго царевича Николая Давыдовича, накрывали столъ отдѣльно отъ другихъ, съ лѣвой стороны трона, въ первомъ окнѣ отъ Благовѣщенскаго собора, слѣдовательно, въ переднемъ углу. Королевичъ датскій Вольдемаръ, какъ женихъ царевны Ирины Михаиловны, обѣдалъ въ 1644 году за однимъ столомъ съ государемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ и царевичемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ. Такой необыкновенной почести удостаивались весьма немногіе, и только лица царскаго достоинства и высокаго духовнаго сана, какъ напримѣръ, патріархи. Вселенскіе патріархи, Паисій александрійскій и Макарій антіохійскій, пріѣзжавшіе въ Москву при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ, не одинъ разъ обѣдывали за однимъ столомъ съ государемъ.


Чернильница царя Михаила Ѳеодоровича.

Въ то же время, когда шатерничіе разставляли столы, степенные ключники и стряпчіе готовили *поставцы*, или буфеты, изъ которыхъ одинъ устраивался среди палаты, въ Грановитой, обыкновенно около столба, а другіе въ сѣняхъ. Эти поставцы, соотвѣтственно тремъ вѣдомствамъ царскаго столоваго обихода, дѣлились на три отдѣла: былъ *поставецъ Сытнаго дворца*, собственно питейный, на которомъ стояли кубки, ковши, чарки, кувшины, кунганы, ведра и другіе сосуды съ винами; былъ *поставецъ Кормового дворца:* на немъ предварительно ставились сосуды воронки-кувшинцы съ уксусомъ и съ лимоннымъ разсоломъ или сокомъ, а затѣмъ сюда приносили кушанье. Былъ *поставецъ Хлѣбеннаго дворца*, на которомъ ставились разнаго рода хлѣбныя яствы: перепечи, калачи и т. п. Всѣ поставцы обивались шелковыми полосатыми фатами, а кормовой и хлѣбенный, кромѣ того, накрывались до времени фатами золотными, также полосатыми.

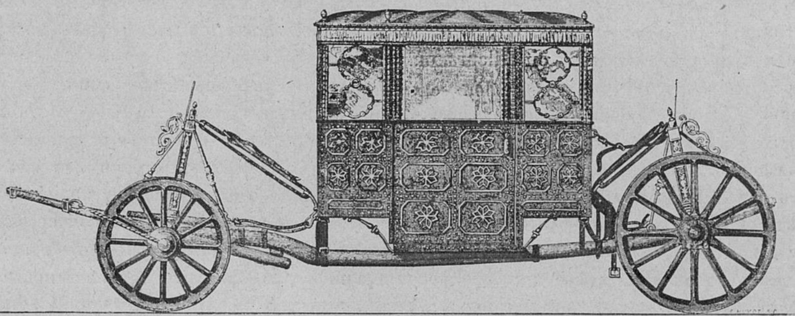
Поставецъ среди палаты назывался *государевымъ* и назначался только для дорогой посуды, золотой, серебряной, хрустальной, сердоликовой, яшмовой и т. п., служившей великолѣпнѣйшимъ украшеніемъ царскаго пира. Здѣсь московскій дворъ въ полномъ блескѣ являлъ свои драгоцѣнности, свое богатство, приводившее въ изумленіе иноземцевъ. Особенно поражало иностранцевъ огромное количество дорогой посуды, которою были убраны, какъ этотъ средній поставецъ, такъ и всѣ другіе.

Когда столы были поставлены и поставцы убраны серебромъ, бояринъ - дворецкій входилъ въ палату и накрывалъ столъ государевъ: *настилалъ* скатерть, ставилъ золотые, украшенные каменьями *судки*, то-есть перечницу, уксусницу, лимонникъ и солоницу, и потомъ съ Хлѣбеннаго дворца *перепечу-недомѣрокъ*. На боярскій, посольскій и всѣ другіе столы скатерти настилалъ степенный ключникъ со стряпчими и подключниками. Здѣсь разставляли судки серебряные золоченые, а на столы низшихъ чиновъ серебряные же *бѣлые*, то-есть не золоченые. Въ размѣщеніи судковъ наблюдалось, чтобъ передъ каждыми четырьмя особами стояла солоница, перечница и уксусница. Въ то-же время стряпчіе Хлѣбеннаго дворца клали на столы *калачи*, бѣлый крупичатый хлѣбъ, разрѣзанный на части извѣстнаго вѣса или мѣры, которая

вообще называлась *калачемъ*, или испеченный въ ту же мѣру. Въ томъ и заключалась вся предварительная уборка древняго стола. Ни тарелокъ и салфетокъ, ни ножей и вилокъ, ни ложекъ и всего того, что въ наше время составляетъ такъ называемый приборъ, предки не употребляли въ уборкѣ своихъ столовъ.

Салфетокъ и вилокъ даже совсѣмъ не подавали во время обѣда. Тарелки, ложки и ножи подавались во время стола только почетнѣйшимъ особамъ и преимущественно посламъ западныхъ государствъ. Такъ какъ кушанья подавались большею частью совсѣмъ уже готовыя, нарѣзанныя и искрошенныя, то и ножей за столомъ много не требовалось, а тѣмъ болѣе для каждой особы: да при томъ во многихъ случаяхъ руки вполнѣ могли служить вмѣсто ножей такъ, какъ онѣ служили вмѣсто вилокъ. Ложки же приносили съ горячимъ, которое обыкновенно подавалось въ половинѣ стола, послѣ холодныхъ и жаркихъ.

Когда бояринъ-дворецкій докладывалъ государю, что все было готово, государь шествовалъ въ палату въ сопровожденіи бояръ и другихъ лицъ, приглашенныхъ къ столу, и садился на свое мѣсто, за свой царскій столъ. Вслѣдъ за тѣмъ садились по мѣстамъ сначала за большой столъ бояре и прочіе чины, а потомъ и остальные за другіе столы по разряду, по старшинству, кому за кѣмъ слѣдовало сидѣть. Занимая мѣсто, каждый билъ челомъ государю, «покло-



Патріаршая карета XVII вѣка.

нялся о правую руку до сырой земли». Въ зимнее время бояре и другіе сановники являлись за столъ въ охобняхъ, или легкихъ шубахъ нагольныхъ, или бѣлыхъ, покрытыхъ тафтою, преимущественно *бѣлою;* государь также надѣвалъ въ это время нагольную или *бѣлую, серебряную* шубу, по-есть покрытую серебряной парчей. По замѣчанію Рейтенфельса, бѣлый цвѣтъ одеждъ въ отношеніи гостя означалъ дружественное расположеніе. Духовникъ государя, протопопъ Благовѣщенскаго собора, почти всегда присутствовавшій за царскими чиновными столами, читалъ «Отче нашъ» и другія молитвы на благословеніе трапезы. По совершеніи молитвы, государь посылалъ звать гостей, которыхъ снова церемонно встрѣчали и потомъ усаживали по назначеннымъ мѣстамъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, бояринъ-дворецкій *являлъ* предъ государемъ чашниковъ, стольниковъ и стряпчихъ, которые должны были служить у стола. Онъ шелъ впереди церемоніально къ трону государя, а за нимъ попарно, держась рука объ руку, чинно шли чашники и стольники *въ золотахъ,* то-есть въ одеждахъ изъ золотой и серебряной парчи съ длинными воротниками, шириною почти въ полъ-аршина, спускавшимися по спинѣ и унизанными жемчугомъ, въ тафьяхъ, небольшихъ шапочкахъ, покрывавшихъ темя, также унизанныхъ жемчугомъ, и въ горлатныхъ, высокихъ шапкахъ. На груди у стольниковъ *большихъ*, или старшихъ, по разрядамъ, были надѣты крестъ-на-крестъ золотыя или серебряныя вызолоченныя цѣпи съ ка-

меньями. Дворецкій становился подлѣ средняго поставца, въ Грановитой—у столба; чашники и стольники подходили къ царскому столу, дѣлали низкій поклонъ и удалялись также попарно, одни за другими, обходя вокругъ поставецъ. Они шли къ буфетамъ за кушаньемъ и винами. Число ихъ соразмѣрялось съ числомъ и знатностью гостей, и простиралось до 100, до 200 и до 300 человѣкъ.

Объявивъ *столовый чинъ,* дворецкій шелъ за государевъ кормовой поставецъ, садился у ѣствы и отпускалъ ѣсть про великаго государя. Въ то-же время занимали свои мѣста и должности и другіе чины стола. У царскаго стола безотходно находился кравчій съ товарищемъ своимъ, стольникомъ: вмѣстѣ они служили при особѣ государя.

Между столовыми *чинами* должности были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: одинъ изъ стольниковъ *вина наряжалъ,* то-есть завѣдывалъ и распоряжался винами, отсылалъ на столы, другой—*питъ наливалъ,* наполнялъ кубки и ковши и разсылалъ гостямъ по назначенію. Двое стольниковъ *смотрѣли* и *сказывали* въ большой столъ, другіе двое *смотрѣли* и *сказывали* въ кривой столъ. *Смотрѣть въ столъ* значило распоряжаться угощеніемъ, *строить ѣствы* — смотрѣть за стольниками, *чтобы ставили* и *сымали,* словомъ, наблюдать, чтобъ столъ, обѣдъ, во всѣхъ частяхъ шелъ своимъ порядкомъ, чтобъ всѣ, *по чину,* были довольны угощеніемъ и нигдѣ-бъ не было нарушено ни обрядовъ царскаго стола, ни чести гостя. *Сказывать въ столъ* значило провозглашать имена гостей, которымъ, какъ увидимъ ниже, государь посылалъ подачу, кушанье или вино. Это называлось также *явкою, объявкою.* За посольскимъ поставцомъ садился и про пословъ *ѣсть отпущалъ* товарищъ дворецкаго, думный дворянинъ или стольникъ. За боярскими и другими поставцами садились также стольники съ дворцовыми дьяками. У поставцовъ Сытнаго дворца находились степенные ключники и стряпчіе.

Торжественность царскаго пира особенно увеличивалась еще присутствіемъ почетной церемоніальной стражи. Подлѣ государева стола, по правую и по лѣвую сторону, стояли стольники съ мечами, въ ферезяхъ золотныхъ и въ шапкахъ, по одному человѣку, а иногда, поодоль ихъ, еще по два человѣка головъ или полковниковъ стрѣлецкихъ, безъ шапокъ. Кромѣ того, у дверей палаты, по обѣимъ сторонамъ стояли въ рядъ жильцы съ протазанами и съ алебардами, человѣкъ по двѣнадцати на сторонѣ, а иногда и болѣе, смотря по знатности гостя.

Когда одни стольники, которые *ѣсть ставили,* уходили за кушаньемъ, другіе, которые *питъ подавали,* приносили въ серебряныхъ кувшинахъ водку, или *государево винцо,* ставили на столы, разливали въ чарки и угощали гостей. Иногда государь изъ собственныхъ рукъ разсылалъ водку. Потомъ онъ раздавалъ почетнѣйшимъ гостямъ хлѣбъ, каждому особо, громко называя по имени того, кому назначалъ подачу. Это почиталось великою милостью, особеннымъ благоволеніемъ царя. Стольникъ, подавая гостю хлѣбъ, провозглашалъ имя сидящаго, а затѣмъ говорилъ слѣдующую рѣчь: «Иванъ (имя гостя), Великій государь (титулъ) жалуетъ тебя своимъ государевымъ жалованьемъ — подаетъ тебѣ хлѣбъ».

Принимая царскую почесть, гость вставалъ и кланялся, а вмѣстѣ съ нимъ вставали и кланялись и всѣ сидѣвшіе за столомъ. Такимъ же образомъ присылалась иногда и соль. «Присылкою хлѣба (замѣчаетъ Герберштейнъ) государь являетъ свою милость, а солью показываетъ свою любовь, и по сей то причинѣ при русскомъ дворѣ нельзя получить никакой чести больше, какъ когда государь присылаетъ кому съ своего стола соль».

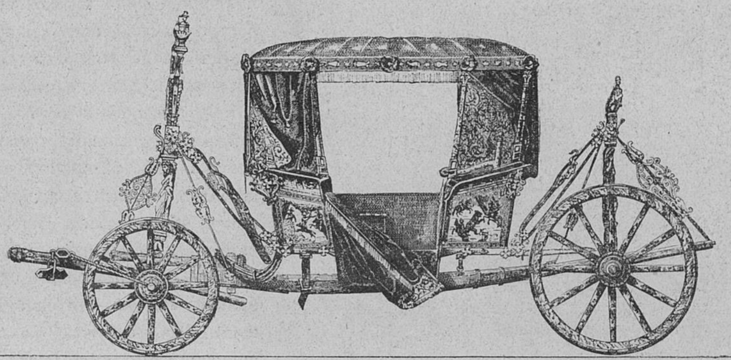
Раздавъ почетнѣйшимъ гостямъ хлѣбъ, государь приказывалъ подавать кушанье. Съ тою же церемоніею дворецкій открывалъ шествіе къ столу государя, неся первое блюдо, и сопровождаемый стольниками, которые, какъ прежде, шли за нимъ попарно и также несли кушанья.

Дворецкій *являлъ* предъ государемъ первыя блюда холодныя и жаркія. Въ скоромный день первымъ блюдомъ былъ жареный лебедь. «Когда раздача хлѣба кончится (замѣчаетъ Климентъ Адамъ), то входитъ придворный въ сопровожденіи прислужниковъ и, поклонившись князю, ставитъ на столъ на золотомъ блюдѣ молодого лебедя, чрезъ полминуты снимаетъ со

стола и отдаетъ кравчему съ семью товарищами, чтобъ нарѣзали кусками, потомъ блюдо ставится на столъ и предлагается гостямъ съ прежнею торжественностью».

Барберини, описывая порядокъ царскаго обѣда, говоритъ, что, послѣ раздачи хлѣба и вина, въ столовую «вошло человѣкъ двадцать прислуги: они несли огромныя блюда съ разными жарками, какъ-то: гусями, бараниной, говядиной и другими грубыми мясами; но, подошедши къ государеву столу, всѣ они снова поворотили назадъ и скрылись со всѣми этими блюдами, не подавая никому; вскорѣ же потомъ они снова явились, и уже въ бо́льшемъ числѣ, и несли, какъ прежнія, такъ и другія мясныя кушанья, но уже нарѣзанныя кусками на блюдахъ; когда такимъ образомъ блюда принесли и обнесли кругомъ, по всѣмъ столамъ, тутъ только начали мы, наконецъ, ѣсть».

Въ это время снова началась церемонія *подачъ:* государь разсылалъ почетнѣйшимъ гостямъ первыя блюда, при чемъ стольники произносили тѣ же *милостивыя рѣчи.* Впрочемъ, рѣчи съ полнымъ титуломъ государя говорились только при первыхъ подачахъ, а потомъ стольникъ, назвавъ по имени гостя, провозглашалъ только: «царь и великій князь подаетъ». Порядокъ,



Царская карета XVII вѣка.

въ какомъ разносили эти подачи, соотвѣтствовалъ значенію гостей: тому, кого государь хотѣлъ почтить болѣе другихъ, онъ посылалъ первому.

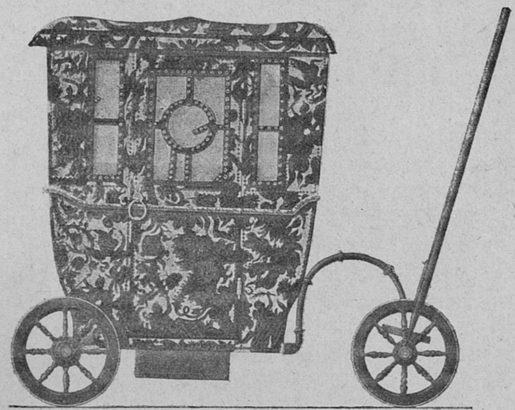
Въ 1671 году польскимъ посламъ во время стола были слѣдующія подачи: первому послу, Станиславу Казиміру, бѣневскому воеводѣ: первая подача—*крыло лебяжье,* вторая—*пирогъ осыпной,* третья—*жаворонки* (хлѣбенное), четвертая—*гусь.* Второму послу, Кипріяну Павлу: первая подача—*пирогъ осыпной,* вторая — *жаворонки,* третья—*ходило лебяжье,* четвертая — *уха черная.* Третьему послу, Владиславу Шмелингу: первая подача—*гусь,* вторая — *куря индѣйское,* третья — *мисенное,* четвертая — *курникъ съ изразцами.* Королевскимъ дворянамъ поданы: кому пирогъ, кому гусь, кому куря, жаворонки, лебяжья хлупь и т. п.

Въ продолженіе обѣда подачи раздавались четыре раза. Вслѣдъ за подачами на всѣ столы подавали ѣствы въ великомъ изобиліи, но, по замѣчанію иностранцевъ, безъ соблюденія порядка, какое блюдо за какимъ должно слѣдовать: подавали сначала жаркія или холодныя, потомъ ухи, похлебки и т. д., ставили на столы столько, сколько могло уставиться; гости кушали, что кому нравилось. Великое изобиліе ѣствъ и питей за царскимъ столомъ всегда изумляло иностранцевъ. Количество подаваемыхъ блюдъ (порцій) простиралось иногда до пятисотъ; и какъ-бы много гостей ни было, всегда число блюдъ несоразмѣрно было велико противъ числа гостей. Причиною этому былъ обычай царей разсылать послѣ стола *подачи* не только

всѣмъ присутствующимъ, но даже и отсутствующимъ, всѣмъ тѣмъ, кому государь хотѣлъ оказать свою милость и благоволеніе. По свидѣтельству Котошихина, на всѣ такія подачи и на всѣ столы про государя, царицу и ихъ дѣтей каждый день обыкновенно выходило больше *трехъ тысячъ* ѣствъ, кромѣ столовъ праздничныхъ и вообще торжественныхъ.

Каждое блюдо составляло собственно порцію или, по старинному, *ѣству*. За столомъ большею частью два гостя, сосѣди другъ другу, ѣли съ одного блюда. Ѣсть съ кѣмъ съ одного блюда принималось также за извѣстную мѣру почести: ѣсть съ одного блюда съ хозяиномъ дома или вообще со старшимъ представляло не малую честь для младшаго гостя. За царскимъ столомъ возникали иногда по этому случаю почестные счеты. Такъ, однажды, за столомъ у царя Ѳедора Іоанновича, рязанскій епископъ весьма былъ оскорбленъ, что архіепископъ ростовскій не далъ ему ѣсть съ одного съ нимъ блюда, и присовокупилъ въ челобитной по этому поводу, что онъ, при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, ѣдалъ съ одного блюда и съ новгородскимъ архіепископомъ.

Послѣ первыхъ блюдъ кушанья, слѣдовала первая подача вина. Государь посылалъ каждому изъ почетныхъ гостей кубокъ, наполненный *фряжскимъ* виномъ: романеею, бастромъ, ренскимъ, мальвазіею и др. Подачи вина сопровождались тѣми же обрядами и тѣмъ же сказываніемъ, какъ и при разсылкѣ кушаній. «Когда обѣдъ зайдетъ за половину (говоритъ Маржеретъ) и царь разошлетъ гостямъ снова по большой чашѣ съ какимъ-нибудь краснымъ медомъ (онъ бываетъ разныхъ сортовъ), тогда приносятъ и ставятъ по столамъ огромныя серебряныя ведра съ бѣлымъ медомъ, который черпаютъ ковшами. По мѣрѣ того, какъ одни сосуды опоражниваются, подаютъ другіе съ напитками, болѣе или менѣе крѣпкими, по желанію пирующихъ. За симъ царь посылаетъ каждому гостю третью чашу съ крѣпкимъ медомъ и ароматнымъ виномъ, а по окончаніи обѣда и четвертую и послѣднюю, наполненную паточнымъ медомъ, напиткомъ весьма вкуснымъ, легкимъ и, какъ вода ключевая, прозрачнымъ».



Старинная малая карета.
(Оружейная палата).

Число всѣхъ подачъ вина и меда простиралось иногда до девяти: три подачи фряжскихъ винъ, три подачи красныхъ медовъ и три подачи бѣлыхъ медовъ.

При каждомъ *сказываньи* царской подачи всѣ вставали и кланялись государю. «Эта церемонія такъ часто происходила, замѣчаетъ Барберини, что, вмѣсто того, чтобъ до-сыта наѣсться, отъ безпрестаннаго вставанья часъ отъ часу только болѣе усиливался аппетитъ». За церемонными посольскими столами провозглашались, кромѣ того, *чаши* или тосты сначала за здоровье и про братскую любовь государя, отъ котораго пріѣзжалъ посолъ, и потомъ за многолѣтнее здоровье самого царя, за здоровье царевича-наслѣдника, за здоровье бояръ, пословъ и пр. При столахъ, даваемыхъ гостямъ, которыхъ значеніе не требовало равной съ государемъ почести, заздравную чашу пили сначала за государя, а потомъ уже про здоровье почетнаго гостя.

За праздничными обыкновенными столами, безъ иноземныхъ гостей, пили только одну чашу государеву.

Заздравныя чаши иностранныхъ государей или почетнѣйшихъ гостей сопровождались слѣ-

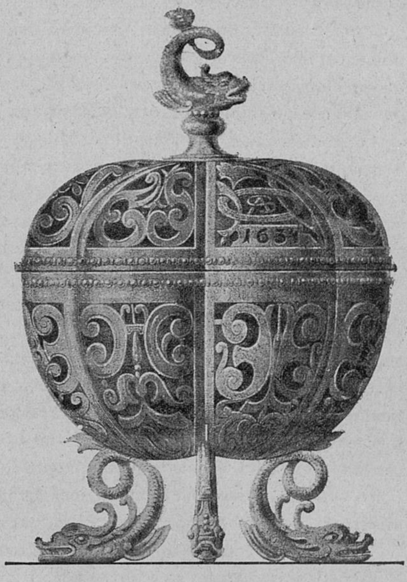
дующими обрядами. Въ то время, какъ государь бралъ у кравчаго кубокъ, стольникъ, который пить наливалъ, выступя на средину комнаты, провозглашалъ тостъ, при чемъ всѣ вставали, а послы выходили изъ-за стола. Государь также вставалъ, снималъ шапку и, троекратно перекрестясь, выпивалъ кубокъ, причемъ послы кланялись. Если требовалось выразить особенное уваженіе монарху, отъ котораго были послы, то государь присовокуплялъ къ тосту собственную рѣчь о братствѣ, дружбѣ и любви, съ пожеланіемъ здоровья, счастливаго пребыванія и надъ недругами побѣды.

Послѣ того, государь изъ собственныхъ рукъ подавалъ заздравную чашу гостямъ, боярамъ и всѣмъ сидѣвшимъ за столомъ. Каждый, по порядку старшинства мѣстъ, выходилъ изъ-за стола, бралъ кубокъ и, отступя на нѣсколько шаговъ отъ трона, поклонялся, билъ государю челомъ и осушалъ чашу.

Съ тѣми же обрядами провозглашались и другіе тосты.

Но такъ какъ заздравныя чаши провозглашались подъ исходъ стола, то весьма многіе изъ гостей, особенно не разсчитавшіе своей умѣренности во время стола, при обыкновенныхъ подачахъ, не всегда довершали царскій пиръ въ памяти. Московскій дворъ смотрѣлъ на такіе случаи съ особеннымъ удовольствіемъ; онъ убѣждался, что гости были рады государевой милости, рады пиру и угощенью. Радушіе и гостепріимство нашихъ дѣдовъ ставило себѣ въ непремѣнное условіе употчевать гостя до-пьяна.

Если хозяинъ радъ былъ гостю, то приличіе требовало употребить всѣ средства, чтобъ гость былъ веселъ и пьянъ. Если гость радъ былъ пиру, то приличіе требовало не отказываться отъ чаши, потому что рѣшительный отказъ всегда оскорблялъ хозяина и нарушалъ доброе расположеніе между обоими. Древній русскій пиръ тогда и *честенъ* былъ, когда всѣ *гости напивалися*. Поэтому и царскіе пиры не оканчивались еще заздравными чашами, не оканчивались питьемъ за столомъ: каждый разъ послѣ стола, къ почетнымъ гостямъ, которымъ давался обѣдъ, являлся на домъ стольникъ, въ сопровожденіи служителей, приносившихъ нѣсколько ведеръ винъ и медовъ. Онъ объявлялъ, что присланъ потчевать гостей и оставаться съ ними для препровожденія времени въ удовольствіи. «Вслѣдъ за симъ (разсказываетъ Герберштейнъ) приносятъ съ напитками сосуды и кубки и всемѣрно стараются посланниковъ сколько можно упоить. Въ семъ искусствѣ русскіе весьма свѣдущи: если не имѣютъ они способа заставить кого-нибудь выпить, то начинаютъ пить за здоровье императора или брата его (то-есть за здоровье государя, отъ котораго посолъ прибылъ), или за здоровье великаго князя (то-есть царя) и другихъ знаменитыхъ особъ. Они думаютъ, что отговариваться и не пить за чье-либо здоровье не должно или не можно. За здоровье пьютъ такимъ образомъ: тотъ, кто предлагаетъ пить, становится посреди горницы и учтиво произноситъ имя, за чье здоровье онъ пьетъ, и что желаетъ ему всякаго благополучія. Выпивъ, переворачиваетъ кубокъ на голову, дабы показать, что онъ его опорожнилъ въ знакъ желанія совершеннаго благополучія тому, чье имя предъ тѣмъ произнесъ. Потомъ идетъ въ передній уголъ, въ большое мѣсто, приказываетъ наполнить



Серебряная курильница царя Михаила Θеодоровича.
(Оружейная палата).

многіе кубки, подноситъ ихъ каждому и произноситъ имя того, за чье здоровье пить надлежитъ. Послѣ сего, всѣ должны выходить на средину покоя и, выпивъ кубокъ, опять садиться на свои мѣста. Кто не хочетъ до пьяна напиться, тотъ долженъ или представиться пьянымъ или спящимъ, или перепить русскихъ, или, наконецъ, рѣшительно объявить, что онъ больше пить не въ состояніи. Русскіе наилучшимъ угощеніемъ почитаютъ, ежели кого употчуютъ до пьяна или до безчувствія».

За царскимъ столомъ не одинъ разъ случалось, что, въ безпамятствѣ, съ необычайною поспѣшностью оставляли обѣдъ и уходили, или, вѣрнѣе, бѣжали, не дождавшись конца церемоній. Одинъ такой случай за обѣдомъ у царя Іоанна Васильевича описываетъ Барберини. «Болѣе трехъ битыхъ часовъ сидѣли мы за столомъ... и вотъ уже не мало было изъ этихъ бояръ, что до пьяна напились. Когда-же пришли слуги для сниманія кушаньевъ и скатертей со столовъ, тутъ опять съ не малымъ шумомъ и суматохой всѣ поднялись, вставая изъ за стола. Государь все еще оставался на своемъ мѣстѣ и подозвалъ къ себѣ пословъ, которымъ подавалъ, каждому своеручно, кубокъ вина; они, будучи заранѣе предувѣдомлены о нравахъ и обычаѣ страны, принимали изъ рукъ его кубокъ, держали свои шапки въ рукѣ и, обернувшись спиной къ государю, отходили отъ него шаговъ за нѣсколько, гдѣ, вдругъ остановясь, снова оборачивались къ нему лицомъ и преуниженно кланялись ему по-турецки; потомъ выпивали все до дна, либо отвѣдывали только, какъ кому было угодно; отдавали кубокъ присутствующимъ и, не говоря ни слова, уходили. Когда послы были такимъ образомъ отпущены, государь подозвалъ и меня, и такъ же, какъ и посламъ, подалъ мнѣ своеручно кубокъ вина и я, будучи тоже предувѣдомленъ, какъ должно въ такомъ случаѣ поступить, придержался того же самаго порядка, какъ, видѣлъ, дѣлали и послы. Но тотчасъ же послѣ этого, какъ посламъ, такъ и мнѣ, хмель сильно разобралъ голову, такъ что, позабывъ все приличіе и скромность, бросились мы всѣ скорѣе въ двери. Съ такою поспѣшностью не выбѣгали, быть можетъ, изъ храма Божьяго даже книжники и фарисеи, съ какою мы выбѣжали оттуда. Тутъ съ трудомъ должны мы были проходить чрезъ покои, по причинѣ толпы хмельныхъ, тѣснившихся въ безпорядкѣ и впотьмахъ, пока, наконецъ, добрались до дворцоваго крыльца, отъ котораго, шагахъ еще въ двадцати или болѣе, ожидали насъ съ лошадьми слуги, тамъ же обѣдавшіе съ нами; но, когда мы спустились съ крыльца, чтобъ добраться до нашихъ лошадей и уже ѣхать домой, мы должны были брести по грязи, которая была по колѣно, а ночь претемная, нигдѣ ни огонька, такъ что мы довольно поизмучились, пока могли сѣсть на коней; а все это чванство со стороны москвитянъ: они не хотятъ, чтобъ кто-нибудь осмѣлился подъѣзжать ко дворцу верхомъ или слѣзать съ лошадей».

То-же самое случилось съ цесарскими послами на обѣдѣ у царя Алексѣя Михаиловича въ 1656 г. Послѣ чаши, предложенной государемъ за здоровье цесаря римскаго Фердинанда, послы, вышедъ изъ-за стола, провозгласили чашу многолѣтняго здоровья царя. Бояре вышли на средину палаты, ударили государю челомъ и выпили. «А послѣ того, посламъ, вышедъ изъ-за стола, пить было за боярское здоровье, а боярамъ пить было за здоровье цесаревыхъ думныхъ людей; а посламъ въ то время выходить-же. И послы про бояръ, а бояре про пословъ не пили, потому что послы, обрадовався государевы милости, упились пьяни и пошли изъ палаты вскорѣ безпамятно. А послѣ стола явить было посламъ государево жалованье — соболи, да говорити рѣчь на отпускѣ и грамоту подать. И посламъ государева жалованья не явлено и рѣчи не говорено и грамоты не дано, для того, что послы упились гораздо; а отложенъ имъ отпускъ до иного дня. А какъ послы пошли изъ палаты вонъ, и по государеву указу провожалъ пословъ до кареты бояринъ Семенъ Лукьяновичъ Стрешневъ, а въ карету посадилъ пословъ стольникъ и московскій ловчій Аѳанасій Ивановичъ Матюшкинъ, а карета была посламъ для того, что они были пьяни. А послѣ посольскаго отпуску посыланъ былъ къ нимъ потчевать съ питьемъ стольникъ Петръ Шереметевъ, и пріѣхалъ назадъ, совсѣмъ не потчевавъ пословъ, для того, что послы были пьяни».

Веселые обычаи Петра Великаго, которые, по нашему незнанію своей старины, приписываются только ему одному, и состоявшіе въ томъ, чтобы всѣми мѣрами употчевать гостей, какъ возможно пьянѣе, принадлежали къ рядовымъ дѣламъ стараго общежитія и въ частномъ и въ царскомъ быту. Царь Годуновъ съ тою же цѣлью упоилъ за царскимъ столомъ ливонскихъ нѣмцевъ-эмигрантовъ. Царь Алексѣй Михаиловичъ не одинъ разъ упаивалъ на своихъ домашнихъ пирахъ приближенныхъ бояръ. Мы теперь разсуждаемъ объ этомъ какъ о невозможномъ насиліи, а старинные люди почитали такое угощеніе особою царскою милостью и необычайнымъ пожалованіемъ.

Столъ продолжался, смотря по торжеству, по значенію гостей, которымъ дѣлались церемоніи, болѣе или менѣе пышныя, болѣе или менѣе почетныя. Обыкновенно сидѣли за столомъ около пяти часовъ. Кобенцель говоритъ, что они сидѣли почти шесть часовъ; но Карлиль замѣчаетъ, что обѣдъ, данный ему, продолжался девять часовъ. За столъ садились въ разное время, но обыкновенно, по нашему счету, часу въ первомъ, иногда въ третьемъ, а иногда и въ одиннадцатомъ, если требовали этого какія-либо особыя обстоятельства.

По окончаніи стола, царскій духовникъ или ключарь Благовѣщенскаго Собора съ священниками говорили молитву «Достойно есть» и пр., послѣ которой государь шествовалъ въ свои хоромы, а послы и всѣ гости разъѣзжались по домамъ. На другой день, по обычаю, государь посылалъ спрашивать почетнаго гостя, которому давалъ пиръ, о здоровьѣ. Къ лицу царскаго достоинства ходилъ бояринъ со стольниками, а къ посламъ обыкновенно ихъ приставъ.

И. Забѣлинъ.

ОЧЕРКЪ VIII.

МОСКВА ВО ВРЕМЯ ПРЕОБРАЗОВАНІЙ.

Село Преображенское, какъ воспитательное гнѣздо будущаго преобразователя Петра.—Дѣтство Петра.—Его игры—потѣхи.—Его отношенія къ старому Домострою царскаго быта.—Стольный городъ Прѣшпуръ.—Нѣмецкая слобода, какъ зародышъ Петербурга.—Запустѣніе Стараго Кремля.—Состояніе Москвы въ первой половинѣ XVIII столѣтія.—Московское общество временъ Петра и московское общество при Елисаветѣ и Екатеринѣ.—Французская образованность въ Москвѣ.—Московская республика.—Наполеоново нашествіе.—Приготовленія къ его встрѣчѣ.—Патріотизмъ москвичей.—Пожаръ Москвы.—Существенныя его причины.—Отзывы французовъ о москвичахъ.—Положеніе Москвы послѣ выхода непріятеля.—Упадокъ московской республики и барскаго житья.

Москвичи Москву страстно любятъ и думаютъ, что нѣтъ спасенія окромѣ, и что нигдѣ не живутъ окромѣ, какъ въ Москвѣ.

Замѣтка о Москвѣ Екатерины II.

Петръ провелъ свое дѣтство и отрочество, а равно и время воспитанія, въ нѣкоторомъ удаленіи отъ сцены царственныхъ дѣлъ и отношеній. По смерти отца, маленькій Петръ, съ своею царицею матерью, жилъ какъ-бы въ загонѣ, въ тѣснотѣ отъ олигарховъ-властолюбцевъ, подобно тому, какъ въ такихъ же обстоятельствахъ жилъ и воспитывался царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный; почему, припоминая исторію, Петръ впослѣдствіи питалъ къ Грозному царю большое сочувствіе. Это сочувствіе естественно возникало и вызывалось однородностію положенія. Грознаго царя уничижали и оскорбляли своимъ самоволіемъ властолюбивые родовитые бояре, которые мало-по-малу и воспитали въ немъ горячаго ненавистника боярскаго самоволія. Не меньшее уничиженіе долженъ былъ испытывать и маленькій, еще 10-ти-лѣтній Петръ, когда послѣ стрѣлецкой расправы съ людьми, преданными его сторонѣ и даже съ его родственниками (Нарышкиными), царское владычество сосредоточено было въ дѣвичьемъ теремѣ, у его сестры Софьи, когда, наименованный царемъ, онъ попрежнему оставался только царевичемъ чужого рода, Нарышкиныхъ, ибо царствующимъ и владѣющимъ, старшимъ родомъ былъ родъ Милославскихъ, старшій его братъ, болѣзненный Іоаннъ, и царевна Софія.

По смерти царя Алексѣя Михайловича, при распредѣленіи между царскою семью царскихъ подмосковныхъ дворцовъ, царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ съ ея малолѣтнимъ сыномъ досталось село Преображенское, на правомъ берегу Яузы, устроенное царемъ Алексѣемъ еще въ 1666-мъ году.

Въ послѣдніе годы своей жизни, царь Алексѣй очень полюбилъ это мѣсто, и часто выѣзжалъ туда на житье со всѣмъ семействомъ. За годъ до своей смерти, онъ прожилъ тамъ всю

осень (1674 года) и даже перевелъ туда засѣданія царской Думы. Въ то время въ Преображенскомъ была устроена и новая потѣха для царской семьи, давались первыя *комедіи* въ особо для того выстроенной комедійной хороминѣ. Маленькому Петру въ то время былъ уже 3-й годъ.

Надо припомнить также, что въ 4 верстахъ отъ Преображенскаго дворца, на востокъ, существовалъ у царя Алексѣя еще загородный дворецъ въ селѣ Измайловѣ, гдѣ заведенъ былъ образцовый и небывалый до того времени хозяйственный хуторъ, который въ высшей степени замѣчателенъ какъ опытъ преобразованія на европейскую ногу стараго русскаго полевого хозяйства.

Начало Измайловскаго царскаго хозяйства относится къ 1663 году, когда Алексѣй Михайловичъ сталъ переселять сюда и въ прилежащія къ Измайлову пустоши крестьянъ изъ другихъ дворцовыхъ вотчинъ. Съ того времени заведена здѣсь пашня въ огромныхъ размѣрахъ, садоводство, пчеловодство и разныя другія хозяйственныя статьи, въ томъ числѣ даже шелководство.

Такимъ образомъ, Преображенское и Измайлово еще при младенчествѣ Петра являлись уже первыми мѣстностями, гдѣ полагалось основаніе для будущихъ широкихъ преобразованій. Быть можетъ, различныя хозяйственныя машины Измайловскаго хутора не пропали даромъ и для дѣтскихъ впечатлѣній маленькаго Петра. Царь Алексѣй не разъ привозилъ его туда веселиться, забавляться и всякаго *строенья* (устройства) смотрѣть. Такія поѣздки не одинъ разъ случались и при старшемъ братѣ Петра, царѣ Ѳеодорѣ.



Царь Алексѣй Михайловичъ и его вторая жена Наталія Кирилловна.
(Снимокъ съ древней медали).

Когда по смерти Ѳеодора и послѣ стрѣлецкой трагедіи, для Петра и его матери настала тѣснота въ Кремлевскомъ дворцѣ, а Измайлово поступило во владѣніе старшему его брату Іоанну, и слѣдовательно въ распоряженіе царевны Софьи, то Преображенское по необходимости сдѣлалось единственнымъ независимымъ убѣжищемъ для гонимой семьи Нарышкиныхъ.

Съ того времени здѣсь основались и сосредоточились и всѣ воспитательныя *потѣхи* будущаго преобразователя, а близость Нѣмецкой слободы, которая находилась въ 3-хъ верстахъ на той же рѣкѣ Яузѣ, доставляла возможность знакомиться съ новыми людьми и съ новыми свѣдѣніями и знаніями, которыя ежеминутно требовались при распространеніи и развитіи упомянутыхъ потѣхъ.

Отъ стороны Софьи и Милославскихъ на эти потѣхи вначалѣ смотрѣли даже съ удовольствіемъ. Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало,—лишь бы оставалось въ сторонѣ отъ царскихъ дѣлъ и не показывалось народу, какъ достойная надежда всего царства. Извѣстно, что впослѣдствіи, когда Петру минуло 16 лѣтъ, о немъ ходили по Москвѣ слухи, что онъ испился и водится только съ конюхами, на которыхъ у него вся надежда. И самъ дядька Петра, Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, тоже прозывался атаманомъ пьяныхъ, и что будто онъ, собравши пьяныхъ, водитъ хороводы. Всему этому вполнѣ могли вѣрить приверженцы благочестивыхъ правилъ старой жизни, потому что, во многомъ, отроческое поведеніе Петра совсѣмъ выходило изъ уровня установленныхъ порядковъ царскаго быта.

Сначала это были обыкновенныя дѣтскія воинскія игрушки въ солдатики, которыя начались еще съ первыхъ лѣтъ жизни ребенка. Еще въ Кремлѣ передъ его хоромами построена была потѣшная площадка, гдѣ со сверстниками-дѣтьми царевичъ потѣшался въ особомъ шатрѣ, не только барабанами и различнымъ оружіемъ, но и пушками; на набережномъ же дворцовомъ прудѣ онъ и тогда уже плавалъ въ лодкахъ «шнякахъ, корбусахъ». Съ того времени,

годъ отъ году, эти игры становились все обширнѣе и замысловатѣе и переходили уже въ прямое школьное ученье. Изъ дворцовыхъ сѣней, изъ комнаты, они переносились въ поле являлись учебными маневрами. Надо при этомъ замѣтить, что непосредственнымъ создателемъ этой школы и этого плана въ своемъ обученіи былъ самъ же геніальный ребенокъ. Своею



Портретъ Петра Великаго.

пытливостью, неугомонною любознательностью, онъ изъ самыхъ мелочныхъ дѣтскихъ потѣшныхъ предметовъ и обстоятельствъ легко и скоро, съ незамѣтною постепенностію, сооружалъ настоящее заправское дѣло. Постреливши на дворцовой комнатной потѣшной площадкѣ изъ деревянныхъ ружей и пушекъ деревянными ядрами, царевичъ вскорѣ провѣдалъ и о пушечномъ артиллерійскомъ дворѣ, гдѣ еще при его отцѣ, царѣ Алексѣѣ, была заведена гранатная

стрѣльба и былъ устроенъ особый гранатный дворъ, гдѣ работали гранатные мастера съ учениками. Это была самая веселая потѣха, которой только и недоставало въ первоначальныхъ играхъ Петра. Гранатами (родъ бомбы) стрѣляли изъ деревянныхъ же пушекъ, а ручныя гранаты бросали прямо изъ рукъ. При этомъ, собственно для потѣхи, производилась и ракетная стрѣльба (фейерверкъ). Все это представлялось особенно любопытнымъ для ребенка, еще при отцѣ видавшаго подобныя потѣшныя огнестрѣльныя забавы. Это происходило, вѣроятно, въ концѣ 1682 года, когда Петру минуло 10 лѣтъ, и онъ былъ уже коронованнымъ царемъ. Въ этомъ году прибылъ въ Москву иностранецъ Бранденбургской земли, поступившій капитаномъ въ русскую службу, огнестрѣльный мастеръ Симонъ Зомеръ. Онъ явился однимъ изъ первыхъ нѣмцевъ, которые руководили дѣтскими играми будущаго преобразователя. Огненная потѣха, по плану мастера Зомера, въ первый разъ была исполнена въ маѣ мѣсяцѣ 1683 года въ виду всей Москвы, на Воробьевыхъ горахъ. По существу дѣла, это были потѣшные маневры, на которыхъ главнымъ предметомъ игры всегда бывала осада крѣпости-городка, для чего при фейерверкахъ употреблялись пушки и ружья, а исполнителями потѣхи были пушкарскаго приказа, гранатнаго и огнестрѣльнаго дѣла мастера и ученики. Для стрѣльбы гранатами употреблялись главнымъ образомъ деревянныя пушки. Такою гранатною стрѣльбою потѣшался иногда, какъ упомянуто, и царь Алексѣй Михаиловичъ. Но геніальный его сынъ тотчасъ нашелъ такой потѣхѣ и практическое приложеніе. Въ 1684 году въ Преображенскомъ, на Яузѣ, онъ построилъ деревянный городокъ съ земляными окопами, по всѣмъ правиламъ военной науки и произвелъ по тѣмъ же правиламъ искусную осаду. Крѣпость, названная *Пресбургомъ*, конечно, была взята, вѣроятно, съ большими военными хитростями, потому что побѣдитель былъ въ неописанномъ восторгѣ отъ своего подвига, и на всю жизнь сохранилъ память объ этомъ первомъ мастерскомъ дѣлѣ своихъ дѣтскихъ игръ.



Шкиперское платье Петра Великаго.
(Древности Росс. Госуд.).

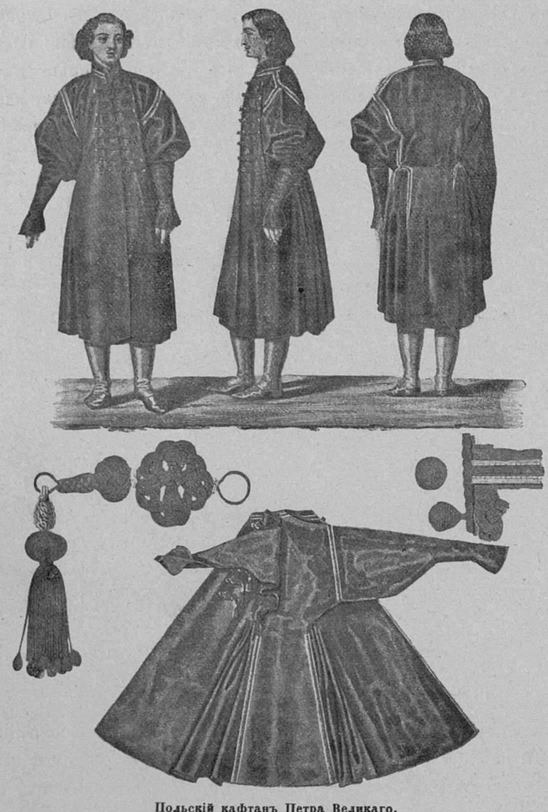
Съ того времени потѣшные городки, ихъ постройка и осада, стали типическою чертою или существомъ всѣхъ забавъ молодого царя. Онъ строилъ и штурмовалъ эти городки въ окрестностяхъ Москвы повсюду, гдѣ только подходило мѣсто, и около Преображенскаго, и въ Измайловѣ, и въ Коломенскомъ, и въ другихъ селахъ, при чемъ Преображенскій городокъ на Яузѣ, какъ завоеванная крѣпость, сдѣлался столицею всѣхъ новыхъ потѣшныхъ людей и сталъ прозываться стольнымъ городомъ *Прѣшпуромъ*.

Изъ этого Прѣшпура мало-по-малу, какъ бы органически, постепенно и послѣдовательно, разрослись и распространились всѣ основанія преобразовательныхъ идей и дѣлъ Петра. Для крѣпости и для стольнаго города потребовался постоянный гарнизонъ, который тотчасъ же и составился изъ окружающей молодежи, отчасти дворянской, а больше всего—отъ придворнослужительской. Для подвозки и провозки пушекъ потребовались лошади, а при нихъ — люди. И тѣ, и другіе были взяты съ царскихъ конюшенъ, но теперь эти конюха стали именоваться *потѣшными*, и по необходимости сдѣлались артиллеристами и солдатами. Изъ нихъ-то и обра-

зовался первый потѣшный солдатскій строй. Они иногда такъ и писались: *отъ потѣхи* стряпчій конюхъ, *потѣшнаго строя* стряпчій конюхъ. А такъ какъ они были поселены въ Преображенскомъ и Семеновскомъ, при конюшняхъ, то прозывались также преображенцами и семеновцами. Въ числѣ такихъ конюховъ былъ Степанъ Бужениновъ, отъ котораго въ Преображенскомъ и улица доселѣ прозывается Бужениновою. Потѣшный строй вскорѣ какъ бы самъ собою переименовался въ полки.

Изъ дѣтской затѣи незамѣтно вырастало прочное и большое дѣло, которое по необходимости само себѣ и указывало соотвѣтственное наименованіе.

Возлѣ стольнаго города Прѣшпура на Яузѣ существовала также и потѣшная флотилія изъ лодокъ, корбусовъ и шняковъ, и здѣсь же впервые происходило плаваніе знаменитаго ботика—«дѣдушки Русскаго флота», слѣдовательно, отсюда же, отъ дѣтской игры, пошло и выросло и устройство настоящаго флота, какъ объ этомъ разсказывалъ самъ великій преобразователь. Ботикъ былъ найденъ въ 1688 году въ Измайловѣ, въ амбарѣ, между разными старыми вещами боярина Ѳикиты Романова, и при содѣйствіи учителя фортификаціи Тиммермана починенъ и перевезенъ сначала на Яузу, къ стольному городу Прѣшпуру, а потомъ въ то-же Измайлово, на Просянской прудъ, затѣмъ на Переяславское озеро, гдѣ народились у него внуки, расплодившіеся потомъ на морѣ у Архангельска и въ особенномъ множествѣ—въ Воронежѣ, на Дону.



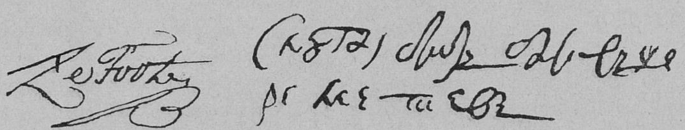
Польскій кафтанъ Петра Великаго.
(Древности Росс. Государства).

Такой ходъ всѣхъ потѣхъ отъ малаго до большого, развивавшихся постепенно, выроставшихъ по мѣрѣ того, какъ выросталъ и самъ великій игрецъ и потѣшникъ, обнаруживаетъ также, что безъ его самоличнаго живого участія и горячей предпріимчивости они ни въ какомъ случаѣ не могли бы и проходить означеннымъ путемъ. Въ душевныхъ качествахъ Петра, еще отъ дѣтскихъ лѣтъ, замѣчается одно качество, едва-ли не самое великое и существенное въ развитіи его геніальности и во всемъ его характерѣ, это именно то, что, рожденный въ царской средѣ, гдѣ съ особою силою развивается одна только способность повелѣвать, онъ, напротивъ того, по своей природѣ, показывалъ несравненно больше способностей и дарованій повелѣнное исполнять. Онъ былъ рожденъ больше всего исполнителемъ, работникомъ, чѣмъ царемъ-повелителемъ, а потому, смотря на какое-бы то ни было дѣло, онъ никакъ не могъ оставаться празднымъ его наблюдателемъ, но тотчасъ же принимался и

самъ за работу, и самъ мастерилъ, какъ умѣлъ, а потомъ и въ дѣйствительности оказывался мастеромъ. Никакое дѣло и издѣліе не проходило мимо него безъ того, чтобы не было узнано имъ во всемъ своемъ устройствѣ. Первоначальныя, еще отроческія работы по заготовленію гранатной стрѣльбы и всякаго рода ракетокъ заставили его изучить въ подробности токарное мастерство, а потомъ, при постройкѣ потѣшнаго городка, плотничное и кузнечное, не говоря о солдатскомъ, или собственно военномъ, во всѣхъ родахъ и подробностяхъ. Здѣсь онъ былъ отличнымъ барабанщикомъ и очень искуснымъ бомбардиромъ, какъ и на кораблѣ былъ прежде всего отличнымъ плотникомъ-корабельщикомъ. Для царскаго лица все это въ дѣйствительности составляло потѣху.

Эта потѣшная воспитательная школа Петра продолжалась ровно 10 лѣтъ и окончилась въ 1694 году знаменитымъ Кожуховскимъ походомъ къ безыменному городку (за Симоновымъ монастыремъ), потѣшная осада котораго была исполнена по всѣмъ порядкамъ и даже съ ожесточеніемъ настоящаго боя. Затѣмъ на другой же годъ слѣдовали уже извѣстные Азовскіе походы противъ турокъ. «Шутили подъ Кожуховымъ, а теперь подъ Азовъ играть идемъ»— говорилъ не безъ радости, отправляясь въ походъ, знаменитый бомбардиръ Петръ Алексѣевъ.

Пока въ Преображенскомъ стольномъ городѣ Прѣшпурѣ продолжалось потѣшное воспитаніе этого бомбардира, въ старомъ Кремлевскомъ дворцѣ отживалъ свой вѣкъ старый Домострой русской жизни. Отдавшись съ горячностію своимъ потѣхамъ, Петръ очень часто забывалъ объ этомъ Домостроѣ и очень рѣдко появлялся, да и то въ важнѣйшихъ случаяхъ, для исполненія старозавѣтныхъ обрядовъ царскаго быта. Къ тому же, во время управленія Софьи,

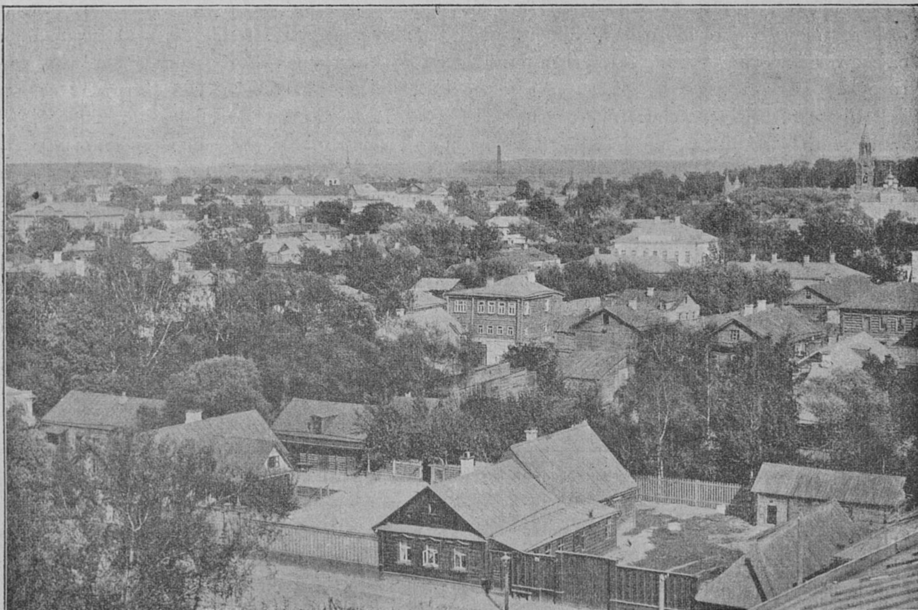


Подпись Лефорта.

онъ не находилъ тамъ и достойнаго мѣста для своей царской особы, ибо первенствующее царственное мѣсто было занято ею. Она съ особымъ усердіемъ являлась народу въ царскихъ выходахъ къ богомолью, въ крестныхъ ходахъ, на всѣхъ празднествахъ и торжествахъ и въ послѣднее время предпринимала даже по ночамъ чрезвычайные выходы для моленья по монастырямъ, дабы съ бо́льшимъ удобствомъ и свободно проповѣдывать стрѣльцамъ, что изъ Преображенскаго, отъ потѣшныхъ конюховъ, имъ грозитъ погибель. Скрытное соперничество и борьба съ властолюбивою сестрою, постоянные страхи и слухи о возникавшихъ козняхъ, а затѣмъ—и прямой заговоръ на жизнь Петра, все это, послужило для Петра едва ли не первою и главною причиною полнѣйшаго охлажденія къ старому Домострою, въ которомъ ему приходилось видѣть только коварство и однихъ себѣ враговъ.

Естественно, что Петръ сталъ питать къ этому Домострою не только полную холодность, но и горячую ненависть, ибо дѣло касалось уже личной безопасности. Естественно также, что, находясь въ гоненіи отъ стараго Домостроя и спрятавшись отъ его порядковъ въ своемъ стольномъ городѣ Прѣшпурѣ, въ Преображенскомъ, Петръ по необходимости долженъ былъ устроить свое общежитіе совсѣмъ на иныхъ правилахъ и отношеніяхъ. Изъ окружавшихъ его дѣльцовъ всякаго рода и всякаго званія и происхожденія образовалась какъ бы особая рабочая артель, братство и товарищество, съ новымъ названіемъ *компанія,* въ которой родовые и служебные чины стараго царства были совсѣмъ упразднены и замѣнены простыми военными чинами; гдѣ порядки домашнихъ ежедневныхъ отношеній проходили уже совсѣмъ безъ всякихъ чиновъ; гдѣ царя не было, а вмѣсто него находился простой барабанщикъ или простой бомбардиръ, пушкарь, Петръ Алексѣевъ.

«*Корабельщики, наша братья, въ чинахъ не искусны*»,—писалъ однажды этотъ бомбардиръ къ своему государю-генералиссимусу, князю Ромодановскому, прося у него прощенія за то, что смѣшалъ въ письмѣ его государское лицо, написавъ вмѣстѣ, рядомъ съ иными. Конечно, это новое начало общежитія не иначе могло устроиться, какъ въ потѣшной, увеселительной формѣ, почему и *компанія*, со стороны своей общественности, явилась карикатурою, и «всешутѣйшимъ и всепьянѣйшимъ соборомъ», въ которомъ предсѣдательствовалъ князь-папа, Никита Зотовъ, «Всешутѣйшій отецъ Іоаникитъ, Пресбургскій *Кокуйскій* (такъ прозывалась въ народѣ Нѣмецкая слобода) и Всеяузскій патріархъ». Этотъ титулъ ясно показываетъ, что исключительнымъ поприщемъ для увеселеній компаніи было старое Преображенское, знаменитый стольный городъ Прѣшпуръ, который стоялъ на островкѣ и сообщался съ берегомъ



Видъ Преображенскаго съ западной стороны въ настоящее время.
(Съ фотографіи).

подъемнымъ мостомъ. Здѣсь и происходили первыя засѣданія и увеселенія компаній. Современникъ Берхгольцъ говоритъ, что «всѣ, кого онъ бралъ туда съ собою, должны бывали столько времени оставаться и пировать съ нимъ, сколько ему хотѣлось, потому что, какъ скоро снимали подъёмный мостъ, уйти не было никакой возможности». Извѣстно, что и князь-кесарь Ромодановскій прозывался пресбургскимъ королемъ.

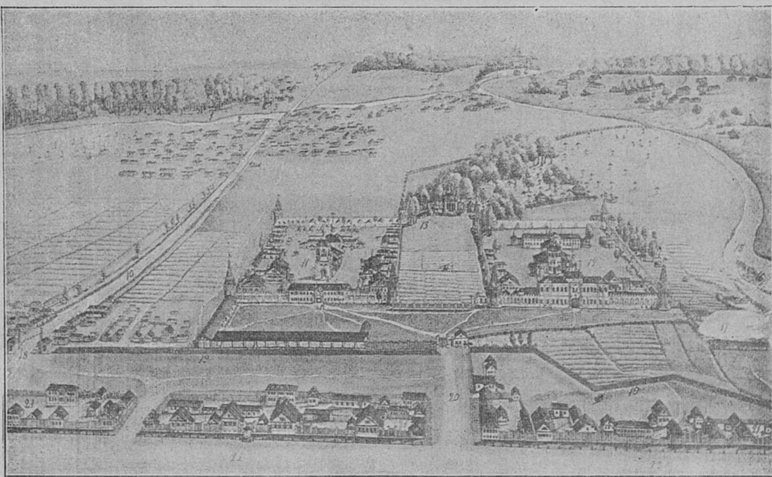
Въ бытность свою въ Москвѣ, въ 1722 году, и вспоминая дѣтскіе годы, Петръ указомъ Сенату 8 іюня повелѣлъ уже развалившійся тогда Прѣшпуръ построить вновь тѣмъ же маneромъ.

Потѣшный титулъ въ словѣ Кокуйскій указываетъ также, что у стольнаго города Прѣшпура, который можно почитать Кремлемъ новой столицы, было и свое городское населеніе въ Кокуѣ, какъ изстари прозывалась Нѣмецкая слобода отъ ручья Кокуя, на которомъ она была поселена съ перваго начала, еще въ половинѣ XVI столѣтія. При царѣ Алексѣѣ сюда были

выселены всѣ иноземцы, жившіе до того времени въ Москвѣ, въ разныхъ мѣстахъ. Здѣшнее ихъ населеніе состояло больше всего изъ военныхъ людей, находившихся на русской службѣ, генераловъ, полковниковъ, офицеровъ, потомъ аптекарей, докторовъ, ремесленниковъ и купцовъ. Всѣ они по бо́льшей части были лютеране или реформаты.

Военныя игрушки, производимыя по указанію и при полномъ содѣйствіи *нѣмцевъ*, жившихъ въ *Нѣмецкой слободѣ*, повели къ тому, что слобода сдѣлалась неразрывнымъ другомъ Преображенскаго.

Въ Нѣмецкой слободѣ, какъ извѣстно, жили всѣ близкіе люди Петра: учитель Тиммерманъ, другъ Лефортъ и много другихъ иностранцевъ, первыхъ учителей и соработниковъ въ дѣлѣ преобразованія старой Руси на европейскій образецъ. Вообще, Нѣмецкая слобода была *первою школою*, гдѣ Петръ впервые познакомился съ Европой, съ европейскими науками, обычаями и со всѣми удовольствіями европейскаго общежитія. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь, подъ



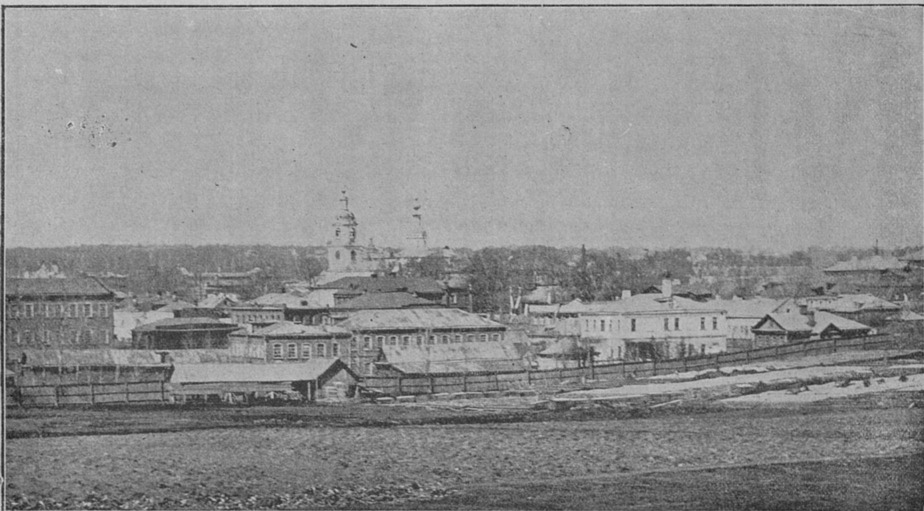
Видъ Преображенской ѳеодосеевской общины съ окрестностями.
(Съ гравюры первой половины нынѣшняго столѣтія).

вліяніемъ иностранныхъ друзей, впервые зародилась, постоянно созрѣвала и укрѣплялась и самая мысль о государственномъ и общественномъ переустройствѣ.

Такое отношеніе къ Нѣмецкой слободѣ еще болѣе утвердило за Преображенскимъ значеніе постояннаго царскаго мѣстожительства, значеніе дѣйствительной столицы.

Впослѣдствіи, по случаю розысковъ о стрѣлецкихъ мятежахъ и слѣдовавшихъ за тѣмъ безпощадныхъ казней, Преображенское приняло довольно суровый и грозный характеръ для всей Москвы. Сюда перенесены были главный судъ и расправа, не только надъ мятежниками стрѣльцами, но и по всѣмъ важнымъ дѣламъ того времени. По пятницамъ, здѣсь, *на генеральномъ дворѣ*, собиралась царская дума, въ которой весьма часто присутствовалъ и самъ государь. Кромѣ того, въ Преображенскомъ набирались новые полки изъ дворянъ, самимъ государемъ дѣлались смотры годнымъ на службу, производились солдатскія ученья, брили бороды, одѣвали въ нѣмецкіе кафтаны, и т. п.; все это придавало Преображенскому особый характеръ, непріятный лѣнивымъ и преданнымъ старинѣ дворянамъ. Сильно не нравился имъ новый порядокъ службы; не нравилась самая служба за небывалую ея отчетливость и строгость; не нравились вообще заморскія новости, и было памятно имъ Преображенское,

въ которомъ рѣшалась судьба не только бороды, но нерѣдко—и цѣлой жизни. Такимъ образомъ, Преображенское во многихъ отношеніяхъ замѣнило Кремль и сдѣлалось главнымъ сборнымъ мѣстомъ для дворянства и для знатныхъ особенно. Окрестность оживилась постояннымъ приливомъ сюда городского населенія. Кромѣ того, всѣ петровскія увеселенія (они бывали такъ-же часты, какъ и строгіе суды и взысканія) происходили большею частію въ этихъ-же мѣстахъ. Самые тріумфальные въѣзды въ Москву совершались уже не въ Кремль, а бóльшею частію въ Преображенское. Въ тамошнемъ дворцѣ или въ Нѣмецкой слободѣ, въ домѣ Лефорта, происходило обыкновенно и *тріумфованіе*, торжественное пиршество. Памятникомъ тріумфальныхъ петровскихъ въѣздовъ въ Преображенское остаются до сихъ поръ *Красныя ворота*, которыя первоначально построены были деревянныя на *магистратское иждивеніе*, то-есть на счетъ купцовъ и посадскихъ. Купечество, при каждомъ тріумфальномъ случаѣ, возобновляло и укрѣпляло ихъ и потомъ выстроило каменныя.



Видъ Семеновскаго въ настоящее время.
(Съ фотографіи).

Иногда, во время тріумфальнаго въѣзда, государь отъ Красныхъ воротъ отправлялся въ церемоніальномъ порядкѣ прямо въ слободу (Нѣмецкую), какъ было, напримѣръ, въ 1702 году декабря 4, въ тріумфъ по случаю взятія Шлиссельбурга. Не говоря о частной жизни Петра, которая въ Москвѣ проводилась въ Преображенскомъ и въ Нѣмецкой слободѣ, какъ въ мѣстахъ, гдѣ жила вся его компанія, всѣ его друзья, гдѣ онъ чувствовалъ себя наиболѣе свободнымъ,—упомянемъ объ извѣстномъ рождественскомъ *славленьи*, процессіи и церемоніи котораго совершались, въ теченіе праздника, преимущественно въ Нѣмецкой слободѣ.

Какъ часть города, къ которой, взамѣнъ Кремля, болѣе всего приливала въ то время общественная жизнь, слобода съ каждымъ годомъ приходила въ лучшій видъ, обстраивалась, украшалась и распространялась. Сюда потянуло изъ города все, что тянуло слѣдомъ за преобразованіемъ; здѣсь стали селиться всѣ новые люди преобразованной Руси. Весьма также понятно, почему Нѣмецкую слободу возненавидѣли всякіе старовѣры, такъ что въ одномъ изъ послѣднихъ стрѣлецкихъ заговоровъ положено было «Нѣмецкую слободу разорить и нѣмцевъ всѣхъ порубить», какъ потомъ то же намѣреніе высказалось въ 1708 г. въ бунтѣ дон-

цовъ-булавинцевъ, говорившихъ, что имъ «дѣло только до нѣмцевъ». Но стрѣлецкіе мятежи, на той-же Яузѣ, въ Преображенскомъ, были усмирены страшными казнями, а Нѣмецкая слобода осталась здравствовать и сдѣлалась центромъ новаго общежитія Москвы.

Русскіе вельможи, сподвижники Петра, селились также или въ самой слободѣ или вблизи ея: дворецъ Меншикова находился въ ближайшемъ селѣ Семеновскомъ; домъ Головина—противъ самой слободы за Яузою; въ слободѣ былъ домъ Лефорта, построенный въ итальянскомъ вкусѣ и убранный весьма великолѣпно. По смерти Лефорта, домъ этотъ перешелъ къ государю и получилъ значеніе царскаго дворца. Впослѣдствіи, Петръ увеличилъ его новыми постройками, что видно изъ его письма въ Москву, во время шведской войны, въ 1707 г., когда начавшееся укрѣпленіе Москвы произвело въ жителяхъ не малый страхъ.

Лефортовскій домъ былъ первымъ основаніемъ здѣшнихъ, яузскихъ, императорскихъ дворцовъ. Точно также къ государю перешелъ и Головинскій дворецъ за Яузою, стоявшій противъ Лефортовскаго. Государь купилъ его у наслѣдниковъ въ 1723 г. и повелѣлъ выстроить тамъ деревянный дворецъ и развести по берегу Яузы садъ. Въ то-же время, здѣсь были вырыты пруды и подлѣ Яузы каналы, а садъ разбитъ (садовникомъ Бронтгофтомъ или Бронтовымъ, какъ его звали по-русски) до самой рѣки, такъ что соединился съ садомъ Лефортовскимъ. Въ 1724 г., Петръ самъ лично осматривалъ этотъ садъ и приказалъ воду въ Яузѣ и каналахъ «содержать по препорціи съ брусьями (т. е. бревенчатыми берегами) на-ровень». По всему замѣтно, что память о Лефортѣ и Головинѣ не остывала у государя, и можетъ быть по тому самому ихъ дома, гдѣ въ первое время онъ такъ часто посѣщалъ своихъ любимцевъ, перешли въ царскую собственность... Послѣ Петра, и Головинскій и Лефортовскій дома сдѣлались постояннымъ мѣстопребываніемъ императорскаго двора, а Головинскій дворецъ сдѣлался главнымъ императорскимъ дворцомъ въ Москвѣ. Во время высочайшихъ пріѣздовъ, въ немъ и во дворцѣ Лефортовскомъ всегда останавливался дворъ, а это было очень важно для окружныхъ мѣстъ, для Нѣмецкой слободы особенно, и даже для тѣхъ улицъ, которыя вели сюда изъ центра города.

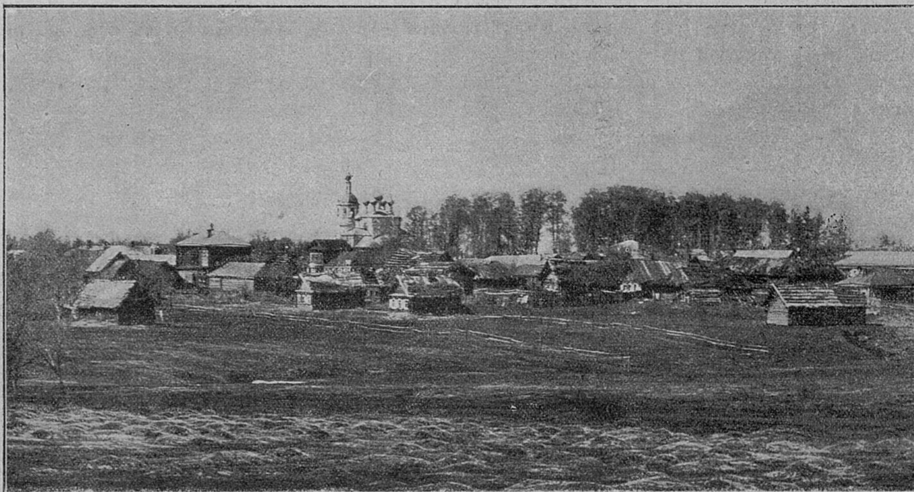


Село Измайлово въ XVIII столѣтіи.
(Съ рѣдкой гравюры того времени).

Само собою разумѣется, что всѣ знатныя фамиліи того времени, по необходимости, селились въ этой сторонѣ, въ сосѣдствѣ дворца, или въ Нѣмецкой слободѣ, или на пути къ Яузѣ, по улицамъ: Мясницкой, Покровкѣ, Старой и Новой Басманнымъ, на Разгуляѣ, на Гороховомъ полѣ и проч. Отъ того можетъ быть ни въ одномъ кварталѣ Москвы вы не замѣтите въ постройкахъ такого барскаго характера, который виденъ здѣсь почти на каждомъ шагу. Огромные каменные дома, съ широкими дворами, неизмѣримыми садами, прудами и т. п., поступившіе теперь или подъ учебныя и другія заведенія или въ руки купечества, до сихъ поръ еще остаются краснорѣчивыми свидѣтелями прежняго барскаго широкаго житья, прежняго цвѣтущаго состоянія этой московской мѣстности, нѣкогда шумной и оживленной, а нынѣ, большею частью, безмолвной, подобно другимъ удаленнымъ мѣстамъ. Здѣсь, по преимуществу, жило высшее, лучшее, образованное общество Москвы; слѣдовательно, здѣсь-же мы должны встрѣчать и всякіе новые промыслы, какіе должны были отвѣчать потребностямъ общества.

Въ Нѣмецкой слободѣ по преимуществу сосредоточивались въ то время всѣ заведенія, лавки, магазины иностранцевъ, посвящавшихъ свои знанія и занятія на пользу или удовольствіе московскихъ бар. Въ теченіе бóльшей половины XVIII вѣка, Нѣмецкая слобода была для Москвы тѣмъ-же, чѣмъ съ конца XVIII столѣтія и особенно съ начала нынѣшняго столѣтія сталъ Кузнецкій мостъ,—эта французская колонія, явившаяся на смѣну нѣмецкой, служившая вообще выраженіемъ французскаго вліянія на нашу общественность, которое смѣнило нѣмецкое или голландское вліяніе въ самомъ началѣ, и остзейское или бироновское впослѣдствіи.

О Нѣмецкой слободѣ вообще должно замѣтить, что въ древней Москвѣ она явилась зародышемъ Петербурга, то-есть зародышемъ того круга новыхъ идей, дѣлъ и порядковъ внутренней политики и общественной жизни, для котораго на самомъ дѣлѣ была необходима и новая столица. Этою новою столицею, въ первые дни преобразованій, и была Нѣмецкая слобода, надъ которою къ тому-же высилось на томъ берегу Яузы грозное Новое Преображен-



Видъ села Измайловъ въ настоящее время.
(Съ фотографіи).

ское съ солдатскими полковыми слободами, Преображенскою и Семеновскою, какъ своего рода Петропавловская крѣпость въ теперешнемъ Петербургѣ. Такимъ образомъ, основаніе Петербургу, какъ особой политической и общественной силѣ, впервые было заложено въ Москвѣ, на берегахъ Преображенской и Нѣмецкой Яузы. Съ тѣхъ поръ старое гнѣздо русской жизни, старое гнѣздо русскихъ идей, дѣлъ и порядковъ политическаго и общественнаго поведенія, старый священный Кремль и его царскій дворецъ были покинуты, отданы запустѣнію: «яко приближися запустѣніе ему».

Изрѣдка и весьма на короткое время императрицы останавливались и въ Кремлевскомъ дворцѣ, именно въ Потѣшномъ дворцѣ, зданіе котораго не было еще слишкомъ запущено и представляло нѣкоторыя удобства для помѣщенія. Почти при каждой новой коронаціи возникала мысль основать пребываніе въ Кремлѣ. Мѣсто, своею красотою и оригинальными постройками, безъ всякаго сомнѣнія очень привлекало каждаго новаго хозяина. Но какъ скоро оканчивались церемоніи и пиры, все уѣзжало въ Петербургъ, о Москвѣ-же и Кремлѣ забывали попрежнему, до новаго пріѣзда. Впрочемъ, весьма трудно было что-либо и сдѣлать изъ этихъ

неуютныхъ, тѣсныхъ и безпорядочныхъ строеній, стоявшихъ вразбросъ, гдѣ попало, и своимъ своеобразіемъ приводившихъ въ совершенный тупикъ петербургскія привычки и потребности новой жизни. Вдобавокъ зданія ветшали съ каждымъ годомъ. Поправка ихъ стоила дорого и съ каждымъ годомъ становилась еще дороже.

Особенному-же запущенію и обветшанію дворца способствовало и то, что въ немъ помѣщены были разныя коллегіи, канцеляріи и комиссіи. Еще при Петрѣ было отдано подъ эти присутствія 59 палатъ. Во время коронацій, иныя изъ нихъ, смотря по надобности, временно выѣзжали на наемныя квартиры и, по отъѣздѣ двора, снова возвращались въ свои палаты. Оставивши совсѣмъ дворецъ, Петръ, конечно, ничего лучше не могъ придумать, какъ помѣстить въ опустѣлыхъ палатахъ свои новоучрежденныя коллегіи и канцеляріи.

Переводъ во дворецъ коллегій послужилъ къ еще большему его неустройству и запущенію потому, что почти каждая коллегія переѣхала не только съ своими архивами, чиновниками,



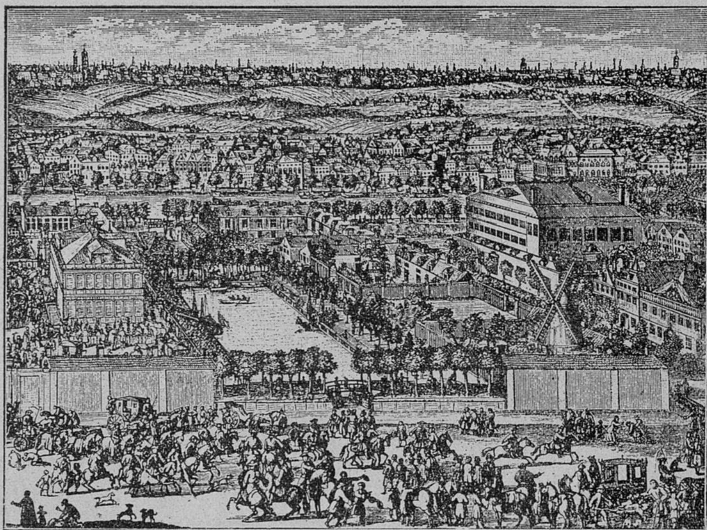
Видъ Лефортова въ настоящее время.
(Съ фотографіи).

сторожами, разнаго рода просителями, наполнявшими въ теченіе дня занимаемыя ею палаты, но перевезла съ собою и своихъ колодниковъ, которые проживали по цѣлымъ мѣсяцамъ и годамъ въ дворцовыхъ каменныхъ подклѣтяхъ. Все это усиливало нечистоту, грязь, разрушеніе.

Состояніе Кремлевскаго царскаго дворца въ XVIII столѣтіи вполнѣ можетъ характеризовать и исторію самой Москвы. Она, какъ столица и городъ, точно также была покинута, забыта и предоставлена самой себѣ, хотя, при началѣ преобразованій, Петръ не мало заботился и о ней, употребивъ довольно усилій, чтобы привести ея устройство въ возможно лучшее состояніе.

Побывавъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Амстердамѣ и проч., видя тамошнее городское устройство, Петръ Великій, любившій всякое пріобрѣтенное знаніе прикладывать къ дѣлу, не могъ не обратить особеннаго вниманія и на Москву. Да къ тому-же и частые пожары внушали мысль о новомъ, возможно лучшемъ устройствѣ города. Вскорѣ по возвращеніи изъ-за гра-

ницы, въ началѣ 1701 года, послѣ пожара, Петръ повелѣлъ на погорѣлыхъ мѣстахъ строить богатымъ людямъ каменные дома, а недостаточнымъ—мазанки, и потомъ, съ 1704 года, каждый годъ, по городскимъ воротамъ Москвы объявлялись съ барабаннымъ боемъ и прибивались на листахъ новые указы о томъ, чтобы «деревяннаго строенія отнюдь не строить, а строить неотмѣнно каменные дома или, по крайней мѣрѣ, мазанки; и строиться не среди дворовъ, какъ было въ старину, а линейно по улицамъ и переулкамъ «*для высокаго Его Царскаго Величества интереса и лучшаго въ томъ способа и противъ строеній другихъ европейскихъ государствъ*». Кромѣ того, всѣ постройки должны были производиться съ дозволенія полиціи и по чертежу архитектора. Въ концѣ указовъ предлагались всегда сильныя побудительныя мѣры къ ихъ

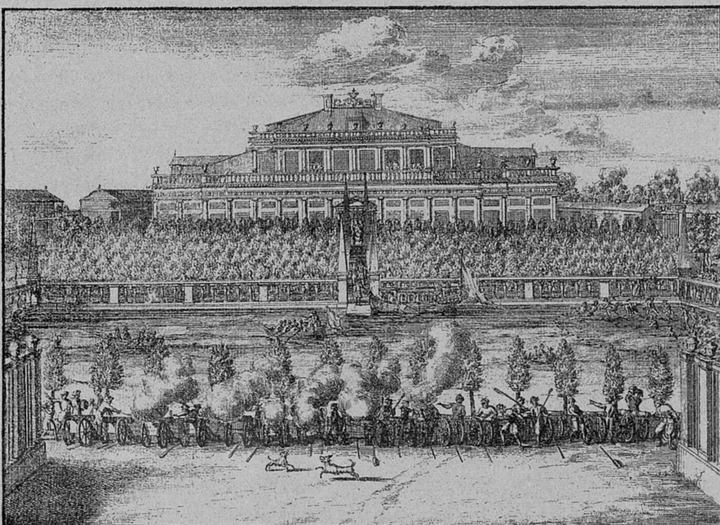


Нѣмецкая слобода въ Москвѣ.
(Съ гравюры прошлаго столѣтія).

точному, безотлагательному выполненію, а именно: отнятіе мѣста и всего строенія у тѣхъ, кто не хотѣлъ или не въ силахъ былъ выстроить каменное, въ назначенныхъ мѣстахъ, и отдача этихъ мѣстъ людямъ, имѣвшимъ возможность строиться съ точнымъ исполненіемъ указовъ. Однако, строгіе указы вскорѣ ограничились тѣмъ, что было повелѣно обстраивать каменными зданіями сначала одинъ только Китай-городъ, допуская въ Бѣломъ, а тѣмъ болѣе въ Земляномъ городѣ, мазанки и вообще деревянныя постройки.

Кромѣ того, задуманному-было въ добрый часъ, новому устройству Москвы въ особенности помѣшалъ Петербургъ. Въ 1714 г. запрещено было каменное строеніе во всей Имперіи, такъ какъ въ Санктъ-Петербургѣ «каменное строеніе зѣло медленно строится и каменщиковъ и прочихъ художниковъ того дѣла достать трудно и за довольную цѣну». Запрещеніе это продолжалось до 1728 года. Наконецъ, въ томъ-же году, при Петрѣ II, указомъ апрѣля 10, москов-

скіе обыватели были совершенно освобождены отъ предшествовавшихъ по сему предмету постановленій. Дозволены были строенія, какія кто похочетъ, каменныя и деревянныя, не требуя ни дозволенія отъ полиціи, ни рисунковъ отъ архитектора, и не только въ Бѣломъ и Земляномъ городѣ, но даже въ Китаѣ и въ самомъ Кремлѣ. Крыть позволялось гонтомъ или тесомъ, а въ Земляномъ городѣ и за городомъ—даже дранью, но только безъ *скалы*, то-есть бересты, для большей безопасности отъ пожаровъ. Береста въ старинныхъ постройкахъ клалась подъ тесъ, чтобы не проливалъ дождь. Въ избахъ запрещены были только *волоковыя окна*; впрочемъ, строить избы дозволялось, кому какія удобны. Дворовую городьбу въ городѣ можно было дѣлать заборомъ, рѣшеткою, тыномъ, кромѣ кольевъ и плетней, которые оставлялись на волю только за Землянымъ городомъ, въ слободахъ. А въ заключеніе велѣно было возвратить прежнимъ владѣльцамъ и тѣ дворовыя мѣста, которыя были отняты у нихъ за то, «что ка-



Домъ Лефорта въ нѣмецкой слободѣ въ Москвѣ, въ томъ видѣ, какой онъ имѣлъ при Петрѣ Великомъ.

меннаго строенія не дѣлали». Такимъ образомъ, мѣры Петра Великаго подъ конецъ были совершенно ослаблены, и Москва попрежнему стала обстраиваться съ полною свободою, выступая на средину улицъ или прячась въ глубинѣ дворовъ, застраивая площади и даже самый городской валъ, и предпочитая вообще деревянныя постройки каменнымъ. Вслѣдствіе этого, въ 1737 году, 29 мая, страшный пожаръ опустошилъ Москву. Въ 1763 году, при учрежденіи комиссіи о лучшемъ устройствѣ Петербурга, опять обращено было вниманіе на Москву, причемъ замѣчено, что «по древности строенія своего она и понынѣ въ надлежащій порядокъ не пришла, и отъ того безпорядочнаго и тѣснаго деревяннаго строенія, отъ частыхъ пожаровъ, въ большее разореніе живущихъ вводитъ». Но, несмотря ни на какія заботы и старанія правительства, древняя столица оставалась почти въ прежнемъ положеніи до знаменитаго двѣнадцатаго года, когда общій страшный пожаръ совершенно истребилъ самую большую ея часть и преимущественно деревянныя постройки: изъ 9,158 домовъ уцѣлѣло только 2,626, и то большею частью въ предмѣстьяхъ города.

После этого страшнаго событія начинается новая эпоха въ устройствѣ Москвы. «Пожаръ

способствовалъ ей много къ украшенью» — хотя въ этомъ случаѣ, конечно, очень много способствовали уже иныя потребности самого общества и иная дѣятельность правительства, потому что были и прежде частые и страшные пожары (напримѣръ, въ 1737 году), послѣ которыхъ, однако, въ устройствѣ города все оставалось попрежнему.

Сохраняя много старины во внѣшнемъ устройствѣ, Москва XVIII столѣтія тѣмъ самымъ доказывала, что въ ней сильна еще была старина и въ общественномъ и частномъ быту москвичей, въ домашней ихъ жизни. Домашній бытъ русскаго общества нелегко и нескоро принималъ въ себя нововведенія, тѣмъ болѣе, что преобразованіе дѣйствовало только въ кругу служащаго сословія, на которое болѣе всего и распространялись указы Петра Великаго. Притомъ нововведенія по преимуществу касались внѣшности, формы, которая была принята довольно скоро. Русскій человѣкъ сбрилъ бороду, надѣлъ нѣмецкій кафтанъ, принялъ всю внѣшность европейца; но это сдѣлать было легко, по крайней мѣрѣ не въ примѣръ легче того, чтобъ измѣнить прежній образъ жизни, прежніе привычки и вкусы, которые оставались въ полной силѣ. Мы говоримъ о массѣ. Само собою разумѣется, что высшій кругъ общества въ это время стоялъ уже на европейской и притомъ на французской ногѣ. Вся блестящая обстановка жизни французскаго общества была здѣсь усвоена въ такой степени, что ни мало не уступала своему первообразу. Придворные балы временъ Елизаветы Петровны славились во всей Европѣ. Извѣстный балетмейстеръ Лонде говаривалъ, что нигдѣ не танцовали менуэта съ большею выразительностію и приличіемъ, какъ въ Россіи. Французскія моды, французскій вкусъ, и въ отношеніи нравовъ и во внѣшней обстановкѣ тогдашней общественной жизни, господствовали во всей силѣ и съ каждымъ днемъ измѣняли русскаго человѣка.



Императрица Анна Іоанновна.
Съ гравюры Вортмана въ 1736 г., по портрету, писанному Караваккою въ 1730 г.).

«Мы сперва были просты,—говорятъ тогдашніе сатирики нравовъ, нападая разумѣется на злоупотребленія французскою образованностью,—были просты, правдивы и нѣсколько грубы въ обхожденіяхъ; но по неусыпному попеченію господъ французовъ, которые завели у насъ *петиметровъ*, стали нынѣ проворны, обманчивы и учтивы. Сперва мы походили на статуи, представляющія важныхъ людей, коими нынѣ украшаются сады; но теперь стали выпускными куклами, которыя кривляются, скачутъ, бѣгаютъ, повертываютъ головою и махаютъ руками; сверхъ же сего мы пудримся и опрыскиваемся благовонными водами. Скажите, не лучше ли мы нашихъ прадѣдовъ? Конечно, всякій бы глубокомыслящій человѣкъ удивился нашему превращенію. Я думаю, что не легко было господамъ французамъ передѣлать насъ на свой образецъ: мы много походили на грубыхъ древнихъ римлянъ и почитали Катоновы добродѣтели. Но, слава Богу, для нашего счастья они свое дѣло окончили, и можемъ сказать безъ хвастов-

ства, что мы имъ ни въ чемъ не уступаемъ. Вѣрно, мы превосходимъ всѣхъ людей на свѣтѣ, и такихъ совершенныхъ, каковы мы и наши учителя французы, еще свѣтъ не производилъ, да сомнительно, чтобъ и впредь могъ произвесть».

Извѣстно, что послѣ господства нѣмцевъ въ первой половинѣ XVIII столѣтія, и особенно



Елизавета Петровна.
(Съ оригинала Токке, гравированнаго Шмидтомъ).

послѣ господства нѣмцевъ бироновскихъ, остзейскихъ, при Аннѣ Іоанновнѣ, со вступленіемъ на престолъ Елизаветы Петровны, русскіе люди вздохнули свободнѣе, и эта свобода дѣйствительно была установлена и поддержана вліяніемъ французской общественности. Современники той эпохи могли справедливо говорить, что

Великій Петръ къ намъ ввелъ *науки*,
А дщерь его ввела къ намъ *вкусъ*...

Подобно тому какъ стихотворцы послѣдующаго времени писали о Екатеринѣ II, при которой французское вліяніе стало уже, такъ сказать, существомъ русской общественности—Петръ далъ намъ *бытіе*, Екатерина—*душу*.

Петръ—какъ сказано уже—былъ прежде всего плотникомъ, бомбардиромъ, корабельщикомъ, матросомъ, то-есть въ сущности — простымъ чернорабочимъ, а потому и вносилъ эту чернорабочую стихію въ обхожденія новаго русскаго общества. Поэтому въ первые сорокъ лѣтъ XVIII столѣтія оно въ своихъ нравахъ и поведеніи отличалось порядочною грубостью, дерзостью и даже буйствомъ. Нужно замѣтить, что нѣмецкій гнетъ и тиранія временъ Анны Іоанновны были, въ сущности, только своевольнымъ хозяйничаньемъ оставшихся по уходѣ мастера рабочихъ, наемниковъ, которые не только додѣлывали, но начали и совсѣмъ передѣлывать его мудрыя дѣла, вовсе не обладая его мастерствомъ и зная только одно его правило, что спѣшная, горячая работа, требуетъ крутыхъ и подъ часъ жестокихъ мѣръ, чтобы добиться удовлетворительнаго исполненія. Вотъ почему русская общественность въ то время имѣла грубый, неуклюжій рабочій характеръ.

Послѣ крутой работы, понятно, необходимъ былъ отдыхъ, праздникъ, — чѣмъ и служило царствованіе Елизаветы. Тогда русскій человѣкъ впервые почувствовалъ, что вообще сдѣлано быстро и много, что слѣдуетъ отдохнуть, и, въ восторгѣ отъ сдѣланнаго дѣла, даже запѣлъ восторженныя оды. На праздникѣ, праздность и удовольствіе сдѣлались потребностью общества. Очевидно поэтому, что должна была развиться придворная жизнь въ собственномъ ея смыслѣ и значеніи. Народилось племя людей, задачею которыхъ было «великолѣпно одѣться, быть на пиршествахъ, на куртагахъ и банкетахъ, въ маскарадахъ, въ балетахъ, въ комедіяхъ и такъ далѣе, танцовать, повсюду изобрѣтать новое препровожденіе времени и разныя забавы». Если Петровскую эпоху можно справедливо назвать царствомъ мужчинъ и главное царствомъ рабочихъ, то съ Елизаветы настало царство женщинъ, собственно-же царство людей праздную-щихъ и торжествующихъ, отчего царство выходило довольно гуманнымъ и веселымъ. Какъ бы знаменіемъ времени такого царствованія учреждается даже маскарадъ, называемый «метаморфозомъ», въ которомъ мужчины должны были одѣваться въ женскія платья, а женщины въ мужскія, притомъ — безъ масокъ. Впервые такіе маскарады были устроены въ Москвѣ, въ 1744 году.

Послѣ Елизаветинскаго праздника, была провозглашена вольность дворянства, завершившая праздникъ освобожденіемъ передового сословія отъ крѣпостной государственной работы, о чемъ при Петрѣ, конечно, и помыслить было невозможно. Очевидно, что, при такомъ общемъ направленіи, должны были возродиться или пробудиться и всякаго рода искусства. Новый образъ получило литературное художественное слово: новый видъ получила академія художествъ,—и быстро распространился вкусъ къ театральному искусству во всѣхъ его видахъ, такъ что былъ учрежденъ, наконецъ, и *россійскій* театръ.

Освобожденіе дворянства отъ крѣпостной зависимости, отъ обязанности служить и, слѣдовательно, жить тамъ, гдѣ прикажутъ, то-есть въ Петербургѣ, обнаружило весьма характерное обстоятельство по отношенію къ Москвѣ. Съ этого времени дворянство потянуло изъ нѣмецкаго Петербурга на родину, въ старую свою столицу Москву. Надо вообще замѣтить, что въ первой половинѣ XVIII вѣка русское преобразованное общество, повидимому, не особенно любило Петербургъ, не особенно дорожило тамошнимъ житьемъ и, руководясь вѣроятно старинными деревенскими вкусами, тянуло больше къ Москвѣ. При Петрѣ II возникали замыслы даже и резиденцію перенести совсѣмъ въ Москву, а про Елизаветинское время современники записали, что однажды, по случаю ея пребыванія въ 1749 году въ Москвѣ, Петербургъ долго оставался пустымъ даже и по возвращеніи въ него государыни. Объяснялось это тѣмъ, что большая часть достаточныхъ людей жила въ Петербургѣ по обязанности, отнюдь не по собственному желанію; когда же дворъ возвратился изъ Москвы, то почти всѣ придворные, желая

остаться въ Москвѣ, наперерывъ брали отпускъ, кто на годъ, кто на полгода, кто на мѣсяцъ или на нѣсколько недѣль. То-же дѣлали и должностныя лица, начиная съ сенаторовъ. Если же нельзя было воспользоваться отпускомъ, то являлись разные предлоги, мнимыя и настоящія болѣзни мужей, женъ, отцовъ, матерей, дѣтей и т. д., либо тяжбы, либо другія неотлагаемыя дѣла. И прошло болѣе полугода, пока дворъ и городъ Петербургъ, снова населились по прежнему, какъ было до выѣзда въ Москву. Въ этотъ промежутокъ времени петербургскія улицы поросли травою, потому что ѣзда въ экипажахъ совсѣмъ прекратилась.



Императоръ Петръ IIй.
(Съ портрета, писаннаго Людденомъ).

При Екатеринѣ, вступленіе на престолъ которой не ознаменовалось, какъ бывало, погромомъ приближенныхъ и знатныхъ прежняго царствованія, боярство почувствовало еще бо́льшую свободу располагать обстоятельствами своей жизни какъ угодно. Образовался, мало-по-малу, по разнымъ причинамъ, весьма значительный кругъ людей, совсѣмъ свободныхъ отъ двора, которые дѣйствительно и удалялись изъ Петербурга на житье, такъ сказать, въ деревню, то-есть въ Москву.

Кромѣ того при Екатеринѣ для большихъ людей Москва сдѣлалась весьма пріютнымъ уголкомъ, куда можно было, въ случаѣ разлада и неудовольствій съ дворомъ и службою, «отъѣзжать» на покой. Знаменитый Румянцевъ-Задунайскій, по соперничеству во время турецкой войны съ Потемкинымъ, внезапно впавшій въ немилость и уволенный отъ командованія арміею, писалъ между прочимъ 16 октября 1789 года къ тогдашнему градоначальнику Москвы, Еропкину: «теперь мое желаніе непосредственно есть, чтобы водвориться подъ вашимъ покровомъ въ *матери градомъ* (въ Москвѣ), гдѣ всѣ, мнѣ подобные, по многимъ странствіямъ ихъ, покой обрѣтаютъ».

Въ Москву такимъ образомъ собиралась вся барская или, собственно, придворная оппозиція, собирались недовольные въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ и смыслахъ.

Московское высшее общество этого времени охарактеризовано въ перепискѣ принца Делиня, гдѣ онъ говоритъ о Москвѣ, что «этотъ городъ, дающій понятіе, по нѣкоторымъ отношеніямъ, объ Испаганѣ, похожъ на четыре или пятьсотъ замковъ знатныхъ господъ, съѣзжающихся въ нихъ изъ деревень для общежитія. Нигдѣ того не встрѣтишь, что самыя знатнѣйшія особы въ государствѣ, наскучивъ дворомъ, пріѣзжаютъ сюда затѣмъ, чтобъ свободно жить и говорить. Императрица почти не знаетъ, да и не хочетъ знать объ нихъ; она не любитъ блюстителей наружнаго благоустройства, исполненныхъ внутренняго коварства». «Что вы думаете объ этихъ господахъ?»—спросила она у меня. Я отвѣтилъ ей, глядя на трехъ или четырехъ престарѣлыхъ камергеровъ, генералъ-аншефовъ и проч.: О, ваше Величество, это—самыя почтенныя руины!—«Они не очень меня любятъ,—сказала императрица:—я не нравлюсь имъ, быть можетъ, и потому, что виновата предъ нѣкоторыми изъ нихъ, или—что они не правы передо мною».



Екатерина II.
(Съ оригинала Шибанова 1787 года.

Свободно, но, разумѣется, только побарски, жить и свободно говорить, разумѣется о правительствѣ, стало съ той поры исключительнымъ обычаемъ знатной барской Москвы. Коренные москвичи называли за это ее *столицею российскаго дворянства*, какъ именовалъ ее Карамзинъ.

Но историкъ могъ прибавить, что вмѣстѣ съ тѣмъ Москва была столицею крѣпостного двороваго люда, безъ котораго тогдашнее дворянство не могло существовать, и котораго тамъ проживало столько, что двѣ трети населенія Москвы (1788—1793 гг.) были крѣпостные. По свидѣтельству современниковъ, тамъ царили *праздность* и *роскошь*, гдѣ было много такихъ господскихъ дворовъ, которые своимъ расположеніемъ, обширностью, громаднымъ числомъ излишнихъ служителей,—представляли собою уже не городской домъ, а цѣлое селеніе.

«Въ сужденіяхъ москвичей,—замѣчаетъ Карамзинъ,—есть какія-то неизмѣнныя правила, но всѣ въ пользу самодержавія: якобинца выгнали-бы изъ англійскаго клуба! Сіи правила вообще благородны. Въ Москвѣ съ жаромъ хвалятъ заслуги государственныя, помнятъ старое добро»,— заключаетъ историкъ.

Грибоѣдовъ словами Фамусова, конечно, выставилъ одно комическое въ этихъ свободныхъ сужденіяхъ и толкахъ республики, говоря:

„А наши старички? Какъ ихъ возметъ задоръ,
Засудятъ о дѣлахъ... что слово—приговоръ!
Вѣдь столбовые всѣ въ усъ никому не дуютъ
И о правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ,
Что еслибъ кто подслушалъ ихъ—бѣда!
Не то, чтобъ новизны вводили—никогда!
Спаси насъ Боже! Нѣтъ! А придерутся
Къ тому, къ сему, а чаще ни къ чему,
Поспорятъ, пошумятъ и... разойдутся.
Прямые канцлеры въ отставкѣ по уму!
Я вамъ скажу: знать время не приспѣло,
Но что безъ нихъ не обойдется дѣло..."

Однако московскіе тузы въ дѣйствительности почитали Москву только средоточіемъ своей деревенской жизни и, настроивши въ ней, посреди бѣдныхъ хижинъ, великолѣпныхъ палатъ, всегда поэтому казавшихся для иностранцевъ замками, оставались въ городѣ для общежитія лишь два-три зимнихъ мѣсяца и затѣмъ на все время разъѣзжались въ свои подмосковныя. Привязанность знатныхъ москвичей къ своей *республикѣ* занимала даже и самое императрицу, которая въ своихъ литературныхъ замѣткахъ иронически отмѣтила слѣдующее: «Москвичи Москву страстно любятъ и думаютъ, что нѣтъ спасенія окромѣ, и что нигдѣ не живутъ окромѣ, какъ въ Москвѣ. Однако всѣ богачи, всѣ имущіе люди послѣднимъ зимнимъ путемъ выѣзжаютъ изъ Москвы и возвращаются къ Рождеству, то-есть живутъ въ Москвѣ только отъ декабря по февраль. Большіе господа пребываютъ въ подмосковныхъ...»

Эта эпоха деревенской жизни нашего барства выразила себя въ Москвѣ и ея окрестностяхъ устройствомъ такихъ великолѣпныхъ и обширныхъ садовъ и парковъ, такихъ роскошныхъ дачъ, какія и во снѣ не снились даже нашимъ стариннымъ царямъ, и сельскому великолѣпію которыхъ, напр. въ Кусковѣ, удивлялся не мало даже австрійскій императоръ Іосифъ.

Боярская республика Москвы была воспитана во всемъ складѣ своего ума и чувства и даже во всѣхъ порядкахъ обхожденія, какъ въ порядкахъ и внѣшней уборки, и домовъ, и головъ, исключительно по-французски. «Ахъ, Франція—нѣтъ въ мірѣ лучше края!» Это съ дѣтства повторяли всѣ московскія княжны и барыни, князья и баре, а за ними, стадно, и весь кругъ дворянства, средній и мелкій. Это добродушное и, по правдѣ сказать, очень глупое увлеченіе подверглось, наконецъ, сильному испытанію во время нашествія на Москву Наполеоновыхъ два-десяти языкъ. По мѣрѣ того, какъ разрасталась завоевательная слава Наполеона и русскіе французы, инстинктивно чувствуя, что это своего рода Мамай и Тохтамышъ, мало-по-малу стали приходить въ себя, опоминаться, и вскорѣ явились особые герои-патріоты, беззавѣтно начавшіе, что называется, поносить эту закоренѣлую манію къ французамъ. Имена этихъ героевъ неразрывно связаны съ исторіей Наполеонова разгрома Москвы. Это были: генералъ-губернаторъ Растопчинъ и журналистъ Сергей Глинка, издатель тогдашняго «Русскаго Вѣстника». Всѣ знаютъ, что «Москва была французамъ отдана», а потому и сожжена.

Есть подъ Москвою, въ историческомъ отношеніи очень примѣчательная мѣстность—Поклонная Гора по Смоленской дорогѣ отъ запада, откуда и приходили воевать Москву западные люди.

Во время самозванцевъ, въ 1612 г., у Поклонной Горы было рѣшено отдать матушку Москву въ руки поляковъ. Въ 1812 г. на Поклонной-же Горѣ, вслѣдствіе стратегическихъ затрудненій, какъ-бы само собою возникло рѣшеніе Кутузова отдать матушку Москву Наполеоновымъ французамъ. И въ тотъ, и въ этотъ разъ Москва была сожжена и разорена, какъ при Тохтамышѣ. Но побужденія этихъ рѣшеній были очень различны. Рѣшеніе 1812 г. было вынуждено военными обстоятельствами, и Москва приносилась въ жертву государственной и

народной независимости. Теперь не смута продавала Москву чужимъ людямъ, а опасеніе смуты въ самомъ народѣ заставляло таить горькую необходимость національной жертвы отъ всенародныхъ глазъ. Извѣстно, какъ патріотически настроены были въ эту пору умы простыхъ москвичей. Самъ главнокомандующій, Растопчинъ, своими воззваніями такъ поднялъ и вдохновилъ эти умы, что было необходимо осторожно свести ихъ съ опасной высоты. Самъ главнокомандующій еще за нѣсколько дней до сдачи Москвы писалъ московскому народу: «Я жизнію отвѣчаю, что злодѣй (Наполеонъ) въ Москвѣ не будетъ. Не бойтесь ничего,—увѣрялъ онъ во все это время,—нашла туча, да мы ее отдуемъ; все перемелется, мука будетъ... Ей Богу, братцы, государь на васъ, какъ на Кремль надѣется!..»

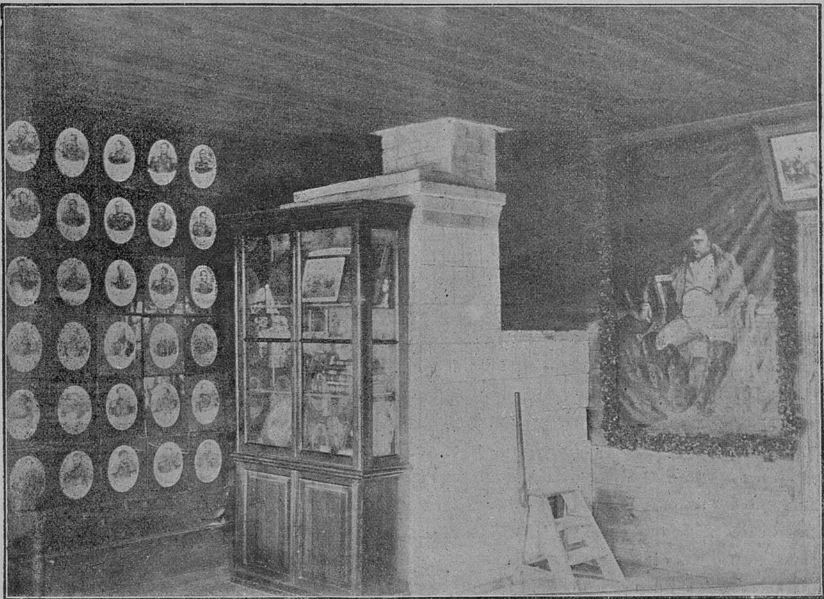


Французы подъ стѣнами Смоленска въ іюлѣ 1812 г.

Градоначальнику Растопчину очень большую службу сослужила тогдашняя московская журнальная литература въ лицѣ С. Глинки, который перенесъ эту литературу на площадь и сдѣлался прямымъ народнымъ трибуномъ. По стогнамъ града онъ самъ читалъ Растопчинскія воззванія и посланія къ московскому народу и первый записался въ ратники московскаго ополченія, раннимъ утромъ 11 іюля, когда былъ полученъ высочайшій манифестъ о вторженіи непріятеля и о собраніи по этому случаю новыхъ ополченій. Въ тотъ-же день въ Москвѣ ожидали прибытія государя, объявившаго всенародно, что въѣзжаетъ въ столицу именно для руководствованія будущими ополченіями. Эта вѣсть воодушевила всѣхъ поспѣшить на встрѣчу любимаго государя и народъ послѣ молебна изъ собора и церквей прямо потянулся за Дорогомиловскую заставу къ Поклонной горѣ, откуда ждали государева пріѣзда. «Около трехъ часовъ по полудни, пишетъ Глинка, надѣвъ въ петлицу золотую мою медаль, чтобы свободнѣе

протѣсниться сквозь безчисленные сонмы народа, пошелъ я вслѣдъ за ними, желая прислушаться къ мнѣнію народному и прибавить новую статью въ «Русскій Вѣстникъ». Не вмѣщая въ стѣнахъ своихъ радости и восторга, казалось, что вѣковая Москва, сдвинувшись съ исполинскаго основанія своего, летѣла навстрѣчу государя. Всѣ сердца ликовали; на всѣхъ лицахъ блистало веселіе...»

Между тѣмъ донеслась въ рощу молва, что у заставы Дорогомиловской народъ намѣренъ выпрячь лошадей изъ государевой коляски и нести ее на плечахъ до Кремля. Сонмы народа, сидѣвшіе на Поклонной Горѣ, безъ всякаго посторонняго возбужденія и какъ будто-бы смолвясь душами и мыслью, воскликнули: «не уступимъ! Мы впереди; мы скорѣе поспѣемъ; мы на себѣ понесемъ коляску государеву оттуда, гдѣ ее встрѣтимъ». Потомъ оборотясь ко мнѣ, сказали: «а вы, ваше благородіе, ведите насъ!» Я провозгласилъ: «Ура! Впередъ!» И тысячи



Кутузовская изба близъ Москвы.
(Съ фотографіи).

голосовъ повторили: ура! впередъ! Все быстро двинулось. 1812 года іюля 11-го порывистый духъ народа сдѣлалъ меня вождемъ своего усердія. Начинало смеркаться. На закатѣ солнца мы были уже на семнадцатой верстѣ. Останавливая всѣхъ проѣзжихъ, народъ спрашивалъ: скоро-ли будетъ государь? Наконецъ, около 10 часовъ услышали, что государь остается въ Перхушковѣ, гдѣ находился тогда и гр. Растопчинъ. Въ ту-же ночь извѣстилъ я, гдѣ слѣдовало, что народъ по собственному порыву душъ своихъ двинулся на встрѣчу государя и что разошелся съ сокрушеніемъ сердечнымъ. А потому и просилъ, чтобы на другой день напечатать что-нибудь ободрительное для народа. Не знаю, почему приказано было за мною присматривать...

«Все дремало и въ домахъ, и на улицахъ, и въ окрестностяхъ Москвы: но не дремала любовь. Подмосковные крестьяне деревни Филей или села Покровскаго, нетерпѣливо ожидая проѣзда государева, отправили двухъ гонцовъ въ село Перхушково, которые, быстро при-

скакавъ оттуда, успѣли извѣстить причтъ церковный о выѣздѣ государя. Немедленно изъ села Покровскаго, священникъ Григорій Гавриловъ поспѣшилъ въ облаченіи на Поклонную гору съ серебрянымъ блюдомъ, на которомъ возлежалъ крестъ Господень, а престарѣлый дьяконъ держалъ свѣчу. Поровнявшись съ причтомъ, государь вышелъ изъ коляски, положилъ земной поклонъ и съ глубокимъ вздохомъ облобызалъ крестъ Господень. Священникъ изъ стиховъ Пасхи возгласилъ: да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его.»

Государь въѣхалъ въ Москву въ полночь и потому встрѣча его обошлась тихо. Зато на другой день, 12 іюля, и въ слѣдующіе дни народному восторженному увлеченію, любви и преданности своему государю небыло границъ. Съ пріѣздомъ государя, въ Москвѣ возобновились времена Нижняго Новгорода, времена Минина и Пожарскаго. Какъ тогда, такъ и теперь понеслись жертвы на общее дѣло; дворянство отдало по 100 человѣкъ съ тысячи вооруженныхъ и съ продовольствіемъ на три мѣсяца. Купечество, сверхъ общаго оклада по гильдіямъ, тотчасъ опредѣлило особый сборъ по подпискѣ и тутъ-же въ собраніи съ небольшимъ часа въ полтора было собрано полтора милліона.

Самъ главнокомандующій Растопчинъ описываетъ это достопамятное дѣло такимъ образомъ: «Въ другой залѣ, гдѣ было купечество, я былъ пораженъ впечатлѣніемъ, которое произвело на нихъ чтеніе манифеста. Въ началѣ слушали съ глубочайшимъ вниманіемъ, потомъ стали появляться знаки нетерпѣнія и негодованія. Когда Шишковъ дошелъ до словъ, что «непріятель приближается съ лестью на устахъ и съ оружіемъ въ рукахъ», произошелъ взрывъ негодованія: били себя въ голову, рвали волосы, ломали руки; слезы бѣшенства текли по лицамъ, напоминавшимъ древнихъ героевъ. Я видѣлъ человѣка, который скрежеталъ зубами. Въ шумѣ нельзя было разслышать словъ; слышны были одни вопли и крики негодованія. Это было зрѣлище единственное въ своемъ родѣ. Въ эту минуту русскій человѣкъ, выражалъ свои чувства свободно и возмущался при мысли, что ему угрожаетъ иноземное иго. Тутъ опять выступили наружу истинно-русскія свойства. Эти люди сохранили и одежду, и характеръ народа; ихъ бороды придавали имъ почтенный и величественный видъ. Московскій городской голова, имѣя 100,000 р. капиталу, первый подписалъ 50,000 р. Онъ перекрестился, сказавъ: «мнѣ Богъ далъ, я отдаю отечеству».

Такимъ образомъ Москва, храбро готовилась встрѣтить и побить Наполеона. Глинка, предводитель народа 11 іюля на Поклонной Горѣ, вслѣдъ за тѣмъ, 19 іюля получилъ орденъ св. Владиміра 4 степени за любовь къ отечеству, доказанную сочиненіями и дѣяніями. Вмѣстѣ съ тѣмъ Растопчинъ ему объявилъ: «Священнымъ именемъ государя императора развязываю вамъ языкъ на все полезное для отечества, а руки на триста тысячъ экстраординарной суммы. Государь возлагаетъ на васъ особенныя порученія, по которымъ будетъ совѣщаться со мною».

Въ своихъ запискахъ Глинка свои особенныя порученія описываетъ скромно и не говоря прямо, ибо прямымъ словомъ объ этомъ вопросѣ ни тогда, ни послѣ говорить было невозможно. Народъ и безъ денегъ былъ возбужденъ противъ врага до крайности.

Растопчинъ отъ 26 іюля доносилъ государю. «Въ городѣ до такой степени спокойно, что должно удивляться. Причиною безстрашія суть ненависть къ Наполеону и надежда въ скоромъ времени увидѣть его уничтоженнымъ Государь! Вашъ народъ — образецъ храбрости, терпѣнія, добродушія!»

Извѣстія, распространяемыя въ городѣ знаменитыми Растопчинскими афишками, приносили, въ сущности, обманъ за обманомъ о положеніи военныхъ дѣлъ и не только успокоивали, но постоянно поджигали самохвальные народные инстинкты. Между тѣмъ осторожные люди мало-по-малу выбирались изъ Москвы. Купцы съ своими товарами двинулись съ половины іюля, то-есть тотчасъ, какъ было объявлено о грозившей опасности указомъ о собраніи ополченія. Въ ихъ выѣздѣ ничего не было необыкновеннаго, ибо въ эту самую пору они всегда отправлялись къ Макарью на ярмарку.

Увѣряя народъ, что Москва не будетъ тронута непріятелемъ, что и подступить къ ней ему не дадутъ, самъ Растопчинъ, однако, не совсѣмъ такъ понималъ дѣло и описывая государю, послѣ взятія непріятелемъ Смоленска, готовность москвичей стать поголовно на защиту своей Матушки, прибавлялъ: «Я взялъ свои мѣры, чтобы ничего здѣсь не осталось, если непріятель дойдетъ до Москвы; но начну укладывать, когда непріятель будетъ около Вязьмы». А на другой день 14 августа онъ писалъ: «жители требуютъ оружія, и оно готово, но я имъ вручу его наканунѣ дня, который долженъ будетъ рѣшить участь Москвы. Если Провидѣніе опредѣлило Наполеону въ нее войти, то онъ не найдетъ ничего для удовлетворенія своего корыстолюбія. Деньги будутъ вывезены, вещи зарыты. Армія и Москва соединятся воедино для спасенія Россіи...»

Извѣстіе о Бородинскомъ дѣлѣ было передано народу въ такомъ смыслѣ, что москвичи



Видъ с. Бородина.

по всѣмъ концамъ воскликнули: «Побѣда! Побѣда!» и потянули къ Иверской служить благодарственные молебны. Но скоро обнаружилась печальная истина. «До 26-го числа, я употребилъ всѣ средства къ успокоенію жителей и ободренію общаго духа,—доносилъ Растопчинъ государю,—но поспѣшное отступленіе арміи, приближеніе непріятеля и множество прибывающихъ раненыхъ, коими наполнялись улицы, произвели ужасъ. Видя самъ, что участь Москвы зависитъ отъ сраженія, я рѣшился содѣйствовать отъѣзду малаго числа оставшихся жителей. Головою ручаюсь, что Бонапартъ найдетъ Москву столь-же опустѣлою, какъ Смоленскъ» (который, какъ извѣстно, былъ сожженъ).

До послѣдней минуты Москва ничего не знала, что съ нею будетъ. Растопчинъ энергически подготовлялъ народъ къ сраженію. Всѣ толковали тогда о Поклонной Горѣ, какъ самомъ выгодномъ мѣстѣ дать отпоръ непріятелю. Носилась молва, что явится туда среди толпы преосвященный старецъ, митрополитъ Платонъ. Почти наканунѣ входа непріятеля въ

городъ, именно 30 августа, Растопчинъ извѣщалъ жителей, что свѣтлѣйшій князь Кутузовъ сказывалъ, что «Москву до послѣдней капли крови защищать будетъ и готовъ хоть въ улицахъ драться. Вы, братцы, не смотрите на то,—прибавляетъ онъ,—что Присутственныя мѣста закрыли: дѣла прибрать надобно, а мы своимъ судомъ съ злодѣемъ разберемся. Когда до чего дойдетъ, мнѣ надобно молодцовъ и городскихъ и деревенскихъ; я кличъ кликну дни за два, а теперь не надо, я и молчу! Хорошо съ топоромъ, недурно съ рогатиной, а всево лучше вилы-тройчатки. Французъ не тяжеле снопа оржаного». По разсказу очевидца, это-то объявленіе, вмѣсто утѣшенія и тишины, и произвело въ народѣ ужасное волненіе. Охрабрившись, народъ сталъ разбивать кабаки, разграбилъ питейную контору; по улицамъ кричали: «давай непріятеля, гдѣ непріятель?» Несмѣтная толпа, по большей части пьяныхъ, собралась по старинѣ у Лобнаго мѣста. Тамъ разсуждали и объявляли всѣмъ, что «гр. Растопчинъ сзываетъ уже сыновъ отечества на Три Горы, куда и самъ явится предводительствовать народомъ для отраженія врага отъ Москвы, и что завтрашній день съ восходомъ солнца туда должно сбираться, кто съ чѣмъ можетъ». Дѣйствительно, въ народѣ ходило уже новое воззваніе градоначальника. «Братцы!—писалъ онъ.—Сила наша многочисленна и готова положить животъ, защищая отечество, и не впустить злодѣя въ Москву. Но должно пособить, и намъ свое дѣло сдѣлать. Грѣхъ тяжкій своихъ выдавать. Москва наша мать. Она насъ поила, кормила и обогатила. Я васъ призываю именемъ Божіей Матери на защиту храмовъ Господнихъ, Москвы, земли Русской. Вооружитесь кто чѣмъ можетъ, и конные и пѣшіе; возьмите только на три дни хлѣба: идите со крестомъ; возьмите хоругви изъ церквей и съ симъ знаменіемъ собирайтесь тотчасъ на Трехъ Горахъ; я буду съ вами; вмѣстѣ истребимъ злодѣя. Слава въ вышнихъ, кто не отстанетъ; вѣчная память, кто мертвый ляжетъ; горе на Страшномъ Судѣ, кто отговариваться станетъ».

Попрежнему стоялъ въ народѣ слухъ, что самъ митрополитъ явится на Три Горы или на Поклонную Гору благословить русское воинство къ рѣшительному бою.

На другой день, 31 августа, народъ потянулъ на сборное мѣсто, на Три Горы, защищать Москву. «Боже мой!—свидѣтельствуетъ очевидецъ.—Съ какимъ сердечнымъ умиленіемъ взиралъ я на православный русскій народъ, моихъ соотечественниковъ, которые стремились съ оружіемъ въ рукахъ, дорого отъ корыстолюбивыхъ торговцевъ купленнымъ; шли съ пиками, вилами, топорами, и съ духомъ истиннаго патріотизма въ одинъ голосъ кричали: «Да здравствуетъ батюшка нашъ Александръ!» Малѣйшая поддержка этого патріотическаго взрыва, и Богъ знаетъ, взошелъ-ли бы непріятель въ Москву!»

«Народъ, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, такъ что трудно было, какъ говорится, яблоку упасть, на протяженіи 4 или 5 квадратныхъ верстъ, съ утра до вечера не расходился въ ожиданіи предводителя, графа Растопчина... Но полководецъ не явился, и всѣ съ горестнымъ унынíемъ разошлись по домамъ». Въ тотъ-же вечеръ и старецъ Платонъ удалился въ Вифанію. Все это былъ политическій обманъ и шумиха. Въ оправданіе Растопчина надо сказать, что онъ и самъ до послѣдней минуты ничего не зналъ, что станется съ Москвою, а онъ былъ ея главнокомандующій! «Я сообщалъ московскимъ жителямъ все, что получалъ отъ главнокомандующаго арміями,—пишетъ онъ въ своей оправдательной запискѣ.—Я даже не былъ приглашенъ 1 числа сентября на военный совѣтъ, гдѣ было рѣшено оставить Москву, о чемъ узналъ уже въ 11 часовъ вечера чрезъ письмо свѣтлѣйшаго князя Кутузова, требовавшаго у меня проводниковъ чрезъ городъ на Рязанскую дорогу».

Въ день 1-го сентября, рано утромъ, москвичи увидѣли, что на Поклонной Горѣ копошится наше войско и сооружаютъ укрѣпленія, что по всей окрестности двигаются полки. Вечеромъ вся мѣстность освѣтилась бивачными огнями. Ихъ зарево освѣщало половину неба, такъ что и въ городѣ на улицахъ было свѣтло. Для всѣхъ было очевидно, что готовится подъ Москвой битва.

Народъ никакимъ образомъ не могъ представить себѣ возможности, чтобы Москва была оставлена и отдана непріятелю безъ боя. Но то-же думали и въ арміи. Кутузовъ, отступая послѣ Бородинскаго дѣла къ Москвѣ, былъ убѣжденъ, что подъ стѣнами столицы должно произойти сраженіе рѣшительное для успѣховъ всей кампаніи, а слѣдовательно и для участи государства.

О томъ-же размышлялъ и самъ Наполеонъ и, готовясь къ новой битвѣ, сосредоточивалъ свои войска на столбовой дорогѣ въ Москву. 31 августа наша армія ночевала въ Мамоновѣ, въ 20 верстахъ отъ города. Здѣсь отданъ былъ приказъ, начинавшійся словами: «Не безызвѣстно каждому изъ начальниковъ, что армія россійская должна имѣть рѣшительное сраженіе подъ стѣнами Москвы».

Но, какъ мы упомянули, на Поклонной Горѣ Кутузовъ въ тайной мысли рѣшилъ отдать



Въѣздъ Наполеона въ Москву 3-го сентября 1812 г. во время пожара.

Москву безъ боя. На военномъ совѣтѣ въ деревнѣ Филяхъ, всѣ разсуждали, что Москва не составляетъ Россіи, что главное не столицу защищать, а спасти отечество, слѣдовательно, необходимо сберечь отъ напрасной гибели войско. Прибывшій Раевскій тоже поддержалъ это мнѣніе, прибавивъ, что: «Россія не въ Москвѣ, среди сыновъ она». «Съ потерею Москвы не потеряна Россія,—сказалъ Кутузовъ и окончилъ:—приказываю отступать!» Была уже ночь, когда военный совѣтъ окончилъ свои разсужденія. Двери достопамятной, но теперь уже не существующей избы отворились, и генералы одинъ за другимъ стали выходить на улицу. Мало-по-малу рѣшеніе Кутузова разгласилось. Скорбь, уныніе овладѣло всѣми. Съ именемъ Москвы связаны были понятія «о славѣ, достоинствѣ, даже самобытности отечества». Уступить безъ боя Москву значило показать полное безсиліе; это значило позорно побѣжать отъ врага, отдавая ему на руки родную землю, какъ беззащитнаго ребенка. По мнѣнію «большей части высшихъ начальниковъ,—говоритъ принцъ Евгеній Виртембергскій,—дальнѣйшее отступ-

леніе казалось не сообразнымъ съ правилами самой чести: они полагали, что Москва долженствовала быть для русскаго воина тѣмъ, чѣмъ могила для каждаго смертнаго. За ними былъ уже другой міръ». Во всякомъ случаѣ, одна уже безвѣстность, что будетъ дальше, была достаточна для того, чтобы привести всѣхъ въ уныніе. «Солдаты были мрачны, офицеры унылы», пишетъ Растопчинъ. Говорятъ, самъ Кутузовъ всю ночь сокрушался не меньше другихъ и нѣсколько разъ плакалъ. Всѣ чувствовали невыразимое горе, что приходится уступать врагу, идти отъ него безъ битвы, но всѣ забыли, что желанная битва у стѣнъ Москвы уже совершилась еще 26 августа подъ Бородинымъ. Французы прямо и называли ту битву Московскою, подъ стѣнами Москвы. Наименованіе въ наше время Дорогомиловскаго моста Бородинскимъ выразило эту истину вполнѣ. Наконецъ, узнала правду и народная Москва. «Спасайтесь! Спасайтесь!» крикнули всѣ еще въ тотъ самый часъ, какъ шли разсужденія на военномъ совѣтѣ. Съ утра 1 сентября всѣ поднялись. У кого были кони, тотъ уѣзжалъ, стараясь опередить одинъ другого. Тѣснота и трескъ экипажей были невообразимы; нельзя было слова разслышать.

«А народное буйство въ Москвѣ, бывшее въ тотъ-же вечеръ, 1-го сентября, описать нельзя,—говоритъ очевидецъ.—По улицамъ начиналась вольная попойка. Возбужденная толпа намѣревалась встрѣтить непріятеля именно вилами, какъ научалъ ее въ теченіе всего времени самъ градоначальникъ. 2 сентября, въ понедѣльникъ, рано утромъ, она собралась у его дома на Лубянкѣ и, по его-же обѣщанію, потребовала похода на Три Горы, чтобъ шелъ онъ предводительствовать и отразить непріятеля отъ Москвы. Графъ вышелъ къ народу и громогласно возвѣстилъ: «Подождите, братцы! Мнѣ надобно еще управиться съ измѣнникомъ! Вотъ измѣнникъ!—вскричалъ онъ.—Отъ него погибаетъ Москва!»—Здѣсь онъ выставилъ народу несчастнаго Верещагина (2 гильдіи купеческій сынъ 23 лѣтъ), вся вина котораго заключалась лишь въ томъ, что онъ перевелъ изъ гамбургской газеты на русскій языкъ письмо Наполеона къ прусскому королю и рѣчь его, произнесенную въ князьямъ Рейнскаго союза, конечно, враждебныя для Россіи, которыя скоро распространились въ спискахъ по городу. Растопчинъ въ 14 часовъ времени отыскалъ виновнаго, и въ офиціальномъ объявленіи отъ 3 іюля придалъ этому дѣлу характеръ государственнаго преступленія, беззастѣнчиво назвавши Верещагина сочинителемъ дерзкой бумаги, въ которой Наполеонъ называлъ русскихъ потомками Чингизъхана, говорилъ, что желаетъ возстановить Польшу, и грозилъ, что поразитъ древнихъ тирановъ Европы, и прежде шести мѣсяцевъ будетъ въ обѣихъ россійскихъ столицахъ. Бумага была очень ужасна по той причинѣ, что ея французское самохвальство на этотъ разъ встрѣтилось лицомъ къ лицу съ самохвальствомъ русскимъ, ибо градоначальникъ только наканунѣ, 1 іюля, выдалъ въ народъ первую свою афишу, гдѣ съ прибаутками отъ лица выпившаго мѣщанина хвасталъ, что Наполеону: «нетокмо што Ивана Великаго, да и Поклонной горы и во снѣ не увидать». Такимъ образомъ, вопросъ о Верещагинѣ заключалъ въ себѣ тотъ смыслъ, что «нраву моему не препятствуй». Сенатъ, разсматривавшій дѣло, отмѣтилъ въ своемъ опредѣленіи, что молодой человѣкъ «поступилъ изъ одной вѣтренности». Бѣдный Верещагинъ, на возгласъ градоначальника, успѣлъ только громко сказать: «грѣхъ вашему сіятельству будетъ»! Ординарецъ графа тотчасъ «ударилъ его саблею въ лицо; несчастный палъ, испуская стоны, народъ сталъ терзать его и таскать по улицамъ». Говорятъ, что послѣ того, воспользовавшись смятеніемъ народа съ Верещагинымъ, градоначальникъ, въ заднія ворота своего дома, выѣхалъ совсѣмъ изъ Москвы.

Въ ночь на 2 сентября наши обозы и артиллерія отъ Поклонной горы двинулись въ Дорогомиловскую заставу; за ними передъ разсвѣтомъ послѣдовали войска. «*Идемъ въ обходъ*»!—отвѣчали солдаты, на вопросъ любопытныхъ, куда они передвигаются, и тѣмъ какъ бы предрѣшали уже знаменитое фланговое движеніе фельдмаршала. По русскому простому смыслу, отвѣтъ былъ такъ сообразенъ, что ничего другого и сказать было невозможно. Нѣтъ сомнѣнія,

что эта солдатская мысль въ дѣйствительности утвердила намѣреніе полководца обойти непріятеля съ тылу. Самъ Кутузовъ у заставы увѣрялъ народъ и головою ручался, что непріятель погибнетъ въ Москвѣ.

Съ войскомъ и за войскомъ тронулись и всѣ москвичи, которые не желали оставаться въ городѣ. Всѣ спасались, кто куда и какъ могъ. Отступленіе защищалъ славный Милорадовичъ. Наполеонъ шелъ слѣдомъ. Онъ ѣхалъ верхомъ, тихо, соблюдая всевозможныя предосторожности. Бывшіе на пути лѣса и овраги приказывалъ осматривать, и самъ съ возвышеній дѣлалъ обозрѣнія. Наполеону оставалось подняться на Поклонную гору... Было два часа по полудни. Передовые всадники въѣхали на нее; раздались восклицанія: Москва! Москва! Въѣхавъ на гору и увидя Москву, самъ Наполеонъ радостно воскликнулъ: «Наконецъ, вотъ онъ, этотъ знаменитый городъ!... Да и пора уже!» — прибавилъ онъ, послѣ нѣкотораго размышленія. Онъ слѣзъ съ лошади, долго разсматривалъ въ зрительную трубу столицу и ея окрестности, справляясь съ подробнымъ планомъ Москвы, который тутъ же былъ разостланъ по землѣ. Прослѣдивъ во всѣхъ пунктахъ расположеніе своихъ войскъ, онъ приказалъ сдѣлать сигнальный выстрѣлъ, по которому авангарды всѣхъ корпусовъ должны были тронуться. Раздался гулъ орудій. Мюратъ пошелъ къ Дорогомиловской заставѣ, другіе генералы къ Калужской, къ Прѣсненской и Тверской. За авангардами двинулись корпуса.



Наполеонъ изъ окна Кремлевскаго дворца смотритъ на пожаръ Москвы. Картина С. Савина.

Непріятель вошелъ въ столицу по пятамъ нашей арміи, такъ что его передовые въ иныхъ мѣстахъ слѣдовали вмѣстѣ съ казацкими полками, охранявшими отступленіе. Въ однѣ заставы къ востоку выходили русскіе, въ другія отъ запада входили французы. Это было въ самый часъ вечеренъ, когда на Ивановской колокольнѣ, по обычному порядку, заблаговѣстили было къ службѣ. Разсказываютъ, что входъ непріятеля въ городъ былъ заявленъ нѣсколькими пушечными холостыми выстрѣлами въ улицахъ Москвы по Арбатской и въ другихъ мѣстахъ. Звонъ на Ивановской колокольнѣ утихъ. Въ $4^1/_2$ часа въ Кремль, Троицкими воротами, первые взошли польскіе уланы и тутъ же начали рубить стоявшихъ у арсенала

съ оружіемъ въ рукахъ запоздалыхъ нашихъ защитниковъ Отечества, только что вооружившихся противъ врага. Затѣмъ вошла французская кавалерія, ввезена пушка и сдѣланъ выстрѣлъ къ Никольскимъ воротамъ холостымъ зарядомъ, что, вѣроятно, было общимъ сигналомъ, что Кремль занятъ.

Самъ Наполеонъ остановился у Дорогомиловской заставы, налѣво отъ дороги, у камеръ-коллежскаго вала. Въ это время Кутузовъ на привалѣ сидѣлъ на скамейкѣ за Коломенскою заставою, близъ старообрядческаго кладбища. Наполеонъ, сойдя съ коня, въ спокойномъ расположеніи духа, сталъ расхаживать взадъ и впередъ, ожидая изъ Москвы депутатовъ и городскихъ ключей, какъ водилось при взятіи городовъ. На травѣ передъ нимъ лежалъ тотъ же большой планъ Москвы. Ожиданіе было напрасно, но нетерпѣніе его увеличивалось, шаги становились быстрѣй и быстрѣй. Онъ неоднократно посылалъ узнавать, что дѣлается въ Москвѣ, и почему не являются московскія власти. Получивъ извѣстіе, что Москва оставлена жителями, онъ не хотѣлъ этому вѣрить, и приказалъ государственному секретарю Дарю ѣхать въ столицу за депутаціей, сказавши: «Ступайте туда и приведите ко мнѣ бояръ». Но бояре не являлись. Онъ волновался. «Шаги его становились нервны, онъ оглядывался въ разныя стороны, снималъ перчатки и опять ихъ надѣвалъ; вынималъ изъ кармана платокъ, мялъ его и ошибкою клалъ въ другой карманъ». Недоумѣніе героя распространилось и на окружавшихъ его, тѣмъ болѣе, что еще съ утра сдѣланы были распоряженія именно къ торжественному, побѣдоносному вступленію въ Москву. Привели, наконецъ, нѣсколько собранныхъ по улицамъ иностранцевъ, которые разсказали, что городъ пустъ, въ немъ никого нѣтъ. Такая вовсе неожиданная развязка очень смутила и героя и всю его армію. Онъ сѣлъ на лошадь, скомандовалъ: *впередъ*, и впереди кавалеріи въѣхалъ въ Москву. Однако, дальше Дорогомиловскаго моста не поѣхалъ. На берегу, справа отъ улицы, онъ слѣзъ съ коня, и остался ночевать въ Дорогомиловской ямской слободѣ, въ обывательскомъ домѣ. По всѣй слободѣ разставлены были караулы съ пушками; русскихъ жителей въ ней оставалось только четыре дворника. Между тѣмъ, въ Замоскворѣчьи въ четырехъ мѣстахъ показался дымъ, и занялся пожаръ.

На другой день, 3 сентября, утромъ, Наполеонъ все-таки съ нѣкоторою церемоніею въѣхалъ въ городъ. Онъ сидѣлъ на маленькой арабской лошади, въ сѣромъ сюртукѣ, безъ всякаго знака отличія. Впереди слѣдовали два эскадрона конной гвардіи. Свита его была многочисленна. Играла музыка. Но на лицѣ героя изображалось сильное негодованіе. Оно возрастало при видѣ со всѣхъ сторонъ поднимавшихся пожаровъ. Въ Кремлѣ, вступя во дворецъ и взглянувъ на обширный и красивый видъ Замоскворѣчья, онъ еще лучше могъ видѣть поднимавшіяся со всѣхъ сторонъ облака дыма и пламени. Къ вечеру пожаръ усилился, а въ полночь самый Кремль находился въ опасности. Въ эту страшную ночь не спалось герою-завоевателю. Онъ иногда просыпался, выходилъ на балконъ, смотрѣлъ на невиданное имъ зрѣлище и восклицалъ: «Москва погибла! Русскіе сами зажигаютъ!... Какая чрезвычайная рѣшительность! Что за люди! Это скиѳы!» Вся армія раздѣляла изумленіе своего вождя.

Свита стала ему совѣтовать выѣхать изъ Кремля куда-либо за городъ. Онъ было не соглашался, но, убѣдившись въ опасности, что можно и самому сгорѣть въ Кремлѣ, рѣшилъ выѣхать въ Петровскій дворецъ. 4 сентября, въ два часа пополудни, онъ отправился; но прямою дорогою по Тверской ѣхать уже было невозможно. Онъ принужденъ былъ воротиться и проѣхалъ снова Дорогомиловскою слободою, вверхъ по рѣкѣ, къ пловучему мосту, вѣроятно, подъ Шелепихою, откуда мимо Ваганькова кладбища и пробрался уже къ шести часамъ въ новое свое жилище. Тамъ онъ жилъ до 6-го, а по другимъ — до 8 сентября, когда общій пожаръ сталъ утихать.

При разсужденіи о томъ, кто зажегъ Москву, нужно прежде всего остановиться на простомъ, но очень важномъ обстоятельствѣ: Кто первый подложилъ огонь? Кто заготовилъ поджигательныя средства? Въ этомъ отношеніи, явно передовымъ лицомъ выставляется самъ градо-

начальникъ—Растопчинъ. Пожаръ Москвы таился уже цѣлые два мѣсяца въ томъ патріотическомъ напряженіи народа, которое постоянно поддерживалось и которое, какъ скопленіе горючихъ нравственныхъ веществъ, по необходимости должно было ознаменовать себя тѣмъ или другимъ выходомъ или взрывомъ. Москвичи, со словъ же градоначальника, были убѣждены, что непріятель къ нимъ придти не посмѣетъ, а если и придетъ, такъ они его отбросятъ вилами, какъ соломенный снопъ. А отбросить нельзя, такъ что же дѣлать, какъ не жечь все кругомъ, чтобъ негдѣ было врагу и головы приклонить. Пожаръ въ нашей



Бѣгство жителей Москвы передъ нашествіемъ Наполеона 1812 г.
(Съ акварели Сверчкова)

исторіи государственной и общественной — самый бѣдовый герой. Искони въ нашихъ народныхъ понятіяхъ огонь былъ товарищемъ меча: какъ скоро ослабѣвалъ мечъ, — за свое дѣло принимался огонь, всегда служившій, кромѣ того, для выраженія чувства мести. Стародавній историческій русскій обычай на томъ и стоялъ, чтобы нашествіе врага встрѣчать огнемъ, сжигая свои же дома и тѣмъ досаждая врагу пуще меча. Извѣстно также, что старина почитала за правило, въ случаѣ нашествія непріятелей и осады, сжигать городскую окрестность дочиста. Въ это время бродила въ народѣ мысль, или носился слухъ, еще въ ожиданіи приближенія французовъ къ Москвѣ, что Смоленскій рынокъ съ окрестностью, по всей Дорогомиловской горѣ, будетъ выжженъ для постройки батарей. Такимъ образомъ

жечь свои дома и цѣлые города, въ глазахъ непріятеля, когда уже противиться ему нельзя, есть всенародный исконный русскій обычай, русскій способъ войны, вовсе не разсуждающій о томъ, что это какое-либо геройство, а почитающій такое дѣло простою естественною защитою. Пожаромъ Москвы лучше всего оправдалось это древнее правило русской войны. Въ этомъ пожарѣ Наполеонъ обезсилѣлъ и потому очень сердился, что русскіе воюютъ по-скиѳски. Въ дѣйствительности, по западнымъ понятіямъ, это было чистое скиѳство, которое вполнѣ выразилось во время извѣстнаго похода персидскаго Дарія на нашихъ скиѳовъ. Этотъ Дарій, подобно Наполеону, едва цѣлъ ушелъ изъ опустошенной скиѳской пустыни. Кто отчаянно защищаетъ себя, тому вѣжливо раскланиваться и любезничать невозможно,—и онъ естественно становится скиѳомъ.

Мысль о необходимости, въ случаѣ крайности, сжечь Москву ходила по городу именно въ той толпѣ, съ которою такъ долго разговаривалъ всегда самъ градоначальникъ. «Лучше ее сжечь», говорили тогдашніе политики средняго и простого сословія, когда имъ представлялась возможность, что непріятель ворвется въ городъ. А въ деревняхъ, когда наши войска отступали и уходили дальше, крестьяне всегда спрашивали: «не пора ли зажигать избы?» Вотъ почему и Растопчинъ такъ самонадѣянно писалъ потомъ двукратно къ государю, что еслибы Кутузовъ сказалъ ему, за два дня прежде, о своемъ намѣреніи оставить Москву, то онъ зажегъ бы городъ. Онъ даже очень сожалѣлъ, что ему неудалось исполнить этого подвига. Но, говоря такъ, онъ, очевидно, не предавался одному тщеславію, но и вполнѣ надѣялся на толпу и не сомнѣвался въ ея образѣ мыслей.

Еще 12 августа онъ, между прочимъ, писалъ Багратіону: «Если вы отступите къ Вязьмѣ, я примусь за отправленіе всѣхъ государственныхъ вещей... Народъ здѣшній, по вѣрности къ царю своему и любви къ родинѣ, рѣшился умереть у стѣнъ Московскихъ, и если Богъ ему не поможетъ въ его благомъ предпріятіи, то, слѣдуя русскому правилу, *не доставайся злодѣю*, онъ обратитъ городъ въ пепелъ и, вмѣсто богатой добычи, Наполеонъ найдетъ одно пепелище древней русской столицы...» Но при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ, безъ всякой защиты, внезапно, въ одинъ часъ, Москва была оставлена и совсѣмъ брошена въ руки врагу, она, по складу и дѣйствію народныхъ разсужденій и соображеній, непремѣнно бы сгорѣла, кто-бы ни былъ въ ней градоначальникомъ, Растопчинъ или другое лицо.

Москва сгорѣла какъ бы сама собою отъ множества разнообразныхъ причинъ, которыя, однако, всѣ сходятся къ одной, что въ городъ пришелъ непріятель. Противъ него и началась война уже не мечемъ, а огнемъ, уже не войскомъ, а самимъ народомъ, который въ своихъ дѣйствіяхъ и въ огромномъ городѣ, конечно, не могъ показать ничего строго обдуманнаго и разсчитаннаго, не могъ совершить театральнаго героическаго подвига. Онъ руководился личными, то-есть единичными побужденіями. Въ самый тотъ часъ, 2 сентября, какъ Наполеонъ ожидалъ городской депутаціи у Дорогомиловской заставы, въ городѣ, у Лобнаго мѣста, гдѣ тѣснилась огромная толпа народа, въ воздухѣ распространялся уже нестерпимый смрадъ отъ того, что лавки москательнаго ряда горѣли, и зажигалъ ихъ, будто бы, самъ частный приставъ городской части, какой-то князь, на котораго, очень можетъ быть, напрасно сваливали вину, боясь и не зная, чѣмъ дѣло можетъ кончиться. Къ вечеру столица горѣла уже во многихъ мѣстахъ: горѣла Нѣмецкая слобода, Рогожская, Замоскворѣчье. Съ особою силою пожаръ распространился въ ночь съ 3 на 4 сентября, то-есть на вторыя сутки послѣ входа французовъ.

Наполеонъ, за одно со всею Европою прославляя насъ татарами, калмыками, скиѳами, вовсе однако не ожидалъ себѣ такого скиѳскаго сопротивленія.

«Прекрасная, великолѣпная Москва уже не существуетъ», — восклицаетъ онъ въ письмѣ къ нашему государю.—Ростопчинъ сжегъ ее: 400 человѣкъ зажигателей схвачены на мѣстѣ преступленія. Всѣ они показали, что дѣйствовали по приказанію губернатора и оберъ-полицій-

мейстера... Три четверти домовъ сгорѣли... Поступокъ ужасный и безсознательный! Человѣчество, выгоды Вашего Величества и сего обширнаго города требовали ввѣрить мнѣ столицу, оставленную русской арміею. Необходимо было оставить въ ней управленіе и гражданскую стражу. Такъ было въ Вѣнѣ два раза, въ Берлинѣ, въ Мадритѣ, такъ поступали и мы въ Миланѣ, при вступленіи туда Суворова... Я веду войну съ Вашимъ Величествомъ безъ озлобленія»...

Французъ очень роптал и негодовалъ, что со стороны русскихъ война ведется съ большимъ озлобленьемъ и увѣрялъ, что пришелъ покорять насъ безъ всякаго озлобленія, по-рыцарски, какъ вообще воюютъ народы просвѣщенные и цивилизованные. Русскій же народный смыслъ никакъ не могъ понять такой премудрости. Для него было непостижимо это цивилизованное рыцарское беззлобіе войны, когда на его же глазахъ люди истреблялись, какъ мухи. Онъ очень хорошо видѣлъ, что просвѣщеннѣйшая въ мірѣ нація вовсе не церемонится со своимъ



Бѣгство французовъ изъ Россіи въ 1812 году.
Картина Клейна.

врагомъ, идетъ, тѣснитъ, громитъ все на пути и обѣщаетъ пощаду и вниманіе тѣмъ, кто покорно отдавался ей.

Нѣкоторые французы, писавшіе уже изъ Москвы домой къ своимъ, говорили, что «не видывали болѣе варварскаго народа, что этотъ народъ все покидаетъ, лишь бы не преклонить колѣнъ передъ непріятелемъ, что легче покорить легіонъ демоновъ, чѣмъ русскихъ, еслибъ даже вмѣсто одного было десять Бонапартовъ». Иные офранцуженные и просвѣщенные россіяне очень оскорблялись такимъ отзывомъ и нужна была особая храбрость, дабы доказать, вопреки всему, то-есть вопреки этому просвѣщенному умоначертанію, что въ сущности здѣсь кроется великая похвала народу.

Наполеонъ вышелъ изъ Москвы 11 октября уже по другой дорогѣ, на Калугу, мимо Воробьевыхъ горъ. Разгромленная жизнь Москвы стала быстро собираться на свое пепелище и черезъ пять зимнихъ мѣсяцевъ, ранней весною, 14 марта 1813 года, поэтъ Мерзляковъ такъ описывалъ обновленіе любимаго города:

«Съ нами совершаются чудеса божественныя, которыхъ Москва была, такъ сказать, наслѣдница давнобытная. Сколько разъ она горѣла? Сколько разъ была въ рукахъ непріятелей самыхъ лютѣйшихъ. Нѣтъ силы на землѣ, которая бы уничтожила Москву, любимѣйшій небомъ городъ, или, другими словами, нѣтъ силы столько враждебныя, которая бы могла охладить любовь москвичей къ ихъ родной и *ветхой деньми* маменькѣ. Ни весь адъ съ милліонами Наполеоновъ не въ состояніи этого сдѣлать. По сю пору Москва, разрушенная, опустошенная, уже лучшій городъ Россіи. Уже все, что нужда, удобность, удовольствіе, самая роскошь можетъ требовать, находится въ ней съ изобиліемъ... Топоръ стучитъ въ тысячахъ рукъ, кровли наводятся, цѣлые опустошенные переулки становятся по прежнему застроенными; улицы заставлены обозами съ лѣсомъ и матеріалами; народу тьма, нигдѣ нѣтъ проѣзду, а особливо въ теперешнее время дѣятельность неизъяснимая. Навѣрное полагаютъ, что къ веснѣ будетъ готово домовъ около тысячи отдѣланныхъ».

О положеніи Москвы послѣ выхода непріятеля очевидцы разсказывали, что вообще Москва представляла ужасъ и разореніе!...

Хотя, по словамъ грибоѣдовскаго Скалозуба, пожаръ Москвы способствовалъ ей много къ украшенью, но за то онъ нанесъ рѣшительный ударъ старинному, непомѣрно широкому барскому житью. Онъ сильно поколебалъ въ Москвѣ именно ту стихію жизни, которая въ своей вершинѣ прославлялась республикою. Съ того времени и широкое житье и республика стали клониться къ упадку. Они уже не обновлялись свѣжими силами, а переживали и, такъ сказать, донашивали лишь то, что оставалось въ наличности, какъ старыя развалины, отъ екатерининской эпохи.

Съ того времени «Отечество Россійскаго Дворянства»,— какъ говаривалъ еще Сумароковъ,— или «Столица Россійскаго Дворянства»,—какъ писалъ Карамзинъ,—мало по малу стала преобразовываться въ «Столицу Россійскаго Купечества» или, вѣрнѣе сказать, въ столицу русской промышленности и торговли. Барскій и крѣпостной людъ съ своимъ крѣпостнымъ трудомъ, запиравшимъ, какъ несокрушимая плотина, движеніе промышленности, сталъ постепенно исчезать, удаляться, а на мѣсто его овладѣвалъ жизнью и движеніемъ города людъ промышленный, торговый и фабричный, а главное вольный трудъ. До Француза, въ пятилѣтіе 1788—1794 г. мѣщанъ и ремесленниковъ въ Москвѣ считалось обоего пола 9,100. Въ пятилѣтіе 1834—1840 г. ихъ считалось уже 75,300, то-есть больше слишкомъ въ восемь разъ. Однако, прибыль купцовъ въ тоже время была незначительна, всего на одну треть ихъ числа, между тѣмъ какъ прибыль дворянъ увеличилась почти на половину; но за то прибыль дворовыхъ увеличилась не болѣе какъ на одну десятую ихъ числа, что, конечно, противъ прибыли вольныхъ промышленниковъ, обнаруживаетъ застой или поворотъ къ убыли.

Великолѣпные замки и роскошныя подмосковныя виллы московскихъ старинныхъ бояръ, созданные исключительно только силами крѣпостного труда, оказались вдругъ черезчуръ обширными, слишкомъ просторными и потому вовсе неудобными для житья, оказались вдругъ излишнимъ и очень неудобнымъ бременемъ для новыхъ направленій жизни. Эти достопамятныя руины крѣпостного вѣка стали поступать или въ руки казны и обществъ подъ учебныя и разныя благотворительныя заведенія, или въ руки купцовъ, подъ фабрики и заводы, иногда подъ собственное житье, которому капиталъ, этотъ новый и уже вольный крѣпостникъ вольнаго труда, распространилъ дорогу на всѣ стороны.

Крѣпостной вѣкъ отдавалъ владычество и господство въ обществѣ барину по праву передового человѣка европейски образованнаго. Промышленный вѣкъ отдалъ владычество и господство капиталу, а въ сущности—промышленнику во всѣхъ родахъ и видахъ и во всякомъ значеніи, такъ что теперь и самъ баринъ стремится къ тому же промышленному идеалу жизни.

И. Забѣлинъ

ОЧЕРКЪ IX.

ОКРЕСТНЫЯ СВЯТЫНИ МОСКВЫ.

Монастырь Св. Троицы, Сергіевъ.—Монастырь Св. Саввы, Сторожевскій.—Монастырь Новый Іерусалимъ.—Монастырь Николоугрѣшскій.—Екатерининская пустынь. — Берлюковская пустынь.

„...Пріидите и посмотрите на угодника Божія, преподобнаго Сергія. Чтожъ? Развѣ напрасно онъ столько въ подвигѣ добродѣтели трудовъ употреблялъ? Развѣ тщетны были тѣ слезы, тотъ потъ, которые онъ проливалъ и ими напоевалъ насажденное въ душѣ Божественное сѣмя? О, нѣтъ! Вотъ сколько вѣковъ прошло, а имя его все также любезно во устахъ нашихъ, память его благословенна, и слѣды его жизни достопочтенны...“

МИТРОПОЛИТЪ ПЛАТОНЪ.

Монастырь св. Троицы, Сергіевъ, для древней Москвы и для всей Московской области былъ такою-же великою святынею, какою въ древнемъ Кіевѣ, для всей Кіевской области, былъ монастырь Ѳеодосіевъ, Печерскій. Искушенные опытомъ жизни или умудренные ея созерцаніемъ монастырскіе старцы, по бо́льшей части, были люди книжные, а потому всегда способны были на всякое дѣло подать добрый совѣтъ, на всякую мысль — доброе толкованіе. Душевная польза и создавала монастыри и привлекала къ нимъ древнее общество, какъ къ единственной въ то время пристани нравственнаго очищенія и совершенствованія. Въ отвѣтъ на общественную потребность, монастырей создавалось много, но всеобщая слава установлялась для немногихъ, по особой святости ихъ первоначальниковъ.

Въ самой Москвѣ, еще при нашествіи Батыя, существовали уже монастыри, которые, вѣроятно, на старыхъ-же мѣстахъ стали извѣстны уже въ послѣдующее время, но руководителемъ и свѣтиломъ московской жизни явился отдаленный монастырь небольшого, древняго городка Радонежа. Этотъ городокъ стоялъ на половинѣ пути изъ Москвы въ Переяславль, на томъ пути, который въ первое московское время составлялъ большую Московскую дорогу и къ Переяславлю, и къ Волжскимъ пристанямъ, на Дубну и на Нерль. Населеніе въ Радонежѣ особенно увеличилось со временъ Іоанна Даніиловича Калиты, когда городку даны были особыя льготы, а насилія и тѣснота въ Ростовскомъ княжествѣ заставляли тамошнихъ старожиловъ искать новыхъ мѣстъ для житья, почему многіе изъ нихъ и избирали себѣ Радонежъ. Такимъ образомъ сюда переселились и родители пр. Сергія, впослѣдствіи основавшіе свое пребываніе въ Хотьковѣ, гдѣ они и погребены въ Покровскомъ монастырѣ.

Отъ раннихъ лѣтъ стремясь къ пустынному, уединенному житію, преподобный избралъ себѣ пустынное мѣсто въ глухомъ лѣсу, верстахъ въ 10-ти отъ Радонежа и Хотькова, на Маковцѣ, какъ прозывалось высокое мѣсто будущаго монастыря, окруженное рѣчкою и оврагами. Здѣсь онъ построилъ церковь св. Троицы и постригся около 1345 г. Въ первое время онъ жилъ совершеннымъ отшельникомъ, не видя и людей. Часто приходилъ къ нему только одинъ медвѣдь, котораго преподобный пріучилъ къ своей кельѣ, вынося ему каждый день краюшку хлѣба. Но скоро къ кельѣ отшельника стали приходить другіе пустынножители и поселялись возлѣ него. Мало-по-малу составился монастырь, и преподобный былъ избранъ игуменомъ.



Образъ преподобнаго Сергія въ Сергіевскомъ монастырѣ.

Само собою разумѣется, что въ первое время монастырь отличался великою нищетою и строгостью жизни. Игуменъ самъ былъ первымъ работникомъ во всѣхъ дѣлахъ, самъ плотничалъ, строя кельи и ограды, самъ рубилъ дрова, мололъ муку на жерновахъ, пекъ хлѣбы, готовилъ просфоры, дѣлалъ восковыя свѣчи, самъ былъ портнымъ и сапожникомъ. Бѣдность монастыря была такъ велика, что въ храмѣ иногда, за недостаткомъ свѣчей, горѣла въ свѣтцахъ простая лучина, книги служебныя тоже писали на берестѣ, потому что не на что было купить пергамента. Впрочемъ, преподобный игуменъ добровольно отдался нищетѣ и ходилъ въ рубищѣ. Путешествуя куда-либо, онъ никогда не пользовался лошадью, а, какъ-бы ни было далеко, всегда шелъ пѣшкомъ.

Первый монастырь былъ богатъ праведною жизнью, которую устраивалъ первый и великій его праведникъ Сергій. Это богатство и было причиною, что слава монастыря распространилась далеко за предѣлы его волости и достигла самой Москвы, тогда еще только начинавшей дѣлать всенародное дѣло государственнаго единства. Преподобный Сергій явился однимъ изъ первыхъ поборниковъ этого великаго дѣла. По его благословенію начата Москвою славная борьба съ Татарскимъ царствомъ. Не устрашился святой инокъ Мамаевыхъ полковъ и твердилъ великому князю Дмитрію одно, чтобы не уступалъ, но стоялъ мужественно и крѣпко.

Святой инокъ стоялъ на высотѣ тогдашнихъ политическихъ отношеній и сознавалъ, что борьба съ Мамаемъ не одно московское, но и всеобщее дѣло для Русской земли, чего совсѣмъ не понимали даже помѣстные великіе князья и бояре.

Именно патріотическое участіе преподобнаго Сергія въ этой достославной борьбѣ и послужило для его монастыря основаніемъ послѣдующей его славы. Съ того времени Троицкій Сергіевъ монастырь, по завѣту своего основателя, становился прямымъ государственнымъ дѣятелемъ, всегда установляя и поддерживая въ опасныхъ и трудныхъ случаяхъ сознаніе общихъ цѣлей всенароднаго спасенія, и нравственнаго, и политическаго.

Съ того времени, домъ Живоначальныя Троицы, Сергіевъ монастырь, для московскихъ великихъ князей, а впослѣдствіи—государей и царей, получилъ святое значеніе молитвеннаго храма, гдѣ усердное прибѣжище къ великому отцу и чудотворцу Сергію, *твердому заступнику, крѣпкому молитвеннику, скорому помощнику* и *кормителю* всѣхъ московскихъ государей во всѣхъ случаяхъ государственныхъ затрудненій или домашнихъ семейныхъ печалей, всегда сопровождалось чудесами его неистощимой помощи и милостей.

Отъ временъ Дмитрія Донского установился государевъ обычай не начинать никакого дѣла, семейнаго и государственнаго, не испросивъ прежде въ Сергіевомъ монастырѣ напутственнаго благословенія, не побывавъ у Троицы-Сергія, какъ народъ до сихъ поръ прозываетъ его обитель. Два имени въ народномъ понятіи стали неразлучными. Такъ, несомнѣнно, было при жизни великаго праведника. Онъ скончался въ 1391 г., сентября 25. Но и послѣ этого дня онъ остался живымъ заступникомъ, помощникомъ и покровителемъ для всѣхъ убогихъ, богатыхъ, знатныхъ и незнатныхъ, кто только призывалъ его съ сердечною вѣрою. Неистощимыя чудеса святого до позднихъ временъ служили какъ бы его живою бесѣдою съ призывавшимъ его помощь и молитву всенароднымъ обществомъ. Памятовать день его преставленія собирались люди отъ всѣхъ мѣстъ, а государи московскіе поставили обычаемъ ходить къ этому дню въ монастырь на богомолье неизмѣнно каждый годъ. Ихъ путешествія такъ и прозывались *Троицкими походами*.



Троицкій соборъ въ Лаврѣ.

Особые завѣты преподобнаго, оставленные своему монастырю, еще болѣе возвеличивали значеніе его обители. По его заповѣди, иноки не должны были выходить за ограду обители. Преподобный, какъ началъ монастырскую жизнь въ нищетѣ и скудости, такъ и оставался въ ней уже добровольно до конца своихъ дней. Особенно не любилъ онъ золота. Когда митрополитъ Алексѣй пожелалъ благословить его на свое мѣсто, на митрополію, и возложилъ на него золотой крестъ, преподобный отрекся отъ великой чести, сказавши при этомъ, что не былъ никогда златоносцемъ.

Но обычнымъ порядкомъ достославный монастырь еще при жизни своего основателя мало-по-малу пополнился приношеніями и сталъ богатѣть. По мѣрѣ того, какъ приливало въ монастырь всякое изобиліе, столько же увеличивалось и распространялось, по заповѣди преподобнаго, страннолюбіе. Онъ завѣщалъ братіи и послѣ себя неотмѣнно довольствовать монастырскимъ добромъ не только нищихъ, но всячески покоить каждаго, кто чего потребуетъ. И монастырь свято сохранялъ эту заповѣдь. Не только простые или больные и нищіе, приходившіе въ монастырь на богомолье, но и князья, бояре, воеводы и воинскіе люди, проѣзжавшіе или проходившіе мимо Сергіевой обители, всѣ были принимаемы, какъ родные и добрые гости, и получали всякое довольство и потребу, пищу и питье, не только на стану, въ монастырѣ, но снабжались всѣмъ необходимымъ и въ дорогу. А путь изъ Москвы и въ Москву мимо монастыря съ древнихъ временъ составлялъ самую торную и при томъ торговую дорогу, соединявшую съ Москвою весь промысловый сѣверъ. Каждый путникъ даже изъ далекихъ мѣстъ хорошо зналъ, что на этомъ святомъ перепутьѣ онъ во всякое время найдетъ все потребное въ изобиліи. Богомольцы обыкновенно получали на дорогу отъ чудотворцевъ хлѣбъ и медъ, всегда принимавшіеся, какъ святыня, и потому во многихъ случаяхъ употреблявшіеся на исцѣленіе. Въ половинѣ XVII столѣтія въ монастырѣ еще существовала деревянная житница преподоб-

наго, у которой богомольцы отъ порога или отъ угла отнимали крохи, щепочки, и несли домой на исцѣленіе всякихъ болѣзней.



Столовая въ Троице-Сергіевскомъ монастырѣ.

Монастырская Сергіева житница и составляла для всенароднаго множества великую святыню его страннолюбія. Въ эту житницу уходило и все монастырское богатство. Еще при жизни праведника, Дмитрій Донской отдалъ монастырю весьма доходныя статьи, именно: Ногайское конское пятно и Московское пятно на конской площадкѣ, то-есть таможенный сборъ

съ продажи и покупки лошадей, для чего накладывались на нихъ пятна или особые знаки, клеймо, тавры. Затѣмъ монастырь обогащался многими вотчинами и денежными жертвами, отдаваемыми на вѣчный поминъ души, для соблюденія установленныхъ кормовъ на братію.

Скопляемое богатство, когда наставало трудное для государства время, монастырь передавалъ на потребности царскаго дома или на нужды государства. Такимъ образомъ и съ этой стороны служилъ своею казною общимъ цѣлямъ. До упраздненія владѣльческаго права на населенныя земли монастырю принадлежало болѣе 106 тысячъ крестьянъ.

Извѣстно, какое мѣсто занялъ Троицкій монастырь въ событіяхъ смутнаго времени. Почти 16 мѣсяцевъ онъ выдерживалъ осаду отъ поляковъ и русскихъ воровъ и устоялъ молитвою чудотворца Сергія, показавши достойный примѣръ, какъ слѣдовало бороться съ врагами государства.

Составляя въ это время хорошо укрѣпленную и очень важную въ стратегическомъ отно-



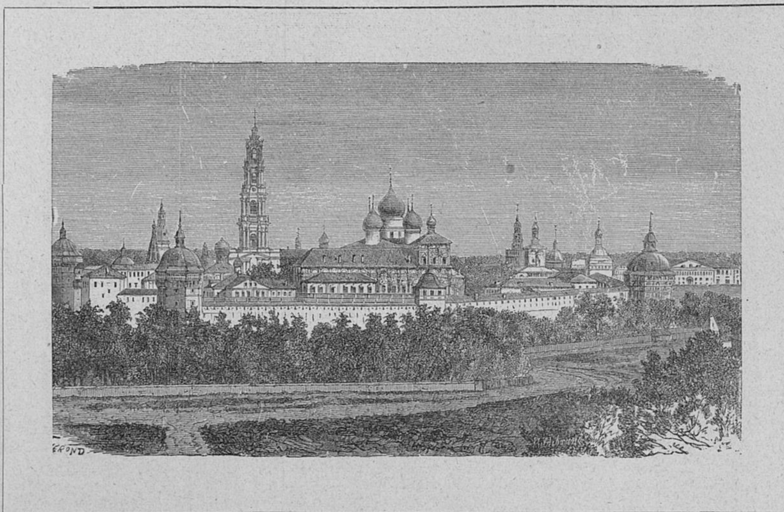
Святыя ворота въ Троице-Сергіевской лаврѣ.

шеніи оборонительную твердыню для самой Москвы, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ являлся и великою нравственною твердынею для всего народа. Когда все колебалось и шаталось въ нескончаемой смутѣ, какъ могущественно и значительно было благословенное патріотическое слово, слышимое отъ Троицы-Сергія. Это слово давало твердую опору добрымъ мыслямъ и единило добрыя намѣренія въ народѣ. Самый подвигъ Минина, какъ свидѣтельствуютъ монастырскія легенды, поднятъ тоже по благословенію преподобнаго Сергія.

И во все это время, несмотря на осаду, на истощеніе своихъ домовныхъ средствъ и запасовъ, монастырь все-таки для всей Москвы и окружающихъ мѣстъ являлся богатою неистощимою житницею. Бѣдствующій народъ, въ голодѣ, въ ранахъ, въ болѣзняхъ, собирался со всѣхъ сторонъ къ этой житницѣ и всегда получалъ добрый кормъ, доброе попеченіе и уходъ. Самыя легенды о видѣніяхъ того времени лучше всего обозначали, какъ мыслилъ народъ о домѣ Пресвятыя и Живоначальныя Троицы. Въ крѣпко осажденной Москвѣ видѣли идущаго по улицѣ сѣдовласаго старца, а за нимъ 12 возовъ, наполненныхъ печенымъ хлѣбомъ. На

Троицкомъ подворьѣ, въ Кремлѣ, когда хлѣбный запасъ изсякъ, то рожь сама текла со стѣнъ изъ скважинъ и наполняла житницу. Хлѣбъ и квасъ монастырскій былъ неистощимъ для бѣдствующаго народа. Это было народное сокровище, важнѣйшее всѣхъ другихъ сокровищъ монастыря, которыхъ тоже было довольно, и въ золотѣ, и въ серебрѣ, и въ жемчугѣ, и въ книгахъ.

Въ смутное время, какъ сказано уже, монастырь былъ такъ укрѣпленъ, что представлялъ весьма надежную оборону для самой Москвы. Каменныя стѣны съ башнями построены въ половинѣ XVI столѣтія при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ (1540 — 1550), который по этому случаю предоставилъ монастырю многія льготы: напр., дозволилъ брать бѣлый камень и известь, гдѣ строители найдутъ удобнымъ и выгоднымъ, на всѣхъ казенныхъ и частныхъ земляхъ, безъ всякаго возмездія, и при этомъ освободилъ троицкихъ крестьянъ, на время постройки, отъ казенныхъ повинностей, сборовъ и работъ. Окружность стѣнъ простирается болѣе



Общій видъ Троице-Сергіевской Лавры.

чѣмъ на версту, вышина ихъ по разнымъ мѣстамъ различна отъ 4 до 7 сажень, ширина 3 сажени и болѣе.

Отъ святыхъ воротъ прекрасная липовая аллея проводитъ богомольца къ соборному храму св. Троицы, построенному въ 1422 г. надъ гробомъ преподобнаго, на мѣстѣ древней деревянной его церкви. Храмъ одноглавый, сооруженъ изъ бѣлаго камня, при чемъ, по разумѣнію древнихъ строителей, связи употреблены дубовыя. Его архитектура представляетъ вообще типическую форму древнихъ храмовъ во всей суздальской области. Съ южной стороны построена особая церковь преп. Никона. Глава и крестъ собора были вызолочены еще при Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ; а впослѣдствіи, уже въ XVIII столѣтіи, и вся кровля была покрыта золочеными листами, что возобновляется и поддерживается и до сихъ поръ.

Внутри собора стѣны вначалѣ были расписаны знаменитымъ иконописцемъ Андреемъ Рублевымъ (съ Радонежа) и его другомъ Даніиломъ. Послѣ стѣнное письмо возобновлялось и переписывалось неоднократно (въ послѣдній разъ въ 1854 г.), и уже не сохраняетъ первоначальной древности. Пятиярусный иконостасъ особенно замѣчателенъ иконами мѣстнаго пояса,

въ числѣ которыхъ по правую сторону царскихъ вратъ находится древняя чудотворная монастырская икона св. Троицы, написанная быть можетъ Андреемъ Рублевымъ и богато украшенная въ 1600 г. царемъ Борисомъ Годуновымъ. Три великолѣпныя цаты приложены царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ въ 1626 г. Другая икона св. Троицы, не менѣе искусстнаго письма, находится по лѣвую сторону царскихъ вратъ, въ богатомъ окладѣ, устроенномъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ.

Возлѣ этихъ храмовыхъ иконъ помѣщены иконы Спасителя, написанныя Симономъ Ушаковымъ, славнымъ иконописцемъ второй половины XVII столѣтія. Царскія врата — вкладъ царя Михаила Ѳедоровича. Надъ южною алтарною дверью помѣщенъ образъ Явленія Богородицы Преподобному Сергію, складной, устроенный изъ верхней гробовой доски преподобнаго. Эта икона сопутствовала царю Алексѣю Михаиловичу въ его побѣдоносномъ походѣ на польскаго короля въ 1654 г. и въ походахъ боярина Бориса Петровича Шереметева, во время знаменитой и столько же побѣдоносной сѣверной войны со шведскимъ королемъ Карломъ XII. Въ 1812 г. икона сопутствовала московскому ополченію. И въ послѣднія войны 1855 и 1877 г.г. икона находилась въ дѣйствующей арміи на благословеніе и укрѣпленіе противъ враговъ.



Видъ Успенскаго собора и колокольни.

У южныхъ дверей собора, близъ иконостаса, почиваютъ мощи св. Сергія въ серебряной ракѣ, устроенной царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ въ 1585 г., около которой другая рака и сѣнь на столпахъ.

Здѣсь видимъ икону Богородицы и свят. Николая, моленіе преп. Сергія, его ветхую ризу, епитрахиль, поручи, посохъ, ножикъ во влагалищѣ и деревянную ложку.

Неподалеку, особо пристроенная къ собору, часовня обозначаетъ мѣсто кельи преподобнаго, гдѣ совершилось явленіе ему Богородицы. Въ часовнѣ находится и гробница архимандрита Діонисія, великаго подвижника въ смутное время, устроившаго тогда изъ монастыря всенародную больницу, богадѣльню и житницу. Польская осада монастыря 1608 г. оставила о себѣ память на иконѣ чуд. Николая, на которой отпечатлѣлся ударъ пушечнаго ядра, и на желѣзной двери, пробитой подобнымъ же ядромъ. Икона св. Николая въ то время находилась близъ сѣверныхъ алтарныхъ дверей, а нынѣ помѣщена въ трапезѣ собора. Въ югозападномъ углу собора погребенъ и первоначальный владѣлецъ этихъ мѣстъ кн. Андрей Радонежскій. Небольшой храмъ преп. Никона, ученика и преемника св. Сергія, пристроенъ къ собору надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ почиваютъ его св. мощи и которое находится за стѣною собора, вблизи гробницы преп. Сергія.

Другой соборъ въ честь Успенія Богородицы построенъ по образцу московскаго Успен-

скаго, при царѣ Іоаннѣ Грозномъ, и освященъ при его сынѣ Ѳеодорѣ въ 1585 г. Предъ дверьми собора, съ сѣверозападной стороны, надгробные памятники обозначаютъ могилу злополучнаго царя Бориса Годунова и его семьи. Ихъ прахъ перенесенъ сюда изъ Москвы въ 1606 году.

Противъ собора съ южной стороны, черезъ аллею, стоитъ небольшой храмъ Сошествія Св. Духа, построенный тоже при Грозномъ, у стѣнъ котораго съ сѣверной стороны находится въ особой часовнѣ гробница преп. Максима Грека, злополучнаго и знаменитаго труженика по исправленію славянскихъ церковныхъ книгъ; а съ южной стороны, въ особомъ придѣлѣ Филарета Милостиваго, гробница московскаго митрополита Филарета, скончавшагося въ 1867 г. Здѣсь совершается непрерывное чтеніе псалтыри объ упокоеніи усопшаго, равно о всей усопшей братіи и прочихъ православныхъ христіанахъ и благотворителей лавры.

Дальше, противъ Успенскаго же собора, красуется узорочная и обширная Трапезная церковь св. Сергія, выстроенная въ 1686—1692 г.г. Въ нижнемъ этажѣ, подъ церковью, здѣсь устроена братская кухня, хлѣбопекарня и страннопріимная палата, гдѣ, по старому монастырскому завѣту, богомольцамъ и странникамъ предлагается обѣдъ, въ лѣтнее же время на открытомъ воздухѣ. Вверху, въ самой трапезѣ, весьма обширной, происходятъ иноческіе соборные столы, въ дни великихъ праздниковъ. Повседневная же братская трапеза учреждена въ особомъ помѣщеніи съ южной стороны храма. Во время обѣда, по монастырскому обычаю, читаютъ житіе преп. Сергія или житія другихъ святыхъ и поученія. За третьимъ блюдомъ, по звуку колокола всѣ встаютъ и, перекрестившись, возглашаютъ: «Аминь», въ воспоминаніе того случая, какъ св. Сергій, во время обѣда съ братіею, всталъ и поклонился св. Стефану Пермскому, проходившему въ то самое время въ Москву, за 8 верстъ отъ Сергіевой обители, у деревни Рязанцовой, гдѣ нынѣ часовня.

Надъ сводами церкви помѣщена старая монастырская библіотека съ архивомъ, весьма замѣчательная по рѣдкости и богатству рукописей.

Надъ всѣми старинными зданіями монастыря высится и рѣзко отъ нихъ отдѣляется своею архитектурою во вкусѣ рококо прекрасная колокольня, построенная по проекту знаменитаго архитектора Растрелли, при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Зданіе имѣетъ квадратное основаніе и состоитъ изъ пяти ярусовъ съ колоннами и вазами и съ обширными пролетами въ каждомъ для помѣщенія колоколовъ. Ярусы, восходя къ вышинѣ, уменьшаютъ одинъ передъ другимъ свой квадратъ, и тѣмъ образуютъ извѣстную пирамидальность, изящество и необыкновенную легкость всей постройки. Верхній ярусъ увѣнчивается не главою, какъ бы слѣдовало по-русски, но какою-то чашею или, собственно, раковиною, посреди которой на яблокѣ, въ видѣ державы, водруженъ крестъ. Въ этомъ увѣнчаніи есть что-то неоконченное.

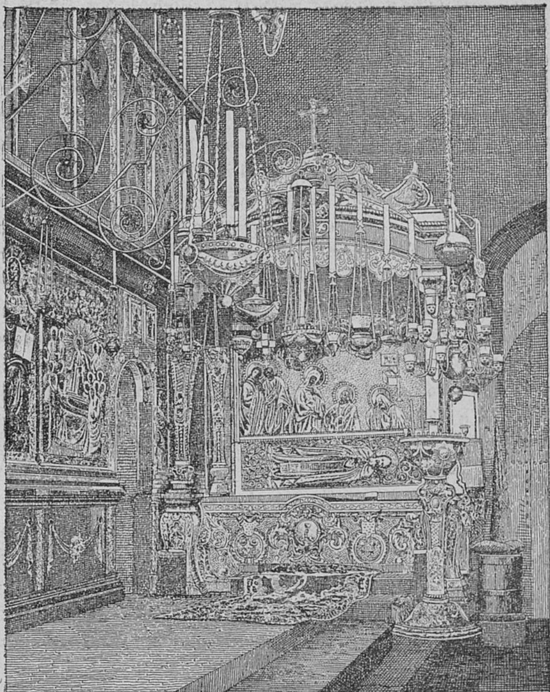
Изъ колоколовъ, которыхъ числомъ около 40, примѣчательны: 1) самый большой—*Царь*, вѣсомъ въ 4,000 пудовъ, 2) *Годуновъ*, и 3) *Лебедь*—вкладъ Бориса Годунова, вѣсомъ 1850 пудовъ, 4) *Переспоръ,* 5) *Никоновскій*, называемый *Чудотворцевымъ,* быть можетъ самый древнѣйшій, и другіе.

Передъ колокольнею къ Троицкому собору поставленъ митрополитомъ Платономъ каменный обелискъ для помѣщенія на немъ надписей, описывающихъ на память потомству четыре важнѣйшихъ событія, съ которыми такъ тѣсно связана исторія Троицкаго монастыря: 1-е сказаніе—о благословеніи св. Сергія крѣпко стоять и не поддаваться противъ Мамая; 2-е и 3-е сказанія—о заслугахъ монастыря въ смутное время, и 4-е сказаніе—о спасеніи въ монастырѣ Петра I-го во время Софьиныхъ стрѣлецкихъ смутъ.

Троицкій монастырь славится своею богатою и достопамятною ризницею, которая въ извѣстномъ смыслѣ представляетъ его историческій музей. Отъ первыхъ лѣтъ и до послѣдняго времени этотъ музей наполнялся разнообразными и драгоцѣнными вкладами. Многое въ теченіе вѣковъ было употреблено вмѣстѣ съ монастырскою денежною казною на нужды госу-

дарей и государства, какъ напр., въ 1812 г. пожертвовано, кромѣ денегъ, 5 пудовъ серебра, но многое и сохранилось для исторической памяти.

Достопамятнѣйшіе предметы ризницы принадлежатъ основателямъ монастыря, преп. Сергію и его ученику и преемнику, преп. Никону. Таковы ихъ деревянные священные служебные сосуды, священническія ризы, крестъ, присланный преп. Сергію цареградскимъ патріархомъ, пергаментные Евангеліе и Служебникъ, и, серебряное кадило (1405 г.) преп. Никона, кожаныя калиги св. Сергія и другія его келейныя вещи, сохраняемыя при мощахъ святого, грамотка Дмитрія Донского на пожалованную монастырю землю, Евангелія Симеона Гордаго 1343 г. и Василія Дмитріевича 1392 г., каменный потиръ Василія Васильевича 1448 г., пелена на церковные сосуды, устроенная (1499) великой княгиней Софьею Ѳоминичной, гдѣ въ надписи она именуетъ себя царевною цареградскою.



Изображеніе раки, въ которой покоятся св. мощи пр. Сергія въ Сергіевскомъ монастырѣ.

Объ устроеніи ризницы, какъ и всего монастыря, много заботился митрополитъ Платонъ, о которомъ память сохраняютъ многія имъ положенныя рѣдкія и драгоцѣнныя вещи, каковы, напр., богатыя жемчужныя напрестольныя одежды, агатовая панагія съ изображеніемъ распятія внутри камня и, наконецъ, нѣсколько его келейныхъ вещей.

Память о митрополитѣ Платонѣ сохраняется и во многихъ постройкахъ монастыря, которыхъ разнородныя украшенія носятъ характеръ его времени и вкусовъ. Любитель уединенной жизни, онъ, кромѣ того, въ 3-хъ верстахъ отъ монастыря, устроилъ себѣ особую обитель, извѣстную подъ именемъ Виѳаніи, гдѣ соборная церковь въ честь Спасова Преображенія внутри представляетъ подобіе горы Ѳавора съ подобающими украшеніями мхомъ, цвѣтами, кустами и даже звѣрками. Внизу, внутри горы, находится другой храмъ, Лазарево Воскресеніе, совершившееся въ Виѳаніи, отчего и названъ Платоновымъ монастыремъ. Въ немъ хранится дубовый гробъ преподобнаго Сергія, въ которомъ были обрѣтены мощи, и находится гробница основателя Виѳаніи, митрополита Платона. Впослѣдствіи при этомъ небольшомъ монастырѣ учреждена семинарія.

Съ 1814 г. въ Троицкой лаврѣ, вмѣсто старинной московской Славяно-греко-латинской школы, учреждена изъ существовавшей семинаріи московская духовная академія, зданія которой заняли мѣстность прежнихъ царскихъ келій или небольшихъ путевыхъ дворцовъ для пріѣзда. И теперь еще существуетъ корпусъ, извѣстный подъ именемъ царскихъ *чертоговъ*, нѣкогда построенный для царскаго пребыванія, въ которомъ помѣщается академическая зала совѣта.

Внутреннія лѣпныя украшенія ея относятся къ временамъ императрицы Елисаветы и изображаютъ побѣды Петра Великаго и аллегорическую радость Россіи о вступленіе на престолъ Елисаветы.

На древнемъ монастырскомъ кладбищѣ положены многіе знатные и незнатные княжескіе, боярскіе и дворянскіе роды вмѣстѣ съ Троицкими старцами, монастырскими слугами и крестьянами монастырскихъ вотчинъ. Святость обители и близкія богомольныя связи съ монастыремъ привлекали многихъ избирать себѣ здѣсь мѣсто для вѣчнаго упокоенія. Уже въ половинѣ XVII столѣтія большая часть надгробныхъ камней оказались вросшими въ землю, и надпись на нихъ невозможно была разобрать. Въ описи кладбища, составленной въ это время, значатся роды: Голицыныхъ, Одоевскихъ, Трубецкихъ, Пронскихъ, Воротынскихъ, Глинскихъ, Ростовскихъ, Хворостининыхъ и т. д. Между прочими здѣсь же погребены знаменитый Прокопій Ляпуновъ и Иванъ Ржевскій, убитые казаками и положенные въ одномъ гробѣ. Ихъ могила должна находиться между аллеею и ю.-з. угломъ Успенскаго собора.

Въ 2-хъ верстахъ отъ лавры расположенъ Геѳсиманскій скитъ, основанный въ 1844 г. митрополитомъ Филаретомъ. Въ немъ церковь древняя деревянная, перенесенная сюда изъ села Подсосенья, въ которомъ она была выстроена еще Троицкимъ архимандритомъ Діонисіемъ при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ въ 1616 году.

Скитъ устроенъ для строгой подвижнической жизни иноковъ, и потому въ немъ по вся дни совершается почти непрерывное моленіе и непрестанное чтеніе Псалтыри. Женскій полъ допускается сюда только въ два дня въ году, 16 и 17 августа. За скитомъ на сѣверъ ископаны пещеры съ кельями и двумя храмами, гдѣ погребенъ схимонахъ Филиппъ, въ мірѣ извѣстный Филаретушка, юродивый, носившій 4-хъ пудовыя желѣзныя вереги и такой-же посохъ.

Саввинъ Сторожевскій монастырь, въ 50 верстахъ отъ Москвы, близъ удѣльнаго города Звенигорода, основанъ ученикомъ преп. Сергія, Саввою, въ концѣ XIV столѣтія. И городъ, и монастырь стоятъ на высокихъ береговыхъ горахъ Москвы-рѣки, издревле прозывавшихся *Сторожами* и *Сторожевскими горами,* потому что, еще во времена первой Москвы, Звенигородъ былъ передовымъ, сторожевымъ ея укрѣпленіемъ отъ враговъ: сосѣдей и отъ дальней Литвы. Кромѣ того, Звенигородъ, какъ и Радонежъ, стояли на знатномъ торговомъ пути въ Москву, отъ Новгорода—черезъ Волокъ-Ламскій и отъ Смоленска—черезъ Можайскъ. Выгодное и очень красивое мѣстоположеніе составляло лучшее богатство Саввиной обители.

Въ царскій періодъ, другомъ этого монастыря сдѣлался царь Алексѣй Михаиловичъ. Любитель природы, сельской жизни и полевыхъ охотничьихъ утѣхъ, царь Алексѣй, еще въ молодыхъ лѣтахъ, очень полюбилъ и Сторожевскія мѣстности. Разсказываютъ, что однажды, во время охоты, царя устрашилъ-было медвѣдь, но тутъ же появился нѣкій старецъ, и медвѣдь ушелъ прочь; царь спросилъ старца объ имени и услыхалъ, что онъ Савва, инокъ того монастыря. Однако, по пріѣздѣ въ монастырь, царь узналъ, что, между иноками, съ именемъ Саввы нѣтъ никого. Значитъ это былъ самъ преподобный основатель монастыря. Въ надписи на знаменитомъ своимъ благозвучіемъ Саввинскомъ колоколѣ, царь Алексѣй въ дѣйствительности именуетъ преподобнаго «милостивымъ заступникомъ».

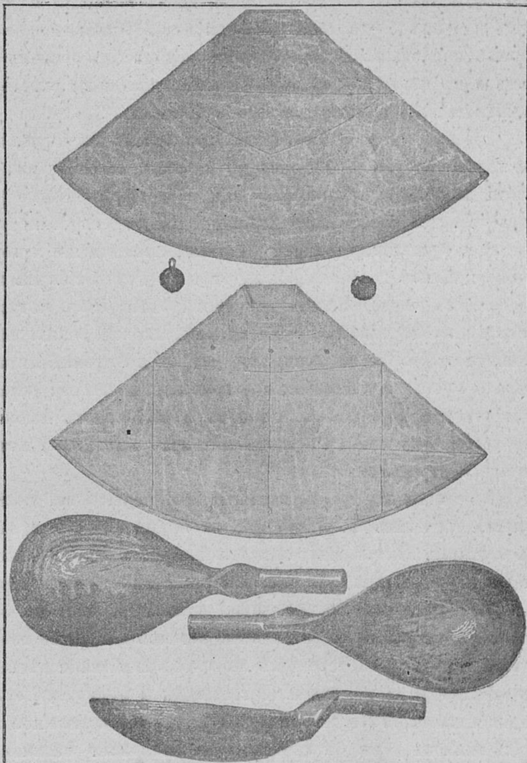
При царѣ Алексѣѣ, въ 1652 г., 19 января, были открыты и нетлѣнныя мощи преподобнаго Саввы. Вѣроятно съ того же времени и самый монастырь принятъ былъ царемъ, такъ сказать, въ личное завѣдованіе, которое сосредоточивалось въ собственной его канцеляріи, называемой Приказомъ Тайныхъ Дѣлъ (то-есть собственно домашнихъ, кабинетныхъ). Мало-помалу, по мысли царя, монастырь былъ обновленъ и украшенъ во всѣхъ частяхъ. Царемъ, между прочимъ, были устроены золотые служебные сосуды, напрестольное Евангеліе въ золотомъ окладѣ и различныя другія вещи, необходимыя для церковнаго благолѣпія. Иконостасъ обложенъ серебромъ. Густо была позолочена и церковная глава.

Большая часть монастырскихъ построекъ принадлежитъ также царю Алексѣю. Онъ обнесъ

монастырь каменною крѣпостною стѣною съ весьма оригинальными и красивыми св. вратами. Имъ же, вѣроятно, построена и колокольня, для которой, по его повелѣнью, въ 1667 г. вылитъ замѣчательный по красивому звону колоколъ, такъ называемый «Саввинскій», слишкомъ въ 2,000 пудовъ. Колоколъ замѣчателенъ еще замысловатою надписью, которая помѣщена внизу обычной надписи о его построеніи, и изображена особыми буквами тайнаго письма, до котораго царь Алексѣй былъ большой охотникъ. Надпись, между прочимъ, гласитъ, что колоколъ слитъ по обѣщанію царя «отъ любви его душевныя и отъ сердечнаго желанія».

Весьма часто посѣщая любимый монастырь, царь Алексѣй выстроилъ въ немъ и для себя особый дворецъ, въ которомъ, конечно, уже передѣланномъ, и досѣлѣ показываютъ два кресла и кровать, оставшіяся отъ тѣхъ временъ.

Кромѣ священныхъ предметовъ, здѣсь же хранится нѣсколько одеждъ царя Алексѣя, его супруги Марьи Ильиничны и царевны Софіи, которая тоже была усердною строительницею и вкладчицею монастыря. Въ 1764 г., когда упразднены вотчинныя владѣнія монастырей, за Саввинымъ монастыремъ числилось болѣе 17,000 душъ.



Фелонь, пуговка къ ней принадлежащая и деревянная ложка преподобнаго Сергія (въ Троицкой лаврѣ).

Основателемъ и строителемъ Воскресенскаго монастыря — Новаго Іерусалима — былъ знаменитый патріархъ Никонъ. Въ 1656 году онъ купилъ для Иверскаго Валдайскаго монастыря, имъ уже учрежденнаго, село Воскресенское, верстахъ въ 50 отъ Москвы, по *Волоцкой* дорогѣ. Возлюбивъ это село за его красоту и часто посѣщая его, на пути въ Иверскій монастырь, онъ задумалъ основать и здѣсь монастырь «ради своего пришествія». Въ томъ же году онъ заложилъ здѣсь деревянную церковь Воскресенія Христова. На другой годъ (1657) новый небольшой храмъ былъ освященъ въ присутствіи самого царя, Алексѣя Михайловича. Прекрасное мѣстоположеніе полюбилось и государю. Послѣ освященія церкви, «изыде прохлады ради изъ монастыря», и, объѣзжая прекрасную окрестность, государь остановился на одномъ изъ холмовъ (нынѣ гора Елеонская) и, восхищенный красотою мѣста, написалъ патріарху, что мѣсто сіе «благоволи Богъ и сперва пріуготовати на созданіе монастыря, понеже бо прекрасно, подобно Іерусалиму».

По царскому слову, патріархъ наименовалъ Воскресенскій монастырь *Новымъ Іерусалимомъ*. Самое письмо государя, въ утвержденіе этого наименованія, сохранено было въ серебряномъ ковчегѣ подъ престоломъ новаго храма. Въ это ли время возникла мысль у патріарха о построеніи здѣсь храма по подобію Іерусалимскаго, или все это задумано было имъ прежде,—рѣ-

шить трудно. Изъ сказанія о его житіи мы узнаемъ, что, послѣ описаннаго событія, патріархъ отправилъ въ Палестину Троицкаго келаря Арсенія Суханова для описанія тамошняго храма и снятія съ него *подобія,* то-есть модели. Но Сухановъ, какъ извѣстно, путешествовалъ на востокъ два раза и возвратился оттуда въ послѣдній разъ въ январѣ 1655 года, слѣдовательно, года за два до того времени, какъ государь переименовалъ Воскресенскій монастырь въ Іерусалимъ. Впрочемъ, указанія годовъ въ этомъ случаѣ чрезвычайно сбивчивы и можетъ быть невѣрны.

Какъ бы то ни было, постройка храма началась въ 1658 году, уже по модели, вывезенной Сухановымъ. Въ то-же почти время возникли и извѣстныя неудовольствія на патріарха, такъ что онъ 10-го іюня удалился изъ Москвы и совершенно поселился уже въ любимомъ своемъ монастырѣ Воскресенскомъ. Здѣсь онъ провелъ болѣе восьми лѣтъ въ постоянныхъ трудахъ и въ неутомимомъ надзорѣ за постройкою: раньше другихъ выходилъ на работу, первый начиналъ дѣло и послѣдній его оканчивалъ.

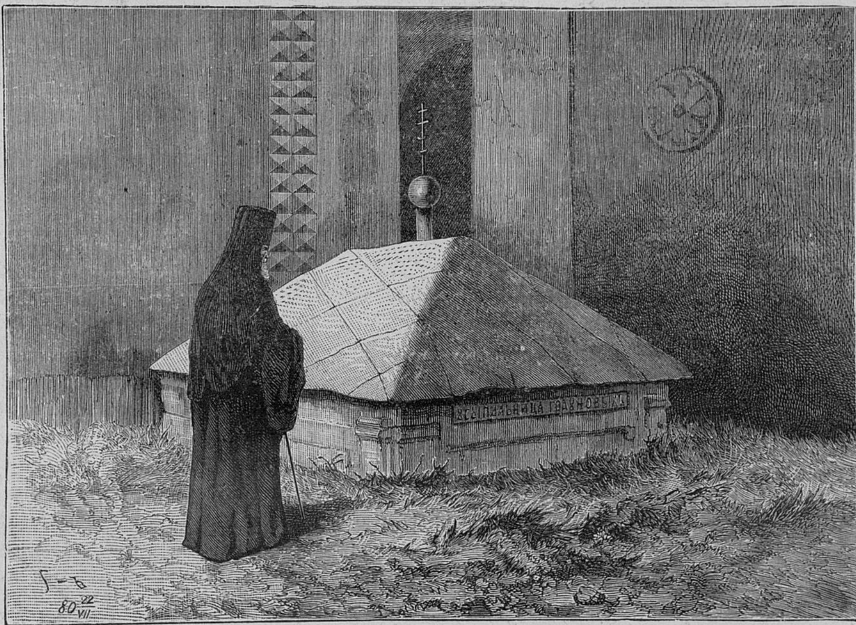
Трудясь на-ряду со всѣми, онъ носилъ кирпичи, копалъ рвы и вообще лично занимался не только постройкою зданія, но и всѣмъ устройствомъ монастырскаго хозяйства. Для успѣшности дѣла, патріархъ завелъ при монастырѣ разнаго рода мастерскія, въ которыхъ заготовлялось все, что требовалось для строенія: у него были свои обжигальщики кирпича, кафельные мастера, кузнецы, столяры, рѣзчики, иконописцы и тому подобные. Многіе изъ нихъ были иноземцы, изъ польскихъ и литовскихъ городовъ. Въ годъ основанія монастыря (1658), онъ переселилъ сюда тридцать двѣ семьи бѣлорусовъ, которые, вѣроятно, были мастеровыми и ремесленниками, и набраны во время польской войны изъ покоренныхъ городовъ. Вообще же описатель его житія говоритъ, что въ то время, когда Патріархъ жилъ въ монастырѣ, тамъ «много пребываху иноземцевъ, грековъ, поляковъ, черкасъ (малороссіянъ), бѣлорусцевъ, крещеныхъ и некрещеныхъ, нѣмцевъ и жидовъ, въ монашескомъ чину и въ мірянахъ. Пріѣзжаху же многи отъ иныхъ странъ и земель иноземцы, хотяху видѣти лице его и зрѣти таковаго великаго строенія».

Но въ то же время, когда личная неутомимая дѣятельность и горячія заботы самого Патріарха ручались за успѣшное окончаніе дѣла и храмъ возведенъ уже былъ на 15 сажень въ вышину, Патріархъ, лишенный сана, посланъ былъ въ заточеніе въ Ѳерапонтовъ монастырь, 13-го декабря 1666 года. Работы остановились. Черезъ шесть дней послѣ отъѣзда Патріарха изъ Москвы, — въ Воскресенскій монастырь посланъ былъ царскій указъ (декабря 19), которымъ повелѣвалось «прислать къ Москвѣ на житье всѣхъ, что есть въ Воскресенскомъ монастырѣ, всякихъ мастеровыхъ людей съ женами и дѣтьми и со всѣми ихъ животы», то есть съ имуществомъ, и мастерскими *снастями* и инструментами. Упразднено было даже и наименованіе монастыря Новымъ Іерусалимомъ. Неоконченное зданіе оставалось, по свидѣтельству современниковъ, «въ запустѣніи и въ презрѣніи великомъ» до 1678 года. Въ этотъ годъ, 5-го сентября посѣтилъ монастырь царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, повелѣлъ довершить недостроенное зданіе и поручилъ заботу объ этомъ ближнему стряпчему М. Т. Лихачеву. Но усердствовавшему царю не суждено было видѣть окончаніе замѣчательной постройки. Въ 1682 году онъ скончался. Зданіе доведено было только до сводовъ; работы, однакожъ, продолжались при особомъ покровительствѣ монастырю царевны Татьяны Михайловны, тетки умершаго Государя, заботами и усердіемъ которой храмъ былъ оконченъ, и въ 1685 году, 18 января освященъ, въ присутствіи самой покровительницы, также царя Іоанна Алексѣевича, царевны Софьи и другихъ членовъ царской фамиліи.

Все украшеніе храма и всѣ необходимыя къ освященію, церковныя вещи заготовлены были въ собственной комнатѣ царевны Татьяны. Она же устроила иконостасъ «драгія и мудрыя *флемованныя* работы», извѣстнаго въ то время художника Степана Зиновьевича *Сницаря.* Должно полагать, что всѣ внутреннія и внѣшнія украшенія храма, орнаменты карни-

зовъ, оконъ, дверей, выкладенные изъ цвѣтныхъ изразцовъ и тесанные изъ камня, произведены были также по рисункамъ и образцамъ этого художника *иноземца*, который былъ собственно рѣзныхъ дѣлъ мастеромъ.

Мы упоминали уже, что храмъ построенъ по модели старой Іерусалимской церкви въ Палестинѣ. Общее сходство обоихъ храмовъ сохраняется даже и теперь, за исключеніемъ тѣхъ измѣненій и отступленій, которыя въ здѣшнемъ храмѣ были неизбѣжны вслѣдствіе климатическихъ, мѣстныхъ условій, какъ, напр., устройство шатра надъ дворомъ, который въ Іерусалимскомъ храмѣ не покрытъ. Эти измѣненія и отступленія важны въ томъ отношеніи, что они даютъ всему зданію характеръ самобытнаго и замѣчательнѣйшаго произведенія древняго русскаго зодчества. Храмъ построенъ изъ кирпича, отлично изготовленнаго; кладка от-



Усыпальница Годуновыхъ въ Троицкой Лаврѣ.

четливая и прочная, всѣ украшенія, какъ сказано, изъ цвѣтныхъ изразцовъ, превосходной и отчетливой работы, на которыхъ стекловидная полива по крѣпости и прочности красокъ остается образцомъ недостижимымъ искусствомъ и для современнаго производства. Послѣ освященія церкви, по царскому указу составлено было подробное описаніе храма. Оно весьма любопытно въ томъ отношеніи, что знакомитъ насъ съ первоначальнымъ устройствомъ и украшеніемъ храма, которое послѣ во многомъ было измѣнено.

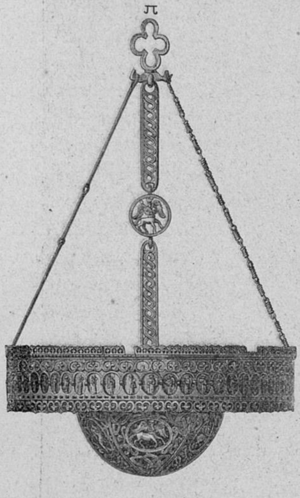
1723 года, мая 23, въ день Вознесенія, въ то самое время, когда изъ церкви священнослужащіе и весь народъ вышли съ крестнымъ ходомъ къ горѣ Елеонской, шатеръ внезапно обвалился, глава его раздробилась въ мелкія части, такъ что переломались и всѣ мѣдные, золоченые листы, которыхъ потомъ собрано было болѣе 28 пудовъ.

Обвалившійся сводъ шатра оставался не покрытымъ до временъ императрицы Елизаветы. Лѣтомъ 1749 года императрица, живя въ Москвѣ и путешествуя по окрестнымъ монасты-

рямъ, посѣтила и Воскресенскій монастырь. Увидѣвъ его разрушеніе, она тогда же повелѣла отпустить необходимую сумму на возобновленіе храма, назначивъ при этомъ, чтобы «вся эта церковь и шатеръ въ надлежащее во всемъ состояніе приведенъ былъ въ будущемъ 1750 году неотмѣнно».

Но именно постройка шатра очень затрудняла всѣхъ тогдашнихъ архитекторовъ и даже самаго оберъ-архитектора, графа Растрели. Наконецъ, рѣшили построить шатеръ деревяный, что и было исполнено плотничныхъ дѣлъ мастеромъ Эрихомъ и архитекторомъ Карломъ Бланкомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ все зданіе внутри и снаружи было возобновлено во всѣхъ подробностяхъ, штукатурною, квадратурною, лѣпною и живописною работою во вкусѣ своенравнаго рококо, который въ то время господствовалъ во всѣхъ подобныхъ украшеніяхъ.

Всѣ эти работы, весьма замѣчательныя по свободѣ и изяществу исполненія, произведены по рисункамъ и профилямъ оберъ-архитектора, но орнаментныя работы совершенно не соотвѣтствовали древнимъ украшеніямъ храма. Весьма важно, однако, что они произведены съ величайшею осторожностью и рѣдко гдѣ касались старинныхъ украшеній, оставляя ихъ почти вездѣ въ прежнемъ видѣ.



Корсунское паникадило.

Живописныя работы внутри шатра, въ парусахъ, подъ хорами и на стѣнахъ исполнены на полотнѣ, которое потомъ было прибито на мѣсто гвоздями. Живопись изображаетъ пророчества о Христѣ и Страсти Христовы.

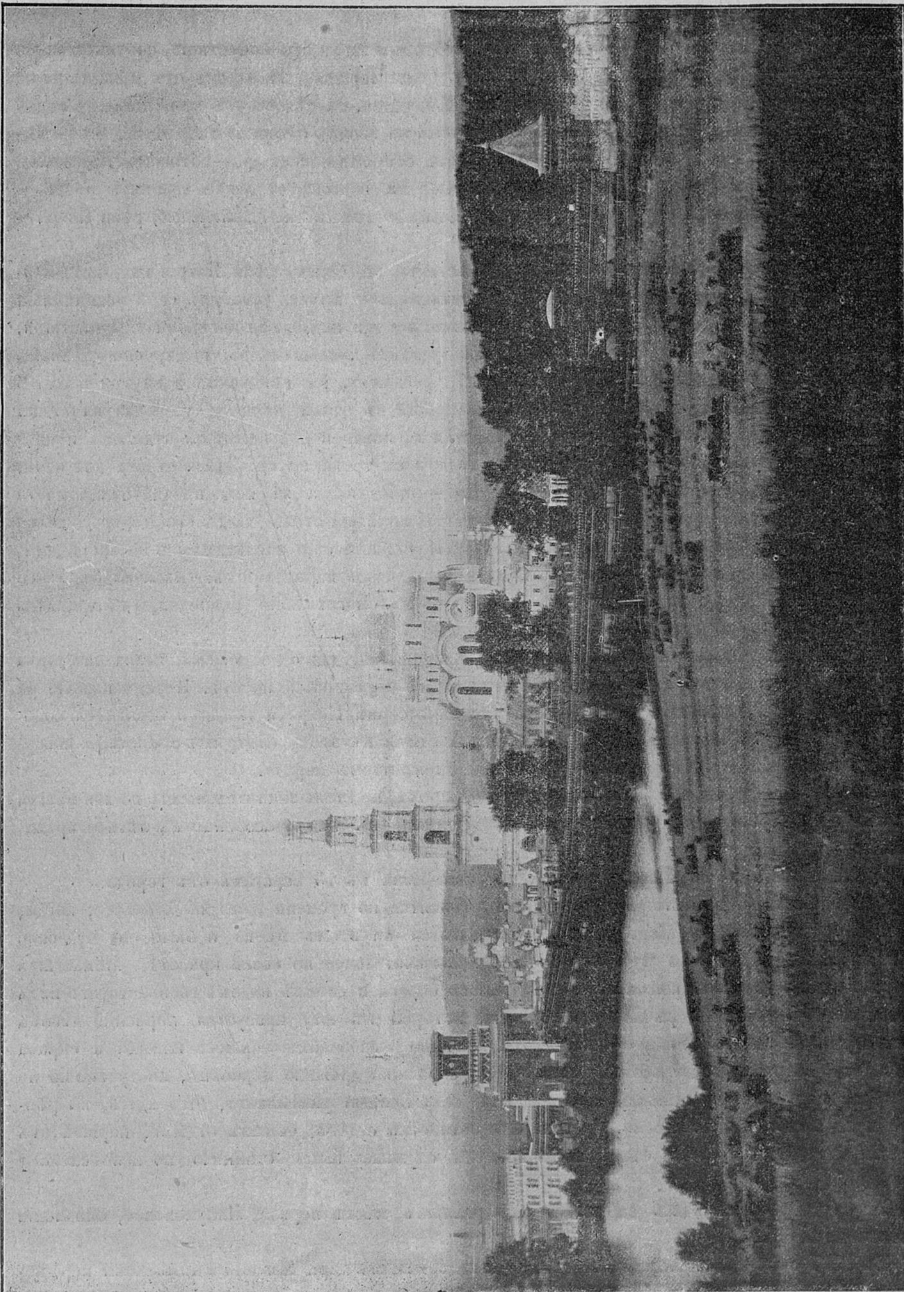
Существующій нынѣ шатеръ построенъ изъ дубоваго дерева, превосходнаго качества. Устройство стропилъ отличается необыкновенною прочностью матеріала и работы. Внутренность шатра освѣщается 75 окнами, три нижніе яруса которыхъ украшены разными вызолоченными хорами, а ихъ софиты живописью. Деревянная рѣзьба всѣхъ украшеній, особенно въ балюстрадахъ хоръ, замѣчательна по исполненію.

Все пространство обширнаго храма, въ соотвѣтствіи съ мѣстностями древняго Іерусалима, ознаменовано или особыми придѣлами, или картинами и надписями, показывающими помянутыя мѣстности. Благочестивый богомолецъ шагъ за шагомъ вспоминаетъ и обозрѣваетъ здѣсь эти священныя мѣста, и Евангельская исторія, особенно же исторія страстныхъ Господнихъ дней, запечатлѣвается самыми памятниками, изображается, такъ сказать, въ лицахъ.

Посреди собора, ниже амвона діаконовъ, въ помостѣ находится чугунная плита. Она обозначаетъ не только средину храма Іерусалимскаго, но, согласно словамъ Псалмопѣвца (Пс. 73, стр. 12), и среду всей земли, средоточіе всей вселенной, ибо Іерусалимъ былъ основанъ посрединѣ всего земного населенія.

Въ 1690 г. монастырь обнесенъ каменною оградою слишкомъ въ 432 сажени длины, вышиною слишкомъ въ 4 сажени. По угламъ и въ срединныхъ мѣстахъ ограда укрѣплена 8-ю башнями, которыя носятъ священныя вѣтхозавѣтныя имена: по южной стѣнѣ—Геѳсиманская, Сіонская, Давидовъ Домъ; противъ нея, на той сторонѣ Истры, небольшая рощица называется «Урiинъ садъ»; по сѣверной стѣнѣ: Иноплеменничья—гдѣ веденъ былъ въ Іерусалимъ Спаситель отъ Пилата; Варухова—гдѣ заключенъ былъ Пророкъ Варухъ; Дамасская и т. п.

Мы упомянули, что царь Алексѣй Михаиловичъ, обозрѣвая прекрасную мѣстность будущаго монастыря съ одного изъ холмовъ, уподобилъ ее Іерусалиму, изъ чего и у патріарха Никона возродилась мысль создать храмъ и монастырь, подобный Іерусалиму, а потому и самый этотъ холмъ тогда же прозванъ былъ горою Елеономъ. На немъ впослѣдствіи по-



Общій видъ Николо-Угрѣшскаго монастыря. (Съ фотографіи).

ставленъ каменный крестъ съ лѣтописью объ этомъ обстоятельствѣ и выстроена каменная часовня.

Такимъ же образомъ и многія другія мѣста, вблизи и вдали отъ монастыря, соотвѣтственно Палестинскимъ мѣстамъ, получили свои названія. Село Чернево, 20 верстъ отъ монастыря на дорогѣ отъ Москвы, прозвано *Назаретомъ*; село Микулино, на сѣверъ отъ монастыря въ одной верстѣ, названо селомъ *Скудельничимъ;* ближнія горы на западъ *Өаворомъ* и *Ермономъ*; на югъ—*Урiинъ садъ*; ручей, извивающійся вокругъ съ трехъ сторонъ монастыря—потокомъ *Кедрономъ*; колодезь съ западной стороны *Силоамскою купѣлью;* на востокъ въ двухъ верстахъ роща — *Рамою*; овраги и долины, одинъ *долиною Iосафатовой,* другой *Юдолью Плачевною;* рѣка Истра—*Iорданомъ*.

Во 150 саженяхъ на сѣверозападъ отъ монастыря, на берегу рѣки Истры патріархъ Никонъ, еще предъ началомъ сооруженія новоіерусалимскаго храма, устроилъ себѣ уединенный скитъ или особую келію для богомольнаго пребыванія и для надзора за постройкою монастыря. Это каменное скитское зданіе, по образцу жилищъ древнихъ пустынниковъ, выстроено столпомъ въ четыре яруса въ вышину и съ крестомъ 7 $^1/_2$ сажень, въ поперечникѣ внутри около 6 сажень. Въ нижнемъ ярусѣ находится пять подклѣтей съ одной печкою; узенькая каменная лѣстница ведетъ во второй ярусъ, гдѣ помѣщается столовая и двѣ кельи съ чуланомъ и печкою изъ древнихъ изразцовъ. Изъ столовой всходятъ въ третій ярусъ. Здѣсь стоятъ двѣ печи: хлѣбная и просфорная, налѣво — келья, направо — пріемная, а за нею кабинетная комната патріарха, въ которой сохраняется еще его круглый липовый столъ. Подъ его портретомъ на стѣнѣ покойный государь императоръ Александръ II, бывшій еще наслѣдникомъ цесаревичемъ, въ память своего посѣщенія этой кельи, изволилъ подписать карандашемъ: «Александръ, 30-го іюля 1837 года». При этой кельѣ есть церковь во имя Богоявленія Господня, гдѣ хранятся два деревянныхъ потира и напрестольный крестъ.

Въ четвертомъ ярусѣ помѣщается особая, уединенная, для отдохновенія, келья патріарха съ каменнымъ ложемъ, при которомъ стоитъ и его деревянный посохъ. Передъ кельею на площадкѣ устроена маленькая церковь во имя апостоловъ Петра и Павла и позади ея колокольня съ однимъ колоколомъ. Въ Петровъ день 29 іюня къ этому скиту изъ монастыря совершается крестный ходъ, сопровождаемый всегда множествомъ народа.

Упомянемъ о другихъ подмосковныхъ монастыряхъ, не столь значительныхъ, но любимыхъ богомольными москвичами, усердно путешествующими къ нимъ, особенно въ лѣтнее время. Таковы:

1) Никольскій на Угрѣшѣ, на берегу Москвы-рѣки, въ 15 верстахъ отъ города.

Основаніе этого монастыря, по преданію, относится ко времени Дмитрія Донского, когда, по случаю его похода на Мамая, онъ останавливался на этомъ мѣстѣ и было ему чудесное явленіе иконы св. Николая Чудотворца. Мѣсто замѣчательное по своей красотѣ. Монастырь стоитъ посреди уступовъ высокаго москворѣцкаго берега и своимъ видомъ господствуетъ надъ окрестною обширнѣйшею рѣчною долиною, на которой къ югу красуется поросшій лѣсомъ круглый холмъ села Острова, очень древней вотчины московскихъ великихъ князей, а справа на западъ высится село Бесѣды съ своею прекрасною древнею церковью, построенною по своеобразному русскому замыслу. Древнее имя села Бесѣды указываетъ, что здѣсь, по рѣчному пути, въ древнее время, происходила остановка судовъ, бывалъ отдыхъ, первый отъ Москвы, почему и Угрѣша съ древняго времени служила также станціею по коломенскому пути.

Въ смутное время здѣсь собралось изъ разныхъ мѣстъ первое, Ляпуновское, ополченіе противъ поляковъ.

Въ XVI вѣкѣ царь Василій Ивановичъ, а въ XVII ст. цари Михаилъ и Алексѣй нерѣдко хаживали въ монастырь на богомолье, иногда пѣшкомъ, отправляясь затѣмъ въ село Островъ,

на охоту въ его обширныхъ лугахъ. Эти *Угрѣшскіе* походы совершались обыкновенно къ Николину весеннему дню, къ 9 мая.

Такъ какъ отъ Москвы до Угрѣши издревле была первая водяная станція, то юноша-мореходъ, Петръ Великій, среди своихъ попытокъ изучить водяное плаванье, не могъ потерять изъ вида и этой Москворѣцкой дороги. Еще въ 1690 году, апрѣля 27, слѣдовательно въ весенній разливъ рѣки, онъ отправился въ походъ цѣлою флотиліею: впереди плыли въ малыхъ стружкахъ и въ лодкахъ потѣшные конюхи; за ними на парусахъ въ яхтѣ (въ плавномъ суднѣ, устроенномъ особымъ образомъ на корабельное подобіе) шелъ царь въ сопровожденіи бояръ и другихъ чиновъ и иноземцевъ, плывшихъ на гребныхъ судахъ, въ стругахъ. На другой годъ, точно также въ апрѣльскую полую воду, царь Петръ опять совершилъ сюда водяной походъ, при бурной погодѣ, въ новой яхтѣ, которую смастерилъ собственными руками и такъ, что ни одинъ плотникъ не помогалъ ему въ работѣ. Бурный и широкій разливъ Москвы-рѣки на этотъ разъ долженъ былъ уподобиться воображаемому морю.

Угрѣшскій монастырь съ древняго времени не славился особымъ богатствомъ, а въ XVIII ст. приходилъ даже въ запустѣніе, которое продолжалось до 1834 года, когда управлять монастыремъ былъ назначенъ іеромонахъ Иларій, а за нимъ, въ 1852 году, игуменъ Пименъ. Съ этого времени, при помощи благотворителей, монастырь постепенно пришелъ въ то, можно сказать, цвѣтущее состояніе, въ какомъ находится и теперь.

Нынѣ въ монастырѣ всѣхъ церквей девять, въ томъ числѣ соборная Николаевская объ одной главѣ, древняя, и Успенская старинная, остальныя новой постройки.

Монастырскій садъ особенно славится теперь своими цвѣтниками. Въ 1857 году при монастырѣ устроенъ скитъ съ храмомъ во имя св. апостоловъ Петра и Павла.

2) Екатерининская пустынь въ 25 верстахъ отъ Москвы, по серпуховской дорогѣ (по каширской въ 19 верстахъ), построена царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, по преданію—въ память случившагося на этомъ мѣстѣ, во время царской охоты, чуднаго предвѣстія о рожденіи его дочери царевны Екатерины въ 1658 году. Въ то время эта мѣстность была извѣстна подъ именемъ *Екатерининской рощи*. Въ 1665 году, царь построилъ здѣсь каменныя палаты, въ которыхъ помѣстилъ богадѣльню для своихъ любимыхъ верховыхъ богомольцевъ, то-есть придворныхъ нищихъ, вслѣдствіе чего здѣсь возникъ и небольшой монастырь. Верховые богомольцы, жившіе во дворцѣ и умиравшіе въ Москвѣ, отвозились для погребенія сюда же, въ Екатерининскую рощу, при чемъ Государь всегда справлялъ поминки по усопшемъ, щедрою раздачею денегъ за отпѣваніе и на поминъ нищимъ. Такъ въ 1673 году на отпѣваніи верховаго нищаго Климента былъ Чудовской архимандритъ, благовѣщенскаго собора священникъ, духовникъ покойнаго, 8 священниковъ приходскихъ, нѣсколько дьяконовъ, пѣвчіе и многіе причетники.

Въ праздникъ Екатерины Мученицы, 24 ноября, въ Екатерининской рощѣ всегда устроивался также царскій пиръ для присутствовавшаго духовенства и окрестныхъ поселянъ, приходившихъ въ церковь къ обѣднѣ. Въ 1672 году, такимъ образомъ кормлены: Архангельскаго собора епископъ, два игумена, черные священники и дьяконы монастыря и пѣвчіе, а также изъ окружныхъ селъ священники, боярскіе приказчики и крестьяне, которые въ тотъ день у божественной литургіи были. Для стола въ это время куплено 600 копѣечныхъ хлѣбовъ и калачей, что опредѣляетъ и число гостей.

Какъ небогатый монастырь, Екатерининская пустынь въ настоящее время не представляетъ ничего особенно достопримѣчательнаго, хотя и привлекаетъ богомольцевъ-Москвичей.

И. Забѣлинъ.

ОЧЕРКЪ X.

СОВРЕМЕННАЯ МОСКВА.

Москва — съ Ивановской колокольни. — Жизнь въ Москвѣ.

«...едва
Другая сыщется столица, какъ Москва»!
А. ГРИБОѢДОВЪ.

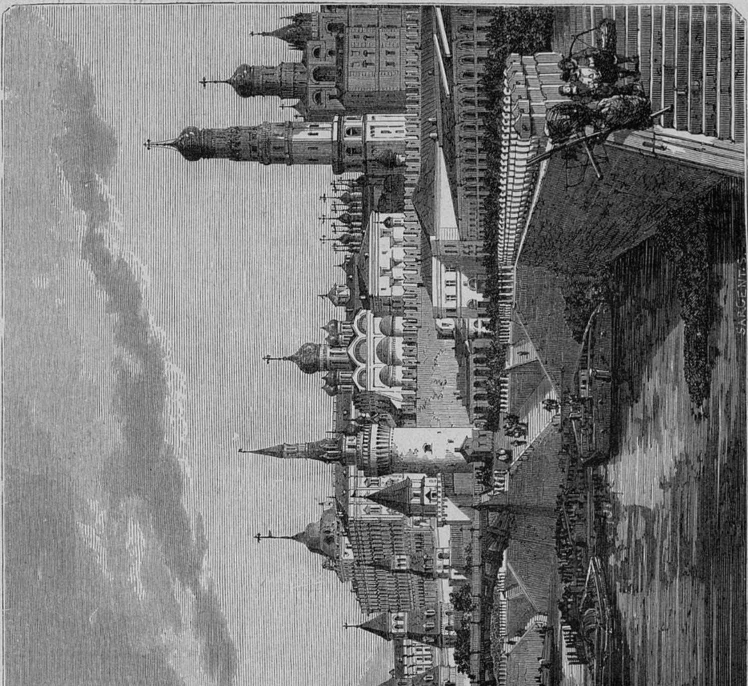
Кто былъ въ Москвѣ, тотъ знаетъ Россію.
КАРАМЗИНЪ.

Процвѣтай же славой вѣчной,
Городъ храмовъ и палатъ,
Градъ срединный, градъ сердечный,
Коренной Россіи градъ!
Ѳ. ГЛИНКА.

Какъ все, что зародилось, растетъ и развивается по законамъ природы или историческаго хода народныхъ потребностей и крупныхъ событій,—срединный русскій городъ разросся и расцвѣлъ, невзирая на сотни испытаній и бѣдствій. Изъ деревяннаго «дѣтинца», срубленнаго на холмѣ, среди дремучаго бора, вышелъ черезъ нѣсколько столѣтій красивѣйшій, богатый и своеобразный городъ. Судить о впечатлѣніи общаго вида Москвы можно только по отзывамъ иностранцевъ. Теперь на западѣ Европы есть сотни и тысячи туристовъ, корреспондентовъ, представителей иностранныхъ державъ, дѣловыхъ людей, сохраняющихъ память о Москвѣ, искренно восхищающихся ея панорамой, ея невиданнымъ нигдѣ на западѣ сліяніемъ восточныхъ элементовъ съ европейскими, ея необычайно яркой выразительностью въ смыслѣ соотвѣтствія того, какъ смотритъ внѣшній видъ города, съ его исторіей, съ его прошедшимъ. Народное слово «красный», имѣющее такое разнообразное примѣненіе въ поэзіи и въ говорѣ, всего больше подходитъ къ Москвѣ. Она, дѣйствительно, красна своими углами, болѣе красна, чѣмъ бѣла, хотя и названа также «бѣлокаменной». Золото, обильный вкладъ въ ея внѣшнюю красоту, по народному опредѣленію, также *красное, червонное*. Красна Москва нигдѣ не встрѣчающимся разнообразіемъ колеровъ, чередованіемъ архитектурныхъ стилей, живописностью очертаній своей территоріи, характерностью различныхъ «урочищъ».

Вотъ это слово, «урочище», чисто русское и московское, даетъ одно ключъ къ пониманію топографическаго склада Москвы, того, какъ она стала тѣмъ, что мы въ ней теперь видимъ, и какъ изучать ее, какъ находить историческія наслоенія въ теперешнихъ городскихъ мѣстностяхъ и концахъ. Вся она до сихъ поръ состоитъ изъ урочищъ, представляетъ собою какъ-бы обширнѣйшую федерацію поселеній, жившихъ каждое своей типической жизнью. Дворцовый

бытъ великаго князя и царя, съ одной стороны, а потомъ защита отъ нашествія непріятелей и промысловыя сношенія съ востокомъ и западомъ—протоптали всѣ главные пути, дороги и

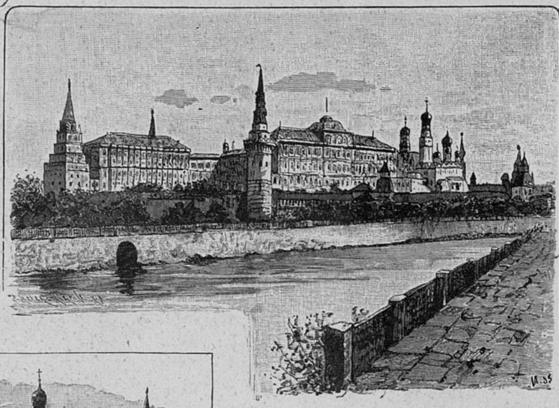


Общій видъ Кремля.

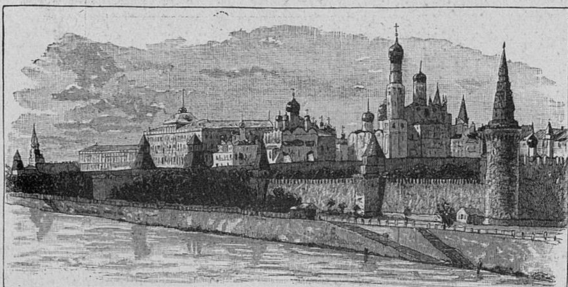
тропинки, заселили и застроили Москву въ разныхъ концахъ и урочищахъ. Природа и занятія людей разнаго званія дали прозвища всѣмъ характернымъ мѣстностямъ, улицамъ, площадямъ и переулкамъ Москвы съ прибавкою поклоненія святынѣ и всего, что было связано для ста-

раго московскаго человѣка съ спасеніемъ своей души. Все, что было написано о старой Москвѣ, что вошло въ статьи, помѣщенныя раньше, указываетъ на этотъ естественно-бытовой ростъ и поясняетъ обиліе всевозможныхъ заглавій, именъ, прозвищъ, потерявшихъ теперь свое прежнее значеніе, но безсознательно существующихъ въ памяти народа. Одни названія улицъ и переулковъ, изслѣдованныя, напр., г. Мартыновымъ, потрудившимся много надъ исторіей старой русской столицы, представляютъ уже собою цѣлую многовѣковую эпопею. Къ чему вы ни притронетесь, какое на выборъ или на удачу слово ни возьмете—оно вамъ (если вы познакомитесь съ его происхожденіемъ) откроетъ перспективу на цѣлую эпоху, на какую-нибудь сторону народнаго, государственнаго или экономическаго быта.

Московскихъ урочищъ есть цѣлыя группы. Народъ до сихъ поръ держится за нихъ, и не можетъ быть настоящаго характернаго разговора о разныхъ мѣстностяхъ Москвы безъ обозначенія этихъ урочищъ. Когда москвичъ произноситъ такія имена, какъ, напр., Горки, Крутицы, Полянки, Лужники, Роушки, Рвы, Пески, Глинища и т. д., онъ не только знаетъ, гдѣ это находится, но и соединяетъ съ именами картины цѣлыхъ мѣстностей. Еще многочисленнѣе прозвища не топографическаго, а этнографическаго происхожденія, отъ того народа, который жилъ по-долгу, по цѣлымъ столѣтіямъ, въ той или иной части города, отъ «насельниковъ», какъ любятъ выражаться изслѣдователи московской старины. И тутъ, куда вы ни пойдете, вы сейчасъ услышите характерныя прозвища, до сихъ поръ обязательныя, если вамъ угодно, чтобы простой народъ, настоящіе коренные обыватели, сразу васъ поняли и указали вамъ, куда идти или ѣхать. Это истинно вѣрные народные адресы, рѣзко отличающіеся отъ адресовъ, выправляемыхъ изъ полицейскаго стола, гдѣ все чуждо народу, не говоритъ ни его воображенію, ни его топографическому, бытовому знанію города. Истый москвичъ выражается:



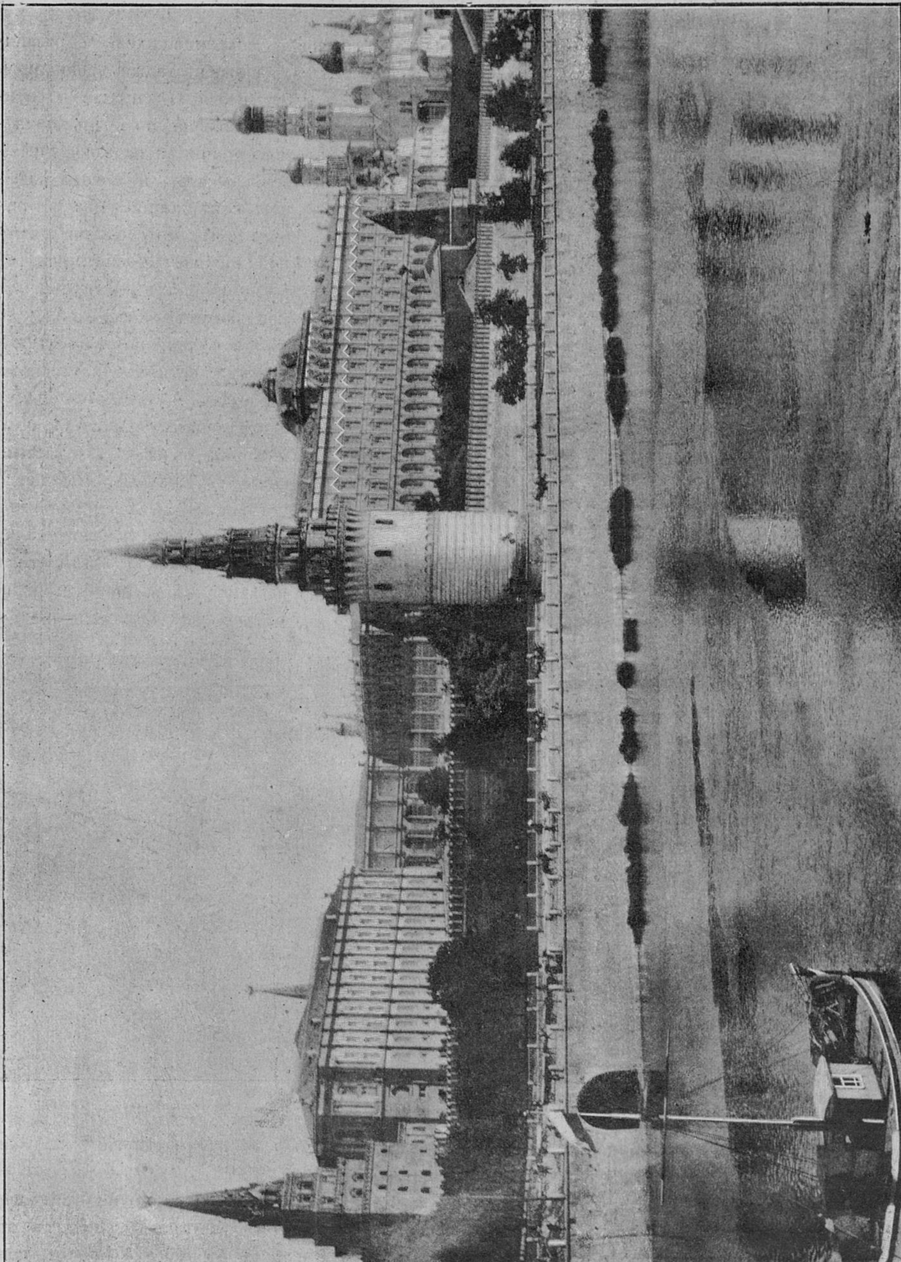
Видъ Большого дворца въ Кремлѣ.



Видъ Кремля съ южной стороны.

— Я поѣду на Ордынку; я миновалъ Крымскій бродъ; мнѣ нужно попасть въ Грузины.

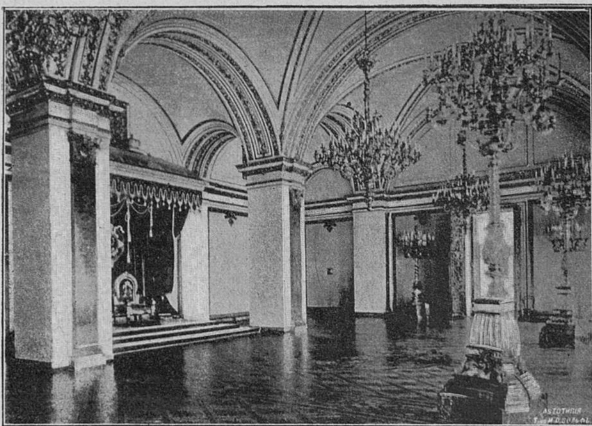
Это прозвища общеизвѣстныя и не истымъ москвичамъ; а есть множество другихъ, которыя на слухъ заѣзжаго человѣка ничего собою не представляютъ; они даже мало понятны и москвичамъ, не потрудившимся разузнать, откуда идетъ то или иное слово, въ родѣ, напр., Какуй, Псковичи—прозвища, уже прямо данныя по насельникамъ, или же прозвища отъ строителей храмовъ и собственниковъ частныхъ владѣній, какъ напр., Калитникова, Булгакова,



Видъ Большого дворца въ Кремлѣ (съ фотографіи).

Чигасы, Туренино, Рамазаново, Курьи-ножки, Никитники, Башмаково, Шубино, Берсеневка и множество другихъ.

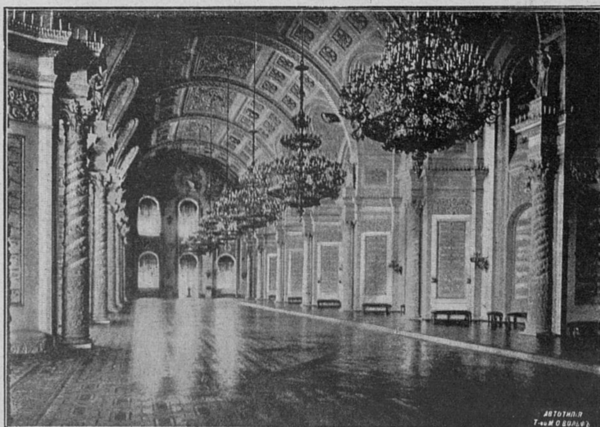
Но этимъ еще не исчерпывается происхожденіе прозвищъ, сохранившихся за различными урочищами. Городское устройство и юридическій бытъ наложили также свою руку.



Большой Кремлевскій дворецъ. Екатерининское зало.

Эти слова и заглавія утратились больше по очень понятной причинѣ: исчезло учрежденіе, исчезъ и поводъ называть такъ или иначе извѣстныя мѣстности, но все-таки коренной москвичъ, воспитанный въ воспоминаніяхъ о старомъ бытѣ, скажетъ вамъ, какія прозвища соединены съ памятью о третяхъ, сотняхъ, служилыхъ слободахъ, о судебныхъ поляхъ и стрѣлецкихъ приказахъ, о таможенныхъ избахъ, о застѣнкахъ и тюрьмахъ. Наконецъ, исторія въ своихъ крупныхъ и яркихъ моментахъ наложила печать на разныя мѣстности и удержала за ними прозвища и до сегодня. Для москвича такія названія, какъ, напр., Кучково поле, Лобное мѣсто, Божедомка (убогіе дома), Бабій городокъ, Болвановка, Капельки—не пустые звуки.

Формально, внѣшне, по новому, со вчерашняго дня или прошлаго года, городъ можетъ быть раздѣленъ обыкновенными полицейскими дѣленіями на части и кварталы, но эти дѣленія нисколько не уничтожаютъ всего того, что дано историческимъ бытомъ. Иной обыватель Москвы можетъ весь свой вѣкъ прожить, хорошенько не зная того, что Москва раздѣляется на столько-то частей и участковъ, а два-три года назадъ дѣлилась на части и кварталы; но онъ навѣрное будетъ знать всѣ бытовыя дѣленія, не только тѣ урочища и прозвища, какія сейчасъ приведены, но и множество другихъ въ каждомъ естественно сложившемся районѣ Москвы.

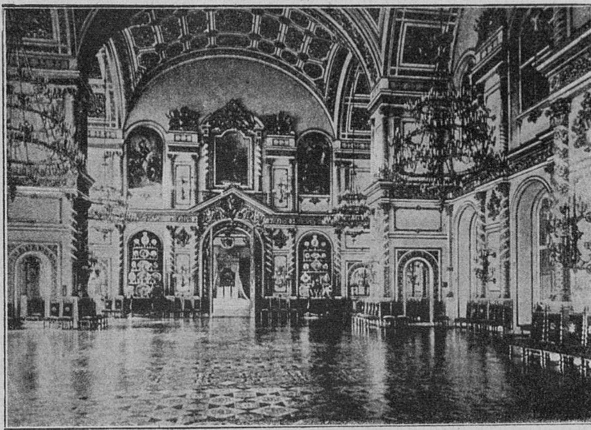


Большой Кремлевскій дворецъ. Георгіевское зало.

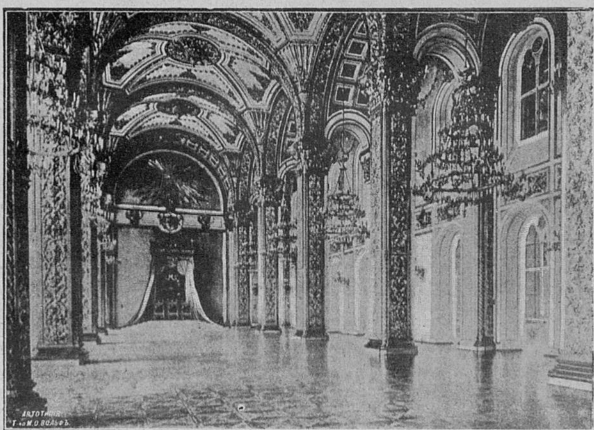
Кто-бы и съ какой-бы точки зрѣнія ни описывалъ этотъ городъ, навѣрно не будетъ держаться въ своемъ описаніи полицейскихъ участковъ и частей; онъ все-таки-же пойдетъ отъ центра, то-есть начнетъ съ Кремля, потомъ возьметъ Китай-городъ или просто Городъ, какъ зовутъ его москвичи, Бѣлый-городъ, Земляной и обширныя окраины. Онъ непремѣнно будетъ

держаться и естественныхъ границъ различныхъ мѣстностей, будетъ говорить о Замоскворѣчьи и Заяузьи и на каждомъ шагу наталкиваться на имена урочищъ, церквей, зданій и улицъ, не поддающихся сухому, болѣе или менѣе произвольному полицейскому дѣленію, хотя оно необходимо для административныхъ цѣлей.

Точками исхода для этого громаднаго города почти съ милліоннымъ населеніемъ, неисчерпаемаго въ своихъ особенностяхъ всякаго рода, являются Москва-рѣка и та крутая возвышенность, гдѣ въ бору была вырублена первоначальная крѣпостца. Для Москвы, Москва-рѣка все равно, что для Парижа Сена. Не имѣетъ она судоходнаго значенія, но ея извилины и ея берега придали физіономію всему городу. Волнистое прибрежье, богатое холмами, подарило Москвѣ красоту ея положенія вмѣстѣ съ неудобствами, какія есть въ Парижѣ и Римѣ, расположенныхъ въ томъ же родѣ. Москва-рѣка прихотливо чередуетъ подъемъ своихъ береговъ: то правый берегъ, то лѣвый поднимаются на цѣлые холмы и горы. Одно это есть уже источникъ живописности. Почти такъ, какъ Сена, Москва-рѣка извивается въ видѣ двойной буквы «S» и образуетъ цѣлый полуостровъ на югъ отъ центра города, сложившійся какъ-бы отдѣльно отъ главнаго города. Изгибъ или, правильнѣе, два изгиба Москвы-рѣки навѣки расположили городъ на двухъ неравныхъ частяхъ и придали ему такое сходство съ столицей Запада, съ Парижемъ. Если бы прибрежье рѣки не перемѣнило рѣзко характера, Кремль не былъ-бы Кремлемъ. То, что на взглядъ практическаго американца составляетъ главное неудобство Москвы: неровность почвы, контрасты подъемовъ и спусковъ, — надѣлило ее неувядаемой красотой. Рѣка, давшая ей свое имя, какъ разъ имѣетъ такую ширину, при которой нагорный берегъ, одѣтый въ стѣны, башни, соборы и дворцы Кремля, выступаетъ во всей своей грандіозности и роскоши зодчества. Черезъ такія среднихъ размѣровъ рѣки непремѣнно перекинуто будетъ много мостовъ, какъ это и случилось въ Парижѣ и въ Москвѣ. Нева въ



Большой Кремлевскій дворецъ. Александровское зало.



Большой Кремлевскій дворецъ. Андреевское зало.

нѣсколько разъ шире и великолѣпнѣе, но ея берега плоски, дышатъ величавой и богатой скукой, хотя и ласкаютъ взоръ. Неоткуда смотрѣть, какъ въ Москвѣ, сверху на всю панораму береговъ, то и дѣло мѣняющихъ характеръ и по естественнымъ своимъ очертаніямъ, и по постройкамъ, садамъ, дачамъ, церквамъ и монастырямъ.

И ни въ какомъ городѣ Европы вы не можете такъ наглядно отличить одну мѣстность отъ другой, какъ въ Москвѣ. Двѣ міровыя столицы, Парижъ и Лондонъ, подавляютъ васъ своими каменными глыбами, идущими во всѣ стороны, однообразно, все съ одной и той же архитектурой, особенно въ новыхъ частяхъ и кварталахъ. Надо слишкомъ хорошо знать ихъ исторію и топографическій складъ, чтобы издали передъ вами выяснились тѣ или иныя урочища, существующія и въ этихъ столицахъ. Тамъ мало демаркаціонныхъ линій; не такъ долго сохранялись ограды и стѣны, частныя владѣнія всѣ подошли подъ одинъ складъ и уровень,



Красное крыльцо.

сады остались только городскіе и общественные, огромные районы стоятъ безъ рѣзкихъ архитектурныхъ примѣтъ: колоколенъ, главъ, башенокъ, цвѣтной окраски стѣнъ.

Москва такъ богата видами, что можно было-бы насчитать до сотни пунктовъ, и въ самомъ городѣ, и въ окрестностяхъ, откуда панорама выходитъ одинаково привлекательной, хотя и не одинаково обширной. Взойдете-ли вы на любую колокольню, передъ вами непремѣнно разстелется яркая и многоцвѣтная картина. Ѣдете-ли вы просто по улицѣ и, не ожидая того, попадете на спускъ съ какого-нибудь бульвара,—опять внизъ и вверхъ мечется вамъ въ глаза перспектива и тѣшитъ вашъ взглядъ. Каждая мѣстность имѣетъ свои вышки, откуда можно обозрѣть ее, не взбираясь даже слишкомъ высоко. Нужно удивляться, какъ до сихъ поръ наши художники такъ мало пользуются видами Москвы, какъ школа живописи, существующая въ Москвѣ, не образовала особыхъ спеціалистовъ, изображающихъ городскія перспективы, всевозможные пункты московской панорамы и сверху и снизу: безчисленные характерные уголки, перекрестки или улицы съ церквами, башнями, закоулками, часовнями, зубчатыми стѣнами. Иностранцы, попадая въ Москву въ ясную погоду, упиваются картиной города и гораздо



Благовѣщенскій соборъ.

больше насъ цѣнятъ его красоты. Мы съ трудомъ можемъ отрѣшиться отъ разныхъ законныхъ, но въ этомъ случаѣ неумѣстныхъ, соображеній, отъ своихъ взглядовъ на то, что связано для насъ съ словомъ Москва. Привычка къ порядку, чистотѣ, комфорту дѣлаетъ то, что каждый петербуржецъ склоненъ гораздо больше къ раздраженію неудобствами жизни въ Москвѣ, чѣмъ къ симпатичному пользованію ея своеобразностью и богатствомъ бытового содержанія.

Нѣсколько пунктовъ считаются обязательными для того, чтобы видѣть и оцѣнить вполнѣ панораму Москвы. Не каждый москвичъ лазилъ туда, но каждый будетъ вамъ указывать на эти пункты. Надо взобраться и на Ивана Великаго, и на кремлевскую стѣну съ ея башнями и вышками, и на Сухареву башню, и на колокольню Страстного монастыря, побывать на Поклонной горѣ, слазить на колокольни дальнихъ монастырей и закончить все это прославленнымъ видомъ съ Воробьевыхъ горъ.

На высотѣ птичьяго полета, всего обширнѣе и колоритнѣе видъ Москвы съ Ивановской колокольни. Его знаютъ всѣ иностранцы и не лѣнятся подниматься на четыреста девять ступенекъ, ведущихъ до верхней площадки, гдѣ висятъ малые колокола; а оттуда есть еще деревянная лѣстница, ведущая на самый верхъ. Служитель при колокольнѣ разскажетъ вамъ, какъ въ дни торжествъ коронаціи поднимались на Ивана Великаго иностранные принцы, послы, корреспонденты. И будь мы, русскіе, наклоннѣе къ созерцанію красоты, каждый день являлось бы гораздо больше желающихъ насладиться видами Москвы.

Вы, дѣйствительно, стоите какъ-бы по срединѣ круга. Обходя верхнюю площадку съ ея парапетомъ, вы можете обозрѣть во всей ея полнотѣ панораму древней столицы. Внизу, подъ вами, блестятъ золотыя главы крышъ и рѣшетокъ; сверху центръ Кремля — соборы и дворцовыя церкви получаютъ еще болѣе своеобразный оттѣнокъ, поднимаютъ свои золоченыя главы, тѣшатъ взоръ и уносятъ его къ прошедшему, даютъ вамъ сразу историческое чувство. Вы видите и ту церковь, что́ стоитъ на дворцовомъ дворѣ, окруженная со всѣхъ сторонъ,

такъ что ее снизу ни откуда не видно иначе, какъ когда вы войдете на самый дворъ; это первый храмъ, поставленный среди бора, которымъ покрывался кремлевскій холмъ. Самое цѣльное впечатлѣніе производитъ площадь, окруженная соборами, съ Краснымъ крыльцомъ и теремами. Она сложилась всей исторической жизнью, хотя и не въ полномъ единствѣ архитектурнаго стиля, но въ единствѣ гармоніи.

Сверху всѣ зданія Кремля, несмотря на то, что есть между ними далеко не удачныя, — какъ, напр., казарма, арсеналъ, дворцовыя помѣщенія противъ и около Потѣшнаго дворца,— даютъ совокупность, выходящую всегда цѣлостной. Но взглядъ вашъ просится въ ширь и въ даль, во всѣ стороны кругозора. Его влекутъ безчисленные контуры, краски и извивы огромнаго моря зданій и садовъ, парковъ, холмовъ и равнинъ. Трудно сказать, въ какую сторону видъ окажется живописнѣе. Вы смотрите на Москву-рѣку и Замоскворѣчье. Рама этой картины безподобна! Она состоитъ изъ кремлевской стѣны, надъ которой возвышается сначала вся обширная эспланада передъ дворцомъ, потомъ парапетъ, зеленѣющійся спускъ холма, сады, разбитые внизу, башни и зубцы, а тамъ уже — обѣ набережныя, Москворѣцкій и Каменный мосты и все Замоскворѣчье, утопающее, въ солнечный день, въ розоватой дымкѣ, съ необыкновенно мягкими тонами. А еще дальше — чуть видныя окраины, поля и рвы, и узкій, сливающійся со сводомъ неба, горизонтъ.

Вправо бьетъ вамъ въ глаза колоссальная шапка храма Спасителя и желтовато-бѣлый ящикъ, понасѣвшій на красивую площадь, откуда спускается изящная лѣстница, которая мало чѣмъ уступитъ знаменитой парижской лѣстницѣ Трокадеро. Храмъ Спаса занялъ теперь особое положеніе въ панорамѣ Москвы. Можно сказать даже, что онъ слишкомъ привлекаетъ къ себѣ издали, когда вы смотрите на городъ изъ-за рѣки; но съ Ивана Великаго вся эта мѣстность, сдѣлавшаяся теперь однимъ изъ главныхъ украшеній Москвы, гораздо больше сливается съ общимъ видомъ набережной, выступая во всей своей величавости. Едва-ли есть въ западной Европѣ хоть одинъ храмъ, который бы стоялъ, на близкомъ разстояніи, такъ выгодно и красиво, какъ храмъ Спаса. Его архитектура не удовлетворяетъ многихъ любителей болѣе строгаго и художественнѣе обработаннаго русско-византійскаго стиля. Начни его строить лѣтъ двадцать позднѣе, Москва имѣла-бы совсѣмъ другой памятникъ русскаго зодчества, точно такъ же какъ и Кремлевскій дворецъ получилъ бы другой стиль, гораздо болѣе подходящій къ тѣмъ богатствамъ древняго строительства, какія, сзади и съ боковъ, глядятъ на него.

Взглядъ вашъ продолжаетъ двигаться направо и уходитъ къ широкому прибрежью Москвырѣки, различаетъ Нескучный садъ съ его дворцомъ, дачу Мамонтова, Андреевскую богадѣльню, Воробьевы горы,—покоится на зеленой луговинѣ, имѣющей форму широкаго лоскута или языка, закругленнаго съ трехъ сторонъ изгибомъ рѣки. И на этой луговинѣ высится колокольня Новодѣвичьяго монастыря. Ограды и башенки съ ихъ окраской издаютъ свою заключительную ноту въ этой части панорамы. Оттуда, все правѣе и назадъ по рѣкѣ, взглядъ вашъ доходитъ до Драгомиловскаго моста, забирая ближе въ себѣ линію бульваровъ, начиная отъ Зубовскаго и вплоть до Новинскаго, до Прѣсни, различаетъ ширь Ходынскаго поля съ конскимъ бѣгомъ, останавливается на красномъ, характерномъ пятнѣ Петровскаго дворца, ушедшаго въ зелень, отмѣтитъ темную точку на Тріумфальныхъ воротахъ — это бронзовая группа колесницы,—пройдетъ по Сущеву, по Палихѣ, съ бульварами, загибающимися параллельно, остановится на зданіи Екатерининскаго института, на аллеяхъ, повышеніяхъ и спускахъ Самотеки. Вы уже стоите какъ разъ напротивъ, на діаметрально противоположномъ пунктѣ площадки Ивана Великаго. Двигаетесь вы вправо, и зеленая линія Садовой доводитъ вашъ взглядъ до Сухаревой башни и розовой дуги съ куполомъ Шереметьевской больницы. Тамъ опять цвѣтное пятно: Красныя ворота съ блестящей точкой—статуя трубящаго генія. Вдаль по прямой линіи уходятъ отъ васъ Красный прудъ и Сокольники; а книзу и вправо — чаща зданій Басманныхъ.

Садовая и бульвары, огибающіе городъ, спускаются все той же параллельной линіей вправу и книзу, образуя двойную подкову изъ зелени, которой окаймлена Москва отъ Крымскаго до Краснохолмскаго моста. И тутъ, что ни остановка, то яркое пятно, или цѣлое скопленіе зданій, церквей, или повороты бульваровъ. Вы сокращаете свое поле зрѣнія, стягиваете панораму къ тому мѣсту, гдѣ стоите, и отъ послѣдняго Яузскаго бульвара покоите свой взглядъ на Воспитательномъ домѣ съ его грандіознымъ четырехъ-угольникомъ, свѣтлой твердыней спускающагося къ набережной Москвы-рѣки, параллельно съ стѣной Китай-города, почти упирающейся въ круглую (Безымянную) башню.

И вы обозрѣли только одинъ изъ круговъ, на которые дѣлится, такъ естественно, панорама Москвы, одну лишь внѣшнюю окраину. А между концентрическими линіями бульваровъ,



Москва-рѣка и Замоскворѣчье.

Садовой, стѣнъ Китай-города и Кремля кишитъ колоссальный муравейникъ. Разглядѣть всѣ его части и подробности съ высоты, гдѣ вы стоите,—дѣло не легкое. Вамъ самимъ жалко будетъ расчленять звенья этого самобытнаго, прекраснаго цѣлаго; вамъ захочется какъ можно дольше оставаться подъ его обаяніемъ. Но желаніе отыскивать отдѣльные пункты и цвѣтныя пятна придетъ непремѣнно. Вы вернетесь опять къ тому мѣсту, откуда смотрѣли на набережную Замоскворѣчья, и храмъ Спаса и очертанія города представятся вамъ уже опредѣленнѣе. Вы будете выбирать особенно красивыя детали. Теченіе рѣки съ ея изгибами и крутыми холмами встанетъ передъ вами въ видѣ двойного «S». Подкова, образованная двумя параллельными эллипсисами зеленыхъ путей, вдоль и поперекъ своей толщи, распадается на улицы, площади, закоулки. Вѣхами станутъ церкви, большія зданія, сады. Отъ Крымскаго моста, откуда черезъ Крымскій проѣздъ дорога идетъ по Зубовскому и Смоленскому бульварамъ до Смоленской площади,—вправо, тотчасъ за набережной, высится храмъ Спасителя. Взглядъ остановится далѣе на Зачатьевскомъ монастырѣ. Между Остоженкой и Пречистенкой нѣтъ ничего выдающагося.

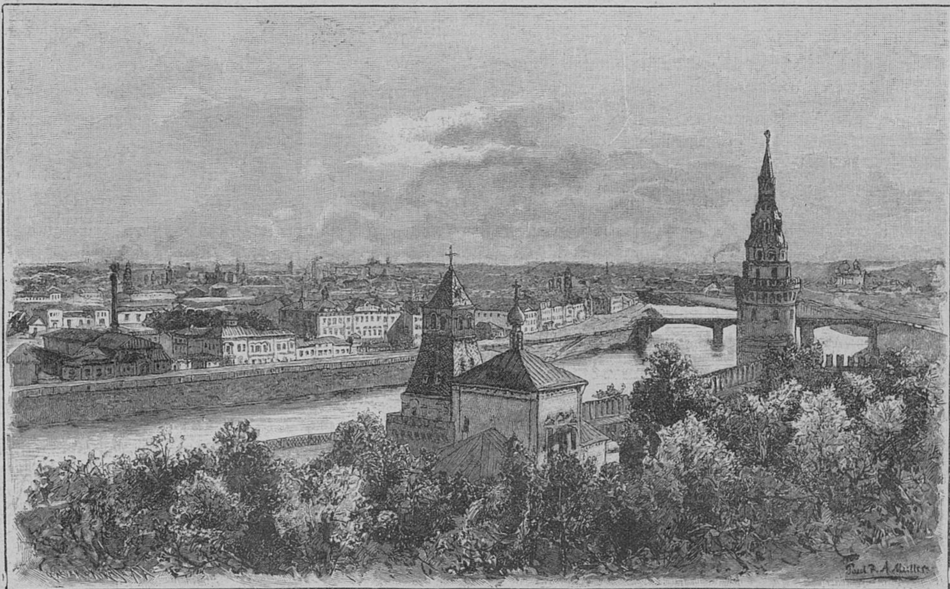
Тутъ сѣть переулковъ сдавливается Смоленскимъ и Пречистенскимъ бульварами, и нѣсколько старыхъ церквей: мученика Власія, Покрова въ Лёвшинѣ, Живоначальныя Троицы, Аѳанасія и Кирилла, Апостола Филиппа оживляютъ своими цвѣтными пятнами кучу домовъ и домиковъ вплоть до Арбата. Въ неправильной трапеціи между Арбатомъ и Кречетниковской высятся колокольни и главы Преображенія и Николая Чудотворца. Тутъ линія между Новинскимъ и Никитскимъ бульварами дѣлается шире; изъ трехъ пунктовъ высятся главы церквей Іоанна Предтечи, Рождества въ Кудринѣ, Бориса и Глѣба. Поварская съ Арбатомъ образуютъ уголъ, сливающійся на Арбатской площади. Новинскимъ оканчивается лѣвая вереница бульваровъ, послѣ чего идетъ Садовая и Кудрино до Земляного вала. Никитскій бульваръ, вогнутый, а не выпуклый, какъ-бы ему слѣдовало быть, обрывается у церкви Большого Вознесенія. А за каждымъ дальнѣйшимъ бульваромъ непремѣнно найдется какой-нибудь пунктъ, который привлечетъ взглядъ. За Тверскимъ, на самой Садовой, Ермолай на Козьемъ болотѣ, Рождество въ Палашахъ, Благовѣщеніе на Тверской, глазная больница, на площади памятникъ Пушкину. Страстной монастырь съ его колокольней выдѣляется своимъ розоватымъ пріятнымъ тономъ, а въ отрѣзкѣ между бульваромъ и Садовой бѣлѣетъ старый Пименъ. Дальше на Дмитровкѣ Успеніе Богородицы и прелестная церковь Рождества на Путинкахъ—перлъ старомосковскаго церковнаго зодчества, съ ея тонкими конусами, съ нѣжнымъ окрашиваніемъ, вся нарядная и какъ-бы дышащая богатствомъ очертаній и стройностью всего склада. Новая Екатерининская больница широкимъ желтымъ пятномъ заканчиваетъ Страстной бульваръ. Самотека расползается и зеленѣетъ въ пространствѣ между Каретнымъ рядомъ и Большимъ Спасскимъ переулкомъ. Ничто не выдѣляется вплоть до церкви Спаса Преображенія. Широкой лентой спускается Цвѣтной бульваръ съ красными крышами двухъ сосѣднихъ зданій. Въ большомъ промежуткѣ на двухъ концахъ стоятъ церкви Николая Чудотворца въ Драчахъ и Троицы — *Листы*, какъ называетъ народъ. Тутъ, отъ Сухаревой башни и Шереметьевской больницы, пространство между Садовой и бульварами опять расширяется. Вы отмѣтите церкви Преображенія въ Пушкаряхъ и Николая Чудотворца на Мясницкой, домъ Солдатенкова, а дальше, по ту сторону Красныхъ воротъ, Трехъ Святителей и Харитонія въ Огородникахъ; между Харитоніевскимъ переулкомъ и Покровкой опять чаща домовъ и домиковъ безъ выдающихся зданій или храмовъ. Трудно замѣтить домъ Боткина, гдѣ хранится такая цѣнная картинная галлерея. Гораздо рельефнѣе выступаетъ домъ четвертой гимназіи въ Растрелліевскомъ вкусѣ и церкви Воскресенія въ Барашахъ и Іоанна Предтечи на Садовой. Высокая, кирпично-красная, выстроенная въ характерномъ стилѣ, колокольня Ильи Пророка на Воронцовомъ полѣ преобладаетъ надъ всей мѣстностью между Покровскимъ бульваромъ и Землянымъ валомъ. Здѣсь-же



Вознесенскій соборъ и Спасскія ворота.

вы остановитесь на церкви Николая Чутотворца, гдѣ Гостиная Горка, и Яузскимъ бульваромъ закончите обзоръ всего этого неполнаго эллипсиса, протянувшагося на десятки верстъ.

Остается еще одинъ неполный эллипсисъ, окружающій Китай-городъ съ Кремлемъ. Если начинать опять отъ храма Спаса, то изъ-за пестрой чащи кровель будетъ выдѣляться больше характерныхъ домовъ, чѣмъ церквей. У самаго храма сохранилась въ своемъ стилѣ начала семнадцатаго вѣка церковь Похвалы Богородицы, показывающая контрастомъ своихъ размѣровъ съ громадиной храма — какъ онъ великъ. Наискосокъ отъ храма вы замѣтите старинный, барской постройки домъ, на дворѣ: Голицынскій музей. Нѣсколько ниже и лѣвѣе по Предтеченскому бульвару домъ бывшаго городского головы С. М. Третьякова съ рѣшетчатой крышей. Вплоть до Знаменки, кромѣ церкви Знаменія, ничто не остановитъ васъ особенно. Въ кускѣ между Знаменкой и Воздвиженьемъ стоятъ дома: Пашкова (Румянцевскій музей) и



Видъ изъ Кремля на Москву-рѣку.

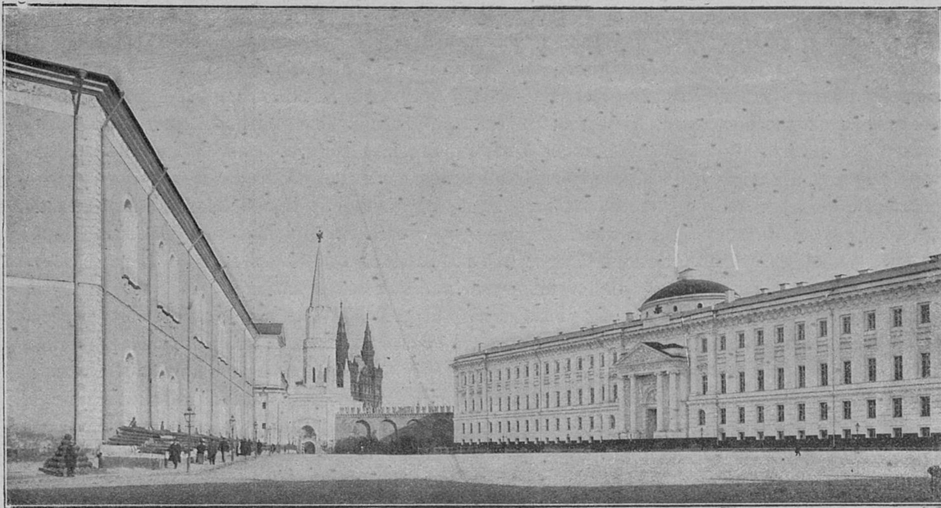
домъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Пашковскій домъ до сихъ поръ, по легкости и красотѣ архитектуры, едва-ли не самое изящное строеніе Москвы. И положеніе его чрезвычайно выгодно; его бельведеръ, крыши, колоннады видны очень издалека. Все зданіе съ крыльями и галлереями поднимается передъ нами изъ зеленаго садика, идущаго по улицѣ. Реставрированная церковь при архивѣ въ старомъ византійско-русскомъ стилѣ придаетъ и главному корпусу съ его оградой своеобразность и красоту. Тутъ же на Воздвиженкѣ, только въ другомъ концѣ, къ Арбатскимъ воротамъ, выдѣляется церковь Бориса и Глѣба. Вдоль Никитскаго бульвара, между бульваромъ и Кисловками вы ни на чемъ особенно не остановитесь. На Моховой—старый и новый университеты, въ тяжеловатомъ стилѣ прошлаго вѣка, придаютъ всей этой мѣстности особенный характеръ. Крыша экзерцигауза и желтыя его стѣны протянулись длиннымъ пластомъ по правую сторону Моховой. Позади и лѣвѣе высится колокольня съ воротами Никитскаго монастыря; отъ нея еще лѣвѣе, на углу Чернышевскаго переулка и

Никитской, церковь Малаго Вознесенія, а на Тверской площади, передъ домомъ генералъ-губернатора, стоящимъ въ видѣ каменнаго ящика, къ Столешникову переулку церковь Кузьмы и Даміана въ Шубинѣ. Правѣе ограда упраздненнаго Георгіевскаго монастыря на Большой Дмитровкѣ. Ниже и правѣе куполъ Благороднаго собранія, а надо всѣмъ верхній ярусъ и крыша Большого театра. Между домами Охотнаго ряда, тотчасъ за угольной башней Кремля, краснѣетъ огромный корпусъ Большого Московскаго трактира. На сгибѣ между Рождественскимъ бульваромъ и Кузнецкимъ мостомъ Срѣтенскій монастырь и церковь Введенія (бывшій Варсонофьевскій монастырь) даютъ нѣсколько свѣтлыхъ и цвѣтныхъ пятенъ. Отъ Лубянки и Лубянской площади правѣе и ниже—старая церковь архидіакона Евпла на Мясницкой, а въ сторону Срѣтенскаго бульвара такая же старинная церковь Фрола и Лавра. Зданія Почтамта и Телеграфнаго вѣдомства занимаютъ цѣлый кварталъ до Чистыхъ прудовъ. Ближе къ стѣнѣ Китай-города между Владимірскими и Ильинскими воротами нѣжно-зеленоватымъ поставцомъ въ русскомъ стилѣ выступаетъ домъ Политехническаго музея. Отъ него вправо по ломаной линіи вдоль Моросейки и къ Покровскимъ воротамъ стоятъ церкви Николая Чудотворца, Успенія на Покровкѣ и Живоначальныя Троицы на Грязяхъ. Ниже и правѣе отъ Ильинскихъ воротъ церковь Спаса Преображенія, а черезъ Козьмодемьяновскую улицу по линіи, сверху, внизъ и вправо, церковь Козьмы и Даміана на Моросейкѣ. Дойдя взглядомъ до возвышенности, на которой стоитъ Ивановскій монастырь съ высокимъ куполомъ и двумя башенками, вы опять вблизи Воспитательнаго дома, и послѣднее крупное зданіе будетъ желтоватая каменная глыба съ куполомъ, Опекунскій Совѣтъ.

Китай-городъ весь состоитъ изъ разноцвѣтныхъ пятенъ камня, кирпича, золота, изразцовъ на своихъ лавкахъ, храмахъ, башняхъ, историческихъ зданіяхъ. Сверху Китай-городъ имѣетъ очертанія неправильной дуги, изломъ которой приходится къ нижнему крылу въ стѣнѣ Воспитательнаго дома; лѣвое колѣно этой дуги переломлено у Кремля, тамъ, гдѣ стоитъ одна изъ «безымянныхъ» башенъ, наискосокъ Москворѣцкаго моста. Плотнѣе къ стѣнѣ Кремля съ чуть замѣтнымъ проѣздомъ около Никольскихъ воротъ, параллельно со стѣной ширится зданіе Историческаго музея, до сихъ поръ еще не обшитое изразцами, темнокрасное, съ своими минаретами, крышами и куполами полувизантійскаго, полуиндійскаго стиля. Изъ-за него выглядываютъ двѣ остроконечныя башни Воскресенскихъ воротъ, смотрящихъ фасомъ, съ часовней Иверской, на Тверскую и Воскресенскую площадь. А отъ Воскресенскихъ воротъ, отъ угла, выполненнаго зданіемъ бывшей Ямы, съ одной башенкой, уголъ Никольской бѣлѣетъ куполомъ и колокольней Казанскаго собора. Вся Никольская извивается вверхъ съ своими монастырями, лавками, Синодальной типографіей, Славянскимъ базаромъ, церковью Владимірской Божьей Матери до Владимірскихъ воротъ.

Красная площадь легла широкой лентой отъ Историческаго музея до церкви Василія Блаженнаго. Памятникъ Минину и Пожарскому кажется мелкимъ для такого обширнаго пространства. Между Богоявленскимъ и Черкасскимъ лѣзутъ одна на другую крыши большихъ домовъ Чижовыхъ, а вправо къ Ильинкѣ поднимаются главы церкви Николая Чудотворца. Ильинка бѣлой, широкой полосой идетъ вверхъ почти параллельно съ Никольской, а ея отдѣльныя зданія выступаютъ ярче,—есть больше возможности видѣть ихъ фасады. Тутъ старый Гостиный дворъ, Троицкое подворье, Биржа съ своей кишащей народомъ и экипажами площадкой, разноцвѣтная окраска домовъ съ навѣсами, вывѣсками, подъѣздами и цвѣтнымъ пятномъ церкви, прозванной Малиновый или Красный звонъ.

Василій Блаженный на своей высокой подставкѣ красуется въ изящной причудливости своихъ девяти куполовъ и даетъ заключительную ноту архитектурной гармоніи Китай-города и Кремля. Отъ него по Варваркѣ, мимо дома бояръ Романовыхъ и церквей съ ихъ яркой окраской и смѣшеніемъ стилей: Георгія Побѣдоносца, Іоанна Предтечи, Варвары Великомученицы, Максима Исповѣдника, кверху уходитъ улица вплоть до Варварскихъ воротъ, а книзу



Зданія Арсенала и Окружного Суда въ Кремлѣ.

и вправо спускаются переулки Зарядья. Линія Китай-города окаймляетъ все московское Сити, параллельно съ Кремлевской стѣной, отъ Воскресенскихъ воротъ вплоть до Круглой башни, заканчивающей Китайскій проѣздъ на Москворѣцкой набережной.

Кремль съ высоты Ивана Великаго представляется довольно правильнымъ треугольникомъ съ болѣе широкимъ основаніемъ вдоль Кремлевской набережной, съ притупленными нижними углами и съ острымъ угломъ, врѣзывающимся къ Воскресенской площади, съ башней, которая такъ и называется Угольной; отъ нея правѣе—ребро, идущее до Спасскихъ воротъ. Вдоль стѣны — сначала Царская башенка, потомъ двѣ Безымянныя; между Спасскими и Никольскими воротами, Сенатская башня выглядываетъ изъ-за зданія Сената съ его куполомъ. Оно выстроено такимъ же почти треугольникомъ, какъ и самый Кремль, съ линіями, идущими параллельно къ стѣнамъ, и съ двумя перекладинами внутри, изъ боковыхъ корпусовъ. Арсеналъ, рѣзко оттѣняющійся своей желтой краской отъ бѣлизны Сената, представляетъ собою неправильный параллелограммъ; самое длинное его ребро, вдоль стѣны, выходящей на Александровскій садъ, идетъ отъ Угольной до Троицкой башни съ Троицкими воротами, мостомъ и сквознымъ вѣнцомъ башни Кутафьи. Ярко выступающая въ солнечный день улица изъ дворцовыхъ корпусовъ, съ зеленымъ пятномъ Потѣшнаго дворца, спускается внизъ тремя каменными узкими ящиками до галлереи, соединяющей Большой дворецъ съ Оружейной палатой. Дворецъ, самое высокое зданіе въ Кремлѣ, стоитъ четырехъ-угольнымъ ящикомъ вокругъ тѣснаго двора, откуда выглядываютъ главки церкви Спаса-на-Бору. Терема, переходы, фигурныя окна, подъемы и углубленія крышъ—все пестритъ передъ вами въ разноцвѣтныхъ полосахъ, въ позолотѣ и въ изразцахъ. Глаза разбѣгаются и хотятъ схватить разомъ все обиліе цвѣтовъ и очертаній, выпуклостей и архитектурныхъ деталей: и Красное крыльцо, и золоченыя главки дворцовыхъ церквей, въ особенности церкви Спаса за золотой рѣшеткой, и мелькающія сверху причудливыя формы зодчества въ теремахъ и вышкахъ. Тутъ самая большая скученность кремлевскихъ древностей; вы чувствуете, какъ старые строители не умѣли еще распоряжаться пространствомъ, дорожили уютомъ и близостью. Успенскій соборъ совсѣмъ притиснутъ къ дворцу; а на него сзади какъ-бы налегаетъ Патріаршій, нынѣшній

Синодальный домъ съ церковью Двѣнадцати Апостоловъ. Площадка съ историческими святынями Москвы, равняющаяся размѣрами цѣлой площади, вся бѣлѣетъ на солнцѣ, вымощенная плитами, обставленная со всѣхъ сторонъ соборами и колокольней, гдѣ вы стоите, вмѣщающей въ себѣ цѣлыхъ двѣ церкви. Впечатлѣніе—всегда праздничное, величавое и богатое, не европейское, а скорѣе восточное, безъ всякаго, однако, оттѣнка мрачности или мистицизма. Хотѣлось бы одного: убрать совсѣмъ зданіе казармъ, стоящее подъ прямымъ угломъ къ дворцовому корпусу. Правый уголъ Кремля открываетъ неправильныя площадки между храмами монастырей Вознесенскаго и Чудова, зданіемъ келій, идущимъ отъ Ивана Великаго къ боковому фасаду Сената, Малымъ Кремлевскимъ дворцомъ съ его загнутымъ глаголемъ фасомъ. Царь-колоколъ и Царь-пушка заслонены Ивановской колокольней одинъ отъ другой. Сверху свободнаго пространства оказывается въ Кремлѣ очень много, гораздо больше, чѣмъ это кажется, когда вы объѣзжаете его. Стѣны идутъ желтовато-сѣроватой каймой вдоль одного бока, переходящей въ зелень Александровскаго сада, а садъ перерывается въ двухъ мѣстахъ противъ Троицкихъ и противъ Боровицкихъ воротъ и сползаетъ внизъ до красивой круглой Водовзводной башни. Передъ дворцовой эспланадой зеленѣющій откосъ переходитъ въ болѣе густую зелень сада, идущаго вдоль нижней стѣны съ двумя церквами, которыя затериваются тутъ среди общаго блистательнаго вида. Это—церкви Петра Митрополита и Константина и Елены. Четыре башни: Троицкихъ воротъ, Петра Митрополита, Благовѣщенская и Константино-Еленинская,—почти такой-же архитектуры, какъ и Сенатская башня,—красятъ весь этотъ прибрежный фасадъ Кремля, а уголъ у Москворѣцкаго моста замыкается такой же круглой и легкой, какъ Водовзводная, Безымянной башней.

Замоскворѣчье, охватывающее васъ сначала своей общей картиной, выясняется теперь въ деталяхъ. На противоположной набережной, между Москворѣцкимъ и Каменнымъ мостами, темно-красный ящикъ Кокоревской гостиницы и рядомъ съ нимъ бѣлая, высокая колокольня церкви Святой Софіи стоятъ впереди всей панорамы. Правѣе и глубже, къ Водоотводному каналу, загибаетъ неполнымъ эллипсисомъ Винный городъ, а за каналомъ пролегаютъ улицы и переулки, идущіе къ двумъ центрамъ: Калужской и Серпуховской площадямъ. Налѣво — Большая Ордынка, отъ Москворѣцкаго моста Пятницкая, направо отъ Каменнаго — Большая Полянка и Большая Якиманка, ведущія прямо къ Калужской площади. Отъ Калужской площади по прямой линіи идетъ Крымскій валъ къ Крымскому мосту, а дальше вѣеромъ расходятся четыре улицы: Калужская съ дорогой въ Нескучный садъ и Александровскій дворецъ мимо богадѣльни, училища, больницъ; затѣмъ Донская, Шаболовка и Мытная. Отъ Серпуховской площади, внизъ, изломаннымъ треугольникомъ, идутъ Малая и Большая Серпуховскія. Лѣвѣе расползлась Зацѣпа; часть ея, Валовая Зацѣпа, загибаетъ нѣсколько внизъ къ Краснохолмскому мосту, а кверху и влѣво видны Кожевники, доходящіе до рѣки. На этомъ огромномъ полукругѣ Замоскворѣчья съ его двумя площадями и Коровьимъ валомъ, соединяющимъ ихъ, разбросано множество цвѣтныхъ и золотящихся точекъ. Всего ярче выдѣляются сначала, поближе къ Водоотводному каналу, по ту сторону его, справа клѣву, церкви: Іоакима и Анны, Воскресенія въ Кадашахъ и Параскевы Пятницы. Между двумя первыми церквами трудно отличить въ Лаврушенскомъ переулкѣ домъ П. М. Третьякова съ его художественными богатствами. Часть этого дома, съ помѣщающеюся въ ней знаменитою картинною галлереею, пожертвована П. М. Третьяковымъ городу Москвѣ и составляетъ теперь городскую собственность. Ближе къ Серпуховской площади по Полянкѣ выдѣляется церковь Успенія, а къ Калужской площади—Казанской Божьей Матери, на Ордынкѣ—церковь Николая Чудотворца, на Пятницкой—Троицы.

Налѣво, вдали, за Землянымъ городомъ и рѣкой, стоятъ стѣны, башни, главы и колокольня Новоспасскаго монастыря; отъ него лѣвѣе, къ Нижегородской дорогѣ—группа Покровскаго монастыря, еще лѣвѣе, у Яузы — Андроньевскій монастырь, а тамъ, у изгиба Яузы —



Церковь Василія Блаженнаго.

дворцовый садъ у красныхъ казармъ. И еще разъ взоръ вашъ обойметъ всѣ ближайшія окрестности Москвы, пройдется по холмамъ, рощамъ, монастырямъ Симонову и Донскому, дворцамъ, чтобы уйти къ дымчатому горизонту.

Но вы не покинете Кремля, не спустившись внизъ на одинъ изъ мостовъ и не полюбовавшись на него съ набережной. Этотъ видъ приводитъ въ восторгъ каждаго иностранца. Съ

набережной Кремль кажется чѣмъ-то фантастическимъ, однимъ огромнымъ храмомъ или волшебными чертогами. Все его богатство, разнообразіе стилей встаютъ въ своей колоссальной, но не подавляющей скученности. Въ лунную ночь впечатлѣніе едва-ли еще не сильнѣе.

Но не забудемъ, что на Москву надо взглянуть и издали, съ такого пункта, откуда она представляется уже не съ высоты птичьяго полета, а какъ-бы фасадомъ своимъ. Пунктъ этотъ— Воробьевы горы. Каждый пріѣзжій, въ особенности всякій иностранецъ, непремѣнно побываетъ тамъ, посидитъ наверху на террасѣ ресторана въ самой деревнѣ, а потомъ спустится по крутому обрыву, покрытому лѣсомъ вплоть до прибрежья, гдѣ стоитъ незатѣйливый трактиръ.

Если вы сойдете въ оврагъ сверху и остановитесь на первомъ привалѣ, то оттуда храмъ Спаса выплыветъ передъ вами какъ-бы въ рамкѣ. Слѣва вы видите круглую крышу Сената, справа часть дворца, а за нею Ивана Великаго. Подъ ними протягивается темная полоса деревьевъ, а на краю высится бѣлая, тонкая колокольня Святой Софіи, около Кокоревской гостиницы. Сойдите немножко пониже — и вы увидите рѣку съ перевозомъ; по ту сторону, на луговинѣ, образующей полуостровъ, церковь Троицы Лужники, а справа Мамонтовская дача, Андреевская богадѣльня и дворецъ Нескучнаго сада. Налѣво—Новодѣвичій монастырь съ своими темными башенками и пестрой колокольней; еще лѣвѣе — лѣсъ за Ходынскимъ полемъ. Подъ вами на берегу вправо стоитъ трактиръ. Нѣсколько ивъ окаймляютъ пейзажъ. Заднiй планъ весь закрытъ плоской панорамой Москвы съ безчислеными колокольнями и главами.

Съ террасы ресторана, на верху, полуостровъ съ церковью Троицы Лужники виднѣется на всемъ своемъ протяженіи. Нѣсколько слѣва заслоняетъ передъ вами часть панорамы храмъ Спаса и за нимъ бѣлѣющіеся переливы церквей и домовъ. Ограда Новодѣвичьяго монастыря точно на ладони. Вправо отъ храма Спаса—Воспитательный домъ и скученная масса колоколенъ и куполовъ. Еще правѣе—крутой берегъ, весь ушедшій въ зелень, откуда изъ-за деревьевъ выглядываютъ Александровскій дворецъ, богадѣльня и дача Мамонова.

Съ этихъ самыхъ высотъ смотрѣлъ когда-то и Наполеонъ на Москву. Кто полюбопытствуетъ,—заглянетъ въ описаніе, сдѣланное Тьеромъ въ его «Исторіи Консульства и Имперіи», чтобы посмотрѣть—въ какой степени картина вышла далека отъ настоящей панорамы Москвы.

Каждая бытовая часть Москвы живетъ по-своему. Въ рѣдкомъ городѣ найдете вы такую обособленность характера жизни, и только въ Лондонѣ есть мѣстности, какъ, напр., Сити, съ совершенно своеобразнымъ бытомъ. Но и Москва имѣетъ свое Сити — Китай-городъ. И въ ней торговая и дѣловая часть живетъ исключительно этими сторонами быта, даже обнесена стѣной. Ни въ Парижѣ, ни въ Петербургѣ вы не встрѣтите такой обособленности.

Начнемъ съ Кремля. Эта крѣпостца—настоящая старая крѣпость, сохранившаяся въ такой цѣльности, какъ развѣ отчасти Вышгородъ и Грачаны въ Прагѣ. Она и до сихъ поръ считается крѣпостью, потому что имѣетъ коменданта и штатъ крѣпостныхъ офицеровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Кремль—какъ-бы громадный историческій музей Россіи, мѣсто, гдѣ происходятъ всѣ торжественные моменты національной исторіи. Жизнь въ немъ совершенно своеобразная, но нисколько не одноформенная, напротивъ—разнохарактерная во всей своей видимой тишинѣ и ежедневной величавой торжественности.

Дворецъ, Грановитая палата, терема и всѣ зданія, принадлежащія дворцу, по единственной улицѣ Кремля,—все это живетъ въ обыкновенное время, когда дворъ отсутствуетъ изъ Москвы, жизнью охранительно-должностной: дежуритъ, надсматриваетъ, чиститъ и убираетъ комнаты, сидитъ въ дворцовой конторѣ и въ разныхъ подчиненныхъ управленіяхъ. Публика приходитъ обозрѣвать дворецъ, терема, Оружейную палату. Сокровища эти переносятъ приходящихъ къ прошедшему русскаго государства, но до сихъ поръ служатъ для публики предметомъ общаго, нѣсколько наивнаго любопытства. Въ массѣ нѣтъ еще потребности въ изученіи богатствъ Оружейной палаты съ художественной стороны. Это придетъ гораздо позднѣе.

А между тѣмъ изученіе облегчено каталогомъ, вещи разставлены систематически, каждая зала представляетъ совокупность извѣстныхъ предметовъ, дающихъ цѣльное впечатлѣніе. Въ сѣняхъ оружіе стариннаго «русскаго дѣла» служитъ декораціей для историческихъ предметовъ, для ковша и токарнаго станка Петра Великаго, колокола, бывшаго набатнымъ, для пугачев-



Памятникъ Минину и Пожарскому и главный подъѣздъ Новыхъ рядовъ.

скихъ пушекъ. Лѣстница, также съ арматурами, ведетъ въ цѣлый рядъ залъ: бронную, оружейную, коронную и серебряную. Каждая изъ нихъ нуждается въ долгомъ и детальномъ изученіи; иностранцы всего болѣе восхищаются серебряной залой, она вся залита посудою; любитель найдетъ въ ней экземпляры рѣдкой работы и богатства, даже и послѣ западно-европейскихъ хранилищъ. Нижній этажъ менѣе замѣчателенъ: содержимое залъ представляетъ

больше анекдотическій интересъ, но круглая зала опять привлекаетъ богатѣйшей коллекціей блюдъ, поднесенныхъ на коронаціяхъ.

Большой дворецъ стоитъ въ своей офиціальной пустотѣ, но каждый день являются посѣтители и обходятъ его безконечные ряды комнатъ и залъ. Самое привлекательное въ немъ для любителя старины—это Теремной дворецъ: онъ только сохраняетъ въ себѣ стиль и колоритъ; остальное богато, обширно, но не заключаетъ въ себѣ ничего характернаго, а по отдѣлкѣ залъ и внутреннихъ покоевъ уступаетъ многимъ дворцамъ, въ особенности французскимъ. Теремной дворецъ на двѣ трети занятъ службами, комнатами свиты, архивомъ; но то, что осталось съ древнимъ характеромъ, въ особенности трапезная столовая, соборная или думская и престольная палаты, помогаютъ возстановить въ своемъ воображеніи бытъ царей послѣ того, какъ вы побываете въ Грановитой палатѣ, постоите на боярской площадкѣ у золотой рѣшетки и пройдетесь по святымъ сѣнямъ, заглянувъ въ царицыну палату, сохранившую въ особенности свой старорусскій пошибъ: темнота стѣнъ съ позолотой, своды, украшенія и утварь—все возстановляетъ передъ вами этотъ полумонашескій, византійско-татарскій бытъ съ его сложнымъ ритуаломъ, восточнымъ рабствомъ и маститой тяжестью.



Памятникъ Минину и Пожарскому на Красной площади.

Соборы, два монастыря и дворцовыя церкви придаютъ жизни Кремля празднично-религіозный колоритъ. Они привлекаютъ всѣхъ богомольцевъ и мѣстныхъ, и пришлыхъ. Архіерейскія службы въ царскіе дни и двунадесятые праздники, частыя празднованія святыхъ, во имя которыхъ воздвигнуты церкви или придѣлы, осматриваніе кремлевской святыни,—вотъ непрерывающаяся вереница картинъ на воздухѣ и внутри храмовъ и монастырей. Ночь на Свѣтлое Воскресеніе — самый живописный и торжественный моментъ въ жизни Кремля. Каждый годъ созываетъ онъ толпу въ нѣсколько тысячъ; она ждетъ на площадкѣ между соборами крестнаго хода вокругъ Успенскаго собора и перваго удара въ большой Ивановскій колоколъ. Иностранцы, и пріѣзжіе, и мѣстные, — охотники до впечатлѣній этой ночи. Кромѣ Рима, ни одинъ городъ Европы не сохранилъ такихъ характерныхъ преданій церковной торжественности, какъ Москва, и всего больше въ ночь на Свѣтлое Воскресеніе. Иллюминація Ивановской колокольни и соборовъ, могучій, почти подавляющій гулъ колоколовъ, золото ризъ и хоругвей, темный сводъ неба и внизу безчисленные огоньки Замоскворѣчья, гудящаго колоколами своихъ церквей и монастырей, вливаютъ въ каждаго торжественно-радостное настроеніе.

Въ будни, внѣ часовъ службы, вы найдете тишину и почти пустоту. Въ ясный день подъ Ивановской колокольней, въ тѣни, весной, лѣтомъ и осенью, приходятъ любители и настоящіе художники рисовать эскизы. Это невинное занятіе въ послѣднее время стали стѣснять изъ какихъ-то полицейскихъ соображеній.

И тутъ-же, въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ соборовъ и монастырей съ ихъ богомольцами, вечерней и утренней службой, пѣніемъ, ладономъ и пламенемъ восковыхъ свѣчъ, идетъ заурядная, скучная казенная жизнь пѣхотинцевъ, запертыхъ въ тяжелый бытъ казармъ. Арсеналъ живетъ еще скучнѣе и монотоннѣе; но сосѣдъ его, судъ, оживляетъ всю площадь

безпрестанной ѣздой «пролетокъ» (съ верхами, двухмѣстный экипажъ) и каретъ и ходьбой пѣшеходовъ съ утра до поздней ночи, когда засѣданіе затягивается. Правосудіе и государственная вѣра засѣли въ Кремлѣ, но живутъ и то и другая отдѣльно въ своихъ оградахъ. Со дня открытія новаго суда въ Кремль привлечено было гораздо больше общественныхъ силъ и теченій. Теперь всякому есть дѣло до суда: публикѣ, свидѣтелямъ, присяжнымъ, тяжущимся, адвокатамъ. Въ огромномъ зданіи, бокъ-о-бокъ, въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ сферахъ правосудія, копошатся, борятся, говорятъ, пишутъ сотни и тысячи людей.

Когда отойдутъ всенощныя, Кремль совсѣмъ почти умираетъ, кромѣ зданія суда. Ѣзда



Историческій музей. (Съ фотографіи).

идетъ боковая, отъ Спасскихъ или Никольскихъ воротъ къ Троицкимъ или Боровицкимъ. Дворцы и соборы засыпаютъ подъ отдаленный гулъ города. Но въ лунныя яркія ночи Кремль, хоть и безъ уличнаго движенія, встаетъ въ несравненной красѣ, и тогда его тишина охватываетъ васъ чисто-художественнымъ восторгомъ.

Не такъ живетъ Китай-городъ, этотъ истинный центръ Москвы въ теперешнемъ ея развитія и значеніи. Значеніе это, прежде всего, экономическое, торгово-промышленное и народно-бытовое. Безъ Китай-города, не было бы у Москвы ни денегъ, ни силъ идти дальше и развиваться, не привлекала бы она отовсюду, по шести желѣзнымъ путямъ, трудъ и капиталъ, не переработывала бы ихъ на свою потребу и на потребу всего русскаго государства.

Чтобы судить о крупныхъ размѣрахъ, какіе приняло это московское Сити въ послѣднія тридцать лѣтъ, надо побесѣдовать съ дѣловыми иностранцами, имѣющими съ Москвой постоянныя торговыя и промышленныя сношенія; только отъ нихъ мы можемъ услыхать настоящую оцѣнку того рынка, какой представляетъ собою Москва, а въ Москвѣ «городъ». Московскій «городъ» одинъ изъ первыхъ рынковъ Европы, рынокъ столько-же торговый, сколько производительный. «Городъ» можетъ посоперничать съ любымъ западнымъ центромъ—съ Ливерпулемъ, Манчестеромъ, Мюльгаузеномъ и съ такими чисто торговыми городами, какъ Марсель, Бордо, Гамбургъ, Любекъ, хотя у нея и нѣтъ ни приморскаго, ни рѣчного порта.

Красная площадь, отдѣляющая стѣны Кремля отъ Верхнихъ торговыхъ рядовъ и трехъ артерій «города»—Никольской, Ильинки и Варварки, наполняется съ ранняго утра жизнью, которая гораздо больше зависитъ отъ Китай-города, чѣмъ отъ Кремля. Движеніе экипажей и пѣшеходовъ несравненно сильнѣе вдоль площади къ Замоскворѣчью, и поперекъ къ торговымъ улицамъ, чѣмъ въ Спасскія и Никольскія ворота и обратно. Но на ней нѣтъ еще той ярмарочной ѣзды, толкотни, треску и шуму, скопленія всякаго рода интересовъ, какъ въ улицахъ и рядахъ «города». Такъ-называемые, «Новые торговые ряды» возвышаются на мѣстѣ прежняго «Гостинаго двора», заключая въ себѣ Верхніе и Средніе ряды.

Верхніе торговые ряды на Красной площади, открытые въ 1894 году, представляютъ выдающееся сооруженіе въ ряду торговыхъ помѣщеній не только Россіи, но и западной Европы. Площадь, занимаемая этими рядами, не считая Восточнаго проѣзда между Никольской и Ильинкой, раздѣлившаго ряды на два отдѣльныхъ участка, равняется 5,431 кв. саж. Зданія главнаго участка, занимая площадь въ 5,164 кв. саж., находятся подъ непрерывной крышей и представляютъ собою продольные пассажи между Ильинкой и Никольской, и 3 поперечные пассажа, между Красной площадью и Ветошнымъ рядомъ. Всего въ Верхнихъ рядахъ, въ подвальномъ и трехъ наружныхъ этажахъ, расположено свыше 1,000 магазиновъ, не считая помѣщеній въ антресоляхъ 2-го этажа—палатокъ, составляющихъ въ сущности еще цѣлый этажъ. Кромѣ торговыхъ помѣщеній, въ рядахъ имѣется нѣсколько большихъ залъ, могущихъ служить для различныхъ цѣлей, и одна огромная, въ два свѣта, вышиною въ 6 саж., зала надъ главнымъ входомъ, вмѣщающая болѣе 1,000 человѣкъ; двѣ другихъ расположены по сторонамъ первой. Надъ этими тремя залами поднимаются высокія крыши, въ русскомъ стилѣ, съ гребнями, причемъ средняя надъ главнымъ входомъ увѣнчана двумя башнями. Вся постройка рядовъ обошлась около 6 мил. руб. Построены они по проекту и подъ наблюденіемъ профессора архитектуры А. Н. Померанцева.

Средніе торговые ряды, между Ильинкой и Варваркой, построены по проекту и подъ наблюденіемъ архитектора Р. И. Клейнъ, на мѣстѣ старыхъ рядовъ, сломанныхъ вслѣдствіе ихъ крайней ветхости. По всѣмъ улицамъ, окружающимъ это сооруженіе, построенъ главный корпусъ, внутри же двора находятся 4 отдѣльныхъ; между ними оставлены четырехсаженные проѣзды. Два тѣсныхъ переулка, Черкасскій и Богоявленскій, идущіе отъ Никольской къ Ильинкѣ, всегда набитые пѣшеходами, обозами, легковыми извозчиками, вмѣщаютъ въ себѣ какъ-бы нервъ оптовой торговли и соединяютъ двѣ улицы, которыя придаютъ Китай-городу самую яркую окраску. Никольская ўже Ильинки, но зато жизнь ея скученнѣе, и по архитектурѣ зданій она характернѣе. Отъ одиннадцати до четырехъ жизнь кипитъ въ ней круглый годъ—и зимой, и лѣтомъ. Пріѣзжій петербуржецъ, никогда не бывавшій въ Москвѣ, попади онъ прямо въ Никольскую, хотя бы въ лѣтній день, въ жару, будетъ пораженъ этой кипучей городской жизнью. Въ Петербургѣ и на Невскомъ въ эти часы лѣтомъ сонно и малолюдно, а тутъ неумолкаемый гулъ и водоворотъ бойкой ярмарки. Никольская извивается неправильной линіей отъ Казанскаго собора до Владимірскихъ воротъ, и на всемъ своемъ протяженіи тѣшитъ взглядъ пріѣзжаго своими красками и сгущенностью бытовой жизни. Сначала идутъ лавки съ писчебумажнымъ, мѣднымъ, серебрянымъ, книжнымъ товаромъ и преры-



Здавіе Городской Думы. (Съ фотографіи).

ваются часовнями и воротами монастырей. По лѣвую руку выступаетъ нарядное, изящное зданіе синодальной типографіи свѣтло-голубого цвѣта, потомъ Славянскій базаръ — средоточіе движенія пріѣзжихъ туристовъ. Правѣе идутъ трехъ и четырехъ-этажные дома сплошной линіей, усѣянные вывѣсками, съ внутренними дворами, переполненными конторами и складами. Замыкается улица старинной церковью и аркой воротъ, откуда съ Лубянской площади видъ въ глубь Никольской—одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ, дающихъ вамъ и чувство исторической старины, и впечатлѣніе новой городской бойкости.

Ильинка шире, просторнѣе и богаче зданіями: Троицкаго подворья, банковъ и магазиновъ, выходящихъ на площадь передъ биржей. Жизни и движенія на ней такъ-же много, какъ и на Никольской, но они не такъ скучены, какъ на той улицѣ. Въ биржевые часы тутъ бьется пульсъ всей промышленной Россіи и всѣхъ крупныхъ сдѣлокъ съ заграницей. Въ магазинахъ въ нижнихъ и въ верхнихъ этажахъ капитальныхъ домовъ идетъ самая значительная розничная продажа отъ первыхъ мануфактурныхъ домовъ Москвы; въ банкахъ на самой Ильинкѣ, на площади и въ переулкѣ у Верхнихъ рядовъ съ утра до обѣда происходитъ приливъ и отливъ денежныхъ оборотовъ, питающихъ весь этотъ громадный торгово-промышленный рынокъ.

Сравнительно съ двумя первыми улицами Варварка живетъ тихо; на ней нѣтъ почти розничной торговли, за исключеніемъ самаго конца ея, тамъ, гдѣ ряды. Она больше проѣзжая улица, и въ архитектурномъ отношеніи физіономія ея не такъ опредѣленна и своеобычна, хотя и ей придаютъ колоритъ и ряды, и домъ бояръ Романовыхъ, и нѣсколько церквей. Внизу кроется Зарядье съ своими переулками и мелкой спекуляторской жизнью евреевъ и русскихъ барышниковъ. Этотъ кварталъ какъ-бы отдѣленъ своимъ низменнымъ положеніемъ отъ центральной жизни Китай-города.

Весь «городъ» сводится къ лавкѣ, складу, амбару, то-есть конторѣ, банкамъ съ биржей и къ трактиру, гдѣ за продолжительными закусками и распиваніемъ чая обработываютъ дѣла и внутреннія и международныя. Родъ утренней биржи устроился въ огромномъ ресторанѣ Сла-

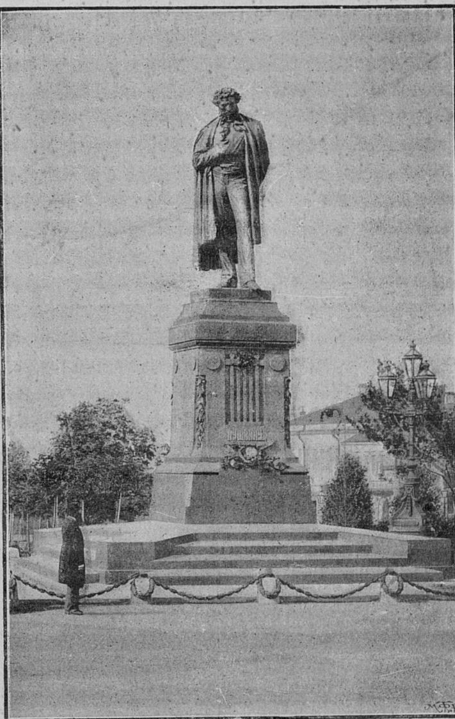
вянскаго базара, куда собираются биржевые маклера, иностранцы-контористы и пріѣзжіе, привлекаемые биржевой игрой; тамъ идутъ сдѣлки и переговоры отъ двѣнадцати до третьяго часа.

Вдоль стѣнъ, между Ильинкой и Никольской, захватывая и кусокъ пространства между Варварской и Ильинкой, расползся Толкучій рынокъ. Густая толпа выпираетъ и наружу, за стѣну, на Лубянскую площадь, покрываетъ часть бульвара, вдоль стѣны, и совсѣмъ наполняетъ ворота, выходящія на бульваръ. Отсюда вы видите только сплошную гущу народа; а изнутри, вдоль стѣны «города» расположился рядъ лавченокъ и столиковъ. Тутъ каждый день идетъ сутолока мелкаго торгашества. Все, что только есть у Москвы продажнаго—изъ старья и дешеваго ручного товара, стекается сюда. Честно заработанное или краденое найдетъ себѣ цѣну и покупщика. Тутъ-же и обжорный рядъ, съѣстныя и харчевушки подъ открытымъ небомъ или подъ навѣсомъ. Чай и сбитень, рыба, жареный картофель, похлебки на всякій вкусъ и на всякій карманъ мечутся въ носъ своими испареніями и привлекаютъ голодныхъ и зазябшихъ. Какихъ-какихъ типовъ не повстрѣчаете вы здѣсь. Вы ихъ найдете вѣрно изображенными на жанровой картинѣ московскаго художника В. Е. Маковскаго, изучавшаго, долгіе годы, весь этотъ сбродный людъ. Торговки, «носящіе» всякаго рода, татары, подгородные мужики и бабы, мелкіе кустари, промышляющіе шитьемъ платья и обуви,—толкутся съ ранняго утра до сумерекъ, торгуются, бьютъ по рукамъ, бранятся, останавливаютъ и зазываютъ покупателя—и всѣ вмѣстѣ сливаются въ одно живое тѣло, топчущееся на одномъ пространствѣ. Художнику и наблюдателю народной жизни—Толкучій дастъ матеріалу на десятки лѣтъ.

Стѣны Бѣлаго города давнымъ-давно не существуютъ; но все-таки каждый москвичъ повторяетъ названія мѣстностей и пунктовъ, показывающихъ, что когда-то и эта часть Москвы опоясана была крѣпкой оградой, а движеніе происходило исключительно черезъ различныя ворота. Вотъ эти-то «ворота» и приводятъ въ недоумѣніе пріѣзжихъ: воротъ никакихъ въ дѣйствительности не оказывается. Но то-же самое мы находимъ и въ западныхъ большихъ городахъ, въ Парижѣ и въ Вѣнѣ. И тамъ стѣны замѣнились бульварами или широкими улицами, а перекрестки остались на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде стояли ворота. Москва, въ этомъ смыслѣ, городъ—всего болѣе напоминающій западныя столицы естественнымъ ходомъ своего развитія, превращенія старыхъ формъ городской топографіи въ новыя. Бѣлый городъ легъ огромной подковой вокругъ Кремля и Китай-города, а бульвары отдѣлили его отъ Землянаго города. Неполный эллипсисъ бульваровъ вмѣщаетъ въ себѣ самую красивую, населенную и бойкую часть Москвы послѣ «города». Тутъ чисто-торговый и промышленный характеръ уже не такъ преобладаетъ. Образъ жизни обитателей этого пояса становится гораздо разнообразнѣе. Начиная съ ежедневной суеты Охотнаго ряда и базаровъ, бывающихъ на Театральной площади подъ стѣной Китай-города, и вплоть до тишины отдаленныхъ бульваровъ, ведущихъ къ Москвѣ-рѣкѣ, каждый кварталъ, всякое урочище, выражаясь по-московски, даетъ свою типическую ноту. Бѣлый-городъ заключаетъ въ себѣ и областной, административный центръ — Москву чиновную, земскую, учебную, художественную, литературную. И въ немъ раскинуто, здѣсь и тамъ, множество церквей, насчитывается до шести монастырей; но не они даютъ физіономію Бѣлому городу. Въ немъ есть нѣсколько центровъ общественной и умственной жизни.

Во-первыхъ университетъ, занимающій цѣлый большой кварталъ. Ни въ одномъ русскомъ городѣ, не исключая и Петербурга, университетъ не играетъ такой роли. Этого бы не было, еслибы Москва превратилась въ резиденцію: онъ навѣрное бы отошелъ тогда на задній планъ. Исторія московскаго университета, его славное прошлое, центральное положеніе Москвы, привлекающее каждый годъ толпы молодыхъ людей, сравнительная бѣдность общественной жизни въ городѣ—все это дѣлаетъ университетъ мѣстомъ, куда умственные интересы стягиваютъ гораздо больше, чѣмъ въ Петербургѣ, публику изъ всѣхъ слоевъ общества. Въ зданіяхъ Московскаго университета помѣщается нѣсколько ученыхъ обществъ, посѣщаемыхъ всегда довольно

усердно. Диспуты и торжественные акты, происходящіе въ аудиторіяхъ и въ большой залѣ стараго и новаго университетскихъ зданій, всегда дѣлаются въ Москвѣ нѣкотораго рода событіями. На актахъ, диспутахъ, пробныхъ и публичныхъ лекціяхъ вы находите гораздо болѣе разнообразную и оживленную публику, чѣмъ въ Петербургѣ или губернскихъ университетскихъ городахъ. Нѣсколько тысячъ студентовъ населяютъ окрестныя улицы и переулки и придаютъ уличному движенію своеобычный оттѣнокъ. Зданія университетовъ, и новаго и стараго, на видъ тяжеловаты и въ послѣдніе годы какъ-бы запущены. Памятникъ Ломоносову, стоящій въ садикѣ передъ новымъ университетомъ, не скрашиваетъ фасада; его пьедесталъ, несообразно высокій для бюста,—крайне неудаченъ. Новый университетъ такъ и остался съ своей наружностью стариннаго барскаго дома. Старый, заложенный въ 1786 г., нѣсколько типичнѣе по своей архитектурѣ. Въ послѣдніе годы въ московскомъ университетѣ произошелъ длинный рядъ капитальнѣйшихъ улучшеній, совершенно даже переродившихъ его въ научномъ отношеніи. Прежде всего сооружено новое университетское зданіе. Затѣмъ клиники съ Рождественской постепенно перенесены на Дѣвичье поле, гдѣ образовался цѣлый рядъ медицинскихъ клиникъ по разнымъ спеціальностямъ, наилучшимъ образомъ обставленныхъ въ научномъ отношеніи. Одновременно съ этимъ стали возводиться зданія института физіологіи и гистологіи и аудиторіи медицинской химіи въ чертѣ построекъ стараго университета. Улучшенія, однако, не ограничились однимъ медицинскимъ факультетомъ. Въ 1897 году было приступлено къ постройкѣ новаго зданія, спеціально приспособленнаго для нуждъ университетской библіотеки. Оно вчернѣ уже готово, увѣнчано куполомъ надъ читальною залою и считается украшеніемъ Москвы. Наконецъ, сломанъ длинный корпусъ стараго университета, и на его мѣстѣ, а также и на мѣстѣ старыхъ службъ, сооружаются зданія учебно-вспомогательныхъ учрежденій, какъ-то: музеевъ, институтовъ, кабинетовъ, лабораторій и проч.

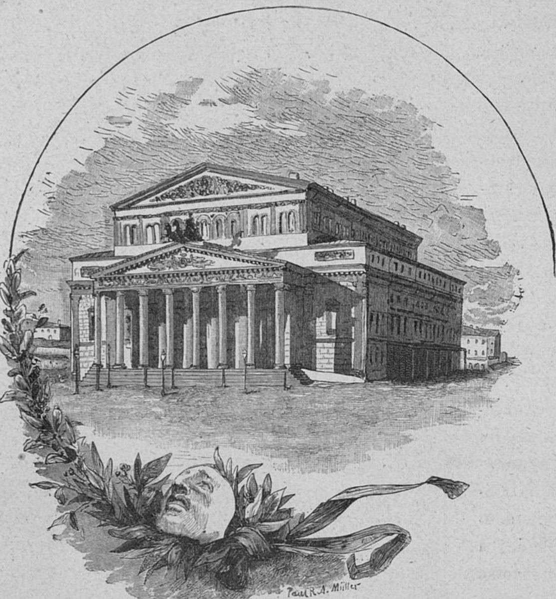


Памятникъ Пушкину въ Москвѣ.

Дополненіемъ къ университету, какъ средоточію научныхъ и высшихъ нравственныхъ интересовъ Москвы, служитъ музей. Онъ и стоитъ въ той-же мѣстности. Прекрасный домъ Пашкова, продуктъ старо-барскаго московскаго быта, точно нарочно былъ построенъ для того, чтобы вмѣщать въ себѣ научныя и художественныя собранія и быть публичной библіотекой Москвы. Румянцевскій музей (въ Москвѣ его просто называютъ музей) уступаетъ, конечно, въ очень многомъ петербургской Публичной библіотекѣ и Эрмитажу, но удовлетворяетъ своей цѣли. Его книгохранилище—на половину московскаго происхожденія въ той его долѣ, которая образовалась изъ такъ называемой Чертковской библіотеки. Работать тамъ можно по разнымъ отраслямъ научной и художественной литературы, какъ ни въ одномъ изъ русскихъ городовъ, кромѣ Петербурга. Художественныя и научныя собранія составлены такъ, что отвѣчаютъ на

разнообразныя потребности любознательности и эстетическаго вкуса. Въ галлерею картинъ вошли коллекціи: графа Румянцева, эрмитажная, Прянишниковская галлерея съ пожертвованіями другихъ лицъ, древности, бывшія прежде въ Эрмитажѣ, этнографическій отдѣлъ, оставшійся послѣ Политехнической выставки, минералогическій кабинетъ, собраніе христіанскихъ древностей и собраніе копій съ произведеній скульптуры.

Нельзя сказать, чтобы Румянцевскій музей былъ посѣщаемъ такъ, какъ научныя и художественныя хранилища западной Европы, но все-таки умственные и эстетическіе интересы растутъ и развиваются въ массѣ, число посѣтителей увеличивается съ каждымъ годомъ, въ читальнѣ всегда много работающихъ, а библіотека Румянцевскаго музея сослужитъ хорошую службу русской наукѣ, особенно въ такомъ городѣ, какъ Москва, гдѣ сохраняются традиціи научныхъ стремленій, гдѣ не рѣдкость встрѣтить людей, посвящающихъ свою жизнь на тихій трудъ изслѣдователей.



Большой театръ.

Съ именемъ другого русскаго вельможи, любителя искусствъ и древностей, связано для москвичей пользованіе очень цѣннымъ, хотя и немногочисленнымъ собраніемъ картинъ, антиковъ и разнообразныхъ произведеній декоративныхъ. Это — Голицынскій музей, помѣщающійся около храма Спасителя. Кромѣ картинной галлереи и коллекціи фарфора, бронзы, гобеленовъ, мебели, въ немъ небольшая, но богатая рѣдкими книгами библіотека; къ сожалѣнію, пользованіе ею ограничено двумя днями въ недѣлю, когда открыты всѣ коллекціи музея, и то не круглый годъ, а съ осени до лѣта. Въ Голицынскомъ музеѣ всякій получаетъ яркое представленіе о цѣлой полосѣ русской и московской барской жизни, принесшей съ собою, безспорно, тонкое общеніе съ результатами и сокровищами западной цивилизаціи. И этотъ музей, болѣе, такъ сказать, интимный, и Румянцевскій, отвѣчающій уже размѣрамъ и программѣ общедоступнаго хранилища, свидѣтельствуютъ о томъ времени, когда лучшіе, самые просвѣщенные вельможи, люди родовитые и высоко поставленные, умѣли употреблять свои досуги и большія матеріальныя средства на пріобрѣтеніе всего, чѣмъ красится и возвышается жизнь, съ цѣлью жертвовать все это «на благое просвѣщеніе», какъ значится на девизѣ, оставленномъ графомъ Румянцевымъ и написанномъ на фасадѣ дома Пашкова, по Знаменкѣ.

Другой эпохой и другими сторонами человѣческаго прогресса, научныхъ и практическихъ пріобрѣтеній дышитъ музей прикладныхъ знаній на Лубянской площади, посвященный политехникѣ во всѣхъ ея отрасляхъ и развѣтвленіяхъ. Въ 1882 году музей этотъ праздновалъ свое десятилѣтіе. Онъ основанъ былъ 30-го ноября 1872 г., послѣ политехнической выставки, давшей вообще промышленной и умственной жизни Москвы новый толчокъ. Музей приклад-

ныхъ знаній происхожденіемъ своимъ обязанъ уже не затратамъ одного какого-нибудь вельможи, а совокупной дѣятельности нѣсколькихъ ученыхъ обществъ, главнымъ образомъ «Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи», почину и энергической дѣятельности цѣлаго ряда лицъ: профессоровъ, администраторовъ, коммерсантовъ, промышленниковъ, технологовъ, земцевъ. Московская дума поддержала весьма горячо мысль объ его устройствѣ, и самая политехническая выставка 72-го года была главнымъ образомъ устроена для осуществленія музея, который и воспользовался всѣмъ почти матеріаломъ, оставленнымъ послѣ нея. Правительство съ своей стороны пожертвовало пятьсотъ тысячъ рублей изъ суммъ государственнаго казначейства для возведенія зданія музея. Послѣ закрытія политехнической выставки 1872 года, было приступлено къ устройству музея, частныя пожертвованія не заставили себя ждать, и на нихъ то и были произведены первоначальныя работы, расходы по перевозкѣ и установкѣ коллекцій и найму помѣщенія, которое было временно отыскано въ Яхтъ-клубѣ, на Пречистенкѣ, въ домѣ Степанова, такъ что три мѣсяца послѣ закрытія политехнической выставки былъ уже открытъ музей въ первоначальномъ своемъ видѣ.



Часть Кремля у Красной площади.

Теперешнее зданіе, красивое и типичное по своей архитектурѣ, въ русскомъ стилѣ, возведенное на Лубянской площади, на землѣ, пожертвованной городской думой, построено по проектамъ профессора Монигетти—для фасада и архитектора Шихина—для внутренняго размѣщенія. Оно обошлось въ пятьсотъ тринадцать тысячъ рублей. Распредѣленіе коллекцій и дѣленіе музея на отдѣлы въ новомъ зданіи было удержано то-же самое, какое было принято и во временномъ помѣщеніи. Всякій, посѣщающій этотъ, въ полномъ смыслѣ слова европейскій и прекрасный музей, будетъ пріятно пораженъ его размѣрами, красотой внутренняго расположенія, богатствомъ и разнообразіемъ коллекцій. Всѣхъ отдѣловъ одиннадцать: рѣчного и морского судостроенія; минералогическій, горнозаводскій и техническій; архитектурный; почтовой техники; туркестанскій; сельско-хозяйственный; лѣсной; скотоводства; прикладной зоологіи; прикладной физики и учебныхъ пособій. Музей занимаетъ всѣ три этажа; обозрѣвать его чрезвычайно удобно: широкая лѣстница, просторныя залы, площадки, переходы, — все это облегчаетъ каждому усталость, неразлучную при обозрѣніи музеевъ, и на всемъ лежитъ печать большой старательности, вкуса и любви къ дѣлу.

Въ музеѣ помѣщаются: обширная аудиторія для публичныхъ лекцій и засѣданій, зала для

засѣданій комитета и другая, гдѣ читались лекціи бывшихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Въ большой аудиторіи бываютъ по воскресеньямъ въ пять часовъ народныя чтенія съ туманными картинами. Входъ на нихъ безплатный. Аудиторія заключаетъ въ себѣ до пятисотъ мѣстъ и всегда посѣщается чрезвычайно охотно самой разнообразной публикой, преимущественно простыми людьми. Эта сторона дѣятельности музея связываетъ его съ умственною жизнью всего московскаго населенія, и онъ же даетъ у себя гостепріимство нѣсколькимъ ученымъ обществамъ. Коллекціи музея посѣщаются очень охотно—въ иные дни безплатно, въ другіе за плату въ пятнадцать копѣекъ. Со временемъ музей сдѣлается вполнѣ народнымъ мѣстомъ практическаго просвѣщенія, общедоступнымъ источникомъ множества познаній, которыя помогутъ трудовой массѣ выбиваться на дорогу менѣе тяжкаго труда.

Почину частныхъ людей обязанъ своимъ основаніемъ и другой художественно-промышленный музей на Мясницкой, рядомъ съ Почтамтомъ, гдѣ каждый любитель древней и новой орнаментаціи найдетъ богатыя собранія всевозможныхъ образцовъ стараго русскаго искусства, архитектурныхъ украшеній, иконописи и всякаго рода издѣлій, относящихся къ орнаментаціи, вмѣстѣ съ рукописями древне-русскими и греческими, которыя представляютъ также художественный интересъ.

Центръ движенія Мясницкой—Почтамтъ и Главный телеграфъ. Они гораздо больше на виду, чѣмъ такія же зданія и вѣдомства въ Петербургѣ. Обширный дворъ съ маленькимъ садикомъ придаетъ Почтамту менѣе казенный видъ. Тутъ вдоль рѣшетки и у обоихъ воротъ всегда очень бойко въ дообѣденные часы. Кто пожелалъ бы зайти въ часы полученія и выдачи заказной и денежной корреспонденціи,—увидалъ-бы, до какой степени торгово-промышленные интересы господствуютъ въ Москвѣ. Сотни артельщиковъ являются по нѣскольку разъ въ день отъ крупныхъ фирмъ, банковъ, конторъ, складовъ и амбаровъ — забирать почту въ особомъ шкапу, гдѣ она распредѣляется въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ. Артельщики отпираютъ ихъ и уносятъ почту. И въ Почтамтѣ и на главной телеграфной станціи въ публикѣ преобладаютъ купецъ и трудовой простолюдинъ.

А черезъ улицу, на углу Юшкова переулка, стоитъ домъ старой барской архитектуры, съ закругленнымъ фасадомъ: «Училище живописи, ваянія и зодчества», основанное Обществомъ любителей русскаго искусства и развившееся теперь въ цѣлую академію. Его жизнь проходитъ гораздо скромнѣе, чѣмъ офиціальное существованіе петербургской Академіи; у него нѣтъ и десятой доли тѣхъ средствъ; но Училище сослужило уже добрую службу русскому искусству, въ особенности ландшафтной, жанровой и портретной живописи. Стоитъ только назвать такія имена, какъ Шишкинъ, Перовъ, Рѣпинъ, братья В. и К. Маковскіе — всѣ вышедшіе изъ московскаго училища. Москва своей исторіей и теперешнимъ бытомъ вызываетъ въ молодыхъ художникахъ интересъ къ картинамъ старой московской жизни и къ характерному бытовому жанру. Училище приподняло художественный уровень Москвы. Оно находило и находитъ до сихъ поръ, въ средѣ богатыхъ людей, тѣхъ охотниковъ и покровителей, безъ которыхъ всякое искусство заглохнетъ на первыхъ порахъ. Выставки, бывающія въ залахъ Училища, оживляютъ еще болѣе эту часть Мясницкой.

Центръ губернскаго и областного города это домъ генералъ-губернатора на Тверской — большой ящикъ тяжелой архитектуры первой четверти девятнадцатаго столѣтія, бывшій барскій домъ, оставшійся безъ измѣненія въ своемъ фасадѣ. Сюда стекается все, что имѣетъ дѣло до хозяина старой столицы, а дѣло имѣетъ каждый, кто занимаетъ какой-нибудь постъ или просто живетъ зиму въ Москвѣ. Генералъ-губернаторское мѣсто пріобрѣло здѣсь особое значеніе. Преданія москвичей соединяютъ съ этимъ постомъ гостепріимство, мягкое, благодушное отношеніе ко всѣмъ сторонамъ московской жизни, участіе и поддержку всему, что заслуживаетъ вниманія, сочувствія и помощи: въ благотворительномъ-ли мірѣ, въ дѣлахъ-ли городскихъ и общественныхъ, по школамъ, всякаго рода заведеніямъ, по искусствамъ, по удоволь-

ствіямъ столицы. Теперешній хозяинъ Москвы пріобрѣлъ огромную популярность своимъ мягкимъ, просвѣщеннымъ отношеніемъ къ интересамъ города, своей постоянною связью съ его будничной и праздничной жизнью. Воскресные пріемы, вечера, рауты и балы въ парадныхъ покояхъ генералъ-губернаторскаго дома даютъ каждому проѣзжему, въ особенности иностранцу, полное понятіе о томъ, изъ кого состоитъ общество Москвы, какъ въ ней веселятся зимой, какой тонъ господствуетъ въ ея свѣтскихъ кружкахъ.

Домъ генералъ-губернатора оживляетъ и уличное движеніе Тверской, и безъ того одно изъ самыхъ значительныхъ въ Москвѣ. Эта улица вобрала въ себя разныя характерныя стороны московскаго быта. Пріѣзжіе изъ провинціи, помѣщики, купцы, служащій людъ—считаютъ до сихъ поръ Тверскую тѣмъ, что Невскій для Петербурга; и въ самомъ дѣлѣ, кромѣ того, что на ней находится домъ, стягивающій къ себѣ интересы всѣхъ, кто занимаетъ какое-нибудь положеніе, вы найдете на ней и непрерывный рядъ магазиновъ и лавокъ, разсчитанныхъ главнымъ образомъ на потребности пріѣзжающихъ, и цѣлый рядъ отелей и меблированныхъ комнатъ, отъ самыхъ невзрачныхъ до первоклассныхъ, и меблированные дома (какъ извѣстный домъ Варгина на площади, наискосокъ дома генералъ-губернатора), гдѣ богатые пріѣзжіе: помѣщики, коммерсанты, петербургскіе сановники, знатные иностранцы снимаютъ цѣлыя меблированныя помѣщенія. Портные и модистки, кондитерскія и пекарни, зубные врачи, конторы нотаріусовъ пестрятъ своими вывѣсками снизу до верху улицы, поднимающейся на крутой изволокъ отъ Охотнаго ряда до Тверскихъ воротъ. Если смотрѣть на Тверскую снизу, напр., изъ оконъ Лоскутной гостиницы, принадлежащей также къ жизни и движенію Тверской, она въ ясный зимній или осенній день, между одиннадцатью и двумя часами, чрезвычайно бойка и своеобразна. Ее видно вплоть до сгиба, на углу котораго стоитъ ярко окрашенный домъ съ закругленнымъ фасадомъ. Движущіяся вверхъ и внизъ крытыя пролетки московскихъ извозчиковъ придаютъ ей сходство съ бойкими неаполитанскими улицами, гдѣ у извозчиковъ небольшіе фаэтоны, напоминающіе наши крытыя дрожки. Нижняя половина Тверской, до подъема, то-есть до Генералъ-губернаторской площади, сохраняетъ еще прежній свой



У иковы Василія Блаженнаго въ Москвѣ.

видъ; тутъ главная скученность столичной улицы, живущей пріѣзжими. По ту сторону площади Тверская превращается въ нарядную, совершенно европейскую улицу, обновившую себя въ послѣдніе десять лѣтъ. Сначала идетъ мостовая новаго устройства, кирпичиками, а потомъ и асфальтъ, смягчающій трескотню дрожекъ. Тутъ всѣ дома или новые, или подновленные, съ щеголеватыми фасадами, съ франтовской отдѣлкой магазиновъ. Дома г. Малкіеля (въ одномъ изъ нихъ еще недавно помѣщался Пушкинскій театръ) скрасили бы любую европейскую улицу, и у выѣзда къ Тверскимъ воротамъ возвышается теперь огромный отель съ угловой круглой башней, выросшій изъ весьма невзрачнаго дома.

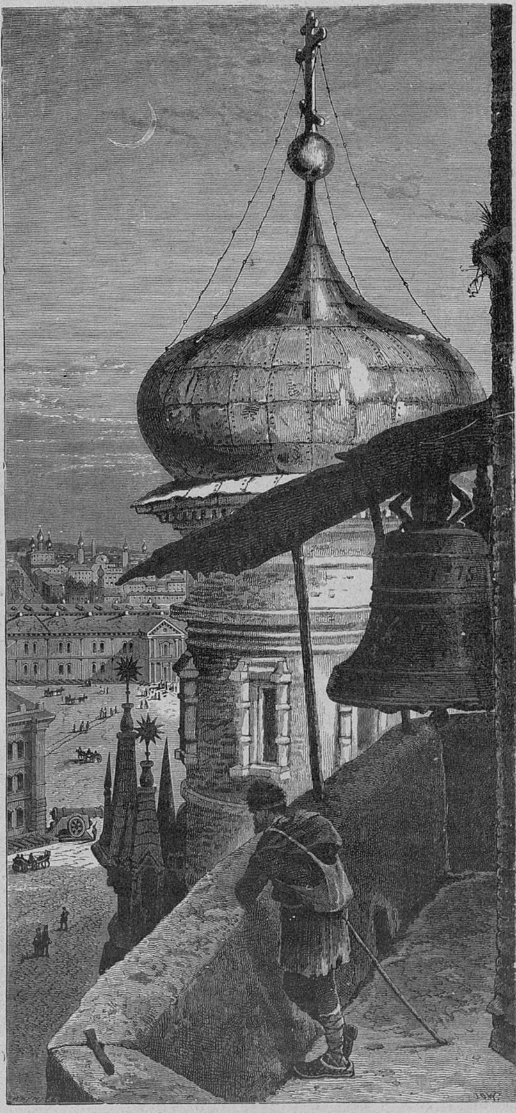
Охотный рядъ—естественное продолженіе Тверской по характеру своего быта. Впрочемъ, въ послѣдніе годы часть задней половины лавокъ Охотнаго ряда перестроена за-ново и освѣщена электричествомъ. Со времени-же коронаціи, электрическое освѣщеніе введено и по всей Тверской улицѣ. Низменные ряды, обставляющіе эту продолговатую площадь, ждутъ совершенной перестройки, какъ и Гостиный дворъ съ его азіатскими лавченками и проходами. Охотный рядъ до сихъ поръ на половину первобытный базаръ; только снаружи лавки и лавченки немножко прибраны, а на дворахъ, на задахъ лавокъ, въ подвалахъ и погребахъ—грязь, зловоніе, тѣснота! Но истый москвичъ безъ покупокъ въ Охотномъ ряду обойтись не можетъ. Пріѣзжій, если посвятитъ Охотному ряду хоть одно утро, увидитъ, какъ закупаетъ свою провизію достаточная Москва. Четыре времени года смѣняются въ формѣ разнообразнѣйшей живности, зелени, рыбы, которая пускаетъ свою струю въ общій запахъ Охотнаго ряда.

Ни въ одной столицѣ Европы рынокъ, и такой первобытный, какъ Охотный рядъ, не находится рядомъ съ центромъ самыхъ изящныхъ удовольствій, какъ въ Москвѣ. Прямо противъ рядовъ съ ихъ Русскимъ трактиромъ, гдѣ знаменитые егоровскіе блины, стоитъ домъ Россійскаго благороднаго собранія, выходящій своимъ нѣсколько неуклюжимъ, въ александровскомъ стилѣ, фасадомъ на Охотный рядъ и поднимающійся вверхъ по Большой Дмитровкѣ. Вся почти увеселительная жизнь Москвы (за исключеніемъ дома генералъ-губернатора и театровъ) проходитъ въ этомъ зданіи. Ни одно мѣсто въ Петербургѣ не имѣетъ подобнаго общенароднаго значенія. Сословный характеръ еще сохраняется въ извѣстныхъ случаяхъ за Благороднымъ собраніемъ, но оно давнымъ-давно сдѣлалось мѣстомъ общедоступныхъ, всесословныхъ сборищъ. Въ зимній сезонъ по нѣскольку разъ въ недѣлю, а то и каждый вечеръ, залы Благороднаго собранія освѣщаются для вечеровъ, маскарадовъ, концертовъ. Пріѣздъ и разъѣздъ наполняютъ Охотный рядъ, часть Театральной площади и устье Большой Дмитровки шумнымъ движеніемъ экипажей. Это движеніе распространяется дальше, потому что тутъ же на Театральной площади цѣлыхъ три театра. Эта скученность очень выгодна въ театральной промышленности, опять-таки неизвѣстной Петербургу въ такой степени, какъ Москвѣ.

Большой театръ (старожилы до сихъ поръ еще называютъ его Петровскимъ) положительно одинъ изъ самыхъ величавыхъ во всей Европѣ; онъ уступаетъ, конечно, богатству архитектурной орнаментаціи новой парижской оперы, но стоитъ онъ красивѣе, производитъ сразу впечатлѣніе всей своей массой и пріятной стройностью очертаній. Онъ настолько великъ и внушителенъ, что даже не теряется отъ огромнаго плаца. Москвичи съ гордостью говорятъ всегда о своемъ Большомъ театрѣ, о его внѣшности и прекрасной, богатой зрительной залѣ, оставляющей позади себя залу петербургскаго Большого театра. Даже помимо того, что дается на сценѣ, зала эта можетъ прельстить каждаго туриста, въ какихъ бы западныхъ театрахъ онъ ни побывалъ. Большой московскій театръ вмѣстѣ съ Малымъ послужилъ доблестно дѣлу русскаго искусства, пріобрѣлъ особое цивилизующее значеніе для всей внутренней Россіи. Въ теченіе цѣлаго почти столѣтія Петровскій театръ, превратившійся въ теперешній Большой, развивалъ въ москвичахъ и во всѣхъ заѣзжихъ изъ провинціи художественные вкусы, давалъ имъ на понятномъ для нихъ языкѣ произведенія европейской оперной музыки, хореографіи и драматической поэзіи. До послѣднихъ годовъ на Большомъ театрѣ давались, кромѣ оперъ и

балетовъ, и драматическіе спектакли. Прежде они были тамъ обязательны, и не такъ еще давно, какихъ-нибудь двадцать-пять, тридцать лѣтъ назадъ (когда въ Маломъ театрѣ играли двѣ труппы, русская и французская), по извѣстнымъ днямъ, нѣкоторыя пьесы, какъ, напр., шекспировскія, давались непремѣнно въ Большомъ.

Зданіе Малаго театра до сихъ поръ стоитъ въ первоначальномъ видѣ частнаго обывательскаго дома, случайно превратившагося въ театръ. Зданіе его совсѣмъ не скрашиваетъ площади и составляло еще два года тому назадъ одно изъ крыльевъ площади, распланированной по соображеніямъ тогдашняго начальства, любившаго казенную симметричность. Да и внутри Малый театръ тѣсенъ, бѣдной отдѣлки, со множествомъ неудобствъ. Но это не мѣшаетъ ему притягивать къ себѣ публику и въ теченіе всего сезона оживлять, на ряду съ Большимъ, свою половину Театральной площади, соперничая съ сосѣдомъ своимъ, новымъ театромъ г. В. М. Лентовскаго, превращеннымъ изъ помѣщенія бывшаго артистическаго кружка. Съ нынѣшняго сезона здѣсь устроенъ «Новый» казенный драматическій театръ. Въ бывшемъ второмъ частномъ русскомъ театрѣ теперь помѣщается кафе-шантанъ Омона. Фасадъ этого театра нельзя назвать вполнѣ удачнымъ, но выстроенъ онъ со всѣми затѣями и приманками новыхъ театральныхъ зданій на западѣ. Второй частный театръ, Русскій, помѣщающійся въ Каммергерскомъ переулкѣ, очень оживляетъ его вечеромъ и горитъ электрическимъ свѣтомъ. Позади Большого театра кишатъ магазины Петровки, Кузнецкаго и нѣсколькихъ пассажей. Вся часть Петровки, до Петровскихъ линій, съ Кузнецкимъ и Столешниковымъ переулкомъ, переполнена модной торговлей иностранцевъ; это какъ-бы московскій Парижъ съ прибавкой Вѣны, Берлина, Варшавы. Петровскія линіи еще недавно были предметомъ любопытства всѣхъ пріѣзжихъ. Два богато отстроенныхъ корпуса, асфальтовая мостовая, электрическое освѣщеніе, теперь прекратившееся, магазины, рестораны — все это дѣлало



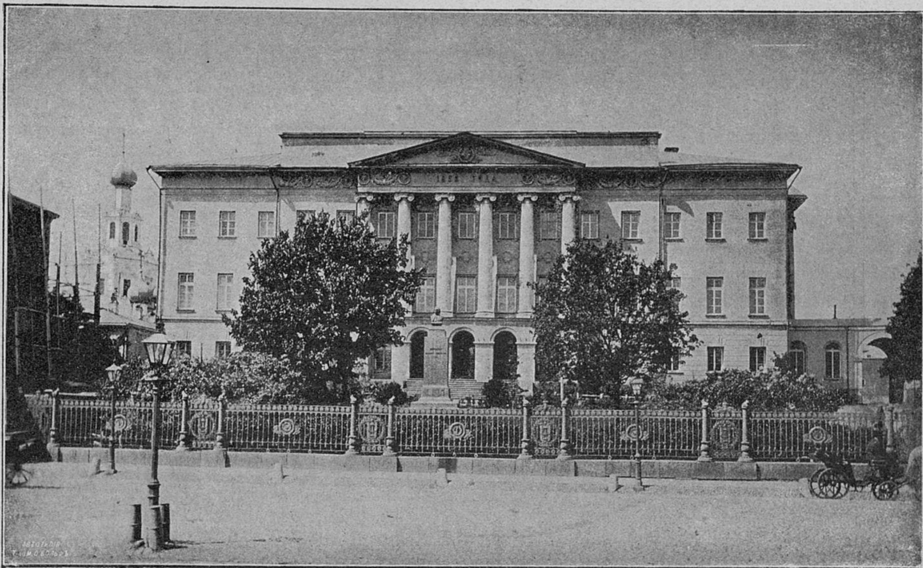
Видъ съ колокольни Ивана Великаго.

изъ Петровскихъ линій уголокъ настоящей Европы. Здѣсь-же, вмѣсто прежнихъ плохихъ торговыхъ бань («Сандуновскихъ»), теперь возвышается величественное зданіе громаднаго размѣра, съ роскошными магазинами. Задняя же часть этого зданія отведена подъ бани, роскошно устроенныя.

Кузнецкій мостъ живетъ еще своей прежней репутаціей. Всякій туристъ, когда попадетъ на него, не можетъ не удивляться, что такая неудобная, мало проѣзжая улица, идущая по довольно крутому пригорку, сдавленная съ обѣихъ сторонъ, сдѣлалась самымъ моднымъ пунктомъ Москвы. Но въ послѣдніе годы Кузнецкій мостъ постепенно застраивается большими домами красивой архитектуры. Движеніе по нему экипажей и публики весьма оживленное въ теченіе цѣлаго дня.

Для прогулокъ есть у москвичей бульвары. И въ зимнее и въ лѣтнее время только по бульвару и можно гулять, какъ понимаетъ это петербуржецъ, у котораго есть нѣсколько улицъ съ благоустроенными тротуарами. Москвичъ лишенъ этого. Самымъ людным бульваромъ, зимой и лѣтомъ, остается, попрежнему, Тверской (теперь Пушкинскій); но все-таки-же онъ сравнительно поупалъ съ тѣхъ поръ, какъ не существуетъ на немъ кофейни. Памятникъ Пушкину придалъ площади, предъ бульваромъ, больше привлекательности. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, въ извѣстные часы, Тверской бульваръ былъ мѣстомъ прогулки барскаго общества. Теперь оно перекочевало больше на Пречистенскій и отчасти на Никитскій; Страстной и Петровскій бульвары, по составу публики, уже гораздо попроще, а въ вечерніе часы, особенно лѣтомъ, всѣ эти бульвары, не исключая и Тверского, не считаются совсѣмъ приличными по своимъ нравамъ, такъ-же какъ Рождественскій и Срѣтенскій. На Чистыхъ Прудахъ гуляютъ степенные обыватели, бонны и гувернантки съ дѣтьми. Чистые Пруды или, правильнѣе, одинъ прудъ, давно уже не отличаются чистотой, напротивъ, въ лѣтніе мѣсяцы прудъ покрытъ бываетъ плѣсенью. По обѣимъ сторонамъ болѣе барскихъ бульваровъ, Пречистенскаго, Никитскаго и Тверского, въ дообѣденные часы, любители скорой ѣзды пускаютъ своихъ рысаковъ; но такой ѣзды, къ какой привыкъ петербуржецъ въ самые бойкіе часы, по Невскому и по Большой Морской, которая бы въ одно и то-же время была и катаньемъ, вы не замѣтите ни на одной улицѣ, за исключеніемъ Мясницкой. Купеческія коляски, а зимой парныя сани мчатся вверхъ и внизъ по этой самой шумной московской улицѣ, если не считать Никольской и Ильинки. Трескотня дрожекъ идетъ съ ранняго утра до позднихъ часовъ, такъ какъ по Мясницкой ѣдутъ на желѣзныя дороги и оттуда. Улица эта, бывшая когда-то, лѣтъ пятьдесятъ назадъ, барской, въ родѣ Поварской или Пречистенки, превратилась почти исключительно въ торгово-конторскую. Она только на половину принадлежитъ къ бѣлому городу, точно такъ-же какъ и нѣсколько другихъ лучшихъ московскихъ улицъ, каковы: Никитская, Поварская, Пречистенка, Тверская, Срѣтенка, Моросейка, превращающаяся къ Покровку. Всѣ онѣ пересѣкаютъ линіи бульваровъ и захватываютъ отрѣзки между бульварами и Садовой. Главное ихъ протяженіе находится въ Земляномъ городѣ.

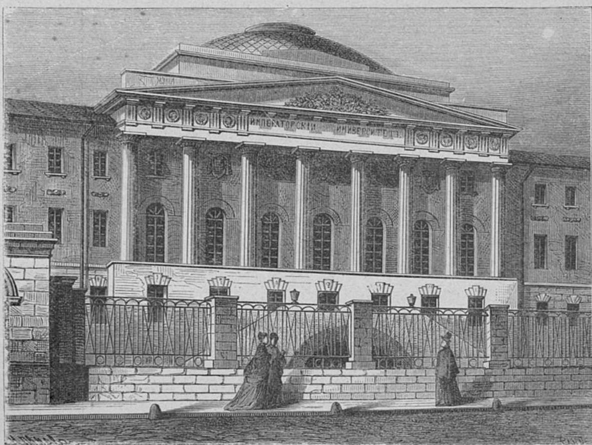
Это заглавіе осталось обязательнымъ въ описаніяхъ Москвы, но въ дѣйствительности никто никогда не думаетъ ни о какомъ Земляномъ городѣ и не замѣчаетъ даже, что шелъ вдоль этого сегмента Москвы, превратившагося въ Садовую. Пріѣзжаго поражаетъ, когда онъ сдѣлаетъ много концовъ въ теченіе одного дня, то, что безпрестанно ему случается пересѣкать Садовую или ѣхать вдоль ея отрѣзковъ. Эта улица, сама по себѣ, представляетъ уже, по крайней мѣрѣ, одну пятую протяженія Москвы, и она, вмѣстѣ съ пространствомъ, заключеннымъ между нею и бульварами, сохраняетъ, до сихъ поръ, всего болѣе помѣщическо-обывательскій характеръ Москвы. Тотъ конецъ Земляного города, который начинается отъ храма Спаса съ Остоженки вплоть до Тверскихъ воротъ—настоящее дворянское гнѣздо, хотя въ послѣдніе годы на всѣхъ старо-дворянскихъ улицахъ, на бульварахъ, въ переулкахъ купцы накупили и настроили множество домовъ. Всѣ эти мѣстности живутъ довольно тихо, исключая



Новое здавіе университета съ памятникомъ Ломоносова.

Арбата, который представляетъ изъ себя нѣчто среднее между дворянской и купеческо-лавочной улицей. По близости Арбата, около Арбатскихъ воротъ, въ Филипповскомъ переулкѣ, очень тихомъ, мало проѣзжемъ, стоитъ трехъэтажный благообразный домъ. Только мѣстные обыватели знаютъ, что это студенческое общежитіе, существующее съ 1880 года. Оно основано почетнымъ гражданиномъ Лепешкинымъ и пожертвовано имъ университету. До сихъ поръ оно первое въ исторіи московскаго студенческаго быта, послѣ уничтоженія общежитія казенныхъ студентовъ. Въ будни домъ этотъ живетъ тихой, почти монастырской жизнью. Въ праздники, по вечерамъ, особенно въ зимнее время, собирается много молодого народа на вечеринки. Общежитіе устроено на сорокъ студентовъ, имѣетъ столовую (очень просторную залу, гдѣ могутъ бесѣдовать, заниматься музыкой и танцовать до 200 человѣкъ), библіотеку и цѣлый рядъ небольшихъ комнатъ въ одну и двѣ кровати. Студенты пользуются безвозмездно полнымъ содержаніемъ, могутъ работать и у себя, и въ библіотекѣ, предаваться занятіямъ съ полной обезпеченностью. Домъ содержится въ большомъ порядкѣ, благодаря теплому, сочувственному отношенію учредителя, состоящаго членомъ комитета. Посѣтить это общежитіе пріятно для каждаго, особенно для москвича, любящаго свой городъ. Оно показываетъ воочію, какъ, въ послѣднее время, богатые люди изъ купеческаго сословія стали разумно употреблять свои денежныя сбереженія и барыши. Есть на Арбатѣ и барскіе дома, но общій характеръ подходитъ скорѣе къ Мясницкой, чѣмъ къ такимъ улицамъ, какъ, напр., Поварская, хранящая до сихъ поръ типъ настоящей барской улицы, съ особняками, безъ магазиновъ и вывѣсокъ и почти безъ всякаго дѣлового движенія. Въ безчисленныхъ, болѣе или менѣе кривыхъ и загнутыхъ переулкахъ этихъ мѣстностей, обстроенныхъ больше деревянными одноэтажными домиками, происходитъ обывательское прозябаніе. Тутъ держится бокъ-о-бокъ мелкій дворянскій и чиновничій людъ, отставные всякаго рода, доживающіе свой вѣкъ старухи и старики, кое-гдѣ мѣщанство и небогатое купечество. Большая Никитская, все равно что Арбатъ, имѣетъ двойственную физіономію и съ каждымъ годомъ становится все бойчѣе, покрывается лавками

и магазинами. Для молодежи, учащейся музыкѣ, она — центръ: на ней стоитъ консерваторія. Для консерваторіи выстроено огромное зданіе, съ особенною залою симфоническихъ концертовъ. Часть этого зданія, съ помѣщеніемъ для классовъ, освящена въ сентябрѣ 1898 года. Кусокъ между Малой Никитской и Тверской, съ урочищемъ Козихой, съ кривыми, очень заселенными, но бѣдно обстроенными переулками, кишитъ всякимъ небогатымъ людомъ: учащейся молодежью, мелкими служащими, мастеровыми, мѣщанами, мастерскими женскихъ рукодѣлій. Тутъ селятся и держатся всѣ тѣ, кому нельзя забираться въ окраины. Но, перейдя черезъ Тверскія ворота, вы на Малой Дмитровкѣ очутитесь опять въ барской Москвѣ. Эта улица одна изъ самыхъ красивыхъ, чистыхъ, широкихъ и съ постоянной ѣздой, особенно лѣтомъ; тутъ пролегаетъ путь на дачи черезъ Бутырки въ Петровское-Разумовское. Каретный рядъ доживаетъ свой вѣкъ, какъ центральное мѣсто торга экипажами. Ряды лавокъ по обѣимъ сторонамъ улицы не придаютъ ей никакого особаго оживленія; она остается только проѣздной улицей. Движеніе по Садовой къ Сухаревой башнѣ дѣлается оживленнѣе, чѣмъ ближе къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ. Самотека, превратившаяся изъ грязнаго, болотистаго пруда въ очень красивый скверъ, со временемъ будетъ обставлена съ обѣихъ сторонъ красивыми домами и сдѣлается быть можетъ однимъ изъ бойкихъ пунктовъ Москвы, тѣмъ болѣе, что Цвѣтной бульваръ, соединяющій Садовую съ Трубой, становится съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе мѣстомъ народныхъ увеселеній: тутъ и циркъ, и балаганы, а на площадкѣ, передъ самымъ Цвѣтнымъ бульваромъ, центръ московской трактирной жизни — Эрмитажъ, который, круглый годъ, а въ особенности зимой, притягиваетъ къ себѣ всѣхъ москвичей и пріѣзжихъ, желающихъ хорошо позавтракать, пообѣдать, поужинать. Такихъ размѣровъ не имѣетъ ни одинъ ресторанъ не только въ Петербургѣ, но и въ Парижѣ. Передъ Эрмитажемъ цѣлый день стоитъ множество господскихъ экипажей и извозчичьихъ дрожекъ, и до трехъ, до четырехъ часовъ ночи не прекращается ѣзда, поддерживаемая въ этой мѣстности почти исключительно жизнью знаменитаго ресторана, гдѣ французское кухонное искусство соединено съ русской трактирной обстановкой.



Старое зданіе Московскаго университета.

Садовая, у Сухаревой башни, превращается въ настоящій базаръ, получающій по воскреснымъ днямъ особый оттѣнокъ. Каждый истый москвичъ посѣщаетъ «Сухаревку», чтобы что-нибудь купить по случаю и по дешевой цѣнѣ, а въ особенности любители всякаго старья. Въ послѣднее время старьевщики уже искусились и гораздо труднѣе стало пріобрѣтать, по ничтожной цѣнѣ, произведенія искусства и цѣнныя книги. Но все-таки еще подъ Сухаревой можно находить рѣдкія вещи: старую бронзу, картины, иногда древнія рукописи, библіографическія рѣдкости. Для обывателей же всей окрестной мѣстности Сухаревка — соединеніе Толкучаго рынка съ городскими рядами и Охотнымъ рядомъ. Тутъ неприхотливый покупатель найдетъ рѣшительно все для своего хозяйства и обихода.

Къ Краснымъ воротамъ ѣзда увеличивается въ одномъ направленіи: къ тремъ вокзаламъ



Общій видъ клиникъ Московскаго Университета. (Съ фотографіи).

Николаевской, Рязанской и Ярославской дорогъ. Покровка гораздо менѣе оживлена въ пространствѣ между Садовой и бульварами, но обстроена барскими и купеческими домами и богатыми церквами. И чѣмъ дальше къ Басманной, тѣмъ больше идетъ хорошихъ купеческихъ домовъ и чистота, просторъ и тишина дѣлаютъ изъ этой мѣстности одинъ изъ самыхъ пріятныхъ уголковъ Москвы.

Въ чертѣ Земляного города находится и нѣсколько художественныхъ хранилищъ, принадлежащихъ къ достопримѣчательностямъ Москвы: на Малой Дмитровкѣ постоянная выставка картинъ Общества поощренія художниковъ, и, кромѣ того, два купеческихъ дома съ картинными галлереями, не открытыхъ для публики, но все-таки доступныхъ для каждаго, кто обратится къ ихъ весьма любезнымъ хозяевамъ: это дома Солдатенкова и Д. П. Боткина—первый на Мясницкой около Почтамта, второй на Покровкѣ противъ четвертой гимназіи. Домъ Солдатенкова по самому своему устройству и отдѣлкѣ (по рисункамъ архитектора Резанова) достоинъ изученія. Въ комнатахъ нижняго этажа и отчасти наверху, въ мезонинѣ, любитель найдетъ коллекцію картинъ почти исключительно русскихъ художниковъ, составленную въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ. Хозяинъ этого собранія былъ изъ первыхъ московскихъ коммерсантовъ, начавшихъ съ интересовъ относиться къ успѣхамъ русскаго искусства. Одной изъ первыхъ картинъ, пріобрѣтенныхъ имъ, была «Вирсавія» Брюлова, купленная еще въ Римѣ у самого художника, и два жанра Ѳедотова, считающагося теперь родоначальникомъ нашей жанровой школы. Въ домѣ же г. Солдатенкова находится и молельня, такъ какъ хозяинъ принадлежитъ къ безпоповскому согласію; молельня эта художественно отдѣлана и по своимъ деталямъ представляетъ много цѣннаго въ глазахъ любителя древняго церковнаго искусства. Картинное собраніе Д. П. Боткина не болѣе Солдатенковскаго по числу экземпляровъ, но гораздо цѣннѣе по достоинству. Этотъ коммерсантъ-любитель собралъ и продолжаетъ собирать

произведенія западно-европейскихъ живописцевъ. Русскихъ картинъ у него очень немного, но все, что имъ пріобрѣтено— вещи первокласснаго достоинства. Со временемъ галлерея эта (когда европейскіе мастера, картины которыхъ онъ пріобрѣталъ, сдѣлаются въ нѣсколько разъ дороже)—будетъ имѣть громадную цѣнность. Изъ французскихъ художниковъ вы найдете тутъ самыя замѣчательныя вещи такихъ мастеровъ, какъ Мейссонье, оба Руссо, Коро, д'Обиньи. Испанская школа представлена картиной Фортуни, считающейся одной изъ самыхъ лучшихъ.

Есть два пункта, одинъ въ Бѣломъ, другой въ Земляномъ городѣ, гдѣ уличная жизнь получаетъ особенную своеобразность, это—Хитровъ рынокъ и Грачевка.

Народный трудъ, горе и разгулъ стекаются къ одному главному пункту, прославившемуся на всю Москву, къ Хитрову рынку съ его базаромъ «живого товара» и ночлежными домами.

Большая четырехъугольная, поперекъ продолговатая площадь вся обставлена домами.



Общая клиническая амбулаторія.

Справа смотритъ на нее желтое зданіе Мясницкой части съ каланчей и каменнымъ заборомъ. Кругомъ и по-близости, въ переулкахъ, идутъ двухъ и трехэтажные дома съ трактирами, пекарнями, кабаками и пивными, съ ночлежными квартирами. Въ солнечный день, съ ранняго утра, двѣ трети рынка покрыты сплошной массой народа, пришедшаго искать заработка. Мужчины скучиваются по самой срединѣ и ближе къ торгу, къ навѣсамъ торговцевъ и возамъ; женщины занимаютъ все правое крыло площади. Лѣтомъ красный и розовый цвѣта сарафановъ и фартуковъ такъ и мечутся вамъ въ глаза. Сотни крестьянокъ приходятъ сюда предлагать себя во что угодно: въ кухарки, поденщицы, горничныя, прачки, работницы. Между ними шныряетъ городская женская прислуга, хорошая и плохая. Къ концу торга, если кто останется безъ мѣста, тутъ же ложатся на мостовую, отдыхаютъ или просто спятъ, ѣдятъ что попало, а ночь проводятъ въ ночлежныхъ, если есть въ карманѣ пятакъ.

На Хитровомъ рынкѣ живмя живутъ побродяги Москвы, темный людъ, прозванный издавна «золотой ротой», безпаспортные, жулики и сбившіеся съ толку крестьяне, мастеровые, отстав-

ные солдаты. Они-то и придали Хитрову рынку его дурную славу. Весь этотъ людъ пробивается изо дня въ день, кое-чѣмъ; и тутъ-же, какъ только раздобудется рублемъ—оставляетъ его въ кабакахъ и трактирахъ. Изъ трактировъ самый характерный—*Каторга*. Въ рыночные дни, съ сумерекъ, просторныя комнаты этого заведенія наполняются публикою обоего пола. Идутъ чаепитіе и выпивка, поютъ пѣсни, толкуютъ о своихъ заработкахъ, и законныхъ, и подспудныхъ. Къ десятому часу трактиры пустѣютъ и наполняются ночлежныя квартиры, зимой больше чѣмъ лѣтомъ. Квартиръ этихъ нѣсколько десятковъ—и на самомъ рынкѣ, и поблизости; тысячи народа ютятся тамъ на нарахъ и на полу, у съемщицъ за ничтожную пятикопѣечную плату. По двадцати, по сорока и больше человѣкъ ночуетъ въ одной комнатѣ. Но общій видъ этихъ домовъ менѣе мраченъ, чѣмъ иныя лондонскія трущобы: входы и коридоры всегда освѣщены по требованію полиціи, особеннаго смрада и грязи нѣтъ. Большинство ночующихъ, конечно, живутъ у себя въ деревнѣ, въ избахъ, теснѣе и грязнѣе. Ночью, послѣ полуночи, бываютъ внезапные обходы полиціи и тогда набираютъ по нѣскольку сотъ безпаспортныхъ, и на нѣкоторое время очищаютъ Хитровъ рынокъ; но черезъ недѣлю повторяется то-же самое.

Кто не въ состояніи заплатить пяти копѣекъ за ночлегъ, идетъ къ Ночлежному дому Ляпиныхъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ площади, и дожидается тамъ, съ сумерекъ, минуты, когда отворятъ двери. Домъ Ляпиныхъ даетъ ночное убѣжище каждому, не спрашивая у него ни вида, ни платы за ночлегъ. Мѣстъ въ мужскомъ и женскомъ отдѣленіи семьсотъ; но случается, что ночуетъ до тысячи народа. Наружность и внутренность дома смахиваютъ на тюрьму. Внутри—лѣстницы, стѣны, потолки—все выкрашено темной масляной краской. Спятъ вповалку на нарахъ и на полу. Воздухъ освѣжаютъ, насколько возможно, но къ полуночи онъ дѣлается спертымъ. Зимой, по утрамъ, каждый переночевавшій получаетъ по кружкѣ сбитню. Есть цѣлый классъ пролетаріевъ, ночующихъ тутъ изо дня въ день. И принадлежатъ они вовсе не къ одному черному, простому народу. Обездоленные и впавшіе въ нищету отброски общества приходятъ каждую ночь согрѣться и получить мѣсто хоть на полу — отставные офицеры, бывшіе помѣщики, старыя барыни, выгнанные чиновники. Нѣкоторые бываютъ весьма прилично одѣты. Есть и такіе, что являются изъ скаредности, чтобы не нанимать угла. Но такихъ, конечно, самый ничтожный процентъ. Жанристу и наблюдателю доставитъ безконечный матеріалъ каждый входъ и выходъ разношерстной толпы, стремящейся въ «Ляпинку».



Румянцевскій музей.

«Труба», — ведущая на Грачевку, — урочище, получившее въ Москвѣ особую славу ночного разгула. Начиная съ Никитскаго бульвара, вдоль бывшихъ Сандуновскихъ бань, идетъ уже особая жизнь. Сюда стекается всякаго рода «гулящій» народъ: и мужикъ, и мастеровой, и приказчикъ, офицеръ, студентъ, именитый купецъ. По бульвару, съ раннихъ сумерекъ, бродятъ дешевыя проститутки. Къ ночи раздаются пьяныя пѣсни. На Цвѣтномъ бульварѣ, особенно лѣтомъ, гулянье, передъ балаганами, наполовину того-же свойства. Тутъ-же, вдоль буль-

вара, между Самотекой и Рождественскимъ бульваромъ—подозрительнаго вида одноэтажные дома съ мезонинами, съ настежь отворенными дверьми и ярко освѣщенными входами, приглашаютъ гулякъ. Въ Нижнемъ Колосовомъ переулкѣ — проституція служитъ простонародью. По всему переулку вверхъ, до перекрестка Грачевки, даже до вечерней темноты, идетъ, и въ будни и въ праздникъ—грязный и откровенный разгулъ. Ни въ одномъ городѣ, не исключая Парижа, вы не найдете такого циническаго проявленія народнаго разврата, какъ въ этой мѣстности Москвы. Грачевка (Драчевская улица), — идущая параллельно съ Цвѣтнымъ отъ Рождественскаго бульвара до Садовой, — почти сплошь состоитъ изъ трактировъ, харчевенъ, кабаковъ, меблированныхъ комнатъ, гдѣ живутъ женщины, номеровъ. Здѣсь пьянство, проституція, преступленіе—перемѣшались. Нигдѣ вы не встрѣтите столько оборванныхъ, пьяныхъ проходимцевъ. Жулики въ прежнее время держали свой главный притонъ въ трактирѣ «Крымъ», на углу Трубной площади; теперь мошенническая репутація этого трактира упала, но бродяжничество и воровство до сихъ поръ держатся на Грачевкѣ. Отъ этой артеріи грязнаго разгула идетъ кверху, къ Срѣтенкѣ—рядъ переулковъ, изъ которыхъ два—Пильниковскій и Соболевскій—вмѣщаютъ въ себѣ главный штабъ всей московской *открытой* проституціи. Такой скученности вы, опять-таки, не встрѣтите ни въ одной изъ столицъ Европы. Петербургскій Щербаковъ переулокъ даетъ объ этомъ самое малое понятіе. Полиція задалась задачей — собрать въ одну Срѣтенскую часть всѣ тѣ «дома» Дербеновки, гдѣ издавна ютилась самая дешевая проституція; она согнала ее въ Безымянный переулокъ, выходящій въ Нижній Колосовъ. Только на Яузской набережной и отчасти на Живодеркѣ остались еще прежнія мѣста дешеваго разгула.

Грачевка съ ея переулками живетъ ночною жизнью — до свѣту. Зимой, на Цвѣтномъ бульварѣ, послѣ полуночи небезопасно бываетъ возвращаться одному. Да и въ переулкахъ Грачевки возможность быть ограбленнымъ всегда существуетъ. Московскіе мошенники составляютъ обширную и сплоченную корпорацію. У нихъ гораздо больше всякихъ норъ и убѣжищъ, больше и случаевъ обирать и грабить. Разгулъ мастеровыхъ, приказчиковъ и купцовъ въ центральномъ мѣстѣ пьянства и проституціи, какова Грачевка, принимаетъ часто такіе размѣры, что ничего не стоитъ и плохимъ жуликамъ практиковаться съ успѣхомъ. И нѣтъ надежды, чтобы Грачевка когда-нибудь очистилась. Напротивъ, Цвѣтной бульваръ все больше и больше получаетъ характеръ народнаго гулянья. На немъ стоятъ циркъ и каменная панорама, превращенная въ «манежъ» сосѣдняго цирка. Число ихъ навѣрно будетъ расти. А гдѣ гулянье—тамъ для народа и ночной разгулъ. Грачевка съ своими переулками—тутъ какъ тутъ, для удовлетворенія всѣхъ чувственныхъ порывовъ массы, у которой нѣтъ болѣе тихихъ и облагораживающихъ удовольствій, да она до нихъ и не большая охотница.

Окраины Москвы такъ обширны и разнохарактерны, что схватить внѣшнюю жизнь громадной подковы, идущей вокругъ Земляного города, чрезвычайно трудно. На обоихъ краяхъ этой подковы идутъ монастыри: съ одного края — Новодѣвичій, съ другого — цѣлыхъ три: Новоспасскій, Покровскій и Андроніевскій. Отъ Новодѣвичьяго пойдутъ глухія мѣста съ тихими обитателями Плющихи и Дѣвичьяго поля. Смоленскій рынокъ врѣзывается своей базарной и рыночной жизнью. Новинское потеряло прежнюю свою физіономію. Прѣсня производитъ впечатлѣніе наполовину загороднаго мѣста, а Живодерка съ Грузинами — это уѣздный городокъ съ мѣщанскимъ пошибомъ. По вечерамъ въ переулкахъ съ деревянными домишками и заборами такъ глухо, что каждому проѣзжающему и пѣшеходу становится жутко. Между тѣмъ, эта мѣстность въ двухъ шагахъ отъ Тверской-Ямской, гдѣ ѣзда не прекращается до позднихъ часовъ, въ особенности весной и лѣтомъ.

На правомъ склонѣ окраинъ расползлось Заяузье, представляющее какъ-бы особый городъ. Это уже чисто купеческая мѣстность. Таганка—ея средоточіе, съ площадью, обставленной лавками—своего рода маленькій Китай-городъ. Оттуда идутъ боковыя улицы господскаго

типа, широкія, обставленныя богатыми домами, въ особенности Большая Алексѣевская—одна изъ самыхъ красивыхъ московскихъ улицъ, хотя и очень мало извѣстная и почти безъ вся-



Видъ на Кремль и Храмъ Спасителя въ Москвѣ.

каго движенія, начиная съ сумерекъ. Тутъ держится московское старообрядство, тяготѣя къ Рогожскому кладбищу. Въ переулкахъ, по обѣимъ сторонамъ Таганки, вы чувствуете себя также въ глухой провинціи. А дальше начинаются уже пустыри и заборы; за заставами, къ вокзаламъ желѣзныхъ дорогъ идетъ обычное движеніе возовъ и пассажировъ.

На огромномъ протяженіи московскихъ окраинъ можно насчитать нѣсколько десятковъ зданій и мѣстъ, оживляющихъ окрестность, но они такъ разбросаны, что пріѣзжій человѣкъ съ трудомъ отмѣтитъ большое оживленіе уличной жизни. Не такъ давно однимъ изъ такихъ мѣстъ былъ зоологическій садъ, не только лѣтомъ, но и зимой. Въ послѣдніе же годы этотъ садъ, какъ мѣсто разумныхъ развлеченій въ зимнюю и лѣтнюю пору, особенно-же для дѣтей, еще болѣе выросъ въ мнѣніи общества. Три дворца: Головинъ, Лефортовскій и Запасный—стоятъ, какъ остатки прежняго дворцоваго быта, но не придаютъ никакой характерной физіономіи тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ находятся. Запасный-же дворецъ на-

ходится на пути къ перестройкѣ подъ женскій дворянскій институтъ. Изъ московскихъ тюремъ, разбросанныхъ въ разныхъ частяхъ окраинъ, новый тюремный замокъ у Бутырской заставы одинъ только имѣетъ внушительную архитектуру. Пересыльная тюрьма и рабочій домъ находятся до сихъ поръ въ первобытномъ видѣ, съ грязью и тѣснотой русскихъ тюремъ. Популярная въ Москвѣ «Титовка» или «Титы», устроенная по системѣ полуодиночнаго заключенія, пока единственная тюрьма на европейскій ладъ; она стоитъ въ тихой мѣстности Замоскворѣчья и не производитъ никакого мрачнаго впечатлѣнія.

Замоскворѣчье издали и сверху, съ кремлевской стѣны или съ Ивана Великаго кажется особымъ городомъ. Его ровная мѣстность, обиліе церквей, разноцвѣтность домовъ тѣшатъ глазъ. Но жизнь этого особаго города сложилась совершенно иначе. Тутъ ни помѣщичество, ни администрація, ни люди либеральныхъ профессій не водятся. Купецъ, мастеровой, фабричный, крестьянинъ, пришедшій на заработки,—вотъ населеніе Замоскворѣчья. Всего больше оживлены набережная и островъ, образуемый Москвой-рѣкой и Обводнымъ каналомъ. На этомъ островѣ мало обывательскихъ домовъ: тутъ больше все трактиры, гостиницы (изъ нихъ Кокоревская занимаетъ цѣлый кварталъ), всякаго рода склады, казенные дома. Здѣсь-же и Болотная площадь, потерявшая значеніе прежняго хлѣбнаго рынка, съ ея мрачными историческими воспоминаніями жестокихъ казней. Сюда переведены фруктовый и зеленной рынки, помѣщающіеся теперь въ желѣзныхъ зданіяхъ временныхъ рядовъ, бывшихъ на Красной площади во время перестройки старыхъ городскихъ рядовъ. Во второй половинѣ Замоскворѣчья, за каналомъ, на лучшихъ улицахъ, широкихъ и чистыхъ, течетъ степенное и тихое существованіе «хозяевъ», а въ безчисленныхъ переулкахъ еще больше замкнутости. По главнымъ улицамъ еще ѣздятъ купеческіе экипажи въ извѣстные часы дня, и дрожки извозчиковъ, а главное, обозы; въ иныхъ же переулкахъ совершенная тишь. Въ лѣтнее время всего больше ѣзды по Калужской, по направленію къ Донскому монастырю, къ Нескучному саду и къ Воробьевымъ горамъ. Тутъ-же расположилась и московская благотворительность: больницы и богадѣльни—городская, мѣщанская, Голицынская больница, Павловская, Андреевская богадѣльня, и на Якиманкѣ—домъ для безплатныхъ квартиръ. Около Калужской и за Калужской заставой фабричный людъ ведетъ полудеревенскую жизнь. Здѣсь можно изучать тотъ бытъ, какой сложился въ московскомъ фабричномъ районѣ; въ лѣтнюю пору по вечерамъ раздается хоровое пѣніе, водятъ даже хороводы. На всѣхъ бойкихъ мѣстахъ Замоскворѣчья, на площадяхъ вокругъ фабрикъ и заводовъ, на такихъ улицахъ, какъ Балчукъ и Пятницкая, вы можете каж-



Храмъ Христа Спасителя.

дый день наблюдать наростаніе купеческо-промышленной Москвы. Только въ Замоскворѣчьѣ два главныхъ элемента народонаселенія и Московскаго быта предстанутъ передъ вами въ такомъ чистомъ видѣ: купецъ и мужикъ—второй въ полной денежной зависимости отъ перваго, но и первый въ такой же зависимости отъ второго, хотя и наживаетъ барыши. Тутъ вы ви-



Внутренній видъ Храма Спасителя.

дите, какъ фабрика, обозъ и складъ товара сдѣлали теперешнюю Москву тѣмъ, что она есть. И въ этой зарѣчной мѣстности народно-бытовая жизнь продержится, конечно, дольше, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ Москвы. Хозяинъ, засѣвшій въ свои особнячки, въ дома и домики замоскворѣцкихъ переулковъ, можетъ еще на долгое время защитить себя отъ прикосновенія къ другимъ сторонамъ жизни. Но случилось такъ, что въ этомъ самомъ Замоскворѣчьѣ, въ

одномъ изъ тихихъ, глухихъ и совсѣмъ не проѣздныхъ переулковъ, въ Лаврушенскомъ, помѣщается лучшая частная въ Россіи галлерея произведеній русскихъ художниковъ, принадлежащая П. М. Третьякову, московскому купцу, до сихъ поръ торгующему въ «городѣ» мануфактурнымъ товаромъ. Галлерея помѣщается особенно отъ жилыхъ комнатъ хозяина, устроена совершенно на европейскій ладъ и открыта безплатно каждый день. Она только даетъ полное представленіе объ исторіи развитія русской живописи; въ ней-же находится собраніе портретовъ русскихъ писателей и артистовъ, писанныхъ нашими даровитѣйшими портретистами по заказамъ хозяина. Посѣтитель можетъ, проходя залы перваго и второго этажа, ознакомиться со всѣми эпохами русской свѣтской живописи, начиная съ мастеровъ восемнадцатаго столѣтія

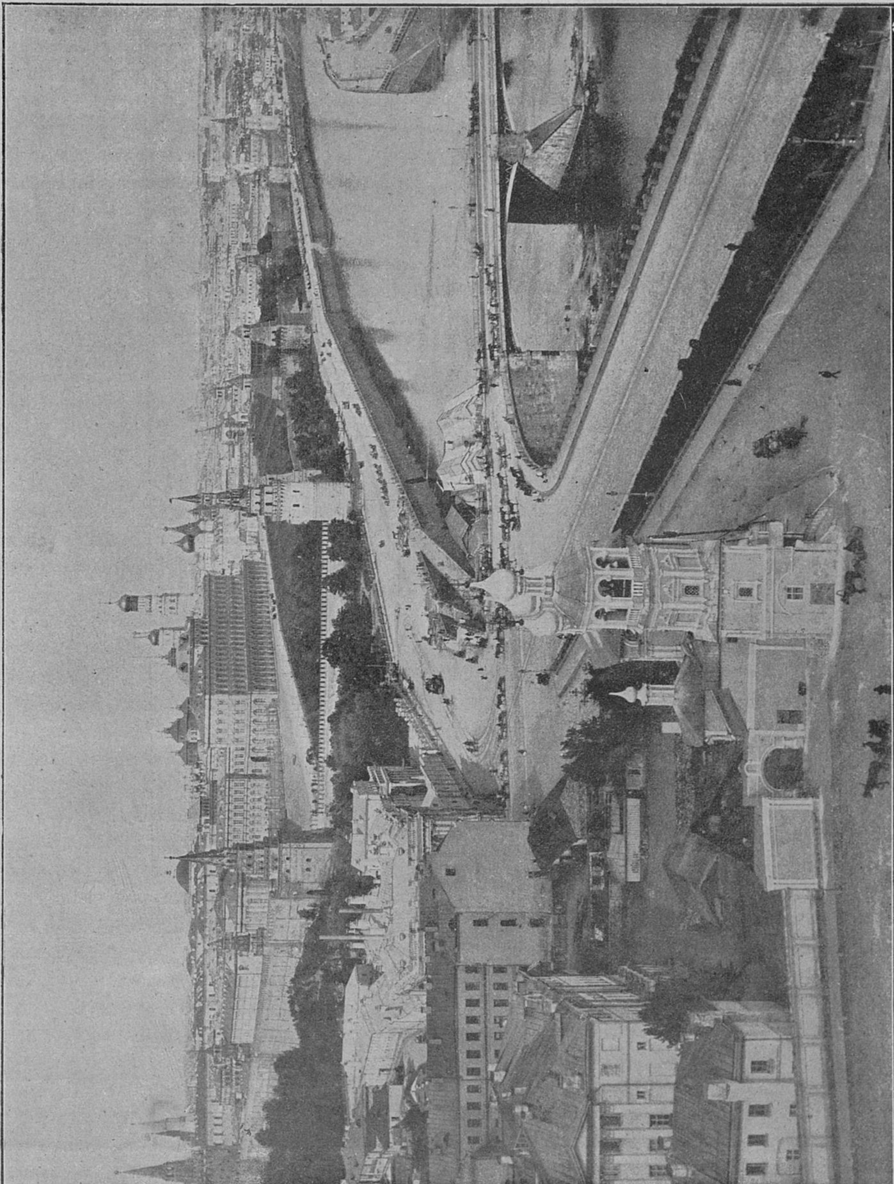


Видъ на Храмъ Спасителя съ Москвы-рѣки.

и вплоть до самыхъ послѣднихъ пріобрѣтеній русскаго искусства. Вы найдете тутъ картины всѣхъ сколько-нибудь замѣчательныхъ русскихъ художниковъ, сгруппированныя съ пониманіемъ дѣла. Верхній этажъ въ особенности богатъ. И эта прекраснѣйшая галлерея (можетъ быть, оттого, что она такъ далека отъ бойкихъ частей города) посѣщается гораздо меньше, чѣмъ можно бы ожидать, чѣмъ бы она посѣщалась въ любомъ западно-европейскомъ городѣ. Можетъ-быть, со временемъ, всѣ частныя собранія Москвы сольются вмѣстѣ съ художественными богатствами Голицынскаго и Румянцевскаго музея, и тогда Москва будетъ имѣть первую по достоинству галлерею русскихъ художниковъ съ очень цѣннымъ отдѣломъ старыхъ и новыхъ западныхъ мастеровъ.

Гораздо больше народа отправляется, и пѣшкомъ, и въ экипажахъ, ко всенощной и къ

обѣднѣ Донского монастыря, имѣющаго до сихъ поръ большую превлекательность для купе-



Видъ на Москву отъ Храма Христа Спасителя.

чества и дворянскаго общества, въ особенности для дамъ. Сюда-же направляются и богатыя барскія и купеческія похороны.

Лѣтомъ Москва живетъ также своеобразно—какъ и зимой. Стремленіе за городъ, въ деревню, на дачу охватило ее въ послѣднія двадцать-тридцать лѣтъ очень сильно; но и лѣтомъ городъ не перекочевываетъ такъ на дачи, какъ это мы видимъ въ Петербургѣ. Въ чертѣ города или по близости его есть нѣсколько увеселительныхъ мѣстъ и прогулокъ, между тѣмъ какъ въ Петербургѣ надо отправляться или по желѣзной дорогѣ въ отдаленныя мѣста или на острова. Въ послѣдніе годы въ Сокольникахъ сосредоточены почти всѣ лѣтніе театры Москвы.

По дорогѣ отъ парка къ Петровскому-Разумовскому вы, глядя на низменную лѣсистую мѣстность, довольно скучноватую и однообразную, никакъ не подумаете, что черезъ нѣсколько верстъ найдете позади изящнаго зданія Академіи («дворца», какъ его называетъ до сихъ поръ народъ), старинный барскій садъ, имѣющій размѣры англійскаго парка, сливающійся, въ одну сторону, съ лѣсомъ—на нѣсколько верстъ. Петровско-Разумовское начинаетъ дѣлаться однимъ изъ любимѣйшихъ мѣстъ прогулки и для городскихъ москвичей, и для дачниковъ. Онъ поспоритъ съ Нескучнымъ своей красивостью, просторомъ, чудесными липовыми аллеями, обширнымъ прудомъ, почти озеромъ. Публика, собирающаяся по вечерамъ, всего больше въ воскресенье, какой-бы ни былъ ея наплывъ, все-таки не лишаетъ этого прекраснаго парка тишины для ищущихъ уединенія. Прогулка пѣшкомъ изъ Петровскаго парка въ академическій, все время лѣсомъ, сама по себѣ предметъ удовольствія для городского жителя. Въ будни въ тихое послѣ обѣда или въ лунныя ночи паркъ Петровскаго-Разумовскаго — чудесное мѣсто. И вся жизнь кругомъ: студенты академіи, катанье на лодкахъ, часто пѣніе хоромъ, молодой смѣхъ, живые разговоры въ тѣни развѣсистыхъ липъ, впечатлѣніе душевной свѣжести и умственнаго труда—все это вмѣстѣ переноситъ васъ къ лучшимъ годамъ вашей жизни, позволяетъ сразу сбросить съ себя утомленіе, заботы и дрязги города. Отъ Петровскаго-Разумовскаго и отъ Парка параллельно идутъ мѣстности, гдѣ селятся московскіе дачники: Разумовскіе выселки, Михалково, а лѣвѣе, по дорогѣ изъ Парка, Всесвятское, Покровское, Спасское и знаменитое Архангельское, тотъ родъ Версаля и Тріанона, резиденція того мецената, который воспѣтъ былъ Пушкинымъ въ его извѣстномъ посланіи къ князю Юсупову. А правѣе отъ Разумовскаго—Останкино, съ такими-же почти художественными богатствами, какъ и Архангельское, съ реставрированнымъ домомъ и паркомъ во французскомъ вкусѣ, съ древнею церковью, возобновленною въ послѣдніе годы однимъ изъ нашихъ талантливыхъ реставраторовъ—профессоромъ Султановымъ. И всюду и дачники, и московскій городской обыватель потребляютъ чай: въ Паркѣ, въ Петровскомъ-Разумовскомъ, въ Останкинѣ; располагается на вольномъ воздухѣ, ѣстъ и пьетъ, прокармливаетъ цѣлый классъ мелкихъ промышленниковъ, самоварницъ, разнощиковъ. Населеніе этихъ дачныхъ мѣстъ уже не имѣетъ прежней сословной обособленности; нынче все перемѣшано: купецъ съ дворяниномъ, чиновникомъ и мелкимъ обывателемъ. Но въ Петровскомъ паркѣ всего больше богатыхъ дачъ съ цѣлыми садами, особенно въ сторонѣ нѣмецкаго клуба по шоссе, ведущему къ Петровскому-Разумовскому. Въ Разумовскихъ Выселкахъ и въ Михалковѣ селится небогатый людъ, также какъ и въ Останкинѣ, въ Ховринѣ, въ Свирловѣ. Эта лѣтняя эмиграція огибаетъ Москву и держится всего гуще тамъ, гдѣ есть лѣсъ. Сокольницкая роща вбираетъ въ себя самый большой контингентъ московскихъ дачниковъ; она по своему положенію всего удобнѣе и для городского жителя, не переселяющагося на дачу, и для коренного дачника. Въ Сокольникахъ, съ ихъ дополненіемъ Богородскимъ, вы найдете Москву всѣхъ возможныхъ слоевъ общества и самую разнохарактерную лѣтнюю жизнь, начиная съ простонароднаго и купеческо-приказчичьяго разгула, поблизости города въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ самоварницы, пѣсенники, трактиры съ арфистками, и кончая обчищенными шоссейными проѣздами, гдѣ барскія и въ особенности купеческія дачи идутъ цѣлыми улицами. Будь въ Москвѣ больше благоустройства, такой лѣсъ какъ Сокольники превратился бы въ пріятнѣйшее загородное мѣсто. Но цѣлый уголъ Сокольниковъ уже загряз-

ненъ и испорченъ; не только въ ночное время, но и среди бѣлаго дня вы рискуете наткнуться на какую нибудь безобразную сцену или даже быть ограбленнымъ. Нѣкоторыя «просѣки» составили даже себѣ громкую репутацію по этой части. Небрежное хозяйство попустило огромную порубку; такъ называемый «кругъ» стягиваетъ къ себѣ по вечерамъ публику. Уже нѣсколько лѣтъ, въ теченіи лѣтняго сезона, въ Сокольникахъ, въ городской бесѣдкѣ (на кругу) устраиваются симфоническіе концерты.



Домъ Романовыхъ.

Преображенское, интересное своей больницей душевныхъ болѣзней, слишкомъ слилось съ городомъ и сдѣлалось какой-то фабричной слободой съ раскольничьимъ оттѣнкомъ. Измайлово также поупало. Кусково стоитъ въ прежнемъ своемъ барскомъ великолѣпіи, но уже безъ прежней шумной, широко-гостепріимной жизни. Гораздо больше дачниковъ въ Кузьминкахъ. Это—помѣстье, имѣющее также свое барское прошлое, съ народнымъ гуляньемъ въ храмовой праздникъ. Но отъ прежняго барства нѣтъ уже никакихъ слѣдовъ, кромѣ запущенныхъ зданій и

парка съ остатками старыхъ затѣй. Дачники ютятся и вокругъ Перова, гдѣ прежняя барская резиденція разбита на мелкіе участки и наглядно показываетъ, какъ теперь все демократизуется и служитъ средней руки обывателю. То-же самое и въ Люблинѣ, гдѣ купецъ пріобрѣлъ барское имѣніе. Дачники овладѣли этимъ мѣстомъ окончательно, и оно дѣлается съ каждымъ годомъ все бойчѣе и бойчѣе. Домъ въ итальянскомъ стилѣ остается напоминаніемъ о другихъ временахъ, когда каждое изъ загородныхъ угодій служило только потѣхѣ и потребности людей привиллегированнаго класса. Еще ярче выступаетъ прежняя эпоха въ Царицынѣ. Это—самый поэтическій лѣтній уголокъ. Петербургъ со всѣми его островами и прекрасными парками Петергофа и Царскаго Села не имѣетъ ничего подобнаго. Царицынскій паркъ съ развалинами, заглохшимъ прудомъ, чудесными аллеями, расположенный по волнистой мѣстности, въ самой своей запущенности имѣетъ что-то необыкновенно изящное, настраиваетъ каждаго, кто лю-



Тріумфальныя ворота въ Москвѣ.

битъ природу, на особый ладъ. Въ лунныя ночи, когда развалины получаютъ фантастическій колоритъ, еще красивѣе въ Царицынѣ, чѣмъ въ Петровскомъ-Разумовскомъ. Но дачники присмотрѣлись къ этимъ красотамъ, и въ концѣ лѣта, даже въ прекраснѣйшую погоду, вы находите въ вечерніе часы паркъ почти совершенно пустымъ.

По берегамъ Москвы рѣки идетъ цѣлый рядъ красивыхъ мѣстностей. Село Коломенское меньше всего посѣщается, несмотря на его историческое прошлое, и прекраснѣйшій видъ на Москву. Кунцово, тоже превратившееся изъ барскаго въ купеческое помѣстье, сдѣлалось резиденціей московской коммерческой аристократіи. Туда ѣздятъ изъ города только достаточные люди и если на цѣлый день, то съ провизіей; до сихъ поръ купеческіе владѣтели охраняютъ его отъ трактирной жизни. Но, чтобы полюбоваться видомъ Москвы и погулять по нагорному берегу съ его обрывами, подъемами, со всей его живописной природой, можно удовольствоваться мѣстностью Воробьевыхъ горъ съ ея видомъ на Москву, уже описаннымъ нами. Тамъ-

же красивая дача графа Мамонова, сливающаяся издали съ Нескучнымъ садомъ и съ садомъ Андреевской богадѣльни.

Вотъ какъ богата Москва загородными мѣстами. Всѣ они ждутъ только большихъ удобствъ передвиженія и комфорта, и лѣтъ черезъ двадцать-тридцать вокругъ всего города, въ видѣ такого-же полуэллипсиса, какъ и сама Москва, станетъ огромный лѣтній городъ съ разнообразными особенностями средней русской природы, съ ровнымъ климатомъ, прекрасной весной и осенью, которыя дѣлаютъ деревенскую и полудеревенскую жизнь въ окрестностяхъ Москвы такой пріятной и здоровой.

Мы старались дать общую картину внѣшней жизни Москвы, ея пригородовъ, дачныхъ и деревенскихъ мѣстностей. Все, что ходитъ, ѣздитъ, собирается въ домахъ, въ увеселительныхъ мѣстахъ, за городомъ и въ городѣ, составляетъ такъ называемую *публику*. Въ Москвѣ у нея нѣтъ той однообразности, какая замѣчается въ Петербургѣ; въ театральныхъ собраніяхъ, на прогулкахъ, сословный характеръ сказывается рѣзче, но въ послѣднія двадцать-тридцать лѣтъ купецъ все-таки наложилъ на все свою печать. «Большая публика» состоитъ изъ купеческо-обывательской массы, она поддерживаетъ всѣ сборища и увеселенія, разсчитанныя на значительный приливъ. Но то, что составляетъ образованный классъ, собирающійся въ театрахъ, въ концертахъ Русскаго музыкальнаго общества, въ актовой залѣ университета, на публичныхъ лекціяхъ,—сохраняетъ свое умственное превосходство, выработало свои вкусы, отличается хорошей воспріимчивостью, вообще добродушнѣе и ровнѣе развитой петербургской публики въ проявленіяхъ своего интереса и удовольствія. Въ Москвѣ, въ сущности, замѣчается больше общественныхъ привычекъ, чѣмъ въ новой русской столицѣ, и во всѣхъ слояхъ за исключеніемъ дворянскаго. Всего характернѣе это выступаетъ въ жизни московскихъ трактировъ. Это, дѣйствительно, центры московскаго общежитія. Давно уже средній классъ, куда принадлежатъ и дворяне, и чиновники, и купцы, посѣщаетъ рестораны и самые знаменитые трактиры, каковы Тѣстова, Московскій, а главнымъ образомъ Эрмитажъ,—съ семействами, что въ Петербургѣ до сихъ поръ не въ обычаѣ. Москвичъ ѣдетъ изъ театра ужинать съ женой и знакомыми. То, что для людей со средствами—дорогіе рестораны и трактиры, то для огромнаго обывательскаго люда безчисленные московскіе трактиры, средней руки. Дѣло, пріятные разговоры, знакомства, всякаго рода сношенія происходятъ въ публичныхъ мѣстахъ. Весь этотъ людъ очень наклоненъ и къ зрѣлищамъ и, разумѣется, вліяетъ на болѣе низменный характеръ этихъ зрѣлищъ, потому что онъ представляетъ собою главный источникъ сборовъ. Уличное движеніе Москвы можетъ показаться пріѣзжему петербуржцу чрезвычайно жалкимъ во множествѣ московскихъ мѣстностей. Но интенсивность городской жизни сказывается въ Москвѣ на нѣкоторыхъ пунктахъ круглый годъ, чего въ Петербургѣ нѣтъ. Разбросанность города не позволяетъ многимъ мѣстностямъ оживляться; зато нѣсколько пунктовъ въ извѣстные часы всегда бойко живутъ. Въ иномъ пунктѣ такого рода наблюдатель, въ теченіи цѣлаго дня, почти не видитъ ни хорошихъ экипажей, ни барскаго вида господъ, еще менѣе дамъ; но зато убѣдится въ томъ, что Москва вбираетъ въ себя жизненные соки огромнаго края и не перестанетъ быть купеческо-мужицкой ярмаркой и производительнымъ центромъ, рынкомъ, вызывающимъ не нарядное уличное движеніе, но такое, которое держится за весь экономическій бытъ многомилліоннаго государства.

П. Боборыкинъ.

ОЧЕРКЪ XI.

РОЛЬ МОСКВЫ ВЪ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОМЪ ОТНОШЕНІИ.

Торгово-промышленное значеніе Москвы. — Фабрично-заводская промышленность Москвы и торговля. — Наиболѣе характерныя мѣста московской торговли.

....Передъ ними
Ужь бѣлокаменной Москвы,
Какъ жаръ, крестами золотыми
Горятъ старинныя главы...
Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ,
Когда церквей и колоколенъ
Садовъ, чертоговъ полукругъ
Открылся предо мною вдругъ!
Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ.

А. ПУШКИНЪ.

Начиная съ того времени, какъ въ нашемъ литературномъ мірѣ обозначились двѣ партіи — славянофильская и западническая, вопросъ о значеніи Петербурга и Москвы въ историческихъ судьбахъ страны и развитія ея не переставалъ занимать умы выдающихся представителей печати. Оба эти центра, являясь выразителями двухъ различныхъ и даже противоположныхъ теченій нашей государственной и общественной жизни, служили и служатъ предметомъ горячей полемики, доходящей часто просто до ожесточенія. Всѣмъ извѣстны обычные споры между московскими «самобытниками» и петербургскою «либеральною» печатью, сводящіеся въ концѣ-концовъ къ перебранкѣ.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о значеніи Москвы и Петербурга въ судьбахъ отечественной, государственной и общественной жизни, мы должны признать, что Москвѣ неоспоримо принадлежитъ первенство передъ Петербургомъ въ торгово-промышленномъ отношеніи. Москвѣ наша промышленность обязана своимъ возникновеніемъ, въ Москвѣ она и развивалась. Въ Москвѣ мануфактурная дѣятельность росла, расширялась болѣе быстро, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи.

Конечно, количественный ростъ московской промышленности не всегда шелъ рука объ руку съ техническими успѣхами. Подъ защитою тарифовъ, фабриканты и заводчики только расширяли свое производство, обнаруживая при этомъ недостаточность знаній и желаній усовершенствовать техническую его сторону. Поэтому многіе изъ нихъ, начавъ дѣла съ большими капиталами, въ концѣ-концовъ разорялись. Въ выигрышѣ оставались тѣ, которые на помощь капиталу призывали знаніе, да иностранные выходцы, которые, набивъ карманы въ Москвѣ,



Зданіе Биржи.

переселялись съ нажитыми капиталами за границу. Но этотъ недостатокъ знаній, вредившій промышленности, не составлялъ качества, присущаго исключительно московскимъ фабрикантамъ: имъ въ гораздо бо́льшей степени страдали производители другихъ промышленныхъ мѣстностей страны; Москва же все-таки шла впереди разнаго рода усовершенствованій въ техникѣ. Этому, несомнѣнно, способствовало то обстоятельство, что въ Москвѣ съ давнихъ поръ принимались мѣры къ распространенію техническихъ знаній.

Москвѣ въ отечественной промышленности принадлежала важная роль и въ другомъ отношеніи. Она обнаруживала вліяніе на общій ходъ нашихъ торгово-промышленныхъ дѣлъ и на направленіе торгово-промышленной политики правительства. Извѣстно, что въ вопросахъ о внѣшней торговлѣ, имѣющихъ громадное значеніе для внутренней промышленности, правительство нерѣдко обращалось къ мнѣніямъ экспертовъ изъ фабрикантовъ и коммерсантовъ. Очень часто представители торгово-промышленнаго міра сами входили съ заявленіями и ходатайствами объ огражденіи интересовъ отечественной промышленности и торговли отъ иностранной конкуренціи. Такъ было, напр., при пересмотрахъ таможенныхъ тарифовъ, такъ было при вопросѣ о закавказскомъ транзитѣ. Въ этихъ заявленіяхъ всегда видное мѣсто принадлежало московскому отдѣленію совѣта торговли и мануфактуръ. Конечно, представленія и ходатайства совѣта не всегда согласовались съ общими интересами страны, не всегда получали удовлетвореніе; но въ тѣхъ случаяхъ, когда удостоивались санкціи, они пріобрѣтали уже общее значеніе для фабричной промышленности и торговли всей Россіи.

Оказывая, такимъ образомъ, большое вліяніе на ходъ дѣлъ въ области фабричной производительности страны, Москва содѣйствовала вмѣстѣ съ тѣмъ возникновенію и распространенію въ губерніи нѣкоторыхъ отраслей кустарныхъ производствъ. Просматривая описанія кустарныхъ промысловъ Московской губерніи въ «Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній», изданномъ московскимъ земствомъ, мы видимъ, что нѣкоторые кустарные промыслы возникли въ

подмосковныхъ селеніяхъ, будучи занесены изъ Москвы. Этому благопріятствовало обиліе въ столицѣ разнообразныхъ ремесленныхъ заведеній, по характеру производства подходящихъ къ кустарнымъ. Какой-нибудь работникъ или работница, побывавъ въ Москвѣ въ подобномъ заведеніи и ознакомясь съ дѣломъ, возвращались на родину и полагали начало уже кустарному производству издѣлій, выдѣлкою которыхъ до тѣхъ поръ занимались лишь московскіе ремесленники. Такъ, напр., возникли стеклярусный промыселъ въ Подольскомъ и золотошвейный въ Звенигородскомъ уѣздахъ. Самая близость такого обширнаго рынка для сбыта издѣлій, какъ Москва, не могла не вызвать нѣкоторыхъ видовъ кустарныхъ промысловъ. Напр., въ Москвѣ



Видъ на Никольскую улицу и Синодальную типографію.

существуетъ спросъ на недорогую мебель,—и подмосковные крестьяне снабжаютъ ею московскіе рынки и магазины.

Итакъ, промышленное значеніе Москвы выразилось не только въ громадномъ оборотѣ ея фабрикъ и заводовъ, но и во вліяніи на общій ходъ промышленныхъ дѣлъ страны и на возникновеніе нѣкоторыхъ кустарныхъ промысловъ.

Въ сферѣ чисто-торговой дѣятельности Москва также съ давнихъ поръ играетъ крупную роль. Географическое ея положеніе опредѣляло ея назначеніе какъ центра торговой жизни. Еще за долго до возникновенія фабрикъ и заводовъ Москва производила значительныя торговыя сношенія. Типъ московскаго купца, со всѣми его достоинствами и недостатками, сложился уже давно. Онъ былъ прекрасно обрисованъ Костомаровымъ. Хитрость и изворотливость со-

ставляли присущія качества московскаго торговца, и само правительство, зная эти качества, возлагало иной разъ на купцовъ дипломатическія порученія. У иностранцевъ московскіе купцы слыли за большихъ плутовъ, съ которыми нужно держать ухо востро. Обычай запрашивать и торговаться составлялъ искони характерную черту московскаго торговца. Если вещь стоила рубль, то купецъ заламывалъ за нее 10. Божиться въ торговлѣ было ни по чемъ; многіе даже замѣчали, что чѣмъ больше московскій купецъ божится, тѣмъ меньше слѣдуетъ ему довѣрять. Такія черты характера выработались подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій торговли. Купецъ старался нажить деньгу такъ или сякъ, не стѣсняясь въ выборѣ средствъ, потому что вести торговлю было очень трудно. Приходилось нести большіе убытки отъ неудобства путей сообщенія, грабежей, разбоевъ, притѣсненія властей. За границу купецъ могъ проникнуть съ своими товарами только при порукахъ и особомъ разрѣшеніи. Выѣздъ изъ Россіи безъ соблю-



Видъ на Кузнецкій мостъ.

денія этихъ правилъ влекъ за собою конфискацію имущества. Всѣ эти условія способствовали развитію въ купеческомъ классѣ хитрости и плутовства. Характерныя черты стариннаго московскаго купца унаслѣдовали и его потомки.

Теперь крупный московскій предприниматель въ своихъ операціяхъ не ограничивается крайнимъ разумѣніемъ и русскою смекалкою, но призываетъ на помощь знаніе. Все это усиливаетъ и укрѣпляетъ значеніе московской промышленности. Съ другой стороны, этому усиленію даетъ средство развитіе способовъ торгово-промышленной дѣятельности въ формѣ желѣзныхъ дорогъ, банковыхъ и другихъ подобныхъ учрежденій. Естественно, что если уже въ прежнюю пору по размѣрамъ своей мануфактурной промышленности и торговой дѣятельности Москва играла важную роль въ странѣ, то съ созданіемъ новыхъ орудій промышленности и торговли эта роль должна была усилиться.

Фабрично-заводская промышленность Москвы обнимаетъ собою самыя разнообразныя,

самыя разнохарактерныя отрасли. Многія изъ фабрикъ производятъ милліонные обороты. Уже средняя производительность каждой фабрики, превышающая 200,000 рубл., является весьма значительною. Въ прежнюю пору фабрики съ такимъ производствомъ были всѣ на перечетъ, теперь же онѣ являются представительницами средней продуктивности. Въ настоящее время не рѣдкость мануфактуры съ производствомъ на 3, на 5 и даже болѣе милліоновъ рублей. Онѣ чаще всего встрѣчаются между хлопчатобумажными.

Мы не будемъ входить въ подробное описаніе различныхъ отраслей фабрично-заводской промышленности Москвы, не станемъ равнымъ образомъ указывать и наиболѣе замѣчательныхъ по каждой изъ нихъ фабрикъ и заводовъ, такъ какъ наша задача состоитъ въ общей характеристикѣ промышленной жизни столицы. Мы отмѣтимъ здѣсь лишь тотъ фактъ, что, по отзывамъ спеціалистовъ, многія московскія мануфактуры, расширяя свое производство, достигли вмѣстѣ съ тѣмъ большихъ успѣховъ въ техникѣ. Издѣлія ихъ могутъ быть поставлены рядомъ съ извѣстными фабрикатами подобнаго же рода, выдѣлываемыми за границею. Нужно замѣтить, что такими успѣхами московская промышленность обязана преимущественно созданію у насъ въ послѣдніе годы значительнаго контингента русскихъ техниковъ. Въ этомъ отношеніи особенно существенную пользу принесло, кромѣ другихъ техническихъ школъ, мѣстное Императорское техническое училище на ряду съ Петербургскимъ Технологическимъ институтомъ.



Строгановское училище

Дѣйствительно, роль иностранныхъ техниковъ, присутствіе которыхъ на фабрикѣ служило прежде признакомъ, что фабрика стремится слѣдовать за новѣйшими техническими успѣхами, уменьшилась. И въ этомъ значительная заслуга принадлежитъ Московскому техническому училищу, поставленному вполнѣ на высоту тѣхъ задачъ, которымъ должны служить этого рода учебныя заведенія. Характеръ и пріемы обученія, какіе въ немъ установились, успѣли получить достаточную степень извѣстности не только въ Россіи, но и за ея предѣлами. Его знаменитыя, образцовыя коллекціи по обученію ремесламъ были премированы высшими наградами на всемірныхъ выставкахъ.

Не малую долю пользы, въ смыслѣ распространенія техническихъ знаній, приноситъ и устроенный въ 70-хъ годахъ Музей прикладныхъ знаній, съ его богатыми коллекціями. Здѣсь, въ общедоступной формѣ, спеціалисты знакомятъ посѣтителей съ успѣхами главныхъ производствъ.

Если, благодаря распространенію техническихъ знаній, русскій элементъ между техниками на фабрикахъ Москвы преобладаетъ, то рабочіе на нихъ исключительно уже русскіе. Но не слѣдуетъ думать, чтобъ это были преимущественно мѣстные, московскіе уроженцы. Изъ изслѣдованій фабрикъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ д-ра Пескова видно, что изъ уроженцевъ Московской губерніи комплектуются рабочіе главнымъ образомъ для тѣхъ занятій, которыя представляютъ наибольшую спеціальность и требуютъ болѣе навыка и умѣнья, а не одной только физической силы. Напротивъ, чѣмъ работы грубѣе и проще, тѣмъ онѣ чаще совершаются уроженцами другихъ губерній. Между занятіями, исполняемыми преимущественно уро-

женцами Московской губерніи, на первомъ планѣ стоятъ шелкоткацкое и набойное дѣло, затѣмъ гравированіе съ рисованіемъ—все это такого рода занятія, которыя представляются наиболѣе сложными и тонкими. Рабочими другихъ губерній выполняются болѣе простыя манипуляціи. Такимъ образомъ, рабочіе изъ москвичей являются представителями болѣе образованнаго фабричнаго элемента. Поэтому и численность ихъ ограниченнѣе, нежели численность пришлыхъ рабочихъ.

Нѣтъ основаній предполагать, что фабрики по другимъ отраслямъ производствъ представляютъ исключеніе. По всей вѣроятности, на нихъ мѣстный, московскій, и пришлый элементы играютъ точно такую же роль, какъ на фабрикахъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ.

Иное приходится сказать о положеніи рабочихъ. Мы любимъ декламировать о западныхъ буржуа, эксплуатирующихъ пролетарія, а попробуйте вы походить по московскимъ фабрикамъ и заводамъ, посмотрѣть, какъ содержатся рабочіе, гдѣ они спятъ, что ѣдятъ, въ какихъ от-



Промышленный музей.

ношеніяхъ настоящаго крѣпостничества находятся къ своимъ хозяевамъ, какъ они безпомощны всегда, когда имъ приходится слишкомъ уже круто и они осмѣливаются сдѣлать что-нибудь въ родѣ не то, что уже стачки, а заявленія сообща. Только на нѣсколькихъ фабрикахъ (онѣ всѣ на перечетъ!) существуютъ необходимыя гигіеническія условія и въ тѣхъ помѣщеніяхъ, гдѣ происходитъ работа, и въ такъ называемыхъ казармахъ, гдѣ живутъ рабочіе, а остальное все въ грязи, въ тѣснотѣ, безъ всякихъ приспособленій, не то что уже для человѣческаго существованія, а даже и на случай пожара.

Кромѣ обширной фабрикаціи, въ Москвѣ сильно распространена ремесленная промышленность. Огромное населеніе столицы нуждается въ разнообразныхъ принадлежностяхъ домашней обстановки, въ одеждѣ, обуви и т. п. предметахъ, потребность въ которыхъ удовлетворяется мѣстными ремесленниками и частью кустарями. Опредѣлить цифрами производительность ремесленнаго труда въ Москвѣ нѣтъ никакой возможности за отсутствіемъ необходимаго для

этого матеріала. Если кустарная промышленность Московской губерніи въ главныхъ ея отрасляхъ изслѣдована до мельчайшихъ подробностей, то ремесленная не останавливала на себѣ



Старый рынокъ въ Москвѣ.

вниманія мѣстныхъ статистиковъ и экономистовъ.

Подобно тому, какъ производящая промышленность Москвы распадается на двѣ вѣтви: крупную, фабрично-заводскую, обороты которой простираются на милліоны рублей, и мелкую, ремесленную,—и промышленность торговая представляетъ двѣ подобныя же вѣтви. Крупная торговля Москвы далеко оставляетъ за собою обороты фабрично-заводской промышленности столицы и ея уѣзда. Эта понятно. Торговля Москвы обнимаетъ собою сбытъ и покупку не только мѣстныхъ продуктовъ, но и продуктовъ другихъ частей Россіи и иностранныхъ государствъ. Она охватываетъ собою всю огромную территорію страны. Вліяніе ея сказывается и въ далекой Сибири, и на Кавказѣ, и на югѣ и западѣ Европейской Россіи. Поэтому торговые обороты Москвы далеко оставляютъ за собою обороты Петербурга. При обширности торговыхъ оборотовъ Москва теперь, какъ и прежде, является представительницею національно-русской торговли. Въ Петербургѣ большое значеніе въ торговомъ отношеніи имѣетъ иностран-

ный элементъ, тогда какъ въ Москвѣ роль послѣдняго стушевывается передъ чисто-русскими торговыми фирмами.

Самый внѣшній видъ города свидѣтельствуетъ объ обширности его торговыхъ оборотовъ. Обиліе магазиновъ, рынковъ, амбаровъ, движеніе по улицамъ обозовъ, розвальней, телѣгъ и разношерстнаго торговаго люда бросается въ глаза съ перваго взгляда. Люди «либеральныхъ профессій» какъ-то исчезаютъ въ массѣ представителей торговаго и промышленнаго міра, попадающихся на улицахъ Москвы на каждомъ шагу. Недаромъ Москву нѣкоторые называютъ мужицко-купеческимъ городомъ.

Главнымъ средоточіемъ торговой жизни столицы служитъ *Китай-городъ* съ прилегающими



Рынокъ въ Москвѣ.

къ нему мѣстностями. Китай-городъ небезосновательно сравниваютъ съ лондонскимъ Сити по кипящей въ немъ жизни. Конечно, это «Сити» отличается чисто-московскимъ характеромъ. Пойдите въ «городъ» въ бойкій часъ. Три улицы города: Никольская, Ильинка и Варварка гораздо своеобразнѣе и колоритнѣе, чѣмъ, напримѣръ, петербургскій Гостиный дворъ или мѣстности Васильевскаго Острова около голландской биржи. Даже и сравнивать нельзя. Вы тутъ чувствуете и видите сгущеніе огромной промышленности и торговой жизни. Улицы складывались историческимъ путемъ, новое перемѣшивалось со старымъ. Рядомъ съ моднымъ отелемъ стоитъ зданіе XVII вѣка, а тамъ выглядываетъ какая-нибудь свѣтлозеленая или яркокрасная церковь, съ завитушками и зубцами своихъ главокъ. Тутъ же расположены торговые ряды, биржа, разныя банковыя учрежденія и неизбѣжные въ торговыхъ операціяхъ москвичей

трактиры. Въ трактирахъ, за чаемъ, выпивкой и закуской, по старому московскому обычаю, дѣлаются громадныя дѣла, затѣваются милліонныя предпріятія.

Являясь главнымъ средоточіемъ торговой жизни Москвы, Китай-городъ и состоитъ преимущественно изъ зданій, приспособленныхъ для торговыхъ помѣщеній. На торговыя помѣщенія здѣсь приходится 171%. Жилыхъ же зданій тутъ очень мало. Поэтому, послѣ дневного оживленія, съ наступленіемъ вечера, Китай-городъ пустѣетъ и въ немъ водворяется тишина.

Кругомъ Китай-города раскинулся такъ называемый Бѣлый городъ. Этотъ городъ, состоящій изъ двухъ частей, пересѣкается идущими отъ Китай-города, какъ центра, въ видѣ радіусовъ, улицами — Моросейкой, Покровкой, Лубянкой, Петровкой, Дмитровкой, Тверской, Никитской, Воздвиженкой. Улицы эти, прорѣзывающія городъ по главнымъ направленіямъ или направляющіяся къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ, служатъ также средоточіемъ бойкой торговой жизни. Тянущіеся вдоль нихъ дома покрыты вывѣсками; нижніе этажи этихъ домовъ заняты почти всюду магазинами, а верхніе приспособлены для гостиницъ и меблированныхъ комнатъ, конторъ и др. подобныхъ учрежденій. Изъ рынковъ, находящихся въ Бѣломъ городѣ, особенною славою пользуется «Охотный рядъ». Это старое, полуразрушившееся зданіе, все еще ожидающее перестройки, представляетъ главный съѣстной рынокъ въ столицѣ и вмѣщаетъ въ себѣ продукты всѣхъ сортовъ и качествъ. Милліонные обороты свидѣтельствуютъ о богатствѣ этого единственнаго въ своемъ родѣ торговаго центра.

Л. П. Весинъ.

ОЧЕРКЪ XII.

МОСКВА ВЪ ЕЯ СОВРЕМЕННОМЪ ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ СОСТОЯНІИ.

Размѣры Москвы по площади и числу жителей. — Количество торгово-промышленныхъ заведеній и распредѣленіе ихъ по родамъ производительности. — Москва, какъ узелъ рельсовыхъ путей; перевозка грузовъ и пассажировъ. — Банки и ихъ обороты. — Ссудныя кассы, ломбарды и другія учрежденія мелкаго кредита. — Сообщеніе внутри Москвы.

Здѣсь чудо-барскія палаты,
Съ гербомъ, гдѣ вѣнчанъ знатный родъ,
Вблизи—на курьихъ ножкахъ хаты
И съ огурцами огородъ.
Поэзія съ торговлей рядомъ:
Ворвался Манчестеръ въ Царьградъ,
Паровики дымятся смрадомъ,
Рай нѣги и рабочій адъ.

КН. П. ВЯЗЕМСКІЙ.

Въ настоящее время древняя русская столица — Москва занимаетъ площадь (въ предѣлахъ Камеръ-Коллежскаго вала) почти въ полтора раза менѣе Петербурга и нѣсколько менѣе Парижа. Изъ крупнѣйшихъ же западно-европейскихъ столицъ только Берлинъ и Вѣна меньше Москвы по площади. Площадь-же Лондона чуть не въ четыре съ половиною раза превышаетъ площадь Москвы.

Къ началу 1896 года въ Москвѣ числилось 1.037,000 человѣкъ, при чемъ мужчинъ было около 57,4 процента, женщинъ — 42,6 процента, такъ что на 100 женщинъ приходилось около 135 мужчинъ. Населеніе въ рабочихъ возрастахъ (15—60 лѣтъ) составляетъ до 75 процентовъ,—что само собою указываетъ на значительный приливъ въ Москву рабочихъ.

Торгово-промышленныхъ заведеній въ Москвѣ болѣе 25,300. Изъ нихъ 9,818 — исключительно промышленныя заведенія, съ 122,445 рабочими, изъ которыхъ 1,806 приказчиковъ. Остальные-же 15,481 заведенія—торговыя, съ 10,893 приказчиками.

Въ виду той выдающейся роли, которую играетъ Москва во всей вообще отечественной нашей промышленности, заслуживаетъ особеннаго вниманія слѣдующее распредѣленіе промышленныхъ заведеній по спеціальностямъ производствъ.

Обработкою волокнистыхъ веществъ занимается 753 заведенія, съ 35,692 рабочими. Производствомъ одежды, обуви и вообще предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ опрятности, занято 3,815 заведеній, съ 22,391 рабоч.; обработкою металловъ — 1,076 заведеній, съ 10,915 рабоч., строительною промышленностью — 814 завед., съ 10,760 рабочими.; производствомъ

съѣстныхъ припасовъ—654 завед., съ 9,911 рабоч.; обработкою дерева—881 завед., съ 8,261 рабоч.; производствомъ машинъ, орудій и т. под.—577 завед., съ 7,756 рабоч.; писчебумажнымъ и кожевеннымъ производствами—609 завед., съ 7,522 рабоч.; полиграфическими искусствами—181 завед., съ 2,497 рабоч.; химическими производствами—161 завед., съ 1,819 рабочими; производствомъ освѣтительныхъ матеріаловъ, жировъ, смолъ и проч. — 68 завед., съ 1,671 рабоч.; обработкою камней и земель — 65 завед., съ 1,309 рабоч.; художественными промыслами — 136 учрежденій, съ 801 работающимъ; скотоводствомъ и садоводствомъ — 28 учрежденій, съ 133 рабочими.

Изъ первой группы промышленныхъ заведеній наибольшее количество приходится на



Городскіе ряды на Красной площади.

ткацкія фабрики, которыхъ имѣется 265, съ 20,327 рабочими. Затѣмъ слѣдуютъ производства: окрасокъ и отдѣлокъ—166 фабрикъ; вязанье, вышиванье и плетенье—139 фабрикъ; выдѣлка бахромы и парчи — 131 и проч.

Обращаясь къ торговымъ заведеніямъ, находимъ: а) *магазиновъ* колоніальныхъ и съѣстныхъ товаровъ и напитковъ—3,708; мануфактурныхъ товаровъ — 1,506; мелочныхъ и галантерейныхъ товаровъ—1,451; вина, пива и меда—863; строительныхъ матеріаловъ и топлива—863; б) *лавокъ:* москательныхъ—238, кожевенныхъ—207, торгующихъ платьемъ — 192, посудою—188, канцелярскими принадлежностями—164; в) трактировъ—574, г) пивныхъ лавокъ—428; д) постоялыхъ дворовъ и подворій — 340; е) меблированныхъ комнатъ — 211; ж) съѣстныхъ лавокъ—187; з) буфетовъ—20; и) ренсковыхъ погребовъ — 498, и винныхъ лавокъ —

439; і) извознаго дѣла: ломового извоза—283 заведенія, легкового—278 заведеній, и спеціальныхъ заведеній для перевозки мебели—91.

Изъ всѣхъ производствъ въ Москвѣ, какъ по общему количеству рабочихъ, такъ и по среднему размѣру заведеній (около 47 рабочихъ въ одномъ заведеніи), безусловно первое мѣсто занимаетъ обработка волокнистыхъ веществъ. Въ общемъ же, въ Москвѣ сильно преобладаютъ промышленныя заведенія мелкаго типа. Заведеній, напримѣръ, съ 16 и менѣе рабочими насчитывается болѣе девяти десятыхъ; заведеній-же самыхъ большихъ (съ 50-ью, напримѣръ, рабочими) было въ Москвѣ лишь около 2,2 процента (то-есть около 210 заведеній).

Всего промышленныхъ заведеній считается въ Москвѣ около 9,800, съ ежегоднымъ ва-



Внутренній видъ Городскихъ новыхъ рядовъ.

ловымъ оборотомъ около 200.000,000 рублей, что составляетъ по 1,716 рубл. на 1-го рабочаго. Торговыхъ-же заведеній числится въ Москвѣ 15,480, съ валовымъ оборотомъ около *двухъ милліардовъ* въ годъ.

Москва представляетъ собою узелъ 6-ти желѣзныхъ дорогъ: Николаевской, Московско-курской, -брестской, -нижегородской, -казанской и Московско-ярославской. Эти дороги стягиваютъ къ Москвѣ произведенія разныхъ родовъ и видовъ, въ количествѣ около 207 милліоновъ пудовъ, буквально со всѣхъ концовъ Россіи, въ чемъ имъ не мало помогаетъ и рѣка Москва, по которой провозится свыше 16-ти милліоновъ пудовъ разнаго рода сельско-хозяйственныхъ продуктовъ.

Москва также притягиваетъ къ себѣ и значительное количество иностранныхъ товаровъ.

По размѣру уплачиваемыхъ пошлинъ, московская таможня занимаетъ первое мѣсто среди русскихъ таможенныхъ учрежденій. Бо̀льшая часть привозимыхъ въ Москву предметовъ остается для ея же потребленія; но нѣкоторые предметы, преимущественно въ переработанномъ видѣ, поступаютъ и на внутренніе рынки.

Всего изъ Москвы вывозится товаровъ около 44.000,000 пудовъ, въ томъ числѣ по Москвѣ-рѣкѣ только 160,000 пудовъ, все же остальное количество—по желѣзнымъ дорогамъ. Въ теченіе года въ Москву прибываетъ, по желѣзнымъ дорогамъ, около 3.000,000 пассажировъ, а выбываетъ болѣе 3,300,000.

Всѣ эти данныя о движеніи пассажировъ и грузовъ въ недалекомъ будущемъ должны подвергнуться большимъ измѣненіямъ, въ смыслѣ громаднаго численнаго возрастанія, подъ вліяніемъ *круговой* московской желѣзной дороги, осуществленіе которой теперь уже можно считать несомнѣннымъ въ непродолжительномъ времени. Это придастъ Москвѣ положеніе и значеніе одного изъ самыхъ сильныхъ и вліятельныхъ въ торгово-промышленномъ отношеніи городовъ въ мірѣ.

Понятно, что столь значительная дѣятельность въ промышленной и торговой областяхъ требуетъ значительнаго развитія кредита,—и Москва проявляетъ свою дѣятельность въ этомъ отношеніи далеко за предѣлами города. Въ Москвѣ 12 банковъ и 20 банкирскихъ конторъ. По размѣрамъ кредитныхъ операцій, наиболѣе крупными оказываются слѣдующія банковыя учрежденія: московская контора Государственнаго банка; частные банки: купеческій, торговый, учетный и международный коммерческій; купеческое общество взаимнаго кредита и отдѣленіе волжско-камскаго банка. Капиталы этихъ семи банковыхъ учрежденій равняются 23.748,000 рублей; въ отдѣльности-же купеческій и торговый банки располагаютъ капиталами по 5.000,000 рубл., общество взаимнаго кредита—4.248,000 рубл., контора государственнаго банка и учетный банкъ—по 4.000,000 рублей. Операціи всѣхъ этихъ банковыхъ учрежденій достигаютъ обыкновенно громадныхъ размѣровъ, какъ, напримѣръ: текущій счетъ — около 863.656,000 рубл.; вклады — 93.525,000 рублей; слѣдовательно, общій приходъ денежныхъ суммъ — до 957.181,000 рублей.

Перечисленные московскіе банки, въ виду значительнаго прилива денежныхъ средствъ, въ широкихъ размѣрахъ производятъ учетъ векселей, почти исключительно торговыхъ, и выдаютъ ссуды подъ процентныя бумаги, подъ товары, покупаютъ и продаютъ бумаги, иностранные векселя, тратты и золото. Въ годъ учитывается векселей всѣми банками не менѣе, какъ на 170.598,000 рублей, выдается ссудъ подъ бумаги, вклады и товары—не менѣе 258.359,000 рублей, покупаютъ процентныхъ бумагъ, векселей, траттъ и золота — не менѣе, какъ на 145.050,000 рублей.

Въ конечномъ результатѣ, московскіе банки получаютъ весьма значительные барыши, такъ что чистая прибыль за годъ обыкновенно не менѣе 3.046,000 рублей, которая, въ распредѣленіи по банкамъ, составляетъ отъ 922,000 рублей (въ купеческомъ банкѣ) до 242,000 рублей (въ учетномъ банкѣ).

Значительная часть населенія Москвы состоитъ преимущественно изъ трудового населенія, а потому потребность въ мелкомъ краткосрочнымъ кредитѣ чрезвычайно велика. Эта потребность до послѣдняго времени удовлетворялась почти исключительно ссудными кассами, которыхъ до 1890 года было около 50-ти, а къ 1892 году сократилось до 30-ти. Частныя ссудныя кассы обыкновенно берутъ за ссуды около 60%, и только нѣкоторыя кассы взимаютъ за ссуды по 36% — 48%. Несмотря на столь высокій процентъ, спросъ на ссуды очень великъ, и онѣ популярны въ населеніи, вслѣдствіе крайней ихъ общедоступности и возможности заложить всякую вещь, хотя бы она стоила не дороже 50 коп.

Кромѣ этихъ кассъ, ссуды подъ залогъ выдаются: «Товариществомъ для ссудъ подъ закладъ движимаго имущества» (5-ть отдѣленій въ разныхъ частяхъ города) и «Обществомъ

кредита подъ залогъ движимаго имущества» (3 отдѣленія). Оба эти отдѣленія взимаютъ за ссуду и храненіе 18% въ годъ.

Наконецъ, къ числу учрежденій мелкаго кредита относятся также: частный ломбардъ и правительственная ссудная казна. Послѣдняя, впрочемъ, выдаетъ ссуды исключительно подъ залогъ драгоцѣнныхъ вещей.

Между перечисленными учрежденіями мелкаго кредита первое мѣсто занимаютъ ссудныя кассы, годичный размѣръ ссудъ которыхъ составляетъ около 8.000,000 рублей, при 1,300 залоговъ. Минимальный-же размѣръ годичныхъ ссудъ составляетъ 1.459,000 (въ частномъ ломбардѣ). Средній размѣръ ссуды составляли: въ ссудныхъ кассахъ — 6-7 рублей, въ Товариществѣ — 23 рубля, въ Обществѣ—20 рублей и въ ссудной казнѣ—149 рублей.

Московскою думою постановлено открыть городской ломбардъ, для чего выработанъ уже и уставъ.

По залогу-же недвижимыхъ имуществъ, въ Москвѣ дѣйствуютъ слѣдующія кредитныя учрежденія: московское городское кредитное общество и банки: московскій земельный и с.-петербургско-тульскій. Въ среднемъ расчетѣ, въ трехъ этихъ учрежденіяхъ ежегодно состоитъ въ залогѣ около 6,227 имуществъ, оцѣненныхъ въ 315.383,540 рублей, подъ которыя выдано 235.069.900 рублей.

Въ такомъ обширномъ городѣ, какъ Москва, со столь развитою торгово-промышленною дѣятельностью, особенную важность представляетъ сообщеніе внутри города. Хотя московскія улицы обыкновенно и не отличаются особеннымъ оживленіемъ, но, въ виду обширности города, движеніе въ немъ, въ общемъ, весьма значительно. Извозчиковъ около 15,000. Но, помимо ѣзды въ экипажахъ, въ Москвѣ сильно развито передвиженіе при помощи конно-желѣзныхъ дорогъ, которыя принадлежатъ двумъ обществамъ: первому и акціонерному — бельгійскому. Съ 1891 года оба общества эксплоатируютъ дорогу совмѣстно. Общее протяженіе желѣзно-конныхъ дорогъ составляетъ около 90 верстъ. Пассажировъ въ годъ переѣзжаетъ около 44 милліоновъ человѣкъ. Валовой доходъ составляетъ 1.952,000 рублей, расходъ — 1.827,000, чистая прибыль 125,000 рублей въ годъ. Движеніе происходитъ посредствомъ конной тяги; паровая-же тяга практикуется только на двухъ загородныхъ линіяхъ.

Вслѣдствіе мелководья Москвы-рѣки, пароходнаго сообщенія внутри города вовсе нѣтъ. Сообщеніе на пароходѣ производится, въ крайне ограниченныхъ размѣрахъ, съ начала іюня, по Обводному каналу и Москвѣ-рѣкѣ, выше Бабье-горской плотины, между городомъ и Воробьевыми горами, этимъ излюбленнымъ мѣстомъ гулянья москвичей.

Вообще же необходимо замѣтить, что охарактеризованный выше ростъ Москвы въ торгово-промышленномъ отношеніи вызываетъ и обусловливаетъ собою общій ростъ города во всѣхъ отношеніяхъ. Москва, особенно-же въ послѣднее десятилѣтіе, замѣчательно быстро перестраивается и вообще улучшается во всѣхъ отношеніяхъ.

М. Песковскій.

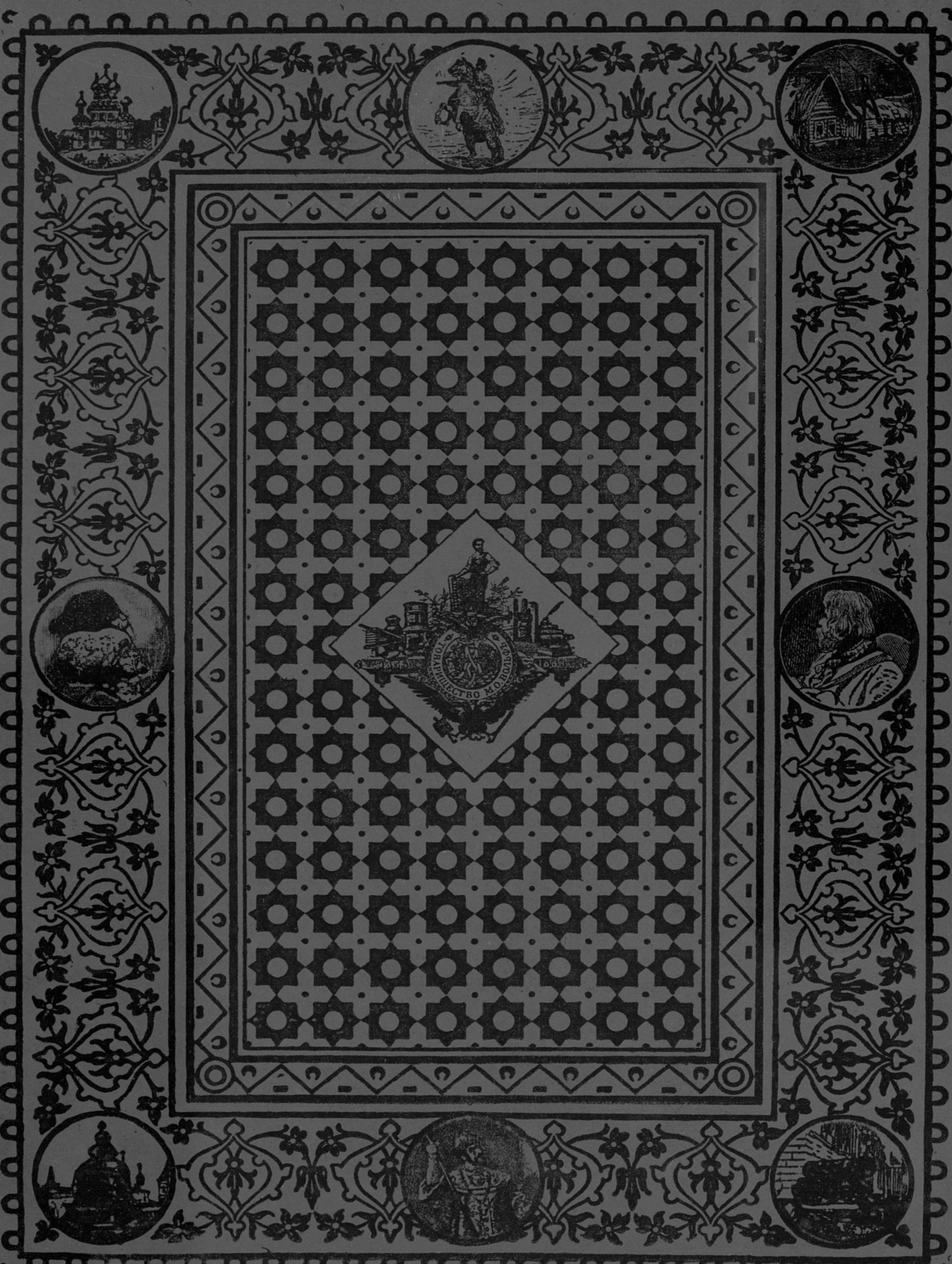
ОГЛАВЛЕНІЕ

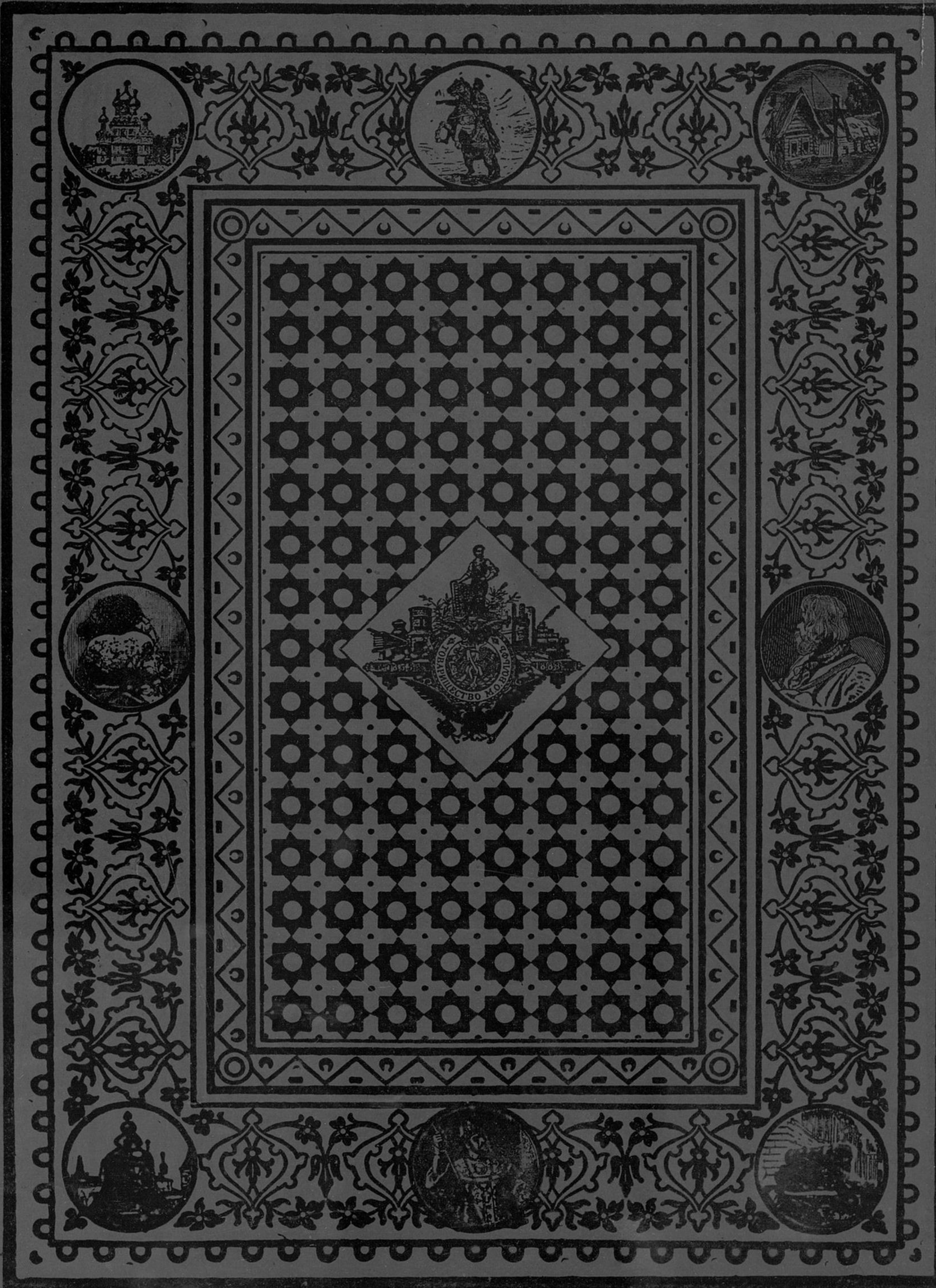
ТОМЪ VI-й.

ЧАСТЬ I.

МОСКВА.

стр.


ТОВАРИЩЕСТВО М.О. ВОЛЬФЪ


ТОВАРИЩЕСТВО М.О.ВОЛЬФЪ
1883

ГПБ Русский фонд
134
356-6-1

БЕЗПЛАТНОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «НОВЬ» НА 1898 ГОДЪ

№ 1-6. НОЯБРЬ ПО АПРѢЛЪ

Паровая переплетная товарищества М. О. Вольфъ.